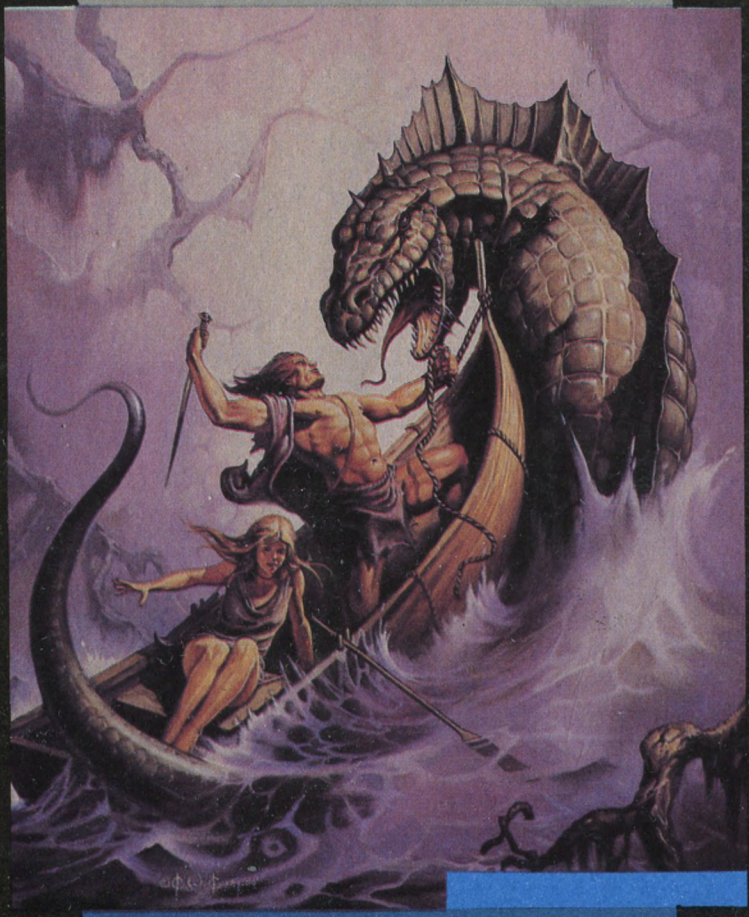
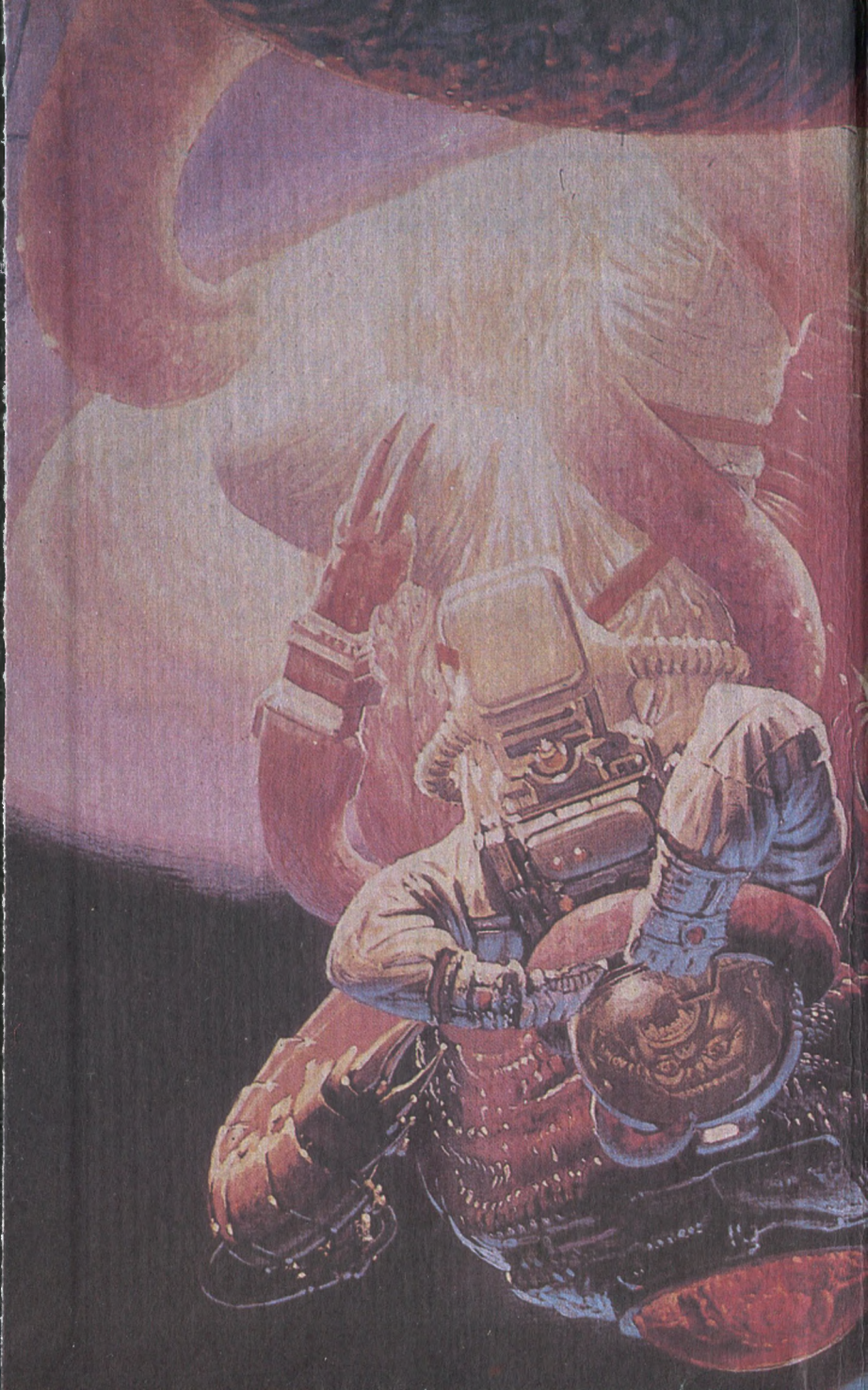
МИРЫ ФОСТЕРА

МИРЫ ФОСТЕРА





ALAN DEAN FOSTER

selected stories

VOL VII

DAMNED

THE FALSE MIRROR

THE SPOILS OF WAR

«KLUCH»
SMOLENSK
1994

АЛАН ДИН ФОСТЕР

избранные произведения

ТОМ VII

ПРОКЛЯТЫЕ

ФАЛЬШИВОЕ ЗЕРКАЛО

ВОЕННЫЕ ТРОФЕИ

«КЛЮЧ»
СМОЛЕНСК
1994

ББК 84. 7 США
Ф 47
УДК 820(73)-31

Печатается по изданию:
Фостер А. Проклятые: кн. 2.
Смоленск: Русич, 1994

Перевод с английского *ИПП «AMEX Ltd»*

Художник *А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков*

Публикуется с разрешения автора и его литературного агента. Любые другие публикации настоящего произведения в любой форме, в целом или частями являются противоправными и преследуются по закону.

Фостер А.

Ф47 Миры Фостера: Избранные произведения. В 7 т. Т. 7 / Пер. с англ. ИПП «AMEX Ltd»; Худож. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков.— Смоленск: Ключ, 1994.—576 с.

ISBN 5-631-00023-7.

В книгу вошли завершающие два романа галактической эпопеи знаменитого американского фантаста, автора всемирно известного сериала «Звездные войны». Трилогия «Проклятые» — это разработка темы «войны будущего» на качественно новом уровне.

...Изуверская цивилизация амплитуров постепенно покоряет Галактику. Не способные дать ей отпор, миролюбивые расы обращаются за помощью к Земле. Постепенно наемники с Земли становятся основной ударной силой, противоборствующей агрессору. Амплитуры начинают борьбу с землянами наиболее страшным — генетическим оружием.

Ф 4703040100 **ББК 84. 7 США**

ISBN 5-631-00023-7 (т. 7)
ISBN 5-631-00022-9

© by A. Foster, 1991
© Перевод. ИПП «AMEX Ltd», 1993
© Оформление. А. А. Шуплецов, А. О. Макаренков, 1994

Глава 1

К тому времени, когда ему исполнилось двенадцать лет, Раньи уже знал, что ему нравится убивать. Родители всячески поощряли его в этом.

К времени Испытаний, к четырем годам его опыта, образования и зрелости добавились еще рост, вес и сила. К его способностям добавились уверенность, надежность, которые импонировали и которыми восхищались другие солдаты, — ученики из его возрастной группы.

Среди них не было ревности, это чувство было характерно для массы монстров, пришедших с единственной целью, — разрушить цивилизацию. Да и зачем кому-то ревновать его? Разве они стремились не к одному и тому же свершению, разве с энтузиазмом не добивались одной и той же цели? Достижения, которых добились друзья, вызывали всеобщее одобрение, а не зависть. Да и разве можно завидовать, что солдат, рядом с которым ты сражаешься, лучше владеет мастерством боя?

Поэтому каждый ученик стремился превзойти своего соперника или соперницу, подталкивая тем самым и их к большим достижениям.

Пока на сцену не прибыли монстры, цивилизация неуклонно распространялась по Космосу, туда, где когда-то был лишь хаос. Распространение это шло медленно, но результаты были неизменно положительны. Случавшиеся время от времени неудачи воспринимались спокойно и преодолевались, утерянное было влияние возвращалось.

Но тысячу или около того лет назад был встречен союз монстров, и все изменилось.

На некоторых из них было неприятно смотреть, уровень их интеллектуального развития был низок, но другие ничем не отличались от Раньи и ему подобных. Самые худшие особи монстров были непредсказуемы, дики и беспредельно веро-

ломны, в то же время они были чудовищно умны, что делало их крайне опасными на поле боя.

С такими представителями в своем авангарде союз монстров наносил значительный ущерб цивилизации.

Однако их последнее наступление было остановлено, а ситуация стабилизирована. Вскоре цивилизованные народы уже начали было вытеснять их, спасая по мере продвижения несчастных, погруженных монстрами во мрак векового угнетения.

Раньи и его друзья знали, что это неизбежно. Их собственная подготовка и как солдат, и как цивилизованных граждан доказывала это. Какими бы сильными ни оказались силы хаоса, они никогда не сумеют победить силы цивилизации. Особенно теперь, когда в первые ряды защитников цивилизации выдвигались такие решительные бойцы, как Раньи-аар и его соратники.

И хотя в истинном обществе не оставалось места ревности, всегда находила понимание гордость. В группе пятнадцати-семнадцатилетних их команда неизменно оказывалась впереди. На самом деле, на всем Коссууте только еще одна команда достигала подобных же результатов, сравнимых с результатами команды Раньи. Это была группа из города Киззмаат, находившегося по другую сторону гор Массмари, рядом с тем местом, где сливались реки Нерсе и Джутула. Совсем недалеко, чтобы они вступили в дружеское соперничество. По мере того как они продолжали упражнения, готовясь к завершению учебы, обе группы легко набирали количество очков, необходимое для выхода в планетарный финал.

Его родители гордились достижениями своего сына и его друзей, достигаемые ими без особых усилий. Они всегда внимательно следили за достижениями сына. Их удовольствие приобретало особый оттенок еще и потому, что ни мать, ни отец Раньи не были солдатами. Отец Раньи работал на фабрике по выпуску компонентов нонотрона, а мать была педагогом. Конечно, ее педагогические способности облегчали успехи Раньи, как, впрочем, и успехи его младшего брата Сагио, и его сестренки Синзы.

Хоты ревность и была неизвестна среди учеников, все же было хорошо, что не во всем Раньи был лучшим. Его друг Бирачии-уун был сильнее, Коссинза-иив — значительно быс-

трее в беге. Раньи же сочетал в себе наилучшим образом качества, необходимые для воина и отраженные в его индивидуальной характеристике. Конечно, он был самым сообразительным из всех.

Хотя ему исполнилось лишь шестнадцать лет, его часто назначали лидером для выполнения важных упражнений. Такое было неслыханным фактом. Стратегические лидеры всегда избирались среди старших: как правило, среди семнадцати- и восемнадцатилетних. Полностью отдавая себе отчет в оказанной ему чести, он прекрасно справлялся с поручениями. Его напористость, решительность, плюс исключительные организаторские способности редко разочаровывали тех, кто верил в него. Все эти способности признавались и одобрялись равными ему.

Ему же собственные достижения доставляли удовольствие еще и потому, что вызывали одобрение родителей. Само по себе признание для него значило мало. Его интересовала лишь работа, он стремился выполнить ее наилучшим образом. Именно поэтому он с нетерпением ожидал предстоящий выпускной финал.

Пока он его не пройдет, всегда оставался шанс провалиться, не получить полный статус солдата. И даже такие же способные учащиеся, как Раньи, порой терпели провал и не выдерживали давления. Никаких дополнительных испытаний подобным учащимся не устраивалось. Их просто использовали в иных воинских подразделениях, где они могли использовать свои способности наилучшим образом.

Раньи был спокоен и готов к финалу. Он не собирался потерпеть провал. Он не мог провалиться. Он не просто хотел стать солдатом, как и все здоровые существа, но должен был стать солдатом. Он знал, чувствовал, что рожден для этого. Убивать и, вероятно, быть убитым, защищая цивилизацию. Сражаться с врагом по-настоящему, а не только в учебных боях.

Поэтому и к учебным боям он относился подобным образом. Он стремился убедить себя, что участвует не в обычных испытаниях, а защищает от монстров цивилизацию, своих друзей, свой мир, уничтожая чудовищ одного за другим.

Не говоря уж о том, что необходимо было отомстить за своих настоящих родителей.

Они, как и родители многих других учеников, погибли, когда монстры вторглись и уничтожили Хусилат. Он, его брат и его сестра были взяты на воспитание в Коссуут.

Он еще в младшем возрасте изучил историю этого события, и самые мельчайшие его подробности были как будто выжжены навечно в его памяти. Как обрушились монстры без предупреждения в своем неутолимом желании разрушать, уничтожить до основания любой след цивилизации. Как они опалили поверхность планеты так, что она стала непригодна для разумной жизни. Он с восхищением вспоминал, как несколько кораблей-челноков сквозь сплошной огонь врага достигали поверхности планеты и вывезли оттуда его самого и его сородичей на другие звездные корабли, как всех их доставили на относительно безопасный Коссуут.

Его учителя отложили объяснение истории до того времени, когда он станет достаточно взрослым, чтобы постигнуть, а может быть, и понять ее. Ему давали информацию лишь тогда, когда он об этом просил. По мере учебы он развивал в себе решимость, которая была ему присуща уже в подростковом возрасте.

На каждом испытании он держал перед собой ужасный образ уничтоженного Хусилата. Это добавляло решительности его усилиям, помогая ему подняться над теми своими товарищами, чьи истории были не менее трагичными.

Их было двадцать пять. Это же количество воинов насчитывала и боевая наступательная команда. Они тренировались и учились вместе с самого детства, нанося поражение одной школьной команде за другой. Теперь совсем близка была кульминация их неустанных усилий. Некоторые его друзья тревожились, некоторые испытывали неуверенность. Раньи весь горел от предчувствия испытания.

Неожиданно не осталось больше команд, которые необходимо было разбить, не осталось больше ослепленных собой противников, которых нужно было бы запугать и победить. Раньи и его друзья достигли пика свершений: планетарного финала для своей возрастной группы. Из сотен команд, вступивших в соревнование чтобы стать безусловными стратегическими победителями, на пути Раньи и его друзей стояла лишь команда из города Киззмаат. Загадочные, таинственные киззмааттане из-за гор Массмари. Команда эта проде-

монстрировала быстроту и умение, равное быстроте и умению Раньи и его друзей, в боях с соперниками.

Он не тревожился. Какими бы ни были боевые качества соперников, Раньи и его друзья всегда относились к ним серьезно. Эта предосторожность, как и многие иные их таланты, были переданы им их преподавателем и наставником.

Инструктор Коууад был ниже ростом, чем казался. Множество боев и полученный опыт делали его как будто выше ростом. В общем-то, назначать столь опытного бойца преподавателем к будущим бойцам было делом необычным. Когда Раньи и его товарищи стали достаточно взрослыми, чтобы это понимать, они осознали, насколько же им повезло иметь наставником Коууада.

Военная карьера Коууада была прервана страшным ранением, которое отказались излечить самые опытные врачи. Ходили слухи, что рана эта была нанесена ему в рукопашном бою с одним из самых ужасных монстров. Его коллеги-преподаватели испытывали восхищение в отношении бывшего бойца. Его репутация оказывала глубочайшее воздействие и на учеников.

Поговаривали, что учеба под началом столь выдающегося преподавателя давала ученикам Сиилпаана явное преимущество над другими их ровесниками. Но официальные власти отметали подобные протесты. В конце концов испытания предстояло пройти ученикам, а не учителю. Раньи со своими товарищами с удовольствием отдавали должное тому вкладу, которое внес в их обучение Коууад, пониамая, что ему обязаны своим успехом.

— Я предупреждаю вас теперь, — сказал им однажды утром почтенный солдат, когда они собрались на занятия. — До сих пор вы побеждали и обходили своих соперников. Но теперь вам предстоит не очередное учебное испытание. Это планетарный финал вашей возрастной группы. В течение нескольких дней вы можете себе обеспечить карьеру. И ученики из Киззмаата знают об этом. Вы также должны это хорошенько обдумать.

Запомните, что их характеристики столь же хороши, как и ваши. Их будет сложно одолеть. Я видел их в действии. Они жестче и изобретательнее, чем любая иная группа, с которыми вам приходилось сталкиваться до сих пор. — Коууад рас-

хаживал взад-вперед перед учебным экраном. — Не позволяйте предыдущим успехам вскружить вам голову. Все, чего вы достигли до сих пор, — история. Все ваши успехи в прошлом. Имеет значение лишь предстоящее состязание. Все остальное обратилось в прах. Это касается и учебного, и настоящего боев. Имейте в виду и следующее — я сейчас даю вам наставление, но и они получают подобные же советы. Они будут подготовлены к испытанию в равной степени. — Он остановился и гордо улыбнулся, кося глазами, которые видели слишком много смерти.

— Вы ответили на каждый вызов, который вам бросали. Вам осталось лишь состязание в своей группе на чемпионате Коссуута. Не забывайте, что за этим следует подлинное сражение с монстрами. Если вы запомните этот день, если подойдете к предстоящим состязаниям как к настоящим военным действиям, думаю, вы выйдете победителями. Осознайте, что вам предстоит биться не ради награды или ради удовлетворения своей гордости, но ради того, чтобы спасти цивилизацию.

На его лице показалась улыбка.

— Хотя брать призы, тоже хорошо. Запись о вашем испытании, и индивидуальном, и командном, останется навечно. И хорошо, чтобы эта запись была положительной.

— Не беспокойтесь, почтенный наставник, — сказал Биелон с энтузиазмом. — Мы намерены выиграть. — Ропот одобрения раздался вокруг.

— А каковы методы команды Киззмаата? — спросил кто-то с последнего ряда.

— Да, — сказал кто-то еще. — Насколько он отличается от того, с чем нам уже приходилось сталкиваться?

— В стратегическом отношении мы не знаем, чего ожидать, — объяснил Коууад. — Их тактика непредсказуема. В этом заключается одна из их сильных сторон, как, впрочем, и ваших. Они известны своей способностью к импровизации, своей быстротой и решительностью. Те, кто командует группами, должны будут нести на поле боя дополнительную нагрузку. Остальные должны безоговорочно подчиняться своим командирам. В этом состязании не будет места для длинных, оживленных тактических дебатов. Все будет происходить очень быстро. Команда Киззмаата действует быстро. — Он та-

жело поглядел на них. — Я рассчитываю, что вы окажетесь быстрее. — Довольно долго он молчал. — Это планетарный финал. Если вы проиграете, новых испытаний не будет. В поражени

и тоже не будет позора. Стать вторыми среди тысяч — величайшее из достижений.

— Мы не будем вторыми! — выкрикнул кто-то из задних рядов. Коууад слегка вскинул голову и улыбнулся.

— Вы уже превзошли достижения большинства своих ровесников. И хотя самая большая награда уже в досягаемости, об этом также не стоит забывать. — Он поглядел на хронометр. — Мне нечему больше вас научить. Я предлагаю всем идти по домам и как следует выспаться. Завтра утром мы отбываем на место, где будут проходить состязания — к подножию Джултасикских гор.

Приятели Раньи заговорили все разом. До сих пор им не говорили, где именно будут проходить состязания. Обеспечение этого секрета гарантировало, что ни одна из сторон тайком не сумеет изучить обстановку и не получит таким образом преимуществ перед противником.

Раньи был доволен. Джултасик — пересеченная местность, а он чувствовал себя увереннее в разнообразной обстановке.

— Как ты думаешь, какие у нас шансы? — спросил он той ночью своего отца. Они сидели за обеденным столом: отец и мать на противоположных углах, Раньи, его брат и его сестра у основания треугольника.

— Вы их убьете, выметете их вон. Как вы уже поступали с остальными. — Не имея никакого оружия, Сагио потряс прибором для еды. Раньи кинул на младшего брата снисходительный взгляд.

— Я хочу, чтобы вы сражались смело, дорогой, но и чтобы ты был осторожен. Я не хочу, чтобы тебя или кого-то из твоих друзей ранило. — Мать наполняла их стаканы свежим фруктовым соком. — Репутация команды из Киззмаата равна вашей. Они будут биться до последнего.

— Я знаю, мама.

— Вы им мозги выбьете, — Сагио пытался говорить и жевать пищу одновременно.

Раньи с любовью поглядел на брата. Сагио, когда вырастет, будет выше и сильнее своего брата. Но умнее он не станет.

Соответствующий тест это уже определил. Однако он все равно не опозорит их род.

Не их нынешнюю семью, подумал Раньи мрачно. А ту, которую безжалостно уничтожили монстры. Завтра они одержат верх. Все, что нужно сделать, это представить, что команда из Кизмаата — монстры.

— Мы победим, Сагио.

Подняв стакан, его отец сделал движение рукой:

— Никогда не переоценивай свои силы, Раньи. Никогда не надейся на то, что излишняя самоуверенность поможет тебе. Это может тебе дорого стоить во время боя. Мне все равно, выиграешь ты завтра или нет. Уже выход в финал является большим достижением. Но я не хочу, чтобы ты проиграл на настоящем поле битвы.

— Не беспокойся, отец. В бою против монстров я никогда не переоцениваю свои силы. — Он взялся за еду. — Удивительно, насколько монстры внешне похожи на нас. Я много раз садился и изучал картотеку, пытаясь понять, насколько они похожи на нас,пока наконец различие не стало для меня очевидным.

— Физическое сходство ничего не значит, — сказала мать мягко. Она тронула его лоб, затем грудь. — Вот здесь они радикально от нас отличаются, они запрограммированы, чтобы убивать, чтобы быть безжалостными, чтобы разрушать цивилизацию везде, где ее обнаружат. Они не умеют строить, они умеют лишь разрушать.

— Поэтому их необходимо остановить. — Отец вздохнул. — Если ты со своими соратниками сумеешь этому способствовать, ты завоюешь благодарность не только от нас, но и от иных цивилизаций.

— Раздери их в клочья, Раньи, — прорычал его брат.

— Я сделаю все, что смогу, — ответил Раньи.

— Ты всегда так делаешь. — Его мать повернулась к Синзе, которая начала хныкать и колотить руками по столу. Его сестра была сущим наказанием. Раньи внутренне улыбнулся. Когда она достигнет зрелости, то, вероятно, станет более жестким бойцом, чем он и его брат. Они трое станут гордостью своих приемных родителей, и не опозорят свой род.

Но сначала — финальные испытания. Завершение обучения, а потом только бой. Он мечтал о завтрашнем дне столь-

ко, сколько помнил себя. Он и Бирачии, и Коссинза, и все остальные. Теперь уже конечная цель совсем рядом. Только еще один вызов, на который нужно ответить, осталась только одна группа, которую нужно деморализовать и разбить наголову. Еще одна высота, которую нужно взять.

Он стал доедать остатки пищи. Он не был голоден, но знал, что горючее ему потребуется.

Все знали о Финальном Лабиринте. Если ты учишься, то как минимум раз в месяц о нем слышишь. Внешне он мало отличается от аналогичных лабиринтов на иных состязаниях. Конечно, будут перегородки. Отвесные, непрозрачные, ровные, непроницаемые керамические стены, возвышающиеся над головой самого высокого члена команды. Они делят лабиринт на коридоры и арены, проходы и колодцы. Каждая отдельная часть различается по размеру и форме от тех, которые следуют непосредственно за ней.

Лабиринт содержит различные виды местности, о которых заранее ничего не говорится. Те, кто пойдут через лабиринт, могут столкнуться с жаркой пустыней, замерзшей тундрой, влажными джунглями или обычным лесом. Лабиринт может оказаться наполненным водой, пресной или соленой. Кроме того, что им нужно биться с соперниками, командам придется немедленно приспосабливаться к любому месту и любой климатической обстановке, которую запрограммировали для полевых испытаний. Команда могла разбить своего вооруженного противника, использовав течение речного потока.

Лидер групп вел своих людей через Лабиринт с целью овладеть штабом своего противника и разбить его. Цели были ясны, но достигнуть их сложно.

Солнце стояло высоко, и лишь несколько облаков затеняли бледно-голубое небо. Дело, однако, было не в них. Внешние условия не имели никакого значения для лабиринта. Он вырабатывал собственную внутреннюю погоду. Раньи не обращал внимание на суету вокруг себя, он внимательно проверял свое оборудование. Специальный пистолет для учебных состязаний оставит ложную рану или даже вызовет «смерть» противника, если только луч его коснется. Во всех отношениях их вооружение было идентично настоящему военному. Разница заключалась лишь в том, что им нельзя было убить.

Хотя доступ на учебную территорию был ограничен, соб-

ралась изрядная толпа. Финал привлекал заинтересованных наблюдателей и репортеров со всего Коссуута. Членам семьи присутствовать запрещалось. Они должны были довольствоваться передачей репортажа по телевидению.

Отмечалось, что обе команды, вышедшие в финал, жили совсем недалеко друг от друга, но, тем не менее, еще ни разу не встречались. По какой-то странной прихоти расписания всех состязаний составлялись таким образом, что эти две команды поочередно бились с самыми различными противниками, и лишь теперь им предстояло испытать силу друг друга.

Продолжая свои приготовления, Раньи регулировал дыхание, стремясь поддерживать его ровным и медленным, используя для этого специальную биоконтролирующую технику, которой его обучили для регулирования уровня адреналина в крови. Никто ничего не говорил. Это была их последняя возможность погрузиться в свои мысли. Оказавшись в Лабиринте, им придется действовать в унисон, а все внимание должно быть сосредоточено на ближайших задачах.

В команде было двадцать пять человек. Четырнадцать юношей и одиннадцать девушек. На противоположной стороне двадцать молодых мужчин и женщин из города Киззмаат в этот же самый момент думали о том же самом, что и Раньи со своими друзьями. После состязания будет устроено празднество, прием, где победитель и проигравший встретятся в атмосфере искренней дружбы и веселья. Но до того как это произойдет, они сделают все от них зависящее, чтобы в учебном бою убить друг друга.

Мысли Раньи были заняты экозонами. Он надеялся, что Лабиринт не будет превращен в арктическую тундру. Тундра слишком облегчала их задачу. Негде было спрятаться, нет достаточного разнообразия. Ему бы больше подошли непроходимые джунгли. Или голый гранит. Хорошо бы, не было слишком много воды. Ему не нравилось сражаться мокрым.

Чтобы им ни встретилось, он и его друзья были готовы. Они прошли подготовку к бою в любых условиях.

Он был одним из пяти командиров. Бирачии был тоже командиром. Коссинза — третьим. Милая блондинка Гжян с окраин города — четвертым, а Кохмадду — пятым. Неповоротливая и медлительная, она обладала блестящим

умом и бесспорной храбростью и отвагой. Каким бы трудным не было состязание, ее отряд всегда одерживал победу.

Они были готовы к встрече с киззмааттанами. Все, что им оставалось сделать, — это войти и взять их.

ГЛАВА 2

Бледная заря оповестила о восходе солнца Коссуута, и осветила пять отрядов, включающих испытательные группы, собравшиеся для последнего собрания у Коууада.

— Нет смысла вам говорить о том, как я горд вашими достижениями. — Инструктор команды поглядел на них с отцовской снисходительностью. — Вы превзошли не только мои ожидания, но и ожидания своих родителей и соучеников. Я особенно доволен выступлением тех из вас, кто является выходцами из разрушенного Хусилата. Ваши достижения стоят значительно больше, потому что на ваши плечи легло значительно большее бремя. В скором времени вам будет предоставлена возможность найти компенсацию. Помните об этом, когда начнете испытания. — Он обвел их всех взглядом. — Пусть испытания станут для вас удачными, — сказал он наконец. — Пусть каждый проявит себя с лучшей стороны. Какими бы ни были результаты, я буду рядом с вами, когда все закончится.

Они ожидали в почтительном молчании, пока инструктор не закончил. Речь была выдержана в его характерном стиле: он был немногословен, говорил по существу, избегая цветистостей, к которым любили прибегать другие инструкторы. Это все неважно. Им не нужны красивые слова. Они учились. Раньи знал, что они не подведут своего старого воина.

Определенная доза помпезности и церемониальности была все-таки неизбежна, когда они прошли к южному входу в Лабиринт и им дали последние инструкции к предстоящим испытаниям. Где-то к северу от их внешней позиции располагался штаб команды из Киззмаата, двадцать пять человек, столь же жаждущих выиграть, как и они сами. Их разделяли непреодолимые керамические стены, делившие Лабиринт на многочисленные изгибы и площадки.

Раньи вполуха слушал торжественную речь официального представителя властей на предстоящих Испытаниях. Он и его соратники знали все правила наизусть. Они все уже собрались неподалеку от входа в Лабиринт, планируя предстоящие действия в ожидании противника, хотя и знали, что Испытания еще не начались.

Раньи был полон ожидания, все его мышцы напряглись, хотя он и отдавал себе отчет в том, что это лишь учебные занятия, подготовка к настоящему бою. Этот бой вскоре наступит. Но прежде всего необходимо пройти это финальное испытание. Это их последний бой, когда добытая слава будет не настоящей.

Когда официальное выступление закончилось, некоторые товарищи Раньи начали бег на месте, другие стали делать ритмическую гимнастику, чтобы расслабиться. Пятерка Коссинзы была особенно оживлена. Так как они были самыми быстрыми из всех отрядов, то получили задание выдвигаться первыми и нанести удар по штабу противника в надежде захватить кого-либо из защитников врасплох. Стратегия была рискованной, но они уже к ней прибегали. Чтобы она сработала, Коссинзе предстояло обнаружить кратчайший путь через Лабиринт — это станет начальным испытанием.

Остальная часть группы будет продвигаться более целенаправленно, осторожно, не ускоряя начало атаки. Безжалостность и настойчивость были их отличительной чертой, их естественным качеством, мудро вдохновляемым Коууадом. Что же касается Раньи, он считал, что оборона — уже сама по себе означает наполовину проигранные состязания.

Ни военная музыка, ни воющие сирены не объявили о начале Финальных Испытаний. Офицер просто сделал знак, командиры ответили ему аналогичными жестами. Молодые представители Сиилпаана вошли в Лабиринт, ведомые людьми Коссинзы.

Немедленно они разбились по отрядам. Двигаясь бегом, отряд Раньи пересек ворота, которые вывели их на мягко катящуюся пустыню. Сердце его упало, хотя температура начала тревожно подниматься. Ему не нравились бои в пустыне. Автоматически он и его коллеги произвели необходимые изменения в своем оборудовании и в своей одежде.

Маленькие песчинки отливали забытым цветом ржавчины,

создаваемым движущимися дюнами. Справа от них небольшое озерцо собралось в конце высохшей ложбины. Чуждо выглядевшие колючие растения были единственными видимыми представителями жизни на этом искусственном ландшафте. Раньи напомнил друзьям, чтобы они избегали этих растений. Лабиринт был таким же их противником, как и представители Киззмаата.

Команды Четыре и Два держались противоположных стен, а остальные три двигались вперед. Четвертый занял несколько более высокую позицию, чтобы прикрыть продвижение Второго, люди Раньи двигались по середине. Было непохоже, чтобы их противники уже так далеко продвинулись, но тем не менее, никто из Сиилпаана не рисковал. Команда из Киззмаата не пользовалась репутацией бездельников.

Отряд Раньи вошел в ложбину. Они использовали ложбину и ее меньший приток в качестве прикрытия. Раньи же думал, как далеко уже ушли люди Коссинзы. Они исчезли в другом коридоре Лабиринта. Он взглянул на коммуникатор, надетый на запястье, но не стал переориентировать его. Связь была позволена, но ее можно было осуществлять лишь в отдельно взятом отсеке Лабиринта. Разбив команду на группы, они получали больше возможностей для атаки, но уменьшали свои способности координировать стратегию и защищать собственный штаб. Самые решительно настроенные команды рисковали разбиваться на пять групп и как правило терпели поражение. Те же, кто оставался в постоянном составе, оказывался обойденным с флангов.

Сиилпаанам это было неважно. Они были готовы к чему угодно. Подобная тактическая гибкость лежала в основе цепи их успешных бооев.

Большую часть дня они шли по отсеку, представлявшему пустыню. Продвигались они быстро,но осторожно. Вечер преподнес им первый сюрприз.

Блестящие стены сузились, чтобы вывести их в промежуток между различными секциями. Над ними мерцала белизна. Но это не был гипс, но лишь лед и снег. Через ворота подул резкий ветер. Люди Раньи были вынуждены срочно внести необходимые изменения в свою одежду.

Когда они прошли через ворота, температура и видимость резко упали. Вокруг них взвились столбы снега. Чистое небо

пустыни, которую они только что пересекли, сменилось ветром и стремительно движущимися темными облаками.

Раньи улыбнулся сам себе. Обо всем этом он слышал раньше. Говорили, что им придется не только прокладывать путь через крайне недружелюбный Лабиринт, избегая естественных трудностей и ловушек, как и их противники. Им также придется приспосабливаться к окружающей среде, которая станет изменяться с каждым новым отделением Лабиринта. Это означало соответственно меняющуюся тактику. Такой вызов могли принять лишь самые изобретательные воины.

Среди прочего это означало и то, что они не могли заранее распределить свои запасы воды и пищи. Ведь могло случиться, что они проведут несколько дней в лесу, а затем в бесплодной тундре. Это все усложняло. В этом, собственно, и заключался замысел тех, кто проектировал Лабиринт.

Следующее отделение представляло собой более влажную и высокорасположенную пустыню.

Густая поросль изображала холмы с пышной растительностью. Среди низкорослых кустов шныряли какие-то существа. Неожиданный ливень застал их врасплох, все вымокли насквозь и стали несколько менее жизнерадостными, чем предыдущим утром.

Но до сих пор представители Киззмаата им не встретились.

Четвертый отряд был вне досягаемости, потому что они решили изучить другой отсек. Однако связь со Вторым отрядом Четвертый поддерживал. И опять Раньи подумал, где именно могут находиться сейчас люди Коссинзы и пожалел, что коммуникаторы не в состоянии проникнуть через керамические стены.

Затем сухой воздух наполнился движущимися лучами разноцветного света, и он стал слишком занят, выкрикивая приказы, чтобы задумываться о том, где находятся его коллеги.

Продираясь через густые заросли кустарника, он с восхищением подумал о том, насколько быстро передвигаются жители Киззмаата. Ему неоднократно говорили, что они движутся очень быстро, но обнаружить, что они так быстро вступили в игру, — стало своего рода шоком. По количеству огней определить, как много их было, — невозможно. Он лишь догадывался, что это был как минимум один полный

отряд, но не больше трех отрядов. Огни вспыхивали в поисках мишеней.

Быстрая проверка показала, что среди его людей было два «легко раненных» и ни одного «убитого». Они были в полной силе. Это означало, или что их противники никудышные стрелки, или то, что они тоже не ожидали так быстро наткнуться на «врага». Быстрая перекличка со Вторым Отрядом Бирачии показала, что и они тоже были в отличной форме. Раньи почувствовал себя лучше.

— Я думаю, наше появление для них стало неожиданностью, — голос Бирачии по коммуникатору звучал уверенно.

Раньи говорил прямо в микрофон.

— Взаимно. Не пытайся двигаться слишком быстро. Мы должны суметь поддержать друг друга.

— Понял. Как их много, по-твоему?

— От одного до двух отрядов.

— Согласен. Мы находимся за небольшим холмом. Я попытаюсь проложить дорогу на запад. Они станут ожидать нашего появления сверху.

— Не рассчитывай на это. С этими ребятами нельзя быть ни в чем увренным. Будьте начеку.

Бирачии что-то прорычал, Раньи и его товарищи заулыбались.

— Они не теряли времени. — Турмаст-ейр использовал специальные линзы, чтобы попытаться проникнуть взглядом через заросли кустарника. — Клянусь своими предками, они движутся очень быстро.

— К счастью, они того же мнения о нас, — сказал кто-то. Он держал пистолет двумя руками. — Возможно, они выйдут прямо на нашу линию огня.

— Интересно, они прошли большую часть Лабиринта или нет? — заметил четвертый член команды.

Его люди не должны так думать.

— Никто не покрывает расстояния так быстро, как Сиилпаан, — резко сказал Раньи. Неважно, что он сам так не думает. Важно, чтобы его люди так думали.

— Верно, — пробормотал Турмаст-ейр. Он пополз на животе направо. — Попытаемся обойти их с тыла.

— Нет, — Раньи удержал товарища за ногу. — Первое, че-

го они станут ожидать в данной ситуации, — обходной маневр. Они готовы к этому.

— Неважно, нужно просто двигаться быстрее, — заметил Веенноон.

— Но если нам не удастся, тогда испытание для нашего отряда на этом заканчивается. Ты готов этим рискнуть, Веенн? — старший юноша молча согласился.

— Что ты задумал, Раньи?

— У них репутация отличных бойцов. Я думал об этом с тех пор, как нам сказали, что мы встречаемся с ними в финале. С ними наша прежняя стратегия не подходит. Они не медлительно-туповатые гориява с юга. Я всегда считал, что с ними мы должны попробовать что-то новое.

— Возможно и так, — откликнулся Веенн. — Но нельзя просто так сидеть и ждать, когда они обойдут нас с флангов.

— А что насчет того, чтобы отступить и ждать их в предыдущем отсеке? — Турмаст поглядел на него с надеждой. — Снег может их на время ослепить.

— Идея хорошая. Но отступая, мы не продвинемся вперед. Я не хочу оказаться в затяжной перестрелке. Если же они сами того хотят, пусть отступают на оборонительные позиции. Если они так поступят, то мы ответим наступлением. Но только тогда.

Слева от них группа Бирачии продолжала перестрелку с противником. Это давало дополнительные возможности, но скрывало в себе и некоторые опасности. Он достаточно замедлил движение, чтобы его друг мог провести разведку. Турмаст вернулся чуть позже.

— Я вижу огонь на западе. Пред нами никого по-прежнему нет.

Раньи подумал.

— Или все они ведут бой со Вторым Отрядом, или большая их часть впереди, ожидая нас. — Он поглядел на других бойцов. Как обычно, они ожидали его решений. — Мы будем двигаться. Никакого обходного маневра. Прямо вперед и сплоченным единым строем. Если они все ведут бой со Вторым Отрядом, то мы сумеем проскользнуть сзади. Если же нет, то мы попытаемся проскользнуть незаметно в следующее отделение. Кинйовв-уив, ты замыкаешь строй. — Девушка кивну-

ла. У нее была отличная реакция, и она обеспечит, что никто не сможет обойти их с тыла незамеченным.

— Никакой стрельбы, если только вы не увидите перед глазами цели. — Он пропустил вперед остроглазого Турмаста, а сам перевернулся на живот и последовал за своим коллегой.

Руки его были защищены полевыми перчатками, но камни царапали лицо. Он подумал, как хорошо было бы сейчас ползти по пескам пустыни, которую они оставили два отсека тому назад. Участники, естественно, не властны над окружающей средой, в которой проходят Испытания. Он напомнил себе, что те учащиеся, которые постоянно жаловались на суровость окружения, редко хорошо проявляли себя в состязаниях. Это, конечно, не относилось к нынешнему бою.

Сапоги, которые он видел перед собой, остановились.

— Я вижу их, — прошептал лаконично Турмаст. — Три... нет, четыре. Они не смотрят в нашу сторону. Они все стреляют в сторону позиции Второго Отряда.

— Я подстрелил одного, подстрелил одного, — услышал он торжествующий шепот в коммуникаторе. Если люди Бирачии на самом деле занимали все внимание противника и неплохо справлялись со своим делом, это открывало множество стратегических возможностей для отряда Раньи. В конечном итоге это означало, что они могли вывести из дела значительную часть напавших на Второй Отряд, ничем при этом не рискуя. Им представилась великолепная возможность.

Слишком уж все хорошо.

Но если иметь в виду их репутацию — а сомневаться в ней не было оснований, трудно поверить, что бойцы Киззмаата так подставят себя, сосредоточив все свои силы на хорошо защищенных позициях Бирачии. Раньи принял решение мгновенно.

— Продолжаем движение... не замедляем ход...

— Но...

Он поспешил подавить возражение:

— Я знаю, что вы все думаете. Что мы должны идти на помощь к Бирачии. Но если они попытаются обойти его с флангов, он сумеет их сдержать, потому что его позиция хорошо укреплена. Если они не станут этого делать, нам представляется отличный шанс проскользнуть сзади и углубиться в Лабиринт. Это наша конечная цель. Итак, вперед!

Стрельба из пистолетов, раздававшаяся слева, несколько затихла, по мере того как они двигались вперед. Но прекратилась она лишь тогда, когда стала видна очередная секция. Впереди Раньи уже мог различить растительность, значительно более густую, чем все, что им приходилось встречать до сих пор. Своеобразные ее силуэты размывались темной завесой дождя. Но в той секции, где они пока находились, никакой влаги не было и в помине. В лица им подул прохладный ветерок, а сзади мигали отдельные вспышки света.

— Вверх и налево, — коротко приказал Раньи. Встав во весь рост, они, пригнувшись, побежали к воротам.

Они с разбега столкнулись с отрядом изумленных киззмааттан, которые рыли оборонительные позиции как раз внутри следующей секции.

Совершенно очевидно, они ожидали, что наступление сиилпаанов будет сдержано завязавшейся перестрелкой. Они были так в этом убеждены, что даже не позаботились выставить часовых, чтобы закончить строительство укреплений. Инструменты, сделанные из материалов, обнаруженных здесь же в Лабиринте были отброшены в сторону, и противники впопыхах стали хватать брошенное оружие.

В завязавшейся ближней перестрелке Раньи «потерял» двоих людей, пока наконец все пятеро противников не были «уложены». Он рассматривал угрюмого командира отряда киззмаатан, тот в свою очередь глядел на них. Юноша был выше и крепче, чем сам Раньи.

— Хорошо сработано, — заметил он, садясь на скалу, где только что был «убит». — На самом деле хорошо. — Он улыбнулся улыбкой настоящего бойца. — Но это вам не поможет. Исход все равно будет тот же, что и всегда.

Как бы в ответ из переговорника Раньи раздались проклятия и крики.

— Бирачии! — заорал Раньи в свою очередь. — Что происходит? Что происходит?

В голосе друга звучала паника.

— Они за нами! Они были за нами все время. Они были сзади еще до начала перестрелки. Перед тем как атаковать, они решили выяснить, сколько нас. Они...

Связь прекратилась.

— Бирачии! — произнес Раньи сдержанно. — Бирачии,

отвечай! Кто-нибудь из Второго Отряда — ответьте! — В переговорнике была тишина.

Командир вражеского отряда самодовольно на них поглядел.

— Захвачены! Все!

Раньи медленно опустил руку и в упор поглядел в лицо побежденному врагу.

— Значит, счет равный. Ваши люди захватили отряд Бирачии, а мы — ваш!

— Ценой сорока процентов ваших сил, — заметил командир, напомнив Раньи о том, что двое его соратников были «мертвы» в результате неожиданного боя.

— Вы не знаете еще, как много ваших людей погибло во время боя с отрядом Бирачии. Наши силы в этой части Лабиринта могут быть равными.

— Сомневаюсь, — командир и бойцы из Киззмаата обменялись взглядами. — Вы же видите — мы все здесь. — Он кивнул в сторону дальнего конца отделения.

— О чем вы говорите? — Турмаст забеспокоился.

— Все двадцать пять. Все пять отрядов. Мы прорвались через главный вход и продолжили движение так быстро, как только могли, высчитав, что вы захотите пойти различными путями. Таким образом мы были готовы разбить любое сопротивление.

Турмаст покачал головой.

— Это старая стратегия. Сейчас к ней никто не прибегает. Она слишком легко предсказуема, против нее слишком легко сражаться.

Командир отряда широко улыбнулся.

— Конечно. Именно поэтому мы высчитали, что этого-то никто и не станет от нас ожидать.

— Координируемая оборона надолго бы задержала вас здесь, если бы один из наших отрядов захватил ваш штаб, — отметил Ранье.

Его оппонет кивнул головой.

— Конечно. Но так не произошло и уже не произойдет. Ваш отряд ничего уже не сможет поделать. Все наши оставшиеся силы находятся между вами и вашим штабом. С вами покончено.

— В настоящем бою одного взрыва было бы достаточно, чтобы разметать всю вашу группу, — зло заметил Турмаст.

— Это — не настоящий бой. Ни у одной из сторон нет доступа к тяжелому оружию. Все, чем мы располагаем — вот это. — Он показал ему легкий пистолет, который автоматически прекращал действие, когда его владелец получал «смертельное ранение». — Чтобы приспособиться к местным условиям, вы изменяете тактику, — он вновь повернулся к Раньи.

— По скорости нашего продвижения я вычисляю, что основная часть нашей группы находится не более, чем на полпути к вашему штабу, и ничто уже не может их остановить. Вы быстры... Быстрее, чем любая другая группа, с которой нам приходилось сражаться до сих пор. Но вам это не поможет. Потому что остальные ваши люди движутся, ожидая встретить сопротивление, но никакого сопротивления их не ожидает. Мы все здесь, в одном месте.

— Значит, ваш штаб совершенно не защищен, — заметил Ранье.

— Если только я вам не лгу. — Его оппонент явно получал удовольствие от их разговора. — Или вы собираетесь основывать свою стратегию на количестве «мертвых» противников? Это тоже не имеет значения. Я наблюдал за вами, когда высказывал это предположение. Мы находимся на полпути к вашему штабу. А вы — менее чем на полпути к нашему штабу. Но у вас нет возможности достигнуть его первыми. Если у вас есть хоть какая-то сообразительность, то вы оставили отряд для охраны штаба. Атакующих будет человек десять — пятнадцать. Исход понятен. Почему сразу не согласиться на поражение? — командир киззмаатанов потянулся. — Чем быстрее мы все отсюда выберемся и завершим Испытания, тем приятнее всем нам будет.

— Ни за что, — прорычал Турмаст.

Их оппонент был разочарован:

— Ну что же, продолжайте, если вам так хочется.

Раньи собрался уходить, но колебался:

— Но почему вы так уверены, что ваша группа сможет достигнуть нашего штаба скорее, чем наши люди достигнут вашего штаба? Может быть, это не самый короткий путь через

Лабиринт. Может быть, вашим людям придется долго блуждать по Лабиринту, пока они найдут нужную им секцию.

Командир закинул руки за голову и откинулся назад:

— Да, конечно, это самый короткий путь. Видите ли, шесть дней назад мы наконец сумели подкупить одного из членов Испытательной комиссии и он дал нам карту. — Ошеломленный Раньи заметил, что это признание было произнесено без намека на сожаление или смущение.

— Так делать нельзя. Это повлияет на результаты.

— Вы так думаете? Испытания должны создавать видимость реального боя. Это означает, что добиваться победы нужно любым путем, исключая лишь нанесение настоящего физического увечья своим противникам. Нет никаких правил, запрещающих подкуп. В худшем случае, нам придется повторить Финал в новом Лабиринте. Я же думаю, что наше новшество будет лишь положительно отмечено. Учителям безразлична методология. Их волнует лишь то, как становятся победителями. Насколько мне известно, подобная же тактика была применена победителями предыдущих Финальных Испытаний.

Раньи отошел в сторону, чтобы сообщить новость двум оставшимся в живых товарищам.

— Но он же не прав?.. Разве не так? — Веенн был ошарашен. — Если они знают дорогу через Лабиринт, это дает им бесспорное преимущество.

— Неудивительно, что они чувствовали себя в полной безопасности, передвигаясь целой группой, — пробормотал Турмаст. — Но я уверен, что судьи не поддержат этого.

— Если только киззмаатянин не прав, и судьям безразличны средства, которыми достигнута победа. — Веенн выглядел неуверенно.

— Не знаю, — злобно буркнул Раньи. — Если бы мы смогли вступить в контакт с Первым и Пятым отрядами, то смогли бы ввести их в бой. Но это значит, что пришлось бы обыскивать параллельные отсеки. У нас нет на это времени. Люди Бирачии выведены из действия, и противник окажется в нашем штабе до того, как мы сумеем их настигнуть. — Он поднял глаза.

— Но если они могут использовать необычную тактику, то и мы можем.

— Что ты хочешь сказать? — спросил Веенн.

— У всех есть резаки? — Его товарищи проверили пояса, на которых был прикреплен инструмент для рубки густой растительности при оборудовании укрытия или строительстве военных сооружений.

— Мы продолжаем движение в следующий отсек. Будьте внимательны. Как признает сам командир, он может и лгать.

Они оставили своих довольных оппонентов. Их оружие было выведено из строя на том месте, где они вышли из состязания. Никуда дальше они не двинутся.

— Если пятнадцать из двадцати идут вместе и они отлично знают путь, то почему же нам терять время? — Турмаст со злостью сломал показавшуюся на пути ветку. — Нам приходится полагаться на решительность судей.

— Я не полагаюсь ни на кого, кроме самого себя, — ответил Раньи.

Следующее отделение было сухим, холодным лесом. Пока его товарищи озадаченно изучали окружавший их лес, Раньи обошел деревья и наконец нашел то, что ему было нужно.

— Вынимайте резаки, — приказал он, делая на ближайшем стволе три зарубки. — Рубите здесь и здесь. Каждый встает на свое место.

— Зачем же строить барьер? — спросил Веенн, желая понять смысл того, что он уже начал делать.

— Мы не строим барьер, — от ствола поднялся дым. — Делай то, что я говорю.

Совместными усилиями они вскоре повалили три дерева. Раньи убрал свой резак и начал карабкаться. Турмаст в удивлении разинул рот.

— Нельзя этого делать. Это нечестно.

Его командир строго поглядел на него сверху:

— Если они собираются не засчитать нам очков на Испытаниях, тогда и нашим противникам очки не зачтутся. Вы идете или нет?

Турмаст и Веенн обменялись взглядами. Затем Веенн начал карабкаться по наклоненному стволу. Его товарищ следовал за ним.

Странное ощущение стоять на стене, отделяющей один отсек от другого. Ширина стены едва ли была такой же, как ширина его сапога, заметил Раньи. Вполне достаточно, чтобы

идти по этой стене, при условии, конечно, что ты не боишься высоты, обладаешь отличным вестибулярным аппаратом и аккуратно ставишь одну ногу перед другой.

Внизу справа лежало отделение с густым лесом. Позади воздух дрожал от жара, исходящего от пустыни, — на определенной высоте температура приводилась в соответствие с окружающей средой специальным регулятором Лабиринта. Его левая рука простиралась над перекатывающейся поверхностью соленого океана. Какая удача, они не попали туда! Если уж он упадет, то направо. Лучше синяки и сломанные кости, чем утонуть.

Демонстрируя на всю катушку свое непревзойденное мастерство, три сиилпаанина направились на север, следуя бегом по узкой стене.

Как все кажется просто и незамысловато, думал Раньи на бегу. Те природные препятствия, которые бы затруднили им продвижение там, внизу, здесь легко преодолевались.

Однажды они заметили фигуры, медленно преодолевающие болотистую местность и выстроившиеся знакомым порядком «Алмаз». Он узнал отряд Гжян и хотел позвать ее, но не стал, потому что она все равно его не услышит. Каждое отделение было непроницаемо для внешних звуков, как и для их экологических окружений. Все это для того, чтобы группы, очутившиеся в параллельных отделениях, не смогли бы перекрикиваться.

Он побежал дальше.

Количество стен уменьшалось по мере их продвижения, пока Раньи не приказал замедлить ход над отделением, заполненным высокими колосящимися полями. Штаб киззмааттан — компактный комплекс, в котором находилось их оборудование, располагался в дальнем конце отделения. Они достигли последнего отделения, находившегося на крайнем северном конце Лабиринта. Огни на специальном приборе продолжали гореть, информируя их о том, что их собственный штаб все еще продолжал функционировать и не был захвачен противником. Знамя Киззмаата развевалось впереди.

За штабом Раньи, казалось, разглядел пару мирно беседовавших старших референтов. Они стояли в тени и не видели троих сиилпаанов, ползущих по стене, по той простой причине, что у них не было причины глядеть вверх.

— Командир не лгал, — пробормотал Турмаст. — Ни одного защитника.

— Это не значит, что они не установили никакой системы защиты, — указал Раньи. Прямо перед штабом, от одной стены к другой вился искусно сделанный канал. Раньи не мог не восхититься работой. На уровне земли он был бы совершенно незаметен. Нападающий, не увидев ни одного защитника, скорее всего бросился бы вперед, чтобы повернуть рубильник на панели и объявить победу. Но он мгновенно бы очутился в хорошо замаскированной ловушке. Очевидно, в тот самый момент, когда было объявлено начало Испытаний, вся команда Киззмаата развила бурную деятельность и без остановки рыла этот ров, пока он не был закончен. Они не пожалели времени, чтобы воздвигнуть этот оборонительный рубеж лишь потому, что точно знали кратчайший путь через Лабиринт.

И хотя большого физического вреда упавший в ров скорее всего бы не получил, но и выбраться из него оказалось бы делом нелегким.

— Смотри, — сказал Веенн, указывая куда-то. — Ров идет от одной стены к другой, и он слишком широк, чтобы через него можно было бы перепрыгнуть. Коссинза и ее люди могли бы проделать весь путь, но в последний момент оказались бы в ловушке.

Раньи молча кивал товарищу, изучая окрестности.

— В этом отделении нет деревьев, только зерно. Не из чего построить мост. Неудивительно, что командир их отряда был так уверен в своей правоте. Они были убеждены, что ничто не может остановить их наступление, и никто не сможет преодолеть построенное ими заграждение.

Веенн медленно покачал головой:

— Да, обычной тактикой мы не сумели бы одержать над ними верх.

— Значит, прибегнем к ненормальной тактике.

Турмаст хмурился:

— Но здесь нет деревьев для строительства моста, значит, и слезть со стены мы не сможем. Как же быть?

— Быстрее, — сказал Раньи, взглянув на поднимающийся жар от пустыни на юге Лабиринта. Бойцы Киззмаата уже давно смели со своего пути Бирачии и его людейю, и наверняка уже подходили к их штабу.

Внутренние стены Лабиринта были совершенно гладкими и вертикальными. Даже насекомое не сумело бы удержаться на такой стене.

Раньи поднялся и осмотрел своих товарищей.

— Веенн, иди сюда. Вы двое скинете меня вниз.

— Я не стану этого делать Раньи, — Турмаст прикинул высоту, с которой тому пришлось бы падать. — Ничего хорошего не будет, если ты сломаешь обе ноги.

— Но и продолжать находиться здесь бессмысленно. — Он повернулся, встал на колени, уцепился обеими руками за край стены, затем медленно спустился через край. Его товарищи легли на животы, прижав к другой стороне стены бедра и ноги. Каждый взял Раньи за запястье и медленно стал спускать его на колышущееся поле. Именно в эту минуту один из наблюдателей заметил их. Раньи подумал, что увидеть его лицо в этот момент стоило тех усилий, которые они приложили на путь до этой самой точки Лабиринта. Даже если их после этого дисквалифицируют.

Он закрыл глаза, и сделал несколько упражнений на расслабление. Ну и наконец, ничего не оставалось, как это сделать.

— Давай, — прошептал он резко. Удерживающая его запястье сила исчезла.

Казалось, он летел до земли миллион минут. Ударившись о землю, он подогнул колени. Но удар все же был достаточно сильным. Он отдался по всему его телу, и Раньи завалился на бок.

Он попытался встать, но острая боль в левой ноге помешала ему это сделать. Он не знал, сломал ли он ногу или вывихнул ее. Он пополз, затем сумел выпрямится, оперевшись спиной о стену. Хромая, почти ничего не видя от пронзающей все тело боли, он направился к штабу Киззмаата.

Друзья сбросили его по другую сторону рва, поэтому единственное, что могло бы помешать ему теперь нажать на рубильник, — боль, которая, казалась, вот-вот лишит его чувств. Он знал, что Турмаст и Веенн подбадривают его, хотя он и не слышал их голосов. Они уже были по другую сторону глушителя.

Остановившись у входа в Лабиринт, два старших наблюдателя, разинув рты от изумления, глядели на приближающую-

ся к ним хромающую фигуру. Раньи слышал, что к нему бегут люди, хотя из-за боли не мог различить их силуэтов. Раздалось несколько криков, но в основном воздух был насыщен ошеломляющей тишиной.

Он чувствовал, как его качает, но старался держаться прямо и двигаться, невзирая на боль. Все теперь зависит только от него. Ни Веенн, ни Турмаст не выдержали бы подобного падения.

Ударяя ладонью по выключателю, он подумал, как далеко были бойцы из Киззмаата от его собственного штаба? Он так рассчитал свои силы, чтобы выключить рубильник с первого раза. Он знал, что вторая попытка может не состояться, потому что он уже терял сознание.

Как потом оказалось, они обошли соперников на четыре минуты.

Глава 3

Сказать, что результаты этого Финального Испытания были спорны, значило бы то же самое, что сказать, что монстры были несколько неправы, стремясь истребить цивилизованное общество. Дебаты по этому поводу смущали умы людей, как впрочем и членов Испытательного комитета, многие дни после этого.

В конце концов было решено, что правила должны абсолютно исключить лишь применение физического насилия в ходе состязания, а все остальное должно быть разрешено. Ну и, так как команда Киззмаата первой использовала в соревнованиях то, что комитет туманно определил как «неортодоксальную тактику», то и команда Сиилпаана имела право ответить тем же.

Группа Раньи была объявлена победителем.

Это решение не вызвало оживления среди проигравших. В мировом контексте не было ничего позорного в том, чтобы оказаться вторым, тем более что их конечная цель — поражение монстров и продвижение цивилизации, оставалась прежней. Лидер группы из Киззмаата подошел к Раньи и поздравил его с заслуженным лидерством.

— Нам повезло, — сказал ему Раньи. — Очень повезло. Ведь я мог остаться и инвалидом.

— В конечном итоге оказалось, что мы вас недооценили, — ответил киззмааттанин. — Мы были убеждены, что наш план безупречен. Но теперь я думаю, что подобные планы обречены на провал изначально.

Они сидели в столовой для молодежи, рассказывая друг другу различные истории, делясь своими стратегическими секретами так, как будто обе команды выиграли. Но на самом деле так именно и было.

— Да разве на нашем месте вы не были бы убеждены в своей непогрешимости? У нас было преимущество в огневой мощи, карта Лабиринта и надежная защитная схема.

— Да, я был бы убежден, — победив, Раньи был снисходителен.

Лидер Киззмаата отхлебнул из чашки.

— Единственное, что мы недоучли, — так это то, что наш противник может оказаться еще более изощрен в своей изобретательности, чем мы. — Он улыбнулся, и все остальные засмеялись вслед за ним.

Кроме вечно серьезного Веенна.

— Интересно, какими будут сражения с монстрами.

— Неважно. — Пройдя последнее Испытание, Раньи светился уверенностью в своих силах и преисполнился самоуважением. — Мы разобьем их, какие бы стратегические планы они не изобрели.

— Они выигрывают многие сражения. — Второй командир Киззмаата посмотрел задумчиво в свой стакан. — Говорят, что в поединках один на один они непобедимы.

— Но они еще не встречали бойцов, подобных нам, — ответил Турмаст. — Наш учитель великий Коууад говорит, что мы столь же хороши, как и они, может быть, и лучше, а уж ему ли не знать. Он сражался с ними долгие годы.

— Уверен, нам представится возможность узнать это, — пробормотал Раньи.

— Я, правда, не могу ждать долго. — Турмаст поднял свою чашку мелодраматическим жестом. Став товарищами по оружию, киззмааттане и сиилпааны подняли бокалы за свое общее будущее.

Однако это будущее наступило значительно скорее, чем

они ожидали. Оно последовало сразу же за тем, как на следующий год им присвоили звание воинов, и изрядно удивило манерой своего явления.

Те, кто получили более высокие баллы, надеялись получить офицерские звания и боевые отряды в свое распоряжение. Но вместо этого лучшие сто бойцов были собраны в отряд быстрого нападения для действий в особой обстановке. Разочарование от этого не было слишком большим, потому что друзья детства получили возможность остаться вместе, а не оказаться разбросанными по всему космосу.

Несмотря на долгую подготовку, несмотря на годы ожидания, Раньи все же был даже удивлен тем, что испытал огорчение при мысли о расставании с Коссуутом.

Они стали на год старше. Быстрее, сильнее, умнее; он и его друзья были уверены в своей способности справиться с монстрами и с любой ловушкой, которую они им подготовят. Они с нетерпением ожидали, когда смогут испробовать свои силы в бою.

Пунктом их назначения была планета Коба, мало заселенный мир. Но именно там не явно объявившиеся монстры создали плацдарм для нападения на силы цивилизации. В подобных условиях малыми, непреодолимыми силами можно было достичь значительно большего результата.

Теперь они обладали настоящим оружием — и взрывным, и энергетическим. Никаких тренировочных пистолетов. Никаких учебных объектов, лабиринтов и отсеков. Никаких игрушек. Раньи был назначен вторым комнадиром, первым стал ветеран киззмааттанин Соратии-еев, вероятно, в силу старшинства. Но Раньи не чувствовал себя обиженным. Соратии был умным и удачливым командиром. Будет лишь большой честью служить под его началом.

Если что-либо и пугало новобранцев, так это то, что их могут заменить более опытные солдаты.

Они подготовились к выходу из подпространства и последующему быстрому падению на поверхность планеты Коба. Раньи чувствовал себя удивительно спокойным. Что бы они не встретили на поверхности, простиравшейся под ними, он был безусловно уверен в своих коллегах, независимо от места их происхождения — Киззмаат, Сиилпаан или какое-либо другое место на Коссууте. Все вместе они являли собой сплочен-

ную боевую группу, подобных которой еще не было в истории цивилизации. Кроме того, ими двигали чувства, неизвестные их предшественникам: желание и потребность мести.

Раньи не думал обо всем этом, когда прозвучал сигнал о том, что они выходят из подпространства. Он думал о своих родителях: о своем младшем брате Сагио, который сейчас проходил то же испытание, которое Раньи уже проходил раньше. Он думал о своей маленькой сестренке Синзе, о своих настоящих родителях. Кто-то будет сражаться, чтобы защитить своих друзей, кто-то — ради цивилизации, но он станет сражаться ради того, чтобы оказаться рядом с теми, кого он любил.

* * *

Коба был благословенным холодным миром с катящимися травяными равнинами, высокими, покрытыми рощами плоскогорьями. И хотя природа была разнообразна, но не поражала пышностью. На плоскогорьях росли густые вечные леса. Животные же предпочитали жить в норах, под зеленым покровом, может быть, правда, потому, что кустарник на поверхности отсутствовал. Высокой травы тоже не было, и животным просто негде было прятаться и охотиться. Никаких разумных существ на планете не было.

Сотню лет назад на планете Коба враг расположил серию научно-исследовательских станций. С тех пор они отсюда не уходили. Однако широкомасштабная колонизация планеты началась лишь недавно. Это было тем родом экспансии, с которой должны бороться цивилизованные существа. До сих пор врагу удавалось, и достаточно успешно, расширять производство кормов для своих домашних животных и зерновых культур. Они уже начали исследование и добычу минеральных ресурсов. Таким образом планета постепенно превращалась в важного поставщика материала для ведения войны. И хотя планета была не так уж и богата, но ее ресурсы определенно заслуживали того, чтобы помогать распространению сил зла.

Для атаки на Кобу нельзя было использовать большие силы, но было решено, что одна или две быстрые и точные атаки сделают более уязвимыми позиции врага. В то же время основные планетарные силы обороны были широко разбросаны

по Вселенной. Чтобы отразить крупный удар, пришлось бы потратить слишком много времени.

Это подтвердилось, когда группа Раньи беспрепятственно высадилась на поверхность планеты без происшествий, и не нанеся никакого повреждения своему снаряжению. Да и столкнуться с сопротивлением им тоже не пришлось. Возможно, местные обитатели были приведены в недоумение относительно малым масштабом вторжения — на их большой планете оно просто не могло представлять значительной угрозы. Пожалуй, их больше обеспокоило бы передвижение группы Раньи, который в полную противоположность традиционной стратегии, действовал независимо от остальных высадившихся на планету сил.

Их новые и весьма маневренные аппараты на воздушно-реактивных двигателях, прозванные «летунами», передвигались совершенно бесшумно. Так как они почти не излучали тепла, то и передвигались под покровом ночи незаметно. В то время как другие группы разворачивали систему местной обороны, группа Раньи стремительно передвигалась по равнинам, время от времени минуя вражеские позиции.

Они направлялись к высокогорью, а целью их был центр связи и информации для наиболее населенной части планеты. Несмотря на всю скорость их продвижения, оставался вопрос, сумеют ли они занять позицию для наступления. Через день после того, как они высадились на планете, сопротивление врага настолько возросло, что несколько групп были отброшены назад, и Командование было вынуждено подумать о немедленном выводе группы с планеты. К счастью, против этого выступило достаточное количество старших офицеров. Но если они намеревались остаться на планете Коба, им было необходимо дать доказательства своего продвижения.

Противник до сих пор не сумел обнаружить группу Раньи. И поэтому они доказали свою боеспособность.

Центр связи находился на окраинах крупнейшего населенного пункта. Он же, в свою очередь, был расположен по краю одного из многочисленных высокогорных плато, доминировавших в топографии Кобы. Плато плавно переходили в равнину. Именно отсюда Раньи собирался сделать последний рывок.

Но вместо того чтобы высадиться и атаковать противника

со стороны плато, — как, очевидно, ожидал враг, — Соратии и его советники приняли решение пересечь равнину и проложить путь по мелкому каньону, идя вдоль каскада рек. Их присутствие было обнаружено, лишь когда они начали подниматься. Защитники города были подняты по тревоге.

Группа Раньи наносила одну контратаку за другой и медленно продвигалась вверх, разбившись на двойки и тройки, что вносило еще больший разброд в действия застигнутого врасплох противника. Они шли по обеим берегам пенящегося водопада, его шум и постоянное движение служили прикрытием для их продвижения. Легкая броня скрывала тепловые сигналы атакующих, поэтому защитникам города оставалось надеяться лишь на визуальное обнаружение.

Бой шел уже между отдельными группами, по мере того как участок становился круче и труднее для маневра. Но поддерживать друг друга отряды уже были не в состоянии. Обстановка на поле боя становилась хаотической, особенно ночью. Люди Раньи успешно вносили все большее смятение в ряды врага.

Вспышки от энергетического оружия и следовавшие один за другим взрывы — вот и все, что чувствовал Раньи, поднимаясь по склону плоскогорья. Вскоре они очутились среди больших деревьев и густых лесных зарослей, переходящих на более высокие отроги плато. Условия боя становились труднее. Благодаря рекам передвижение их было легче, чем обычно. Даже в эру развитой технологии и тонкого оружия, отсутствие воды могло отразиться на боеспособности войск худшим образом, чем удары тяжелой артиллерии.

Раньи порадовался, что здесь оказалась столь густая растительность, — это скрывало их от обнаружения с воздуха. Благодаря защитной одежде и удаче они окажутся рядом с комплексом связи еще до того, как враг поймет, откуда именно нанесен удар. Если же они сумеют разрушить центр, это не только внесет панику среди населения, но и помешает врагу скоординировать свои усилия по обороне всей планеты. Слева от него, на дальнем берегу реки вспыхнула новая перестрелка. Группа Раньи уже достаточно приблизилась к краю плато, чтобы разглядеть антенны центра, вонзавшиеся в небо. Однако густая растительность скрывала от их глаз постройки цен-

тра связи. Коммуникаторы ближней связи и с одной, и с другой стороны раскалились от бесконечных приказов.

Не обращая внимание на те сложности, которые переживали его соратники на другом берегу водопада, Раньи вел свою группу вперед.

Едва лишь они пересекли край плато, как буквально врезались во вражеский отряд, осторожно продвигавшийся сквозь сгущавшиеся сумерки. Защитники пересекали реку, намереваясь вступить в бой, шедший прямо под ними.

Раньи выждал, пока враг достиг середины переправы, и лишь тогда отдал приказ своим людям открыть по нему огонь, из-за надежного прикрытия, образованного скалами и деревьями. Нападение оказалось полной неожиданностью для противника — что лишь подтверждало — группа Раньи все еще не обнаружена. Тем, кто был застигнут в середине переправы, бежать было некуда. Хотя, как заметил Раньи, многие все же сумели отступить и скрыться. Большинство или пошло ко дну, или выбралось на скалы. Одно за другим на поверхности потока всплывали безжизненные тела. Течение уносило их прочь. Те, кто спасся, скрылись в лесу.

Для Раньи это стало первым удобным случаем для того, чтобы испытать монстров в ближнем бою.

Лишь немногие из погибших были облачены в броню или защитные костюмы — еще одно подтверждение тому, что противник был застигнут врасплох. Раньи был этим немало удивлен — ведь центр связи — стратегический объект. Слишком большая самоуверенность — или отсутствие достаточной подготовки? Ясно лишь, что они не ожидали, что высадившиеся на планете сумеют так быстро и так далеко продвинуться.

Турмаст присел и перевернул одно из тел. Лишь верхняя его часть была защищена броней. В нижней части живота зияла рана. И хотя Раньи изучал бесчисленное множество изображений монстров, увидеть одного из них так близко стало определенным шоком.

Было потрясающим сходство с теми объемными изображениями, которые ему показывали во время учебы. Между ним самим и телом, распростертым на земле, не было большого различия. Физически существо напоминало его самого. Но

пропасть в их моральном и умственном уровне развития была гигантской.

— Нам некогда здесь задерживаться, — пробормотал он. — Двигаемся дальше. — Турмаст согласно поднялся. Раньи проверил состояние своей группы по коммуникатору.

Отряды на другом берегу реки были изрядно потрепаны, но отбили контратаку и перегруппировались. Они вновь двигались вверх по склону и были уже недалеко от нынешнего продвинутого положения Раньи. Единственный монстр, вооруженный тяжелым оружием, был убит. Как они и надеялись, значительная часть вражеской артиллерии находилась значительно дальше к югу, именно там сосредоточилось и наибольшее количество наступающих. Противник, однако, был вооружен достаточно легко.

Они надеялись встретить более активное сопротивление. Но были приятно удивлены, что их продвижение к конечной цели протекало достаточно безболезненно. Отбросив незначительное количество сопротивляющихся, они вошли на территорию комплекса и методично стали его осваивать. Персонал, обслуживавший этот центр, бежал первым. Вся аппаратура была расплавлена или уничтожена. После этого все здания были сожжены дотла. Раньи с гордостью наблюдал за работой своих соратников. Теперь долго, очень долго, никто не услышит никаких сигналов из этого места.

Они оставили центр незадолго до того, как начали прибывать силы подкрепления из близлежащего города. Но тем, кто прибудет, остается лишь смотреть на полностью разрушенный центр связи. Никого из тех, кто разрушил этот центр, они уже не обнаружат. Под покровом ночи Раньи и его соратники быстро уходили.

На половине спуска плато стало достаточно плоским, и они могли наконец использовать свои аппараты для передвижения. Теперь уже враг их не сумеет настигнуть, подумал Раньи с удовлетворением. Он был не столько утомлен, сколько горел нетерпением ввязаться в очередную операцию. Его друзья и соратники разделяли его чувства.

На следующее утро неприятель предпринял отчаянную попытку отрезать их от основных частей. Вероятно, они ожидали, что только что закончившийся ночной бой полно-

стью вымотал противника. Но группа Раньи разбила их, даже не занимая оборонительных позиций и не дожидаясь помощи.

С фланга по ним вела огонь женщина, передвигавшаяся на слайдере. Он уклонился, сжался и набросился на нее сзади. Но, когда он уже выстрелил в нее почти в упор, то подумал, что для монстра она слишком уж красива. Но когда он взглянул на ее искаженное мертвое лицо — уже ничто не показалось ему в ней привлекательным. Ее аппарат, объятый пламенем и дымом, свалился в сухую ложбину, расположенную под плато.

Более тяжелую атаку им пришлось отражать той же ночью. На этот раз в бой вступили воздушные корабли. Да, изрядно же мы их огорчили, думал Раньи, глядя, как безжалостно уничтожаются их аппараты, которые они и оставили специально с этой целью.

Уже на следующее утро огромное количество новых аппаратов, управляемых торжествующими пилотами, прочерчивали свой путь по катящейся долине, не встречая никакого сопротивления.

Их главная миссия была успешно выполнена. Кроме того, количество потерь было минимальным, учитывая рискованность операции и тот факт, что монстры великолепно защитили свой комплекс.

Раньи нашел время, чтобы посетить раненых. Все были в хорошем настроении и ничуть не угнетены полученными ранами. Лишь двое из специального отряда нападения погибли. Все раненые были благополучно эвакуированы и находились в таком состоянии, что полное выздоровление было им гарантировано. Поодобных достижений не имел никто в истории войны.

Разрушение комплекса нанесло серьезный урон системе обороны Кобы. Силы, вызванные с Ашрегана и Криголита и не принадлежавшие к силам Коссуута, были отброшены назад. Но затем в результате возникшего смятения в рядах врага, они получили передышку и быстро сумели перейти в новое наступление.

Раньи и его соратники были полны решимости вернуться в бой, но их командиры сообщили, что отряд Раньи слишком ценная боевая единица, чтобы рисковать ими в ближайшей

подобной операции. К их глубокому разочарованию, им приказали покинуть планету.

— Вы заработали свою награду, — проинформировала его старший офицер, когда они заявились на борт транспортного корабля. Они перешли в подпространство и совершали полет по орбите вокруг единственного спутника-луны Кобы.

— Но битва на Кобе продолжается, — запротестовал Раньи. — Мы можем помочь. Мы...

— Вы сделали то, ради чего вас сюда доставили, — сказала офицер коротко. Затем, уже мягче, она добавила. — Я и сама не знаю, почему вас эвакуировали. Лично я полагаю, что ваше присутствие там, внизу, стало бы хорошей поддержкой для наших войск. Все знают о замечательных успехах вашей группы. Но эти вопросы не ко мне. Мне было лишь приказано, чтобы я благополучно сняла вас с планеты. Командование не удосужилось дать более подробные объяснения.

— И что теперь? — Разочарованный, но смирившийся, Раньи откинулся в кресле и скрестил ноги.

— Я уверена, что вас отметят особо, — сообщила ему офицер.

— И когда же это произойдет? — пробормотал Турмаст.

— Вскоре после того, как вы вернетесь домой, надеюсь, — заметив их реакцию, она добавила: — Я вижу, вас до сих пор не проинформировали. Я знаю, что Учителя намерены лично вручить вам награды.

Раздался голос Веенна:

— Да, это станет подлинной радостью для Коууада.

— Нет, — взглянула на него офицер. — Речь идет не о вашем учителе, а об Учителях.

Пока корабль через субпространство направлялся к Коссууту, Раньи пытался осмыслить то, что узнал. Охватившие его чувства были смешанными. С одной стороны, он был рад, что вновь увидит свою семью; как воин — он не мог смириться с тем, что покидает Кобу, не будучи уверенным в конечной победе. Он не ожидал, что его первый бой станет... эпизодическим. Возможно, в следующий раз ему разрешат остаться и сражаться до тех пор, пока весь завоеванный монстрами мир не будет освобожден для сил цивилизации.

Однако бывали и худшие судьбы, чем его, — когда тебя просто выдергивают из боя, чтообы вручить награду.

Средства информации на Коссууте были переполнены сообщениями об их успехах. Более того, информация о подвиге группы Раньи была передана в другие цивилизованные миры. Военные устроили из всего грандиозное шоу, представляя публике героев каждого отдельно в огромном амфитеатре под открытым небом. Казалось, церемония будет длиться вечно. Героические воины вскоре ощутили безумную усталость и скуку.

Официальная церемония предполагала, что старшие офицеры, командиры сражения будут представлены в самом конце. Вся церемония была так тщательно обставлена, так точно следовала задуманному сценарию, как будто это было музыкальное произведение, требовавшее точного следования нотам. Раньи и Турмаст поочередно занимали свое место на подиуме.

Однако на Раньи самое сильное впечатление произвело не обилие записывающих и снимающих устройств, не огромная собравшаяся толпа, даже не осознание того, что в первом ряду находятся его родители и брат с сестрой. Его потрясло, что он впервые так близко видит двух Учителей.

От них исходило тепло, доброжелательность, окутывавшие не только тех, кто стоял на ярко освещенной сцене, но и всех, кто был недалеко от них. Как и его соратники, Раньи приблизился к Учителям и протянул руку. Четыре подвижных пальца на конце щупальца распахнулись, как лепестки цветка и мягко обняли его ладонь. Теплое ощущение восхищения и благодарности наполнило его мозг.

Как прекрасно, думал он, достичь своей мечты. Его чествуют за то, что он бы сделал, даже оставаясь в безвестности. Как это прекрасно быть живым, здоровым и наблюдать за развитием цивилизации. Пальцы амплитура разомкнулись. В приподнятом настроении, как будто просвещенный, Раньи склонил голову и вернулся на свое место.

Тот-Кто-Окружает, чувствовал себя очень хорошо. Погода здесь была приятной, а то возбуждение и благоговение, которое их визит вызвал среди ашреганов, был лучшей благодарностью.

Хотя награждаемые воины и не знали об этом, но сама устроенная в их честь церемония стала своего рода новым Испытанием. Это означало официальный успех Проекта, в

который Амплитур вложил значительное количество времени и сил. Это был великий день для назначения.

Хотя погода и была приятной, но все же не настолько, чтобы Тот-Кто-Окружает чувствовал себя совершенно удобно. Ашреганы предпочитали жить в более сухом мире, чем амплитуры, поэтому для него и его компаньона было своего рода самопожертвованием так долго оставаться на иссушающем воздухе. Но разве они имели право сделать что-то меньшее, чтобы воздать должное тем, кто осуществил Проект?

Проект был задуман давно, и на его осуществление было потрачено много усилий со стороны Амплитура и их союзников ашреганов. Увидеть,что эти надежды осуществляются, и значительно раньше срока, — более чем достаточное оправдание для не слишком-то удобных условий, в которых проходит визит. Когда служишь назначению, посвящаешь всего себя только ему, то жаловаться на такие мелочи, как недостаточно низкая температура, и недостаточный уровень влажности не приходилось.

Трогательно наблюдать, какое удовольствие доставляет их союзникам одно их присутствие. Тот-Кто-Окружает с любопытством наблюдал за реакцией специальных бойцов, но и для них это не представляло отличия. Та же восприимчивость, то же взаимное восхищение, которое характерно всем обычным ашреганам.

За исключением того, что эта группа не была обычной. Они уже доказали это своим успехом на Кобе, превзойдя самые смелые ожидания своих супервизоров. Их боевые способности, уникальные характеристики, которые были в них воспитаны, перейдут к последующим поколениям, служащим Назначению. Еще одно или два тщательно подобранных поля испытаний, и те, кто останется в живых, уйдут в отставку с подобающими почестями, их будут всячески поощрять к максимальному воспроизведению себя в потомстве. Конечно, они захотят продолжать сражаться, ведь для этого они и учились, но, в конце концов, они с благодарностью воспримут свою отставку. Амплитур предложит им так поступить.

Ни о чем подобном они не говорили тем, кого сейчас поздравляли. Было бы невежливо обращаться к своим союзникам, как к стаду, отобранному для улучшения породы. Так же ни к чему сообщать некоторым из воинов, что определенные их

особенности и характеристики явились не результатом наследственности, а плодом усилий Амплитура в развитии нанобиоинженерии.

Даже поздравляя героев Кобы, Тот-Кто-Окружает продолжал думать над тем как и развить и продолжить свои труды, которых он уже достаточно приложил, прежде чем они появились на свет. Успех всегда можно улучшить. Ученые обструкционистской Школы неустанно пытались отдалить Назначение. Да чего еще от них и ожидать.

Тот-Кто-Окружает думал уже о следующем испытании. В ходе этого испытания воинам придется столкнуться с Оперативными Человеческими Силами. Если они сумеют в ближнем бою разбить не только массудов или чиринальдо, но и человеческих солдат, то торжество Проекта будет обеспечено. Тогда соперничающая школа потерпит полный крах.

Повернувшись лицом к аудитории, Тот-Кто-Окружает поднял оба щупальца, расправив все восемь пальцев в приветствии. Волна тепла и одобрения омыла сидевших в первых рядах. Выпученные глаза, каждый на своем собственном стебельке, плавали и свободно осматривали толпу, ответившую негромким приветствием.

По завершении церемонии, Тот-Кто-Окружает направился в помещение, где влажность была увеличена до необходимого ему уровня. Зуд, от которого уже начала страдать его пятнистая оранжевая кожа, сошел. Капли, чтобы поддерживать влажность чувствительных глаз, использовать было больше не нужно.

Зеленый-Который-Идет-Тихо устроился рядом в гамаке. Большое темное пятно на его спине означало, что второй амплитур недавно отпочковался и дал жизнь еще одному существу.

— Мне кажется, все прошло хорошо.

— Очень хорошо, — откликнулся Тот-Кто-Окружает. — Они чтят своих героев.

— Этого следовало ожидать — они совершили настоящий подвиг на Кобе. — Зеленый-Который-Идет-Тихо свернулся в более удобной позе. — Ни в одном из тех, кому воздавались почести, я не ощутил признаков отклонения или генетической дегенерации.

— Я тоже, — окликнулся второй. Он не обратил внимания

на пустующий гамак и предпочел усесться в мелкий бассейн теплой ароматизированной воды. — Все сообщения были верны.

— Жаль, нас не было на Кобе, чтобы лично контролировать их действия.

— Ты знаешь, почему. Не говоря уж о личной опасности, наше присутствие стало бы дополнительным бременем для ашреганских войск и не содействовало бы успеху Проекта. В активном бою против человеческих существ наше присутствие лишь помеха. — Кожа его сложилась в складки и появились яркие серебряные огни.

— Они разбили людей на их же собственной территории, — сказал едва слышно Зеленый-Который-Идет-Тихо. — Это прекрасно. Судя по тем сообщениям, которые я получил, люди были застигнуты врасплох.

— Так и должно было случиться. — Тот-Кто-Окружает задумчиво увеличился в размерах. — Так постепенно начинается умственная дезинтеграция врага. Бойцы же не только с успехом осуществили свои военные цели, но были счастливы выполнить свою работу. Назначению больше и не требуется.

Зеленый-Который-Идет-Тихо сделал неопределенный жест щупальцем.

— Несмотря на свое воспитание, ашреганы воюют ничуть не лучше и не хуже людей. Нанобиоинженерия сделала свое дело. Изменения в них привились отлично. Желание, которое переполняет особых воинов, так же, как и их менее одаренных ашреганских коллег, отлично служит Назначению.

— Это означает, что конец Школы уже не за горами.

Зеленый-Который-Идет-Тихо знал, что конец, о котором говорит Тот-Кто-Окружает, может наступить через несколько сотен лет, но амплитуры мыслили иными категориями, чем большинство других существ. Их терпение было больше, чем длительность одной жизни. Это позволяло им терпеливо ожидать появления новых специальных бойцов и того времени, когда уже выработанные особые генетические характеристики не перейдут к другим поколениям, чтобы продолжить служить Назначению.

— Но дело все же рискованное. — Ароматизированная вода плескалась вокруг тела Того-Кто-Окружает.

— Я знаю, но до сих пор мы имели лишь успех. Удача, умение — и Проект будет развиваться успешно.

— Однако среди собратьев есть и такие, кто думает, что все это неразумно, даже опасно.

Зеленый-Который-Идет-Тихо мысленно изобразил пожатие плечами.

— В войне необходимо рисковать. Наши предки значительно более простыми средствами достигли того, что Назначение распространилось по всему Космосу. Мы тоже должны быть отважны. Нашим предкам не приходилось сталкиваться с такими крайними социо-биологическими аберрациями, которым оказалось подвержено Человечество. Новые трудности вынуждают к новым методам мышления, к новым контрмерам. Продолжающийся успех Проекта убедит сомневающихся.

— Согласен. Я чувствую, что все будет хорошо. — Тот-Кто-Окружает втянул в себя глазные стебельки, наслаждаясь ароматной водой и тем, что он опять оказался в теплом и влажном пространстве, вдали от яркого света, полезного для других союзников.

Глава 4

Мрачный и отверженный Медик-Пятой-Степени присел на корточки под высоким деревом. Теплый дождь стучал по грязно-зеленым знакам различия на его одежде, стекал вниз. А он сидел и размышлял о своей странной судьбе.

На самом-то деле его место вовсе не здесь, ему ни к чему было оставаться в районе боев.

Гивистамы не были бойцами. После соответствующей подготовки некоторые из них, вероятно, могли быть использованы в качестве обслуживающего персонала. Это максимум, на что были пригодны слишком цивилизованные обитатели Вейса или Мотара.

Нынешнее сражение — варварство, на которое большинство рас просто было уже не способно, оставалось лишь за теми представителями разумных существ, в которых все еще оставались примитивные гены. И эти гены требовали удовлетворения. Речь шла о массудах и даже в большей сте-

пени о людях. Неугомонные, ужасные, прекрасные, совершенно непредсказуемые люди.

Но и массудов и людей было примерно одинаковое количество. Остальные расы должны были поддерживать или одну, или другую сторону, снабжать их необходимыми материалами. Эта задача выпала на долю Бир'римора, Лепара, О'о'йана... и Гивистама...

Великолепный специалист по медицине и магии, способный восстановить к жизнедеятельности самые разнообразные существа Медик-Пятой-Степени получил назначение туда, что для гивистамов являлось фронтовой передовой: физиотех скорой помощи на боевой позиции. Его участие в бою не предполагалось. Но именно это выпало на его долю, когда совместные силы ашреганов и криголитов неожиданно напали на передовую группу.

Как и все остальные, он слышал, что противник начал испытывать и применять какую-то новую стратегию. Но, как и все, он не придал этому значения. Однако события сегодняшнего утра уничтожили его скептицизм. Вероятно, если бы в секторе было бы больше людей, атака была бы отбита. Но они были разбросаны по всей территории Эйрросада, а на его командирском корабле их было несколько, как и на кораблях сопровождения.

После того как противник нанес несколько прямых ударов, старый корабль-развалюха обратился в бегство, сметая на своем пути растительность джунглей. Когда он завертелся вокруг оси отталкивания, внутренний взрыв отбросил его в чащу леса. Он летел на дикой скорости, пока наконец не начал вибрировать в ответ на действие стабилизаторов.

Но до этого момента через пробоину наружу в лес вылетело с полдюжины членов команды.

Только двое из шестерых выжили, смертельный полет оказался смягченным удачным расположением веток и листьев. Остальные не были столь удачливы.

Каким-то чудом он упал на густую крону дерева. Похожие на тростник верхние ветви прогнулись под его тяжестью, и он мягко соскользнул по ним вниз. В конце концов он оказался по колено в грязи, мокрый и в синяках, но живой.

Но та самая грязь, которая спасла ему жизнь, делала бои на поверхности Эйрросада невыносимым испытанием. Все бои

были сведены к отдельным стычкам между слайдерами Уива и вражескими плотами, которые могли прятаться, летать среди деревьев и кустов. Только сумасшедший или самоубийца мог бы решить, что на болотистой поверхности, заменяющей твердую почву, можно вести нормальный бой. Потому вся поверхность планеты оставалась в распоряжении местной фауны, которая знала, как к ней приспособиться.

Ну и таким неудачникам, как он сам. На самом деле.

Его выбросило в самом центре дикого края, в который непочтительные люди превратили Сладжел: частично топь, частично джунгли, а большей частью — мерзость. Без коммуникатора, оружия или брони. Все, что в состоянии помочь ему выжить в этой среде — его зеленая униформа физиотеха и приданное оборудование, ну и, конечно, его мозги. Но он мало рассчитывал и на одно, и на другое. И даже обувь его была непригодна: сандалии вместо болотных сапог. Он был благодарен растительности над головой, которая уберегала его чешуйчатый череп от дождя.

В конце концов, подумал он, температура вполне сносная, а местные обитатели не слишком назойливы. Бедные и отсталые аборигены планеты жили в джунглях, в деревушках, их жилища стояли на сваях. Туземцы с интересом наблюдали, как какие-то непонятные силы боролись за контроль над их миром.

Обитатели Эйрросада были разумными трехногими существами — вторыми представителями подобной расы, из тех, что были известны — поэтому их существование становилось интересным скорее с научной, чем со стратегической точки зрения. Но тем не менее цивилизованная мораль требовала, чтобы несмотря на их отсталость, их не бросали на милость Амплитура и их союзников. Никто не мог сказать с уверенностью, но лет через тысячу или чуть больше, они могли бы внести свой заметный вклад в войну между различными мирами.

Он поправил затенители, которые вопреки всем законам физики во время страшного падения не слетели с его лица, а напротив, буквально приклеились к нему. Их наличие делало его нынешнее существование хотя бы несколько более удобным. Кожа отражала его нынешнее эмоциональное состояние: она потеряла свою ярко-зеленую окраску и блеск и приобрела

тускло оливковый оттенок. Благодаря этому врагам станет сложно заметить его среди местной растительности, даже если они захотят отыскать — выжил кто-нибудь или нет.

Под затенителями двойные веки моргали, озирая негостеприимное окружение. Отсутствие яркого солнечного света, столь любимого гивистамами, способствовало его угнетенному состоянию. Про себя он проклял облака, закрывавшие солнце, дождь, который лил из этих облаков, и те обстоятельства, в силу которых он здесь очутился.

Он размышлял над своими положением, вполне осознавая, что в результате размышлений оно не улучшится. От ближайшего передового поста его отделяла изрядная дистанция, и находилась она где-то к югу. Находясь на борту своего корабля, он не слишком-то интересовался этим. Ему это просто не было нужно. Но теперь он расплачивался за свою невнимательность и безразличие.

Идти ему придется долго.

Ему придется попробовать местной пищи, что же касается воды — здесь проблемы не предвидятся. Вкус, конечно, дело другое.

Это, однако, вряд ли станет проблемой для его приятеля, как и он выжившего в произошедшей аварии. Он поглядел на него с неприязнью. Мало того, что с оказался в столь смехотворном положении, так, по иронии судьбы, он оказался в обществе не себе подобного существа, не массуда и не человека, которые бы защитили его. Ему не предстояло оказаться окруженным вниманием о'о'йана или испытать на себе сардоническое чувство юмора с'вана.

Нет. Ему придется путешествовать с лепаром. С представителем самой медленно соображающей породы Узора, самым скучным из всех известных народов. Его настроение не улучшилось и после того, как он увидел, что лепар был значительно лучше оснащен для длительного пребывания в негостеприимной экозоне.

Звали его Итепу, и он, похоже, был достаточно приятен в общении, несмотря на врожденные дефекты. Он был помощником низшего уровня на борту командирского корабля. Что и было характерно для представителей его расы, работа его была грязной и нудной.

Он стоял в простой униформе, состоящей из шорт и пиджа-

ка, его скользкий хвост задумчиво покачивался из стороны в сторону, задние перепончатые ноги его увязли в грязи, но он чувствовал себя совершенно спокойно, в отличие от Медика-Пятой-Степени. Хотя половина его инструментов была потеряна во время аварии, на его поясе осталось еще немало полезных вещей, которые смогут пригодиться во время их долгого совместного путешествия.

Левая его рука свободно висела вдоль тела. Он вывихнул ее во время падения, и Медик-Пятой-Степени первым делом попытался ее вправить, когда столкнулся с ним в чаще, пытаясь найти, кто из их соратников выжил во время аварии.

Медик поглядел на его задний отросток. Разумная раса — и до сих пор с хвостом! Вообразите только! Маленькие черные глазки и огромный рот прибавляли облику этого существа выражение полной тупости. Тем не менее лепары не были так уж тупы. Просто не слишком умны. И так же преданы делу разгрома Назначения, как и значительно более умные существа, напомнил себе Медик-Пятой-Степени.

Итепу вперевалочку направился к дереву, под которым стоял медик-маг, невзирая на дождь, который мощными струями скатывался по его коричнево-зеленой, слегка склизкой коже.

— Куда мы идем и когда, друг гивистам?

— Откуда мне знать? — печальный Медик-Пятой-Степени поправил переводящее устройство и сделал слабый жест на юг тонким изящным пальцем с длинным ногтем.

Лепар некоторое время молчал, прислушиваясь к звуку дождя, настраивая наушник и микрофон и ожидая, когда двинется с места старший по рангу гивистам.

— Нам пора идти, — сказал он наконец. — На этой территории враг.

— Не думаю, — Медик Пятой Степени соскользнул с корня дерева, на котором до сих пор стоял и по щиколотки увяз в грязи, сразу же облепившей его конечности. Он поморщился. — Битва окончена, и уже давно не слышно выстрелов.

— Из-за дождя плохо слышно.

Физиотех сдержался и не ответил. Если Лепар соображал медленно, это не означало, что он всегда неправ.

— Может быть, ты и прав. Необходимо покинуть эту зону.

Лучше уж умереть где-нибудь неподалеку, чем быть захваченными в плен живыми. Попавших в плен иногда отдавали амплитурам для умственного «приспосабливания». Часть мозга изъята здесь, другая часть заменена в другом месте, и вот уже пленник без согласия с его стороны становился ценным инструментом для достижения Назначения. Он содрогнулся.

Тонкая пленка воды покрывала болотистую поверхность, на первый взгляд казавшуюся твердой. Вежливый Итепу приноровил свой шаг к более медленному шагу компаньона.

К вечеру они прошли значительно больше, чем в самых смелых мечтах предполагал медик. Они уселись под прикрытие листа, сравнимого по размеру с крылом небольшого летательного аппарата, и съели спелый мясистый фрукт, подобранный лепаром. После этого медик-маг почувствовал себя значительно увереннее. Они хорошо себя чувствовали, а местная флора не оказывала на них плохого воздействия. Он позволил себе вообразить, что у них, вероятно, есть возможность достичь передового поста.

Насколько он мог припомнить, это благословенное место находилось на западном берегу широкой, извилистой реки, которая текла с севера на юг. Если уж они сумели проделать такой длинный путь, то сумеют соорудить что-то наподобие плота и проделать остаток пути вниз по реке к безопасному месту. Он представил что-то маленькое, оранжевое и непрерывное. Если только местные насекомые и пресмыкающиеся раньше не высосут из них кровь, подумал он.

Он сумел вообразить себя в кругу семьи, даже сумел немного помедитировать, а лепар молча наблюдал за ним. Маг сидел, скрестив ноги в грязи, плотно закрыв глаза, повернувшись спиной к воображаемому кругу. Теплый, яркий и солнечный свет и горячий сухой песок заполнили его мысли, помогая расслабиться и обрести умственное равновесие.

Чрез некоторое время Итепу повернулся к нему спиной и начал рыться в грязи в поисках чего-то съедобного.

К утру дождь перешел в мелкую изморось, униформа Медика-Пятой-Степени начала подсыхать. Коэффициент его плохого состояния значительно упал. К полудню он уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы с уверенностью идти сквозь густую поросль.

Они выжили и по возвращении будут встречены, как герои.

Сомнений нет. Даже массуды и люди вынуждены будут признать их достижения. Размышляя обо всем этом, маг находил еще время для того, чтобы восхищаться изобилием многоцветных цветов джунглей.

— Ты любишь свою работу?

— Что? — Медик поглядел на своего печального спутника. Они готовились к ночлегу.

Блестящие черные глаза посмотрели на него.

— Твою работу. Тебе нравится ее делать?

Лепары обычно не заводили разговор первыми, поэтому Медик-Пятой-Степени был несколько ошарашен вопросом. Он даже не сразу сумел ответить.

— Да, конечно. Я занимаюсь тем, что у меня хорошо получатся, и когда-то надеюсь получить третью или даже вторую степень. — К собственному изумлению, он тоже задал вопрос: — А ты?

— Я не думаю об этом слишком много, — Итепу зевнул, казалось, при этом огромный рот рассек его лицо надвое. Стала видна темная глотка: — Я делаю то, чему меня научили.

Медик-Пятой-Степени строил шалаш из листьев и сломанных сучьев.

— Иногда я думаю, что так и лучше. Трудно видеть, как другие страдают, а ты не можешь им помочь. Например, те, кто во время взрыва тоже вылетели вон из аппарата, но не выжили. Я ведь ничего для них не смог сделать. На самом деле.

— Ты сделал то, что смог. Скажи, если бы здесь оказался раненый враг, ты помог бы ему?

Удивительно было, что лепар завязал разговор. Ну а уж то, что пускается в философские размышления, это и вообще неожиданно.

— Даже не знаю, по правде сказать. Об этом я лично никогда не думал. Наверное, это бы зависело от конкретных обстоятельств.

Когда в ответ на его слова Итепу ничего не сказал, Медик-Пятой-Степени почувствовал себя обманутым. Когда на следующее утро он поднялся и начал умываться, эта мысль все еще не давала ему покоя.

К этому времени он уже ощутил полную уверенность. Он был убежден, что они доберутся до своих. Этому благоприятствовала и погода. Дождь почти совсем стих. Он так

расслабился, что даже не вскочил с места, когда на плечо неожиданно оупстилась рука.

Итепу наклонился над ним, делая небольшие круговые движения, призывая таким образом к молчанию. Озадаченный, но послушный, физиотех последовал, пригнувшись, вслед за своим компаньоном в лесную чащу.

Лепар-амфибия остановился позади корня, похожего на стену, и сделал жест рукой. Следуя взглядом за вытянутым пальцем, медик чуть не присвистнул от изумления.

Неподалеку расположился человек, возможно один из тех, кто находился на борту корабля сопровождения. Не было сомнений — его сбили криголиты и он находился в аналогичном с ними положении. Настроение физиотеха улучшилось. Если человек вооружен, он со своим компаньоном остаток пути пройдет под надежной охраной. В их конкретной ситуации лучше общество одного человека, чем трех или четырех массудов. Люди значительно лучше приспособились к жаре и влажности Эйрросада.

Только он собрался встать и помахать ему рукой, как на него набросился лепар.

— Я знаю, что ты думаешь, — лицо его оказалось совсем рядом с лицом физиотеха. — Это не человек.

Все четыре века физиотеха нетерпеливо вздрогнули:

— Что ты говоришь? Конечно же, это человек.

— Нет.

— Посмотри на него. На его пропорции, на очертания. Это — человек.

Итепу медленно поднялся, чтобы посмотреть через корень дерева:

— Жди и наблюдай.

Раздосадованный и сбитый с толку медик все же подчинился приказу более низшего по рангу лепара, хотя и с неохотой.

Через некоторое время существо поднялось на ноги и начало методически изучать окружающие его джунгли. Глаза медика расширились. Он поспешно нырнул за корень.

— Ды, ты был совершенно прав, — прошептал он напряженно. — Это ашреган! Пропорции человеческие, но это ашреган. — Ошибки быть не могло. Эти выдающиеся кости над

ушами и мешки под глазами. Несмотря на рост и строение, это был ашреган.

— Настоящий гигант для ашреганов, — согласился Итепу.

Длинный язык медика начал вибрировать во рту.

— Клянусь Кругом! Это, вероятно, один из тех мутантов, которые разгромили станцию на Кобе. Говорили, что они высоки ростом, быстро движутся и значительно сильнее, чем их сородичи. Предполагают, что это — результат биоинженерии, примененной амплитурами к ашреганам.

Чем больше смотрели они на существо, тем больше убеждался Медик-Пятой-Степени, что перед ними один из тех самых мифических воинов ашреганов. Он был значительно выше даже обычных людей. Поэтому неудивительно, что он не сумел его сразу опознать. В конце концов, ашреганы были настолько же похожи на людей, насколько сами гивистамы походили на более мелких по размерам о'о'йанов.

Он обсудил свои наблюдения с Итепу, жалея, что тот не из его собственной расы или расы сардонических, но блестящих с'ванов. Ему явно не хватало сейчас чувства юмора.

— Как же это странно, — бормотал он. — Он похож на ашреганa, но передвигается, как человек.

— Биоинженерия Амплитура, — Итепу был совершенно убежден в своем объяснении. — Они стремятся вывести таких ашреганов, которые бы были равны людям — воинам по своим качествам, поэтому они придают им человеческий облик.

В мозгу лепара возникла неожиданная мысль. Он протер черным языком свой левый глаз и заговорил:

— Знаешь, что это означает? Только два существа, подобных этому, были обнаружены на Кобе. Но оба они были мертвы. А этот образец — цел и здоров. Если бы мы смогли взять его в плен и...

Медик был убежден, что его компаньон заметил, как расширились его зрачки:

— Ты что, сошел с ума? Ты что, не понимаешь, что это существо может с нами сделать? Ашреганы — бойцы. Но гивистамы и лепары — нет.

— Но это важно, — настойчивость лепара была по детски прямой и простой. — Это будет полезно для специалистов Узора, которые пытаются понять, что произошло на Кобе.

Медик решительно щелкнул ногтями на правой руке.

— Он убьет нас, как только мы к нему приблизимся. Я не желаю иметь ничего общего с такой сумасшедшей идеей.

Итепу поглядел на него. Несомненно, в одиночку он не попытается ничего сделать, подумал физиотех. Обычно лепар проявляет не больше инициативы, чем растение, сохнущее под солнцем.

Компаньон его долго думал перед тем, как ответить.

— Если Амплитур сумел превратить ашреганов в таких сильных воинов за столь короткий срок, военному совету необходимо об этом узнать как можно больше. Мы несем за это ответственность.

— Думаю, что в этом конкретном случае мы не несем никакой ответственности, — ответ Медика-Пятой-Степени был решителен. — Я специалист пятой степени, и врач. Ты — рабочий по ремонту. Пусть взятием пленных занимаются люди и массуды. Мы же отвечаем за то, чтобы спуститься по реке до ближайшего поста и вновь вернуться к исполнению своих задач.

Не обращая внимания на протесты своего компаньона, Итепу продолжал выглядывать украдкой из-за корня.

— Мне кажется, он ранен. Какой шанс!

И хотя естественный инстинкт самосохранения говорил ему: беги! — медик был неспособен полностью подавить свое любопытство.

— Ты уверен, что он ранен?

— Погляди, он хромает, — прошептал Итепу.

Итепу встал рядом со своим товарищем.

— Даже если он ранен, даже, если он обладает боевыми качествами людей, он опаснее, чем мы оба вместе взятые. Обычный ашреган и то опаснее нас обоих.

Как любой нормальный здоровый гивистам он задрожал от одной мысли, что придется участвовать в бою.

— Поблизости нет ни людей, ни массудов, чтобы помочь нам, — заметил Итепу. — Мы должны это сделать сами, или возможность будет упущена.

— Значит, пусть она будет упущена.

— Значит, я должен сделать что-то в одиночку.

«Лучше быстро умереть, чем оказаться в ловушке», — подумал Медик-Пятой-Степени.

— Что ты предлагаешь? — услышал он вопрос. К его удивлению, голос был его собственный. — Напасть на это существо? Но у нас нет оружия.

— У него, по-моему, тоже нет оружия.

— Дай-ка я посмотрю. — Медик не собирался верить на слово лепару. Хотя они одинаково хорошо видели и над и под водой, но иногда страдали и близорукостью. Он щелкнул защитными затенителями — и поставил их на свой низко нависающий лоб. Они автоматически заняли свое место.

Ашреган вновь уселся и начал есть какой-то плод. Но как внимательно не вглядывался медик, никакого оружия, кроме самодельной дубины, он не видел. Одежда на существе была изорвана, на гладкой коже были видны черные раны. Значит он не только был ранен в ногу, но и получил ожоги. На нем не было никакой брони. Может быть, это даже и не воин, а всего-навсего какой-то технический специалист. Хотя всех ашреганов учили воевать, не все они были солдатами.

Да, брать в плен нам придется не молитара, подумал он. И даже не человека. Он вновь задумался над предложением своего товарища. Если они сумеют выполнить эту задачу, то прославятся на всю Галактику. Его размышления в медитационном кругу будут вознаграждены.

Альтернатива же будет неприятной. Если попытка не удастся, ашреган убьет их обоих. Он нащупал свой медицинский пояс и обнаружил на нем маленький пластициновый цилиндр.

Итепу молча наблюдал:

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь подготовиться. Будь спокоен, — тихо свистнул гивистам. Вскинув голову, он положил цилиндр в рот и проглотил две пилюли. — Полевые транквилизаторы. Мои реакции не будут затронуты. — Он сжал когтистые пальцы на левой руке: — Но во время физического столкновения я смогу сохранить равновесие, а если придется применить грубую силу, то сумею удержать рвоту.

— Лепары тоже не приспособлены к боевым действиям, как и гивистамы, — напомнил ему товарищ.

— Ты считаешь, что таким образом ты меня вдохновляешь? Мы же наверняка потерпим поражение. Я совершенно не представляю себе, что такое бой.

Маленькие черные глазки Итепу полузакрылись.

— Мы подождем, пока он заснет, потом подберемся к нему и оглушим.

— Блестяще. Но если мы ударим его слишком сильно, он умрет. Если же удар будет недостаточно сильным, он вскочит и разнесет нас на куски.

Лепар напряженно размышлял:

— Нас двое. Если первого удара окажется недостаточно, второй сможет нанести второй удар.

Типично сложный образ мышления лепара, заметил про себя медик. Он попытался заставить себя думать, как воин, сдерживая легкую дрожь в ногах и поднимающуюся волну тошноты. Но транквилизаторы помогли.

— Я видел здесь несколько глубоких, заполненных водой углублений, — он повернулся, указывая на дерево, стоящее позади. Среди его корней они провели предыдущую ночь. — Если один из нас притворится раненым, это заинтересует существо, и он соблазнится на приманку. Мы замаскируем углубление ветками и листьями. Тот, кто притворится раненым, сумеет его обойти, а существо попадет в ловушку.

— Идея хорошая. — В голосе лепара звучало восхищение. — Я об этом не подумал.

Да уж, конечно, подумал Медик с сочувствием, но это не твоя вина.

— Ты пойдешь в сторону ловушки, ашреган — за тобой. Я стану поджидать поблизости... — он хотел добавить «с дубиной» — но знал, что никогда не сумеет нанести удар, который причинит вред живому существу. — ...я буду рядом и подстрахую тебя.

Его товарищ серьезно смотрел на него.

— Мы плохо бегаем. — Он показал свои перепончатые задние лапы. Сандалии лепар давно сбросил, и ноги его были голыми. — Мы быстро движемся в воде, но не на земле. Гивистамы же, — добавил он с удивительным напором, — славятся тем, что быстро бегают.

Как странно, что я не подумал об этом перед тем, как открыть рот, промелькнуло в голове медика. Итепу внимательно глядел на него.

— Я не представляю, что сумею сделать подобное. Надо подумать о чем-то другом. — Он скрипнул зубами, что было

признаком его огорчения: — Заставить ашрегана гнаться за собой... нет, я не сумею.

— Но это будет очень быстро, — заметил Итепу. — На коротком расстоянии здоровый гивистам сумеет обогнать раненого ашрегана. У них короткие ноги.

— Но не у этого мутанта, — напомнил медик. — У него ноги, как у людей.

— Бежать тебе придется совсем недолго. Я спрячусь в кустах — на полпути до ловушки, и если он станет тебя догонять, я ударю его камнем по голове. — Лицо Итепу просветлело от неожиданной мысли. — Это отлично! Это дополняет твой замысел.

— Если только существо меня все же не поймает, а ты не промахнешься, — бормотал медик, уже почти соглашаясь. Но в целом, ему ужасно хотелось помедитировать. — Но я не представляю, как мы сумеем это сделать, не рискуя. Помни, у этого существа повреждена нога. Он, конечно же, не сумеет слишком быстро бежать.

— Да, на самом деле. — Медик несколько воспрял духом. — Может быть, он и вообще за мной не погонится.

— Ты не будешь подвергаться большой опасности. — Лепар был бесстрастен.

— Но как мне привлечь его внимание?

Итепу задумался.

— Брось в него чем-нибудь. Если повезет, то он, пожалуй, взбесится.

— Если повезет? — Конечно, гивистамы не были столь же остроумны, как с'ваны, но если нужно, могли проявлять чувство юмора. — Это оскорбительное деяние. Не знаю, смогу ли я... — Медик ощутил бурление в животе от одной мысли об этом.

— Тогда брось рядом. Если ты не собираешься нанести ему вреда, то это действие не оскорбительно.

— Да, — согласился медик. — Он поставил затенители на место. — Но сначала нам нужно найти яму и закрыть ее ветками.

Лепар дважды шлепнул широким ртом:

— Я позабочусь об этом. У меня хорошо получается ручная работа.

А я понаблюдаю, подумал Медик. У меня это тоже хорошо получается.

Итепу продемонстрировал прекрасные способности в подготовке ловушки. Яма была достаточно глубокой, и стены ее были довольно отвесны, чтобы из нее не смог выбраться даже рослый ашреган.

Это еще самая легкая часть задуманного плана, — подумал он.

Большую часть дня он обдумывал то, что им предстоит сделать и уже почти убедил себя в том, что они сумеют достичь задуманное. В конце концов сражаться ему не придется. Просто привлечь внимание этого существа. После людей и массудов, гивистамы были лучшими бегунами во Вселенной. Особенно на коротких дистанциях.

Они бесшумно приблизились к тому месту, где отдыхал ашреган. Итепу пробормотал что-то на своем языке — очевидно, чтобы придать медику уверенности в своих силах, затем скрылся в лесу. Медик надеялся, что найденный им камень будет достаточно большим и тяжелым.

«Неужели я это делаю? — спросил он себя тихо, двигаясь вперед. — Я, Медик-Пятой-Степени, опытный и умелый специалист, член уважаемых кругов — я собираюсь ловить солдата Назначения?» Страх и отвращение смешались в нем.

У ашрегана ранена нога, напомнил он себе.

Он наладил переводящее устройство, чтобы брошенные им слова были понятны существу. Это тоже может оказаться провоцирующим действием. Может быть, это и не сработает, но зато сделает его понятным. В конце концов, он не собирается вести с врагом длинный разговор.

Но на что он не рассчитывал, так это на огромные размеры существа. Это был самый гигантский ашреган, из всех им виденных. Да, амплитуры потрудились на славу. Его задача показалась физиотеху неожиданно очень сложной, а Итепу, казалось, находится очень далеко.

Они уже слишком много сделали, а он зашел слишком далеко и отступать некуда, сказал он сам себе нервно. Да и не сможет он объяснить свою слабость лепару.

Не потому, что он боится обвинения в трусости. Трусость — это примитивное понятие, не используемое среди

цивилизованных существ. К счастью, он обнаружил, что его способность к размышлению парализована.

Транквилизаторы сработали.

Как будто бы не он, а другое существо берет камень из трясины, будто кто-то другой распрямляется и бросает камень в ашрегана, посылая вслед камню ругательства и оскорбления на незнакомом языке.

Существо отреагировало с необыкновенной быстротой. Одним движением он поднялся и повернулся. Хотя пропорции его тела были человеческие, глаза у него были такие же большие, а лицо таким же плоским, как у ашреганов.

Медик, чувствуя глупость своего положения, стоял ничем не прикрытый и уязвимый на том же месте. Он смотрел на врага. Чтобы как-то преодолеть напавший на него паралич воли, он несколько раз подпрыгнул, сделав несколько непристойных жестов. Наверняка ашреган поймет их смысл.

Камень, слова, жесты, все вместе или по отдельности произвели эффект. Мутант пригнулся к земле, как некий лесной дух, и когда он разогнулся, в руках у него появилось копье, лежавшее до сих пор в траве. Медик-Пятой-Степени пришел в ужас.

Копье было больших размеров, чем его обладатель, толщина его равнялась толщине запястья медика. Его наконечник, выполненный из обтесанного камня, казалось, в мгновение ока разнесет в клочья и кожу, и внутренности.

С диким криком медик бросился прочь, позабыв обо всех тщательно продуманных планах.

Глава 5

Он слышал, как следом за ним через кустарник мчится ашреган. Он производил не так много шума, скользя сквозь кустарники по чавкающей поверхности — совсем не так много шума, как можно было бы ожидать от такого огромного существа. Да и скорость его бега была вовсе не такой, какой можно было бы ожидать от существа с раненой ногой.

Не ожидая ничего подобного, медик обернулся и увидел, что ашреган совсем близко. Он не хромал.

Что же с его раной? — подумал он лихорадочно.

Ему пришло в голову, что, может быть, и раны никакой не было. Может быть, это была лишь хитрость на случай встречи с войсками противника. Но уловка была так убедительна, что обманула даже тех, кого ашреган и не видел. Он перепрыгивал с одного бревна на другое, его мощные длинные ноги несли его по лесу, и расстояние между ними неуклонно сокращалось. В руке у него было зажато смертоносное копье. Медик был уверен, что он его вот-вот метнет.

Он уже чувствовал, как наконечник ударяет его в спину, разрывает его внутренности, выходит через диафрагму и, может быть, пришпиливает к ближайшему дереву, как некое насекомое, подобранное для коллекции. Он пытался бежать быстрее, едва касаясь земли своими трехпалыми ногами, обутыми в сандалии.

Но как быстро он ни бежал, как ни петлял среди деревьев, расстояние между ним и ашреганом становилось все меньше.

Он уже совершенно точно знал, что не сумеет заманить ашрегана в подготовленную ловушку, потому что тот убьет его значительно раньше. Казалось, что он чувствует его смертоносное дыхание у себя на затылке. Глаза его дико озирали кустарники. Где же Итепу со своим камнем? Где-то впереди или же где-то далеко позади?

Обернувшись назад, он увидел ужасное плоское лицо, раскрытый рот с острыми зубами, выступающие над ушами кости, небольшой волосяной островок на плоском черепе. И эти глаза, круглые горящие глаза, которые, не мигая, смотрели ему в глаза.

Он забавляется со мной, подумал он. Ашреган знает, что может убить меня в любой момент.

Медик испустил легкий свист, звук крайнего, почти истерического отчаяния, понимая, что никогда не добежит до ямы, никогда не получит причитающиеся ему награды, — и ринулся дальше в лес.

Сзади него раздался грохот. Может быть, сосредоточив внимание на медике, ашреган поскользнулся и упал? Может быть, он споткнулся о лиану? Медик не стал поворачиваться, не стал оглядываться, пока его сердце, казалось, не выскочило из груди и он не начал задыхаться от быстрого бега.

Он оглянулся. Никого не было.

Может быть, враг по-прежнему с ним забавляется, а сам спрятался где-то в кустах и молча развлекается, глядя на его ужас? Но насколько он знал ашреганов, подобная тактика ими не употреблялась. Он просто должен был бежать за ним следом. Почему же он сделал паузу? Люди иногда поступали подобным образом, но не ашреганы.

Это противоречило его опыту. Но, напомнил он себе, ты целый день поступаешь противно своему опыту. Он пошел обратно по тропинке, стараясь держаться в гуще кустарника, медленно следуя пройденным путем.

Неожиданно его глазам открылась картина, заставившая его тихо присвистнуть.

Ашреган стоял на краю ловушки. Часть листьев и веток были отброшены в сторону, и он с презрением рассматривал открывшуюся яму. Кровь струилась по его щеке.

На краю ямы лежал Итепу, конец копья ашрегана упирался ему в живот. Медик вспомнил страшный треск, услышанный во время панического бегства.

Лепар. Вероятно, Итепу выбежал из укрытия и попытался подманить ашрегана к ловушке. Бедная амфибия нанесла слишком слабый удар. Мутант не только не упал в яму, но здесь же на месте настиг Итепу. Лепар попытался выполнить то, что не сумел сделать Медик-Пятой-Степени.

Он присел, потому что вражеский солдат поднял голову и внимательно осмотрел близлежащие заросли. Наверное, думает, что произошло с тем, кого он преследовал. Наверное, думает, много ли еще дураков Узора прячется в джунглях.

Он отвернулся и начал задавать вопросы Итепу через собственный транслатор. Звуки языка лепара доносились до слуха физиотеха. Он сморщился, потому что ашреган для вящей убедительности начал нажимать копьем на живот распростертого перед ним лепара. Когда тот отказывался отвечать, копье давило сильнее, входя внутрь.

Почему он не отвечает? — думал медик. Упрямство лепара лишь сделает его смерть мучительнее.

Они предприняли попытку, но она не удалась. Его поразила мысль, что пока ашреган занят с лепаром, он сам может ускользнуть. Но может ли он это сделать? Конечно, поступить так будет вполне разумно. Логично, даже цивилизованно.

Если бы у него было время, он сумел бы объяснить себе самому эти действия.

Он колебался, зарывшись глубоко в траву, его внутренности ныли. Альтернативой логичному поступку станет, скорее всего, смерть. Было известно, что некоторые гивистамы, вынужденные обстоятельствами, могут совершать нападения. Способен ли он на это? А учитывая обстоятельства? В конце концов, спасая жизнь лепару?

Транквилизаторы все еще активно воздействовали на него, помогая смягчить опасные мысли. Вот к чему приводит самостоятельность, проявляемая лепарами, напомнил он себе. Он сам хотел не вступать в контакт с мутантом, а продолжить путь к ближайшему передовому посту вдоль по реке. Он отвечал лишь за собственную безопасность. А были более важные вещи. Он нес ответственность перед своим медитационным кругом. Перед всем Узором. Мертвый физиотех не сможет быть полезен Узору.

Но лепар настоял на том, чтобы они ввязались в эту безумную драку. Пусть тогда лепар за все и расплачивается. Он ничем ему не обязан. Последний взгляд — и он уходит.

Взглянув сквозь ветки, он увидел, что существо полностью погрузилось в допрос Итепу. Солдат больше не интересовался тем, что его окружает. Вот и хорошо. Медик медленно и бесшумно свел отодвинутые им ветви.

Он не мог вспомнить, когда начал двигаться. Не мог он вспомнить и того, как именно нанес удар по возвышавшемуся перед ним ашрегану — он ударил его под колени. Вероятно, в момент удара его веки были плотно сжаты. Гивистам был хрупкого сложения, и больше всего он боялся, что не сумеет выполнить задуманное.

Опасение его было небезосновательным. Хотя мутант и был занят допросом Итепу, но он отреагировал на появление медика. Когда он начал поворачиваться, тот ударил его сильно, как мог. Застигнутый врасплох ашреган уронил копье и вскинул руки, пытаясь удержать равновесие. Ошеломленное выражение на его лице говорило о том, что он не верит в то, что такое безобидное существо — гивистам — могло застигнуть его врасплох.

Почва на краю ямы была столь же скользкая, как и остальная часть поверхности Эйрросада. В какой-то страшный мо-

мент, казалось, существо сумеет удержаться на краю. Затем он рухнул вниз, увлекая за собой сложенные сучья и листья, извергая странные проклятия. Раздался звук падения.

Медик опустился на корточки. Язык его свесился, он пытался унять биение сердца. Из глубины ловушки раздавались злобные выкрики. Когда дрожь прекратилась, он поднялся и помог Итепу встать на ноги. Если не считать небольшой ранки, оставленной копьем, лепар был цел и невредим.

— Ты спас мне жизнь.

— Это было сущее безумие. Я поступил так, как не приучен. Когда мы вернемся, ты должен отправить меня на обследование. Я настаиваю на этом.

Не обращая на него внимание, Итепу осторожно приблизился к краю ямы и заглянул внутрь.

Ашреган стоял на ногах и ругался, осматриваясь. Медик не стал подходить к ловушке. Он знал, как выглядит ашреган.

Итепу отошел от края ямы:

— Ну вот, мы это сделали.

— Не напоминай мне, пожалуйста. Я предпочитаю не вспоминать об этом.

— Теперь, когда мы поймали это существо, давай подумаем, как его взять с собой.

— Моя идея лучше, — медик все еще тяжело дышал: — Давай оставим его здесь. Мы оставим ему немного пищи и воды, запомним место, а остальные пусть придут за ним.

— Нет, так нельзя поступать, — лепар был непоколебим. — За это время он сможет убежать. Мы должны его забрать с собой, или все наши достижения ничего не стоят. — Он взглянул в сторону ловушки. — Теперь мы точно знаем, что это ашреган. Человек не стал бы задавать вопросы, он сразу бы убил врага.

Медик-Пятой-Степени присоединился к своему товарищу на краю ямы, и они стали думать, как поступить дальше.

Вдруг существо отошло в дальний угол и с разбегу попыталось выбраться наверх. Его могучие руки чуть не коснулись ног медика.

Тот в испуге отскочил в сторону. Но он зря беспокоился. Хотя ашреган и мог прыгать высоко, его короткие пальцы не в состоянии были уцепиться за скользкий край ловушки.

Но он вновь попытался выбраться, потратив на это столько энергии, сколько, полагал медик, ни одно живое существо было не в состоянии потратить. Влажная мягкая почва уходила у него из-под ног и выскальзывала из-под пальцев. Несколько раз он почти поднимался над уровнем ямы, но почва предательски ускользала из-под рук.

Но сколь бы велики ни были его силы, они иссякли. Он вновь попытался, потерпел неудачу и наконец упал в небольшую лужу, собравшуюся на дне ямы. Там он затих и лежал, тяжело дыша и бросая ненавидящие взгляды на своих врагов.

Медик лязгнул зубами:

— Надо уходить. Как можно сдержать такого убийцу? Если мы вытащим его, он убьет нас. Если мы спустимся к нему, он убьет нас и там. Мы не в состоянии ничего с ними сделать.

— Может быть, и сможем, — тихо заметил лепар.

Гивистам полузакрыл веки.

— Объясни.

Итепу показал на пояс физиотеха:

— У тебя есть медикаменты, которые облегчают страдания раненых. Может быть, какие-нибудь действуют как снотворное?

— Есть. Но те дозы, которые я ношу при себе, рассчитаны на массудов и людей. В меньшей степени на лепаров и на гивистамов. Для лечения врага необходимы условия полевого госпиталя.

— Я слышал, что физиология ашреганов и людей очень похожа.

— Это так. Но в том, что касается воздействия медикаментов — все не так просто. Я всего лишь Медик-Пятой-Степени, полевой медик. Я не разбираюсь в подобных вопросах.

— Это существо получило физические и боевые характеристики людей, — заметил Итепу. — Значит, и лекарства, рассчитанные на людей, должны действовать на него. Почему бы и не попробовать?

— Проблема, однако, в том, как приблизиться к нему и сделать инъекцию? — ответил медик.

— Разве обязательно делать инъекцию? Он существо мощное, но есть ему все равно нужно.

Физиотех предположил:

— А не заподозрит ли он неладное, получив от нас пищу?

— Вероятно. Но голод окажется сильнее подозрений. Он должен понять, что если мы захотим его смерти, то можем просто закидать его камнями или оставить здесь. К тому же он не знает, что ты врач и у тебя есть снотворное.

Он выделил сильную, очень сильную дозу. В конце концов, в самом крайнем случае от этой дозы враг просто умрет. И тогда им не придется его никуда доставлять. Но он рассчитал дозу так, чтобы она не стала смертельной. Возможность летального исхода может быть лишь делом случайным.

Как они и ожидали, сначала ашреган отвергал пищу: и фрукты, и мясо. Но после того как два дня кряду он безуспешно пытался вскарабкаться на край ямы, силы стали покидать его. Наконец он набросился на предложенную пищу и стал пожирать ее с завидным аппетитом и демонстрируя полное отсутствие всяких манер. Он не только съел предложенное, но и попросил добавки. Затем он уселся на склизкое дно ловушки и смотрел на них со злобным выражением на своем отвратительном плоском лице.

Через час глаза его закрылись, а голова свесилась на плечо.

— Мы можем нарезать лиан с деревьев и связать его, — предложил Итепу. — Мы вытащим его из ямы и затем свяжем. Думаю, мы справимся вдвоем.

— Но одному придется спуститься вниз. — Медик внимательно смотрел на неподвижное тело противника. — Что, если он нас обманывает?

— Я выясню.

Через несколько минут лепар нашел подходящего размера камень. Медик наблюдал, как он осторожно встал на край ямы и бросил камень вниз. Он был достаточно велик, чтобы рассечь кожу на голове ашрегана, но не нанести серьезного повреждения. Веки мутанта даже не дрогнули.

— Да, он без сознания, — медик был удовлетворен. — Надо только убедиться в том, что мы его крепко свяжем и он не сможет удрать.

С помощью хирургических инструментов они нарезали толстых лиан. Завернув врага, как кокон, заложив ему руки за спину, они стали вытягивать его из ямы, работая быстро, чтобы завершить дело до того, как он проснется. Так как они не хотели, да и не могли бы нести своего противника, они

оставили его нижние конечности относительно свободными, стреножив так, чтобы он мог двигаться, но не мог бежать.

Когда существо пришло в сознание, оно было несколько удивлено своим новым состоянием. Попробовав разорвать узы, ашреган быстро убедился, что это невозможно. Он зло поглядел на медика. Переводящий транслятор действовал, хотя и плохо.

— Вы усыпили меня. Я не ожидал этого. Что делают здесь в джунглях лепар и гивистам с наркотиком?

— Я медик-специалист, — ответил физиотех. Даже связанный по рукам и ногам ашреган производил устрашающее впечатление.

Он издал нечленораздельное мычание.

— Такого со мной еще не случалось. Мне надо было бы обратить внимание на вашу форму, когда я вас преследовал. Мне это послужит уроком. Теперь, когда вы завладели мной, что вы собираетесь со мной делать?

— Ты пойдешь с нами, — физиотех сделал несколько шагов назад, пока ашреган пытался подняться на ноги. Наконец он встал, возвышаясь зеленым коконом над захватившими его в плен.

Итепу взял копье ашрегана. Тот с презрением усмехнулся:

— Не пытайся убедить меня в том, что сумеешь его использовать.

Лепар ответил твердо и спокойно:

— Я уже дважды наносил тебе удар камнями. Я могу удивить тебя и еще один раз.

— Возможно. Вас лепаров сложно понять. Когда-нибудь вы станете полезными для достижения Назначения.

— Не раньше, чем все мы умрем, — заверил его Итепу.

— И гивистамы тоже, — медик вел себя столь же вызывающе, как и лепар. — Ты идешь с нами. Ты — физиологическая аномалия: внешне ашреган, но с характеристиками человека.

— Я — ашреган, — ответил гордо пленник. — Вы разговариваете с унифером Раньи-ааром с планеты Коссуут, которая борется за достижение Назначения. — Он напрягся, пытаясь разорвать путы. — Если я освобожусь, то убью вас обоих. Я убиваю всех врагов Назначения.

— Да, мы знаем. — Уверенность медика возрастала по ме-

ре того, как он видел, что пленник не в состоянии разорвать свои путы. — Совершенно очевидно, что тебя подвергли изменению. Несомненно, ответственны за это амплитуры.

Глаза пленника сверкнули.

— Амплитуры не занимаются подобными делами. Все это сказки — пропаганда Узора. Амплитуры...

— Мы не нуждаемся в лекциях о доблестях Амплитура. У меня есть глаза, и я квалифицированный специалист по медицине. У тебя есть черты ашрегана и черты человека. Происходит что-то очень своеобразное. Мы забираем тебя с собой, чтобы лучшие умы разобрались, что к чему.

— Они не обнаружат ничего нового, — заявил мутант. — Вы взяли пленника, вот и все. — Он резко повернулся к Итепу, который слегка вздрогнул, его черные глаза сверкнули, но он не отступил. — А вот тебя мне надо было бы сразу убить.

Выражение лепара не изменилось.

— Но ты не сделал этого.

— Нет. Ты лежал на земле. Ты был беспомощен. А мне надо было задать тебе несколько вопросов. Мне надо было действовать быстрее, как это делают проклятые люди.

— Я рад, что ты так не поступил, — Итепу смело выступил вперед и коснулся копьем лиан, связывавших ашрегана. — Ну а теперь, вперед. Сюда.

Пленник еще раз поглядел на лепара и двинулся в указанном направлении. Медик и Итепу последовали за ним. Они были горды своими успехами, такого они не ожидали от самих себя.

Несмотря на опасения Медика, на них никто не напал. Никто не выскользнул из-под ног, из густых зарослей, ничто не мешало их продвижению. Сделав еще несколько заявлений, ашреган стал на удивление послушным. Но его стражники не расслаблялись, оставаясь начеку с той самой минуты, когда поймали солдата. Нет сомнений, его соратники станут разыскивать его.

Они без приключений добрались до реки. Пленник спокойно сидел на берегу, пока Итепу и медик с помощью подручных средств строили плот. Если им и нужны были новые доказательства того, что перед ними был ашреган, — его безразличие к тому, что они сооружали, говорило само за себя. Человек бы обязательно бросился в реку, хотя скорее всего

утонул бы, или попытался бы ударить их связанными ногами, или начал бы оскорблять их. Так вели себя люди. Но не ашреганы.

Вместо этого он продолжал читать им длинную лекцию о Назначении, пока медик, невзирая на ценность пленника, не захотел хватить его копьем, чтобы покончить сразу и с ним, и с лекцией.

— Мы уже слышали все, что ты нам тут толкуешь, — заявил он наконец мутанту. — Но вопреки твоим словам, вне Назначения тоже есть цивилизации. Это правда.

— Цивилизованные существа не истребляют беззащитных обитателей незащищенных миров, — коротко ответил ашреган.

Медик с любопытством взглянул на пленника, оторвавшись на минуту от работы:

— О чем ты говоришь?

— Мои родители. Вся моя семья, их друзья и родственники были уничтожены массудами и людьми.

— Честное слово, я не понимаю, о чем ты говоришь.

— Побоище на Хусилате, конечно. Не верю, чтобы вы никогда не слышали о нем, даже если Узор полностью контролирует средства массовой информации. Хусилат — это тот мир, откуда я родом.

Медик-Пятой-Степени продолжил работать, размышляя вслух.

— Да, на самом деле был такой Хусилат. Мир, колонизованный одновременно и ашреганами, и бир'римарами. За него шло соперничество и некоторое время назад Узор отвоевал его. В недавней истории я достаточно разбираюсь. Итепу, ты помнишь что-либо из того, о чем говорит он?

Лепар оторвал глаза от работы, стоя по пояс в воде.

— У нас не слишком-то хорошая память, но название мне о чем-то говорит. — Битва была продолжительной, но скромной по размеру. Все миры хотели, чтобы победил Узор. Но никакого избиения обитателей планеты не было. Это правда. — Медик связал два бревна, с удовлетворением поглядев на дело своих рук. Вероятно, его длительная медицинская подготовка и не была рассчитана на подобный примитивный труд, но рядом не было никого, кто бы возразил. — Всем обитателям было позволено под контролем Узора либо остаться на плане-

те, либо перебраться на иные планеты, находящиеся под контролем ашреганов.

Раньи нахмурился.

— Пропаганда. Все обитатели Хусилата были уничтожены. Включая моих родителей.

Медик крепко завязал лиану.

— Может быть, они и погибли. Наверняка такие случаи были. Но никакого избиения не было.

— Все друзья моих родителей, все мои родственники и их друзья были убиты. Или эти зверства у вас принято так обтекаемо называть — «случаи»?

Медик поглядел мимо него.

— Все это может быть правдой, но никакого избиения не было. Так Узор не действует. Тебе лгали.

— Амплитур...

Раньи начал было говорить, что амплитуры никогда не лгут. Даже им придется это признать. Но когда он мысленно вернулся назад, его вдруг поразило, что никто из амплитуров, ни лично, ни в записи, напрямую о Хусилате не говорил. История планеты была рассказана ему новыми родителями, его наставниками, которые были ашреганами. Интересно будет как-нибудь задать вопрос амплитуру и услышать ответ.

Нет! Абсурд! Невозможно! Он не в состоянии допустить такое! С какой стати ему спрашивать своих родителей и своих наставников о том, что на берегу ему поведал какой-то гивистам, существо, действующее без всякого Назначения?

— Нет, лгали вам, — ответил он уверенно. — Избиение было.

— Может быть, и так, согласился Медик-Пятой-Степени с готовностью. — Меня там не было на самом деле. Но скажи мне ашреган-унифер: Какова могла бы быть цель подобного избиения? Что это дало бы Узору?

— В этом не должно было содержаться какой-либо цели, если в избиение были вовлечены люди.

— Даже люди не убивают бессмысленно. Конечно, говорят, что они совершают варварские поступки. Но не в таких масштабах, как ты говоришь. К тому же одни люди не воюют. Им это не разрешено. Массуды, или кто-то другой всегда присутствуют. И о подобной кровожадности стало бы известно.

— Вы так в этом убеждены? Узор постарался бы скрыть

подобный случай. Так как вам неведомо Назначение, вы все время сражаетесь и спорите между собой. Известие о подобной трагедии вызвало бы среди вас разногласия.

— Ты очень хороший спорщик, — медик покрепче затянул лиану вокруг его ног. — И хотя я не верю твоему рассказу, но допускаю, что он может быть правдив. Но может быть, ты тогда допустишь возможность и моей правоты? Все может быть возможно, если нет прямого доказательства обратного.

Раньи замолчал, а Итепу и медик продолжили работу. Молчание давало возможность подумать, а наставники указывали, что это может быть опасным. Зачем им надо было бы лгать ему и его друзьям на такую важную для них тему, как разрушение Хусилата? Гивистам, кажется, был искренне удивлен его рассказом, и совершенно убежден, что ничего подобного не происходило. Да, конечно, правительство могло бы скрыть от них правду. Но разве это возможно в эпоху мгновенной связи между различными мирами и различными расами?

— Мои друзья отвезут вас в тот мир, — заявил он, не имея в распоряжении иных аргументов. — Было или не было избиения, но Узор несет ответственность за смерть моих родителей.

— Я тебе очень сочувствую, — сказал физиотех. — Даже когда речь идет о высоких идеалах, мирные жители погибают. Но ни я, ни мой товарищ к этому отношения не имеют. Во времена Хусилата мы еще не были взрослыми.

Раньи замолчал. Ему надо было бы подумать о том, как убежать, а не тратить силы на споры с врагами.

— Я не хочу сказать, что лично вас обвиняю в происшедшем. Виновата та организация, то правительство, которое вас направляет. — Сказать по-иному не соответствовало бы высоким задачам Назначения.

— Да, конечно, — пальцы медика щелкнули, что выражало сарказм. — Но ваш облик меня смущает.

— Я настоящий ашреган. Если вы думаете по-иному, то теряете зря время.

— Ты, наверное, видел изображения людей. Не верю, что тебя не удивляло ваше физическое сходство.

— Я знаю о нашем внешнем сходстве. И о наших различиях, — заверил его Раньи.

— Амплитуры бы не снизошли до более низких по уровню развития рас, если бы не знали, что те обеспечат им достижение их целей. Если бы Узор держал в секрете от большей части населения достижения прогресса в другом мире, мире, где правят амплитуры, то в любом случае, встреча с этим миром состоялась бы — и остановила бы развитие Узора.

Он вдруг с изумлением осознал, что, кажется, только что нашел возможное рациональное объяснение тому, как выразился их пленник, избиению мирных людей на Хусилате. Но не может быть, чтобы с'ваны или гивистамы разрешили бы подобное.

В этом он уверен.

— Чепуха, — пленник попытался подвигаться на месте. — Ашреганы разнообразны по своим физическим качествам. И если кто-то из нас выше ростом и сильнее, это не означает, что мы являемся продуктом каких-то генетических манипуляций.

— Я не могу ничего об этом сказать. Лучшие, чем я, умы проанализируют и изучат вас. — Взглянув на ашрегана, медик добавил: — Не думаю, что вас подвергнут вивисекции. Неужели вы на самом деле считаете нас какими-то варварами, как нас представляют амплитуры?

— Они не называют вас варварами, — ответил Раньи.

Острые зубы медика лязгнули:

— Не так прямо, конечно. Но они предлагают заставить вас так думать. Ваши хозяева амплитуры неплохо преуспели в том, чтобы предлагать выгодные для них идеи.

— Они не наши «хозяева». В рамках достижения Назначения все расы равны.

— И амплитуры не навязывали вам своих идей?

— У меня был мысленный контакт с двумя амплитурами, — сказал Раньи с гордостью. — Я чувствую себя просвещеннее и польщен подобным контактом.

— Конечно, если они «предложат» вам так себя чувствовать.

— Но я-то на самом деле чувствовал, — резко ответил Раньи громче, чем хотел.

Медик-Пятой-Степени не был расположен обсуждать с ним недостатки циркулярной системы их мышления. Вместе с Ите-

пу они спустили плот на воду. Он замер на поверхности реки рядом с грязным берегом, готовый принять пассажиров.

— Идем, — произнес медик, обращаясь к пленнику. — Не пытайся выкинуть какую-нибудь глупость. Мы можем тогда все вместе упасть в реку. Но мой приятель чувствует себя в воде прекрасно, даже лучше, чем на земле. И можешь быть уверен, он не пожалеет силы, чтобы спасти меня, а не тебя. Ты не сумеешь сбежать.

Раньи шагнул вперед, с трудом передвигая ногами.

— Даже если я всего-навсего воин, не стоит мне лишний раз объяснять очевидное.

Глава 6

Как и предвидел Медик-Пятой-Степени, их нежданное появление на передовом посту оборонительной линии войск Узора вызвало ликование среди изумленных сотрудников поста. Усталых и грязных, но в любом случае целых и невредимых их препроводили в штаб. Ведь они не только сумели выжить после сокрушительной атаки врага, но и проделали пешком длинный переход по вражеской территории, безоружными, и с собой привели пленника.

Такого рода подвиг можно было бы ожидать от массудов или людей, но никак не от лепара и гивистама.

Хотя коллеги медика были обеспокоены состоянием его ума, но ему было предоставлено почетное место в медитационном кругу, а его достоинства были должным образом отмечены. Итепу не получил столь громких почестей — одобрительное слово, дружеское пожатие. Да ему они и не были нужны. Он стремился поскорее вернуться к своей работе.

Первоначальное нетерпение медиков станции, уступило место разочарованию — они поняли, что не в состоянии провести изучение пленника, потому что не располагают необходимой аппаратурой. Но даже поверхностное изучение Раньи подтвердило подозрение Медика Пятой Степени — в одном теле странным образом были смешаны качества, присущие людям и ашреганам. Для решения этой биологической загадки

специалисты гивистама и О'о'йана, находившиеся на Эйрросаде — не располагали достаточными средствами.

Было решено отправить пленника ближайшим же челночным рейсом. Люди могли бы воспротивиться, что пленника отправляют так далеко от его сородичей, но пленник не был человеком. Как истинный ашреганский солдат, воспитанный для достижения Назначения, он спокойно воспринял решение, обратившись лишь с одной странной просьбой. Хотя командование подумало, что просьба его непонятна, но согласилась выполнить ее.

Поэтому, когда Раньи несся через субпространство к своей неизвестной судьбе, оставляя далеко позади и Эйрросад, и свой любимый Коссуут, он путешествовал не в одиночестве. Очень многие были изумлены его просьбой — он хотел путешествовать в обществе знакомого ему лепара.

Психолог штаба Третий-по-Уму нашел этому объяснение.

— Этот пленник, ашреган, вероятно, опасается исследований своего мозга. Он знает, что лепары известны своей простотой, и он знаком с этим конкретным индивидуумом. Он попытается использовать лепара, чтобы проверить истинность того, что говорят ему остальные.

Командиром Базы был массуд. Ему была определена задача освоить и завоевать этот мир для Узора, — мир, уровень влажности в котором вызывал приступы удушья, а дожди почти никогда не прекращались. Этот мир не очень-то нравился командиру. Он не слишком-то интересовался психологическими аберрациями и умственными процессами пленника — ашрегана, который к счастью был выведен из-под его юрисдикции.

Он простился с психологом, никак не прокомментировав его объяснение.

Однако на борту корабля, мчавшегося от солнца Эйрросада этот пассажир вызвал волну любопытства. Всем было известно положение единственного пассажира на корабле, который направлял свои просьбы исключительно через лепара, выполнявшего в обычное время ремонтные работы. Все изумлялись его росту, когда он время от времени проходил через отсеки корабля. Это был самый большой ашреган, которого они когда-либо видели в своей жизни.

Капитан из с'ванов был несколько разочарован маршрутом корабля. Конечно, на Омафиле возможности научного иссле-

дования были значительно больше, тамошние ученые были значительно компетентнее, но это был мир Юла. Он бы с большим удовольствием доставил пленника на собственную планету.

Но выбор делал не он. Военные советники были достаточно специфическими существами. Обитаемая планета Омафил мира Юла была ближайшей к Эйрросаду развитой планетой. По каким-то пока неизвестным причинам уже в ближайшем будущем окажется необходимым вернуть пленника домой. Капитан задумчиво гладил бороду. Возможно, все это и хорошо. Юла было космополитическим местом. Там есть с'ваны, которые станут следить за развитием событий, даже если сами они и не будут прямо участвовать в исследованиях.

Самому капитану пленник был безразличен, если не иметь в виду лишь то обстоятельство, что с'ваны взяли себе за правило не быть безразличными ни к чему. Не потому, что они были так уж любопытны. Скорее параноидальны.

Значительная часть команды состояла из юланцев, естественно, с обычным количеством гивистамов, о'о'йанов, лепаров и с'ванов-офицеров. Был еще отряд массудов, которых взяли с Эйрросада специально для наблюдения за пленником. Однако ашреган оказался примерным узником, поэтому они проводили свое рабочее время спокойно.

Вместе с ними летели еще трое солдат человеческой расы. Их сходство с пленным ашреганом вызвало немало комментариев среди команды. Ашреган, однако, не выказал желания к общению с ними. Он проводил время с лепаром, который и сопровождал его во время полета. Это импонировало самым впечатлительным членам команды, которых выводило из равновесия столь разительное сходство солдат человеческой расы и ашрегана.

Не потому, что предпочтение, оказанное узником лепару, не озадачивало. Для среднего лепара два предложения, сказанные вместе, уже означали продолжительный разговор. О чем вообще мог говорить ашреган со своим компаньоном-амфибией? Команда развлекалась, как могла, подыскивая самые невероятные объяснения.

* * *

У юланца было три ноги и три руки, соответствующая этому осанка и три желтых глаза на верхней части треугольного черепа. Из-под форменной юбки выглядывала шерсть, что делало Теота похожим на набитую игрушку. Хотя он не был выше ростом обыкновенного гивистама, из-за обилия шерсти он казался весьма массивным.

Шерсть была настоящей и очень густой, как борода с'вана, хотя и значительно более мягкая и очень ухоженная. Она покрывала все тело Теота, включая голову и ноги, сложное сочетание пятен определяло идентичность данного существа.

Хотя Юла не являлся самой населенной и важной частью Узора, но входил в его состав уже сотни лет, его жители полностью верили в правоту дела Узора и по мере возможностей оказывали ему поддержку в борьбе против влияния Амплитура. Они были полностью цивилизованны, то есть уже давно не участвовали ни в каких сражениях, но лишь оказывали помощь и поддержку людям и массудам. Это объясняло их присутствие на борту корабля.

Юла занимал три планеты, из которых Омафил была самой важной. В экономике планеты преобладало сельское хозяйство и легкая промышленность. Лишь часть производства обслуживала военные цели. Несмотря на достаточно уязвимое расположение в Галактике Юла наслаждался обманчиво мирным существованием, что было характерно для большинства миров системы Узора, как и для миров Назначения. Нынешнее сражение проходило на мало населенных планетах между малоразвитыми расами Узора и теми несчастными, которых амплитуры используют для достижения своих целей.

Именно поэтому Теот был озабочен тем, что доставка на мирную планету Омафил особого пленника-воина не вызвала беспокойства его товарищей. Несколько раз он пытался начать с ними обсуждение этого вопроса, но каждый раз они уклонялись ои дискуссии. Их это не беспокоило.

Однак он нашел понимание и сочувствие среди вечно занятых и серьезных гивистамов. Особенно двое из них — Восьмой-по-Характеристике и Шестой-по-Технике, составили благодарную аудиторию и внимательно слушали его рассуждения. Они разделяли его опасения, что пленник представляет опасность.

Обычно они встречались в шаре зеро-джи, выбирая время,

когда шар не был слишком заполнен членами команды. Пока остальные прыгали по мягким стенам или плавали через вечно изменяющийся центральный лабиринт, или участвовали в разнообразных нулл-джи-играх, три заговорщика уединялись и беседовали наедине друг с другом.

Мотивы Теота были ясны и просты: он не хотел, чтобы сумасшедшую боевую машину — ашрегана — импортировали в его мир. Хотя большинство придерживалось мнения, что один-единственный противник не сумеет составить большую угрозу, Теот с этим бурно не соглашался. В этом отношении его позиция больше совпадала с позицией гивистамов, чем юланцев. Конечно, все трое сходились в этом мнении.

Восьмой-по-Характеристике знал о пассажире не больше, чем все другие члены команды. Шестой-по-Технике и сам Теот видели пленника время от времени, когда он прогуливался по кораблю. Эти недолгие встречи были достаточно устрашающими.

Восьмой-по-Характеристике тихо говорил:

— Они говорят, что новый вид боевого мутанта является примером результатов биоинженерного вмешательства Амплитура.

— Интересно, насколько оно было успешным, — пробормотал Шестой-по-Технике.

— На самом деле, я еще не знаю, — зубы его товарища щелкнули. — Это секрет. Есть, конечно, слухи. Говорят, что они столь же выносливы, как люди.

— Но почему нужно везти его в мой мир? — Теот тщательно настроил свой транслятор, чтобы быть уверенным, что все им сказанное понятно товарищам-гивистамам. — Почему не отправить его на Массудай? Или даже в мир людей, где его надежно изолируют? Разве не рискованно ввозить его в цивилизованный мир, где он может вызвать беспорядок?

— Ты знаешь, почему, — сказал Шестой-по-Технике. — Потому что Омафил — самый близкий цивилизованный мир к Эйрросаду.

— Совет обеспокоен, — веки второго гивистама были плотно сомкнуты от яркого света шара. — Они не хотят, чтобы об этом стало широко известно.

— Я знаю, что делать, — сказал Теот. — Я уверен, что самые худшие из слухов совершенно точны. Это существо —

результат самых последних аморальных экспериментов Амплитура в биоинженерии.

— Но, наверное, есть и иные жертвы эксперимента, — настаивал на своем Шестой-по-Технике. — Амплитуры не ограничились бы созданием подобного существа в единственном экземпляре.

Теот кивнул:

— Вы, конечно же, слышали, что произошло на Кобе.

— Да. — Восьмой-по-Характеристике содрогнулся. — Представляете, что может произойти с нашим кораблем, если это существо уйдет из-под стражи?

— Я меньше обеспокоен тем, что происходит на этом корабле, но я весьма обеспокоен тем, что может произойти на моей любимой родине. — Заметив, что он начинает кружиться на месте, Теот вытянул руку, чтобы уравновесить свое положение.

— Но даже если подобное произойдет, сколько наших детей погибнет? Сколько домов будет разрушено? Специалисты согласны с тем, что мало знают о его способностях, и о его потенциале. Но почему же надо подвергать опасности такое мирное место, как Омафил? — Он сфокусировал взгляд всех трех глаз на собеседнике.

— Юла всегда с удовольствием принимал у себя существа с других планет для работы на фабрике в Узоре. Но почему мою планету избрали для дополнительного риска?

— Их не выбирают. — Шестой-по-Технике был вынужден восстановить истину. — Ашрегана везут туда, чтобы сэкономить время, потому что Эйрросад находится рядом.

— Меня не убеждают объяснения. — Теот смягчил тон. — Люди моего мира не столь созрели, как люди твоего мира, или каких-то других миров. Они не смогут спокойно воспринять то знание, которое будет внесено в их среду этим существом.

— К тому же я уверен, что его присутствие на Омафиле будет держаться в секрете, — присвистнул тихо Шестой-по-Технике.

— Юла верит в открытость, — шерсть Теота встала дыбом. — Я просто не согласен ни с чем из того, что вы говорили. Разве в первый раз мой мир вынуждают принимать то, что ему чуждо? Или Совет Узора собирается и впредь привозить для изучения бойцов-мутантов на Омафил? А если они начнут

их разводить? Если один мутант может натворить такое, то сколько вреда могут причинить несколько мутантов? Мы — не бойцы. Юла — цивилизованный мир. Мы окажемся совершенно беспомощными перед лицом такого бедствия. Для того, чтобы контролировать ситуацию, придется вызывать массудов, а кто знает, не случится ли чего еще? — Его огорчение было физически ощутимо гивистамам. Например — люди.

— Да, не хотел бы я, чтобы они оказались в моем мире, — согласился Восьмой-по-Записи.

— Если они хотят заняться их изучением, то пусть посылают специалистов на Эйрросад. — Ноги Теота медленно плыли в воздухе.

Шестой-по-Технике щелкнул ногтями.

— Ну так что же вы предлагаете?

— Пока не знаю. — Три глаза заморгали. — Я обычный специалист-техник, как и ты. Но дело это слишком важное, чтобы доверять его лишь разумению столь же узких специалистов-ученых.

К ним приближалась группа с'ванов. Трио замолкло, ожидая, пока они удалятся.

— Ты хочешь предложить что-то нецивилизованное?

— Я бы так не сказал, — возразил Теот. — Я лишь говорю, что те, кто находятся ближе к этим существам, должны взять на себя контроль ситуации.

* * *

Два ксенолога задумчиво смотрели на пленника. И хотя он оказался очень разговорчивым, но по-прежнему оставался для них загадкой.

Одним из ученых был с'ван. Он был типичным представителем своей расы — коренастый и приземистый. Черная густая борода скрывала половину его лица. Более толстые, похожие на проволоку волосы были заметны там, где виднелись из-под одежды запястья, икры. Брови были так густы, что, казалось, из-под них ему ничего не видно.

Его коллега женщина-массуд возвышалась рядом. Ее униформа члена корабельной команды — пиджак и шорты — оттеняли короткую густую серебристую шерсть, серые кошачьи глаза внимательно следили за каждым движением пленника, черные уши подергивались. Ее мордочка с бакен-

бардами была в постоянном движении. Работая, она то и дело вынимала что-то из своих острых зубов — это движение было так же характерно для массудов, как дыхание.

— Я не понимаю этого. — С'ван говорил тихо и спокойно, голос его походил на те записи, с которыми был знаком Раньи. Голос его был так же спокоен, как голос Вандира. Конечно, допрашивающий его был весьма безобиден на вид. Вряд ли его стоит бояться, подумал Раньи. Манеры с'вана были доброжелательны и цивилизованны.

Женская особь массудов производила большее впечатление с физической точки зрения. Она была выше Раньи, но не настолько сильна. Внимание ее было сосредоточено на компактном устройстве, которое она держала в руках. Вероятно, она записывала все, что он делал или говорил (ему, правда, все равно). Ему нечего было скрывать, да и помешать он этому не может в любом случае.

Он внимательно проследил за тем, как они повернули ручку транслятора, позволявшего понимать их разговор.

— Он отвечает как типичный ашреган, — говорил с'ван. — Даже на вопросы с подвохом.

— Я придерживаюсь такого же мнения. — Массуд посмотрела на молчаливого пленника. — С умственной и эмоциональной точки зрения, он является типичным ашреганом. С физической точки зрения, он уникален. Вы видели предварительный медицинский доклад?

С'ван кивнул.

— Внутренне он такой же человек, как и обыкновенный солдат — обитатель Земли. Вообще различия между людьми и ашреганами невелики, но ясны. В этом же индивидууме они отсутствуют, если только не иметь в виду форму его черепа и его пальцы. Над его ушами такие же выпирающие костные дуги, а под глазами — характерные для ашрегана мешки, такой же приплюснутый нос, а пальцы располагают дополнительным суставом. — Он взглянул на компактный экран, лежавший у него на коленях.

— Конечно, физиология нас не настолько интересует. Это поле для других исследователей. Наша задача — изучить его мозг, а не его кишки.

— Что вы собираетесь делать с моими мозгами? — вежливо

поинтересовался Раньи. — Вы полагаете, это пойдет мне на пользу?

— Вот! — довольно воскликнул с'ван. — Эти слова, пожалуй, больше всего соответствуют человеческому образу мышления. Ни один из ашреганов не осмелился бы дать такой саркастический ответ во время допроса.

— Я вовсе не саркастичен, — Раньи откинулся на стуле. — Вы совсем не понимате мой народ. Мы, вероятно, весьма похожи на людей, но у нас совершенно иной образ мышления... Благодаря Назначению! Ваша тупость на этот счет утомительна!

Но с'вана не так легко было сбить с толку.

— О, конечно, конечно. Я думаю, что психологические базовые данные, полученные нами в результате допросов тысяч подобных вам особей в течение нескольких столетий дали бы нам вполне ясную картину мыслительных процессов ашреганов. — Он погладил свою бороду. Среди рас Узора с'ваны имели репутацию существ, обладающих наиболее развитым чувством юмора. Наравне, правда, с совершенно варварской расой людей, как это ни странно.

— Необходимо пригласить ксенолога-человека, — сказала массуд, и поспешно добавила: — Я не имею в виду, что вы некомпетентны, Д'оуд, но...

— Все в порядке, хотя не уверен, что соглашусь с вами. Не думаю, что человек привнесет что-то новое в нашу работу.

— Что вы собираетесь со мной делать? — спросил его Раньи. — Различные собеседники дают мне различные ответы.

Д'оуд рыгнул. Его коллега, казалось, почувствовала при этом физическую боль.

— Вас доставили в мир Узора для того, чтобы мы могли вас изучить. Но мы в растерянности. Мы убеждены, что вы являетесь какого-то рода мутантом, но естественным или искусственным — пока еще рано говорить. Специалисты вынесут окончательное решение. Мы склоняемся к мысли, что некоторые ваши характеристики, похожие на человеческие, являются результатом вмешательства Амплитура, которые пытаются таким образом создать расу более эффективных воинов. Биоинженерия — это обычный образ поведения амплитуров. Из опыта Кобы мы знаем, что вы — не единственный подоб-

ный экземпляр. Есть и другие подобного же физического склада.

— Я не обладаю никакими человеческими характеристиками, — Раньи контролировал поднимавшийся гнев. — Я целиком и полностью ашреган.

— Вы уже нам это говорили. — Глаза с'вана заблестели. — Я уверен, что вы верите в то, что говорите. Но истина станет нам понятной лишь в результате непредвзятого анализа.

Верхняя губа его коллеги изогнулась:

— Люди вашего типа выше ростом, сильнее, быстрее в движениях, и согласно рапортам, более агрессивны, чем средние ашреганы. Короче говоря, вы очень похожи на людей. Как это получается у Амплитура, мы не знаем, но они в состоянии извлечь ДНК так же легко, как я — расчленить небольшого зверька.

— Амплитуры ничего со мной не делали. Я ашреган и только ашреган. Можете анализировать все, что вам вздумается. Вы не найдете ничего, что подтвердит ваши смехотворные предположения.

С'ван вздохнул, захлопнул экран и встал. Ясно, что разговор близился к концу. Теперь пришла очередь Раньи улыбнуться.

— Я буду счастлив побеседовать с вами, когда вы того пожелаете. Всегда есть шанс привлечь на сторону Назначения своего противника.

Ксенологи пошли к дверям.

— Нам необходимы иные приспособления, чтобы проникнуть внутрь его сознания, — говорил С'ван, когда они выходили из каюты Раньи. — Эти чертовы беседы... — дверь бесшумно скользнула и закрылась за ними, остаток фразы Раньи не слышал.

Вскоре после этого дверь вновь отворилась и появилась знакомая луковицеподобная, простодушная физиономия. Тот, кто интересуется изучением выражения чужих лиц, сразу бы заметил, что улыбка Раньи при появлении лепара была иной, чем та, с которой он обращался к своим прежним собеседникам.

— Приветствую тебя во имя Назначения, Итепу.

— Теплая вода и легкое течение. — Лепар привык сам приносить еду для Раньи. Это давало им возможность для бо-

лее продолжительного разговора. Итепу нравились их беседы, тем более что ашреган выбирал для них простые темы. У Раньи многому можно было научиться, а Итепу любил учиться.

Раньи сбросил ноги с постели и поглядел, что за еду ему принес Итепу. Как обычно, пища была незнакома, но съедобна. Автоматы на борту корабля знали, что именно ему готовить. Узор уже сотни лет занимался узниками. Функционирование психологии ашреганов не было ни таинственным, ни сложным. Пища могла и не доставлять наслаждения узнику, но поддерживала его жизнедеятельность.

С пленником общались хорошо. Его даже снабдили инструментами, которые ашреганы употребляют при еде. Раньи достал их под всегда спокойным взглядом Итепу.

Его обманчивое дружелюбие не вводило Раньи в заблуждение. Все, что делалось здесь, имело единственную цель — обеспечить сотрудничество ценного для хозяев существа. Ничего больше. Но если они леляли надежды на то, что сумеют изменить образ его мыслей, то они, конечно же, ошибались. Он с энтузиазмом набросился на пищу, зная, что для предстоящих дискуссий ему будет необходима энергия. Хотя он и пленник, это не означает, что больше он не в состоянии служить Назначению.

— Как прошла встреча? — Итепу слегка отклонился назад, опираясь на свой сильный хвост, чтобы сохранить равновесие.

Раньи отправил что-то розовое и мясистое в рот. Нет смысла интересоваться, есть ли там наркотики или нет. Ему нужно есть и пить, чтобы выжить, а если они хотели напичкать его медикаментами, то могли это сделать совершенно бесконтрольно.

— Я думаю, они ушли разочарованными, — отвечал Раньи с набитым ртом. — Я думаю также, что они несколько меня боятся. Это хорошо. Пусть они меня боятся. — Он взял жареные зерна и взглянул на лепара. — Ты ведь тоже меня боишься, разве нет?

— Конечно, как и все цивилизованные расы, мы считаем даже само понятие сражения чем-то чуждым и тревожным. Ну, а те, кто ведут эти сражения, — по-настоящему ужасны.

Раньи оторвал ломоть от поджаристой буханки и помахал им:

— Но ты не настолько меня боишься, насколько испугался бы человека.

— Люди — наши союзники.. Я не боюсь людей.

Раньи проглотил кусок.

— Я умею не только сражаться, но и наблюдать. Мои собеседники узнают что-то от меня, я — от них. Я думаю, ты лжешь. — Итепу ничего не сказал.

Ваши доктора беспрестанно мне толкуют, что у меня масса черт, присущих человеку, и что эти, мол, черты появились в результате «биоинженерии». Чтобы я и мои друзья лучше сражались, понял? Как люди. Я вижу их реакцию. И тут уже не имеет значения, с'ван это, гивистам, о'о'йан или массуд. Морды у всех одинаковые. Это все весьма поучительно.

Я знаю и сам из учебных занятий, что ашреганы и люди похожи между собой. Было бы глупо с моей стороны отрицать, что я более похож на человека, чем большая часть представителей моей расы. Но это еще не делает меня человеком. Это не означает, что мои гены подверглись изменению. Это лишь означает, что я выше ростом, сильнее и опаснее обычных ашреганов. Я не понимаю, почему ваши ученые все так усложняют.

— Я не знаю, — ответил Итепу тихо. — Подобные вопросы выше моего понимания.

— Да, вы — лепары — прямолинейные и простые существа. Поэтому я не понимаю, отчего вы до сих пор не присоединились к Назначению? Честно признаться, несмотря на всю их пропаганду, в рамках Узора на лепаров смотрят снисходительно. Ничего подобного нет в рамках Назначения. Там все расы равны. Вы будете наравне с криголитами, ашреганами и учителями-амплитурами.

— Это правда, что мы просты. — Итепу говорил медленно и осторожно. — Но мы достаточно умны, чтобы быть реалистами. Чтобы ты не говорил, но различные существа не создаются равными. Мы это понимаем и согласны с этим, нас это и не тревожит. На этом осознании зиждется наша независимость и наша удовлетворенность своим положением. Мы не променяем это на чуждые и непонятные идеалы.

Раньи вздохнул и отодвинул остатки пищи в сторону:

— Типичное искаженное мышление. Но если у нас будет

больше времени побыть вместе, я надеюсь открыть тебе истину.

Итепу сделал широкий жест своей рукой с толстыми пальцами:

— Я тронут твоей заботой о моем благополучии.

Раздосадованный своей неспособностью переубедить своего собеседника, Раньи протянул руку к контейнеру с крепкими напитками. Содержимое было приятного терпкого вкуса.

— Ты мне нравишься, Итепу. Как и другой твой приятель, тоже лепар. Мне кажется, что в какой-то мере ты представляешь лучшую часть Узора, хотя ты, как и остальные, — дезориентированы. Ты невинен, честен. Твои более рафинированные союзники не обладают этими качествами.

— Ты тоже мне нравишься, Раньи-аар. Я рад, что мне разрешено тебя сопровождать. Должно быть, ужасно понимать, как далек ты от своих друзей, от своих сородичей. Как ужасно быть одному среди врагов. — Легкая дрожь пробежала по телу амфибии, завершившись резким движением хвоста. Я лично не смог бы долго такое выдержать.

— Это потому, что ты не боец. Не проклинай себя за отсутствие способностей, которые тебе не были даны при рождении. Каждому из нас в этом временном существовании отведена своя роль.

— Но разве ты так уверен в том, какова именно твоя роль? — маленькие черные глазки взглянули на него с комичной мордочки лепара.

— Конечно. — Раньи уселся на кровать. — Борьба во имя Назначения. Чтобы мои друзья и мои родные мной гордились.

— Они, наверное, уже гордятся тобой. — Итепу выпрямился, опираясь хвостом о пол. От него пахло водой, в которой он и его товарищи проводили время, свободное от работы. — Наверное, это просто прекрасно — быть так уверенным во всем, всегда знать, что именно делать, твердо знать, что правильно, а что нет. К сожалению, лепары — глупый народ. Вселенная озадачивает нас. Нам сложно выбирать в бесконечном количестве возможностей. Если бы только Космос был более простым местом для жизни. Тогда мы чувствовали бы себя увереннее, как с'ваны, как ашреганы, как амплитуры.

— Учителя? — Раньи с удивлением взглянул на Итепу.

— Да. Лепары думают, что амплитуры заслуживают восхищения. Правда, нас беспокоит их отношение к слабым народам. Их отношение и их намерения.

— Но так не может быть всегда, — искренне сказал Раньи. — Вы могли бы измениться.

Итепу дотронулся до панели на стене, и дверь скользнула в сторону.

— Думаю, мы предпочли бы, чтобы амплитуры изменились. — Он постоял в дверном проеме. — Я надеюсь, Раньи-аар, что наши союзники не нанесут тебе вреда. Я надеюсь, ты проживешь долгую и счастливую жизнь среди своих близких. Очень многое в тебе интригует меня. Многое, чего я, простой представитель своего простого народа, никогда не смогу понять. — Дверь за ним закрылась.

Глава 7

Власти сделали все от них зависящее, чтобы держать его приезд в секрете. Он был единственным пассажиром на борту челночного корабля, которого доставили из подпространства на поверхность Юлы. Там его быстро перевели в небольшой, пилотируемый воздушно-реактивный мобиль. Он очень походил на плот-истребитель, с той лишь разницей, что был более комфортабелен. У него были затемненные окна и удобные сиденья.

Раньи и его эскорт на большой скорости мчались через небольшой город с незнакомой ему архитектурой. Вскоре они уже оказались над холмистой зеленой долиной, по которой были разбросаны небольшие, очевидно, сельскохозяйственные предприятия. Поля были засеяны разнообразными культурами: зеленого, желтого, коричневого и пурпурного цветов. Юла был удобным и процветающим миром. Цивилизованным. Мирным. Молодые люди, живущие здесь, не бегали по лабиринтам и не занимались военными приготовлениями.

Раньи их пожалел.

Пышные, быстро движущиеся над головой облака до боли напоминали ему родину. Несколько дождевых капель упали на ветровое стекло мобиля и испарились. Интересно, что де-

лают сейчас его родители, как скоро они узнают о его исчезновении с поля боя? Он старался не думать об их реакции на это сообщение. Несомненно, Сагио стойко вынесет это сообщение. Синза была слишком юной, чтобы понять суть происшедшего. Но все они будут горды узнать, что он пожертвовал своей жизнью во имя Назначения.

Хотя он и не пожертвовал собой целиком. Он был еще жив. Но он и не собирается просто так удовлетворять интерес сбитых с толку ученых Узора. Он найдет способ оказать им сопротивление. Ради чести своих родителей. Ради Коууада и ради обреченного Хусилата, которых ему уже не суждено увидеть.

Но возможности послужить Назначению, наверное, ему еще представятся.

Взявшие его в плен не слишком-то заботились о безопасности. Его сопровождали два человека — оба мужчины. Водитель — вейс — сидел в отдельном отсеке впереди и был отделен от узника прозрачной перегородкой. Два охранника сидели по обе стороны от Раньи. Их серьезные и узкие лица были повернуты по ходу движения. Они не выглядели усталыми. Раньи был потрясен их сходством между собой, но восхищения они у него не вызывали.

Доказательством того уважения, с которым к нему относились, служил тот факт, что запястья его были связаны за спиной. Это было неудобно, и он сказал об этом, но тут его хозяева были готовы вести себя самым нецивилизованным образом.

Пока они ехали, Раньи изучал свой экскорт. Это были первые люди, которых он видел так близко и которых ему не нужно было убивать. Один был шире в плечах, выше и более массивен, чем он сам. В правом ухе у него торчала небольшая металлическая кнопка, из которой лилась тихая музыка. Раньи не смог бы сказать с уверенностью, было ли это связано каким-то образом с его манерой двигаться на своем месте, время от времени пощелкивая пальцами, как нервозные массуды. Точно такая же кнопка была связана с универсальным транслятором, висевшим на груди.

Человек справа от него, несмотря на меньшие размеры, казался не менее компетентным. Кожа его была очень темной, особенно по контрасту со своим коллегой. Раньи знал, что цвет кожи у людей был весьма разнообразен, в то время как все

ашреганы отличались одинаковым золотистым оттенком кожи. Большую часть времени этот человек смотрел в окно на проносившийся мимо пейзаж.

Они двигались уже по более пересеченной местности. Вместо полей его взгляду открылись фруктовые сады и заросли деревьев. На горизонте показались горы с заснеженными вершинами. До сих пор на борту корабля он видел больше юланцев, чем здесь, на планете.

Никто их не обгонял и никто не проезжал мимо. Может быть, это своего рода запретная зона, подумал Раньи.

У каждого из присутствующих имелся транслятор, и Раньи задумался, для чего здесь вейс. Ведь их роль в рамках Уива ограничивалась переводческими услугами.

Впрочем, они, конечно, могли выполнять и другие функции. Но он ожидал, что вести мобиль будет юланец или о'о'йан. Может быть, это какой-нибудь ученый, которому поручено наблюдать за ним, пока он везет Раньи к месту назначения. Ему стало смешно от мысли, что вейсу путешествие в компании двух вооруженных людей могло показаться значительно более неприятным, чем Раньи.

Вейс, являвший собой само воплощение элегантности и одиночества, ни разу не повернулся, чтобы взглянуть на своих пассажиров. Раньи думал, что если сам он сейчас вдруг бросится вперед, заскрежещет зубами и выкатит глаза, то водитель просто потеряет сознание от страха.

Пытаться же донести до людей понятие Назначения, скорее всего, будет пустой тратой времени. Они слишком нецивилизованны, просто варвары. Они и на попытку обычного разговора могут ответить насилием. Поэтому он сидел молча, изучая окружавший его мир.

Мобиль начал замедлять движение, и он слегка нагнулся вперед, чтобы лучше видеть. Что-то вроде легкого транспортного корабля двигалось с севера на юг, прямо перпендикулярно их маршруту. Пилот их мобиля остановился, ожидая, пока более медленное и неповоротливое судно проследует мимо. Темнокожий человек раздраженно заерзал на своем месте, на лице его появилось выражение отвращения. Его более массивный компаньон продолжал двигаться в такт не слышной музыки. Под ними недвижимо стоял мобиль.

Раньи вскочил с места, рванулся вправо, пальцы левой

руки ударили по дверному механизму в той последовательности, которую он запомнил, когда они в первый раз садились в него. Он упал прямо на колени к темнокожему человеку, а ногами плотно обхватил его за шею. Использовав всю силу своих мышц, он с силой швырнул его голову назад. Череп того с силой ударился о прозрачную перегородку заднего отсека. Кровь брызнула на Раньи, который уже вскочил на ноги и ринулся прочь в открытую дверь.

— Держи его! — простонал раненый, и Раньи почувствовал, что он схватил его за икру. Раньи резко повернулся вокруг своей оси и с силой ударил стражника головой прямо в подбородок. Тот отлетел к двери, так и не успев вынуть оружие и перегородив дорогу для преследования своему более крупному товарищу. Здоровяк выругался, выдернул музыкальное устройство из уха и поспешно стал стаскивать свое ружье. Для него очевидно было, что его противник собирается или броситься бежать и скрыться в ближайшем саду, или продолжит драться с ними. Свои способности к рукопашному бою он только что продемонстрировал. Но вместо этого, как только здоровяк показался в дверях и стал обходить мобиль сзади, направляясь к Раньи, тот прыгнул обратно в мобиль. Вытолкнув прочь темнокожего, Раньи в мгновение ока запер обе двери. Теперь он остался в полном одиночестве в изолированном заднем отделении. Обманутые стражники яростно жестикулировали снаружи.

Один из них бросился к передней дверце мобиля и зарычал на вейса, чтобы тот открыл переднюю дверцу. Но неожиданный всплеск ярости и насилия, привел водителя в почти парализованное состояние. Он сидел, уставившись в одну точку, его перья дрожали, он был не в состоянии и пальцем пошевелить. И чем больше бушевал человек, тем в больший паралич впадал вейс. Как и надеялся Раньи.

Он не мог рассчитывать на то, что такое состояние будет продолжаться вечно. Руки его были по-прежнему связаны за спиной, и он начал искать пути подхода к отсеку, где сидел водитель. Это его очевидное намерение еще больше перепугало вейса.

Поиски Раньи увенчались успехом. Он обнаружил встроенное в задний отсек небольшое отделение, в котором находились разнообразные инструменты, неизвестной ему

формы и назначения. Там было и большое количество тоненьких прозрачных карточек с выгравированными на них надписями.

Человек продолжал биться в дверь, извергая неслышимые проклятия.

Раньи повернулся и осторожно убрал карточки. Стоя спиной к барьеру, он попробовал одну за другой несколько щелей, очевидно, и предназначенных для того, чтобы принимать эти карточки, надеясь, что таким образом сумеет убрать прозрачную перегородку между собой и водителем. Мягкое «бип» сопровождало каждую его попытку, но барьер не исчез.

Однако пластиковая лента, тесно сжимавшая его запястья, вдруг превратилась в пригоршню мыльных пузырей.

Приятно удивленный такой переменой, он начал действовать освобожденными руками, не обращая никакого внимания на неистовствующего человека. Наконец, последняя карточка в пачке оказалась той самой, которую он искал.

Барьер ушел в пол. Ничуть не спеша, Раньи убрал в карман карточки и занял место рядом с вейсом. Существо продолжало, не отрываясь смотреть вперед, не обращая никакого внимания на Раньи. Здоровяк чуть не сходил с ума там, снаружи.

С того момента, как его посадили внутрь, Раньи внимательно наблюдал за тем, как вейс ведет мобиль. Преодолев барьер, он вынул контрольный диск из парализованных пальцев птицеобразного водителя, вытянул гибкий шланг, к которому был прикреплен этот диск и поставил его перед собой. Диск был рассчитан на самое разнообразное расположение пальцев.

Длинный грузовой транспорт, вынудивший их остановиться, уже давно исчез в южном направлении. Положив ладонь на диск, Раньи слегка двинул палец так, как это делал вейс. Мобиль пришел в движение, и человеку, прижавшемуся к стеклу, пришлось бежать рядом. Однажды он даже прицелился из своего оружия в Раньи, но тот и глазом не моргнул, полностью полагаясь, на то, что безопасность ему гарантирована в силу его важности как представителя малоизученной расы.

Человек отстал, но не сдался. Более того, повиснув на за-

дней дверце, он сумел проникнуть внутрь. Усевшись на сиденье, он направил оружие на ту щель, в которую Раньи опустил карточку и таким образом проник в отделение, где сидел водитель.

Пальцы Раньи сжали диск. Как только задняя дверь захлопнулась, передняя открылась. Раньи с силой швырнул диск на переднее стекло, выведя из строя несколько кнопок и выключателей, спокойно выпрыгнул из быстро набирающего скорость мобиля и покатился по траве.

Он мигом встал на ноги и посмотрел на плоды своих трудов. Выражение, появившееся на лице человека, надежно запертого в мобиле, стремительно уносившемся прочь, стоило боли, пронзившей плечо Раньи.

Теперь бедняге придется с помощью оружия пробиваться на переднее сиденье (если только в результате его усилий система управления не придет в полную негодность), поворачивая мобиль назад, или, скорее всего, вызвать через сеть управления помощь. Мобиль теперь двигался слишком быстро, чтобы он попытался повторить прыжок Раньи. Он надеялся, что сумел изрядно повредить пульт управления. В этом случае мобиль не замедлит ход еще достаточно долго. К тому времени Раньи рассчитывал достаточно глубоко уйти в чащу местного леса.

Он побежал к тому месту, где лежал на спине и тихо постанывал человек, которого он сшиб с ног. Раньи наклонился и с силой ударил его по шее. Стоны прекратились, но человек еще дышал. Убийство в данном случае не отвечало интересам Назначения и в любом случае не принесло бы ему пользы.

Карманы противника были набиты всякими предметами, ничуть не интересовавшими Раньи. Но он захватил с собой военный хронометр и набор уже известных ему карточек с выгравированными знаками. Небольшой запечатанный пакет был полон твердых кусочков сладкой пищи темного цвета. Была еще какая-то нелепая катушка с отличной пластиковой бечевой. К сожалению, его оружие осталось внутри мобиля.

Раньи выпрямился и внимательно огляделся. Он не мог рассчитывать на то, что преследование будет отложено надолго. Особенно, если выживший страж прорвался в водительский отсек и завладел контрольным диском, не нанеся повреждений самой машине. Раньи стремительно направился к густой чаще

деревьев справа от себя. Он передвигался большими прыжками, пытаясь оставлять как можно меньше следов.

Сад вскоре уступил место густому дикому лесу. Почва стала тверже, а вместо равнины появились крутые холмы, перерезанные лощинами и речушками. Некоторые из них уже пересохли, а другие питали буйную растительность. Мест, где можно было спрятаться, хоть отбавляй! Он бежал и улыбался, воображая себя в Лабиринте.

Решив немного перекусить, он смог воспользоваться дикими фруктовыми деревьями. Как и большинство цивилизованных миров, Юла был населен теплокровными. Он надеялся, что не отравится тем, чем питались местные жители.

Он не строил планов на завтрашнее утро. Он не мог бежать с этой планеты, не мог бежать на Коссуут или какую-либо иную дружескую планету. Отныне его единственным вкладом в войну против Узора будет несдача на милость врагу. Кроме того, со временем и по размышлении, он, может быть, сумеет сделать и что-то еще, хотя бы нарушить мир и спокойствие на планете. Интересно, думал он, как долго его побег будут держать в секрете от местного населения.

* * *

Теот получил известие от Восьмого-по-Характеристике, который в силу своей работы имел доступ к информации, обычно не сообщавшейся остальной части команды. Вместе с Шестым-по-Технике они посовещались немного. Все его самые худшие опасения подтвердились.

— Существо сбедажо с транспорта, который вез его в исследовательский центр, — рассказывал гивистам. — Что до подробностей, знаю лишь, что он по-прежнему на свободе, несмотря на возрастающие усилия по его поимке.

— Я не удивлен, — Теот потер центральной передней ногой по полу. — Я ожидал, что произойдет нечто в этом роде.

Шестой-по-Технике заморгал глазами на своего товарища.

— Кажется, ты не очень-то огорчен новостями.

Три глаза одновременно уставились на меньшего из двух гивистамов.

— Почему же я должен быть огорчен, если мои надежды почти сбылись?

* * *

Ночная температура на Омафиле была умеренная. Несмотря на нервное напряжение и отсутствие удобств, Раньи сумел немного поспать.

Проснувшись, он осмотрел ближние деревья и нашел немного фруктов. Он их аккуратно очистил и съел. Затем он стал ждать. Убедившись, что пища хорошо усвоилась, он попробовал воды из близлежащего источника.

С утра сюда же, на водопой, пришла масса животных утолить свою жажду. Большинство имели зеленый и синий мех, слишком густой для столь мягкого климата. Они не обратили на Раньи ни малейшего внимания, приняв его за одного из своих. Он спокойно и без помех смыл семена и мякоть фруктов с лица и с рук. Освежившись таким образом, он встал и направился еще глубже в лес. Своей целью он выбрал горы с заснеженными вершинами, которые увидел с мобиля.

Конечно, они будут лихорадочно искать его вдоль дороги, но так как он ушел в лес лишь когда мобиль скрылся из виду, точно определить его путь они не смогут. Да и на такой мирной и цивилизованной планете, как Омафил, вряд ли есть квалифицированные специалисты по поиску. Значит, потребуется еще время, чтобы доставить сюда подготовленных специалистов и специальное оборудование. Только тогда они сумеют начать поиски.

Рассчитывать, однако, на случайность он не мог. Он должен был предположить, что преследователи уже идут по его следу. Эта мысль не обескураживала его. Напротив, чем больше средств им придется отвлечь для его поисков, тем больше будет его вклад в дело Назначения.

Становилось светлее, и Раньи ощутил прилив сил по мере того, как он уверенно прокладывал себе дорогу среди деревьев, скрывавших его от возможности обнаружения с воздуха и затруднявших регистрацию его теплового сигнала. Чем дольше они не сумеют его обнаружить, тем глубже в горы он уйдет, и тогда они, вероятно, вообще не сумеют его откопать. Если он обнаружит пещеры, то сумеет там скрываться многие годы.

На третий день он начал постепенно подниматься. Теперь он то карабкался вверх, то шел по равнине. Мысленно он благодарил обитателей Омафила за то, что они держались своих

населенных пунктов и оставили дикую часть планеты в ее девственном состоянии.

Спустившись в ущелье с крутыми, но невысокими стенами, он оказался у ревущего водопада. Там, где дымящиеся воды обрушивались с гранитной стены вниз, он обнаружил массу бревен и сучьев. Он выбрал себе подходящий сук, гладкий от долгого нахождения в воде, который прекрасно мог послужить в качестве дубины.

Он обыскал ближние скалы и нашел несколько острых треугольных обломков. От другого растения он оторвал волокна и привязал ими обломки к дубине. Опробовав полученное оружие, пускай и примитивное, он остался доволен. Теперь ему есть, чем защищать себя.

На дне речушки, вдоль которой он шел, Раньи обнаружил несколько увесистых булыжников, которые тоже помогут ему обороняться в случае необходимости. Закончив вооружаться, Раньи свернул в кусты.

На пятый день он сумел убить какое-то мирно пасшееся на лугу травоядное животное. Оно было почти такого же размера, как сам Раньи, и ободрать с него шкуру оказалось занятием утомительным и долгим. Он набрался терпения, зато его усилия были вознаграждены. Теперь у него оказалась отличная одежда от дождя, к тому же она скрывала его запах. Если же он встанет на четвереньки, то случайный наблюдатель будет убежден, что перед ним просто какое-то животное, но никак не беглец-ашреган.

Итак, теперь у него в распоряжении есть оружие и маскировочное устройство, пусть и простое, но эффективное. Вряд ли его преследователи сообразят, что он додумался до такого.

Едва лишь он начал думать, что сумеет бродить по диким, покрытым густой растительностью горам целую вечность, как вдруг увидел перед собой охотника.

Может быть, следом за ним идет много таких охотников. Но этот был совсем один. Однако Раньи был неприятно поражен мыслью о том, что их может быть очень много. Значит, любой, кто его обнаружит, сразу же позовет на помощь.

Если только он не заметит его первым.

Двуногое существо все еще было достаточно далеко впереди. Оно пока еще не видело Раньи. Может быть, это массуд. Вы-

сокий рост, острое зрение и быстрый бег делали их замечательными охотниками.

Впрочем, это не имело значения. Отныне он станет передвигаться лишь ночью, когда его преследователи скорее всего спят. Днем же он станет спать. Или он их опередит, или они его настигнут. Он стал искать место, где скрывался в первый раз.Таким образом, он весьма успешно провел первую неделю, затем вторую. Несомненно, те местные власти, которым Узор все же доверил минимум информации о его побеге, теперь лихорадочно искали его, даже не предполагая, где именно может оказаться опасный воин-беглец. Лучше бы им думать, что он свалился со скалы и насмерть разбился или умер от голода.

Он прекрасно себя чувствовал, прокладывая путь через ночную рощу, где росли высокие, странно склоненные деревья и чуть не натолкнулся на мирно спящего Охотника.

Тот был прикрыт маскировочным одеялом, и этот случайно встретившийся пригорок ничем не отличался от любого другого земляного холмика. Только когда он едва не наступил на него и почувствовал под собой что-то мягкое и услышал сдавленный крик, он понял, что это — охотник. Его обдало жаром, и он чуть не оглох, когда тот выстрелил.

Однако его дубина была хоть и не столь цивилизованным видом оружия, но значительно более эффективным.

Выстрелов больше не было. Фигура под одеялом обмякла. Раньи отступил немного назад и, тяжело хватая ртом воздух, сел на землю. Все случилось так быстро, что только теперь он мог восстановить картину происшедшего. Он коснулся левой части головы. Он все еще ощущал жар, которым его обдало. Если бы траектория выстрела была на толщину пальца иной, охотник угодил бы ему прямо в глаз. Если бы не его великолепные рефлексы, выработанные в результате долгих тренировок, он сейчас лежал бы распластанным и бездыханным на земле, а не сидел бы там, где сидит, рассматривая своего противника.

Инстинктивно ему захотелось убежать. Но вместо этого он вынудил себя приблизиться к недвижимому телу, скрытому под одеялом. Если он мертв, то его товарищи вскоре узнают об этом, потому что он не станет выходить на связь. Однако у него можно кое-что и позаимствовать.

Убрав на удивление маленький пистолет, он начал обыскивать тело. Рюкзак охотника лежал у него в ногах. Он был чем-то наполнен, но нести его будет нетрудно. Раньи присел на колени и отстегнул ремень брюк. Судя по голым ногам убитого, это не был массуд. С удовольствием Раньи отметил, что ремень оказался ему в самый раз, хотя он и застегнул его на последнее отверстие.

Продолжая исследовать тело в надежде найти что-то полезное, он был слегка заинтересован тем, что охотник оказался женщиной. По форме существо напоминало ашреганов женского пола. Но интерес Раньи был чисто познавателен. От одной мысли, что кому-либо показался бы возбуждающим контакт с полусумасшедшими варварами-людьми, Раньи передернуло. Не говоря уж о том, что это существо только что чуть не разнесло ему череп.

Существо застонало. Значит, удар дубины не оказался смертельным. Когда Раньи дотронулся до головы, то ощутил влажность под пальцами. Существо вновь застонало, на этот раз громче.

Он подумал, что делать? Мысль об убийстве человека не слишком его беспокоила, — в конце концов он немало их убил на Кобе, — но чем меньше вреда нанесет он этой планете, тем легче будет ему в случае, если его все же поймают. Никто не испытает симпатии к пленнику, который убивал во время бегства.

Он обыскал пояс и нашел модуль связи. С помощью транслятора, который оставался у него на шее во время боя, он сумел бы легко определять положение охотников, когда они станут разговаривать друг с другом. Это было бы полезным.

Хорошо, что я ее встретил, подумал он. Если он подождет, пока охотник придет в сознание, он сумеет добыть ценную информацию о размере, расположении и профиле местности, в которой очутился. Узнает он и о силах, брошенных на его преследование. Он не был амплитуром и не сумеет извлечь информацию из мозга сам, но есть и другие методы допроса. Следуя этим методам, он может просто вернуть существо в бессознательное состояние.

При слабом свете одинокой луны он решил обыскать рюкзак.

Он несколько раз прикрывал глаза и дремал, всякий раз

просыпаясь от неожиданного крика какого-то ночного существа. Его тревоги были безосновательны. Охотник не двигался.

Когда начало рассветать, он подошел к ближайшей речушке. Взяв складную кружку с очистительным фильтром из рюкзака охотника, он набрал воды и поднес к ее губам кружку. Существо закашляло. Остатки жидкости он вылил ей на лицо, отошел на шаг и наблюдал, держа ружье в руке.

Она перевернулась и заморгала глазами. Но не встала. Увидев его, она сразу же очнулась. Взгляд ее упал на пояс, притороченный к ее талии, на пюкзак, лежащий у его ног.

Наверное, он являл собой впечатляющую каптину, стоя одетым в ее снаряжение, костюм ашрегана и звериную шкуру. Перед тем как начать говорить, он проверил транслятор.

— Извини, что я тебя так сильно ударил, но напомню, что ты на меня охотишься. Я натолкнулся на тебя в темноте, ты выстрелила и я отреагировал соответственно. Ты могла бы убить меня.

— Я не хотела. — У нее приятный голос, подумал он. Но все же он отличался от обычного голоса женщин-ашреганов.

— Я должна доставить тебя невредимым. Для изучения. — Она села и начала ощупывать рану на голове. — Ты тоже застал меня врасплох и тоже мог бы меня убить.

Он сделал жест, означавший у ашреганов отрицание.

— Я не хотел. Я сохраняю тебя в живых. Для изучения.

Она искоса взглянула на него, затем в раздумьи улыбнулась. Хотя это и была типичная человеческая улыбка с максималььно бесстыжим обнажением зубов, он смотрел на нее без отвращения.

Он заметил, как под одеждой напряглись мышцы и неторопливо поднял маленький тепловой пистолет.

— Пожалуйста, не шевелись. Бессмысленное убийство повергает в стресс тех, кто верит в Назначение. — Она расслабилась.

— Ну вот, так лучше. Меня зовут Раньи-аар, хотя, вероятно, ты и так уже достаточно обо мне осведомлена. Лично я считаю дисбаланс в природе неестественным, поэтому скажи и ты мне свое имя.

Она заколебалась. Затем пожала плечами. Если он захочет, то ее жизнь может стать не слишком-то удобной.

— Трондхайм. Нейда Трондхайм. Ты быстро передвигаешься. Мы гнались за тобой довольно долго.

— Независимость — неплохой стимулятор.

Она повернулась, чтобы разглядеть его, и выпрямила ноги поднимаясь и опираясь спиной о дерево.

— Радуйся, пока ты один. В этой стране полно охотников. Они у тебя на хвосте. В любой момент они могут меня хватиться. — Она с интересом поглядела на него. — В тебе есть что-то необычайное. Мне говорили, что когда сообщение о твоем побеге достигло командования, местные власти чуть с ума не сошли.

— Рад узнать об этом. Ну, а что касается охотников, то они висят у меня на хвосте уже довольно давно. Но пока что-то меня не поймали.

Глаза ее сузились.

— Ты говоришь и действуешь иначе, чем обычный ашреган. Ты и не похож на среднего ашрегана.

Он рассердился. Опять это пристальное внимание к его внешности.

— А я и не средний, — прорычал он.

Она опять коснулась пальцами лба.

— Да, твой удар далеко не средний. — Она напряглась, и впервые в ее глазах он заметил страх. — Ты хочешь убить меня?

— Нет, если только ты сама не вынудишь меня к этому. Я лучше задам тебе несколько вопросов.

— Не ожидай, что я свободно тебе на них отвечу.

— Это и не требуется. — Он сделал движение пистолетом. — Ты будешь отвечать на них под давлением. — Он вынул из служебного пояса небольшое устройство, сделанное из серого металла. На одном конце устройства величиной с палец, была решетка, на другом конце — кнопка.

— Что это?

Она скрестила руки на груди, и губы ее превратились в плотную линию.

— Очень хорошо. Значит, единственным средством изучить этот предмет, является использование его. — Он направил на нее часть с решеткой и положил большой палец на кнопку.

Она испуганно вскинула руки, защищаясь. Когда он убрал устройство в пояс, она объяснила:

— Внутри находится мощный бинарный нарколептический газ, который приходит в активное состояние при контакте. Устройство предназначено для взятия в плен. Оно безвредно.

— Я это понял по твоей реакции, — заметил он сухо.

Вновь колебание.

— Клянусь, ты шутишь. Ашреганы не умеют шутить.

— Некоторые умеют.

Она села, стряхивая с плеча грязь:

— Я изучала картинки, которые нам дают. Но они даже не предполагают, насколько вы внешне сходны с людьми.

— Люди и ашреганы очень похожи, — ответил он устало, давая ей понять, что тема разговора его утомляет.

Она покачала головой.

— Не настолько. Для человека ты слишком высок. Ты значительно выше людей.

— У меня много друзей, которые значительно ниже меня ростом или значительно выше меня. Это допустимое физическое различие внутри наших рас.

— Это больше, чем допустимое различие.

Он чувствовал себя неловко под ее испытующим взглядом. Если не обращать внимание на уплощенный череп, выдающиеся уши и небольшие мешки под глазами, она была даже привлекательна. Ее ногам могли бы позавидовать и женщины ашреганов, хотя пальцы ее были значительно короче. Он был рад, что становилось светлее и разница между ними делалась заметнее.

— Нам сказали, что ты один из группы ашреганов, в которых амплитуры произвели некоторые генетические изменения. Увидев тебя своими глазами, я охотно этому верю.

— Я — ашреган, унифер Раньи-аар, — напомнил он жестко. — Твой враг и с физической, и с философской точки зрения. И ничего больше. Не думай, что твои намеки на наше сходство могут меня как-то размягчить. Ты будешь разочарована.

— Да, ты говоришь и действуешь, как ашреган, но... — в голосе ее звучало сомнение. — Неудивительно, что Исследование и Развитие так жаждут тебя заполучить.

— Мне это не льстит.

— Я сейчас умру, — проговорила она. — Я умру от смеха. Меня понизят в должности.

— Твои личные социальные сложности меня не касаются. — Он поднялся, и она прижалась к дереву. — Не думаю, что ты сумеешь меня легко обнаружить без этого. — ЛОн достал из рюкзака визор-искатель и медленно надел его на голову. Ремешок автоматически сузился до размера его головы. Если он приспособит его к своим внутренним особенностям, то может черпать значительно больше информации об окружающей среде.

— Благодаря этому устройству твоим друзьям будет значительно сложнее меня найти. — Он повернулся к ней спиной и нагнулся за рюкзаком.

— Значит, ты не убьешь меня, — сказала она с сомнением в голосе.

— Я же сказал — те, кто верят в Назначение...

— Да, да, но на поле боя некоторые ваши союзники не столь чувствительны...

Он сделал шаг к ней.

— Мне жаль, но придется вновь лишить тебя сознания. Чтобы обезопасить уход. Никаких личных чувств.

Она вздохнула.

— Если это необходимо... Я надеюсь, что на скале ты сломаешь себе обе ноги. Никаких личных чувств.

Он улыбнулся.

— Должен тебе сказать, что ты почти привлекательна внешне.

Глаза ее сузились:

— Не бери в голову глупостей. Мы относимся к разным расам.

— А, — сказал он довольно. — Значит, ты все же не до конца убеждена, что мы настолько схожи. — Он убрал тепловой пистолет и взял в руку дубину.

Глава 8

В обычных условиях, он не попался бы так легко в ловушку, но необычная привлекательность женщины сделала его беззаботным. В результате он стал жертвой очень простой западни.

Когда же он все понял, было слишком поздно. Прямо из-за

валуна пред ним появился весь ощерившийся юланец, а справа из-за поваленного бревна поднялся гивистам... Гивистам! У каждого в руках были стингеры, направленные на разные части его тела. ъон не распознал тип оружия... но это не имело значения.

Он был зол на самого себя. Еще минуту назад он собирался в глубь гор, экипированный лучше, чем когда-либо. А теперь все было потеряно. Самым обидным было то, что охотниками оказались не люди и не массуды, а местный обитатель и гивистам, совершенно не приспособленные для боя.

С гивистамом он, наверное, справится, но не знает ничего о реакциях юланца. Трехногий заговорил в транслятор:

— Положи свою правую руку на голову, затем брось дубину на землю и левую руку положи на правую. Делай все быстро, пожалуйста!

Как только Раньи все сделал, гивистам сделал шаг вперед, слегка дрожа, вынул тепловой пистолет из-за пояса и отступил.

— Хорошо. — Маленькие черные глазки не моргнули. — Пожалуйста, не шевели руками, чтобы я все время мог держать под контролем твои пальцы.

Уголком глаза Раньи мог видеть, что гивистам все еще дрожал, он не мог понять, как убедили принять участие в засаде столь высокоцивилизованное и безобидное существо.

Женщина поднялась и отряхнула пыль со спины:

— Подмога подоспела вовремя, хотя я ожидала, что это будут люди. Впрочем, я, конечно, не жалуюсь. — Она двинулась к нему.

— Стой, пожалуйста, на месте.

Остановившись, она в изумлении поглядела на юланца. Стоя лицом к лицу с пленником, он оставался совершенно спокоен. Но под взглядом человека он слегка вздрогнул. Раньи заметил реакцию.

— Что такое? — пробормотала она. — Я одна из назначенных для его поимки охотников. Вы хорошо справились с заданием и будете соответственно награждены. Я позабочусь об этом сама. Но вы не специально подготовленные солдаты. Я не собираюсь лишать вас вашего оружия. Я возьму оружие лишь на время, пока вы не заберете у него мое

обмундирование. Затем мы вызовем транспорт, который увезет нас всех отсюда. — Она сделала еще шаг.

Юланец отступил и направил оружие на нее:

— Стой на месте, человек. Не заставляй меня повторять это. Твое присутствие все усложняет и я думаю, как мне себя вести.

Раньи стоял и ждал развязки, заложив руки за голову.

— Вы хотите забрать его живым и оставить здесь, на Омафиле для наблюдения и изучения, — говорил юланец.

— Конечно, — женщина продолжала смотреть на трехногого.

— Я не могу позволить вам это сделать. — Распушившаяся шерсть удваивала его в размере. — Он должен умереть.

— О чем ты говоришь? — взгляд Нейды сосредоточился на стингере. — Неужели вы не понимаете, насколько важным является этот подвиг для каждого из вас.Неужели не понимаете, как вас будут чествовать, когда станет известно, что ты и гивистам поймали сбежавшего воина-ашрегана?

— Мы не собираемся делать ничего «впечатляющего», — сказал ей юланец.

— Нам не нужны никакие чествования, — добавил гивистам.

Покачивающимся, слегка дергающимся движением, свойственным его расе, Юланец сделал двойной шаг по направлению к Раньи.

— Это существо должно умереть. Оно является результатом опасной мутации, ненормальностью, которая может внести смятение в мирную жизнь Омафила, в случае еще одного побега из-под стражи. Он уже однажды сбежал, несмотря на столь превозносимую правительственную охрану. — Он сделал неопределенный жест пистолетом. — Только посмотри на него! Он весь искорежен и изуродован в результате добавления человеческих свойств. Разве можно себе представить что-либо более гротескное? Пусть лучше он будет мертвым.

— Как вы узнали о моем побеге? — с любопытством спросил Раньи.

Юланец что-то сделал со своим ртом, может быть, изобразил улыбку.

— У меня хорошо информированные друзья.

— Тогда твои друзья, конечно, сказали тебе, что не вам

решать судьбу пленника, — Трондхайм взглянула в сторону пленника. — Сюда уже движется транспорт. Как вы объясните им смерть ашрегана?

— Мы не подумали об этом. — Гивистам в тревоге поглядел на небо. — Мы и в самом деле не подумали об этом.

— Не волнуйся! — резко сказал Теот. — Женщина пытается спасти жизнь монстра путем лжи. — Он указал на пистолет. — Это займет одно мгновение, и нас здесь не будет.

— Как представитель войск я приказываю вам отдать мне все оружие! — Нейда сделал шаг в сторону трехногого, глаза ее блестели. — Или ты и меня хочешь пристрелить?

— Ты можешь меня потом и убить, но это неважно, — спокойно ответил Теот. Перспектива стать мучеником не пугала его. — И моя жизнь не важна. Я с удовольствием умру, чтобы защитить мой мир от этого существа. Если только станет известно о его присутствии на Омафиле, всех обуяет паника. Узор не имеет права оставлять его здесь. Омафил — цивилизованное и мирное место. Таким оно и останется. — Он поглядел на Раньи. — Не пытайся меня убедить в обратном. Я был с ним на корабле, наблюдал за ним, и я знаю.

— Но об этом ничего не станет известно, — сказала Торндхайм.

Теот издал какой-то глубокий гортанный звук.

— Он уже однажды сбежал.

— Этого больше не повторится. — Она говорила медленно и спокойно.

Кажется, впервые юланец начал сомневаться.

— Можешь ли ты это гарантировать? Можешь ли ты быть в этом убеждена абсолютно? Думаю, что нет. Его присутствие здесь говорит, что нет. Лучше ему умереть.

Трондхайм сделала еще шаг и вытянула руку. Теперь она была совсем близко от обитателя Юлы, заметил Раньи:

— Боюсь, что я не могу допустить этого. Если ты собираешься пристрелить его, то тебе придется убить и меня. Пожалуйста, дай мне пистолет.

Командная интонация человека заставила Раньи вздрогнуть. Неудивительно, что юланец задрожал с головы до ног. Когда оружие было передано женщине, Раньи сделал легкое движение.

Ногой он бросил песок в глаза юланцу. Тот издал легкий

писк, бросил оружие и поднес руки к лицу — типичное движение обычного, не подготовленного к бою существа. Раньи повернулся и приблизился на расстояние вытянутой руки к гивистаму. Выпучив глаза, тот наобум стрельнул, но Торндхайм пригнулась. Огромная ветвь упала с ближнего дерева, срезанная выстрелом стингера.

Раньи, выбросив вперед руку, нанес удар гивистаму прямо кулаком в глаз. Хрупкие кости существа хрустнули, полилась кровь. Значительно меньшее по размерам пресмыкающееся слегка вздрогнуло и упало на задние лапы, а затем на бок.

Смахнув грязь с чувствительных глаз, юланец согнул свою центральную ногу и вернул себе оружие. Как только он это сделал, Раньи схватил большой камень и бросил его, все это одним движением. Человек или массуд, может быть, и отклонились бы в сторону. Но юланец не был настолько быстр. Камень попал ему прямо в средний глаз, содрав шкуру и обнажив кость. Тот зашатался и упал.

Тяжело дыша, Раньи стоял, думая, каким огромным психическим испытанием подобное столкновение стало для юланца и гивистама. Но он не успел ничего как следует обдумать. Что-то тяжелое ударило его в ребра. Хотя он был значительно массивнее, чем юланец и гивистам, но от этого удара он завертелся на месте и упал.

Трондхайм бросилась на него сверху и выхватила пистолет, все еще зажатый в его неподвижной руке. Не обращая внимания на боль в ребрах, Раньи бросился вдогонку и прыгнул прямо ей на спину. Она изогнулась, и боль пронзила все его тело, когда она ударила его локтем в нос.

Выхватив пистолет у лежавшего в беспамятстве союзника, она выстрелила, стремясь ранить, но не убить. Раньи замер, ожидая ранения. Но ничего не произошло. Нахмурясь, она поглядела на ствол и вновь выстрелила.

Не улыбаясь, Раньи поднялся на ноги.

Все стало на свои места. Юланец был занят осуществлением плана и, очевидно, был попросту сумасшедшим. Не будучи столь же безумным, гивистам согласился помочь ему, но не мог заставить себя нести заряженное оружие, которым можно было бы убить другое разумное существо. Его стингер не был заряжен. Да это и не было нужно.

Но это потребуется сейчас.

Трондхайм швырнула в него бесполезное оружие и бросилась за оружием юланца. Конечно, с обычным ашреганом она бы справилась, но не с Раньи. Теперь он с размаху ударил ее по ребрам. Она сморщилась от боли и попыталась ударить его локтем. Он был готов к этому удару и увернулся во время. Удар пришелся в плечо. Затем он ударил ее ребром ладони по шее. Она упала.

Тяжело дыша, он поднялся и взял стингер юланца. Глаз с женщины он не спускал. Затем он подошел к гивистаму и забрал тепловой пистолет. Только после этого он позволил себе немного расслабиться. Он прикрепил на талии пояс, взял рюкзак и просмотрел его содержимое, ожидая, когда женщина придет в сознание.

Наконец, она села, потирая шею, и уставилась на него:

— Ты отлично дерешься. — Признание было сделано недовольным тоном. — Ты не просто быстр. Значительно больше. Лучше, чем любой ашреган, о котором мне до сих пор приходилось слышать.

— Спасибо. — Он поправил транслятор. Во время драки он слетел, но не сломался.

— Ты не только дерешься по-иному, чем ашреганы, ты и чувствуешь себя по-иному, чем ашреганы.

— Ты дралась со многими ашреганами? Я, правда, не слишком понимаю, что именно ты имеешь в виду.

— Твои кости, мышцы. Они более плотные. Из-за этого люди такие выносливые. Наши кости не полые, как у большинства разумных союзных нам рас, у нас больше мускулов. Поэтому мы сильнее и тяжелее. Сила и масса не являются характерной чертой ашрегана. Ты похож на человека, а не на ашрегана.

— Я повторяю: со многими ашреганами ты сражалась?

Она не отвела взгляд:

— Я повторяю только то, чему меня научили.

— Разум Узора далек от совершенства. — Как бы ни пытался, он не мог уже просто так отмахнуться от ее наблюдений. Тем более что лепар и гивистам, взявшие его в плен на Эйрросаде, уже говорили подобное.

— Значит, ты результат деятельности Амплитура. Это имеет смысл. Генетически вы наиболее близкая нам раса, поэтому и передача вам части наших характеристик является наиболее

легко выполнимой задачей. Подобную чертовщину было бы тяжелее сделать над акаринамцами или коралитами. Тебя это не заставляет ни о чем задуматься?

— О чем? Я думаю только о Назначении.

— Подумай для разнообразия и о другом. Если над твоим ДНК были проведены изменения, то как давно ты стал незаконнорожденным человеком, а не честным ашреганом?

— Это невозможно, — настаивал он на своем. Но это замечание огорчило его.

— Разве не так? Амплитуры играют с ДНК, как дети играют с кубиками. Откуда тебе знать, на что они способны, а на что нет? Мы никогда не преуменьшали их возможности. Почему же ты это делаешь? Посмотри на себя: размеры, мускулы, кости, рефлексы — все это человеческое. Откуда тебе знать, что ты из себя представляешь? Какая часть тебя является чисто ашреганской?

Раньи долго молчал.

— Мой разум — целиком разум ашрегана, — сказал он наконец. — И таковы же мои намерения. Мне была оказана большая честь — я имел умственный контакт с Учителями, получил непосредственно от них награду и совет. Ни один человек на это не способен. Твоя нервная система отрегировала бы резко и в оборонительной форме.

Трондхайм подумала:

— Это лишь доказывает, что твоя нервная система — ашреганская. Внешне — за исключением формы черепа и рук — ты целиком человек. Как я и мои коллеги.

— Внешность ничего не значит. — Убежденность, с которой прозвучали слова Раньи, однако, не стала его внутренней убежденностью. А чем он на самом деле является?

Служителем Назначения, напомнил он сам себе. При этом биологические совпадения не имеют значения. Он указал на тяжелораненного юланца и на гивистама.

— Чем больше я контактирую с представителями Узора, тем более я проникаюсь убеждением правоты своего дела. Ваши правительства сражаются, ваши системы вступают в споры, а на уровне отдельного индивидуума вы тратите массу времени на мелкие перебранки. Я не желаю принимать в этом участие.

— У тебя нет выбора.

Он внимательно поглядел на нее:

— Ты не заметила, что твои союзники больше боялись нападения с твоей стороны, чем с моей? Что же это за более высокая цивилизация?

Она взглянула на лежавшего без сознания юланца.

— Эти двое — экстремисты. Может быть, они и умственно не сбалансированы.

— А если это не так? Если их больший по отношению к тебе страх является вполне осознанным поступком?

— Люди не разбросаны в равной степени по всему Узору. Но нас уважают. У меня много друзей среди представителей других рас.

— Ты так уверена в этом? Или, может быть, они лишь делают вид, что им приятно твое общество, — чтобы не обидеть тебя?

— Сейчас мы обсуждаем тебя. К лучшему или к худшему — но я знаю, что из себя представляю. — Она говорила грустно. — Амплитуры и их проклятое Назначение. Посмотри, что они сделали с твоим народом. Не говоря уж о молитарах, о сегунианцах и бедных ввадирах. Они превратили их в бойцов за Назначение амплитуров. Они же хотят, чтобы их оставили в покое.

— Ни одна из рас этого не желает, — настаивал Раньи.

— Моя раса желает.

Он надеялся, что его ответ будет правильно переведен:

— Я остаюсь тем, кем я являюсь.

Она вздохнула и села на ближнее бревно, стараясь держать обе руки на виду у него.

— А тебя не беспокоит, что твои «Учителя», возможно вмешались в твои гены, так что ты даже этого и не знал. Может быть, они расщепили твои гены и перетасовали их, как хотели, пока ты еще находился в утробе матери?

— Ничего подобного не происходило. Ничто подобное не было бы разрешено.

— Как знать? Они тебе говорили? Ты должен знать, что их предложения бывают весьма настоятельны.

— Я ашреган, — почти выкрикнул он. — Я не являюсь продуктом генной инженерии.

— Нет, — пробормотала она почти сочувственно. — Лишь побочным продуктом ее.

— Мне незачем об этом думать, я знаю!

Она внимательно поглядела на него.

— Может быть. А может быть, и нет. Но я думаю, что ты или высоко одаренный лжец, или тебе как следует промыли мозги твои «Учителя». — Она поднялась, но не двинулась в его сторону. — Что же, очевидно, я тебя тоже не сумею убедить. Вероятно, этот был и прав, — она слегка тронула ногой юланца. — Может быть, лучше бы ему тебя было пристрелить. — Она вновь поглядела на него. — Если ты хочешь меня убить, не медли. Я сыта по горло беседой с существом, которое не в состоянии отвечать само за себя. Я не виню тебя; это не твоя вина. Но это утомительно. Я устала.

Раньи поднялся и вынул устройство с усыпляющим газом из пояса. Несмотря на внешнюю браваду, он заметил, как она в ожидании замерла. Он заколебался.

— Возможно, я позволю тебе остаться в сознании на некоторое время. Всякий раз, открывая рот, ты говоришь что-нибудь полезное.

— Тебя легко пресытить.

— Да, — ответил он, довольный своим решением. — Я думаю, что позволю тебе себя сопровождать. Если же ты станешь обременительна, всегда есть иные решения. — Он оглянулся на путь, которым шел сюда. — Ну, а если твои друзья, следуют слишком близко за нами, всегда неплохо иметь заложника.

— Значит, теперь я заложник? — Ее брови изогнулись дугой. — Почему ты считаешь, что я тебе не сломаю шею, как только ты заснешь? Или не сброшу тебя с ближайшей скалы, как только ты расслабишься?

— Ничего, — сказал он спокойно. — Твое предупреждение поможет мне держаться начеку. Помни так же, что если ты задумаешь нечто подобное, я, может быть, не сумею как следует взвесить твой ответ. Помни также, что если, согласно твоей теории, я являюсь продуктом биоинженерии, то ты можешь и не знать обо всех моих способностях и качествах. — Вот! Он заставил ее задуматься. — Разве я только что не побил тебя в бою?

— Да, конечно, — согласилась она. — Но ты застал меня врасплох во время сна. Я не была готова. К тому же я была готова к бою с ашреганом. Большей, более грубой его раз-

новидностью, но ашреганом. — Ты же, — она поглядела на него загадочно, — ты — нечто иное.

— Вот и помни об этом как следует, — он убрал баллон с газом в пояс, надел рюкзак и надвинул на глаза визор-искатель. Затем он сделал жест стингером юланца: — Пора уходить.

Она пошла в указанном направлении, глядя через плечо и говоря ему:

— Ты ничего здесь не найдешь. Я видела карты. Горы здесь крутые, а в рюкзаке нет никакого серьезного снаряжения.

— Меня это не волнует. Ты будешь отыскивать наиболее безопасный путь.Так как ты пойдешь впереди, то, думаю, я смогу положиться на то, что ты выберешь самый безопасный путь.

Она внимательно поглядела на него, как будто пытаясь проникнуть взглядом сквозь маску ашрегана, через узкоочерченное сознание к подлинной сути индивидуума. Затем она пожала плечами и отвернулась от него.

Той же ночью она сказала ему:

— Ты слишком молод, чтобы быть унифером. Это командирский ранг среди представителей твоей расы.

Держа пистолет в руке, не спукая с нее глаз и жадно поедая пищу из одного из самообогревающихся пакетов, которые обнаружил в ее рюкзаке, он сказал:

— Люди тоже быстро продвигаются.

— Да, но мы рождены воинами. Нам никто этого не «предлагает».

Закончив еду, он осторожно положил пакет в отрытую для этой цели яму и закопал его:

— Вы — люди. Вам так же незнакомы иные расы, как незнакомо Назначение. Все, что вам знакомо, — это сражаться и убивать.

Она улыбнулась:

— Да, у нас это хорошо получается. — В ее признании не было ни нотки сожаления. — Хотя нам известно и другое. Но если уж приобретаешь определенную репутацию... — Она на минуту замолчала, затем скользнула к нему поближе. — Ты так чертовски походишь на Человека. Кроме твоего лица и этих пальцев. Пальцы сидящего за пультом.

Он поднял пистолет:

— Ты сидишь слишком близко.

— Не волнуйся. Я только хочу кое-что посмотреть. У тебя пистолет. Если я сделаю резкое движение, ты сможешь застрелить меня.

Она медленно дотронулась до кости, которая шла вверх вдоль щеки и назад за ухо. Пальцы ее коснулись его плоского носа, и она убрала руку. Кожа его пошла пупырышками от ее прикосновения.

— Да, все настоящее, — сказал она, откидываясь назад.

— Конечно. А что ты думала? Что это из пластика?

— Не знаю. — Голос ее звучал разочарованно. — Просто все остальное у тебя, как у человека. Я почти ожидала, что это — нечто фальшивое.

— Я весь настоящий, — сказал он.

Она ничего не ответила, тогда он открыл другой пакет с едой и подогрел его. Из дырочек в упаковке пошел пар, контейнер увеличился в размерах, забирая из воздуха влагу. В результате получилось какое-то мясное блюдо.

Он съел половину, остальное предложил ей. Не колеблясь, она взяла еду и съела все, чисто вылизав пакет.

Быстрое обследование местности дало результат — он обнаружил небольшую впадину, заполненную сучьями, листьями и жухлой травой. Он повесил пояс и рюкзак высоко на ближнее дерево и приготовил из веток мягкую постель. Она была удивлена, когда он предложил ей ночевать там.

— Удобнее будет мне, а не тебе, — объяснил он. — Ты не сумеешь даже шевельнуться, тем более встать, чтобы сухие ветки не зашуршали. А у меня легкий сон и очень острый слух.

Она поглядела на лесное ложе:

— Иногда во сне я мечусь.

Он сделал жест стингером.

— Постарайся спать спокойнее.

Когда он проснулся, незадолго до рассвета, яма была пустой. Но она не сбежала. Он был изумлен, потому что она лежала, свернувшись калачиком и прижавшись к нему. Он потянулся за пистолетом, но ее рука легла на его руку. Борьба была короткой и бессмысленной.

Она была совсем близко и очень походила на ашреганку.

— Все хорошо, — прошептала она. — Ты можешь сломать мне шею, если захочешь. Но есть вещи, которые я бы очень

хотела узнать. Я просто очень любопытна. Я ведь всего лишь человек. — Она слегка отодвинулась.

— Это еще не объясняет, почему ты до сих пор здесь.

Она перевернулась на спину и посмотрела на небо.

— Не уверена, что могу тебе это объяснить лучше. Все, что я знаю, это то, что ты мог бы меня прямо здесь убить. Ты этого не сделал.

— Я уже объяснял, почему. Ты полезна и как источник информации, и как заложник. — Он рассматривал ее вблизи. — Есть и другое объяснение.

Кажется, она приняла какое-то сложное решение.

— Это не важно. Мои коллеги скорее всего собьют тебя с ног. А меня губит любопытство! Я на самом деле не собиралась быть охотником. Мне нужно было заниматься исследованиями. — Она вновь придвинулась к нему.

Он почувствовал, что она не собиралась атаковать его.

Глава 9

Когда он проснулся, она сидела поодаль, глубоко задумавшись. Из тоненькой палочки, которую она зажала между губ, колечками вылетал ароматный дым. Рефлексивно он схватился за пистолет.

Его не было на месте.

Они больше не находились наедине друг с другом. Справа от него сидели трое людей. Двое мужчин с удовольствием ели, а их женщина-компаньон с интересом рассматривала Раньи. В руках ее был зажат баллон с газом, он был направлен прямо ему в лицо.

Увидев, что он проснулся, ближний к нему мужчина повернулся лицом к Раньи и вежливо заговорил через переводящее устройство.

— Мы решили дать тебе выспаться. После столь длинного пути, который ты проделал, мы решили, что ты устал. А мы хотим доставить тебя в хорошем состоянии. Не думай, что мы бы тебя поймали, если бы сами слишком много спали.

Он перевел взгляд на Нейду Трондхайм. Она сидела рядом с ним на плоской скале, ее грациозная фигура четко вырисо-

вывалась на фоне восходящего солнца, колени были подтянуты к подбородку.

— Извини, — сказала она. — Я предупреждала тебя, что мои друзья настигнут нас.

— Я думал... — начал он было. И замолк. Что он думал? Что он мог думать?

Все было просто. Он ни о чем не думал. Если бы он думал, то просто пристрелил бы ее.

Он был очень усталым, а она была такой теплой, такой мягкой, такой понимающей. С ней было так интересно говорить. И оба они были совершенно одни.

Очевидно, выражение, появившееся на его лице, было очень красноречивым и понятным. Она поняла его:

— Ты же знаешь, я пыталась помочь тебе остаться свободным как можно дольше. Я на самом деле пыталась. — Она поменяла положение ног. — Должно быть это ужасно, находиться так далеко от друзей и семьи, в чужом окружении. Но это лишь оттягивало неизбежную развязку, кроме того, у тебя было два заряженных ружья. Ты мог выстрелить в кого-нибудь, и кто-нибудь выстрелил бы в тебя. Я не хотела, чтобы тебя убили.

— Какая тебе разница? — он испытующе поглядел на нее. — Какая тебе разница, что именно случится с вражеским солдатом?

— Потому что я не убеждена, что ты враг. — Она пососала тоненькую серебристую палочку. Легкий дым скрыл выражение, появившееся на ее лице.

Один из мужчин взглянул на нее:

— Что это значит, Нейда?

— Ты смотрел на него? Я имею в виду, смотрел ли ты на него внимательно?

Женщина, охранявшая Раньи, ответила:

— Мы все видели изображения. Они были достаточно детальными. Он, по-моему, результат какого-то скрещивания. Ашреган-мутант?

— Возможно, — пробормотала Трондхайм. — А может быть, и что-то иное.

— Не наше дело искать ответы. — Он выдернул петельку из пакета с едой и проследил, как он обратился в порошок. —

Мы — охотники, находим и ловим. Исследователи и ответственные за развитие — делают выводы.

Раньи изумился своему спокойствию. Он мог бы разозлиться на нее, но не злился. В конце концов, она не предала их близость. Их быстрое взаимодействие было ни чем иным, как научным экспериментом. Она сама так сказала. Они были представителями, хотя и совместимыми, двух различных рас. Она не могла бы его «предать», если бы даже захотела.

Если он и был на кого-то зол, то лишь на самого себя. За то, что поддался ей, за то, что потерял бдительность. Он мог утешаться лишь тем, что ничто в той подготовке, которую он получил, не готовило его к происшедшему этой ночью.

На этот раз они были с ним очень осторожны. Все знали историю его побега, и они не собирались повторять ошибку своих предшественников. Транспорт, который вскоре прибыл за охотниками и пленником, был оборудован отдельным отсеком для столь важного гостя и веревками, которыми можно было связать его ноги. С одной стороны, он оставался один, с другой стороны, его было легче охранять.

Он несколько раз видел Нейду Трондхайм во время полета с гор, когда в течение нескольких минут они проделали путь, который занял у него несколько дней. Но они не разговаривали. Ему это было не нужно, она тоже не была уверена в необходимости такого разговора.

Транспорт летел над садами и полями. Он приблизился к другой горной гряде, более низкой и не столь массивной, как та, где Раньи нашел себе временное прибежище. Транспорт завис в воздухе, стена в одной из гор отъехала в сторону. Когда транспорт проник внутрь, стена закрылась.

Он ожидал увидеть подземную базу. Узор не стал бы располагать подобную базу на поверхности, где известие о его присутствии могло бы встревожить умы простых граждан.

Апартаменты, которые были ему предоставлены, оказались просторными и даже роскошными. Очевидно, обширность его жилища соответствовала важности, которую ему придавали. Оно не было похоже на камеру для заключенных. На стенах были изображения местного ландшафта, но ни одного окна. Небольшая инспекция его нового жилища однозначно дала ему понять, что второго побега не будет.

Ладно, он все же сумел доставить им беспокойство в течение последних двух недель. Все же у него были еще обязательства перед Назначением, он был жив и невредим. Возможности же доставить им неприятности могут предоставиться в ближайшем будущем.

Его снабдили пищей и разными безделушками, которыми обычно пользовались аборигены для развлечения. Это было уже нечто большее, чем обычное гостеприимство. Он не ожидал подобного от людей. Но с самого дня своего прибытия, он не видел ни одного человека. Видимо на базе работали преимущественно гивистамы, о'о'йаны и конечно юланцы. Однажды турлог с клешнями, остановился и внимательно его разглядывал своими глазами, лениво плавающими на концах подвижных отростков. Но ни один человек не появлялся.

С ним регулярно беседовал гивистам и однажды — пара массудов. Он свободно рассказывал о себе, отказываясь отвечать лишь на те вопросы, которые, как ему казалось, затрагивали военные темы. Они не вынуждали его отвечать. Пока. Потому, что больше всего они были заинтересованы в нем самом, а не в той информации, которую он мог бы им сообщить.

Страшнее были медицинские тесты и анализы, хотя ни разу ему не причинили вреда или боли, не делали никаких болезненных стимуляций. Просто и оборудование, и сами процедуры ему были неизвестны. Страшно было потому, что он не знал, чего ожидать.

Однажды они уложили его на плиту, поместили внутрь цилиндра, похожего на гроб, закрыли его и подвергли его тело обработке различного цвета световыми излучениями. Как и после иных тестов, он не ощутил никакого физического или умственного ущерба и, как всегда, никаких неприятных последствий.

Они брали пробы его крови, его экскрементов и кожи, волос, костей. Его анализировали, изучали, сканировали, обмеряли и оценивали с разных точек зрения. Это продолжалось бесконечно. За все это время он не видел ни одного человека. Да и зачем? Люди — были воинами, как и он, а не исследователями. Они не изучали, они разрушали.

Он не был особенно огорчен этим фактом, пожалуй, несколько раздосадован. Ему было бы неприятно, если бы в его

обследовании приняла участие Нейда Трондхайм. Значительно проще оставаться бесстрастным и сохранять отсутствующий вид в присутствии любопытных гивистамов и с'ванов.

Мысль о самоубийстве не приходила ему в голову. Эта концепция была ему знакома лишь по учебным занятиям. Убить себя означало бы нанести оскорбление и ущерб Назначению, лишить его ценного и разумного существа, которое может способствовать его достижению. Такой поступок могли бы совершить лишь поистине враждебные существа. Как люди, например.

Его не допускали на обсуждения, посвященные результатам анализов, поэтому он не представлял, насколько они были ценными. Оставаясь наедине с собой, он пытался расслабиться, как мог. Таким образом, он поддерживал ясность ума и физическую форму. Если его«хозяева» утратят бдительность, он сумеет сбежать или нанести им какой-либо иной ущерб, который послужит цели.

Дважды в день его выводили наверх, как он это называл, на прогулку в огороженном месте, похожем на парк. Там он мог заняться упражнениями, позагорать, подышать воздухом Омафила. Хотя во время прогулок его сопровождал один-единственный стражник, он не обманывал себя. Вряд ли он сумеет сделать и несколько шагов в сторону увитой растениями стены. Они готовы к такому шагу: слишком уж он очевиден. Он и не делал никаких движений в том направлении. Его «хозяева» не были глупы. Присутствие одного стража было тому доказательством. Больше сторожей и не требовалось.

Он проводил время, изучая названия различных деревьев, цветов, играя с рыбками забавной формы, которые плавали в центральном парковом водоеме. Однажды, когда он гулял, пошел дождь. Удовольствие, которое он получил от этого стихийного явления, заставило стражника-массуда почти проникнуться к нему симпатией. Почти.

Затем наступил день, когда рутина эта была сломана. Он понял, что, если вместо массудов его теперь охраняют люди, значит, что-то изменилось. Выйдя из подъемника, они повели его налево, а не направо.

— Что случилось? Куда мы идем?

Высокий и массивный стражник не ответил ему. В руках у

него был здоровенный карабин. Раньи с тоской поглядел на оружие, сознавая, что даже если он сумеет им завладеть, пользы от этого не будет. Каждое оружие, которым здесь пользовались, было настроено на индивидуальный биоэлектрический сигнал своего владельца. Никакой иной страж, а тем более узник, не сможет из него выстрелить.

— Что-то случилось? — Чем дальше они шли, тем более беспокойные мысли начинали тесниться в его голове. — У меня не назначено никаких процедур в это время дня.

— Слушай, малыш, я ничего не знаю. Транслятор достаточно удачно перевел смысл сказанного. — Я лишь доставляю тебя туда, куда указано. Я понятия не имею, что потом случится, понял?

— Да, — ответил Раньи, хотя он и не понял.

Его привели в комнату, в которой он еще не был. Кроме небольшого стола и стульев, здесь было несложное медицинское оборудование, вмонтированный в стену экран связи и цветы в горшках. Если не считать медицинского оборудования, помещение больше походило на спальню, чем на смотровую комнату. Он подумал, что привлекательность обстановки обманчива.

Но не обманчивым был образ Нейды Трондхайм. Она сидела на одной из кушеток и повернулась к нему, когда он вошел. Вместо защитной формы охотника на ней был легкий коричнево-белый костюм. Он был удивлен, увидев ее здесь, но не знал, доволен он этим или нет.

Из-за медицинского оборудования на него смотрели еще два человека. Один был очень маленького роста, почти, как с'ван. Раньи знал, что он не являлся членом этой высокоразвитой расы цивилизации, потому что у коротышки отсутствовала характерная для с'ванов волосатость. На обоих была одинаковая с высокими воротничками черно-бежевая форма. Ни один не был похож на воина. В комнате находилась еще и женская особь массудов, достаточно зрелого возраста. Она была несколько сутуловата, а большая часть ее волос на голове и лице приобрели характерный серебристый оттенок. Раньи не знал, обязана ли она этому своим возрастом или каким-то иным обстоятельствам. Но для женщин своей расы она обладала хорошим самообладанием. Ее бакенбарды и нос почти не дрогнули, пока она изучала вновь прибывшего. Вокруг нее

стояли несколько гивистамов и о'о'йанов, но с'ванов или вейсов не было.

Два стража остались снаружи, встав по обе стороны закрывшейся двери. Все взоры были обращены на него.

— Садитесь, пожалуйста. — Более высокий из людей отлично говорил по-ашрегански. Изумленный Раньи подчинился. Упрямство ничего ему не даст. Отказ ради отказа лишь расходует лишнюю энергию.

Последовала неловкая, но краткая пауза, затем зрелый и отлично себя контролирующий гивистам приблизился к нему.

— Я Первый-по-Хирургии. — Лысый, зеленого цвета противник изучал его с бесстрашием, характерным для представителей его профессии. Может быть, решил Раньи, это всего-навсего медицинское подразделение. Как бы там ни было, он был ошарашен следующей фразой: — Имею честь подвергнуть вас исследованию.

— Исследованию? — Раньи решительно избегал смотреть на Нейду Трондхайм. — Что вы имеете в виду?

— Вас. Наблюдения за вами многое прояснили за последние несколько недель.

— К сожалению, не могу сказать того же о себе. — Он обвел присутствующих широким жестом и с удовольствием заметил, как некоторые из них вздрогнули. — Зачем столько наблюдателей? Или вы собираетесь меня отпустить? — Он слегка улыбнулся.

— Видите ли, мы не совсем представляем, что с вами делать. — Раньи повернулся в сторону говорившего. Ашреганский язык более низкого ростом человека не был столь же беглым, как у его сородича. Но несмотря на ужасный акцент, слова были различимы: — Вы являетесь аномалией.

— Мне уже это говорили. Я рад, что вы смущены.

— Может быть, вы поможете нам принять решение, — гивистам тихо присвистнул. — Мы хотим, чтобы вы взглянули на несколько изображений.

О'о'йан протянул ему большой пластиковый конверт. Тонкие пальцы его исследовали содержимое и извлекли прямоугольные трехмерные снимки.

— Это — внутренняя часть вашего мозга.

Раньи устало взял плоский лист бумаги, осознавая, что все

находящиеся в комнате внимательно наблюдали за ним. Нейда Торндхайм тоже? Он решил изобразить безразличие.

После внимательного изучения он вручил листок хирургу:

— Здесь есть что-то, что должно меня удивить? Я вижу мозг ашрегана. Ничего более.

— Пока я хочу, чтобы вы лишь взглянули на это. Разъяснения последуют. — Гивистам терпеливо передал Раньи еще два листа бумаги. Он взглянул на каждый перед тем, как вернуть. Это было боковое и фронтальное изображение первого кадра.

Четвертый отличался.

— А это — увеличенное изображение части вашего мозга. Значительно меньшей в натуральном виде. — Хирург вынул другой лист. — А вот еще. — Изящный палец с ухоженными ногтями ткнул в изображение, как будто погружаясь в него: — Я прошу вас обратить внимание на небольшое белое пятно, увеличенное и выделенное красным цветом.

Глаза Раньи на мгновение сузились перед тем, как он вернул листок назад:

— Рад был сделать вам приятное. Что-нибудь еще? — Собравшиеся вокруг него были столь торжественны, что он чуть не расхохотался. — Боюсь, что ничего нового вы мне не открыли. Я видел изображение своих внутренностей и раньше.

— Уверен, что это именно так. — Первый-по-Хирургии подошел ближе. — Если не возражаете, я хотел бы, чтобы вы обратили на них более пристальное внимание.

Раньи вздохнул. Это опять оказалось своего рода тестом, по крайней мере, не столь неприятным, как многие из тех, что он уже проходил.

— Вот, например, еще одно изображение. — Гивистам вынул из кармана индикатор и высветил часть изображения. — Видите точки? Здесь... здесь и здесь? — Индикатор передвигался по мере его слов.

— И что? — спокойно спросил Раньи. — Я должен дать объяснения? Это могут быть кусочки костей или кровяные сосудики. Вы ведь хирург, не я. Если вы хотите преподнести мне урок моей собственной физиологии, то я в нем не нуждаюсь.

— Да, это на самом деле какие-то остатки. — Индикатор вновь сдвинулся. — А вот пузырчатые точки. — Широко

открытые глаза уставились на него, оба века были вздернуты. — У вас нет никаких комментариев?

Раньи взглянул на изображение, пытаясь понять слова гивистама. Какова цель всего этого? Почему их так много в комнате и почему они все так внимательно на него глядят? Что означают все эти штуки в его башке?

— Нет, у меня нет комментариев. — Он похлопал по изображению. — Это ничего для меня не значит. Что дальше?

— А должно было бы значить. — Хирург вынул еще один лист. — Это была правая часть вашего черепа. А вот — левая. На левой стороне вы можете видеть три дополнительные точки. Обратите внимание, что, как и предыдущие, они расположены идентично. Мы решили, что эта работа была проведена достаточно рано.

— Тем не менее, это для меня ничего не значит. — Раньи был осторожно безразличен. — А вам это что-то говорит?

— Да. Это говорит мне, что выдающиеся кости, которые начинаются над глазами и идут за уши, являются результатом пренатальной остеопластики.

Раньи хотел ответить, но заколебался, и вместо этого сказал медленно:

— Я не знаю, о чем вы говорите.

— Позвольте мне. — Первый-по-Хирургии приподнялся на цыпочках, чтобы достать до правой стороны лица Раньи. Своими тонкими пальцами он осторожно коснулся выдающихся на черепе узника костей.

— Эти костные выступы не являются вашей врожденной характеристикой. Они являются результатом хирургии и имплантированы в ваш организм. Ваша кожа также была подвергнута модификации. Аналогичные изменения были внесены в ваши глазницы, в строение ваших ушей и пальцев. Все это было сделано до вашего рождения, пока еще не сформировались ваши кости. Чтобы осуществить подобную работу без вмешательства в естественный рост костей, необходимы какие-то особые умения. Мы ими не располагаем. Только одна цивилизация во Вселенной так преуспела в биоинженерии. — Он заменил рассматриваемое изображение на новое. — Посмотрите на свои руки. Опять эти пузырьчатые точки.

Раньи смотрел, не понимая.

— Но... если все, о чем вы говорите, правда, зачем все это?

Гивистам тихо скрипнул зубами.

— Чтобы придать вам внешний облик ашрегана..— Если убрать эти привнесенные черты, то скелет будет иным. — Он поколебался и отступил на шаг от узника. — Да, то, что находится перед нами — это не ашреган-мутант, а нормальный человек.

Раньи презрительно фыркнул.

— Это безумие.

Первый-по-Хирургии положил изображения обратно в конверт.

— Все остальные части вашего тела — мускульная система, плотность, расположение, функционирование и чувствительность органов, — все это вписывается в обыкновенные человеческие характеристики. Вы являетесь подлинным представителем человеческой расы, а не ашреганской, вы такой же человек, как и три иных присутствующих здесь представителя этой расы.

Пленник бросил взгляд на женщину, хорошо говорившую по-ашрегански и на ее приземистого компаньона. Они спокойно посмотрели на него.

— Это не просто извращение, это безумие. Это более тонко! Вы все хотите обмануть меня! У вас есть какая-то цель и, чтобы достигнуть ее, вы пытаетесь обмануть меня. Забудьте об этом лучше. Я не такой дурак.

— Может быть, и нет, — сказал низенький человек. — Но вы ведь не тупица. Ваш уровень умственного развития высок, как и все иные показатели. Вы сами, отбросив в сторону все иные привходящие факторы, глядя на себя со стороны, разве не видите, кто вы? Что вы больше человек, чем ашреган?

Его товарищ подхватил тему:

— Ни у одного ашрегана нет таких плотных костей и такой мускульной силы. Ни один ашреган на располагет такими рефлексами, как вы, и такой силой удара.

Раньи ожидал, что начнутся различного рода уловки, но не ожидал услышать просительный тон. Он сохранял контроль над собой.

— Я согласен, что, видимо, какие-то изменения были внесены в мой организм, чтобы придать мне определенные боевые качества человека, некоторые его способности. Это заклю-

чение неизбежно, и я не пытаюсь больше отрицать его. — Комментарии на различных языках наполнили комнату. — Да это меня и не беспокоит. Очевидно, подобную информацию нужно скрывать от детей и от молодых людей, которые не в состоянии ее правильно оценить. Взрослый сумеет все правильно понять и оценить. Ну и что здесь плохого, если благодаря этому я могу лучше служить Назначению? Я не вижу в этом ничего зловещего.

— Несосмненно, в голове у вас полная неразбериха, — сказал Первый-по-Хирургии. — Вы все еще не понимаете?

— Не понимаю чего? — ответил Раньи нетерпеливо. Он уже устал от подобной чепухи.

— Что вы — не ашреган, в которого были внесены человеческие характеристики, а человек, которому были приданы качества ашрегана. У нас есть ваш генетический образ, и мы выяснили, что эти изменения вы сможете передавать по наследству. Эти изменения были внесены в ваши гены. Амплитуры смотрят далеко вперед.

— Для амплитуров вы во вторую очередь являетесь воином, Раньи-аар. А в первую очередь — материалом для разведения.

Глава 10

Он подождал. пока не убедился, что целиком контролирует себя. Затем ответил:

— Но если все, сказанное вами, — правда — то как же вы объясните происшедшее с моими родителями? Мои воспоминания? Мой дом? Катастрофу на Хусилате?

— Мы провели некоторые исследования, используя за отправную точку ваши рассказы. — Манера разговора женщины была очень спокойной. Раньи даже не представлял, что люди могут быть такими. — Вы и ваши родные на самом деле спаслись во время побоища среди мирного населения.

— А, — сказал Раньи.

Женщина продолжила:

— На планете была колония. Но не Хусилата. Мир, чье название теперь связано с бессмысленным разрушением. Он был разрушен некоторое время назад в результате не-

предвиденной и необъяснимой атаки криголитов. Это произошло ровно столько лет назад, чтобы объяснить вам и вашим друзьям, что вы тогда еще находились в утробе матери.

Были уничтожены целые регионы. Впервые за современную историю для уничтожения поверхности планеты было использовано оружие массового уничтожения. Командующие криголитов были наказаны и их властями, и самими амплитурами. Если же основываться на том, что вы нам рассказали, мы пришли к выводу, что это не помешало всегда прагматичным амплитурам не найти возможности вмешаться в эту ситуацию.

Тогда думали, что никто не сумел спастись. Тела, найденные на поверхности, были обуглены. Точный подсчет погибших сделать было невозможно. Поэтому было просто невозможно сказать, сколько детей, мужчин, женщин, или... — голос ее сорвался, — беременных женщин было взято в плен. Учитывая беспрецедентный масштаб уничтожения, так оно и было рассчитано. — Она попыталась продолжить, но не смогла, и говорить продолжила ее коллега.

— Вы были взяты в плен амплитурами, а не спасены, — сказал мужчина коротко. — Конечно, вы этого не помните. Изъятие было произведено до вашего рождения.

— Рассказ об этом побоище мы внесли в школьные учебники, — в первый раз заговорила более старшая женщина-массуд.— Как лучшее свидетельство войны без правил.

— Мои родители, — бормотал Раньи. Под угрозой оказалась не только его самообладание. Он сам оказался под угрозой, он был напуган, он был в ужасе, он почувствовал свою беззащитность.

Он узнал слишком много. Слишком много, чтобы сразу все услышать, понять и впитать. Слишком много, чтобы думать обо всем сразу. Картинки и слова, истории и факты. Ложь, ложь! Они хотят свести его с ума.

Женщина была безукоризненна:

— Как только вы родились, вас забрали у матери и отдали приемным родителям — ашреганам. То же самое можно сказать и о вашем брате. — Она сделала паузу. — Мы подозреваем, что ваша сестра — результат искусственного зачатия и последующего имплантирования в утробу матери. С достаточ-

но хорошим медицинским оборудованием чрево ашреганки может выносить человеческий зародыш. Это сделает последующее сходство еще большим. Амплитуры всегда заботятся о деталях.

Ничто из сказанного не может быть правдой, сказал он сам себе. Ни слова правды. Потому что это означало бы, что его настоящие родители были уничтожены амплитурами, как только стали бесполезными. Это означало, что два существа на Коссууте, которых он всегда называл отцом и матерью, были ни кем иным, как агентами амплитуров, которые посвятили свою жизнь тому, чтобы чудовищный обман внушить невинным детям. Это означало, что все, чему он посвятил жизнь, все, за что он боролся, было ложью, что на самом деле он лишь стал орудием в выполнении планов амплитуров по биоинженерии.

— Обман, — бормотал он. — Обман и еще раз обман. Вы пытаетесь убедить в том, что я не есть то, чем являюсь на самом деле.

Неожиданно беспокоившая его неуверенность исчезла. Вновь он был спокоен и расслаблен. Страх от того, что они, вероятно, правы, что все, чему он служил всю свою жизнь было ложью, испарилось моментально под холодным светом знания.

— Если я не ашреган, а человек, — торжествующе спросил он присутствующих, но особенно двух людей. — Как же так, что я мог иметь умственный контакт с амплитурами, и человеческий невроцеребральный защитный механизм не вступил в действие? Я испытал это и никакого вреда не было ни мне, ни Учителям. Ни один человек не смог бы этого сделать, даже если бы очень хотел.

Первый-по-Хирургии проконсультировался с о'о'йанами и гивистамом. Вынув лист из конверта с ложью, старший хирург приблизился к пленнику во второй раз.

— Вы помните это изображение?

Раньи взглянул на пластиковую пластину.

— Возможно. — Я вновь привлекаю ваше внимание к этому участку, обведенному красным цветом. Это более глубокое сканирование, чем что-либо иное. Оно изображает небольшую деталь внутренней части вашего мозга с правой стороны коры головного мозга.

— Если вы так говорите, — ответил он безразлично. — Что это? Еще один трюк?

Зубы гивистама слегка заскрежетали. когда он медленно начал объяснять:

— Этот участок является нервным центром. Узел нервных окончаний и связей. У нас ушло определенное время на то, чтобы обнаружить это, мы не сразу сумели его выявить. У нас ушло много времени на его обнаружение. — Лист слегка зашуршал в его руках.

— В человеческом мозгу нет подобного узла.

Раньи улыбнулся.

— Вот видите. Значит, это и доказывает, что я прав.

Коротышка почесал за ухом.

— Но и в мозгу ашрегана тоже нет такого узла.

Раньи невольно опять поглядел на изображение. Да, так и есть, ворсистое пятно неопределенного размера и очертаний. Разве этого достаточно для того, чтобы признать здравомыслие самого себя?

Первый-по-Хирургии вручил ему другое изображение:

— А вот еще один снимок. Увеличение больше.

Пятно уже оказалось расчлененным на ячейки, из которых тончайшие нити разбегались в разных направлениях. Это было похоже на изображение, полученное под микроскопом.

— А вот еще одно увеличение.

Третья картинка давала увеличенное и подробное изображение клеточек и нитей. Ни один биолог не сумел бы идентифицировать их. Если только...

— Что это? — сказал он.

Первый-по-Хирургии сделал над собой усилие и наклонился.

— Нановевральный шов. Место, где нервные окончания были искусственно соединены воедино. — Лицо рептилии повернулось к нему. — В вашем теле нет кода для подобного комплекса. Оно было создано искусственно, а затем введено в ваш мозг. Как если бы создан дополнительный точный инструмент. Он расположен в вашем мозгу и пока остается невостребованным. Он, как бы я сказал, пока находится в спячке. Исследования заставляют нас думать, что именно в этой части человеческого мозга расположены центры, которые позволяют Homo Sapiens сопротивляться вторжению влияния амплиту-

ров. Таким образом, логика подводит нас к тому, что этот нервный центр был введен в ваш мозг амплитурами, чтобы сделать ваш мозг податливым и восприимчивым к их влиянию. Своего рода мост. Такой же искусственный и неестественный, как и костные выступы над вашими ушами.

— Они не только создают и разводят людей, похожих на ашреганов, что бы они служили им, — сказала женщина мягко. — Если они сведут вас с пленными людьми, — то сумеют вывести породу существ, которая будет не в состоянии сопротивляться их влиянию. Очевидно, в этом и состоит конечная цель.

— Первый-по-Хирургии сказал уже — они смотрят далеко вперед, — произнес ее товарищ.

Раньи посмотрел на них безучастно. На затылке он ощутил нервную пульсацию, там, где предполагалось расположение этого узла.

— Я не верю вам, — сказал он наконец. — Если это существует на самом деле, следовательно, этим обладают и все другие люди моей расы. Все ашреганы. Вы хотите сделать меня параноиком, демонстрируя какой-то скрытый, безобидный нарост, и пытаетесь внушить мне какие-то ложные мысли. Но это не сработает. Вы сошли с ума, если полагаете, что можете меня купить просто.

— Нет, этот узел существует только у вас. — Первый-по-Хирургии был настойчив. — Это реально. Такого нет ни у ашреганов, ни у людей. Только у вас.

— Это ужасно, — прошептала пожилая массуд. — Варварство. Нецивилизованность.

— Как и война сама по себе, — сказал низенький человек, оглядев присутствующих союзников. — Только Человечество еще воспринимает этот факт. Вот почему это открытие лишь удивляет. но не шокирует нас.

— Несомненно, — в словах массуда звучала смесь отвращения и восхищения.

— Ложь, очень умная ложь, — Раньи с вызовом поглядел на двух людей. — Но это вам не поможет. Неужели вы полагаете, что сумеете меня убедить в таком нагромождении лжи на основании каких-то непонятных изображений? Это, — он потряс в воздухе листом бумаги, — ничто! — Он бросил листок так далеко, как только мог. Тот полетел по воздуху.

В течение какой-то доли секунды, пока все отвлеклись и глядели вслед листку, Раньи вскочил со своего места и двинулся вперед. Первый-по-Хирургии отлетел в сторону, когда Раньи мощным ударом сбил его с ног.

Никто больше не загораживал путь Раньи. Он оказался в дверях так быстро, что стражники даже не сумели отреагировать. Вытянутыми твердыми пальцами он ударил в горло большему из стражей. Тот упал тяжело, будто его оглушили бревном. Его товарищ попытался достать оружие, но пленник резким ударом пятки нанес ему сокрушительный удар по лицу.

Раньи летел по коридору, его легкие и ноги работали слаженно. Сумеет ли он выбраться наружу? Он надеялся, что его ценность как представителя редкой расы спасет ему жизнь. Он был готов побиться об заклад, что приказ подразумевал лишь то, что его надо напугать, но не убить.

Завернув за угол, он налетел на вейса. Птицеподобное существо сидело за металлическим столиком, пол помещения был выложен камешками. Чрез стеклянные стены были видны подземные помещения, которые он помнил с первого дня своего прибытия сюда. Можно было различить несколько машин. Но, — что более важно, — внешняя дверь была открыта. Снаружи виднелось солнце, небо, облака, растительность.

Вейс повернулся, чтобы заговорить, но узнал Раньи и онемел от ужаса. Раньи бежал мимо стола и был уже на полпути к выходу, когда нижняя часть его правой ноги онемела.

Он продолжал двигаться, приволакивая за собой онемевшую конечность и в отчаянии стремясь к выходу. Взглянув через плечо, он увидел двух человек, которые стреляли по нему. Он не стал терять времени, сосредоточив все свои усилия на движении. Если он успеет выйти и завладеть одним из аппаратов, то сумеет выбраться, пока они не перекроют туннель. Паралич же быстро пройдет. Он попытался внушить себе, что должен бежать на одной ноге, что должен подняться над поверхностью.

Что-то ударило его в левое бедро и он упал, без сил рухнул на каменный пол. Вейс, сидевший за столом, еще не двигался, пара техников-гивистамов нерешительно стояли в дверях и красноречиво полязгивали зубами, беспомощно глядя на лежащее без движения тело.

Раньи попытался встать, цепляясь пальцами за плитки пола. Уголком глаза он увидел пару ног. Повернувшись, он узнал стражника, которого ударил в горло. Выражение на его лице, когда он поднял свою ногу, было не просто враждебным.

Несмотря на дрожь в ногах, Раньи улыбнулся:

— Вот видишь, на твоем месте я никогда бы не стал размышлять, что надо делать. И все потому, что я не похож на тебя. Я, возможно, обычный солдат, но я цивилизованный ашреган. А ты — всего лишь человек.

Страж заколебался, потом опустил ногу. Что-то нервно бормоча, гивистамы прошмыгнули через комнату и исчезли в коридоре.

Раньи испустил вздох, в тоске глядя на пустые ворота.

— Почти дошел. Надо было двинуть тебя посильнее.

Страж потер шею.

— Не имеет значения. Тебя бы поймали, ты бы не успел далеко уйти. — Он поглядел назад. Другие охранники шли закрывать ворота и блокировали дальний коридор. Трясясь, но уже очнувшись от беспамятства, вейс нервно говорил что-то в свой транслятор на разных языках.

Из комнаты, где проходила их встреча, пришли несколько ученых и исследователей. Собравшись за спинами стражей, они бормотали и указывали на Раньи, очевидно, опасаясь как бы их ценный экземпляр не пострадал еще больше.

— Знаешь, — мирно сказал человек, стоявший рядом с Раньи. — Я на самом деле хочу тебя как следует двинуть. Один разок нецивилизованно, как следует — прямо по почкам. Конечно, если у тебя есть почки. Если все эти умники правы, то у тебя такие же почки, как и у меня. Но я слишком долго ждал, а теперь слишком много свидетелей.

Раньи резко сел, оперевшись на ладони. Он поглядел на человека с отвращением, как на нечто вызывающее крайнее омерзение.

— Я ничем не похож на тебя.

Человек сохраняя спокойствие:

— Не имеет значения. Если бы меня так ударил человек, то я бы тоже захотел как следует егоударить.

— Насилие против себе подобного. Какая удивительная расовая концепция!

— Разве? Вот почему наши братья по Узору так нас не любят.

Когда прибыл другой стражник, первый передал ему свою винтовку, взял Раньи под мышки и поставил на ноги. В мышцы как будто впились тысячи иголок. Но охранник заставил его двигаться по кругу, чтобы вернуть ногам чувствительность.

— Надеюсь, они решат, что ты человек, — сказал охранник, стоны Раньи не внушали ему ни малейшего сострадания.

— Почему?

— Потому что тогда у нас появится возможность видеться чаще. И уже не будет вокруг никаких крыс и ящериц, которые бы тебя защитили.

Наконец, Раньи сумел стоять самостоятельно и освободился от объятий стража.

— Я тоже мечтаю об этом, — ответил он ровно.

Когда Раньи ответил ему, тот отреагировал чисто по-человечески — он улыбнулся.

Среди тех, кто сейчас столпился в холле, была и Нейда Трондхайм. Раньи задумчиво поглядел на нее, но страж ткнул стволом ему в спину.

— Я бы провел с тобой наедине еще немного времени, но твои хозяева нервничают. Иди. Если ты снова что-нибудь учудишь, если ты только взглянешь на меня, я тебя ударю там, где всего больнее, коли уж мы с тобой одинаково устроены.

Окруженный усталыми и вооруженными людьми и массудами, Раньи вернулся в ту комнату, откуда так стремительно, но неудачно бежал. На этот раз дверь за ним была плотно заперта.

К нему подошла Трондхайм:

— Все в порядке. Я не виню тебя. Тебе была нанесена большая травма. — Она попыталась положить руку ему на плечо, но он сбросил ее. Она села на место.

Вновь он стал центром всеобщего внимания.

— Ну давайте, показывайте мне все картинки, которые хотите, заявил он. — Хотя, если вы желаете меня поразвлечь, есть и более легкие способы. Но не думайте, что сумеете когда-нибудь убедить меня в том, что я являюсь чем-то иным, чем я есть на самом деле.

Высокая женщина медленно покачала головой.

— Вы — человек. Нравится вам это или нет, но доказательство налицо. Даже нынешняя вспышка ярости это доказывает. Ни один ашреган, подвергшийся или не подвергшийся изменениям, не зашел бы так далеко.

— Да, он прав. — Внимание перешло на Первого-по-Хирургии. Пожилой гивистам кажется, хорошо перенес случившийся с ним неприятный эпизод. — Я не думаю, что мы сумеем убедить вас словами или картинками, — сказал он Раньи. — В вас слишком укоренилось это убеждение. Нам нужно сделать что-то другое.

— Пожалуйста, — насмешливо заметил Раньи. — Ничто не изменится.

Двойные веки моргнули.

— Я очень прошу вас перемениться.

Глава 11

Он не знал, когда и как они ввели ему снотворное. Может быть, с питьем или с едой, или оно было распрыскано в воздухе его комнаты. Почувствовав вдруг необычайную сонливость, он попытался бороться с ней, громко кричать, биться о стены, делая все возможное, чтобы не заснуть.

Теряя сознание, он успел задать себе вопрос: а для чего именно им вдруг потребовалось усыплять его. Может быть, они собираются перевезти его в другое место и, помня его последнюю попытку бегства, решили не рисковать. Зная свое состояние ума и свои способности, он тоже не стал бы рисковать на их месте.

Он оценил тот факт, что забытье на него нахлынуло безболезненно, но в конце концов Омафил был цивилизованным местом. Интересно, как бы с ним поступили люди? Эта неприятная мысль была последней, которая пришла ему на ум, перед тем как впасть в глубокий сон.

Большое количество существ собралось рядом с видеоэкранами, разбросанными по учреждению и по всему Омафилу.

В операционной народу было мало. Женщина-врач с Земли была среди присутствующих, но не для того, чтобы проводить

операцию, а чтобы советовать и наблюдать. Она большей частью преподавала, и давно потеряла необходимые для проведения операции навыки. Но она участвовала в изучении Раньи с самого начала и понимала, что его присутствие будет помогать окружающим.

Эту операцию предстоит провести Первому-по-Хирургии и в высшей степени опытному о'о'йану. Оба они являли собой цвет медицинских достижений Узора.

За одним единственным исключением людей не допускали к хирургии. Хотя операция будет проводиться на человеческом мозгу, ни один человек на ней не присутствовал. Никто из них не обладает точностью, которой обладают гивистамы или о'о'йаны. Им оставалось стоять рядом и завидовать.

Хотя все присутствующие были преисполнены уверенности и надежды, все же подсознательно ощущалась некоторая неловкость перед предстоящей процедурой. Хотя необходимость операции долго обсуждалась, все ее детали были заранее продуманы, все понимали, что они вступают на неизвестную доселе территорию. Изучение Узора Homo Sapience уже не раз давало неожиданные результаты. И хотя каждый знал, чего они ожидают, но нервная система человека всегда могла дать самый непредсказуемый результат.

К паре хирургов Узора были приставлены в помощь еще два хирурга-человека. Один стоял рядом с операционным столом, а у другого, с бронзового цвета кожей длинные и чувствительные пальцы, казалось, были взяты от другого тела. Хотя мастерство и снискало ему заслуженную славу среди людей, он присутствовал лишь в качестве советника и наблюдателя. Руки, которые провели сотни операций на себе подобных, не имели права касаться этого пациента. Даже в случае крайней необходимости ему не позволят прикоснуться к микрохирургическим инструментам, разложенным здесь. Это будет разрешено лишь союзникам, которые обладали более точными и более четкими движениями, чем величайший хирург Человечества всех времен.

Тонкая мягкая непрозрачная ткань закрывала Раньи-аара до самой шеи. Его лоб сиял под верхним освещением. Благодаря инструментам, которые предстояло использовать, не возникало необходимости брить его череп. Невидимые воздушные зажимы держали его голову на месте, открывая до-

ступ рукам и оборудованию, но предотвращая невольные лишние движения.

Присутствующие врачи уже проводили эту операцию много раз на смоделированном мозгу. Однако реальность отличалась от того, на чем они тренировались. Если они сделают ошибку, то не смогут нажать кнопку «Повтор». В реальности от таких операций пациенты умирали. Поэтому, хотя хирургическая команда и была уверена в своих силах, но не была уверена в исходе операции.

Над толпой гивистамов и о'о'йанов возвышался единственный человек. Он выглядел здесь неуклюже и не к месту. Частным образом он заверил обоих хирургов в том, что не станет мешать им.

— Мы начинаем, — сказал он в транслятор. — Я должен всем напоминать, что мы точно не знаем, каким будет результат наших усилий. Мы в равной степени можем излечить или убрать это существо. Как всем присутствующим известно, в результате сканирования мы обнаружили искусственно введенный участок мозга — нервный узел, который представляет опасность для данного индивидуума. Любая попытка удаления, может дать возможность его клеткам разойтись по мозгу. Профилактика и иные способы лечения могут нанести вред пациенту. Если бы подобный механизм был обнаружен в другой части тела, мы бы смогли справиться с ним. Но так как он запрятан глубоко под корой головного мозга, мы не можем рисковать. Поэтому было решено оставить сам узел на месте, но специальной тончайшей хирургической аппаратурой прервать нервные связи между этим узлом и другими частями нервной системы пациента. Наша цель — сделать нарост безвредным, но не удалять его, не травмировать мозг.

— Это действительно очень тонкая операция, — сказала женщина-врач, продолжая объяснение для наблюдателей. — Как и любое иное вторжение в мозг. — Она повернулась к столу. — Мой коллега начинает.

Первый-по-Хирургии начал манипулировать чувствительными кнопками. Детали операции были уже заранее заложены в операционные инструменты, все движения и реакции были собраны из иных, аналогичных, предшествующих данной операции. Хирургический компьютер внесет необходимую поправку, заметив даже малейшее расхождение между зало-

женной программой и действительностью. Так как вся операция была запрограммирована, присутствие самого хирурга может стать необходным лишь в самом крайнем случае. Если же в ходе операции появится нечто непредвиденное, компьютер сделает и попросит соответствующих инструкций.

Небольшая металлическая тарелка опустилась в блестящей автоматической руке и замерла в нескольких сантиметрах над черепом Раньи. С обеих сторон активно действовали медицинские сканеры. Несколько небольших иголок были выведены из тарелки.

— Если мы упустили из виду какую-либо аналогичную найденной нейрологическую ловушку, мы можем его потерять, — пробормотал ни к кому специально обращаясь, высокий человек.

Старший Первый-по-Хирургии внимательно смотрел на жужжащий ультразвуковой скальпель. Одна игла незаметно изменила положение на поверхности тарелки. Всякий раз, когда игла передвигалась и жужжала, еще один нейрон в мозгу Раньи перерезался.

— Все, что можно было сделать, сделано. Мы провели полную подготовку к операции.

— Но нанобиоинженерия амлпитуров крайне тонка.

— Да, конечно. Но это все-таки наука, а не магия. — Щелчок острых зубов массуда как будто подтвердил эту мысль.

Мониторы, расставленные по операционной, отражали каждый эпизод операции. Все ясно видели нервный узел, течение крови по капиллярам, нейроны, которые связывали центр с остальной частью мозга. Один за другим они перерезались невозможно краткими, точно применяемыми взрывами высокочастотного звука. Постепенно нервный центр изолировался от всего мозга и становился не более опасным, чем доброкачественная опухоль.

— Я слышал, — пробормотал высокий человек, и его внимание перекочевало с монитора на пациента и обратно, — что среди присутствующих немало таких, кто не слишком-то огорчится, если во время операции пациент умрет. Этот Раньи-аар вовсе не чудовище. Это обычный человек, которого лишили права рождения еще до того, как он родился.

— Я видел его генетическую карту. Меня не нужно убеждать, — ответил Первый-по-Хирургии.

— Извините. — К своему удивлению, человек обнаружил, что прикусил нижнюю губу. Он никогда этого не делал. Но и подобных операций ему не приходилось проводить. Здесь на карту поставлена не просто одна жизнь. Все друзья пациента также были потенциальными кандидатами для подобной операции. Хотя, если они не сумеют привести в порядок этого...

Он знал, что, проживи он и лет двести, он никогда не сумеет сравняться по мастерству с медицинским компьютером или с мастерством гивистамов. Но что-то внутри заставляло его пальцы слегка подергиваться, как будто он, а не бинарные импульсы манипулировали инструментами.

Первый-по-Хирургии прервал его размышления:

— Я знаю, о ком вы говорите. Они уверены, что индивидуумы, подобные этому, должны быть уничтожены. Они боятся заразы и скрещивания, которые могут привести людей к зависимости от амплитуров. — Они не думают о спасении отдельного индивидуума. Мы же — врачи, поэтому думаем по-иному.

Не говоря уж о том, что от него можно получить массу полезной информации, пока он будет жив, — думал человек. Хотя он не осуждал и гивистама. Тем более, что испытывал подобные же ощущения.

В операционной было тихо, как в гробнице, если не считать методических вспышек и щелчков инструментов. Над пациентом двигался лишь скальпель.

Только когда блестящая тарелка убрала иглы и отодвинулась в сторону, выполнив запрограммированные действия, в операционной раздалось разноязычное многоголосие, жужжание трансляторов. Сканнеры показывали, что нервный узел был полностью изолирован от всего мозга. Впрочем, в этом случае крики ликования были преждевременны. Видимый успех еще требовал медицинского подтверждения.

Присутствующие врачи столпились вокруг различных технических установок, мониторов. Мозг пациента сохранился. Выпущенные на волю клетки не вышли из центра и не разрушили мозг. Циркуляция крови, дыхание, все иные формы функционирования организма были в норме. Не произошло и внутреннего кровоизлияния. Первый-по-Хирургии позволил себе радостно поскрипеть зубами.

Врач-землянин едва ли заметил, как прошло время опе-

рации. Он отошел от монитора и присоединился к Первому-по-Хирургии.

— Все в порядке. Когда он очнется, то не ощутит никаких перемен. Только что всю оставшуюся жизнь в его мозгу будет находиться совершенно ненужный узел нервных клеток, и любой амплитур, который попытается сделать ему внушение, будет крайне удивлен результатом. Если, конечно, предположить, что в результате операции он полностью восстановил способность к естественной защите своей нервной системы.

— В любом случае, он больше не сможет быть объектом их воздействия, — сказал решительно Первый-по-Хирургии. В этом заключалась главная цель операции. — Ну, а если восстановятся защитные человеческие реакции, тем лучше будет для него. — Первый-по-Хирургии выглядел задумчиво. — Но я думаю, что эту информацию необходимо скрыть от основной массы населения Узора.

Тихо разговаривая между собой, оба врача покинули операционную. За ними последовали остальные медики, присутствовавшие при операции. Вошла вторая хирургическая команда, которая занялась приведением в порядок хирургических инструментов.

Ультразвуковой скальпель был поднят к потолку. На его место опустились инструменты более внушительной формы. Хотя предыдущая процедура была значительно более тонкой по своему характеру, вторая была более продолжительной. Хирурги предполагали убрать излишки костей со щек пациента, перестроить его уши, укоротить его пальцы и восстановить дополнительные кости вокруг неестественно широких глазниц.

Первая команда восстановила внутренний человеческий облик пациента, второй команде предстояло восстановить его подлинный внешний облик.

Неважно, что среди них не было людей. Гивистамы и о'о'йаны прекрасно знали физиологию Homo Sapiens, потому что значительную часть своей жизни провели возвращая к жизни наемников с Земли. Художники не в меньшей степени, чем врачи, они были убеждены, что когда будут сняты повязки, пациент будет похож на кого угодно, но только не на представителя враждебной расы.

Хирург-землянин, присутствовавший на операции, хотел бы остаться и увидеть это. Но он знал, что вряд ли ему позволят это сделать. Его присутствие необходимо в сражении. Мало кто из людей выбирал себе профессии, в которых их могли превзойти представители иных рас. Поэтому ценность этих специалистов была особенно большой. Хирург полностью понимал ситуацию. Ведь и легче, и приятнее специализироваться в той области, в которой никто не сможет превзойти человека.

Способность — убивать.

Глава 12

Забавные были эти зеркала. Как и мыслей, их невозможно было избежать...

По прошествии некоторого времени его пришла навестить Нейда Трондхайм. Она говорила, а он слушал. Они обменивались ничего не значащими фразами. Возникали долгие паузы. Затем она ушла.

Следующим посетителем Раньи был высокий мужчина немного ниже ростом, чем Раньи, немного старше. Немного более светлый. Не зеркальное отражение, но похож.

Только тогда Раньи позволил себе расплакаться, не интересуясь, ашреганские это слезы или человеческие. Это стало дополнительной нагрузкой для его прооперированных глаз, но он не обращал внимания на это неудобство. Молодой человек был озадачен, вместо него вскоре появилась Трондхайм.

Раньи все еще приходилось разговаривать с ней через транслятор. Пусть он уже внешне и походил на человека, но речь его принадлежала представителям иной расы. Нейда была крайне терпелива.

— Внешность, — бормотал он. — Просто внешность. Почему?

— Потому что ты должен внешне походить на то, кем являешься внутренне, — ответила она прямолинейно.

Он вскинул голову и посмотрел на потолок своей комнаты.

— Я допускаю, что внешнее различие поражает, но это не важно, если я допускаю его умом.

— Тебя изучали и анализировали больше, чем какого-либо человека за всю последнюю историю. Хотя люди и ашреганы выглядят сходно, остается небольшое химическое и физическое различие. Амплитуры недоучли некоторые из них. Они не все изменили. Ты определенно человек. Такой же, как и я.

Он взглянул на нее.

— Почему же это известие не наполняет меня ликованием?

Их разговор прервали — открылась единственная дверь. Появился Первый-по-Хирургии, в форменном пиджаке и шортах. Даже такому космополиту, каким был он, стоило некоторых усилий, чтобы войти в комнату, занятую двумя людьми. Но он скрыл свои переживания.

Он показал Раньи листы с различными схемами и цифрами, десятки трехмерных изображений «все это можно было сфабриковать». Старший гивистам был очень убедителен, но не до конца сумел убедить Раньи. Одними лишь словами и цифрами невозможно описать целую человеческую жизнь. Краткий визит молодого человека, близко на него похожего, был бы более весомым доказательством, чем вся статистика.

Хотя и неготовый к согласию, он выразил готовность подумать о возможностях. Первый-по-Хирургии счел это крупной победой.

— У меня болит голова, — пожаловался Раньи.

Три пальца на руке гивистама щелкнули.

— Это и понятно, учитывая, как много излишних костей пришлось удалить с вашего черепа. Часть из них была использована для восстановления нормального для облика человека размера глазниц. По этой же причине некоторое время будут болеть и должным образом укороченные пальцы. Неудобство пройдет.

Безутешный пациент провел пальцами по простыне.

— Зачем все это?

— Чтобы вы чувствовали себя удобно среди особей своей расы, — сказала ему Трондхайм. Он поглядел на нее.

— Какой «расы»? Моей расы? Ты?

Она не отвела взгляд.

— Да. Со мной. Это поможет тебе объяснить... некоторые вещи.

— И еще. — Первый-по-Хирургии занял удобное место. —

Нервный узел, имплантированный амплитурами в ваш мозг, был изолирован. Больше он вам уже не помешает.

— Понятно, — сказал он тихо. — Это означает, что Учителя больше не смогут со мной общаться напрямую?

— Очевидно. Мы надеемся, что операция восстановила и способность вашего мозга противостоять непрошенным умственным исследованиям. Отныне вы в безопасности от внешнего враждебного вторжения.

Враждебное вторжение? Кто же теперь враг, а кто союзник? — подумал он устало. Это трудно понять простому солдату. Солдат... За кого он теперь и против кого?

Обширные ресурсы приведены в действие, чтобы убедить его в том, что он — человек. Но он продолжает сопротивляться. Сознательно?.. Или из простого упрямства? Или из страха? Отобрано ли у него нечто жизненно важное? Или восстановлено? Откуда ему знать? Как ему это узнать?

Встреча с Учителем смогла бы разрешить все его проблемы, но он подозревал, что вряд ли встретит их на Омафиле. Значит, решение необходимо принимать по-иному. В одном он был абсолютно убежден.

Если все, что ему показали и рассказали, правда; если он на самом деле — человек, значит, вся его предшествующая жизнь — хорошо продуманная ложь.

Знали ли об этом его родители? Его мать и отец, которых он так уважал, которыми гордился с того момента, как научился говорить. Или они были лишь послушными орудиями в руках амплитуров? Или, напротив, их участие было более зловещим и продуманным?

Он заморгал, ощутив теплое прикосновение руки Трондхайм.

— С тобой все в порядке, Раньи? — Даже его собственное имя звучало странно, подумал он. Она произносила его с неправильным ударением.

Первый-по-Хирургии тревожно приблизился к его креслу.

— Вы не собираетесь вновь прибегать к насилию?

— Нет, я слишком устал для этого. Хотя мне бы и хотелось.

Устало глядя на своего пациента, хирург вновь сел на свое место. Раньи обратился к Трондхайм.

— Сейчас, слушая тебя, я вспоминал свое детство.

— Своих родителей — ашреганов? — проговорила она со-

чувственно. Он сделал неопределенный жест. Затем после некоторого колебания сделал характерный жест человека для данного случая — кивнул головой. Движение показалось ему естественным.

— Вольно или невольно, они — лишь инструменты в руках Амплитура, — сказал Первый-по-Хирургии.

Несмотря на обещание, Раньи вдруг захотелось с размаху дать ему по шее. Вполне естественная реакция, сказал он сам себе. Чем больше пытался он себя убедить, что ему лгут, тем больше его разум и тело противились.

— Все будет хорошо, — увещевала его Трондхайм.

— Да? — (Интересно, передает ли переводящее устройство вместе с его словами и испытываемый им страх и неуверенность?) — Всю жизнь я был ашреганом. Теперь на основании каких-то цифр и рисунков вы предлагаете мне стать человеком. Чтобы ни случилось, я всегда буду ашреганом.

К его удивлению, Нейда улыбнулась:

— Ты ведешь себя более по-человечески, чем сам предполагаешь, — сказала она.

* * *

— А я говорю, что вы не можете этого сделать. Это ненаучно, против принятых правил, очень опасно!

— Опасно для кого? — Седогривая дама-массуд высилась над гивистамом. Хотя на нем была форма командира полевых войск, его последние обязанности носили в основном административный характер.

Необычный знак различия на форме с'вана, терпеливо стоящего поодаль, определял его должность как научного советника со специальными привилегиями. Гивистам полагал, что такое сочетание крайне противоречиво. Первый-по-Хирургии, например, точно знал, что не мог бы совмещать службу в войсках с медициной.

Трое ученых стояли на длинной и широкой веранде, словно птичье гнездо прилепившееся к черной базальтовой скале. Рассветная заря, казалось, пытается смягчить их спор. Близился конец второго весеннего сезона. Таково было своеобразие этой планеты, происходившее в результате особенностей ее орбиты. Высокий лес рос у основания скалы, и где-то вдали ему на смену приходили поля. На горизонте солнечный

свет, скрываемый горами Оумансы, переходил в желтое сияние.

За дальним городом собиралась гроза.

Странно подумать, — размышлял с'ван, — что в подобный день цивилизованным обитателям Оумансы придется взяться за оружие. Как и его товарищам, как и всем остальным их родственникам. Высоко над ними в незагрязненной атмосфере Омафила передвигались научные корабли, выискивая более удобные стратегические позиции, в поисках наилучшей возможности уничтожить, разрушить, взять в плен. С'ван пытался все это свести к шутке, но для этого ему не хватало чувства юмора.

Их ожидал накрытый стол. Автомат доставил напитки.

— Ваше мнение будет принято во внимание, но это ничего не изменит. — Полевой командир отпил из своего особенного приспособления для питья. Массудов всегда отличала преданность делу и боевые способности. Но они никогда не были слишком тактичны. С'ван поспешил использовать переводящее устройство, чтобы облегчить беседу по-гивистамски. Он мог бы говорить и по-массудски.

— Мне жаль, Первый, но командир прав. Решение уже принято на уровне Военного Совета. Даже если нам это не нравится, мы ничего не можем сделать.

— Это не является решением Военного Совета, — хирург был крайне зол, а это вносило в его окраску интересные изменения. Зубы его клацали, он уселся на один из ближних стульев. Среди представителей его расы воспитание было возведено в ранг изящного искусства.

Губы с'вана, скрытые черной проволокоподобной бородой, медленно двигались:

— Мне кажется, что ваш персонал хотел завершить предварительные исследования.

— Завершить? Предварительные? — Гивистамец ничего не пил. — Мы едва начали. Подумайте — дитя человека, воспитанное, как ашреган! Любить, думать, разговаривать, верить, как ашреган и при этом любить сражение, как человек! Мы восстановили его человеческую сущность!

— Но не его человечность, — вставил массуд.

— Со временем это придет. Тем больше оснований оставить его здесь, чтобы мы смогли ему помочь!

— Лично я с вами согласен. — С'ван одним залпом осушил приспособление для питья.

— Тогда почему не отдан соответствующий приказ? — Гивистам пристально наблюдал за восходом солнца. Зачем принимать столь поспешное решение?

Массуд отставил свое приспособление для питья в сторону и заявил:

— Я думаю, это какая-то игра. Но эту игру Совет должен вести.

— Он еще не привык к новым климатическим условиям, — продолжил хирург. — Как вы говорите, еще не до конца восстановил свою человечность. Мы не в состоянии так же перестроить его образ мысли, как мы перестроили его телесный образ. А вы предлагаете спротезировать вновь его внешность ашрегана. — Пальцы его нервно щелкнули.

— Если Совет это предлагает, значит, он совсем потерял свою мудрость, мы не только потеряем индивидуума, но и те возможности, которые он нам представляет.

Полевой командир, отхлебнув из своего приспособления, заявил:

— Живя и работая среди вейсов и мотаров, он научился некоторым манерам: — Я напоминаю вам, что нужно принимать во внимание пожелание и самого индивидуума. А он решительно поддерживает это предложение.

— Я столь же симпатизирую этому существу, — вздохнул гивистам, — но в первую очередь мы должны думать об Узоре.

— Как и думают мои руководители. Ну а то, что желание Совета и пожелания индивидуума совпадают, лишь ослабляет ваши позиции. — Массуд наклонился вперед.

— Как вам известно, этот Раньи-аар, вероятно, один из многих, кого похитили и переделали в пренатальном состоянии амплитуры. Его желание вернуться домой, рассказать все обманутым друзьям, способствовать началу восстания — все это Совет полагает в высшей степени достойным риска.

— Но на самом ли деле именно это он намерен осуществить? — вопросил хирург.

— Правда всегда является первой жертвой войны. — Слова эти были полны несвойственной для массудов философии, поэтому его коллеги поглядели на него с удивлением. — Я видел анализ ксенопсихолога. В настоящее время Раньи-аар

не верит никому, даже самому себе. Поэтому надо позволить ему разобраться во всем самостоятельно. Иначе он станет нам совершенно бесполезен. Как вы говорите, хирург, его проблемы нельзя разрешить путем хирургического вмешательства. Он сам должен убедить себя, кем именно он является.

— Если он сможет сделать задуманное, просветить своих друзей, то амплитуры лишатся плодов своего эксперимента, утратят наиболее эффективную боевую единицу, когда-либо ими созданную. Узор уже в скором времени получит от этого явную выгоду.

Первый-по-Хирургии закрыл двойные веки, потому что свет восходящего солнца усилился.

— Но может случиться и так, что, вернувшись в знакомое окружение, в нем усилится ашреганское начало. Тогда он для нас потерян навсегда.

С'ван щелкнул своими короткими зубами в подражание гивистаму. Как и всегда, хирург не мог бы определить, было это насмешкой или просто выражением веселья.

— Это — риск. Конечно, если только рапорты, которые я видел, правдивы, его пребывание здесь может содержать риск иного рода.

— Нет, нет! — Первый-по-Хирургии говорил устало. — Они весьма точны. Он угрожал совершить самоубийство, если ему не разрешат вернуться к своему народу. Если он примет такое решение, ничто не помешает ему. Это огорчительно. Как ашреган он не совершил бы подобного деяния, значит, мы могли бы оставить его здесь для наблюдений. Но в этом будет заключаться наша неудача. Для него быть человеком — значит, являть собой успех наших усилий, но именно поэтому мы и теряем его. Ирония обстоятельств!

Теперь пришла очередь с'вана пофилософствовать.

— Жизнь состоит из последовательного выбора между противоречиями, хирург.

— Значит, я думаю, что надо его отпустить. Но я этого боюсь. Клянусь моим Кругом!

— Вы сделали здесь великие дела, хирург. Но во времена конфликтов чистое исследование должно уступить место практическим тревогам. — На этот раз с'ван говорил абсолютно серьезно.

— Я понимаю это. — Гивистам вновь глотнул свой напиток

и заключил: — Но это вовсе не означает, что мне это нравится.

— Психолог с Земли, с которым мы проконсультировались, подтвердил, что удерживать его здесь против его воли — опасно, — сказал полевой командир.

— Психолог? Человек? — фыркнул гивистам. — В терминах заключается явное противоречие. Под руководством Узора они лишь теперь начинают понимать многие странности своего поведения. Не думаю, что они нам могут оказать какую-либо помощь. — Так как поблизости не было ни одного человека, хирург мог говорить свободно.

Верхняя губа массуда поднялась, полевой командир почистил зубы. Его нос и бакенбарды задумчиво задергались.

— Хорошо, если это является лишь попыткой обмана, мы сразу об этом узнаем. Если же нет, мы сумеем многого достигнуть. Даже если его обнаружат и убьют, у него будет время посеять смуту среди своих товарищей по оружию.

— Все равно я думаю, что это неудачная идея, и свое мнение я официально заявлю, — пробормотал хирург.

— Это ваша привилегия, улыбнулся с'ван, зная, что из-под бороды его улыбка не будет заметна товарищам.

Они все еще спорили, хотя уже наступал вечер.

Грязная униформа, в которой его захватили в плен на Эйрросаде, была сохранена в прежнем виде. Грязная и разорванная, она была возвращена ему в прозрачном пакете.

Протезы, которые восстанавливали его ашреганский облик, неудобно клацали. Он вновь глядел в зеркало и видел свое привычное изображение. Это волновало его. Медицинский персонал заверил его, что сходство гарантировано. Голова, глаза, нос, пальцы выглядели вполне естественно. Если только не применить специальный растворитель, изъять протезы, не повредив кости, было невозможно. На этот счет, заверили они его, он может не беспокоиться. Хотя они и не обладали умениями амплитуров, но как хирурги гивистамы и о'о'йаны были весьма искусны. Раньи чувствовал, что обман пройдет.

Его проинструктировали, чтобы он ни о чем не откровенничал ни с кем с военным персоналом Узора, который доставит его обратно на Эйрросад, ни с командой корабля, которая доставит его поближе к месту пленения.

Конечно, его присутствие на корабле людей уже само по

себе давало пищу для размышлений. Но один-единственный пассажир просто игнорировал все вопросительные взгляды. Он сидел у окна и смотрел наружу.

Его необщительность заставила нервничать людей, и сделало массудов более дерганными, чем обычно. В воздухе витал вопрос: если этот пассажир — один из тех воинственных дьяволов, которых сделали из ашреганов амплитуры, то почему же они его возвращают обратно в спорную зону? Многим казалось, что его стоило уничтожить, но оружие не было извлечено из чехлов. Осторожно подобранная смешанная команда была в высшей степени дисциплинированной.

Поэтому они без единого выстрела высадили его на вязкую почву и удалились на запад, пока их не обнаружили вражеские перехватывающие станции.

Раньи вновь очутился среди высящихся вокруг незнакомых растений, как и тогда, кажется, было это совсем недавно. Где-то высоко в листве раздавались звуки какого-то живого существа, словно вопрошавшего, безопасно или нет выйти ему из своего убежища. Вода вновь вымочила его насквозь, напомнив о том утреннем дожде.

Они высадили его в приятном, мирном, относительно сухом месте.

Хорошее место для размышлений и расслабления. Хотя последнее время он слишком много думал. Лучше сосредоточиться на предстоящей тяжелой дороге, а не терять энергию на вопросы, ответов на которые он все равно не знает. Если он замешкается, он может встретить патруль Узора. Было бы крайне неловко вновь оказаться в плену. Сориентировавшись на местности, он направился на восток.

Фауна Эйрросада вызвала у него больше тревоги, чем подразделения массудов и людей. Однажды на него налетело какое-то существо на восьми ногах и острыми ядовитыми зубами попыталось вцепиться ему в колено. Оно разорвало ему брюки, но не поранило. Он направил на отвратительное существо поток лучей из лазерного пистолета, и оно скорчилось и умерло.

Он пробирался через поваленные деревья, через гниющие сучья, обходил густые, перевитые лианами кустарники, пока наконец снаряд не разорвался неподалеку, оставив лишь дым, пепел и изуродованное дерево справа от него.

Он бросился навзничь и очутился в вязкой грязи рядом с небольшим камнем. Лежа он напрягся, пытаясь понять, откуда последовал выстрел. Другой снаряд просвистел над тем местом, где только что находилась его голова, и угодил в толстый ствол дерева, расколов его надвое и обрушив на землю кучу ветвей, лиан и листьев.

Раньи поднялся на колени и бросился влево, держа пистолет наготове. Раздался голос, приказывающий ему остановиться, положить руки на голову и повернуться. Он с минуту колебался, затем подчинился. Кто бы ни были нападавшие, он находился у них на прицеле.

К счастью, они не были паникерами. Он слышал, как они напряженно между собой переговаривались, ощутил, как в спину ему ткнулось дуло винтовки. Лишь когда они оказались совсем рядом, он медленно повернулся и открыл лицо.

Когда они признали в нем одного из своих, то едва смогли сдержать изумление. Изумление уступило место облегчению и новой волне удивления, когда он назвал себя.

— Почтенный унифер, ваша смерть была зарегистрирована уже довольно давно, — солдат поспешил вернуть Раньи его винтовку. Другой протянул ему пакет с едой. В нем была обыкновенная мягкая, полностью очищенная ашреганская еда, не та грубая, которую ели люди. Он с жадностью набросился на нее, даже не ожидая, пока она подогреется.

Третий солдат внимательно разглядывал лес.

— Этот сектор кишит вражескими патрулями. Они все время нападают на нашу передовую линию. Некоторые пытаются подползти по земле — если это, конечно, можно назвать землей.

— Я видел слайдеры и наши собственные летающие плоты, — солгал Раньи. — Но сверху трудно что-либо различить сквозь густую листву.

Третий солдат с готовностью согласился.

— Неудивительно, что вас не сумели обнаружить, унифер. Я только рад, что мы обнаружили вас раньше, чем вражеские патрули. Извините, что мы дали по вам залп, но вы должны нас понять — мы не ожидали встретить в этом районе никого, кроме массудов или людей. Вас же считали мертвым. — Раньи слегка расслабился, поняв, что солдат ничего не подозревает.

Солдат, наблюдавший за лесом, заговорил:

— Ваш особый отряд увели с планеты и перебросили для выполнения какой-то другой задачи, унифер.

Убедившись в безопасности, он повернулся и поглядел на молодого офицера.

— Как же вы провели все это время на таком пятачке джунглей? — спросил тот.

— Я потерял свой определитель направления, — ответил Раньи. — Потерял почти все. Меня ранили и пришлось скрываться от вражеских патрулей. Я искал пищу, строил временные укрытия. Я был слишком занят тем, чтобы остаться в живых, у меня не оставалось времени для поиска обратной дороги. — Он сделал неопределенный жест рукой. — Я знал, что если буду вести себя спокойно и не попадусь в руки врагу, то наши ребята меня спасут. Я уверен, что все вы получите за это награды.

Это замечание отвлекло солдата от новых вопросов и возможных подозрений.

— Я провел много времени в дупле дерева, — продолжил сочинять Раньи, видя, как захватил их рассказ о его приключениях. — Там было сухо и никто не смог меня обнаружить. Нужно было время, чтобы зажила моя нога. У меня было повреждено лицо и руки, — добавил он, осененный вдохновением.

Все солдаты дотронулись тыльными сторонами правых рук до его правой руки.

— Мы рады, что нашли вас, унифер.

Он почувствовал, как мысли, более присущие человеку, чем ашрегану, начали овладевать им. Были ли это люди одной с ним крови или нет? И вообще — каково подлинное различие между ашреганом и Homo Sapiens? Несколько генов, незначительная разница в облике и в росте. Приятно было вновь говорить на знакомом языке, есть еду, к которой привык с детства, вновь погрузиться в знакомый мир слов и жестов. Он попытался привыкнуть к знакомому, но не к теплу и не к симпатии, которые ослабляли его и тревожили.

Совершенно естественно, что его встревоженные спасители восприняли эту реакцию как результат продолжительного пребывания в джунглях. Они поспешили доставить его в спокойную обстановку.

Его нервозность быстро прошла. Все были очень рады его

видеть. Никто не сказал и не проявил ни подозрительности, ни уверенности. Его вымысел о ранении и чудесном спасении были восприняты как должное, и потому, что не было оснований сомневаться в нем, и потому, что они хотели ему верить. Когда возникает необходимость в существовании героев и они столь реальны, что нет нужды их выдумывать, остальные берут на себя задачу в них верить.

Никто не задал вопроса по поводу его внешности или общего физического состояния. Как бы они ни были встревожены, чудом было то, что он остался в живых. Когда же они стали расспрашивать о подробностях его пребывания в джунглях, он дал волю своему богатому воображению.

Когда наконец Раньи доставили в его собственный отряд, прием был теплым и радушным. Если бы он даже рассказал, что все это время собирал образцы минералов на одном из спутников Эйрросада, они бы и этому легко поверили. Его бесконечно похлопывали по спине, так, что в конце концов он стал опасаться за целость своих протезов.

— Так долго! — Открытое восхищение читалось в глазах Бирачии. Раньи в смущении отвернулся. — Известие о твоей гибели было официально зарегистрировано два месяца назад.

— Оно оказалось преждевременным, — все, что он сумел выдавить из себя.

Они шли через передовую огневую базу, спрятанную в сплошных джунглях, не очень далеко от того места, где был спрятан Раньи. Казалось, все узнавали его, все приветствовали — ашреганы и насекомовидные криголиты не менее радушно, чем члены его собственного отряда. Он стремился ответить на каждое приветствие, остро осознавая, насколько его прибытие подняло их моральный дух.

Ему тяжело было смотреть на своих друзей, зная то, что он узнал об истории их появления на свет. Внешний их облик, на который он до сих пор не обращал особого внимания, теперь вызывал в нем почти болезненный интерес. Черепные выступы, которые были лишними, глаза, которые казались теперь странно большими, пальцы неестественной длины, необычно плоские ноздри, отсутствие внешнего уха — все теперь казалось ему чуждым и знакомым одновременно. Он переживал определенный кризис в восприятии.

Чем дольше находился он в знакомом окружении и среди

старых друзей, тем темнее становилась тень сомнения, однажды упавшая на его мысли. Было ли все то, о чем он узнал и что увидел, так уж несомненно? На каждый ли его вопрос он получил соответствующий ответ? То, что им манипулировали, он знал определенно. Но кто? С какой стороны? Амплитуры?.. Узор?.. Обе стороны?

Кто он, что он, и к кому он лоялен теперь? Должен ли он руководствоваться при этом генами, внешностью или своими старыми друзьями? В течение очень короткого отрезка времени он узнал массу такого, что целиком разрушило его предыдущее мировосприятие. По крайней мере, так ему казалось. Или он верил в это. Тогда.

Легче было проживать последовательность дней, просто быть, существовать, просто, а не мучить себя бесконечными вопросами о тайнах бытия. Но от одной мысли он не мог избавиться. Одно всегда стояло у него перед глазами. Как ни пытался он избежать этой мысли, но, глядя на своих друзей, он видел, что они — люди, которым были привиты некоторые черты ашреганов, что они больше похожи на людей, чем все остальные вокруг.

Когда его, как он и ожидал, стали расспрашивать, о том, как он сумел выжить так долго без провианта, он начал рассказывать им истории о том, как собирал съедобные фрукты, орехи, убивал и ел маленьких животных, собирал в листья папоротников дождевую воду. Он делал все, чему их учили во время тренировок, потому и сумел выжить. Они жадно его слушали, и могли бы слушать бесконечно долго.

Встречал ли он во время своей одиссеи врагов? Несколько, согласился он. Нет, не массудов и не людей, а гивистама и одного лепара. Да, их присутствие в зоне боев удивило его. Больше, чем они сами полагали. Он обошелся с ними так, как того требовали обстоятельства.

Во время одной из подобных бесед симпатичная Коссинзаиив с извинениями подошла к нему:

— Раньи-аар, я должна сообщить вам нечто важное. — Остальные попытались зашикать на нее. — Извини, но я не могу больше держать это в секрете.

— Секрет? — спросил Раньи настороженно.

— Ты уже знаешь, что на нашу передовую базу завтра прибывает новый отряд специальных бойцов с Коссуута.

Раньи был искренне удивлен:

— Впервые об этом слышу.

Новобранцы с родины. Новые выпускники. Неужели так много времени прошло с той поры, когда его единственной заботой было хорошо преодолеть Лабиринт?

— Когда они присоединятся к нам, наши силы удвоятся. В следующий раз, когда командование даст нам специальный приказ, мы сумеем ударить по врагу значительно мощнее, чем делали это до сих пор здесь или на Кобе.

— Великолепно, — Раньи проявил минимум энтузиазма. — Это секрет?

— Нет. — Коссинза улыбалась. Вокруг нее некоторые тоже заулыбались. — Твой брат приезжает с отрядом. Они дали ему соответствующую степень.

Как бы со стороны Раньи слышал, как выражает удовольствие услышанной новостью. Итак, Сагио здесь, на Эйрросаде. Чудесно. До сих пор он успешно обманывал ашреганов, криголитов, своих товарищей, но сумеет ли он обмануть собственного брата?

В том, что Сагио — его брат, Раньи не сомневался. У них были одинаковые рост и сила, одинаковые стремления и навыки. Раньи был несколько умнее, его младший брат несколько выше ростом. Сходство перевешивало различия. И он, и его брат были одного племени, как бы это ни называть по-иному. Раньи было неважно, одни и те же были у них родители или нет. Сагио был и останется его братом навсегда.

Все его тревоги улеглись, когда на следующее утро он увидел своего брата выходящим из транспорта. Что же касается Сагио, окажись Раньи даже двухголовым, это и тогда не уменьшило бы удовольствие его младшего брата от встречи.

Часы напролет они беседовали, рассказывали друг другу о происшедшем за это время, вспоминали. Если Сагио и обратил внимание на некоторую сдержанность брата, когда упомянул родителей, то предпочел не обращать на это внимания.

— Я слышал о том, что с тобой произошло. Я даже себе представить всего этого не могу.

«Дорогой брат», более искренних слов он не смог бы произнести! Какова, интересно, будет его реакция, когда он узнает правду, думал Раньи. Как и все прочие, Сагио был убежден, что его брат был героем. Но это не имело значения,

потому что он был героем для ашреганов, но не принадлежал к их расе. Ни Сагио, ни Коссинза, ни умный Соратин-еев. Или принадлежали?

Ему было необходимо выяснить правду, без вмешательства со стороны людей, ашреганов, амплитуров или кого бы то ни было еще. Пусть они борются за будущее миров, за всю Галактику. Борьба за него самого, за его собственное Я касалась лишь его.

Когда он решил, что наступил наконец подходящий момент для открытия истины, то вдруг осознал, что его могут и убить. Причем даже родной его брат Сагио, возможно, примет в этом участие. Поблизости не было ни вооруженных людей, ни гивистамов, чтобы защитить его. Его жизнь была в их руках и в ничьих больше. Что бы он ни думал о тех, кто взял его в плен, он вынужден был признать тот риск, на который они пошли, позволив ему вернуться сюда, к его близким. Это предполагало доверие... или отвагу. И то, и другое было характерными чертами людей.

Перед тем как начать говорить, перед тем как поставить на карту свою жизнь, он должен был быть абсолютно уверен во всем. Таково было его предназначение, и он должен был его исполнить.

Пока же он расслабился в компании брата, погрузившись в воспоминания о более простых временах, о тех днях, когда он был полностью уверен во всем, когда Назначение было оправданием всему. В отличие от нынешнего времени, прежние убеждения уже не казались ему столь грандиозными.

Как ему убедить Сагио и своих друзей в том, что они не ашреганы, а лишь жертвы обмана амплитуров? У него не было с собой тех проклятых изображений, не было схем и диаграмм, не было средств для проведения тестов над своими недовольными компаньонами. Только его собственная репутация и сила характера, и этого, он был уверен, вполне достаточно.

Он знал, что ему не стоило делать. Он находился в безопасности среди тех, кто восхищался им и уважал его. На основе существующих правил он мог бы, сославшись на усталость от боев, переехать в другие колонии, где нет сражений. На Коссууте будут только рады заполучить его инструктором. Он мог бы попытаться забыть о том, что видел, о том, что узнал, вернуться домой и прожить остаток жизни среди знакомого окру-

жения, среди друзей. Его вторжение в ход событий в любом случае ничего не изменит в тысячелетнем конфликте. Даже если он и человек, он ничем не был обязан этим незнакомым существам.

Но он не мог отмахнуться от ответственности, которая на него давила, — ответственности за неродившихся. Если его друзья не подвергнутся лечению, их отпрыски унаследуют те физические уродства и те внутренние изменения, которые были привнесены амплитурами. Ребенка, который родится от них, уже невозможно будет убедить в его человеческом происхождении. Какой бы ни была его собственная судьба, он не представил, как он может помочь, у кого не будет уже никакого выбора.

Он начнет с Сагио. Это решение, по крайней мере, легко принять. Его брат хотя бы выслушает то, что другим покажется бредом сумасшедшего. Если повезет, он сумеет кое-что разъяснить и другим, пока его не увезут на лечение.

Глава 13

Не только друзья и коллеги Раньи с вниманием слушали его рассказы о том, как он сумел в одиночку выжить в джунглях Эйрросада. Амплитуры уделили немалое внимание изучению результатов исследований своих новых бойцов. Среди них история Раньи вызвала немалое ликование и... любопытство.

Безусловно, его опыт подтверждал лишь генетическую жизнестойкость той линии, которую они пытались развить. И конечно, подобный поступок не мог пройти незамеченным. Поздравления были наготове... как и краткое изложение происшедшего.

— Идут Учителя!

Раньи, Сагио и несколько его друзей отдыхали в полевом бараке, куда с этим сообщением ворвался Турмаст. Пока не было принято решение о последующих боевых операциях, им не оставалось ничего иного, как упражняться и попытаться не ослабеть во влажном климате. Они ожидали приказа выступать.

Раньи в молчании воспринял это заявление. Предстоящая встреча не вызвала у него ни паники, ни неловкости. Он был несколько удивлен, потому что не ожидал, что встреча произойдет так быстро, но ощущал необыкновенное спокойствие. Ему не придется искать ответов на некоторые свои вопросы: ответы сами придут к нему.

Его будущее, как и внутреннее Я будут определены во время встречи с Учителями. Впервые он шел на встречу с ними с ощущениями иными, чем почитание и восторг. Каким ни был исход, он уже не мог относиться к ним, как к неким альтруистам, мечтающим донести миру некую великую истину. На место его былой невинности гивистамы и массуды внесли чисто человеческие сомнения.

Амплитуры уверяют, что не читают мысли, а просто предлагают. А что, если он ответит неправильно? Какого сорта предложение последует? Он был слишком уставшим, чтобы придавать этому значение.

Ашреганские и криголитские офицеры лихорадочно искали мундиры, которые вообще-то имели значение лишь для них. Хотя сами амплитуры во время церемоний не особенно большое значение придавали внешнему облику, сражавшиеся на их стороне союзники придерживались иного взгляда. К северу от центрального диска приземления срочно собрался многонациональный комитет по организации встречи.

Подошел тяжело вооруженный транспорт, а участники церемонии продолжали прибывать, в свежих мундирах, чтобы пополнить ряды импровизированной почетной охраны. Ряды офицеров охватило настроение волнения и неуверенности.

Все это не тревожило Учителей. Их было двое: это впечатляло, потому что на Эйрросаде присутствовало четверо. Никто из собравшихся ашреганов и криголитов не представлял, какие именно обстоятельства привели Учителей на передовые позиции.

Оба амплитура на четырех коренастых ногах приблизились к региональному командиру. Щупальца на концах их лап описывали в воздухе фигуры, понятные лишь им одним.

Раньи как унифер находился в первых рядах офицеров. Он в молчании наблюдал, пока региональный командир обменивался репликами с Учителями. В эскорте амплитуров находились два высоких угловатых копави. Раньи ни разу не

видел вблизи представителей этого мира и сосредоточил на них свое внимание. Они выглядели слишком хрупкими, чтобы справиться с длинноствольными карабинами, которые несли с собой.

Затем он увидел, как учителя направились к ряду, в котором он стоял. Попытки каким-то образом отвлечь внимание от происходящего оказались тщетными.

Друзья, стоявшие рядом, в ожидании обменивались репликами. Сагио распирало от гордости. Кажется, его брат более взбудоражен происходящим, чем он сам, молча думал Раньи.

Времени для дальнейших размышлений больше не было. Отростки с черными шариками на концах направились в его сторону. Зрачки, словно сделанные из плавленного золота, сфокусировались на нем. Возвращая взгляд, он сделал все от него зависящее, чтобы разум его оказался совершенно пустым. Несмотря ни на что, он ощутил страх. В конце концов, это были Учителя.

Он почувствовал, что от них исходит тепло и дружелюбие. Его мозг как будто оказался обернутым надежным умственным одеялом. Неужели подобные существа могут нести ответственность за те отвратительные деяния, в которых их обвиняют представители Узора? Они, казалось бы, воплощают само сочувствие и понимание. В них были доброта и свет. Он решил не думать — только реагировать.

Базовый командир, дородный ашреган с несоответствующе грустным выражением лица заговорил.

— А это славный Раньи-аар с Коссуута, который, как вы слышали, совсем недавно к нам вернулся, проведя многие месяцы в джунглях неподалеку от вражеских расположений.

— Удивительный эпизод. — Один из амплитуров, вместо того, чтобы передавать свои мысли, использовал рогоподобное отверстие для рта и издал мягкие звуки ашреганов. Использование родного языка собеседника было изъявлением особой чести для Раньи.

— Вы всем нам доставили удовольствие. — Глазные отростки зависли на расстоянии ладони от лица Раньи.

Одновременно он ощутил в мозгу характерное подергивание, означавшее, что один из амплитуров, или они оба обращались непосредственно к нему. Несмотря ни на что,

он напрягся. Но учитель не отдернулся в сторону. Щупальца не сжались, конечности не задрожали, что означало бы контакт с умственным защитным механизмом зрелой человеческой нервной системы.

Значит, он все же не человек, как на том настаивали ученые Узора. Вот и повод для размышления. Как многое из того, что ему говорили на Омафиле было чепухой или пропагандой? Если бы он был человеком, то их мысленный контакт заставил бы Учителя испытать боль и откатиться назад. Вместо этого черные глаза на отростках продолжали незаметно колебаться и рассматривали его с нескрываемым удовольствием.

Ласковое умственное прикосновение передало восхищение его подвигами и радость по поводу его возвращения, как и беспокойство по поводу его здоровья. В нем не было ничего враждебного, ничего угрожающего. Бояться было нечего.

Последовавшее за тем было своего рода запоздалой мыслью, случайной непоследовательностью. По чьему-то молчаливому предложению, линия, в которой стоял Раньи, сделала шаг вперед, чтобы каждый из присутствующих получил личное одобрение — Раньи прищурил глаза от солнечного света и на эту долю секунды заколебался. Ни его брат, ни его товарищи не заколебались. Только Раньи: он сделал это специально, как будто споткнувшись, чтобы секундой позже присоединиться к дружному продвижению вперед всех остальных.

Улыбка неловкости замерла у него на лице. Потому что теперь он знал, что из всех присутствующих лишь он один мог воспротивиться предложению, мог бы остаться на своем месте. В какую-то долю секунды вместо предложения он ощутил приказ, а вместо просьбы — рывок. Каким малым ни было это открытие, оно его смутило.

И испугало. Была ли его заминка отмечена и была ли понята ее причина? Туманные глаза перед ним были непроницаемыми, выражение расплывчатого лица ничего не говорило.

Амплитуры никак не дали ему понять, что произошло что бы то ни было странное или что они ожидали нечто подобное. Чувствительные щупальца приблизились к нему и обняли его. Он недвижно стоял в этом дружеском объятии, улыбающийся, пока его не отпустили. Не говоря ни слова, Учитель убрал щупальца и в молчании последовал со вторым амплитуром

вдоль линии воинов. Раньи же попытался проанализировать происшедшее столкновение так, как мог.

Впервые за все время, что ему приходилось общаться с Учителями, вместо предложения он ощутил нечто иное. Это было сродни рывку, импульсу. Узнав его, он мог ему и сопротивляться, хотя на этот раз повиновался команде из страха быть разоблаченным. У его друзей, понял он, такого выбора не было.

Как много подобных «предложений» он и его друзья в течение всей их жизни уже были вынуждены выполнить? На этот раз он сумел распознать это и противостоять ему. Но все равно он отреагировал по-иному, чем человек. Так кто же он? Во что превратили его гивистамы-хирурги?

У него было мало времени для размышления, потому что амплитуры вернулись и встали прямо перед ним.

На этот раз оскорбительное, настоятельное испытание было адресовано лишь ему одному. У него не было возможности скрыть свое сопротивление в массе. Он ожидал, пытаясь подавить свою неловкость.

Ему было «предложено» вновь рассказать Учителям и соратникам о своих подвигах, чтобы и те и другие могли бы извлечь из его опыта что-либо полезное. В иных обстоятельствах Раньи бы возразил. Но сейчас он знал, что его не просят, ему велят.

Хоть он и знал, что может отказаться, но подчинялся с видимым энтузиазмом, повернувшись лицом к ряду молчаливых солдат. У себя на затылке он ощущал взгляд черно-золотых глаз, которые неотрывно изучали его. Он попытался не обращать внимания на это ощущение и в который раз рассказал своим товарищам череду выдуманных историй о своем пребывании на Эйрросаде.

Время от времени тот или иной Учитель предлагал ему подробнее остановиться на том или ином эпизоде. Раньи с готовностью подчинялся; заученность его рассказа оставалась незамеченной аудиторией.

Когда он завершил рассказ, ему предложили наибольшую из возможных почестей. Разве в течение тысячелетий амплитуры не несли в буквальном смысле у себя на спине Назначение? Ближний от него Учитель опустился на колено призывая его к себе и жестом щупалец, и мыслями. Так как

в данной ситуации выбора у Раньи не было, он неохотно выступил из строя и сел на гладкую мясистую спину амплитура. Учитель задумчиво поправил Раньи у себя на спине и затем поднялся.

Один из высоких копави приблизился к ним с устройством для записи образа, чтобы потом его размножить и распространить.

«Смотри! — скажет изображение. — Достижения смелого ашрегана подняли его над всеми, даже над амплитурми!»

В фигуральном смысле, конечно. Раньи с усмешкой думал, что снимок получит широкое распространение.

Осторожно удерживая неудобную позицию, Раньи заметил, что без труда мог бы вонзить нож в череп Учителя и навсегда прекратить поток предложений, которым невозможно сопротивляться. Это наблюдение вывело его из равновесия. Сама мысль об этом была бы абсолютна неприемлема для ашрегана... но не для человека.

Когда копави завершил свою работу, потрясенный Раньи соскользнул с бесхребетной спины и занял свое прежнее место в строю. Учителя официально обратились ко всем присутствующим, воздавая хвалу их храбрости и самоотверженности, призывая и дальше следовать Назначению. Раньи слушал так же внимательно, как и остальные, но не получил никакого удовольствия от похвалы. В его мысли как будто проникло нечто постороннее и болезненное, нечто, пытавшееся заставить его думать, оперируя собственными представлениями о правоте и неправильности, о реальности и лжи.

Паразит становится паразитом лишь тогда, когда его замечаешь. На многих планетах обитали кровососы, которые обезболивали ранку и сосали незаметно кровь у существ, к которым прилеплялись. Амплитуры делали нечто подобное с мыслями, придавая командам форму предложений, а приказам — облик вежливой просьбы. От этой мысли ему стало не по себе.

Ближайший к нему амплитур вновь поглядел на него. Он опять почувствовал мысленный контакт, мягкое предложение в заключение церемонии обратиться со словами приветствия к своим товарищам по оружию. Злость на мгновение взяла в нем верх над здравым смыслом.

— Извините, но я не хотел бы! — Как только эти слова выскочили наружу, он тут же пожалел о них.

Щупальце амплитура замерло. Глаза придвинулись ближе к его лицу. Предложение было повторено, на этот раз энергичнее.

К черту незнание! — зло подумал Раньи. Он специально игнорировал поступившую команду. Хотя Учитель был в три раза массивнее его, в ближнем бою он не сможет тягаться с его человеческими костями и мышцами.

Не в состоянии подавить свое любопытство, несколько солдат вышли из строя, чтобы поглядеть на него. Затянувшееся молчание заставило всех ощутить неловкость.

Приблизился второй амплитур и повторил свое предложение. В цепкой хватке поступившего импульса Раньи должен был бы выступить вперед и радостно обратиться к своим товарищам. Но он остался недвижимым, и на лице его ничего не отразилось.

Учителя посовещались. Хотя Раньи и не мог читать их мыслей, смущение их ощущалось по активному движению щупалец и глазных отростков. Они явно были озадачены, но не встревожены.

Через несколько минут они вновь обратились к нему. Он приготовился бежать или атаковать в зависимости от ситуации.

«Вы устали, — прочел он мысль. — Это объясняет ваше колебание. Вы пережили слишком сложные времена и еще не оправились от выпавших вам испытаний. Мы понимаем».

Раньи слегка расслабился. Обсудив его непослушание и не видя иного объяснения, они решили объяснить его неповиновение усталостью.

Раньи испытал большое облегчение, когда они повернулись к нему спиной и приблизились у базовому командиру, чтобы обменяться формальными любезностями. Он был зол на самого себя. Его сопротивление было глупым и необязательным. Если бы они заподозрили что-то неладное, он уже оказался бы на ином хирургическом представлении, и масса хирургов-амплитуров пожелали бы поподробнее ознакомиться с параметрами его загадочного мозга. Удача и обстоятельства — вот что спасло его, а не так называемый ум.

Он с искренним энтузиазмом вместе со своими товарищами

кричал прощальные слова в то время, как Учителя поднимались на борт своего транспорта. Встреча оставила у него осадок неуверенности и замешательства. Что за существа эти амплитуры, если они могут повелевать другими существами, заставлять их действовать против своей воли и в то же время заботиться об их благополучии? Он лично ощутил и их заботу, и умственное воздействие. В этом было заключено... противоречие, которого он не в состоянии был разрешить.

Но в одном вопросе они были вполне правы. Он безумно устал.

Когда транспорт поднялся на третий уровень и стал удаляться, собрание смешалось, все стали расходиться. Офицеры и солдаты стали возвращаться к местам дежурства и в бараки. Все говорили о беспрецедентном визите и о предстоящей вечерней трапезе.

Часть криголитов и ашреганов подошли к Раньи поздравить его с той честью, которой он был удостоен, перехватив его на пути в его комнату. Один криголит был столь восторжен, что в качестве последнего, самого высокого комплимента, выразил готовность к совокуплению — в фигуральном смысле, конечно.

Сагио ожидал его, на лице его отражался нескрываемый восторг. Но Раньи обнаружил, что смотрит как бы мимо брата, пытается заглянуть ему в мозг, найти этот особенный нервный узел, искусственно привнесенный извне. Неожиданно он испытал желание вонзить руку в неестественно большую глазницу и вырвать прочь этот ужасный, оскорбительный орган.

Сколько еще рас стали жертвами подобных же манипуляций амплитуров? Криголиты? Мазвеки? Может быть, даже разумные кораты? Амплитуры доминировали над многими мирами, он это знал, и чем больше он узнавал, тем яснее ему становилось, что все они нуждались в хирургическом вмешательстве.

— Подожди, семья узнает об этом! — бубнил Сагио. — Принять такие поздравления от Учителя... нет, от двух Учителей. Они сами прибыли в столь опасную зону, чтобы поздравить тебя... это беспрецедентная честь, Раньи!

— Я знаю. — Он поднял глаза. — Ты ощущал их в своем мозгу?

— Да, несколько раз. Я почувствовал себя хорошо, как и

всегда в подобных случаях. — Он неуверенно моргнул. — Почему ты спрашиваешь меня об этом? Разве ты их не чувствовал?

— Да, конечно. — Он отвел взгляд. — Они попросили меня кое-что сделать. Несколько раз. Я всякий раз отказывался.

Сагио подумал:

— Я думаю, они догадались, что ты не готов к этому. Но чего они от тебя хотели?

— Чтобы я произнес прощальную речь: — Боритесь до последнего во имя Назначения, и что-то в этом роде.

— Ты этого не мог сделать? Для Учителей? — Сагио вопросительно смотрел на брата. — На мой взгляд, ты не настолько уж устало выглядишь.

— Боюсь, я на самом деле устал. — Раньи уже смотрел наружу, на окружающие их непроходимые джунгли. — Я очень устал. Я устал больше, чем ты полагаешь.

В голосе брата послышались нотки тревоги:

— Может быть, тебе имеет смысл пройти еще одну медицинскую проверку? Может быть, ты чем-то болен?

Нет, я ничем не болен, подумал Раньи. Я что-то потерял.

— Да нет, все будет в порядке, — сказал он вслух. — Мне просто нужно отдохнуть. Напряжение после контакта с Учителями... ты понимаешь.

— Догадываюсь. — Сагио сомневался, но соглашался.

— Пора на ужин. Иди. Я подойду через секунду. — Раньи подавил появившуюся было на губах человеческую улыбку.

— Если ты уверен... — Его брат улыбнулся. — Я пойду займу места получше, хотя после всего перенесенного ты, наверное, можешь сидеть, где захочешь.

Раньи наблюдал, пока Сагио не исчез за ближайшим бараком. К своему удивлению, он ощутил приступ голода. Прием пищи, в конце концов, не сопровождался биологическими или философскими осложнениями. Человек он или ашреган, он имеет право получать удовольствие от еды.

Но рассказать обо всем Сагио он обязан, какими бы ни были последствия. Лучше все сразу выложить, а не пытаться объяснить отрывочными бессвязными кусками.

А можно и поставить на всем точку. Просто снять со служебного пояса пистолет, приставить его к черепу и в один момент покончить с болью, с неуверенностью, со смятением. И

не надо будет мучиться над вопросом, кто говорит правду, а кто нет, и кто он на самом деле.

Эта мысль пришла и ушла, но мозг ее зафиксировал и принял к сведению. Он не боялся смерти, но он отказывался умирать, не получив ответа на свои вопросы.

Глава 14

Три человека сидели, развалясь, вокруг стола, уставленного напитками, и наблюдали за проецируемыми изображениями среди моря цветных огней, наполнявших Центр релаксации. Музыка ласкала слух, а среди световых пятен танцевали полуобнаженные мужчина и женщина. Они и танцевавшие рядом были погружены в ароматизированный туман искусственных сумерек.

Центр был обширным, и они не были одни. Представители разных цивилизаций искали отдохновения в этот лихорадочный вечер. Массуды и вейсы и многие другие страстно желали погрузиться в успокаивающую атмосферу вечера. Для каждого в тумане проецировались разнообразные изображения.

Неудивительно, что восприятие массуда отличалось от восприятия людей, поэтому и проецировавшиеся для них изображения были иными — для них в тумане скользили в мягких пируэтах две стройные фигуры, сплошь покрытые серебряным мехом. Вейсы наблюдали за элегантными движениями своих особей, лишенными любых сексуальных обертонов, а созерцательные гивистамы предпочитали быть ослепленными обманчивым световым излучением.

То, за чем наблюдал с'ван, его развлекало, хотя в этом мире было мало такого, что его бы не развлекало. Блестящие и умные о'о'йаны были лишены воображения и поэтому мало что могли увидеть.

Большую часть времени, проведенную в Центре, люди предпочитали наблюдать за картинками, а не друг за другом. Хотя сержант Селинсинг была достаточно привлекательна, ее приятели Карсон и Морено не осмелились бы раздеть ее даже в самых своих смелых мечтах, как они это сделали с

проецируемыми фигурами. Она все-таки была их боевым товарищем, а кроме того, старше по званию.

Карсон подрегулировал выключатель на столе. В тот же момент изображение, которое он выбрал, оказалось рядом с ним, сидящим, приглашая его и глазами, и жестами. Он знал, что, если протянет руку, то сможет даже ощутить ее — это тоже гарантировалось. Но, как и все подобные связи, это будет столь же быстротечно, как и счет на его кредитной карточке, и почти столь уже малоудовлетворительным. Со вздохом он нажал на кнопку, наблюдая за тем, как изображение, как и предыдущие его любовные связи, вернулось в тот регион, откуда и прибыло.

Морено был ближе к реальности. К безмолвному восхищению ее товарищей, Селинсинг была красивее всех, появившихся в проекторе картинок, которые они рассматривали. Она моргнула, когда последняя проекция исчезла.

— Эта последняя — что-то новое в картотеке. — Она улыбнулась. — Мутантка. Очень интересная.

— Пощади! — Морено залпом выпил свой напиток. Самый маленький из всех трех, не слишком выразительный ни внешне, ни внутренне, он лучился грустью святого и движениями напоминал змею. Его маленькие черные глазки следили за изменяющимися уровнями Центра.

— Мне это надоело. Погляди только на эту отвратительную парочку. — Он покачал головой.

Как медведь, заворочавшийся в берлоге, Карсон сдвинулся в кресле. Селинсинг закинула назад голову.

Два вейса были погружены в беседу, а гипнотические движения их рук, пальцев, голов и шей дополняли устное общение. Их костюмы были совершенны, а жесты воздушны и легки. Морено чуть не вырвало.

— Ишь, пташки! Знай себе летают на своих пернатых машинах, их и калачом не заманишь на поле битвы. Но если мы попросим о присоединении к Узору, они сразу же проголосуют против.

Карсон рявкнул:

— Да на кой черт нам вообще нужен этот Узор! — Он отхлебнул глоток. — К черту их!

— Мы держимся за них, а они нас даже не допускают к голосованию в своей тайне, — с горечью пробормотал Морено.

— А мне все равно, — тихо сказала Селинсинг. — Что мне не нравиться, так это сидеть здесь и ждать, пока их тупой Военный Совет планирует стратегию. Они всегда так осторожны.

— Да уж. — Морено вытянулся на стуле. Единственный способ выбраться из этого вонючего мира — это вышибить вон наших врагов. Но сидя здесь, мы не в состоянии этого сделать.

— Но мы с вами вообще не сможем этого сделать, — напомнил ему Карсон. — Приказ. Ты же знаешь, что говорит Совет — терпение.

— Да, терпение, — сказал Морено мрачно. — А Массуды с ними воюют. Чертовы рожи.

— Но они всегда были в лучших отношениях с Советом. — Селинсинг чертила воображаемые линии на столешнице. — Вот почему эта война так давно и тянется. Не потому, что они трусы. Просто они слишком долго слушают с'ванов и вейсов. Не говоря уж о турлогах.

— Я слышал, что два этих рака побывали на Эйрросаде и отдавали военные приказы. — Морено взглянул в сторону пары с'ванов, сидевших поодаль. В полутьме были видны их густые бороды.

— Меня это и не удивляет, — сказала Селинсинг. — Приказы таковы, что ни один отряд не может выдвигаться больше чем на два километра, чтобы не быть окруженным.

— Окруженным, черт! Война так давно здесь продолжается, что каждый наизусть знает позиции друг друга. Мы прекрасно знаем, где именно находятся штаб-квартира врага в этом регионе. Мы должны ударить прямо здесь, взять его в плен, правда? Мы не должны останавливаться, пока не достигнем их планетарного штаба. И тогда на этом куске грязи с назначением будет покончено. Может быть, тогда они предложат нам что-то поприличнее.

— Я согласна, — сказала Селинсинг, — но командование не согласно.

Карсон откинулся на стуле.

— О чем вообще вы болтаете? Мы потому здесь и торчим, что наши собственные офицеры только и делают, что тратят время на дипломатическую болтавню с массудами и с'ванами. Но они более трусливы, чем кто бы то ни было.

— Дело в том, что, говорят, у амплитуров теперь есть бойцы, которым все нипочем.

— Тогда они должны быть очень довольны нынешним положением вещей. — Карсон задумчиво поглядел на дно своей огромной кружки. — Лично я не думаю, что они хотят побить нас. Им достаточно просто поддерживать положение на мертвой точке, пока они не выживут нас отсюда.

Морено положил руку на стол. Музыка, которую заказывали представители самых разных рас по своему вкусу, эхом отдавалась от стен.

— А я говорю, что кто-то должен что-то сделать, чтобы изменить нынешнее положение вещей. Кто-то должен сделать это прямо сейчас.

— Что ты задумал? — с полузакрытыми глазами, расслабившись в кресле, Селинсинг разглядывала невидимых влюбленных.

— Наша позиция очень изолирована, дальше всех от любых огневых позиций. Идеальное место, с которого всегда можно ударить. С Эйрросадом можно покончить раз и навсегда, если только кто-нибудь наберется мужества это сделать. Глаза его сузились, он оглядел своих коллег. — Желательно, чтобы таких смельчаков было несколько.

— Ты имеешь в виду — разбить их силами наших отрядов. — Карсон поерзал на месте. — Но у нас не такая большая огневая мощь, чтобы быть уверенными в успехе. В любом случае, не успеем мы и пальцем пошевелить, как нам дадут приказ отступать.

— Нет, в случае, если нам отдадут однозначные приказы, — отважился заметить Морено.

Карсон пристально взглянул на него:

— По-моему, здесь слишком светло. Я не очень-то хорошо тебя вижу.

Морено положил руку на плечо своему другу.

— Ну, а если мы получим от командования подобный приказ?

Селинсинг отпустила какую-то циничную реплику на языке своих далеких предков.

— По крайней мере, ты избрал правильный подход, чтобы объяснить свои мысли.

— Да, я просто мечтаю, — протянул Карсон.

— Вы знакомы с полковником Чином? — спросил Морено своих друзей.

Они приблизились к нему, и густые брови Карсона сомкнулись в одну линию: — Конечно. Все знают Чина. Но Чин не командует на наших позициях. Нами командует Ванг-ли.

— Отлично. Но прямо сейчас Ванг-ли занят тем, что ведет переговоры с величайшими умами в Катулла Нексус, разрабатывая стратегию в компании с раками и бородагами. Поэтому до возвращения Ванг-ли командует Чин. — Я знаю, что Чин так же устал от ожидания приказа Военного Совета, как и мы все.

— Что-то я никогда не слышал от него ничего подобного, — осторожничала Селинсинг.

— Не думаешь же ты, что он выпалит это все на публике, а? — Морено улыбнулся, как будто он один знал какой-то важный секрет.

Глаза Карсона расширились.

— Ты разговаривал с ним об этом? — Он тихонько присвистнул. — Но одно лишь неверное слово, неверный поступок, и ты окажешься в Центре обеспечения, пониженным в ранге, и будешь заниматься пересчетом провианта до окончания срока годности.

— Что угодно, все равно лучше, чем торчать здесь, в самом центре джунглей и медленно сходить с ума.

— Ты шутишь, — сказала Селинсинг медленно. — Хотя если кто-нибудь вроде Чина отдаст приказ...

— Черт возьми! — Карсон повернулся к Морено и внимательно поглядел на него. — Если Чин чувствует себя так же, как и мы, если ему тоже не нравятся все эти бесконечные проволочки, может быть, он подумает и о чет-то другом, кроме бесконечного тиражирования приказов. Может быть, он даже и сам возглавит атаку.

Неожиданно подумав, что он слишком далеко зашел, Морено взял другой тон:

— Подождем, мои друзья! У меня только подозрения. Я ничего такого не знаю. И кто знает, что на самом деле думает полковник Чин? Он лишь невзначай об этом как-то упомянул пару раз, и больше ничего. Чин никогда ничего особенного не имел в виду. Он очень забавный тип, даже для офицера.

— Его рапорты безукоризненны. Думаю, он знает, что такое взбираться наверх. — Карсон нервно потер живот.

— Но если мы со всей силой ударим по врагу, — бормотала Селинсинг, — не только силами наших трех отрядов, но силами всех подразделений, которые находятся на базе, мы просто их захлестнем и сметем их планетарный штаб. А может быть, даже захватим в плен, парочку языков. Выкурим их из леса.

— Это был бы хороший удар! — Карсон осушил свою кружку, с надеждой смотря на Морено. — Как насчет этого, Хуан? Думаешь, Чин решится на это?

— Как много лишних слов, — осторожно ответил человек пониже. — Чин очень заботится о своей карьере, как и любой другой офицер. Он хочет, чтобы в случае неудачи его кто-нибудь прикрыл.

— Некоторая двусмысленность может закрасться в официальные сообщения, и тогда окончательное разъяснение может стать делом личной интерпретации. — Мужчины взглянули на Селинсинг, улыбнувшейся им улыбкой маленькой волчицы. Связь была ее второй специальностью.

— На Оперативной Базе есть один офицер, — сказала она елейным голосом. — Он — массуд. Если эти гипотетические приказы будут получены на языке массудов, трудности с переводами могут быть разрешены самым лучшим способом любым персоналом, который окажется там в это время.

— Например, тобой? — на лице Карсона играла улыбка иного рода.

Она слегка улыбнулась.

— Вполне вероятно. Мне придется также проследить, чтобы все возможные двусмысленности были лично донесены до базового командования, чтобы оно в свою очередь могло предложить решение, основанное на очевидных фактах и на мнении экспертов.

— Опять же — это ты! — восхищение Карсона не знало границ.

Морено лишь подал идею и хотел узнать мнение своих друзей. Он был поражен, насколько быстро они подхватили эту идею и занялись ее отработкой.

— Тише-тише. Ты ведь полупьяный.

— Но не я, — с радостью выпалил Карсон. — Я пьян, по крайней мере, на четыре пятых.

— Ну, а если Чину не понравится то, как именно будет подана эта идея?

Селинсинг пожала плечами.

— Тогда меня смогут обвинить лишь в плохом переводе с языка массудов? Я хочу рискнуть. Если уж он так захочет, то обвинит лично нас в излишках энтузиазма.

Карсон с шумом отодвинул стул и поднялся из-за стола. Он слегка покачивался. Как только он вышел из угла, на который распространялось человеческое влияние проектора, тени приняли совсем иные очертания. Высокая толстая красотка превратилась в коренастую самку с'вана, совершенно невыносимую для взора сержанта.

— Давай сделаем это сейчас. — Глаза его сверкнули. — Давай сделаем это быстро! Меня уже тошнит от того, что я просиживаю свои штаны и целую тени. Я хочу кого-нибудь убить.

Да, это наш Карсон, подумали его друзья. Совершенно нормальный парень. Перешептываясь, все трое покинули помещение Центра. Пока они проходили по залу, на них останавливались взгляды отвращения, которое испытывали к примитивным существам представители более высоких цивилизаций.

Квартира Чина располагалась в глубине центрального комплекса адаптации передовой огневой базы. На Эйрросаде, как и в других местах, офицеры высокого ранга жертвовали красивыми пейзажами ради безопасности и размещались в хорошо защищенных закрытых зданиях в глубине баз. В соответствии со своим рангом Чин занимал не одну, а три комнаты: спальное помещение, отдельное помещение для гигиены, а также комнату встреч (она же стратегическая комната).

Растения местного происхождения росли на крыше комплекса, что в сочетании с искусными методами маскировки позволяло базе сливаться с окружающими джунглями.

Снаружи уже было темно, когда из казармы вышли трое сержантов. Снаружи маскировочный аэрогель блестел, как замороженный дым, скрывая любое передвижение, а также тепловое излучение от возможного обнаружения. Благодаря ему

скрытыми от враждебных взоров оказались сотни солдат и обслуживающий персонал базы.

Чин, с обычными каменным выражением лица, коротко приветствовал их. Ему не нравился климатический контроль, а также официальная церемония и, уединившись у себя в квартире, он презрительно относился и к тому, и к другому. Его ночные визитеры, однако, были при параде, поэтому скоро начали потеть от необычно жаркой обстановки. Он был меньше ростом, чем пришедшие к нему сержанты, в том числе и ниже Селинсинг. Как и черты ее лица, черты лица полковника были мелкими, острыми и тонкими. Малаец смело посмотрел Чину в глаза. Жира на нем было не больше, чем на белой цапле, на которую он чем-то походил. Но несмотря на сухощавость, он выглядел старше, чем был на самом деле.

Перед ними стоял человек, который всю свою жизнь посвятил служению делу Узора, участвовал в самых жарких сражениях. Сам факт того, что он до сих пор, тем не менее, остался жив, говорил сам за себя. Многочисленные шрамы на его теле свидетельствовали о его подвигах, а некоторые из этих шрамов были результатом таких серьезных ранений, что даже гивистамские врачи были не в состоянии их полностью убрать. Он был невелик ростом, но шутить с ним не приходилось.

Карсон и Селинсинг в присутствии полковника ощутили приступ колебаний. Но так как у истоков идей стоял Морено, ему и предоставили возможность изложить ее полковнику Чину.

— Полковник, сэр...мы... мои коллеги и я.. мы разговаривали...

— Я так примерно и предполагал, коли уж вы выбрали столь странный час для встречи со мной. — Фразы Чина полностью соответствовали его облику — они были короткими, рублеными, законченными по смыслу.

Но Морено не испугался. Все солдаты глубоко уважали Чина.

— Уже некоторое время нас беспокоит кое-что, об том мы и говорили. Но сами без посторонней помощи мы не можем. Нам необходима помощь сверху.

— Ваша помощь, сэр, — вставила Селинсинг, — и ваше благоразумие.

— На самом деле? — Брови полковника слегка приподнялись. Или это только так показалось? — Приятно узнать, что твое мнение в войсках уважают. Извините минуту. — Полуголый офицер вышел закрыть дверь, задернул видеоэкран, и наконец вернулся на свое место, по-прежнему улыбаясь. — Сегодня довольно прохладный вечер. Метеоролог предвещает дождь.

— Разве на этой вонючей планете бывают дни без дождя? — риторически пробормотал Карсон.

— Да уж. Итак, — какая именно помощь от меня требуется?

— Сэр, это дело жизни и смерти, — произнес Морено.

— Позвольте, я сам определю ценность вашей идеи, — кратко ответил Чин. — Моя оценка может оказаться иной.

— Не думаю, сэр. — Морено поглядел на своих друзей, как будто моля о поддержке, потом сдержанно улыбнулся командующему. — Мои друзья разделяют это мнение, сэр.

Когда из тактической группы полковника Чина поступило сообщение, что намечается нечто грандиозное, массуды проявили к этому интерес, хотя были слегка озадачены. Ряд офицеров, однако, был шокирован тем, что с ними даже не посоветовались. Их проинформировали, правда, что успех операции во многом зависит от ее неожиданности и непредсказуемости ее хода. Им пришлось согласиться, что сами они были захвачены врасплох этим сообщением. Вероятно, подобным же образом это повлияет и на противника. Дебаты лишь замедлили бы развитие событий.

Когда же стало известно о сути предстоящей операции, офицеры и сержанты преисполнились энтузиазма. Большинство наемников с Земли столь же устали от бесполезного сидения сложа руки, как и тройка сержантов, поэтому их восторг от предстоящих перемен был нескрываем. Конечно, нашлись два — три офицера, выразивших изумление слишком большой неожиданностью всего этого, но все сомнения и размышления потонули в суете, последовавшей за отдачей приказа.

Что же касается персонала поддержки, то гивистамы и о'о'ианы, вейсы и юланцы лишь, как обычно, выражали опасения дурным исходом предприятия. Однако поскольку представители цивилизаций, не принимающих непосредственного

участия в боях, жили в постоянном состоянии тревоги и волнения, то в целом им было безразлично, приходят или уходят подразделения людей и массудов. Они выполняли свои обязанности тихо и эффективно, стараясь не обращать внимания на кровожадные гримасы тех, кто собирался умирать от их имени.

Некоторые участники предстоящей операции, склонные к философским размышлениям и к военному делу, задавались вопросом, почему для массированной атаки был избран именно этот момент? Объяснения они найти не могли. Это, однако, их не слишком тревожило. Людям свойственно совершать непредсказуемые поступки. Они часто так именно и поступали, и с далеко идущими последствиями с тех самых пор, как их включили в боевые действия. Ни один гивистам, ни один лепар не были в состоянии понять, что именно у них на уме.

Подумать только, готовиться к крупномасштабному нападению на врага без какого бы то ни было видимого оправдания! В этом есть, безусловно, что-то блестящее! Команды поддержки энергично занялись последними приготовлениями.

Ф'тах не относился к офицерам высокого ранга, но он был с'ваном. Но даже отпуская постоянные шуточки и полностью погруженный в выполнение своих обязанностей, он не мог не задаваться вопросом о причинах подобной спешки. Даже не о самих приказах: в конце концов, они соответствовали историческим традициям стратегии людей и массудов. Его, правда, волновала узость отдаваемых приказов. Например, его департаменту не было отпущено никакого времени для обсуждения плана обеспечения поддержки. Такое упущение, по его мнению, могло иметь тяжелые последствия.

Он громко заявил о том, что обязательно доведет до сведения высших чинов Сектора Командования это упущение, как только завершит подготовку к отправке боевой группы. А этот момент был совсем близок. Работа развивалась с такой лихорадочной быстротой, что у него совершенно не было времени сформулировать правильно те вопросы, на которые ему так не терпелось получить ответы.

В принципе, в этом и заключалось намерение тех, кто объявил о скором отходе войск.

Когда же наконец у Ф'таха и некоторых других, мучимых подобными же вопросами, возник перерыв, десятки тяжело во-

оруженных транспортных аппаратов взлетали над лесами, направляясь на восток. Обычный утренний дождь не помешал началу атаки. Когда же операция началась, задавать какие бы то ни было вопросы оказалось просто глупо. Поэтому Ф'тах и другие, ему подобные, остались наедине со всеми своими сомнениями.

Никаких резервных войск на базе не осталось. Все транспорты, все без исключения солдаты были брошены в наступление. Люди и массуды смяли первую линию вражеской обороны раньше, чем ошеломленные защитники успели понять, что именно происходит. Криголиты и ашреганы были готовы к нападению небольшими компактными группами, но подобная тактика оказалась бессмысленной перед лицом мощной широкомасштабной атаки. До сих пор здесь все происходило по образу и подобию боевых действий на Эйрросаде: наступление и бегство. Нанеси удар врагу как можно больнее и потом скрывайся в джунглях, на родной базе.

Криголиты и ашреганы не знали, как именно им реагировать на такое изменение тактики. Тем более, что нападавшие и не предоставили им возможности слишком долго обдумывать эти изменения.

Массуды особенно были поражены, насколько легко они сумели смять первые ряды обороны противника. Случайностей почти не было, храбрость и решительность оказались не так уж необходимы, потому что слишком мощным был огневой шквал. Они воздали должное людям, хотя количество потерь у них было вдвое больше.

Некоторые сержанты из армии землян ощутили наконец, оправдание столь долгому ожиданию. Первые же вражеские базы захвачены с такой легкостью, о которой они даже и не мечтали. Конечно, люди утеряли некоторые навыки ведения войны в результате слишком долгого перерыва, но и криголиты с ашреганами были явно не в боевой форме, к их же собственному несчастью.

— Все вышло чертовски удачно, — заявил Карсон своим товарищам. Как хорошо, что они решили напасть первыми.

Проводя совещание со своими подчиненными, Чин настоял на том, чтобы не атаковать три оставшиеся вражеские базы, а нанести решительный удар по сектору, где располагался штаб

вражеских войск. Командирам отрядов не было предоставлено возможности возразить или выразить согласие с приказом.

Если они немедленно не овладеют этим важным участком, то могут оказаться под угрозой со стороны планетарного штаба. Победа же над этими силами, может быть, и не завершит войну за Эйрросад, но, безусловно, нарушит сложившийся статус кво. Разъяснение этого важного момента, заставило солдат удвоить свои усилия несмотря на усталость.

Каким бы слабым или вовсе несуществующим было сопротивление, но воздушные транспорты пролетали над головами ошеломленного противника, не оставляя ему никаких целей в пустом пространстве. Наступление становилось всеохватывающим, и объединенные войска людей и массудов продолжали свое дикое сумасшедшее продвижение, сметая все на своем пути.

Воздушные транспорты противника сбивались на землю, не получая даже возможности занять соответствующую оборонительную позицию. Их сбивали, не позволяя даже скрыться. Оборонительные сооружения противника разрушались, когда пролетающие над ними транспорты наступающих сбрасывали бомбы.

Каким-то образом, командир одной их вражеских баз сумел собрать силы и предпринять попытку контратаки. Воздушное пространство вокруг этой базы наполнилось снарядами, лучевыми нитями, нанося увечья противнику и повергая в ужас всю местную фауну.

Однако люди явно превосходили противника в тактике ведения рукопашного боя. Они разбивали вражеское подразделение на все более мелкие и мелкие группы, пока в конце концов просто не осталось никого, с кем нужно было бы сражаться. У криголитов и ашреганов не оставалось ни малейшего шанса остановить наступление.

Хотя первая и последняя вражеская контратака оказалась безуспешной, Ф'тах все же ожидал, что командование отдаст приказ о закреплении взятых позиций. Однако такого приказа не последовало, когда же с'ван обратился за разъяснениями, ему сказали, что полковник Чин и остальные заняты продвижением вперед и времени на общение с офицером по обеспечению у них нет. Ф'тах ожидал иного ответа.

В боевой ситуации даже с'ваны научились полагаться на

мнение и опыт людей. Но что-то в нынешней боевой операции беспокоило Ф'таха. В конце концов, какими бы отважными и умными не были люди на поле боя, они были далеки от совершенства и вполне могли допустить тактический промах. Он попытался поделиться своими тревогами с другими, но все оказались или слишком заняты, или вообще были потрясены нецивилизованностью происходящего. В конце концов он и сам оказался слишком занятым, чтобы прислушаться к собственным доводам.

Но для беспокойства время оставалось.

Глава 15

Нападение Узора было настолько беспощадным, эффективным и стремительным, что обе передовые огневые базы уже были потеряны, когда группа Раньи получила приказ к мобилизации. Сагио находился достаточно близко к подразделениям связи, чтобы подслушать первые рапорты.

— Они вторглись очень быстро и дерзко, — сказал он с волнением в голосе. — У наших людей не было никакой возможности собрать силы для отпора. Северо-западная база сумела сконцентрировать усилия для контратаки, но Центральное Командование не думает, что они сумеют их остановить.

С наружной стороны бараков представители различных миров носились в беспорядочной суете. Выли сирены, а машины на огромной скорости, невзирая на суетящихся пешеходов, неслись к своим целям. Обитатели базы в спешке пытались внести порядок в хаос.

Криголиты едва останавливались, чтобы обменяться приветствиями по радио, сегунианцы шли напролом, сметая с пути даже сородичей, пытаясь добраться до своих станций.

Раньи не прислушивался к тому, что говорил его брат, обращаясь к своим товарищам с Коссуута. Люди и массуды, казалось, атаковали с явным количественным перевесом и сконцентрировали огневую мощь на небольшом фронте. Они прорывались в обход или сметали на своем пути многочисленные защитные сооружения и, видимо, намеревались ударить

по сектору, в котором был расположен штаб. Помешать им в этом уже ничто не могло. Линия фронта, бывшая достаточно стабильной в течение многих лет, сейчас была полностью сметена.

Транспорты приземлялись рядом с казармами, полностью нагруженные и готовые к бою. Ошеломленный Раньи почувствовал, что и его захватывает общее смятение, когда транспорты поднялись в воздух и, срезая верхушки деревьев , устремились на боевые позиции.

Отряд с Коссуута предполагалось использовать лишь для специальных заданий, но перед лицом угрозы разгрома всего сектора, каждый солдат был брошен на его защиту. По мере того как команда спускалась к линии, которая соединяла оборонительные позиции трех сохранившихся огненных баз, Раньи начал задумываться над тем, что вскоре ему, вероятно, придется столкнуться с людьми — и столкнуться вплотную.

Сумеет ли он отдать приказ об открытии огня по себе подобным? Если, конечно, они и на самом деле являются ему подобными, напомнил он сам себе. В лихорадке общего смятения и подготовки, которая захватила его, он уже мало в чем был уверен, кроме того, что перспектива ухода на покой отодвинулась на неопределенный срок. В конечном итоге смерть разрешит сомнения и положит конец личным страданиям.

Вновь какое-то особенное спокойствие, которое его друзья ошибочно приняли за уверенность в своих силах, сошло на него. Неожиданно кто-то дернул его за руку.

— Ты слышал, Раньи? — Сагио встревоженно глядел на своего брата. — Планы изменились. Командование решило, что базы сами о себе позаботятся. Нас направляют на оборону Сектора штаба. — Глаза его блеснули. — Мы окажемся на передовой линии. Больше мы не будем шнырять где-то в ночи.

— Я слышал. Одень броню. Пусть Турмаст и Веенн скажут остальным. Мы можем оказаться под огнем до того, как прибудем.

Сагио слегка нахмурился.

— Штаб еще не атакован. Моя броня может перегреться. Еще уйма времени.

— Там, где речь идет о людях, времени никогда не бывает слишком много. Спроси у тех, кто остался в живых, о судьбе

первых разгромленных огневых баз... если выжившие есть. Надень броню!

Ошарашенный Сагио помчался выполнять приказ.

Раньи не спеша последовал за ним. Его раздирали самые противоречивые чувства. Ему хотелось ринуться в бой, и он понимал, что не имеет права этого делать, его чувства боролись с рассудком.

В конце концов он вдруг осознал всю тщетность своих переживаний. Тысяча лет нескончаемого конфликта, конфликта не вокруг вопроса о выживании, не вокруг вопроса о культуре, но вокруг идеи. Чем незначительнее идея, тем с большей ожесточенностью ведется вокруг нее борьба, думал он. В любом случае, растрачивать такой ценный дар, как разум, на такую чепуху — пустая трата времени.

Но если нет причин для борьбы, то каково тогда его место в цивилизованном обществе — его, которого с самого рождения учили только воевать? Будь это общество ашреганским или человеческим? Он подумал, что перестал вписываться в окружение как в интеллектуальном, так и в эмоциональном плане. Разве подобные мысли тревожат его друзей? Тревожат ли людей подобные мысли, а если да, то как они поступают в подобных случаях, эти таинственные существа? Узнает ли он об этом когда-либо.

Безусловно, они — самые странные существа, да и он сам разве не странен?

Им овладело беспокойство, когда он надевал на себя броню, занятие, достаточно обычное, которое ему не раз приходилось выполнять.

— Что именно они там вытворяют? — Маршал армии Гранвиль сделал паузу достаточную, чтобы его собеседник массуд успел вставить слово, перед тем как оба они направятся к центру связи. Гранвиль был зрелый, приземистый, слегка страдающий от излишка веса человек, но на небольшие расстояния он шел так же быстро, как и его длинноногий союзник.

Дополнительным подтверждением первых рапортов послужили выражения на лицах персонала Центра Связи независимо от расы.

— Все понятно, — бакенбарды регионального командира

массудов нервно подергивались. — Подтверждение с места пришло как раз перед тем, как я собирался вас информировать. Я понял, что вы поверите информации больше, когда услышите ее от меня, а не от курьера или через систему связи. Уверен, что, как и я, вы хотите потерять как можно меньше времени для ликвидации последствий происшедшего.

— Благодарен вам за это, Сатенка, — прожужжал маршал на удобоваримом языке массудов. Оба командира поспешили к ближайшему пульту. Сидевший там техник гивистам начал нервно настраивать свой транслятор в присутствии столь высоких командиров.

— У вас есть связь с интересующей нас базой? — резко спросил Гранвиль. Гивистам ответил утвердительно. — Тогда соедините меня.

— Видите ли, почтенный командир, я хотел бы выполнить вашу просьбу, но не могу, — с сожалением ответил гивистам.

— Почему? — мрачный тон Гранвиля вызвал у мирного гивистама дрожь.

— Потому что никто не отвечает. Все ответы поступают от компьютеров. Вероятно, все участвуют в атаке, даже персонал поддержки.

— Это сумасшествие, — командир Сатенка добавил еще что-то на языке массудов, но трансляторы не сумели перевести эти слова.

Оба командира направились к другому пульту и столкнулись с офицером землянином.

— Кто здесь главный? — Имена появились и исчезли на экране перед глазами женщины, как души, обреченные провалиться в ад. — Полковник Неевиа Чин, сэр.

— Я помню это имя, — верхняя губа Сатенки загнулась. — Хороший офицер. Непонятно.

— Все говорят так же, — прорычал Гранвиль. — Кто направил ему приказ о широкомасштабном наступлении? Мы здесь остались совершенно беззащитными.

— Я уже отдал приказ о полной мобилизации, — заверил его Сатенка.

— Знаю, знаю. Но дело не в этом.

Аналитик-гивистам выглянул из своего сектора, уставший уже от людского гнева.

— Уважаемые командиры, первые рапорты свидетельствуют о том, что силы, о которых идет речь, уже взяли две главные вражеские базы и сейчас прямым ходом направляются к центру регионального командования врага. Они собираются нанести удар там.

— Вы правы. Кто-то сошел с ума, — Гранвиль поднял глаза на своего высокого собеседника и понизил голос. — И что вы скажите на это, Сатенка? Неужели полковник Чин может это довести до конца?

Массуд задумался, ковыряя в заднем коренном зубе. Его бакенбарды обвисли.

— Упомянутые силы состоят в значительной мере из существ вашей расы. Если уж вас интересуют мои мысли, то скажу лишь, что это зависит от того, насколько большим количеством боеприпасов они будут располагать к моменту подхода к данной цели. Если до той поры противник не сумеет значительно уменьшить их силы, а ашреганы не успеют подтянуть резервы из других регионов, то, наверное, это возможно.

Гранвиль яростно нажал на кнопки своего транслятора.

— Если их наступление потерпит провал или даже потеряет скорость, они окажутся в ловушке между крупными оборонительными соединениями врага и теми соединениями, которые они не стали уничтожать, а попросту обошли. В таком случае, мы потеряем целую боевую группу.

— Ваши мысли совпадают с моими. Они продвинулись слишком далеко и слишком быстро. Теперь у них нет иного выбора, кроме как ускорить атаку.

— Может быть, и нет. Если мы сумеем догнать командиров отрядов, то сможем отдать им другие приказы. Если отступать начнет значительное соединение, они сумеют пробиться назад. — Гранвиль решительно подошел к пульту связи.

Сатенка последовал за ним.

— Связь с этим уровнем плохая.

— Я знаю. Я хочу, чтобы соответствующие подразделения обеспечили защиту спутника связи как минимум на два дня. Мы должны сделать все, что сумеем.

Тем не менее он не был удивлен, когда о'о'йан-техник сообщил ему, что не в состоянии связаться ни с одним из отрядов наступающих сил Узора.

— Никто не отвечает, о великий маршал. Затруднение не в той частоте, которую я использую. Нет приема.

— Ясно.

— Что вам ясно, мой друг? — тревожно спросил Сатенка.

— Чин действует самостоятельно, без всякого приказа.

Массуд тихо застонал, его треугольные уши прижались к черепу.

— Это очень серьезное превышение власти.

— Думаю, может быть, это все же совпадение.

— Возможно. Но тогда их предприятие должно увенчаться успехом.

— Да, все будет именно так.

— В голосе маршала звучало непритворное восхищение. — Он или выйдет из этого сражения героем, или пропадет.

— Но мы ничего уже не можем изменить, — отметил Сатенка.

— Я знаю. Дальность их продвижения ставит нас в достаточно тяжелое положение. Я только надеюсь на то, что наши враги так ошеломлены атакой Чина, что им некогда думать о том, что наши позиции оказались опасно оголены.

— Ну а пока мы сделаем все возможное, чтобы оказать ему поддержку, и будем молиться за то, чтобы его люди вышли героями из сражения. Мы можем даже направить им некоторые дополнительные резервы на беспилотных транспортах. Я позабочусь об этом. Вы же станете заниматься всем, что связано с Центральным штабом.

— Уж лучше бы мне самому оказаться в гуще сражения. — Массуд выразительно фыркнул.

— Ваши мысли отражают мои собственные, — пробормотал Гранвиль. — Он повернулся к о'о'йану. — Попытайтесь поддерживать с ними контакт. Если вам удастся связаться хоть с кем-то — человеком, массудом, лепаром, независимо от ранга и положения, я хочу об этом тоже знать. Если меня здесь не будет, разыщите. Если я сплю, разбудите. Если запрусь — ломайте дверь.

О'о'йан наклонил свою узкую, деликатного очертания голову.

— Понятно, великий маршал.

* * *

Все колебания среди атакующих о верности избранной тактики, развеялись, когда вражеское сопротивление было сметено напором наступления союзников. Не было времени, чтобы насладиться триумфом от успеха одной атаки, а уже приходил приказ о начале следующей. Конечно, не хватало времени задавать вопросы, что и входило в намерения Чина и его сотрудников с самого начала.

Не было никаких признаков того, что наступление может провалиться. Солдаты подразделения Чина были в превосходной форме и, казалось, становились все сильнее со взятием каждого нового объекта. Хотя первоначальное превосходство, достигнутое благодаря неожиданности нападения, было исчерпано, войска продолжали наступление уже благодаря только своему мастерству и самоотверженности.

Контратака заставила некоторых людей Чина приостановить продвижение, особенно, когда он отдал приказ ударным отрядам нанести пробный удар по защитной линии штаба, хотя, несомненно, враг уже догадывался об их намерениях. Но так как до сих пор предсказания Чина оказывались верными, никто не возражал и на сей раз. Да и некоторые сомнения все равно не свернули бы полковника с избранного пути. Большинство его людей оказывали ему полную и безоговорочную поддержку.

Реакция Чина на происходящее была спокойной, но некоторые из его подчиненных уже были близки к ликованию. Особенно три сержанта не скрывали своих восторженных чувств. Хотя они были полностью вымотаны, но не просили об отдыхе ни для себя, ни для своих солдат.

Они знали, что если сектор штаба будет взят, то у регионального командования не останется иного выбора, кроме как прислать им в поддержку свежие войска. Влияние врага над всей южной четвертью Эйрросада будет уничтожено.

Все развивалось столь благоприятным образом, что Чин решил послать несколько отрядов обойти с тыла вражеский штаб и таким образом помешать любой попытке оказать поддержку противнику. В более раннюю эпоху развития подобная операция могла быть осуществлена воздушными силами. Но за последние сто лет появились ракеты, управляемые компьютерами, появилось лучевое оружие, способное сбить с неба

любую цель. Никакие облака отныне не могли спрятать чтобы то ни было.

Все более усталая, но и все более уверенная в собственном успехе, группа Чина продолжала наступление.

* * *

Даже в минуты крайнего огорчения амплитуры имели обыкновение оставаться спокойными. Эту характерную черту их союзники находили весьма привлекательной. Вселенная все равно развивалась, говорили они обычно, поэтому не имело никакого смысла давать волю своим чувствам или спешить. Чтобы повергнуть амплитуров в состояние ажиотажа нужна была целая серия из ряда вон выходящих событий.

Нынешняя же ситуация, явно не положительная, не поддавалась оценке.

— Кажется, — говорил Сходящий-С-Высоты, — наша позиция здесь изменилась, превратившись из опасной в уязвимую.

— Бесспорно, так оно и есть. — Пребывающий-В-Себе внимательно одним глазом изучал своего собеседника, другой же, свободно колыхаясь на глазном отростке, внимательно изучал меняющуюся топографию местности, изображение которой проплывало в пространстве между ними. — Необходимо будет предпринять сверхусилие, чтобы компенсировать серьезный урон, который потерпели местные обитатели. Их надежды погибли.

Они бы с удовольствием пообщались со своими коллегами в планетарном штабе, но быстрота развития сражения и техника перехвата Узора сделала это невозможным. Совершенно случайно они оказались единственной парой амплитуров на Эйрросаде, и в момент неожиданного нападения находились в южном секторе Эйрросада. Оба прекрасно понимали те требования, которые предъявляли им теперь союзники и были готовы разрешить сложившуюся ситуацию наилучшим образом.

К сожалению, нападавшие не были склонны к сотрудничеству.

Хотя амплитурам и не нравилась перспектива оказаться вовлеченными в бой, но они и не собирались сосредотачивать усилия на обеспечении своей безопасности, не думали

покидать Эйрросад. Такое действие оказало бы разрушительное влияние на моральное состояние их союзников. Их же осторожность основывалась совсем на ином: они знали, что во Вселенной слишком мало амплитуров, и их жизнь имела непреходящее значение для продвижения Назначения. Они не сбежали, но приняли все меры для самосохранения.

Офицеры-криголиты и ашреганы, собравшиеся вместе с ними в зале, не были ни спокойны, ни собранны. Можно было бы сказать, что от возбуждения они были готовы перейти к панике.

— Что нам делать? — загомонили ашреганы едва они вошли, даже не отдав дань вежливости. Амплитуры поняли их состояние и ничего не ответили. Представители других рас еще не научились контролировать причуды своей эндокринной системы.

К тому же отчаянные обстоятельства не оставляли времени для обычных церемоний.

Один из криголитов метнулся вперед и передними конечностями развернул схему сметенных позиций.

— Мы разработали план. — Нервные пальцы чертили линии на экране. — Первое, мы концентрируем свои войска именно так, как того ожидает противник.

Сходящий-С-Высоты сухо заметил:

— Я не понимаю, как именно усиление наших тактических излишеств вызволит нас из нынешней ситуации.

Саркастическое замечание застало криголита врасплох, но он, тем не менее, продолжал:

— Наше намерение состоит в том, чтобы усилить уверенность противника в скорой победе.

— Имея в виду наше нынешнее положение, вряд ли придется их еще чем-то убеждать, — пробормотал амплитур.

Изо рта криголита раздалось какое-то бульканье:

— Я рассказываю о будущем, почтенные Учителя. Здесь, — его пальцы задвигались, — мы разместим специальный эскадрон с Коссуута. К счастью, они находятся среди нас. Только когда враг попытается нанести решительный, окончательный удар, мы сосредоточим все силы на том, чтобы сдержать их, а специально подготовленные бойцы-ашреганы ударят с тыла. При обычном положении вещей такая попытка оказалась бы тщетной, но в нынешней ситуации — даже аш-

реганы устают от боя. Они разбросаны в ширину, их линии связи и поддержки растягиваются по мере того, как они наступают. В такой ситуации компактное подразделение, наносящее удар с тыла, может внести изрядную сумятицу в ряды противника.

Оба амплитура посовещались, заставив союзников побыть в неловкой тишине. Наконец, Пребывающий-В-Себе, ответил:

— Есть определенный риск. Если бойцы с Коссуута не войдут в столкновение с ними, то мы уменьшим наши оборонительные возможности, и ничего взамен не выиграем.

— Значит, нам нужно здесь концентрировать свои силы, — проскрипел один из офицеров.

— Мы не станем делать и этого, — Сходящий-С-Высоты сделал неопределенный жест щупальцем. — Наше намерение состоит в том, чтобы оказать минимальное сопротивление и покинуть это место.

Казалось, все присутствующие оказались в шоковом состоянии. Они были не правы.

— Почтенные Учителя, я прошу вас подумать вновь, — обратился с просьбой высокопоставленный ашреган. — Планетарный Штаб находится на расстоянии по крайней мере пяти дней полета на скоростном транспорте от места боевых действий. В течение этого времени мы сумеем использовать наше тяжелое вооружение и постараемся поддержать в соответствующем порядке наши оборонительные линии.

— Мы можем защитить наш Штаб, — адъютант высокопоставленного офицера была в ярости, — будет введена в действие группа с Коссуута или нет! Пусть приходят люди и массуды! Пусть они побеждают нас в джунглях, но для гор они слишком вымотаны.

— Нашей самой большой ошибкой со времени присоединения людей к Узору было то, что мы постоянно недооценивали их способности. К тому же их непредсказуемость граничит с сумасшествием. — Пребывающий-В-Себе решил логическим путем убедить присутствующих, хотя достаточно было бы просто «предложить» всем тот ход развития действий, который они уже определили. Без всякого сомнения, мы вполне в состоянии защитить свои позиции. Однако после тщательного обдумывания всех привходящих обстоятельств мы

решили, что в равной степени возможно и поражение. Любые мелочи не являются мелочами сейчас.

Если мы сосредоточим все наши усилия на обороне, и проиграем, то весь этот регион окажется под контролем врагов Назначения. Сосредоточение сил Узора на данной территории означало бы, что контроль наш над этим миром будет вообще утерян. Безопасность Планетарного Штаба окажется под вопросом.

— Но разве наше бегство не позволяет противнику достичь той же самой цели меньшими усилиями? — Отважная ашреганка продолжала настаивать на своем. Что мы выиграем от этого?

— Я проясню вопрос. — Амплитур вытянул два из четырех пальцев на своем правом щупальце и дотронулся до плавающей карты. Она замерла на месте. На ее поверхности заиграли различные цвета в то время как Сходящий-С-Высоты манипулировал тяжелыми слоями воздуха. — Мы, разумеется, окажем минимальное сопротивление перед тем, как покинуть эту базу, и не предлагаем полного отступления.

— Я не понимаю, — сказал высокопоставленный ашреган.

— Женщина частично права. Враг, конечно, устанет, но это не означает, что он ослабеет. Мы уже обращали внимание, что в состоянии стресса люди неоднократно проявляли необычную стойкость. Впечатление, что они обретают новые силы в своих страданиях, как будто боль и неудобство им нужны лишь для того, чтобы они достигли еще больших высот. Если верить взятому в плен психологу-человеку, это «облагораживающее страдание» необходимо для его расы как требование ее выживания и дальнейшего продвижения. Как бы безумно это не звучало, но это вполне реально. Мы должны попытаться понять это, если хотим разработать стратегию их поражения.

— Прошу меня извинить, Учитель, — сказал командир ашреганов, — но я не понимаю, какое отношение это имеет к нынешней ситуации.

Пребывающий-В-Себе взялся все объяснить:

— Этот странный тезис лишь объясняет, что чем тяжелее ситуация, тем с большей самоотверженностью сражаются люди. И наоборот, они наиболее уязвимы, именно когда все

идет нормально. Чтобы использовать это знание, мы просто должны принять его к сведению, не пытаясь постичь.

— Люди — прекрасные бойцы, но они не сверхъестественные существа, и у них есть слабое место. Только если мы поймем и используем эти слабости, мы сумеем их разбить. Но не будем пытаться при этом наложить свою систему ценностей на их систему.

В последовавшей тишине амплитуры поняли, что их попытка объяснения лишь внесла смятение в умы присутствующих.

— Это покажется вам необычным, — слова Пребывающего-В-Себе сопровождались мысленным предложением так необходимой уверенности в своих силах. — Большая часть наших людей покинет позиции, но не для отступления. Некоторые вернутся в планетарный штаб, произведя на наступающего противника впечатление того, что все пытаются убежать в этом же направлении. Для нас это вполне естественное действие. Тем временем, значительная, основная часть наших войск направится не к спасительному периметру штаба, но в густые горные джунгли на юго-западе.

— Таким образом мы окажемся в самом невыгодном из всех возможных положений! — не выдержал криголит.

— Совершенно верно, — ответил амплитур холодно, но уверенно. — Ведь именно этого и не ожидает от нас враг. Со стратегической точки зрения это почти типичный человеческий шаг. Новые проблемы требуют новых и радикальных решений. Когда противник освободит захваченные позиции от тех незначительных сил, которые останутся их защищать, и бросится преследовать отступающую на северо-запад группу, не закрепившись, мы перейдем в контратаку. Но не для того, чтобы вновь занять брошенные позиции. Это означало бы опасное сосредоточение наших сил, нет, мы начнем теснить их по всей линии их наступления и на этот раз мы застанем их врасплох!

— Прошу прощения, Учитель, — сказала женщина. — Но ваше предложение удивляет меня не только надеждой. Вы предлагаете нам взять верх над людьми в рукопашном бою.

— Именно так, — с готовностью согласились оба амплитура. — Но вы забываете об отряде с Коссуута. Восхищение и поддержка от остальной части наших войск поможет им на-

нести значительно более серьезный удар, чем они смогли бы этого достичь в одиночку. Помните также, что далеко не все наши противники — люди. В соответствии с получаемыми рапортами, среди атакующих много массудов и небоевых рас. Если мы сумеем посеять среди них панику, это значительно затруднит задачу людей. Они слишком быстро эвакуировали персонал поддержки.

— Наши же бойцы будут свежими и отдохнувшими, — подхватил Сходящий-С-Высоты. — Это многое объясняет.

Во время продолжающейся дискуссии оба амплитура нетерпеливо внушали союзникам оставить в стороне все возражения в интересах. Слишком мало оставалось времени для такой роскоши, как дебаты. Поэтому совсем неудивительно, что в итоге собравшиеся офицеры единогласно заявили: — Мы принимаем план Учителей.

— Мы ощущаем правоту вашего решения, — одновременно ответили амплитуры, довольные единодушным согласием с предрешенным выводом.

Глава 16

Глубоко спрятавшись в густо заросших горах, силы поспешно, но организованно отступившие с занятых позиций, наблюдали за решающей атакой людей, когда та наконец началась. Те немногие отряды, которые остались, чтобы создать впечатление сопротивления, сражались долго и упорно, пока наконец не сдались под яростным напором, охотно жертвуя своими жизнями во имя Назначения. Амплитуры не могли бы рассчитывать на лучший исход.

Держась наготове в отведенном для них месте, Раньи со своей группой мог судить о происходящем лишь по отрывистым сообщениям интеркома. Они находились слишком далеко, чтобы слышать разрывы снарядов, методично разрушавших оборудование, здания и уничтожающих самих защитников штаба.

Вскоре уже отряды атакующих перегруппировались на верхушке покрытой джунглями горы. Наблюдая за обращенным в бегство противником, отдельные группы пустились пресле-

довать их, намереваясь уничтожить каждого выжившего в бою, чтобы он не мог достичь своего планетарного штаба.

Раньи размышлял о тех ашреганах, криголитах, других бойцах, согласившихся принять смерть, чтобы отвлечь внимание противника ложным маневром. Его наполнила ужасом мысль, что совсем недавно и он сделал бы то же самое и с тем же энтузиазмом.

Сейчас же он лишь ясно видел, как храбрецы погибают, но их гибель никоим образом не обогащает Вселенную. В самой концепции смерти во имя стратегической цели заключалось нечто изначально неприличное. Люди, например, всегда готовые пожертвовать собой ради своих друзей, ради защиты своего мира, вряд ли станут умирать во имя абстракции.

Коей является Назначение, добавил он.

Он находил, что ему все труднее и труднее во что бы то ни было верить.

Амплитуры не приносят себя в жертву во имя идеи. Хотя их не так уж много, но Раньи все больше склонялся к мысли, что они, амплитуры, — слишком уж рациональные существа. Это открытие поразило его. Вряд ли уже он сумеет от него отделаться.

По неизвестным причинам, захлестнутый волной событий, когда некогда было ни о чем подумать, он часто вспоминал лепара.

Затем пришел приказ идти в наступление, и он думал лишь о своем спасении.

Создалось впечатление, что буквально из-за каждой скалы, из-за каждого дерева на наступающих обрушились ашреганы и криголиты, и именно в тот момент, когда люди впервые за много дней попытались расслабиться.

Бесчисленное количество стволов открыло огонь по участку между горами и текущими на юг реками, уничтожая с полным равнодушием представителей различных рас. Люди и муссуды лихорадочно бросились к оружию, готовые оказать сопротивление.

Они так ожесточенно ответили, что несмотря на неожиданность контратаки, многие погибли. Но и сами тоже погибали в бою, не находя спасения.

Раньи лишь пытался сохранить жизнь себе и своему брату. Его беспокоило, что ему, человеку, приходится убивать себе

подобных. Но естественный рефлекс убийства наконец взял верх над всеми размышлениями. Это удивило его, хотя и не должно было бы. В конце концов течение тысячелетий люди истребляли друг друга без всякой жалости.

Сагио, Соратие-еев, Бирачии и другие, ввязавшиеся в бой, по крайней мере, были охранены своим неведением, незнанием того, что вынуждены убивать себе подобных, поэтому и выполняли свою задачу с завидным рвением.

Сам же Раньи якобы из стратегических соображений пытался, насколько возможно, избегать боя. Зная о его недавних заслугах, бойцы полагали, что такая осторожная тактика правильна. Он время от времени стрелял по тем, кто попадался ему на глаза, но со спасительной для них неточностью. Страдали больше всего деревья.

По всему участку были разбросаны сучья и листья. Стороннего наблюдателя это вряд ли могло бы поразить, ибо было вполне естественным. Как будто снаряд взорвался где-то поблизости, и смел куски деревьев. От горящей растительности, машин, от горящих тел подымался дым.

Среди жары и дыма Раньи было сложно отличить криголита от ашрегана, ашрегана от массуда и людей от своих друзей. Различить их можно было, пожалуй, лишь по различному обмундированию. Чтобы выжить, надо было думать и стрелять быстрее. Раньи пытался ни о чем не думать.

Держа свой личный летательный аппарат как можно ближе к земле, он пытался избежать воздушного боя. Пока это у него получалось. Продираясь сквозь лесной массив, медленно облетая огромные деревья, он наткнулся на два тела.

Это были люди. Мужчина и женщина. В их легком полевом обмундировании зияли отверстия, оставшиеся от энергетического оружия. Их винтовки лежали поодаль. У мужчины была снесена половина черепа. Женщина лежала на спине. Лицо ее было бледным. Раньи порадовался, что она совсем не похожа на ту женщину, с которой он познакомился на Омафиле.

Ближе к горам почва стала более твердой, и он смог уже передвигаться по ней, а не парить в воздухе. Он посадил аппарат, чтобы разведать все, что сумеет.

Близкое исследование тел не открыло ему ничего нового. Он склонился над телом мужчины, впился взглядом в раскроенный череп, думая, сумеет ли он увидеть там тот нервный

узел, который, как говорили ему хирурги-гивистамы и люди, не существовал в мозгу обычного человека, но понял, что ничего не увидит, и не стал задерживаться.

Он поднялся и снова полетел вперед, внимательно следя за чащей. Все каналы его коммуникатора были забиты голосами, отдающими приказы и обменивающимися информацией. Вокруг него как гигантсткая рептилия, двигались и свистели джунгли. Он не оглядывался назад.

Что ему оставалось делать? Если он попытается сдаться противнику, то его, скорее всего, просто подстрелят. Лицевые протезы, прикрепленные к черепу хирургами, невозможно было без их же помощи убрать с лица.

Мысли о том, чтобы сдаться в плен, быстро прошли. Но не поэтому вернулся он к своим друзьям.

Световые вспышки на его коммуникаторе свидетельствовали о новых и новых победах во имя Назначения. Инстинкт толкал его вперед, а полевое снаряжение помогало выжить, скрывая под его телесной оболочкой... что?

Атакующих методично били вдоль всей линии их наступления, пока они постепенно не распались на мелкие группы. Надежда на славу уступила место тревоге за собственную жизнь. Без приказа, без указания они бросились в отступление, к извилистой реке, которую они с таким энтузиазмом пересекли накануне. Подкрепление от Гранвиля и Сатенки не успело даже выступить, когда началось бегство. В любом случае, катастрофу это подкрепление уже не предотвратило бы.

Верные делу Назначения взяли в тот день много пленных. Когда стало ясно, что наступление захлебнулось, амплитуры послали мощную боевую группу вслед за отступающими. В преследовании участвовали многие друзья Раньи.

Они захватывали реки и передовые боевые базы Узора, откуда началась атака, беря контроль над огневыми точками, естественными оборонными рубежами и захватывая даже те территории, которые находились под контролем Узора изначально. Возможность для спасения людей и массудов, рассеявшихся по джунглям, была сведена к нулю. Гранвиль запросил подкрепления, чтобы защитить свои собственные позиции.

Карсон, Морено, Селинсинг не могли уже себя утешить тем, что их смерти внесли вклад в разгром их войск. Дорога

отступления была дорогой гибели. Летательный аппарат Селинсинг, зажатый между непроницаемыми кронами деревьев и быстро движущимся транспортом криголита, был разнесен в куски. Карсона подстрелили, когда он пересекал реку, Морено погиб, когда пытался покинуть захваченную крепость, обращенную контратакующими ашреганами и их соратниками в каменный склеп.

Многие, оставшиеся в живых, на подбитых летательных аппаратах вернулись в джунгли, как усталые птицы, не в состоянии завершить тяжелый перелет. Некоторых все же спасли наиболее отважные бойцы Гранвиля, нарушившие его приказ не вступать в бой. Других же настиг враг.

Полковник Неевиа Чин мог бы спасти себе жизнь, и тогда ему пришлось бы предстать перед военным трибуналом. Он предпочел прикрыть отступление своих легковооруженных солдат и вел тяжелый огонь с борта своего командирского транспорта. Те, кто спасутся, смогут потом вновь воевать, его же военная карьера уже была завершена.

Он сделал рискованную ставку — и не выиграл. На нем повис долг, за который он никогда не сможет расплатиться. Зачем же возвращаться?

Ирония заключалась в том, что случилось вовсе не то, на что они рассчитывали и надеялись — он, сержант Селинсинг, и другие заговорщики. Они просто не поверили, что враг сумеет им ответить достойно.

Смерть принесла полковнику Чину мир, но не удовлетворение.

Разгром Узора на Эйрросаде был полным. Планы на отступление врага по другим фронтам были оставлены, а силы подкрепления были поспешно переброшены на защиту того, что осталось от сектора Гранвиля. Разработанная стратегия потерпела сокрушительный разгром. Катастрофа Чина, — под таким названием она осталась в истории, — заставила тактиков Узора покинуть оптимистическую позицию сохранения статуса кво и перейти к политике активной обороны. Ну, а армия мертвого командира пожинала плоды своего позора.

Давным давно уже Узор не терпел подобных поражений. Результаты катастрофы вышли далеко за пределы Эйрросада и дошли до самого Большого военного совета.

Амплитуры же не стали воздевать щупалец к небу и воспевать осанну героям. Не в их обычаях было праздновать смерть. Даже если это и была смерть тех, кто грозил им уничтожением. Пусть празднуют ашреганы и молитары, криголиты и мазвеки, амплитуры же будут праздновать тогда, когда будет достигнуто Назначение. Пусть это случится через сто лет, через тысячу, через целую эпоху.

Хотя, конечно, они были удовлетворены успехом.

За свои блестящие тактические маневры Сходящий-С-высоты и Пребывающий-В-Себе получили тихие похвалы и новые назначения. Но об отдыхе и речи быть не могло. У амплитуров будет масса времени для отдыха, когда исполнится Назначение. Но вплоть до этого еще отдаленного дня слишком многое нужно сделать, а их было слишком мало для того, чтобы везде поспеть.

Члены командования на Омафиле были совершенно угнетены происшедшим на Эйрросаде. Даже обычно уравновешенные с'ваны были потрясены и огорчены.

Два человека, пара массудов, три с'вана сидели в комнате с высокими потолками среди изображений Солнца и кораблей. Поднимаясь и опускаясь на невидимых опорах, они изучали и анализировали трехмерное изображение их квадрата Галактики, не столько читая карту, сколько путешествуя через нее.

Один из с'ванов помахал каким-то устройством, похожим на прутик. Изображения звездных кораблей меняли свое положение в зависимости от его указаний. В закрытой комнате работал его транслятор.

— Мы переоценили свои возможности в попытке захватить Эйрросад. Это ослабляет наши внутренние космические оборонительные рубежи и открывает целую линию обороны. Полагаю, пришло время подумать об отступлении. Стратегическая перегруппировка не означает поражение.

— Мы не можем, — возразил массуд, плававший над ним. — Если мы покинем Эйрросад, то захватить следующий вражеский сектор нам будет безумно сложно. — Его прутик в свою очередь помешал галактический суп.

— Это верно. Сделать наш следующий большой рывок бу-

дет значительно проще, если мы сумеем удержать Эйрросад, — заметил другой с'ван.

— Не предоставить ли нам ту выгоду, которую мы ищем для себя, амплитурам? — резко заявила офицер-массуд. — В непосредственном соседстве с нами нет обитаемых миров.

— Пока еще рано говорить об уступках. — Один из офицеров-землян опустился на тот же уровень, что и с'ван. — Наши позиции на Эйрросаде разрушены, но не окончательно. Конечно, мы пока не в состоянии предпринимать какое бы то ни было наступление, но, я думаю, можно хотя бы удержать то, что имеем.

— Не сомневаюсь. — С'ван заложил обе руки за спину, выставив вперед свою густую бороду. — Меня беспокоит то, что, продолжая оказывать поддержку силам на Эйрросаде, мы ослабляем свои позиции в других местах. Хорошо известно, что люди не любят оглядываться назад, особенно, если их там ожидает нечто неприятное. Но во время военных действий незнание не является благом, это — смертельно опасная глупость.

— Смотри, — сказал резко один из людей. — Клянусь, что вы, ребята, — блестящие тактики, но вы настолько же осторожны, насколько осторожны все цивилизации, которые не носят оружия. Если бы не мы и не массуды, вы вообще бы нигде не продвинулись. Вы бы так и сидели на своих волосатых задницах в ожидании, пока амплитуры не дотянутся до вас своими грязными лапами.

Человек и с'ван обменялись выразительными взглядами, и один из массудов поспешил сменить тему разговора.

— Если вернуться к теме нашего разговора, то становится понятным, что возвращение измененного ашрегана-человека к его сородичам было ошибкой.

— В этом мы пока не можем быть уверенным.

Ответивший человеку занял оборонительную позицию.

Один из двух, самый воинственный с'ван усмехнулся:

— Невежество в данном вопросе озадачивает.

Старший по званию с'ван хотел еще что-то сказать. Ему казалось удивительным, что разнообразные расы Узора могли так долго сотрудничать и даже дискутировать, не вступая в междуусобную войну. Если бы только амплитуры могли видеть, насколько хрупкой была структура Узора, насколько

склонны к раздорам и склокам его члены, они бы, безусловно, усилили свой тысячелетний нажим, и, вероятно, добились бы успеха.

— Этот инцидент ушел в историю, — заметил с'ван. — Не каждый эксперимент дает те результаты, на которые рассчитываешь. А взаимные обвинения, только приводят к расколу.

На этот раз пришла очередь человека занять оборонительную позицию.

— Мы не знаем, в каком состоянии находится предмет нашего обсуждения. Если он до сих пор не вступал с нами в контакт, это не означает, что он не пытался этого сделать.

— Понятно, конечно, что вы проявляете сострадание к одному из себе подобных. Если бы один из с'ванов стал объектом генетической манипуляции амплитуров, возможно, и мы проявили бы аналогичное беспокойство.

Как это ни было присуще людям, они не дали сбить себя с толку чисто логическими построениями.

— Мы ведь не знаем точно, что состояние этого ашрегана вновь оказалось двойственным. Никто не может сказать, что та работа, которую провели с ним наши люди на Омафиле, была безуспешной. — Мужчина заколебался. — Большинство придерживается мнения, что он мертв, потому что его вернули в тот регион, где мы понесли наибольшие потери. Хотя и нам удача не улыбнулась, потери врага были достаточно тяжелыми. Логично предположить, что он находится среди них. До той же поры, вполне вероятно, он пытался разъяснить правду своим коллегам, ведь об этом он мечтал при возвращении.

— Возможно, мы никогда об этом не узнаем, — сказал другой массуд.

— А хотелось бы.

Все повернулись в сторону новой фигуры, вплывшей в комнату. Доступ в комнату, где находились карты, во время совещания был запрещен. Но Первому-по-Хирургии делали исключения, недопустимые даже для старших офицеров.

Полутемное помещение его давило — он привык работать в ярко освещенных комнатах. Кроме того, его окружали люди и массуды, наводившие на него если не ужас, то внушавшие опасения. Он инстинктивно, встал ближе к с'вану.

— Я знаю вас. — Мужчина помоложе слегка нахмурился, припоминая. — Вы контролировали весь эксперимент.

— Если вы и на самом деле меня помните, то помните, вероятно, и то, что я самым решительным образом возражал против возвращения Раньи-аара к его друзьям, но военные не прислушались к моему мнению. — Он встретил и выдержал взгляд человека — подвиг, на который отваживался лишь турлог.

— В тот момент нам казалось, что у нас нет иного выбора, — заметил другой офицер.

Первый-по-Хирургии холодно посмотрел на него.

— У вас, конечно же, был другой выбор. Вы могли бы прислушаться ко мне и к другим специалистам. Но все ваши действия, насколько я понял, были лишь результатом военного мышления. Вы собираете вокруг себя аналитиков и экспертов не для того, чтобы прислушаться к их мнению, но, чтобы создать для себя своего рода прикрытие из интеллектуального окружения. За этим же барьером вы действуете так, как хотите, обманывая самих себя в том, что действуете на основании полученных советов. Теперь же вы заплатили за свою недальновидность разгромом войск на Эйрросаде.

— Минуточку, — сказал другой человек. — Неужели вы думаете, что возвращение этого индивидуума к своим друзьям и коллегам имеет какое-то отношение к нашему разгрому на Эйрросаде?

— Я ничего не предполагаю. И ничего не подразумеваю. Я начинаю строить гипотезы лишь тогда, когда нечто непредвиденное повторяется.

— Уже определено, что причиной катастрофы на Эйрросаде стали действия одного предателя полковника, который отверг все тактические советы и действовал, основываясь лишь на решениях своих подпевал, — с убежденностью говорил другой мужчина.

— Слишком обычная вина. — Человек резко повернулся к с'вану, отпустившему это замечание. Но он не мог разглядеть выражения его лица за густой бородой.

— Меня огорчает, что плохие новости следуют за плохими. — Первый-по-Хирургии слегка щелкнул зубами. — Факты — чересчур упрямы.

— Продолжайте, — пробормотал ближайший к нему

мужчина. — Мы слышали мало хорошего за последние несколько дней. Чуть больше плохого уже ничего не изменит. — Транслятор хирурга превратил утробные лающие звуки примата в варварский, но понятный гивистамский язык. Того искажение его изящного языка не раздражало. Как врач он обладал даром более глубокого понимания.

— Извините меня, пожалуйста, за неправильно употребленные слова, но личная беседа не только экономит время, но и предотвращает возможное непонимание.

Передвинув свой контрольный прутик — несколько отличающийся по виду от того, которые находились во владении его военных коллег, он отладил его, как будто расчищая между ними свободное пространство. Несколько звездных систем были грубо отодвинуты в сторону, вместо них появилось плавающее изображение человеческого черепа. По мере объяснения увеличивались различные секции мозга, открывая спрятанные внутри них секреты.

— Вероятно, вы все уже ознакомлены с результатами исследований, проведенных на одном человеке, подвергшемся генетическому изменению со стороны амплитуров, которые похитили его еще до рождения и провели пренательные генетические изменения. Я занимался этими исследованиями. — Прутик двинулся.

— До того как упомянутый индивидуум по его настоятельной просьбе был возвращен на Эйрросад, на его мозге была проведена хирургическая операция, в результате которой внесенное амплитурами изменение было изолировано от его нервной системы, таким образом воздействие этого нервного узла было изолировано. — Зрачки хирурга зорко следили за реакцией людей и массудов. — Напоминаю, что я и мои коллеги полагали освобождение этого индивидуума преждевременным.

— В этих новостях нет ничего нового, — прокомментировал ближайший человек.

— На самом же деле, — тон хирурга был резким, — в естественных условиях нервная ткань людей редко восстанавливается. Современные достижения гивистамов и о'о'йанов делают возможным искусственно стимулировать подобное восстановление. Поэтому такое понятие, свойственное человеческому организму, как «паралич», — становится медицинским анах-

ронизмом. До завершения операции была взята соответствующая проба нервного модуля, внесенного амплитурами. Анализ, сделанный с помощью компьютера, указал на возможность регенерации этого органа. Самостоятельной регенерации. — По мере объяснения ожившие нейроны вновь занимали свои места на внушительном изображении, кружившемся перед ними.

— Это всего лишь прогноз, — заметил массуд. — Если есть предположение о возможности регенерации, то это еще не значит, что регенерация осуществится. Тем более, что орган, созданный амплитурами, сумеет восстановить связи с определенными секторами мозга этого индивидуума.

— Такой быстрый рост клеток мог бы привести даже к возникновению рака, — заметил один из с'ванов без свойственной ему иронии.

— Такой сценарий не исключен, — согласился Первый-по-Хирургии. — В таком случае индивидуум умрет до того, как это его состояние будет выяснено и подвержено лечению. Одним словом, несмотря на весь наш труд, если такое восстановление клеток произойдет, то данный индивидуум вновь может очутиться под влиянием амплитуров, вновь обретет свою прежнюю личность. Или же столкновение того, что он уже знает, и того, что он чувствует, приведет к умственному расстройству.

— Значит, вся наша работа здесь пойдет насмарку, — заметил один из с'ванов.

— Не совсем так. Мы узнали много важного. — Мановением палочки гивистам удалил образ человеческого мозга. — Мы убеждены, что в будущем еще не раз встретим таких измененных личностей. Возможно, к тому времени мы обнаружим, каким именно образом можно предохранить внесенный амплитурами орган от восстановления. — В его голосе звучала надежда. — Как я уже упомянул, это лишь прогноз, — двойные веки моргнули. — Такое восстановление вообще может не произойти или, произойдя, может не принести никакого вреда индивидууму. Это всего лишь один из многих возможных физиологических сценариев.

— Очевидно, вы все же отдаете предпочтение самому худшему варианту, иначе вы не стали бы прерывать наше совещание.

Первый-по-Хирургии рассматривал воина-человека. Невыразимая грусть окрасила его лаконичный ответ.

— Да, именно так.

Другой человек медленно кивнул, отвечая.

— Что мы должны сделать на самом деле, так это обнаружить тот мир, где амплитуры производят подобные изменения над нашими детьми и зародышами, и не оставить от этого проклятого места камня на камне.

Первый-по-Хирургии содрогнулся от жестокости, прозвучавшей в словах человека. Если бы не необходимость давать отпор продвижению амплитуров, он и сам был бы не прочь подумать о какой-нибудь биоинженерии. Хотя с самого начала он хорошо скрывал свои чувства, весь этот разговор вывел его из равновесия больше, чем он бы сам хотел это признать.

В результате своих исследований он пришел к одному вопросу, который все чаще занимал его мысли — не является ли термин «цивилизованный человек» противоречием, биологическим нонсенсом. Он был рад, что никогда не сумеет это выяснить, потому что даже по самым оптимистическим прогнозам его жизненный путь завершится раньше того, как закончится война с амплитурами.

Но даже если и так, сон его был тревожен.

Глава 17

По традиции, празднование победы было сведено к минимуму. Однако, военное командование решило, что одержавшие победу, но крайне измотанные солдаты заслуживали не просто отдых, но наивысшей из существующих наград — визита домой.

Если бы Раньи предоставили выбор: он предпочел бы остаться на Эйрросаде. Его искреннее колебание было истолковано как естественная скромность, и вместе со своими друзьями он был отправлен на мирный Коссуут. Его тонкие намеки на то, что он готов остаться, были отметены с благодарностью. Поняв, что излишние размышления вызовут лишь непрошенное внимание, у него не осталось иного выбора, как принять вынужденный отпуск.

Как на унифере на нем было сосредоточено много внимания; как только возможно, он пытался заставлять себя отвечать на многочисленные вопросы своих подчиненных, но тем не менее, сам все больше и больше становился объектом пристального внимания и любопытства. Ища возможности скрыться, он находил только славу, по крайней мере, ту славу, которая была известна в орбите влияния амплитуров.

Хотя самим амплитурам подобные знаки внимания и не были нужны, они понимали важность поддержания хорошего морального духа среди союзников и делали все возможное, чтобы подбодрить их, поощрить. Публичные празднества по поводу победителей были необходимы. Низкая лесть в небольших количествах не была вредна. Что же до самих амплитуров, они приписывали славу больше абстрактному, чем индивидуальному.

Сагио с гордостью охранял уединение своего брата, отваживая от него слишком любопытных.

«Интересно, стал бы он так тщательно меня охранять, — размышлял Раньи в уединении своих апартаментов, — если бы знал, как упорно я боролся, чтобы избежать боя?» — Но он был рад, что наконец может остаться один.

Его самоизоляция была расценена как необходимость самоанализа, и ему никто не мешал, уважая его выбор. Спустя некоторое время даже самые настойчивые оставили его в покое, и Сагио, наконец, смог ослабить свою бдительность. Раньи же использовал это время, чтобы приготовиться к предстоящим противостояниям. Несмотря на все усилия, он не был готов к тому шторму эмоций, который обрушился на него, когда по возвращении он был встречен родителями. Он сумел контролировать себя лишь потому, что обратил все свое внимание на младшую сестренку Синзу, в чьей генетической искусственности он был почти уверен. Настолько же, насколько был уверен в своей.

— Как хорошо, что ты дома, первенец, — знаком особой отеческой привязанности, выраженной по-ашреганси, его отец потер его между лопаток. — Да, сынок, мы скучали по тебе и беспокоились за тебя.

Раньи поразила материнская теплота и нескрываемая гордость отца. Он почувствовал их искренность и на мгновение почти забыл обо всем происшедшем в течение предшеству-

ющих месяцев. Снова более осязаемая реальность рассеялась в тревожный туман. Вновь его личность покинула очевидное и устремилась к далеким, неверным биологическим берегам.

Он обнаружил, что не может долго смотреть в сторону своих родителей. По крайней мере, до тех пор, пока не будет разрешен самый важный для него вопрос. Были ли они невиновны или содействовали амплитурам? Были ли они обманутыми жертвами или же хладнокровными агентами амплитуров? Какая часть из того, что они говорили и делали была искренней? Какая часть из того, что они говорили и делали, происходила по их собственной воле, а какая была «подсказана» амплитурами? Была ли их любовь чем-то иным, чем результатом точно сделанного расчета? Узнает ли он об этом когда-либо?

Современная технология в состоянии установить местоположение черных дыр и квазаров, выделения антивещества из подпространства... Но где именно находится любовь? Как ее найти? Интуитивно, путем розыска, математическими расчетами?

Смех и выдумки Синзы не располагали к тяжким раздумьям. В сердечной обстановке он с удовольствием часами играл с сестрой, находя удовольствие в ее невинности и незнании. Ей было безразлично, что она и кто она, ей нравилось лишь то, что ее любимый брат вновь ненадолго вернулся домой.

Но она росла, развивалась и приобретала точно такие же рефлексы, те же долговязые формы, что и ее братья. Раньи знал, что ее невинность нельзя сохранить навечно, так же, как и его собственную.

Он уже больше месяца находился дома, когда власти попросили его обратиться с речью к очередной группе бойцов, которые начинали учения. Он не мог отказаться.

* * *

Перед ним стояло море ашреганских лиц, отмеченных явными признаками генетических манипуляций амплитуров. Он хотел крикнуть им, подойти к ним ближе и объяснить обман. Их глаза были обращены к нему, в них читалось нетерпение и ожидание. Амплитуры украли у них право на рождение в соответствии со своей наследственностью, лишили их

возможности независимого мышления. Стоять перед ними на подиуме и глядеть сверху вниз — он едва мог вынести это.

Молчание его затянулось, и другие ораторы и высокопоставленные чиновники уже перешептывались у него за спиной.

— Это из-за травмы, — объясняли одни, знающие. — Сейчас все пройдет.

Он вынудил себя задвигать губами и почувствовал, как из его горла раздались звуки, но говорил будто бы не он, а другой человек. Он Раньи-аар, как бы отстранился от того, что говорил. Холодное, роботоподобное выступление было встречено аудиторией теплее, чем оно того заслуживало. Те же, кто был им разочарован, оказались слишком вежливы, чтобы открыто выразить свое разочарование.

Совсем недавно он был столь же молод и столь же порывист, как те, кто так внимательно его сейчас слушал. Он мог их жалеть, но не осуждать. Они не были виноваты в той лжи, в которой оказались замешаны.

Он вернулся, чтобы отыскать правду и рассеять ложь. И своими глазами видел, что сейчас это было бы не к месту и не ко времени. Они, конечно же, попытаются его просто изолировать. Или, что еще хуже, обратятся за консультацией к «специалистам» амплитурам. В общем смятении он просто тихо исчезнет.

Хотя знание, которым он был переполнен, почти душило его, он все же довел до конца свою механически заученную речь. Но кажущееся расстояние между ним и аудиторией исчезло, когда он попытался ответить на несколько вопросов.

Даже будучи слепым, он сумел бы отличить ашреганов от измененных людей по характеру и эмоциональности вопросов. Его восприятие изменилось в результате приобретенного опыта и сделанного открытия. Отныне он тонко улавливал различия между ними.

Он осторожно отвечал на манер ашреганов, скрывая ту человечность, которую приобрел на Омафиле. Он даже испытал некоторое облегчение, когда незаметно стал говорить в манере, присущей ему с детства. Он надел на себя маску молодого бойца, народного героя, окруженного друзьями и родственниками.

И долго после этого он не мог забыть лица многочисленных

слушателей, подошедших к нему, чтобы лично его поздравить или поприветствовать. Он не мог не видеть рядом с их сияющими глазами насильственно приставленных костных наростов. Но под внешней оболочкой была спрятана истина.

Воспитанные как ашреганы, они будут посланы убивать людей. Если же их вернут людям, то они с удвоенной ненавистью вернутся и станут убивать ашреганов, которые предали их еще до рождения. Это тоже было правдой, но правдой, которая его не слишком беспокоила. Несмотря на свой юный возраст, он уже знал, что правда редко когда нравится.

Его смятение было почти равнозначным гневу, это помогало контролировать свои чувства. Он был совершенно уверен в том, что уже не сможет быть тем, чем был раньше, но еще не был убежден, что сумеет быть тем, чем является на самом деле. Дома ли, на публике ли, он крайне осторожно вел себя, чтобы никому и в голову не пришла мысль о том, что он ведет себя «по-человечески».

Но его злость, повседневная ярость лишь подтверждали его человеческую сущность.

Новые выпускники не только восполняли понесенные его отрядом потери, но почти удваивали его силу. Он и его друг унифер получили эту статистику и некоторые иные факты во время встречи со старшими ашреганскими офицерами. Но тщетно искал Раньи среди собравшихся своего учителя Коуу-ада. Тот мог бы ответить на многие мучившие его вопросы. Как много он знал? Насколько несведущим по-отечески требовательный инструктор был в отношении биологического происхождения своих учеников?

Возможно, он и отсутствовал как раз по причине своей глубокой осведомленности.

Соратии-еев слегка толкнул его локтем. К ним обращался высокопоставленный офицер.

— Вы отдыхали достаточно долго. Назначение требует вновь того, что в состоянии дать ему только вы. Ваши высадки на Кобу и Эйрросад были лишь репетицией того, что ожидает вас теперь. В этих испытаниях вы сами и ваши отряды отлично показали себя. Завершив то, что было вам поручено, вы теперь должны возглавить историческую атаку на противников разума.

Раньи и его друзья выжидательно заерзали на своих местах.

— Какова наша цель на сей раз? — спросила Коссинза-иив из угла.

Оратор уступил место на подиуме другому офицеру.

— За Эйрросад и Кобу ведется давний спор. Назначение и Узор борются за превосходство там в течение последних уже почти ста лет. — Он сделал выразительную паузу. — Благодаря вашим последним достижениям, самые высшие руководители сочли возможным предложить такой вариант атаки, который еще ни разу не был опробован на наших врагах.

Вынув палочку, он изобразил в воздухе образ чужой звездной системы, вплоть до лун и астероидных поясов. Случайная комета проскользнула через трехмерное пространство, чтобы исчезнуть в дальнем углу комнаты. Внимательные слушатели не обратили на это никакого внимания.

Усилив резкость, оратор обратил внимание на четвертый мир, находящийся за бледным солнцем. Появился знакомый массив земли, скрытый облаками и океанами.

— Это — Улалуабл. — Так как транслятор не был приспособлен к переводу незнакомых названий, офицер медленно произнес его перед аудиторией. — Это мир не слишком большой и не слишком богатый естественными ресурсами, хотя они есть и там. Но этот мир занимает важную позицию, выше которой Узор мог бы вполне провести свою границу, если такие архаичные понятия вообще применимы к Космосу. — Он продолжал манипулировать палочкой. Вспыхивали те или иные секции поверхности, иллюстрируя его речь.

— На поверхности планеты меньше обычного количество островов, благодатный климат, много гор и умеренное количество горных хребтов. На ней имеются высокопродуктивные формы. С той поры, как Улалуабл был колонизирован, он вносил значительный вклад в боевые действия врага. Естественно, он хорошо защищен. — На поверхности планеты вспыхнули световые точки.

Бирачии бросил взгляд на изображение.

— Очень большая разбросанность войск для мира, за который ведется борьба. Где сконцентрированы наши силы? На противоположном полушарии?

Офицер повернул изображение на сто восемьдесят граду-

сов. Разброс световых указателей оказался примерно таким же, как и тот, что они только что видели.

— За Улалуабл пока не ведется борьба. — Когда затихло жужжание удивленных голосов, он снова заговорил. — Это в действительности высокоцивилизованный и высокоразвитый мир, давно освоенный и широко колонизированный вейсами, хотя там и живет незначительное меньшинство гивистамов.

— Следовательно, там мы никак не можем осуществить высадку. — Коссинза сделала выразительный жест в сторону вращающегося изображения. — Оборона сметет нас раньше, чем мы успеем коснуться поверхности.

Офицер повернулся к ней:

— Хотя Улалуабл является высокоцивилизованным миром, там очень развито сельское хозяйство, но по причине гористости местности, там имеются достаточно обширные участки, незаселенные и неосвоенные. Туда неожиданно для противника могли бы высадиться наши войска. К тому же население наверняка не ожидает нападения.

— И с полным основанием, — заметил Соратии. — Кто входит в состав оборонительного гарнизона?

— В основном массуды, с обычным участием технических команд поддержки гивистамов. Есть и люди, но согласно разведывательным данным, их количество невелико. — Оратор серьезно оглядел аудиторию. — Много времени было уделено нами сбору разведывательной информации. Есть немало причин, кроме чисто топографических, почему Улалуабл избран для неожиданной атаки. Значительная часть его оборонительных линий расположена у подножия гор и никак не защищена. Несколько важных центров связи построены неподалеку. Если их можно будет миновать до того, как противник получит подкрепление, это даст нападающим не только тактическое преимущество, но и значительный вес при последующих переговорах.

Этот маневр не использовался раньше потому, что силы ашреганов и криголитов, являющиеся одновременно основной ударной силой, не в состоянии быстро передвигаться от объекта к объекту. Уверенность противника в своей неуязвимости основывается на подобном же знании. Ваши специальные отряды продемонстрировали способность атаковать на большой скорости. С вашими людьми в авангарде наши тактики

уверены, что успешное вторжение в Улалуабл можно осуществить. Местное население — вейсы — конечно же, не в состоянии оказать сопротивление. — Он заколебался. — Думаю, не стоит объяснять, какое влияние подобное поражение может оказать на моральное состояние войск Узора. — Первый оратор торжественно на них поглядел и сказал:

— Если бы подобных вам бойцов было больше, мы бы рассмотрели вероятность нападения на более важный вражеский мир. Улалуабл был избран специально, исходя из его явной уязвимости. Мы всех вас высоко ценим и не желаем жертвовать вами ради простого жеста. Так как планируемая операция уникальна, то и участие в ней не является обязательным. Никаких наказаний в отношении тех, кто откажется принять участие в высадке, приниматься не будет. — Его слова были встречены молчанием. Хотя Раньи хотел сказать многое, но был в состоянии лишь молчать. Старший офицер сделал одобрительный жест. — Я предполагал, что именно таким будет ваш ответ.

Его чуть более молодой коллега внимательно оглядел собравшихся:

— Вас будут поддерживать отборные силы. Опытные ашреганы, криголиты, мазвеки прибудут из других мест, чтобы поддержать ваши удары. Ваша задача — обеспечить скорость и решительность, а не огневую мощь. Если же окажется, что вопреки всем нашим планам эта рискованная операция будет обречена на провал, вас немедленно выведут оттуда, независимо от того риска, которому окажется подвергнут эвакуирующий вас персонал.

— Даже если это будет означать потерю корабля, — добавил старший офицер. — Высшее командование придает большое значение вашим войскам. Хотя мы не думаем, что вы потерпите неудачу. — Конечно, думал Раньи. Оба оратора говорили очень уверенно. В противном случае это предприятие не дошло бы до ступени планирования, тем более не было бы нам изложено.

Сделанное сообщение оставило Раньи и его товарищей в некотором замешательстве. Предложенный план был совершенно необычным для тактики амплитуров — те предпочитали брать противника измором. И такая стратегия использовалась ими в течение тысячелетий. Но они приспо-

сабливались к новым обстоятельствам со скоростью, которая оставляла Раньи в полном ошеломлении. Как же Узор отреагирует на это?

Он и подобные ему станут главными исполнителями этой тактики.

Старший офицер нарушил последовавшее молчание.

— Не случайно всех вас продвинули. Каждого из вас, каждого члена вашей группы. Подобная честь имеет прецеденты, но необычна. Высшее Командование гордится вами и вашими достижениями. — Он поискал в толпе глазами.

— Вы, Раньи-аар, становитесь полным унифером.

Коссинза еле слышно вздохнула. Соратии сидел неподвижно. Если он и был огорчен, что его обошли, то никак не показывал этого. Раньи не думал, что это его встревожит. Со дня первых испытаний они были хорошими друзьями, уважали мнение и способности друг друга.

К должности командира он не стремился, но и отказаться от оказанной чести было немыслимо. Если он так поступит, то его обязательно подвергнут внимательнейшему исследованию. Отныне он уже не сможет прятаться и уклоняться от боя. Он не только не сможет избежать убийств, но ему придется лично направлять эти убийства.

По крайней мере, сказал он сам себе, в качестве командира он сумеет обеспечить безопасность Сагио. Зная, что все ждут от него ответа, он сказал:

— Когда мы выступаем?

— Приготовления займут несколько дней, — ответил ему офицер. — Поэтому у всех будет достаточно времени на сборы и на то, чтобы побыть со своей семьей. Отдыхайте, наслаждайтесь досугом и готовьтесь к новым подвигам во имя Назначения.

Собрание завершилось.

* * *

— Ты позаботишься о себе сам.

Они с отцом стояли в поле за домом и наблюдали за заходящим солнцем. Раньи хотел выкрикивать обвинения и вопросы. Вместо этого он стоял совершенно спокойно, пытаясь проанализировать эмоции, которые его переполняли.

— И присмотришь за своим братом.

Как будто со стороны Раньи услышал свой ответ.

— Да, отец.

Поля тянулись от задней части двора, где они жили, к оранжевому в лучах заката горизонту. В это время года поля стояли под паром, и лишь местами над равниной виднелись силуэты деревьев кекуна.

Когда солнце Коссуута исчезло за горизонтом, оба повернулись и пошли к дому.

— Знаешь, Раньи, ты как-то странно себя ведешь после того, как вернулся домой.

— Разве? — Куски недавно вспаханной земли дали ему возможность как-то занять себя. Он отбрасывал комья земли ногой, другие в задумчивости обходил мимо. Таким же образом в скором времени ему придется вести себя на поле боя.

— Мы с матерью не понимаем, что происходит. Ты уверен, что все в порядке?

Беспокойство отца само по себе мало что доказывает, думал Раньи. И вновь он ощутил, насколько мало знает, и в каком заточении томится его дух. Был ли его разум обманут — или это лишь расчетливый агент? Взгляд на отца ни о чем ему не сказал.

— Извини, если я кажусь тебе слишком погруженным в себя, отец. Ты должен знать, что после боя все чувства бывают притуплены.

— Нет, дело в чем-то другом.

Остановившись, Раньи с трудом выдавил из себя узкую аш-реганскую улыбку:

— Я позабочусь о себе и о Сагио. Будь уверен в этом. — По крайней мере, это обещание он мог дать с полной уверенностью в том, что выполнит его.

Нельзя позволять отцу продолжать задавать вопросы. Отец может начать расспрашивать местных офицеров, а хуже того — обратиться к амплитурам, которые находятся на Коссууте. Эти расспросы могут окончиться тем, что на него обратят пристальное внимание. Даже на далеком Улалуабле. Только осторожность поможет ему сохранить секрет.

Отправление не принесло ему никаких огорчений, до тех пор, пока не пришла минута прощания с сестрой. Она безутешно рыдала, обнимая его за шею. Он чувствовал, как ее тело набирает силу, которой амплитуры желали бы воспользовать-

ся в собственных целях. К своему удивлению, он вдруг обнаружил, что тоже плачет. Выход эмоций, вероятно, успокоил отца, потому что он быстро простился и не стал задавать ему никаких вопросов.

Чувствуя, что видит свой дом в последний раз, Раньи не отрываясь смотрел на него. Транспорт уносил его и Сагио от полей, от дома, от жилого комплекса — от единственного домашнего очага, который он знал.

В этот финальный момент ему предстояло принять решение, чтобы сохранить свой разум. Он решил, что родители его являются такими же невинными жертвами махинаций амплитуров, как и он с братом. Он пришел к этому выводу, вспоминая двадцать лет любви и привязанности, понимания и заботы. Его отец и мать должны оставаться в неведении, потому что любой живой ашреган приходил в ужас от одного упоминания об отвратительных людях. Нет сомнения, что никакое предложение амплитуров не смогло бы преодолеть этот врожденный, глубоко сидящий страх в течение такого длительного отрезка времени. Да, они были обмануты, они были инструментом амплитуров, настолько же невинным, как его маленькая сестра. Они были невинны, потому что ему этого хотелось.

Какими бы глазами они стали на него смотреть, узнай они правду?

Транспорт набирал скорость, ныряя в сплошную темноту ночи.

* * *

Речь трех вейсов-администраторов была столь быстра, столь причудлива, что трансляторы, которыми были вооружены не-вейсы, были не в состоянии сделать эту речь более или менее понятной. Несмотря на переполняющее их возбуждение, трое птицеподобных сохраняли спокойствие. Демонстрировать свое возбуждение казалось им неприличным.

— Почему вы вызвали нас сюда и отвлекли от нашей ежедневной работы? — На шее у говорившей вейс было удивительно красивое оперение, оно не только сообщало о важности данного индивидуума, но и было красиво само по себе. Перья на ее костюме были необычного цвета и тщательно ухожены,

как и у двух ее компаньонов мужского пола. Когда транслятор закончил переводить, с'ван ответил:

— Недавно нам стало известно, что враг готовит нечто из ряда вон выходящее.

— Ну и с какой стати интриги амплитуров должны нас тревожить? — Обеспокоенная тем, что в спешке она могла прикрепить оперение на шее чуть-чуть ниже, чем требовалось администратор взбила перышки на шее.

С'ван удержался от комментариев, которые автоматически возникали в уме, когда имеешь дело с вейсами.

— У нас есть информация, что они планируют нападение на один из первых миров Узора.

Хотя эта новость очевидно огорчила вейсов, как и любого другого цивилизованного члена Узора, они никак это не показали. Сделать это в присутствии посторонних было бы верхом неприличия.

— В это трудно поверить, — сказал наконец один из вейсов.

— Это практически не подлежит сомнению.

— И какой же из несчастных миров станет целью их вторжения?

— Мы не сумели определить... пока. — С'вану надо было на что-то приподняться. Ему приходилось все время задирать голову, борода его вздергивалась вверх, и открывалась чувствительная кожа. — Благодаря нашим разведчикам мы сумели свести число этих миров к трем возможным. — Туо'оленгт, Кинар... и Улалуабл.

Мало что могло бы заставить подняться дыбом перья на шее вейсов, а зрачки их расшириться. Заявление с'вана вызвало именно такую реакцию.

— Как такое возможно? — птицеподобный был настолько огорчен, что чуть не позволил себе задать вопрос с неправильной интонацией — это было бы непростительным промахом. — Амплитуры, естественно, знают, что нападение на любой развитый мир очень скоро будет подавлено.

— И мы так полагаем, — с готовностью согласился с'ван. — Вот почему мы пошли на то, чтобы довести до вашего сведения эту информацию. Ведь если все нынешние приготовления врага делаются с целью нападения, то это будет явлением небывалым еще в истории. Мы не можем рисковать. Или вы хотите,

чтобы мы рискнули, — вы — члены нынешнего Административного Триумвирата Улалуабла?

Полифонический ответ вейсов являл собой пример гармонии и единодушия.

— Именно такой вашей реакции мы и ожидали. — С'ван выглядел удовлетворенным. — Большой Совет принял решение о введении исключительных мер безопасности в упомянутых трех мирах. Если таким образом амплитуры просто хотят, чтобы мы переместили наши достаточно немногочисленные силы, будем считать, что они этого добились. К вам будет направлено все, чем располагает командование в данном квадранте.

— Но зачем амплитурам высаживаться сюда, подвергаясь столь очевидному риску? — пропела мелодично председатель триумвирата.

— Они, очевидно, знают, какими силами располагают. — Хрипловатый голос офицера массуда, сопровождавшего с'вана, звучал контрастом ее мелодичному пению. — Вероятно, вы уже слышали о новых бойцах, которых они используют? Тех, кто нанес им ощутимый урон на Эйрросаде?

— Да мы слышали. Хотя вейсы и не воюют, но мы не безразличны к тому, как развиваются сражения.

Из-за спины массуда выступила наполовину спрятанная в тени фигура.

— Если в качестве цели амплитуры изберут Улалуабл, вам придется быть очень небезразличными.

Хотя выступивший человек не был так же высок, как массуд, он возвышался над с'ваном и над вейсами. Плотного сложения, величественный, с густыми усами и длинными бакенбардами. Хотя они сделали все, чтобы скрыть свою неприязнь к примитивным существам, вейсы не могли удержаться и отступили на несколько шагов от столь массивного существа.

— Нам было бы легче, знай мы на какой именно из трех миров амплитуры собираются высадиться. Но мы не знаем. Поэтому мы вынуждены расположить одинаковое количество оборонительных ресурсов на каждой планете. Улалуабл получит не больше, чем Кинар или Туо'оленгт. Я обещаю, что мы сделаем все возможное для вас, но думаю, вам придется

объявить всеобщую тревогу. Вот почему, правители Улалуабла, мы вызвали вас сюда. Надеюсь, паники не будет.

Чуть более высокий вейс ответил снисходительно:

— Вейсы никогда не «паникуют», сэр.

— Нет, — пробормотал массуд, — они просто застывают от ужаса, лишь учуяв запах оружия.

Председатель блеснула на него глазами:

— Мы сделаем то, что должны. Все необходимые меры будут приняты. Даже в высшей степени цивилизованные существа должны ответить на подобную угрозу. Поэтому как избранный представитель данной общности я обещаю вам полное сотрудничество. Мы не умеем «убивать», но мы в состоянии делать многое другое для собственной защиты.

С'ван поспешил умерить эмоциональный накал союзников.

— Мы знаем, что вейсы не воюют. Помните, что я тоже с'ван, и ведь и мы не воюем. Администратор смягчилась. — Совет одобрит любую помощь, которую вы будете в состоянии оказать. Дополнительный контингент войск скоро прибудет: массуды и люди.

Покрытые перьями головы сомкнулись и о чем-то защебетали. Затем председатель заговорила:

— Вы должны знать, что боевые соединения людей до сих пор еще никогда не находились на Улалуабле. Или на другой планете, заселенной вейсами. Это условие является частью Договоренности.

Уголком глаза с'ван заметил, что человек напрягся. Однако он ничего не сказал, проявляя пример самоконтроля, не слишком типичный для этой расы. Он был высокопоставленным офицером и знал, что в подобной ситуации лучше доверить вести беседу с'вану.

— Весь персонал, состоящий из людей, будет расположен на важных промышленных объектах и объектах связи. В городах их не будет, контакты с местным населением по возможности будут избегаться.

— Нам это подходит, — не смог не вставить реплику человек.

Один из вейсов попытался не обращать внимания на комментарий:

— Мы, безусловно, благодарны нашим друзьям и со-

юзникам за помощь. Нам не остается иного выбора в любом случае.

— Напротив, — сказал с'ван. — Если вы того желаете, оборонительные силы, предназначенные для вашей планеты, могут быть поделены поровну между двумя другими, которым угрожает нападение со стороны амплитуров.

— Не стоит, — поспешно заверила его Председатель. — Просто вы должны понимать, что если вас беспокоят военные проблемы, то нам предстоит иметь дело с деликатной социальной тканью нашего общества.

— Я понимаю, — улыбнулся с'ван в бороду. Из всех рас Узора только с'ваны использовали улыбку чаще, чем люди. — Я только могу надеяться, что целью амплитуров является не Улалуабл.

Три птицеподобных свиста в унисон засвистели, причем тональность свиста слегка отличалась у каждого.

— Мы признательны вам за ваше беспокойство, — сказала дама. — Мы понимаем, что экстраординарные обстоятельства требуют и экстраординарных мер. Мы с благодарностью принимаем прибытие на нашу землю дополнительных подразделений массудов и людей.

— Временное прибытие, — хором добавили администраторы.

Землянин продолжал наблюдать и слушать в молчании. Он слишком давно являлся связным с «цивилизованными» расами Узора, чтобы принимать близко к сердцу их реакцию на свое присутствие. За то, что люди жертвовали своими жизнями во имя остальных рас, к ним в лучшем случае проявляли равнодушие. Он вздохнул. Вейсы и не могли быть иными. В такие времена человеческая доля была весьма тяжелой.

Они будут обеспечивать материальную помощь, но и только. Однажды ему довелось видеть вейса, который совершил неимоверное усилие, чтобы поднять небольшой пистолет и выстрелить, но потом он упал без сознания. Подобный опыт не стоило повторять, даже если Улалуабл будет подвергнут нападению. Защита этого мира ложилась на его плечи и на плечи ему подобных... и массудов, конечно. Ничего не поделаешь. Именно так вертится пульсар, сказал он сам себе.

Он от души пожелал, чтобы собрание поскорее завершилось. Кому-то надо, конечно, поддерживать связь с вей-

сами, ему приходилось брать на себя и эту роль. Это не означало, что такая роль ему нравилась. Как и большинство ему подобных, он был воспитан, как солдат. Ему подходило больше прямое действие, а от дипломатии у него ныли зубы. Он мечтал о назначении в боевое соединение. Даже симпатичный с'ван начинал действовать ему на нервы.

Он провел пальцами по поясу. Как и его сапоги, материал из которого был сделан пояс, был очень легким, прочным и привлекательным, а дизайн и работа были — вейсов. Вот для чего и создан Узор, — размышлял Раньи. Каждая раса вносила тот вклад в общее развитие, который соответствовал ее талантам и способностям. Вейсы занимались дизайном, лепары были хорошими исполнителями, гивистамы лечили и изобретали, с'ваны несли объединяющее начало, о'о'йаны ремонтировали и так далее. Турлоги думали, люди и массуды убивали.

Он утешил себя тем, что специализация, предназначенная людям, по крайней мере была легкой для понимания.

Глава 18

Мрачное выражение, появляющееся на лице Раньи всякий раз, когда он был вынужден покидать свою каюту, обескураживало даже близких друзей, заставляло их отказаться от попыток заговорить с ним и помогало сохранить одиночество на протяжении длительного путешествия в подпространстве с Коссуута. Все знали, что на него легла тяжелая ответственность в качестве полевого унифера. Было естественным предположить, что его поведение явилось внешним проявлением глубоких внутренних раздумий перед предстоящим сражением. Его оставили в покое.

Изоляция полностью устраивала Раньи. Узнай его товарищи истинную причину его затворничества, они пришли бы в смятение и были бы глубоко шокированы. Он не только не занимался разработкой стратегии сражения, но обдумывал, как бы найти способ вообще избежать столкновения.

Много раз он задавал себе вопрос, зачем ему все это? Он был мыслящим человеком, индивидуальностью, застрявшей в

длящейся тысячелетиями межгалактической войне, которую вели биллионы разумных существ. Вокруг происходили события огромной важности, и он, подобно мусору, болтался на гребне волны, ожидая, когда его прибьет к какому-либо берегу, который готовила для него судьба. И не впервые он ловил себя на мысли, что, возможно, лучшим для него будет просто попытаться сохранить собственную жизнь и прожить ее с наибольшим комфортом и совершенно незаметно.

Его постоянно преследовали ночные кошмары, видения его сестры, перерезающей горла людям по велению смутных формаций с щупальцами. А от мыслей было не так легко отделаться, как от друзей.

Что он мог поделать? Они собирались атаковать одну из планет Узора, огромный мир, населенный ультрацивилизованной безобидной расой, именующей себя вейсами. Поскольку само по себе появление вблизи вражеской армии было способно парализовать все население планеты, их должны были защищать массуды и наемники-земляне. Как мог он, полевой унифер, избежать участия в битве и не отдавать приказаний, влекущих за собой гибель множества людей собственного племени? Отчаянно пытаясь найти этот способ, он приходил лишь к тупой безысходности.

Время уходило. Силы вторжения находились менее чем в пяти днях от цели. Началась подготовка к высадке. Ему оставалось только мысленно агонизировать, поскольку он знал, что их спускающийся челнок в любой момоент мог быть сбит в небесах Улалуабла силами защиты либо находящимися на орбите, либо наземного базирования. Его отношение к такой быстрой и легкой смерти стало опасно двойственным.

Но, возможно, хуже всего была правда, ворочающаяся в нем, подобно насекомому, пытающемуся освободиться от своего кокона. Он вернулся к своему народу, чтобы дать ему знания, а оказался не в состоянии сказать ни слова. Безысходность терзала его намного хуже, чем любая перспектива умереть.

Коллеги, видевшие внутреннюю борьбу, отражающуюся на его лице, истолковали все в его пользу.

Он считал, что настоящий причиной падения духа было грозившее ему бесчестье. Но это не могло помешать ни его брату, ни сестре последовать по его стопам. Он просто не мог

выказать свое одиночество людям, которых любил. Ему предстояло найти другой способ.

Приготовления к атаке ускорились, и он с яростным усердием нацелил себя на решение проблемы.

Накануне выхода флота из подпространства он вспомнил доброго Итепу с Лепара. Вспомнил его способность к состраданию и пониманию. Его взгляд на Космос был прост, основателен и не закомплексован. И в этой простоте таилась определенная истина. Он пытался припомнить все, что они обсуждали с лепаром во время его полузабытой поездки из Эйрросада в Омафил.

Когда раздался приказ солдатам надеть вооружение, на душе у него стало немного полегче. Теперь он знал, что ему предстоит сделать. Если все закончится гибелью, о нем, по крайней мере, сохранится воспоминание у потомков.

Увидев, как их унифер решительно направился в посадочный челнок, солдаты гурьбой направились за ним. Очевидно, глубокие раздумья во время путешествия с Коссуута достаточно подготовили его к предстоящему столкновению. Это соответствовало и их моральным принципам.

— Посмотри на него, — толкнул локтем свою подругу недавний курсант, глядя, как Раньи садится в транспорт командира. — Полностью сосредоточен. Он готов ко всему.

— Я слышала, он всегда такой, — молодая женщина с восхищением посмотрела вслед Раньи. — Ты слышал о том, как он вел себя на Эйрросаде?

— Никогда не паниковал и остался с головой на плечах, когда многие свои потеряли. Я рад, что мы в его группе, — подтвердил мужчина, проверяя, заряжен ли его стингер.

— Ради Назначения, — сказал коротышка ашрегану, стоявший неподалеку. — Я рад, что он в нашем отряде!

Они проверили затворы и прицелы и обменялись оружием. Как только челнок коснется поверхности Улалуабла, они сразу попадут в боевые условия, где каждое упущение в подготовке снаряжения может оказаться смертельным. Уж лучше все проверить сейчас.

Зрелище было захватывающим: дюжина громадных звездолетов неожиданно и одновременно материализовалась из подпространства прямо над слоем облаков зелено-голубого Улалуабла. Ничего не было видно, за исключением тревож-

ных сигналов автоматической орбитальной системы планетной защиты, которая тотчас среагировала.

Когда корабли выпустили челноки, подобно нерестящимся монстрам, бортовым расчетам удалось кое-как справиться с огненным адом на орбите. Один корабль был уничтожен самонаводящейся миной, вдруг раздался взрыв, и транспорт превратился в пылающую массу из металла, газа и органических компонентов. Обжигающий вакуум моментально ослепил все приборы в пределах досягаемости. Пять других кораблей были сильно повреждены сверхмощными лазерными пушками.

Оставшиеся выгрузили свой смертоносный груз с невероятной скоростью и ушли. Металлокерамические полумесяцы нырнули в облака и отправились к ожидающей их поверхности, где их содержимое рассеялось и с большой живостью кинулось искать убежище.

Не каждому челноку удалось приземлиться. Некоторые были уничтожены с земли. Другим не удалось вернуться на быстроходные летательные аппараты. К тому времени, когда уцелевшие звездолеты вернулись в безопасную астрофизическую анонимность подпространства, большая часть персонала армады успешно высадилась и рассеялась. Теперь, если бы защитники Улалуабла решили использовать тяжелое вооружение против нападающих, они бы поставили под угрозу существование значительной части того самого мира, который должны были защищать.

Обычно уничтожение или выведение из строя половины атакующих кораблей было достаточным, чтобы прекратить вторжение, но только не в этот раз. Слишком много было поставлено на карту Амплитуром. Десант рассеялся по поверхности планеты. Пора было посмотреть, что же сможет сделать ударная группа под предводительством ашреганов.

Челнок Раньи тяжело опустился на поросшую травой поляну, окруженную необычайно тонкими высокими деревьями, и здорово тряхануло солдат и оборудование. Чахлая растительность давала некоторое укрытие от патрулирующего летательного аппарата, равно как и свинцовые облака, из которых сыпался мелкий дождик. Десант начал высадку, а экипаж челнока остался за пультом, следя за оборудованием, контролирующим с полдюжины транспортов над головой, стараясь дезориентировать вражеские сенсоры.

Под командованием Раньи находились около тысячи ашреганских солдат, перемещающихся на «скатах» и «летунах». Они быстро развернулись, натянув камуфляж и образовав периметр, пока инженеры откапывали яму поглубже, чтобы замаскировать челнок. Обслуживаемый и защищаемый собственным экипажем, он будет служить в качестве полевой базы, центра связи и если будет необходимо, средства отхода.

Их целью была контрольная станция главного распределения энергии для всей северной части планеты. Подобно любому промышленному комплексу в мире вейсов, он располагался недалеко от ближайшего населенного центра.

Запутанная сеть дамб в ближних горах сохраняла воду для ирригации и гидростанции. Было бы несложно уничтожить их с помощью ракет наземного базирования, но это стоило бы им потери роли очевидных победителей. Более разумным был бы захват комплекса, вырабатывающего и распределяющего генерируемую энергию.

Если бы группе Раньи удалось захватить комплекс, они могли бы контролировать подачу энергии для половины населения Улалуабл. К тому же защитники не могли бы вышибить их оттуда, не боясь уничтожить важные компоненты собственной аккумуляторной пластины. Успешное нападение на центр основательно ослабило бы местные коммуникации, промышленность и транспорт.

Даже если бы их предупредили заранее, вейсы едва ли были физиологически подготовлены к нападению. Слушаясь призывов выбранных ими руководителей, они не стали паниковать: они просто-напросто заперлись в своих домах и ожидали, кто возьмет верх, — нападавшие или защитники. В неплотно заселенных регионах, где высадились захватчики, было сложнее делать вид, что ничего такого не происходит. Некоторые жители эвакуировались, другие забаррикадировались на своих рабочих местах, а маленькая группа впала в кататонию.

Из всех рас, населявших Узор, вейсы были, возможно, хуже всех приспособлены к тому, чтобы решать конфликты вооруженным путем. Сама мысль о том, что их тщательно ухоженный садик-мир станет объектом боевых действий, была достаточной моральной травмой для наиболее чувствительного большинства. Они предоставили гивистамам, жившим на

Улалуабле, поддерживать заброшенную планетарную инфраструктуру и помогать защитникам в продвижении войск и обозов.

Вторая группа захватчиков быстро продвигалась к коммуникационному центру столицы, где наткнулась на маленькую, но хорошо укрепленную позицию решительно настроенных массудов. Поскольку у защитников было вооружение класса «земля-воздух», «скаты» и «летуны» атакующих были не в состоянии добраться до выбранной ими цели.

Захватчики были вынуждены приземлиться и занять безопасную позицию, что дало осажденным массудам время вызвать из города подкрепление, куда входил летающий эскадрон людей, бесстрашно воевавших с ашреганами и не заботящихся о собственной безопасности, портя жизнь униферам, ответственным за атаку, разнося в пух и прах их тщательно составленные планы.

Несмотря на то, что большая часть военных действий ограничилась отдаленными районами, среди гражданского населения не обошлось без потерь... от сердечной недостаточности, шока и церебрального паралича. Ученые-вейсы (которые сами не впали в паралич) были заняты уходом за сородичами.

Команда Соратии успешно выбила из-под контроля защитников улалуаблский космопорт. Если им удастся закрепиться, то это откроет возможность для быстрейшего и более безопасного снабжения всем необходимым с орбиты. Эту свою первую важную победу радостно отметили все экипажи сил захватчиков.

Группа Раньи получила это известие в то время, когда они приготовились к атаке на намеченную цель, а их «скаты» и «летуны» неслись над землей на предельной скорости. Так как все их внимание было сосредоточено на сенсорах и системах вооружения, радостная новость была воспринята молча.

И снова близкое окружение приняло молчаливость и отрешенное выражение лица командира за твердую решимость и отвагу. Если бы они смогли разглядеть боль и неуверенность, теснившие ему грудь, они утратили бы уверенность не только в своем унифере, но и в самих себе.

Снедаемый непрекращающимися сомнениями и растерянностью, Раньи оставил принимать необходимые решения своим подчиненным: Веенну и Тормасту. При отсутствии ука-

заний сверху гибкая командная структура группы позволяла им умело провести ударную группу сквозь скалы прямо к намеченной цели. Затянувшееся молчание Раньи по мере приближения к узкой долине, выбранной в качестве места сосредоточения войск перед атакой, начало тревожить их, но они ничего не сказали. К этому моменту их унифер был уже хорошо известен своей частой сменой настроений.

Подземные линии передавали электроэнергию от десятков различных источников к главному распределительному центру, расположенному на плодородной равнине между ближайшим населенным пунктом и горами. Было решено начать атаку ночью. Несмотря на тысячелетнюю историю развития вооружений, обыкновенная темнота по-прежнему оставалась определенной маскировкой для солдат, преимуществом которой были всегда рады воспользоваться стратеги. Отсутствие видимых геологических особенностей рядом с целью мешало подобраться незамеченными.

Раньи надеялся, что защитниками комплекса окажутся массуды. Как он узнал по физиологическому строению вейсов, настоящие операции «вероятнее всего» организовывались местными гивистамами. Всякое укрепление, возможно, было выстроено недавно, так как, подобно любому другому цивилизованному миру вейсов, Улалуабл была плохо подготовлена к серьезному нападению. Следовательно, сопротивление здесь могло быть организовано хуже, чем на Кобе или Эйрросаде. Им необходимо было продвигаться вперед, так как слишком небольшая территория находилась под их контролем, а значит, и места для отступления было немного.

Он не сомневался, что защитники комплекса были готовы встретить любого незванного гостя. Отвесные скалы и узкие ущелья защищали некоторым образом даже от современного оружия, они будут выжидать нападения скорее отсюда, чем с открытых равнин юга, хотя, безусловно, будут готовиться к атаке с любой стороны. Местная геология оставляла лишь небольшую возможность маневра для искусного стратега.

Исход сражения будет зависеть от того, чьи воины будут более ловкими, более решительными, и каким оружием воспользуются защитники.

Кто бы они не были, смелость не являлась их отличительной чертой. Когда отряды Соратии впервые совершили вылаз-

ку, их встретил огонь, и они быстро отступили. Если бы Раньи стоял во главе защитников комплекса, он немедленно перехватил бы инициативу и начал контратаку, хотя бы для того, чтобы проверить силу и смелость нападавших. Засевшие внутри распределительной станции этого не сделали. По классическому сценарию, они предпочли сидеть за своими экранами, сенсорами и оружием и ждать следующего вражеского шага.

Потом ему пришло в голову, что люди, возможно, чувствуют себя ненамного лучше в данной ситуации. Он с облегчением улыбнулся, неожиданно осознав, что делает, и быстро обвел взглядом командный «скат», не заметил ли кто-нибудь неестественное, неашреганское выражение его лица. Никто не заметил. Все были заняты работой или разговором. В будущем ему необходимо быть более осторожным. Если, конечно, у него есть будущее. И каким оно еще будет?

За долгое путешествие с Коссуута у него было достаточно времени, чтобы все обдумать. На Улалуабл он прибыл, смутно догадываясь, что хочет сделать. Все, что сейчас происходило, было способом осуществить задуманное, не погибнув при этом самому и не погубив своих друзей, внося свои коррективы в ход сражения, которым ему предстояло руководить. Не такая уж сложная задача.

Практические знания, приобретенные им на Кобе, Эйрросаде и даже Омафиле, учили его прощупывать оборону противника с небольшими потерями. Хотя и построенные наспех, эти укрепления были достаточно прочными. Воины Соратии сунулись туда и рапортовали о об имеющихся лучевых орудиях, ракетах с тепловым наведением и с наведением по корпусу, мыслящие взрывные устройства, а также защитный купол, моментально уничтожающий приближающийся летательный аппарат, не говоря уже о том, что расщеплял при этом находящихся внутри на атомы. К комплексу было довольно сложно приблизиться и почти невозможно захватить.

На руку нападающим был тот факт, что в цивилизованном мире подобные установки не были рассчитаны на оборону. Большая часть распределительного комплекса находилась над землей, здания и сооружения были воздвигнуты с большим эстетическим вкусом и окаймлены роскошными цветущими садами, типичными для архитектуры вейсов. Защитникам

также будет мешать необходимость поддерживать деятельность станции, одновременно отбивая атаки захватчиков.

Раньи понял, что если хочет добиться какого-нибудь результата, ему нужно действовать быстро. Как только оборонительное командование Улалуабла идентифицирует цели атакующих, они сразу же перебросят подкрепление в районы боев. Ему вовсе не улыбалось застрять надолго в горах. Что бы он ни решил предпринять, он сделает это с максимальной скоростью.

Происходящие время от времени обмены ракетными ударами производили много шуму и пламени, но не наносили серьезных повреждений ни одной из сторон, так как в дело вовремя вступали системы противоракетной защиты. Лучевые орудия были в резерве, так как использование новейших технологий тут же влекло за собой обнаружение их расположения вражескими сенсорами и вызывало ответный огонь.

Продолжавшаяся весь день перестрелка была громкой и яростной, но не закончилась ни продвижением вперед, ни отступлением. Защитники-массуды и гивистамы вскоре поняли, что нападавшие стремились захватить, а не уничтожить распределительный комплекс, и в соответствии с этим строили свою оборону.

Слегка покатая равнина у подножия гор была изрезана несколькими довольно сухими оврагами, природными водяными руслами, по которым уходила вода в дождливый сезон. Раньи начал изучать их в бинокль с самого момента прибытия его группы. Теперь он оставил свое место во главе командного «ската» и подошел к стоящему рядом Бирачии, своему адъютанту.

— Мне нужен «летун». — Он указал на развернувшееся перед ними грандиозное воздушное представление, которое в древние времена назвали бы полем битвы; его палец прослеживал один из летающих аппаратов, пока тот не сел среди синих всполохов света.

— Кажется, у этого отряда дело продвигается. Хочу проверить, как там у остальных.

— Прошу прощения, Раньи? — Бирачии неуверенно посмотрел на него.

— Я пойду наружу. Мне необходимо осмотреться.

Субунифер колебался.

— Но ведь ты командир группы, Раньи. Тебе достаточно просто сказать, что именно тебе необходимо. У нас много солдат и на борту и снаружи, которые с радостью выполнят твои указания.

— Спасибо, Бирач, но мне необходимо сделать это самому. Понимаешь, я хочу не просто осмотреться. Мне пришла в голову мысль о рекогносцировке, — он обернулся. — До моего возвращения за старшего остается Джинда-иер.

Бирачии не пытался скрыть своего удивления. Джинда-иер, полностью компетентный офицер, происходил из чисто ашреганского контингента и не был видоизменен.

— Это неправильно, — возразил он и Раньи ощутил заботливые прикосновения друга, — и не соответствует учению Назначения.

— Бирач, с самого детства нас отмечали и поощряли за выполнение невыполнимого. Я просто следую по старым стопам. Не волнуйся. Мне нужно переговорить с начальником отряда. Я обязательно вернусь и возглавлю атаку. Перестань пялиться на меня, как влюбленный юнец, и подай сюда «летуна».

Глава 19

В горах и распределительном комплексе стороны обменивались минометным огнем, время от времени уничтожая друг друга яркими взрывами. Другие испускали нервно-паралитические газы, быстро и без особого вреда рассеиваемые специальными нейтрализаторами. Быстро мутирующие биологические шпионы не были еще утилизированы, поскольку обладали неудобной особенностью заражать тех, кто с ними работал.

Подожженная взрывами прилегающая к театру военных действий растительность кольцом окружала «летун» Раньи, выбравший местом своей посадки каньон. Хвойный лес, покрывавший расщелины скалистых гор, превратился в потрескивающий и стреляющий искрами костер. Он не обращал внимания на пожар. Невесомое полевое снаряжение создавало

ему прохладу и комфорт, одновременно снабжая свежим очищенным воздухом.

Прямо перед ним взорвалось от огненного шара огромное дерево, осыпав его дождем горящих щепок. «Летун» слегка качнуло, но с курса он не свернул, а продолжил спускаться на дно каньона, достаточно узкого для воздухоотталкивающего летательного аппарата, чтобы разбрызгать воду при взлете с заваленной обломками речушки, грязно маячившей внизу.

Потом он покинул район предгорья, протиснувшись сквозь ущелье. Дым от горящей равнинной травы и кустарника окутал все вокруг красно-коричневыми клубами, сгустившимися в ущелье, лишив возможности видеть впереди дорогу и заставляя его полагаться лишь на приборы.

Информированные о его намерениях бойцы разведгруппы поджидали его, сидя по обоим берегам узкого засыпанного сажей ручья. Когда из марева вырисовались очертания фигур, он осторожно остановил «летун». Под шасси захрустел гравий.

Что-то юркнуло в грязи у его сапог. Посмотрев вниз, он разглядел темно-зеленое многоногое существо, отчаянно пытавшееся добраться до безопасного места в неглубокой воде. Какая-то местная рептилия или земноводное. На одно мгновение не измученная войной и неразберихой, незапятнанная проклятиями Вселенная застыла. В ней ничего не шевелилось, ничего не существовало, кроме него и бедного обитающего в грязи создания у него под ногами, по несчастью, попавшему в самую гущу сражения высших существ. Он вспомнил Итепу.

Носком сапога он осторожно перенес существо через последнее препятствие на тропинке и смотрел ему вслед, пока оно не укрылось под засыпанной пеплом водяной поверхностью.

Его приборы зафиксировали три военных «ската» и с полдюжины сопровождающих «летунов», вытянувшихся в линию на дне извилистого каньона. Это было все, что позволяло сделать ущелье. Если бы оно продолжало сужаться, им пришлось бы двигаться вперед поодиночке. Предводительница отряда ашреганов была больше озабочена тем, как избежать обнаружения противником, чем открытием ответного огня.

Естественно, она была уверена, что командир ударной группировки, Раньи-аар, полевой унифер, появится в самой гуще событий.

— Приветствую, вас, благородный унифер.

Она была мала ростом даже для невидоизмененных ашреганов, но в словах ее приветствия и в выражении лица, которое он мог разглядеть сквозь защитное стекло, ощущалась сила.

— Вы хотите лично возглавить отряд?

— На этот раз, офицер, — он бросил нетерпеливый взгляд через ее плечо. Регулярные войска смотрели в его сторону, не в силах скрыть любопытство. Среди видоизмененных он узнал субуниферов Турмаста и Веенна, знакомых по эйрросадской кампании. Он сможет сработаться с ними.

— Под вашим началом есть молодой субунифер по имени Сагио-аар?

Густой дым делал формальности излишними. Она ответила с узкой ашреганской улыбкой.

— Ваш брат на втором транспортном «скате», сэр. Если вы хотите увидеть его, я могу...

— Нет. Просто проверяю полученную информацию. Мне бы хотелось, чтобы вы продолжали наступление, офицер.

Она спокойно смотрела на него.

— Мы здесь очень заметны, сэр. Ситуация может стать... непредсказуемой.

Он смотрел ей прямо в глаза, не мигая.

— Как вы, должно быть, слышали, унифер, я не служащий канцелярии. Я ожидаю обострения ситуации. Честно говоря, даже рассчитываю на это. Кто-то ведь должен нанести первый удар.

— Да, сэр.

— Если у меня появятся какие-нибудь предложения, я дам вам знать. Пока же это ваш отряд. Я буду ждать ваших действий.

Она повернулась и резко отдала приказания подчиненному, который быстро склонил голову набок в ашреганском жесте «есть» и стал передавать указания по рации, висевшей у него на шее.

Мгновение спустя солдаты стали забираться в «летуны», а три «ската» поднялись в наполненный дымом воздух. Раньи передал свой транспорт другому солдату, решив присоединиться к командиру отряда на борту ее «летуна».

Группа продолжила осторожное продвижение по извилистому каналу; сенсоры были широко раскрыты и

выискивали любой намек на вражеские силы обороны. Приборы зафиксировали впереди небольшие речные пороги, и летательные аппараты завибрировали немного сильнее, когда один за другим преодолевали порог, слегка подскакивая, скользя по дну канала.

Воздух над головой стал чище. Овраг действительно менял направление на протяжении всего пути от гор к подножию, проходя через территорию распределительного комплекса.

— Замаскироваться! — рявкнул отрядный унифер. В сочетании с плавающей гарью от множества костров рассеивающие приборы помогут скрыть их присутствие.

Они находились достаточно близко, чтобы увидеть атакующий транспорт Узора, поднимающийся из лагеря противника и направляющийся к северу. Расположенные поблизости тонкие высокие опоры дрожали от напряжения, неся на себе купол. Они пульсировали, подобно головням, на сенсорных экранах «ската».

Не реагируя на такое искусственное принуждение, ущелье уходило все дальше, прямо в сердце распределительного комплекса. В дождливый сезон оно, должно быть, наполнялось доверху, решил Раньи, мощный поток заполнял русло, временно занятое грязным ручейком.

Комплекс был сконструирован для выполнения специфических функций, к которым оборона от инопланетного нападения не относилась. Его наспех построенный купол был способен отразить атаку «скатов», «летунов» и прочего воздухоотталкивающего транспорта, двигающегося над землей.

Технология современных приемов ведения войны стала настолько сложной, что в горячке боя иногда забывали о простейших вещах.

Если они пойдут цепью на минимальной скорости, вполне возможно, что им удастся избежать встречи с защитниками центра. Из купола произойдет некоторая утечка, но если только он полностью не ошибается в его конструкции, их полевое вооружение поможет избавиться от нежелательных эффектов.

То, что предполагал командир отряда, было существенно. Спустя довольно долгое время после проработки деталей и, придя к такому же выводу, Раньи позволил ей продолжать болтать до тех пор, пока не пришло время одобрить план, что он и сделал без малейшего колебания. В конце концов их изна-

чальные цели совпадали: требовалось благополучно проникнуть за вражеские оборонительные позиции. И только после этого их намерения разойдутся.

Ее подчиненные с энтузиазмом выслушали план. Предвкушение победы и быстрого продвижения по службе наполнило умы собравшихся в командном «скате».

— Если у нас получится, — пробормотал один из них, — мы сможем переломить ход сражения.

«Вернее, чем вы считаете», — подумал с одобрением Раньи. Его попытка осуществить свой план вполне могла закончиться гибелью Сагио и всех его друзей, не считая его самого. Он не проживет с таким грузом ответственности за неудачу.

Но он достаточно долго ждал. Наступило время действовать. Если он не приступит к своему плану, то так никогда и не узнает о последствиях. Если ему хоть немного повезет, он будет единственной жертвой. Он едва ли мог рассчитывать на возможность успешного исхода.

Они разрабатывали линию наступления, когда он решил высказать возражение.

— Мне очень неприятно указывать вам, — субуниферы и их командиры посмотрели на него, — но нас слишком много. — Он остановил поднявшийся было ропот движением руки. — Мы никак не сможем провести три транспортных «ската» и полдюжины «летунов» незамеченными.

— Что вы предлагаете?

— Успех этой маленькой высадки зависит от внезапности, а не от количества. Думаю, нам нужно двигаться компактной, плотной группой, созданной из вашего отряда. Ничего не имею против других, но я имею в виду солдат с Коссуута. Они получили одинаковую подготовку, они хорошо знают друг друга, чтобы действовать в данной ситуации. У нас будет меньшая огневая мощь, но мы будем ее лучше контролировать. Тем более, что прибывшие с Коссуута имеют человеческое телосложение и даже внешность. Если мы проникнем внутрь, защитники растеряются, увидев нас, а любое промедление будет нам на руку. Наше передвижение ночью лишь усилит их замешательство. Те, кто участвуют в первой атаке, будут держаться в тылу в качестве подкрепления или прикрытия возможного отступления.

Она ждала, пока он выскажется.

— Таким образом, — заключил он, — я хочу, чтобы вы взяли с собой оставшихся четырех солдат на двух «скатах» и четырех «летунах», заняли позицию в ущелье и стали ждать.

— Да, сэр, — неуверенно произнесла она. — Ждать чего, унифер?

Раньи не стал колебаться.

— Развития событий.

Командир отряда почесала пальчиком кончик носа.

— То что вы сказали о приеме внезапности не лишено смысла, унифер, но в моем отряде не больше 20-30 солдат с Коссуута. Боюсь, что если вы выступите с такой малочисленной группой, вам не удастся в полной мере воспользоваться неожиданным появлением.

Среди ее подчиненных послышался ропот. По молчанию Турмаста и Веенна Раньи понял, что они были на его стороне.

Однако других он не убедил. Спор продолжался, командир отряда оказалась упрямой. Рано или поздно кто-нибудь додумается направить это предложение в полевой штаб. Он знал, какой дадут там ответ. Это будет означать конец всем его планам. Не мог он также и ждать, когда подвернется другая возможность. Он должен убедить ее.

Глядя прямо в глаза ашреганки, он попытался настроить ее на волну своих мыслей.

— Я понимаю вашу тревогу, но либо мы последуем моему плану, либо вообще ничего не предпримем. — Он нагнулся так близко, как только позволяли приличия, зрительно уменьшив свой могучий рост. — Вы же понимаете, что должны придерживаться моего плана?

Она начала было возражать, но смолкла и заморгала.

— Да, конечно, вы правы. Так и сделаем. Извините. Просто я не сразу поняла.

Тон ее голоса был абсолютно ровным, когда она обращалась к своим удивленным подчиненным.

— Полевой унифер прав. Его план лучше.

Когда Раньи выпрямился, она повернулась к нему.

— Мы займем намеченную вами позицию и будем ждать последующих приказов.

— Хорошо. — Хотя Раньи был доволен, хоть и немного удивлен той скоростью, с которой она подчинилась. — С

меньшим количеством войск мы сможем проникнуть внутрь и отступить намного быстрее.

— Да, унифер, — согласилась она. — Как скажете, унифер.

Густой дым и сгущающиеся сумерки скрыли маневры солдат передислоцирующихся, в ущелье согласно новым указаниям. Когда все было готово, два «летуна» и один транспортный «скат» в авангарде колонны были заполнены только солдатами с Коссуута.

— Вы уверены в том, что знаете, что делать? — Раньи и ашреганка стояли по щиколотку в грязи, вглядываясь в окружавшую их полную темноту. Все бортовые огни и фары транспортов были погашены, чтобы в лагере противника никто не заметил их передвижений.

— Да, благородный унифер. Я занимаю оборонительную позицию и жду развития событий.

— Не забудьте.

Если она и считала его замечание излишним, то предпочла не подчеркивать этого.

Стоя рядом с Турмастом и Веенном, он смотрел, как два тяжело загруженных «ската» и сопровождавшие их «летуны» возвращались обратно в каньон. Вскоре они были проглочены наполненной дымом ночью.

— Ты быстро переубедил ее, — заметил Турмаст. Раньи смотрел вслед последнему «летуну».

— Не особенно. Мой план лучше.

— Действительно?

Он поморщился и повернулся к своему другу.

— Ты не веришь в мой план.

Турмаст улыбнулся той самой знакомой узкой ашреганской улыбкой.

— У меня есть свои сомнения.

Он бросил взгляд на Веенна.

— Но мы верим в тебя, Раньи. Из-за того, как ты зарекомендовал себя дома. Из-за Кобы и Эйрросада.

Раньи был более потрясен, чем мог сам себе признаться. От него требовалась осторожность. Если он утратит уверенность, то они, а не командир ашреганского отряда, доведут его ничем не оправданную тактику до сведения высшего командования.

Конечно, если дело дойдет до этого, то все его планы и

надежды провалятся, а что случится с ним, не будет иметь значения. И он знал, что если попытается воздействовать на Турмаста так же, как и на ашреганку, этот крутой коссутский сержант просто рассмеется ему в лицо. С этого момента все должно идти гладко. Времени для объяснений и второй попытки просто не будет.

Турмаст был прав. Командир отряда сдалась с удивительной легкостью. Об этом стоило продумать... позже.

Сагио ободряюще махнул Раньи и двум сержантам, садившимся в остановившийся «скат». Раньи поймал себя на мысли, как выглядел бы его брат без генетически сконструированных черепных гребней и неестественно выдающихся надбровных луг, с выступающим носом и ушами и укороченными пальцами. Если все пройдет согласно плану, то вскоре у него будет шанс это узнать. Выражение его лица оставалось выдержанно-нейтральным.

— Мы будем ждать полуночи по местному времени, — сказал он подчиненным.

Когда времени больше не осталось, он собрал вокруг себя сержантов солдат. Связные доносили его слова до оставшихся в «летунах» снаружи.

— Я хочу всех вас проинструктировать. Поскольку «летуны» более компактны, они попытаются преодолеть пропасть первыми, держась как можно ближе к земле. Если им удастся остаться незамеченными, целыми и невредимыми, остальные последуют за ними на «скате».

Если радиация купола не поджарит нас и наш транспорт, то согласно плану мы продолжим спуск по ущелью, пока не достигнем дна. Там из «летунов» высадится десант и попытается пробиться на территорию комплекса. Так как к тому времени мы уже будем находиться внутри защитного периметра, сильна вероятность того, что отдельные здания не будут охраняться.

Если прорыв окажется успешным, последуют остальные, разбившись на двойки и тройки. Единственно, чего следует избегать, это скопления большой группы, которая легко привлечет внимание.

Солдат, стоявший позади, поднял руку.

— Прошу прощения, унифер, но если мы оставим здесь наш транспорт, то останемся без тяжелого вооружения.

— Верно, но помните, что мы хотим захватить этот комплекс, а не разрушить его. Мы будем менее заметны без него и как только окажемся внутри, наша маневренность будет облегчена. Если же дело примет крутой оборот, мы всегда можем вернуться в ущелье и воспользоваться им. — Он окинул взглядом слушающих. — Я хочу, чтобы каждый из вас понял, что мы должны стремиться избежать столкновения. — Ропот в толпе усилился. — Никакой стрельбы, никаких убийств, разве что в целях самообороны. Если нам удастся держаться хладнокровно, то, возможно, мы бесшумно захватим станцию.

— На Эйрросаде мы делали по-другому, — на этот раз из группы послышались возражения. Раньи не стал тратить времени, чтобы рассмотреть спорщика.

— Это не Эйрросад, — тихо напомнил он им. — Это цивилизованный мир, заслуживающий, чтобы его сохранили. Наша цель заключается в нанесении минимальных разрушений. Любой идиот может стрелять в то, что движется. Настоящий же солдат должен знать, когда выстрелить.

— Это неестественно, — сказал кто-то еще.

Ирония этого замечания не ускользнула от Раньи.

— Знаете, вы начинаете рассуждать совсем как люди.

На это крайнее оскорбление возражений не последовало.

— Что произойдет, если мы проникнем внутрь? — произнес Веенн в оглушительной тишине. — Там будет освещение. При свете мы меньше похожи на людей.

— Как и наше оружие не похоже на человеческое, — признался Раньи. — Мы не обманем никого, кто решит, что мы — люди, но наши фигуры на расстоянии достаточно напоминают человеческие, и они могут засомневаться, а кто сомневается — проигрывает.

Глаза Турмаста сузились.

— Это человеческое выражение, Раньи. — Имею в виду его пригодность, а не происхождение, — Раньи посмотрел на своего подчиненного и друга, обратив внимание на черты лица, которые больше не выглядели естественными. По опыту он знал, что их можно переделать, но сначала ему нужно удалить сомнения и невежество и сохранить жизнь окружающим, чтобы произвести необходимые приготовления к интеллектуальной и эмоциональной хирургии. Его открытие не пойдет на пользу мертвым.

— Это безумие, — пробормотал Веенн, — и именно то, чего можно от тебя ожидать, Раньи-аар. И, возможно, это сработает.

— Если у тебя получится, — сказал Турмаст, — ты будешь величайшим героем после Сиввон-оу с Антари.

— Я не стремлюсь стать героем. Я просто пытаюсь максимально выиграть с минимальным риском для жизни, — Раньи повернулся и оценивающе посмотрел в темноту, затянутую туманом. — Если последняя информация, полученная нами, верна, то комплекс в настоящее время обслуживается в основном гивистамами с помощью массудов, с'ванов и других рас. Несомненно, среди них будут и люди.

— А пусть хоть все они будут людьми, — сказал кто-то у него за спиной. — С тобой мы справимся с ними, унифер!

— Я теперь отвечаю за кое-что большее, чем ваша безопасность. — Он посмотрел на хронометр. — Очень хорошо. Но еще не время. Приготовьтесь, особенно те, кто отвечает за оружие и сенсоры. Врагу, чтобы расстроить наш план, достаточно всего лишь перелететь через ущелье и посмотреть вниз.

Когда они наконец двинулись в окружающей их туманной безлунной ночи, темнота была просто адской. Всполохи света временами вспыхивали над головой, когда разведывательные мины и ракеты обнаруживали и уничтожали друг друга с веселой решимостью. Энергетические прожекторы пускали лучи в разных направлениях, поджигая атмосферу и почву, выискивая врагов. Раньи наблюдал за этим танцем смерти со стороны: это намного затрудняло работу систем обнаружения защитников.

Несмотря на расхождения во мнениях, гроза пришла с востока. Ветер и проливной дождь рассеяли клубы дыма и разогнали противоборствующих солдат в поисках убежища. Обстрел прекратился, гром и молнии лишь сбивали чувствительные детекторы с обеих сторон. Раньи понял, что теперь им нужно поторапливаться. Если ущелье, по которому они двигались, наполнится водой с предгорий, весь его план полетит к черту. Ни «скаты», ни «летуны» не могли действовать под водой, не говоря уже об их пассажирах.

Все затаили дыхание, когда первый «летун» опустился за слегка освещенной стеной купола. Генерирующий столб с левой стороны оврага светился на экране пилота, его смертонос-

ные очертания были четкими и ясными, несмотря на проливной дождь.

За первым почти срезу же последовал второй «летун», опустившийся в том месте, где «скаты» тащились по грязному дну ущелья. Оказавшись по ту сторону заряженного аэрогелем купола, пилот развернул «летун» и дал знать, что они благополучно совершили перелет.

Более громоздкий, менее маневренный транспортный «скат» поднялся и медленно двинулся вперед, его воздухоотталкивающие приспособления работали на минимальном режиме, необходимом для отрыва «ската» от поверхности. Внимание Раньи переключалось то на сенсоры, которые должны были подать сигнал, если купол начнет воздействовать на бортовое оборудование, то на прикрывающий тылы детектор. Он боялся, что в любой момент в ущелье хлынет водный поток и вынудит их двигаться быстрее по опасному рельефу.

Но уровень воды оставался неизменным, и сенсоры молчали.

Оказавшись внутри защитного периметра, три машины перегруппировались на случай, если их слабое излучение будет замечено защитниками комплекса. Лучевые коммутаторы не работали. Вместо этого Веенн давал указания пилотам «летунов», вскарабкавшись на нос транспортного «ската» и крича им сквозь пелену дождя. Раньи улыбнулся про себя. Вот до чего докатилась современная технология. Ее непреодолимым недостатком было то, что, несмотря на гениальность конструкций, как только ими начинали пользоваться, электромагнитный сектор тут же засекался не менее современным сенсорным оборудованием противника. Голоса же людей приборами не фиксировались.

Продолжая продвигаться на минимальном режиме, три машины углубились в самое сердце распределительного комплекса, следуя по извилистому ущелью. Все замерли, когда громоздкий грузовой «скат» с грохотом проехал мимо них. Это был не военный транспорт, на его борту не было сенсоров, а экипаж твердо следовал к назначенной цели, а не смотрел по сторонам, поэтому кучка захватчиков осталась незамеченной.

В том месте, где ущелье резко поворачивало на запад, оно слегка расширялось, окаймленное крутым берегом с одной стороны и полосой вязкого грядного песка с другой. Там они вы-

грузились из своих машин. Турмаст больше других возражал против необходимости оставить тяжелое вооружение, сложенное на «скате». Все двигатели были выключены, когда солдаты собрались снаружи под дождем.

— Помните, — предупредил их унифер; забрало его каски было поднято, подставляя лицо дождю, — с этого момента вы должны попытаться походить на людей, ходить, как люди, думать, как люди. — Солдаты нервно засмеялись, еще не подозревая, что их призывают походить на самих себя. Растущая ирония грозила вывести Раньи из равновесия.

— Что произойдет, если нас засекут?

Он всмотрелся в Веенна сквозь проливной дождь.

— Мы — военный отряд и собираемся захватить намеченные позиции. Никто не выстрелит, никто не сделает враждебного жеста, пока я не дам знак. Я урегулирую любой конфликт без помощи переводчика.

Турмаст стоял рядом с ним. Совсем близко.

— Я не знал, что ты говоришь на языке людей, Раньи. — Ливень приглушал его слова. — Когда ты успел его выучить?

— А чем, ты думал, я занимался все это время, когда ни с кем не разговаривал? Ты еще многого обо мне не знаешь, Турм. Не удивительно, если ты и о себе так же мало знаешь. — Он вышел на дождь, оставив своего друга и подчиненного задумчиво смотреть ему вслед.

Разведчики из «летунов» стали карабкаться по северной стороне ущелья, на мгновение исчезли, потом возвратились доложить, что на земле вокруг ближайшей силовой установки были разбиты клумбы, прогулочные дорожки и фонтаны согласно типичному для вейсов дизайну. Разбившись на двойки, за разведчиками последовал и остальной отряд. Огни зданий и стоящих неподалеку установок едва освещали шеренгу нелепых фигур, шлепающих под дождем в грязи.

За несколькими незначительными исключениями двери в любом цивилизованном мире были одинаковыми. Как они и ожидали, под таким ливнем никакой охраны не было видно. Маленький фонарь под крышей слабо освещал площадку внизу. Пока отряд сливался с темнотой, Раньи попробовал дверь. Та легко открылась.

Освещение внутри было намного ярче, чем ему хотелось бы, но они ничего не выиграли бы, пытаясь проникнуть в дру-

гое здание. Они находились на какой-то релейной подстанции. Вокруг них мирно жужжали массивные агрегаты, равнодушные к бушующему снаружи конфликту, продолжая передавать выработанную энергию городам далеко на юге. Источниками освещения были световые полосы на потолке, стенах, полу. Те, что были на полу, несли в себе цветовой код.

Пробормотав приказание Турмасту, он подождал, пока все окажутся внутри станции. Когда Веенн захлопнул дверь за последним солдатом, в коридоре прямо перед ним появились двое массудов. Одна из них держала в руках блокнот, а ее спутник считывал показания с приборных панелей. Он что-то пробурчал, перейдя к следующей машине, и замер, встретившись взглядом с глазами Раньи. Одна рука с длинными пальцами потянулась к оружию на поясе.

— Не делайте это! — язык массудов, на котором заговорил Раньи, был ломаный, неуверенный, и он поспешил присоединить «переводчик» встроенный в его шлемофон, приближаясь к паре. — Мы здесь, чтобы поговорить, а не сражаться. — Оглянувшись на своих солдат, он добавил напряженным шепотом. — Попытайтесь расслабиться и выглядеть равнодушными.

Кошачьи глаза массуда расширились, когда фигура в полевом снаряжении медленно стала приближаться. Женщина стояла неподвижно, все еще сжимая записную книжку. Раньи чувствовал, как глаза его сотоварищей сверлят ему спину, слышал их растерянное перешептывание, они удивлялись, гадая, что это задумал их унифер. Но они подчинялись его приказам и продолжали стоять, опустив оружие.

Он остановился на расстоянии вытянутой руки от высокой, худощавой, покрытой серым мехом фигуры. Вертикальные зрачки расширялись и сужались. Короткие ушки торчком ловили каждый звук. Усики бешено подергивались. Массуд явно был в замешательстве.

— Мы не враги, — заверил его Раньи.

Прибор слегка пискнул.

— Но ты — ашреган, — донеслось до него.

— Это не важно. Я говорю правду.

Он ожидал дальнейшего спора, как бы убедить их до того, как кто-нибудь из его отряда не выступит вперед с оружием наготове, посмотреть что к чему.

Вместо этого подергивание усиков массуда прекратилось, и он заметно расслабился.

— Я верю тебе.

— Да, — добавила его спутница с совершенно неожиданной горячностью. — Мы верим тебе.

Должно быть, в отчаянии начинаешь верить всему, подумал он про себя, озадаченный, но с огромным облегчением.

— Почему бы вам не предупредить свое начальство о нашем прибытии? Скажите им, здесь находится вооруженный отряд ашреганов, готовых сдаться. Мы подождем вашего возвращения.

— Хорошая мысль, — двое техников повернулись и ушли. — Раньи подождал, пока они не отойдут подальше, и вернулся к своим.

Их напряжение ясно ощущалось.

— Что происходит? — Турмаст был не единственным, кто хотел знать ответ. За забралом виднелось вопросительное лицо Сагио. — Почему ты позволил им уйти?

— Что ты ему сказал? Они не казались обеспокоенными, — спросил Веенн.

Возвращаясь к сотоварищам, Раньи обдумывал ответ.

— Я сказал им, что мы специальный отряд, замаскированный под ашреганов.

— И они поверили? — Турмаст больше чем сомневался.

— Вы же видели, — сказал Сагио. — Они просто повернулись и ушли. Без страха, без паники. Словно мы союзники.

Субунифер не был убежден, но ничего не мог возразить. Он не был подготовлен к такому сценарию.

— Теперь что? — пробурчал он.

— Идем вперед, конечно, — Раньи повернулся и пошел. Несколько солдат, переглянувшись, последовали за ним.

Они прошли почти всю станцию, когда Веенн сделал знак остановиться. Отрядом овладело напряжение, они заметили впереди какое-то движение.

— Что-то здесь не то, — Турмаст схватился за свое оружие, ожидая, когда сенсоры в его шлемофоне и забрале дадут объяснение тому, чего он не мог рассмотреть.

— Все как надо, — тихо произнес Раньи.

— Вот они! — воскликнул удивленный солдат, поднимая оружие. Раньи бросился к нему, повысив голос.

— Я сказал не стрелять! — На обращенных к нему лицах было написано замешательство и даже подозрение. Сагио тоже был среди них.

Когда в головы закралась мысль о неподчинении было уже поздно: их со всех сторон окружили вооруженные массуды. Охваченные беспрецедентным и необъяснимым спокойствием, захватчики и защитники смотрели друг на друга.

— Странно, — Турмаст пристально посмотрел на своего друга и начальника. — Почему они не стали стрелять?

Чувствуя себя более уязвленным, чем когда-либо, и не без причины, Раньи обратился к солдатам:

— Опустите оружие, — он посмотрел в сторону Турмаста. — Они не стреляли, потому что я сказал им, что мы сдаемся.

— Мы что делаем?! — выпалил Веенн.

— Сдаемся, — он пробежал глазами по отряду, пытаясь отыскать хоть одно непокорное оружие, способное превратить его планы в хаос. — Это приказ. Вы должны подчиниться... сейчас. Если у вас есть сомнения, обратите внимание — мы в меньшинстве.

Кто-то громко проворчал:

— Предатель!

Раньи не удалось рассмотреть говорившего:

— Я не предатель, и вы это увидите. Я знаю, что делаю, и объясню вам так, чтобы вы поняли.

— Что здесь объяснять? — Смирившийся Турмаст медленно опустил ружье на пол. — Мне и так все ясно. — В его тоне не было никаких иллюзий.

Раньи подошел к нему.

— Я знаю, что ты думаешь, Турм, но ты действуешь под влиянием множества ошибочных предположений.

Турмаст отвел взгляд.

— Неужели? Каких «ошибочных предположений». Например, что мы должны по-прежнему прислушиваться к тебе?

Вокруг них обескураженные, рассерженные солдаты с Коссуута продолжали складывать оружие под пристальным наблюдением массудов.

Раньи сдержался.

— Как тебе для начала тот факт, что ты происходишь не от ашреганов, а от людей.

Выражение лица Турмаста еще больше омрачилось.

— Сначала я думал, что ты предатель и трус, но сейчас я понял, что ошибался. Ты — всего лишь сумасшедший.

— Тебя удивило бы, сколько раз я желал, чтобы все оказалось так просто, — он повернулся и возвысил свой голос. — Послушайте! Мы не ашреганы, которых видоизменили внешне и научили сражаться, по-людски. — Мы — люди, которым внушали мысль о том, что они ашреганы. Я уверен, что временами вы все замечали сходство с людьми нашего физического развития и боевого духа.

— Что это за ерунда? — Эта короткая речь никоим образом не убедила Турмаста ни в правоте его друга, ни в его нормальности.

— Все это нам объясняли еще в детстве. Такие качества — это как дары от Учителей, данные нам, чтобы мы могли лучше защищать Назначение.

— Они не наделяли нас, а наоборот украли наше первородство. — Мы — люди. Ашреганов невозможно «видоизменить», чтобы сделать то, что с нами сделали. Вся наша жизнь — ложь. Ваша, моя, моего брата... — Полностью подавленный, Сагио во все глаза смотрел на своего сумасшедшего брата. — Всех нас. — Когда-то мы все были человеческими детьми или, по крайней мере, эмбрионами. Нас похитили, украли у наших родителей и изменили хирургически и генетически ради служения целям Амплитура. Они поместили нас в ашреганские семьи, дали нам ашреганские родословные, воспитывали нас в духе воинов, а когда удовлетворятся нашими показателями, они уберут нас с поля боя... — Он остановился, чтобы набрать воздуха. — Для разведения. Чтобы мы передали наши свойства, которые они развили в нас, — нашему неведомому потомству.

— Вы забыли об одном, — сказала одна из женщин-солдат, избавляясь от оружия. — Я сама чувствовала Учителей в своей голове. Большинство из нас их чувствовали. Если бы мы были людьми, что-нибудь в нас сопротивлялось бы такому контакту с Учителями. Этот факт широко известен.

— Верно, — ответил Раньи, — но не так широко известно, что амплитуры вставили в наш мозг специальные нейтрализу-

ющие цепи. — Он похлопал себя по лбу, — Здесь. Каким-то никем еще до конца не познанным образом они сводят на нет механизм в человеческой нервной системе, оборонительно реагирующей на попытки прощупывания амплитурами. Они помогают нам воспринимать их ментальные «предложения». — Массудские солдаты, как он обратил внимание, слушали его с тем же вниманием, как и его друзья с Коссуута.

— Почему мы должны тебе верить? — безо всякой видимой причины Веенн заколебался. — Почему мы должны верить твоим словам?

— Потому что я видел эти цепи внутри собственного черепа, — он сглотнул. — Многие из вас слышали историю моего чудесного спасения с Эйрросада. Все это ложь. Я не бродил месяцами в джунглях. Напротив, меня схватили и перенесли в мир, названный Омафил, где гивистамские хирурги удалили связующие звенья между цепями амплитуров и моим мозгом. Освободившись, снова став человеком на Эйрросаде, я увидел, как разработки Амплитура были использованы, чтобы манипулировать вами. Я видел это, потому что во мне было восстановлено свободное волеизъявление, а может, и биологическая защита, общая для всех естественно рожденных человеческих существ.

— Эта мысль была мне противна, она раздражала и сердила меня. Я решился донести правду до как можно большего числа моих товарищей по несчастью. До того как нас сюда заслали, я не знал, что делать. Я понимал, что как только начну вам все это объяснять, вы примите меня за сумасшедшего и передадите психологам, а они в свою очередь вызовут Амплитур. А это, вероятнее всего, будет концом для меня, как для свободно мыслящей, независимой личности. Я понимаю, что вы сейчас ощущаете, что думаете. Понимаю, потому что так же протестовал против этой мысли, как вы в эту минуту.

— Они и правда с тобой что-то сотворили, — печально пробормотал Веенн. — Каким-то образом воздействовали на твой рассудок. Перепутали все твои мысли.

Раньи с мрачным видом кивнул.

— Знаю, что одними словами вас не убедишь, потому что они даже меня не убедили. Вам необходимо самим увидеть результаты сканирования и остальные доказательства.

Под наблюдением серых кошачьих глаз группы насторо-

женных и очень озадаченных массудов обезоруженных диверсантов вывели из распределительной станции. Снаружи дождь почти перестал. Отряд гивистамов и массудов собрался на краю оврага, где люди Раньи оставили свой транспорт.

— Внешность бывает обманчива, — сказал кто-то из группы.

Раньи был готов к любому возражению, потому что не так давно сам сомневался.

— Верно, но не хирургическая операция. Не жду, что кто-нибудь из вас поверит мне или поймет до тех пор, пока вы не пройдете через такую же операцию, что и я, пока остальные будут наблюдать. Вы не сможете отрицать очевидное, скрытое в ваших собственных головах.

Турмаст шел мрачный и задумчивый.

— Значит, кто-то должен добровольно лечь на операционный стол? На вражеский операционный стол.

— Ты должен перестать думать о людях, как о врагах. Враги — не мы, мы — это они. Я знаю что каждому из вас потребуется много времени, чтобы привыкнуть к этому.

— Наш унифер, — пробормотал Веенн, — мастер коротко выражаться.

— Я понимаю, как это трудно. Вам придется отбросить все, что, как вы считаете, вы знали, думали или чувствовали. Но это должно быть сделано. Вам будет легче, чем мне, потому что вы можете рассчитывать на мою помощь. У меня же были только гивистамы и люди.

Они вошли в огромное угловатое здание, по всему периметру покрытому листами темного тонированного стекла, поблескивающего при свете дорожных полосок.

— Эта операция рискованная? — настаивал Турмаст.

— Меня предупреждали. Я не буду вас обманывать. Но какой бы опасной она ни была, рано или поздно всем предстоит через нее пройти.

— А как же это? — одна из солдат-женщин сняла ненужный теперь шлем и провела пальцами по своему гребневатому черепу.

— Еще одна выдумка амплитуров, — заверил ее Раньи, — Равно как и размер ваших глазниц, длина ваших пальцев и другие физические различия. С помощью соответствующих инструментов доказательства ясно просматриваются, и все мо-

жет быть исправлено. — Он дотронулся до кальцинированного нароста над своим вросшим правым ухом. — Это — протез. Я уже видел себя человеком.

— Я не дам себя оперировать ни гивистаму, ни человеку, — пробурчал кто-то из центра группы. Сердитое перешептывание показало, что он был не одинок.

— А я согласен, — неожиданно прозвучал чей-то голос.

Раньи вгляделся в толпу и встретился взглядом со своим братом.

— Ты никогда не обманывал меня, Раньи, — Сагио окинул взглядом своих соратников, многие из которых были друзьями детства. — Если Раньи говорит, что это правда, тогда я верю ему.

— Сагио, это не должен быть ты. Мы можем...

— В чем дело, унифер? — воинственно настроенная молодая женщина протиснулась сквозь толпу. — Боишься пустить под нож собственную плоть и кровь?

— Да, — осуждающе сказал кто-то. — Не хочешь еще больше «очеловечить» его?

— Разве ты не видишь? — обратился Сагио к своему брату. — Это должен быть я. Если мне не сделают операцию, ее не сделают никому.

Раньи хотел было возразить, но промолчал. Безусловно, его брат прав. Сагио был умнее, чем он думал.

Турмаст дружески обнял своего начальника за плечи.

— Мы все будем внимательно наблюдать, когда гивистамы вскроют твоего брата, Раньи. И хорошо бы им найти что-нибудь. Иначе, неважно, где они будут держать нас, как обращаться или что делать с нами, в один прекрасный день мы отыщем тебя и убьем. — Он на минуту сжал плечо Раньи и убрал руку.

Ответ прозвучал со стальной холодностью.

— Если ничего не найдут, тебе не стоит беспокоиться на мой счет, Турм, потому что я сам позабочусь о себе.

Субунифер что-то буркнул себе под нос. Говорить больше было не о чем. Они вполне поняли друг друга.

Этот разговор был лишним. Раньи знал, что хирурги Гивистама найдут установленные амплитурами цепи внутри черепа его брата, так же, как и в его голове. Иначе это будет

означать, что ему солгали, что его самого жестоко и безжалостно обманули.

Он отказывался принимать это всерьез. Еще она попытка изменить его личность положит конец его жизни не хуже, чем это сможет сделать Турмаст.

В конце коридора колонна свернула налево. Двустворчатые двери распахнулись и их ввели в комнату с высокими потолками, набитую инструментами.

Офицер-массуд, командовавший ими, исчез и через несколько минут появился в компании заспанного человека. Его взлохмаченные рыжие волосы разбудили у Раньи давно дремавшие воспоминания.

— Что такое, черт возьми?

Раньи подошел к нему. Он был выше, чем мужчина, но ниже стоявшего неподалеку вооруженного массуда.

— Сэр, меня зовут Раньи-аар. Хотя я и не ашреган, а такой же человек, как и вы. И мои спутники тоже.

— Можете не объяснять, — продрав глаза, человек потер подбородок. — Чем-то вы напоминаете человека, чем-то ашрегана. Мы слышали о таких, как вы.

— Это результат биоинженерии Амплитура, произведенной на человеческих младенцах и эмбрионах, — объяснил Раньи.

— Звучит неправдоподобно. Чего вы ожидаете от меня? — стоящий рядом унифер-массуд наморщил нос в таком обилии странных запахов.

— Свяжитесь с вашим военным советом. Свяжитесь с центральными медицинскими учреждениями на Омафиле в системе Юла, и если он по-прежнему там, спросите гивистама Первого-по-Хирургии. Я не так давно побывал там. Они вам все расскажут обо мне, — обессиливший, Раньи опустился на пол на дрожащих ногах. — Собственно говоря, они испытают облегчение, услышав обо мне.

Человек обменялся взглядами с массудом, который задрал губу вместо ответа.

— Допустим, я смогу связаться с ними, что я должен сказать?

— Скажите Первому-по-Хирургии, пусть прибудет со всеми самыми квалифицированными хирургами, которых мо-

жет предоставить Узор. Скажите, что здесь их ждет полно работы.

Глаза человека сузились.

— В настоящий момент на нас оказывают серьезное давление оставшиеся ваши друзья. Как вы, безусловно знаете, местное население совершенно бессильно перед вооруженным вторжением. Потому мы, временные иммигранты, пытаемся спасти их мир. И сейчас только это волнует меня. Для медицинского съезда здесь не место. И вы ожидаете, что я займу релейное время глубинного космоса ради того, что какому-то полуашреганскому психу понадобилась консультация врача?

Раньи поднял на него усталый взгляд:

— Если вы этого не сделаете, могу гарантировать, что все оставшееся время вашей военной карьеры вы будете строить санаторные учреждения на вашей лишенной атмосфере Луне.

Массуд наклонился вперед и прошептал на ломаном ашреганском:

— Подумай, они были вооружены, но не нападали. Успешно проникнув сквозь наши оборонительные укрепления, не поднимая тревоги, они мирно сдались, хотя могли причинить множество вреда. И несмотря на то, что я по-прежнему подозрительно отношусь к этим созданиям, нельзя отрицать, что в этом есть какой-то смысл.

Мужчина молча рассматривал рослое вооруженное загадочное существо, называющее себя Раньи-ааром.

— Как вам удалось проникнуть в купол?

— Я все объясню... как только вы свяжетесь со своим начальством и передадите ему мои слова.

Еще одна пауза, потом мужчина резко развернулся и крикнул что-то на своем гортанном языке. Снаружи в коридоре началось какое-то движение. Массуд вежливо наклонился вперед, подергивая усиками, нижняя губа слегка завернулась вниз, обнажив острые зубы.

Мы выполним ваши просьбы. Вы должны понять, что для контакта потребуется время. До тех пор вы и ваши солдаты будете содержаться под стражей, и мы гарантируем вам хорошее обращение.

Раньи устало кивнул.

— Благодарю. У меня еще одна просьба. Прошу вас изолировать меня от моих спутников.

Массуд промолчал, но тонкий торчащий дыбом мех на мордочке стал жестче.

* * *

Да, в странном положении оказался Раньи: ради общего блага он был вынужден желать поражения своим старым друзьям — Бирачии и другим. Если бы они захватили тот укрепленный комплекс, в котором содержался Раньи, и «освободили» его вместе с другими пленными, даже Сагио заколебался бы в своем решении последовать примеру брата. Тогда уже им, бывшим воинам Амплитура, никогда не пришлось бы встретиться с Первым-по-Хирургии, никогда они не испытывали бы благотворительной операции по возрождению свободного мышления. Что касается его самого, то при первой возможности он был бы отправлен в Амплитур, неясно только, что больше бы при этом испытали любознательные Учителя — гнев или сожаление. Впрочем, для него особой разницы не было бы.

Как бы то ни было, без командира атака не получилась. Ни Бирачии ни Коссинза не сумели своими отрядами выбить защитников станции с их позиций. Они тяжело переживали потерю своего авангарда во главе с храбрецом унифером Раньи, но ничего не могли сделать, чтобы их выручить. Они отступили к окружавшим комплекс холмам и запросили новых инструкций от регионального командования. Наступило затишье.

Спустя две недели колонна бронированных, тяжеловооруженных боевых машин прорвалась в комплекс. По пути из столицы Улалуабла, Усилаи, она подверглась нескольким слабым, разрозненным атакам противника. Офицеры — земляне и массуды, руководящие обороной комплекса, были немало удивлены тем обстоятельством, что весь свой чрезвычайно опасный путь конвой проделал только для того, чтобы забрать и доставить обратно в столицу группку каких-то пленных.

Офицер-землянин, с которым Раньи столкнулся той дождливой ночью при столь запутанных обстоятельствах много дней назад, не мог удержаться от того, чтобы не обратиться к нему с последним вопросом.

— Слушай, я не знаю, кто ты и что ты, и правду ли ты говоришь или врешь, — обратился он к Раньи, который вместе со своими спутниками уже готовился к посадке в машины. — Но если ты землянин под этой окаменевшей оболочкой, то как же все это с тобой случилось?

Раньи бросил на него беспомощный взгляд:

— Я же говорил. Амплитур...

Офицер печально кивнул головой.

— Ну ладно, дело прошлое. — Его голос дрогнул. «Знаешь, я тебя попрошу кое о чем. Мы друг друга не знаем, ты мне ничего не должен, но все-таки, когда у тебя все разрешится, дай мне знать, что получилось. Как один любознательный примат другому, ладно?»

— Попытаюсь, — они пожали друг другу руки на прощание. Чисто земной жест. И наконец-то Раньи воспринял его легко и естественно. Те из солдат Раньи, которые еще сохраняли лояльность Амплитуру, не могли скрыть своего отвращения.

На обратном пути конвой почти не подвергался атакам. Военачальники криголитов и ашреганов решили экономить живую силу и боеприпасы и не тратить их попусту. Конечно, если бы они знали, что в составе конвоя в столицу следуют Раньи и его подчиненные, они, наверное, попытались бы сделать все, чтобы остановить его и выручить своих. Впрочем, к тому времени наверху все уже было решено: авангардная группа пала смертью храбрых при попытке штурма вражеского опорного пункта; соответствующие извещения были разосланы родственникам и друзьям.

Солдаты Раньи, ранее никогда не видевшие землян вблизи, теперь волей-неволей вынуждены были признать поразительное сходство их стражей с ними самими. Земляне из состава конвоя испытывали приблизительно то же самое. Сомнения, удивление, чувство какой-то общности — это было и у тех, и у других. Но, при всем при этом, с обеих сторон солдаты отдавали себе отчет в том, что физическое сходство или различие — это не главное из того, что делает другого врагом или другом. Важнее было, во что ты веришь и как ты мыслишь — а здесь пропасть была еще глубокой. Пленные по своему облику и реакциям оставались чистой воды ашрега-

нами — только об их загадочном командире этого, пожалуй, уже нельзя было сказать.

Война, бушевавшая в стране, никак не сказалась на внешнем виде ее столицы. В лучах мягкого осеннего солнца Усилаи бурлила весельем улиц и фонтанов, утопала в цветах и золоте листвы. Само понятие войны на фоне этого уютного благополучия казалось какой-то пеленой, непристойной выдумкой.

Власти Вейса решили не вмешиваться в проблемы, касающиеся доставленной в город особой группы военнопленных, предоставив заниматься этим делом сопровождавшим их мрачноватым землянам и массудам. Не только к врагам, но и к союзникам они испытывали чувство определенного отчуждения.

Раньи мог гордиться собой: благодаря ему двадцать пять воинов если и не прямо перешли на сторону Узора, то, по крайней мере, без сопротивления сложили оружие. Не хватало только друзей — тех же Коссинзы, Соратии. Раньи был уверен: они тоже будут вместе с ним, но это потребует времени. Только бы их не успели эвакуировать, когда Учителя решат, что вторжение окончательно провалилось.

Пока же надо сделать все, чтобы Турмаст, Веенн и остальные его товарищи, наконец, прозрели. Потом они могут вернуться на родину и, зная истину, будут потихоньку распространять ее среди родных и знакомых. Другого пути нет. Главное — сохранить все в полнейшей тайне. Раньи теперь достаточно знал, что представляют собой Учителя, и вполне мог представить себе, как они — тихо и печально — прекратят свой неудачный эксперимент, просто-напросто ликвидировав те несколько тысяч его участников, над которыми они еще обладают властью.

Пленным предложили наблюдать за операцией через специальные мониторы, однако Турмаст и остальные не хотели об этом и слышать. Они настаивали на том, что должны видеть все своими глазами. Хотя что они там могли увидеть? Ведь никаких видимых разрезов, никаких скальпелей не будет. Тем не менее они добились своего. Им всем дали белые халаты и пропустили в операционную. Она была большая, безупречно чистая, элегантная — как все на Вейсе. Те инструменты, которые существовали как видимые материальные

объекты, по дизайну напоминали цветы. Вид их не отпугивал, а скорее успокаивал.

Раньи был с братом в предоперационной палате. Операция предстояла Сагио, но именно он успокаивал брата, а не наоборот.

— Ну что ты, Раньи. Если то, что ты говоришь, правда, то мне не о чем беспокоиться.

— Да нет, это все-таки сложная операция, — Раньи не мог скрыть тревоги в своем взгляде. — Хотя они просто перерезают нейроны, а саму капсулу не удаляют.

— Слушай, ну тебе это все уже сделали, и ты вроде не больше псих, чем обычно, — Сагио напряженно улыбнулся. — Так что я готов.

— Я буду там все время. И весь наш отряд.

— Ну и прекрасно, — тень страха промелькнула на лице юноши. Он быстро справился с этой секундной слабостью. — Смотри, чтобы они у меня не вырезали что-нибудь лишнего.

Подошел о'о'йан со стаканом анестезирующей жидкости. Спустя пять минут два маленьких санитара-рептилии повезли тележку с уже впавшим в забытье Сагио в операционную.

Переговаривавшиеся свидетели операции замолкли при их появлении. Тележка была установлена на нужном месте, воздушные захваты жестко зафиксировали голову. О'о'йан отошел в сторону. В дверях застыли конвоиры-массуды.

Двое гивистамов заняли свои места у операционного пульта. Рядом с ними встал хирург-программист, землянин, специально подготовленный для условий Улалуабла. Раньи подозрительно оглядел их, подошел к ним и положил руку на приборную панель.

— Подождите-ка. А где Первый-по-Хирургии?

Гивистам, который был ближе к нему, как-то глуповато захлопал глазами.

— Я Второй-по-Хирургии есть. Первый-по-Хирургии, о котором спрашиваете вы, не в состоянии прибыть есть. Пространство и время исключают это, да».

Встревоженный Раньи взглянул на распростертое, беспомощное тело брата. Он выглядел даже моложе, чем был на самом деле.

— Вы же никогда не делали таких операций. Я думал, им займется кто-то поопытней.

Другой гивистам суховато ответил:

— Заверяю вас, у вас нет оснований сомневаться в нашей компетентности. Соответствующая программа заложена в компьютер и ее до этого трижды проверяли. Вспомните: операцию ведет компьютер. Мы здесь только наблюдатели, следим, чтобы все было в порядке.

Раньи все еще не мог успокоиться.

— Эта программа разрабатывалась для моего мозга. Но не для Сагио.

— Все учтено есть. Успокойтесь, да. Если что-то пойдет не так, мы это поправим, есть.

Рядом раздался голос Турмаста:

— Что-то не так, унифер?

Что делать? Настаивать, чтобы операция была отложена, пока Первый-по-Хирургии не прибудет с Омафила? Рискованно: его ребята совсем распсихуются, у них и так нервы на пределе. Не в силах решиться на что-нибудь, он вновь бросил взгляд на беспомощное тело брата.

— Отмените это все, — выдавил он из себя, наконец, обходя пульт и приближаясь к гивистамам. — Мне наплевать на эти ваши программы. Я не собираюсь разрешать...

Что-то кольнуло его в спину. Он обернулся. Так оно и есть: один из конвоиров держал тонкую металлическую трубку дулом в его сторону, двумя пальцами еще нажимая на спусковой крючок.

Операционная, казалось, наполнилась каким-то дымом. Он прислонился к пульту, твердый угол больно врезался ему в спину. Сквозь сгущающийся туман он услышал возбужденный ропот своих солдат и голос гивистама, обращенный к ним:

— Лучше есть, чтобы пациент не долго был под анестезией. Никакой опасности не есть. Ваш командир понятным образом обеспокоен за своего кровного родственника. Ему есть сделана инъекция транквилизатора. Да. Это есть лучше для него и для брата. Все под контролем есть. Клянусь как врач я...

Действие инъекции распространялось по телу как будто тепло от массажа. Раньи потерял власть над своими нижними конечностями. Два массуда подхватили его за руки и за ноги. Он почувствовал, как его выносят из комнаты. Он хотел закричать, позвать на помощь, но действие инъекции дошло уже до горла.

Какое-то лицо мелькнуло у него перед глазами, контуры его расплывались. Это Веенн. Выражение его лица Раньи уже не успел прочесть.

* * *

Очнувшись, он так резко и неожиданно привстал на своем ложе, что о'о'йан, который как раз поправлял капельницу, от неожиданности упал в обморок. В результате вместо того, чтобы бежать к Сагио, Раньи пришлось, изрыгая проклятия и ругательства, возиться с телом несчастного медбрата, который к тому же при падении в кровь разбил себе голову.

Больничные мониторы должным образом зафиксировали инцидент, и дали сигнал тревоги. В палату вбежали гивистам и другой о'о'йан, за ними еще несколько человек. Перед ними предстала малоприятная картина: воин-землянин, казалось, душит истекающего кровью о'о'йана. Раньи с трудом объяснил ситуацию. Несколько успокоившись, они начали оказывать помощь обоим.

Пришедший в себя о'о'йан подтвердил, что землянин отнюдь не нападал на него; он сам виноват; просто он никогда раньше не имел дело с землянами и не ожидал такой быстрой реакции со стороны пациента.

— Спасибо за помощь, — завершил он свой монолог.

— Не стоит благодарности, — Раньи нетерпеливо оглядел присутствующих, пытаясь по ногам определить, кто старший по чину. — Как мой брат? Где он?

— Чувствует себя хорошо, — молодой мужчина в дверях добродушно улыбнулся ему. На груди у него была эмблема военно-медицинского корпуса Земли — змея, обвившая чашу с целебным ядом. — Кстати, он в соседней комнате.

Раньи бросился вперед, зашатался, санитар поддержал его. Ни один из присутствовавших гивистамов или о'о'йанов не двинулся с места. При всем сочувствии к землянину-перебежчику они не могли преодолеть какого-то почти физического отвращения к обнаженному примату. Они рассматривали его профессионально-холодными взглядами.

— Дышите поглубже, — посоветовал санитар. — Ваша одежда в шкафу, вот здесь.

Раньи кивнул и последовал его совету. Несколько глубоких вздохов — и вот он уже чувствует себя на ногах потверже.

Оделся, и на ходу застегиваясь, бросился к палате брата. У дверей — два массуда, в комнате — два землянина. Санитар сделал знак, его пропустили.

Сагио сидел в кровати, наблюдая за голографическим изображением, двигавшимся перед ним прямо в воздухе. Увидев брата, он нажал невидимую кнопку — изображение исчезло.

— Привет, Раньи, — он весело улыбнулся. Довольный, никакого напряга. — Ты выглядишь похуже, чем я.

Раньи, пошатнувшись, схватился за стену.

— Да, наверное. Как ты?

— Нормально. Я слышал, что с тобой произошло. Зря ты это. Я раньше тебя пришел в себя.

— Он взглянул на санитара и стражей. — Нельзя ли нам остаться наедине?

Санитар поколебался, потом кивнул, повернулся к страже, выходя вместе с ними из палаты и улыбнулся братьям.

Раньи оглядел комнату.

— Вряд ли мы так уж наедине. Наверняка, здесь все напичкано «жучками».

— Странно, если бы было по-другому. Мы бы поступили точно так же на их месте. Остальные наши ребята уже побывали у меня. Они все видели. Наверное, зрелище было довольно убедительное; во всяком случае они теперь поверили тебе. Я, правда, ничего сам не видел, но тоже верю. Турмаст сказал, что они видели все это, и даже мой мозг на экране. Они даже разрешили им самим там что-то покрутить. — Он провел рукой по волосам. — Ты знаешь, я ничего нового не ощущаю.

— Ты и не будешь, — медленно проговорил Раньи.

— Они провели со мной какие-то тесты. Сунули меня в какую-то машину, которая вроде бы воспроизводит что-то похожее на Учителя. Специальная программа — имитирует импульсы амплитуров. И ты знаешь, я почувствовал, что у меня в голове что-то происходит. Как будто меня что-то подталкивает, на какие-то мысли, совсем не мои... Такого никогда со мной не было. — Он повернулся в постели, серьезно посмотрел на брата. — Неужели так это и было? Учителя, выходит, заставляли нас делать, что им хочется, а мы этого даже не осознавали?

Раньи медленно кивнул: он наслаждался тем, что он может

сделать такой чисто человеческий жест и что ему это совсем не противно.

— Свои сигналы-импульсы они называли «предложениями». В общем-то верно, только никто не мог их отвергнуть — не было защитного приспособления. Только у землян оно есть. Операция не вернула нам этот механизм, но теперь у нас есть иммунитет к их «предложениям». Мы больше не будем их слушаться.

— И еще: это правда, что мы — те же земляне, что нас похитили еще детьми? Раньи еще раз торжественно кивнул.

Вид Сагио на какое-то время стал совсем жалобный.

— Трудно все это сразу воспринять, Раньи. Трудно.

— Думаешь, лучше по чайной ложке? Вряд ли.

— А ты давно все это узнал? С тех пор как ты куда-то исчез на Эйрросаде, да? — не дожидаясь ответа брата, он откинулся назад, на подушку. — Всю свою жизнь я был ашреганом, а вот теперь — несколько манипуляций с моим мозгом — и я землянин. Хотелось бы, конечно, ощущать что-то совсем новое. Тогда было бы легче. — Он дотронулся до головы. — А эта проклятая штуковина, она все еще там?

— Говорят, что она сидит слишком глубоко, удалять рискованно, — объяснил Раньи. Он дотронулся до собственного черепа. — У меня она тоже сидит. Как у всех наших. — Он поискал глазами стул, подвинул его к кровати. Вообще-то, стул был рассчитан на изящный задик гивистама, но ничего, как-нибудь и его удержит.

— С тех пор как мы высадились на этой планете, меня беспокоят кое-какие мысли. Раньше поделиться ими было не с кем. Теперь я могу поговорить с тобой.

Сагио как-то беспомощно заморгал.

— Ну давай.

Раньи помедлил, потом как-то нерешительно спросил:

— В какое время они тебя будут кормить?

Брат бросил на него какой-то странный взгляд, но быстро ответил:

— Последний раз я ел час назад. Следующий раз, наверное, вечером.

— Позови-ка дежурного. У тебя есть эта кнопка?

— Конечно. — Сагио нажал нужный тумблер. Через не-

сколько секунд появился о'о'йан. Раньи обратился к нему, не поворачиваясь, глядя на брата:

— Мы хотели бы поесть чего-нибудь.

— Еще не время, — отрезал тот.

Раньи мысленно весь сконцентрировался на своей просьбе:

— Мы, правда, очень хотим. И именно сейчас.

О'о'йан моргнул.

— Конечно, конечно. Вы хотите чего-нибудь конкретно?

— Да нет, — Раньи был вполне удовлетворен такой реакцией. — Все равно, что принесете.

— Хорошо, — маленький дежурный, похожий на рептилию, поспешил выполнять заказ.

Сагио наблюдал за всем этим с напряженным вниманием. Он не забыл о мониторах.

— Чего это ты?

— Да так, — проговорил Раньи медленно, тоном, прямо противоположным содержанию своих слов, — проголодался.

— Ага. Точно — проголодался.

Раньи молча смотрел на брата. Сенсоры в комнате могли фиксировать его слова, движения, даже, может быть, выражение лица — но не мысли.

Этот эксперимент подтвердил гипотезу, которая начала у него зреть с момента стычки с унифером-женщиной, тогда в овраге, когда он еще был ашреганом. Уж слишком легко согласилась она с его уж чересчур смелым предложением. Тогда он особенно не задумался об этом, но мысль засела где-то внутри и время от времени прорывалась на поверхность.

Потом — еще это столкновение с двумя техниками-массудами у щита управления. После этого он еще больше укрепился в своей догадке.

А теперь — эта покорность, с которой был принят его заказ. А ведь для о'о'йана нарушение порядка — это нечто немыслимое, вроде как предложение подышать жабрами вместо легких.

Надо еще раз проверить. Например, на с'ване, или на каком-нибудь офицере-массуде. Интересно: внушение было связано с каким-нибудь усилием, вроде как долго читаешь мелкий шрифт.

Тот гивистам в Омафиле говорил ему, что эффект внушения носит электромагнитный характер. Есть некоторые су-

щества — кстати, находящиеся на довольно низкой ступени эволюции, которые обладают способностью воспринимать такие импульсы, однако они не способны отличить внешний импульс от внутреннего, исходящего от какого-либо органа их собственного тела, и тем более не способны сами генерировать такие импульсы. Они могут работать только в режиме приема. На Земле такими существами являются акулы, а органы, которые у них имеются для восприятия и анализа — впрочем, очень грубого, несовершенного — таких сигналов, называются «ампулами Лоренцини». Кстати, кое в чем, в плане некоторых реакций, темперамента, эти существа, говорят, чем-то напоминают людей.

Как же назвать родственный, но гораздо более совершенный орган, находящийся у него в мозгу? Каким термином властители Амплитура определяли этот участок их уникальных земных мозгов, импульсы от которого могли воздействовать на нейроны других разумных существ? Индицировать, юстировать, переключать каналы. Делать «предложение». Подобно тому, как он «предложил» сделать что-то по своему желанию той женщине субуниферу, тем двум техникам, этому о'о'йану-дежурному. Он вновь и вновь вспоминал, что с ним было после операции; да, точно, какое-то время у него такой способности не было. Чтобы ей развиться, потребовалось какое-то время. Чтобы там что-то зажило, в мозгу. Да, довольно неожиданное открытие. И никто об этом не знает: и даже не подозревает — ни хирурги-гивистамы, ни его соплеменники-земляне.

Сагио, во всяком случае, пока этой способностью не обладал, но это, видимо, придет — таков непредвиденный необычный эффект операции. Впрочем, время покажет, может, что и не так. Может быть, его случай уникален, может быть, у других просто процесс рекуперации пойдет совсем по другому.

— С тобой все в порядке? — спросил Сагио. Раньи улыбнулся:

— Остаточные явления от того, что этот массуд со мной сделал.

— Чем ты хотел со мной поделиться?

— Позже скажу. А кстати, как там наши сейчас? Что делают?

— Сисин-оон и Дурид-Эр согласились на операцию. Сисин,

наверное, уже в операционной. Главный гивистам мне сказал, что они могут делать две операции в день. У них, кстати, есть вторая смена на подхвате — подчищать.

Раньи нахмурился:

— Что-что?

— Да ты же сам мне говорил. Косметическая хирургия. Мне сегодня же обещали. Если уж мне быть землянином, то не уродом же! Да и тебе это не помешает. Но все равно, бьюсь об заклад, я буду выглядеть посимпатичнее. — Он положил руку на плечо брату. — Готовься, — когда они кончат меня резать, у меня будет еще несколько вопросов.

Раньи с любовью посмотрел на него.

— Не волнуйся, Сагио. Я отвечу на любой твой вопрос. У меня есть ответы на вопросы, которые ты еще даже и не придумал.

Битва за Улалуабл продолжалась с переменным успехом; захватчики вроде бы уже выдохлись: обороняющиеся, с другой стороны, еще были не в силах нанести им решающий удар и вышвырнуть за пределы планеты. Тем временем хирурги продолжали колдовать над пленными солдатами Раньи. Две операции в день — таков был заданный темп, от которого старались не отклоняться. В принципе можно было делать в день и до шести операций, но тогда бы пациенты получали меньше внимания и ухода в послеоперационный период, а это, учитывая психический настрой их самих и тех их товарищей, которые еще не могли побороть своих опасений, было сочтено нецелесообразным.

Руководство Узора, решив обезопасить блудных детей Коссуура от возможных будущих манипуляций со стороны Амплитура, не имело в отношении них каких-либо дальнейших планов. И трудно себе представить, чтобы было иначе: проблема возникла совершенно неожиданно и случайно, как если бы вдруг появились две дюжины дельфинов и заявили, что они отныне на стороне Узора. Возрожденные, как их стали называть, получили кое-какой учебный материал, который хотя и готовился в обстановке почти полного незнания особенностей культуры землян, тем не менее, мог способствовать устранению тех глупостей, которыми им забивали голову раньше. Сюда следует добавить еще такие факторы, как прекрасно проведенные косметические операции плюс дружеское

и заботливое отношение со стороны медиков-землян. Все это помогло бывшим ашреганам быстрее и безболезненнее совершить внутреннее превращение в «Хомо сапиенс».

По мере того, как человеческое все больше укреплялось в них и они в полной мере могли осознать, что совершили с ними амплитуры, у некоторых из возрожденных возникло стремление вступить добровольцами в армию Узора. Руководство Узора не то чтобы прямо отвергло такие предложения, однако ответы давались весьма уклончивые. Несмотря на то, что хирурги-гивистамы головой ручались, что возрожденные искренне и окончательно порвали со своим прошлым и назад для них дороги нет, лидеры Узора не могли побороть своих сомнений и недоверия. Раньи понимал это и считал вполне естественным. Действительно, отнюдь не было очевидно, что представляют собой отныне он и его друзья. О некоторых их новоприобретенных особенностях и способностях знал только он один.

Перебежчиков держали под строгим надзором, объясняя это необходимостью гарантировать их скорейшее и полное выздоровление. Они со своей стороны обнаружили поразительную способность быстро и безболезненно приспосабливаться к новым условиям. Во всяком случае они не имели проблем в общении с армейским контингентом землян, на территории военного городка, в котором их поместили. За его пределы выходить не рекомендовалось: их появление на улицах города могло произвести слишком уж ошеломляющий эффект на местных жителей.

Единственными гражданами Вейса, которых Раньи встречал, были переводчики и другой обслуживающий персонал, прошедшие специальную психологическую подготовку, кстати, довольно жесткую, которая давала им возможность без чрезмерного стресса и серьезных последствий для психики выносить контакт со столь буйно-воинственными особями, каковыми им виделись земляне и массуды. Девяносто восемь процентов населения вообще никогда не видело землян, и их заботливое правительство не видело оснований снижать этот процент. И так уже вторжение произвело достаточный травмирующий эффект.

Впрочем, территория, выделенная для воинского контингента Узора, была достаточна, чтобы не чувствовать се-

бя стесненно. Власти Вейса явно стремились сделать все, чтобы их союзники — в присутствии которых, при всей их неисправимой эксцентричности, они были жизненно заинтересованы — чувствовали себя максимально комфортно. Покрытые травой холмы, речки, маленькие водопады, деревья, цветы — все это, содержащееся в идеальном порядке, способствовало созданию атмосферы мирной безмятежности, столь контрастирующей с серьезностью ситуации на фронтах.

Раньи обследовал территорию с тщательностью, которая вызвала среди его товарищей крайнее удивление, смешанное с иронией. Он делал это не из-за любви к пешим прогулкам — просто он искал подходящее место, где они могли собраться все вместе, не привлекая постороннего внимания.

«Для совместных бдений», такое загадочное объяснение он дал какому-то любопытному солдату. На самом деле он обдумывал, как ему лучше подготовить своих солдат и соплеменников к тому новому, что их ожидало и чего они еще не знали, — и, конечно, он не хотел бы, чтобы чужие глаза и уши были этому свидетелями.

В конце концов он выбрал неглубокую, с ровными склонами выемку, окруженную красивыми валунами, у самой границы городка. В середине ее был маленький пруд с зарослями камыша. Лягушки то и дело шлепались в воду, оглушая воздух громким кваканьем. Здесь можно было спокойно укрыться от любопытных взглядов, не вызывая ненужных разговоров.

Собирались по двое-трое, оживленно переговаривались, растительная жизнь в городе им порядком наскучила; что-то скажет им их командир? Раньи устроил открытую проверку окружавших камней и деревьев — два техника из его отряда осмотрели их на предмет обнаружения скрытых сенсоров, но ничего не нашли. Конечно, это не означало, что их там не было; но что было делать? — он не мог ждать дольше. А что если кто-либо из оперированных вдруг случайно обнаружил бы у себя то же самое, что обнаружил Раньи? В отсутствии тех знаний, которыми располагал он, они могли бы наворотить Бог знает что.

На всякий случай, он решил не говорить об этом сразу; поначалу в течение нескольких дней они обсуждали разные

малозначительные проблемы — чтобы усыпить бдительность подслушивающих, если таковые имелись.

Когда он, наконец, затронул проблему «предложений», то сперва его никто не понял, а если кто и понял, то не поверил. Потом один солдат по имени Хоумев-эр вспомнил, как он сперва попросил, а потом потребовал от гивистама какую-то справку. Сперва ему сказали, что это секретная информация, а потом, когда он продолжал настаивать, требуемая справка была ему неожиданно дана.

И это был не единственный случай такого рода. Те, кто был в числе первой дюжины оперированных, вспоминали нечто похожее. Но они не искали особо глубоких причин для объяснения этого феномена, полагая, что их прежние противники и нынешние союзники просто старались сделать им приятное.

— Да нет, дело не в этом, — объяснил им Раньи. — Если вы будете настойчиво добиваться своего, мобилизуя определенную интеллектуальную и эмоциональную энергию, то они просто не смогут не повиноваться — так же, как они не могут не повиноваться амплитурам и их «предложениям». Однако, если мы потребуем чего-то от своих соотечественников, землян, защитный механизм в их нервной системе нейтрализует наш импульс. Так что наш уровень, возможно, не совсем такой же, как у амплитуров. Разница есть. — Он значительно поглядел на собравшихся.

Заговорил Турмаст:

— Я еще подумал — странно, что они согласились выпустить меня прогуляться за пределами городка; на прошлой неделе это было. Нам, людям, вообще не разрешают показываться местным. — Он невольно ухмыльнулся. — Наверно, до сих пор не поймут, как это получилось.

Другие тоже начали делиться подобными же воспоминаниями, лишь у тех, кто перенес операцию совсем недавно их не было.

— Если то, что ты говоришь, так и есть, то, Раньи, мы можем, вообще, крутить нашими хозяевами, как хотим, — сказал кто-то.

Раньи кивнул:

— Заметьте только две вещи: это не подействует на людей, и кроме того, если мы будем неосторожны, то сами навлечем на себя беду. Если мы, например, потребуем у массуда самолет

и добьемся, что он даст соответствующее распоряжение своим подчиненным, те наверняка поймут, что что-то тут не то: командир свихнулся или что-нибудь в этом духе. И если такие случаи будут часты, нас, конечно, сразу заподозрят. Мы ведь и так вроде как с испытательным сроком здесь, пока они не разберутся,кто мы и как, настоящие ли люди или нет.

— Я, например, настоящий, — Веенн сделал жест, как будто он душит воображаемого противника. — Прикончу первого же амплитура, которого встречу.

Внезапно его воинственный настрой сменился торжественно-задумчивым.

— И хотелось бы найти своих настоящих родителей. Если они еще живы, конечно.

— Вряд ли, — в тоне Раньи было и сочувствие, и категоричность. Наверняка их настоящие родители давно мертвы, а им подсунули фальшивых — из ашреганов.

— Если амплитуры узнают, какие мы теперь, — они сделают все, чтобы избавиться от нас раз и навсегда. Да и в Узоре, пожалуй, тоже. Они и так не в особенном восторге от союза с землянами, а тут еще такая, оказывается, у них страшная сила — внушать другим свои желания. Паранойя, конечно, но у меня уже есть некоторый опыт по этой части. Что касается самих землян, то они сами себя не понимают, так что вряд ли поймут то, что с нами случилось. Да и нам надо еще время, чтобы со всем этим разобраться как следует. Так что пока самое главное — держать все в полной тайне, использовать эту нашу власть над другими только в случае крайней необходимости. Учтите: мы все прошли через хирургию гивистамов, и в результате получилось нечто, чего никак не предвидели наши чертовы Учителя. Все их ухищрения обратились теперь против них самих. Они-то думали, что мы станем их самыми верными воинами, а мы стали их самыми опасными врагами: земляне, умеющие внушать, как амплитуры. Еще раз повторяю: нам нужно время. А вдруг эти наши способности с возрастом будут ослабевать? А вдруг еще что-нибудь на них может повлиять? В любой момент нас могут уничтожить, просто из страха перед нами — причем это могут сделать не только враги, но и друзья.

Он обвел взглядом серьезные, напряженные лица друзей.

— Нам нужно быть очень осторожными.

— Что интересно, — сказал один из техников, — ведь эти первые окончания вырастают снова, хотя и в другом месте. А вдруг та программа, которую в нас заложили амплитуры, снова регенерирует?

— Я об этом тоже думал. — Раньи помолчал. По-моему, дело выглядит так: средствами генной инженерии можно внедрить в наш мозг некую программу, но без компьютера она останется бездействующей. Амплитуры решили эту задачу, трансплантировав нам еще и капсулу-микропроцессор. Но теперь этот компьютер отсоединен, и новые нейроны будут давать уже новое соединение, в обход капсулы. А вообще-то, ведь известно, что значительная часть клеток мозга землян, нашего мозга, вообще не используется. Может статься, что то, что нам туда встроили, активизирует эту бездействующую часть мозга, которая иначе пробудилась бы, может быть, через миллион лет эволюции. Кстати, ведь капсула эта сама по себе не дала нам никаких сверхъестественных способностей. Это просто органический переключатель — и только. Мы, например, не можем общаться телепатически, как амплитуры, — от мозга к мозгу.

— Ну и хорошо, — подал реплику Турмаст, и добавил, показывая пальцем на техника, сидящего рядом: — Я вовсе и не хочу знать, что он там думает.

Раздался первый смешок.

— В нас может появиться еще что-нибудь новенькое. Начнем, например, парить в воздухе, — высказался Веенн. — Какие будут тогда инструкции? Я первый.

Это была только наполовину шутка.

— Если все так, как вы говорите, — пробормотал техник, — то значит, что, по крайней мере, по структуре мозга мы ближе к амплитурам, чем к ашреганам или массудам. Зачем же нам тогда связываться с Узором?

Эта мысль до сих пор не приходила в голову ни Раньи, ни кому-либо еще. На несколько минут все замолчали, размышляя. Потом Турмаст решительно высказал свое мнение:

— Нет. Вспомните, чему нас учили: биологическое сходство или различие ничего не значит. Оно ничего не значило для нас, когда мы были ашреганами и сражались с землянами, и теперь то же самое. Будучи людьми, землянами, мы должны сражаться с амплитурами из-за того, что у них другая вера, и

они хотят обратить в нее всех остальных, а вовсе не из-за какой-то там физиологии. Лепары и с'ваны и гивистамы губят мир так же, как и мы. Они верят в свободу мысли — как мы, а амплитуры — нет. Я как землянин не хочу быть частью и орудием их дурацкого Назначения. Особенно после того, как мы узнали правду о том, что они сделали с нами.

Слова Турмаста были встречены одобрительным гомоном.

— Да, — почти с удивлением заметил Веенн. — Ты, Раньи, открыл нам глаза, а мы тебя чуть не убили за это. Ну, и как нам спасти остальных наших — здесь и на Коссууте? Как нам принести им эту правду?

— Будьте благодарны нашим новым друзьям, помогайте им и — ждите. Только поменьше «предложений». Я поговорю со здешними властями. У меня есть кое-какие идеи.

— Только вряд ли имело бы смысл забрасывать нас на Коссуут так, как они подкинули тебя из джунглей там, на Эйрросаде. Нас слишком много, риск слишком велик, — заметил Турмаст.

— Да, с Коссуутом не получится, — признал Раньи. Но больше не сказал ничего, хотя реплик и вопросов было предостаточно.

* * *

Он внушал свои «предложения» очень осторожно: то поговорит с каким-нибудь с'ваном, то с влиятельным массудом. Землян он обходил — они были имунны против его внушения. Помощь своих друзей он категорически отверг: если он попадется, пусть это будет только он один.

Как он и ожидал, когда он, наконец, представил свои соображения штабу обороны Улалуабла, последовала масса возражений. Его аргументация сводилась к напоминанию об успехе операции на Эйрросаде: ему тогда позволили вернуться к своим, все было сохранено в тайне — и в результате он провел с собой в сторону Узора двадцать пять воинов.

В ходе последовавшего жаркого спора на его стороне неожиданно выступили все с'ваны и массуды. Его оппоненты не могли скрыть своего изумления таким единодушием, но, слава Богу, как будто ничего не заподозрили. В конце концов было решено в принципе повторить операцию по типу Эйрросадской: солдаты Раньи под видом чудесно спасшихся ашреганов

будут посланы через линию фронта, по одиночке или малыми группами, вольются снова во вражеские части, чтобы попытаться их распропагандировать и организовать их переход на сторону Узора. Была наспех придумана легенда о том, как они, будучи переведены в столицу, сумели захватить там несколько транспортов на воздушной подушке и совершить побег. Стремясь уйти от погони, они разбились на несколько групп и таким образом им удалось прорваться. Было сделано все, чтобы даже в изощренных мозгах амплитуров не возникло аналогии с пропажей и возвращением Раньи на Эйрросаде.

Не все шло так, как было задумано. Некоторые попали в расположение частей, состоявших целиком из чистокровных ашреганов и криголитов; тут оставалось только ждать и надеяться на перевод в другую часть. Другим повезло больше: среди их «спасителей» оказались бывшие земляне, и возрожденные повели среди них осторожную работу по обращению их на путь истинный. На тех, кого убеждали аргументы и разумные доводы, желанный эффект произвела демонстрация способности агитаторов воздействовать на психику ашреганов и криголитов.

Неделя сменяла неделю. Военные действия шли с переменным успехом. Но вот стали появляться первые группы перебежчиков, возглавляемые сподвижниками Раньи, среди самых удачливых оказались вконец вымотанные, но торжествующие Турмаст и Веенн. Заранее предупрежденные местные командующие войсками Узора сразу же сообщали в Главный Штаб о случаях добровольной сдачи в плен, и будущих новых «возрожденных» специальными, хорошо вооруженными конвоями переправляли в столицу. Там команда квалифицированных врачей под руководством прибывшего, наконец, из Омафила Первого-по-Хирургии организовала настоящую поточную линию по ликвидации последствий манипуляций с мозгом землян, и те вновь обретали свободу мышления, которой были ранее насильственно лишены.

К концу улалублианского года больше половины из двухтысячного контингента превращенных в ашреганов землян вновь вернулись в свое человеческое естество. Осторожность и четкость действий эмиссаров Раньи способствовала тому, что они не возбудили подозрений у командования противника. Помогло еще и то обстоятельство, что войска захватчиков во-

обще несли крупные потери, и сведения об исчезнувших людях терялись в списках, где фигурировали все большие и большие цифры убитых, раненых и пропавших без вести.

Были и неизбежные жертвы. Свыше сотни землян погибло или было эвакуировано с планеты раненными или контуженными. Скорбь, которую испытывали по этому поводу Раньи и его сподвижники, не мешала им упорно продолжать начатое дело.

В военных действиях стал, наконец, намечаться перелом. Войска захватчиков были отброшены назад, к их опорным базам, которые они соорудили в местах своей высадки. Развернулось сражение в космосе — транспортные корабли интервентов все эффективнее стали перехватываться орбитальной артиллерией Узора на выходе из подпространства.

Командование приняло решение организовать нападение на планетарный штаб интервентов, расположенный на Южном берегу большого пресноводного озера в северной части континента. Планировалось использовать фактор внезапности и добиться решающего стратегического превосходства. Операция была связана с серьезным риском. Безоговорочно, даже с энтузиазмом идею ее проведения поддержали только лидеры Вейса, которым продолжение войны сулило дальнейшее усиление расовой напряженности. Как и большинство народов и цивилизаций Узора, они были преисполнены решимости уничтожить противника, даже если бы им пришлось драться до последнего — имелось в виду, до последнего массуда или землянина.

Уже значительно увеличившаяся группа «возрожденных» претендовала на роль авангарда и планировавшейся атаке. Поначалу военный штаб Улалуабла отверг эту идею: перебежчики должны, мол, сперва доказать свою лояльность и надежность. Раньи и его сподвижники приводили убедительный аргумент: что может быть лучшим доказательством, чем участие в первых рядах в штурме оплота их прежних союзников? Штаб, состоявший из представителей разных цивилизаций, стал ареной ожесточенных споров. В конце концов, было принято решение в пользу участия «возрожденных».

Впоследствии некоторые участники этого заседания с удивлением вспоминали, что им как будто кто-то подсказывал, как себя вести и кого поддерживать...

Глава 22

Он был знаком с оружием землян еще с того времени, когда проходил обучение на Коссууте, но никогда не думал, что ему придется самому им когда-нибудь воспользоваться, причем не против землян и массудов, а вместе с ними, в одних рядах.

Было и еще нечто новое, неожиданное: Раньи и его солдаты, считавшиеся у себя элитой, привыкли к определенным привилегиям. Здесь они были равными среди равных. Оказалось, что это вовсе неплохо — раствориться среди массы, не выделяться из нее. Конечно, полностью это не удавалось: солдаты, разговаривающие между собой на языке врага, поневоле привлекали к себе внимание. Тем не менее и Турмаст, и Веенн, и остальные без труда вошли в эту атмосферу боевого товарищества, которой не было и не могло быть в армии Назначения. Они скоро обнаружили, что у землян есть еще одна особенность: перспектива предстоящего боя вселяет в них чувство какого-то возбуждения, когда сражаешься за что-то свое, кровное, а не просто за абстрактную, пусть и элегантную философскую идею.

Сагио, как и другие, тоже записался добровольцем в штурмовую группу, но Раньи на этот раз настоял, чтобы брат остался в столице. Он знал больше других, поскольку Раньи доверил ему кое-что, чего не доверял никому. Если бы они оба погибли, это принесло бы большой ущерб, в том числе и для науки. Сагио, конечно, протестовал, но тщетно.

Командование войсками Узора на Улалуабле согласилось и то неохотно, только на одну-единственную попытку штурма. Если бы она не привела к немедленному успеху, все уцелевшие должны были немедленно отступить и вернуться обратно. Командование опасалось, что в случае, если операция примет затяжной характер, кто-нибудь из «возрожденных» может попасть в плен, и тайна, окружавшая их, будет раскрыта.

Внешне Раньи и его сподвижники были неотличимы от других землян в ударной группе. Ничто не говорило за то, что в них осталось что-то от ашреганов, и потому им было разрешено создать свой собственный полк со своими командирами. Во-первых, этим облегчалось управление, а во-вторых, смягчался синдром одиночества у новообращенных. Кроме того,

руководствовались здравым соображением, что полная интеграция может быть достигнута только естественным путем, а не путем директив. Наконец, исходили из того, что в своем привычном окружении «возрожденные» будут сражаться лучше и более эффективно.

В результате Соратии, Веенн и другие вновь оказались под командой Раньи — и грубиян Бирачии, и Коссинза — девушка с журчащим, как ручеек, голосом и молниеносной реакцией. Бирачии и Коссинза оказались среди тех, кого вытащили из лап Амплитура совсем недавно, но еще немало обманутых продолжали вести жизнь рабов, служа делу чуждого им Назначения. Успокаиваться было рано. Ничего, выручим всех, — уговаривал Раньи сам себя, — сначала изгнать захватчиков с Улалуабла, а потом дойдет дело и до Коссуута!

Вот она, Коссинза, веселая, счастливая, общается с подчиненными с широкой улыбкой на лице — нечто совершенно новое для нее, непривычное. Частенько эта улыбка предназначается ему. В последние месяцы, здесь, на Усилаи, их как-то властно потянуло друг к другу. Да, у него были другие женщины. Одну, там, на Омафиле, он порой вспоминал. Но Коссинза была с Коссуута — как и он, в отличие от других, и он доверял ей, знал, что она не подведет, не предаст.

Тем не менее он и в близости сохранял некую настороженность, не говорил ей всего, что хотелось бы. Пока что. Она и не требовала от него полной откровенности. Он был человек «в себе», она и его друзья это знали. Она любила его и была уверена, что когда она решится, то будет первой, кому он все скажет.

Тяжеловооруженные транспорты и легкие машины сопровождения неслись на север на предельной скорости, слегка порой касаясь поверхности озера или холма. За четыре дня они далеко углубились на территорию, контролируемую противником. Если их обнаружат, — Раньи это знал, — им придется вернуться. Таков был приказ, а пытаться изменить его путем целенаправленных «предложений», времени не было. Однако до сих пор в небе и на горизонте было чисто, а на земле им встречался только представители дикой фауны, испуганно разбегавшиеся при их приближении.

В их группе были одни добровольцы, к тому же специально отобранные: желающие участвовать в опасной операции было

больше, чем требовалось. Половина личного состава бойцов была из землян, половина — из массудов было еще несколько нетрадиционно смелых гивистамов в качестве водителей и техников; оружие в руки они брать не могли.

Согласно плану, имелось в виду, что вначале небольшая группа, примерно десятая часть отряда, должна была проникнуть внутрь оборонительного периметра и отвлечь на себя внимание противника; после этого основные силы должны были нанести удары извне по нескольким направлениям и взломать всю систему обороны. Даже если бы им и не удалось захватить командный пункт, причиненный противнику ущерб оправдал бы всю операцию.

Первый-по-Хирургии и его люди безуспешно протестовали против использования в ней «возрожденных». Никакой военный успех не мог бы компенсировать возможный ущерб для науки. Думать иначе, аргументировали они, — это верх нецивилизованности, абсурд. На Омафиле к их мнению наверняка прислушались бы, но на Улалуабле все было по-другому — планета была в смертельной опасности, военные сооружения имели здесь неоспоримый приоритет. Лидеры Вейса, которые при иных обстоятельства поддержали бы Первого-по-Хирургии, в данном случае проголосовали против.

В пользу такого решения был еще один сильный аргумент. «Возрожденные» были теперь настоящими людьми и потому могли в полном объеме пользоваться неотъемлемыми правами Человека. Если бы они предпочли участвовать в медицинском эксперименте, никто не мог бы заставить их принять участие в военных действиях. Но в данном случае была обратная ситуация, и опять-таки никто не имел права препятствовать их выбору.

Раньи вглядывался в проносившийся мимо ухоженный ландшафт этой мирной планеты. Рядом с ним присела Коссинза. Интересно: в их машинах вообще не было сидений в общеупотребительном смысле слова; их заменили куски эластичного материала, похожего на пену. Его поверхность легко принимало любую форму и в то же время создавала достаточно прочную и мягкую опору, подходящую для самых различных фигур, веса и объема сидящих — и для землянина и для массуда, и для гивистама.

Сейчас они неслись по пустынной степи; тучи песка,

мелких камешков, которые поднимал конвой, нарушали растительный покров, распугивали зверье. Люди Вейса, конечно, были бы не в восторге от такого обращения с их священной природной средой, но, к счастью, их не было на бортах боевых машин.

— Когда появился Турмаст, — тихо сказала Коссинза, — и начал рассказывать нам про все, про тебя, про вас — а мы думали, вы все погибли, — я, да и остальные тоже, приняли его за сумасшедшего. Свихнулся от пережитого, — она тоже взглянула через ветровое стекло. — Даже после того, как он наглядно нам продемонстрировал это самое — «предложение», я все еще сомневалась. Только когда он сказал, что действует по твоему приказу, я начала верить. Я всегда знала, что ты — лучший среди нас, Раньи-аар. Это не мое мнение.

Она положила ему руку на плечо.

— Представляю, каково это — первым узнать правду.

Он продолжал глядеть на проносящийся мимо ландшафт этой чужой планеты, потом повернулся к ней.

— Коссинза, ты ощущаешь себя по-настоящему в «человеческом» качестве? Или все еще не совсем?

Он изучающе посмотрел ей в лицо. Бледно-голубые глаза, остренький носик, тонкие губы, большой рот, крутые скулы — цветок, задетый, но не обожженный огнем. Ему все еще было непривычно видеть женское лицо без глубоких глазных впадин и вздымающихся вперед надбровных дуг; нос казался слишком большим, а уши — торчащими. Чего-то было слишком мало, чего-то — слишком много и все же это лицо было и оставалось красивым — значит, дело не в форме черепа.

Она убрала руку и откинулась назад.

— Иногда мне кажется, что я всегда была человеком. Хуже всего по ночам. Во сне вроде как все возвращается.

Ее глаза остановились на закругляющейся верхней крышке кабины.

— Вспомнишь, как росла, училась, друзей, семью. А когда просыпаешься, приходится делать над собой усилие, чтобы не думать обо всем этом.

— Я иногда думаю: а как наши родители, ашреганы — знали они правду, или их амплитуры тоже запрограммировали

на эту роль и они ее искренне играли? Иногда я думаю, хорошо бы узнать. Иногда — нет, лучше не знать.

Это чувство разделяли все «возрожденные».

— Мы должны все держаться вместе, — она свернулась калачиком на своем сиденье.

Он кивнул, вновь бросив взгляд через ветровое стекло.

— Можно ненавидеть амплитуров за то, что они сделали с нами, но как все-таки они здорово это придумали! Попытаться победить противника не оружием на поле боя, а генетикой в лаборатории! А ведь рассчитали они на сотни лет вперед: раньше это на человечестве не скажется, — он покачал головой. — Ни одна цивилизация Узора не способна так терпеливо ждать. Во всяком случае, наша — наверняка нет. Разве только турлоги...

— Я никогда не видела ни одного турлога, — сказала Коссинза. — Из учебников помню, что они довольно противные на вид, да и к тому же еще и антисоциальны по своей сущности.

Она выпрямилась и через транслятор обратилась к унтер-офицеру массуду, сидящему неподалеку:

— Алло! Ты видел когда-нибудь турлога?

— Только на картинках, — мягко ответил массуд. — Это очень редкий вид.

— А где его можно встретить?

— Только не на Улалуабле. Надо лететь либо на их планету, либо в один из главных центров Узора.

Коссинза понимающе кивнула, а потом, словно в шутку, бросила:

— Мы оба хотим пить. Как насчет этого?

Массуд поколебался, как-то странно на них посмотрел, потом поднялся и направился к бортовому резервуару с водой; его легкие доспехи тускло блестели. Раньи с мягким упреком обратился к спутнице:

— Не надо было этого делать. Вот так, по небрежности, и уходят секреты.

— Да ладно, — она улыбнулась ему, — Мы еще не так освоили это искусство, как ты, Раньи. Нам же нужно практиковаться.

— Практиковаться надо на противнике, — Раньи не собирался сводить дело к шутке. А не на своих. Если мы будем

использовать эту нашу способность направо и налево, то рано или поздно какой-нибудь с'ван раскрутит это дело. Верно, они склонны искать юмор почти в любой ситуации, но тут им будет не до смеха.

— Может быть, завтра нас уже в живых не будет. Какое это все имеет значение? — ровным голосом откликнулась она.

— Все-таки, на будущее — будь поосторожнее, — подчеркнуто холодным тоном закончил он.

* * *

Гунеквоз аккуратно набрал нужную программу: три стакана холодной воды. Пока стаканы наполнялись, он задумался. Как это все произошло? Почему? Верхняя губа поднялась, обнажив острые зубы. Бродившие в нем мысли были слишком неопределенными, неоформленными, чтобы можно было поделиться ими с кем-нибудь; с другой стороны, он не мог отделаться от случившегося, как от какого-то необъяснимого феномена и просто выкинуть его из головы.

Он был единственным среди солдат отряда, кто много лет назад провел какое-то время в плену, на планете Нура, где тогда шла война. И там воочию видел одного из этих жутких амплитуров. Существо инспектировало лагерь, где он содержался. Оно остановилось как раз перед ним. До конца своих дней он будет помнить, как два глаза на тонких ножках повернулись к нему и приблизились к его судорожно задергавшемуся лицу.

Потом оно начало тестировать его. Он стоял абсолютно беспомощный, а в него, в самую его душу мягко вползало что-то чужое, скользко-отвратительное. Амплитур исследовал его внутреннее «я», мысли его он читать не мог, хотя, неверно, был в состоянии как-то проанализировать его реакцию. Потом он втянул обратно свои зрительные органы и двинулся дальше. Гунеквоз никак не пострадал от этого теста — только осталось ощущение какой-то нечистоты внутри. Но забыть этого было нельзя.

Он надеялся, что такого ему больше никогда не придется пережить. И вот — опять. Оно. Только что. Несомненно. Не совсем так, как-то непонятно, по-другому, но спутать это ни с чем невозможно. Такое не спутаешь.

Первая его мысль, довольно дикая, была, что амплитур

как-то сумел перевоплотиться в землянина или массуда и проник в их машину. Но такое явно превышало возможности даже этих мастеров биоинженерии.

Его мысли обратились к этой парочке — из тех, что недавно были марионетками Амплитура. Они переговаривались между собой, не глядя в его сторону. Он еще раз восстановил картину происшедшего, проанализировал ее.

Если они хотели пить, почему сами не пошли и не налили себе воды? У них что — ноги внезапно отказали? А он? Он не хотел идти, но пошел. Почему? Потому что почувствовал: его что-то тянет пойти. Он это сделал не из дружеских чувств к ним, не из желания помочь. Его заставили — был какой-то короткий, вроде бы безвредный толчок.

Он много лет служил вместе с землянами и хорошо их знал. Эти оба находились явно в беззаботно расслабленном состоянии. Может быть, они сами не понимают, что они делают? Вряд ли. Что же амплитуры с ними сделали? В кого превратили?

Да нет, Военно-научное управление их обследовало и сочло пригодными для военной службы в армии Узора. Что он может противопоставить этому официальному заключению — случайное подозрение, основанное на эмоциях далекого прошлого?

Но все равно. Он не мог ошибиться. Люди послали ему импульс, и он повиновался. Они им манипулировали, управляли.

Интересно, а как другие «возрожденные», они тоже могут так? Ответа нет, а искать его может оказаться делом опасным. Он и так уже в опасности, потому что сам для них опасен, ведь он кое-что знает про них. Теперь ему нужно все время оглядываться, следить за своими движениями, даже мыслями — чтобы они только не заподозрили, что он что-то обнаружил в них. И ни семье, ни друзьям не скажешь — не поверят, засмеют. Заявить по инстанции — дойдет до них, и они, пожалуй, примут свои меры, чтобы сохранить тайну.

Амплитуры внушали ему страх, но еще больший страх вызывали люди, владевшие способностями амплитуров.

Нет, он должен пока все это держать про себя — пока не найдет надежного средства, чтобы доказать свою теорию другим, или самому так или иначе решить эту проблему. Что-

то надо было делать — но что? Опасность была налицо, но это мог должным образом оценить только тот, кто уже однажды прошел тестирование у амплитуров. Прочие просто не поймут. Ему уже намекали, что за годы плена он слегка повредился. Только и может, что быть солдатом, а как мужчина уже не того...

О, как они все ошибаются! Пережитое научило его кое-чему. А теперь выпало научить других, научить бдительности. Ради блага своего народа, ради блага всех мыслящих существ. Если эти мутанты будут и дальше размножаться, опасность для Узора будет даже больше той, что ныне исходит от амплитуров. С этим надо бороться. И если на это неспособны благодушные, невежественные правители, то это сделает он, простой солдат Гунеквоз, он в одиночку спасет цивилизацию!

Но не сейчас, не здесь. Пока — терпение, терпение... Вот сейчас он возьмет эти три полных стакана, уймет дрожь в лице, подойдет к ним с приветливой улыбкой. Если они захотят с ним говорить, хорошо, поговорим. Захотят пошутить — пошутим. Надо побольше о них узнать. Если они попытаются еще раз поуправлять им, он не будет сопротивляться. Пока он вне подозрений, они не заставят его делать ничего, что причинило бы ему вред, а вот если он попытается сопротивляться, тут-то они его и могут заподозрить.

Командование ни о чем не догадывается. А вдруг эти запрограммированные амплитурами люди-ашреганы уже повсюду и теперь готовят диверсии невиданных масштабов? Вот теперь они собираются атаковать главный штаб амплитуров на Улалуабле, а что если... Что если все вторжение — это просто хитрый ход амплитуров, единственная цель которого внедрить своих агентов, якобы «перебежчиков» — в ряды воинов Узора?

Амплитуры — они ведь дьявольски расчетливы и терпеливы. Возможно, даже эти их марионетки сами не знают всего, думают, что это они сами, по своей собственной воле решили вернуться обратно в свою исконную цивилизацию и сами придумали, как это сделать. Может быть, внедренные в их мозги команды запрограммированы так, что начнут действовать через год, а то и через сто лет?

Вот эти, сидящие здесь, вполне могут доблестно сражаться с ашреганами, криголитами и молитарами, чтобы изгнать их

с Улалуабла. А амплитуры сидят себе спокойненько в своих кораблях, смотрят на все это и наслаждаются успехом своего замысла. Они пожертвовали своими ничего не подозревающими союзниками ради более отдаленной, но внутренне более близкой им цели. Вот такой хитрющий план.

Но, слава Линейности, он, Гунеквоз, достаточно мудр, чтобы раскрыть его. Причем как удачно — с первой попытки он все раскопал. Эта парочка, насколько он мог судить, не пыталась повторить своей сеанс внушения. С первого же раза он все усек!

Раньи и Коссинза были рады обществу солдата-массуда. Необходимость как-то поддержать разговор с этим симпатичным представителем другой расы, товарищем по оружию, отвлекала их от тревожных мыслей о предстоящем бое.

Гунеквоз тоже был не прочь поболтать с ними. Женщина, как он быстро решил, куда более открытое и простое существо. Подтвердилось то, что он уже заподозрил раньше: мужчина опаснее, требует большего внимания. Входили другие «возрожденные», их безволосые лица лоснились, как светлая замазка, от них исходил какой-то гнойный запах — видимо, выделения эндокринных желез. Все такое чужое — и все их мысли, наверное, тоже такие же. При всем этом он сохранял маску простого парня, преисполненного доброжелательного интереса, — лихорадочно пополняя свое досье на всех и каждого из них.

Глава 23

Армада ударной группы сходу, на полной скорости врезалась в систему обороны противника. Автоматическая система управления огнем оказалась неэффективной: слишком много было движущихся целей, электроника не справлялась с потоком сигналов от многочисленных сенсоров. Внешняя линия обороны была прорвана еще до того, как обороняющиеся успели ввести в действие все свои огневые точки. Надо было быстрее развивать успех — пока еще действовал фактор внезапности.

Бронетранспортер сильно качнуло. В машину, шедшую

слева, сперва попала ракета, замедлив ее движение, а затем ее пронизал пучок энергии из лучевой пушки. Она рухнула вниз — последовал страшной силы взрыв. На земле осталась полоса пламени и разорванного металла, обгоревший пластмассы, керамики — и разорванных на куски трупов экипажа. Смерть уравняла всех, перемешав останки землян, массудов и гивистамов — мрачное воплощение идеи демократии.

Водитель бронетранспортера, на которой находился Раньи, вел его резкими зигзагами, стараясь максимально использовать складки рельефа. Компьютер — даже запрограммированный на логику хаоса — был бы здесь бессилен. Огненные шары и трассы лучевого оружия сеткой накрыли его, но ни одного прямого попадания не было.

Скала была сильно укреплена. С востока и юга она была почти неприступна — в том числе для авиации и ракетных ударов. Все было заранее пристреляно, каждый кусок пространства был под огнем. Все выдавало тщательное, продуманное планирование, характерное для военного искусства криголитов.

На стороне атакующих была только смелость и внезапность. И поначалу казалось, это создавало достаточно большое преимущество для них. Уцелевшие транспортеры и юркие, проворные машины сопровождения прорвали уже вторую линию обороны, а ошеломленный противник еще не пришел в себя как следует.

И вот они уже внутри оборонительного периметра. Перед ними — наклонные плоскости сверхпрочного полимера, закрывавшие входы внутрь скалы. Транспортеры и машины поддержки медленно опустились на землю, замерли. Быстро заложенные заряды взрывчатки сорвали хитроумные затворы, открыли путь дальше, вперед.

Нападавшим, благодаря информации, которую принесли с собой «возрожденные», было хорошо известно внутреннее расположение объектов. Они быстро рассредоточились на отдельные штурмовые группы. Начали появляться постепенно приходившие в себя защитники крепости. Продвижение атакующих замедлилось.

Группа Раньи должна была захватить центр управления. Много лет назад он уже участвовал в таком захвате, на Кобе. Только тогда он был вместе с ашреганами, а не с землянами,

как сейчас. Он понимал — если они захватят центр, отключат линии связи, то вся оборона противника рухнет, никто не будет больше понимать, что ему делать. Ирония судьбы: он всегда так стремился к установлению связей, к взаимному пониманию, а тут его задача прямо противоположная...

Но некогда думать об этом; сейчас главное — уцелеть.

Брешь, которую они проделали в полимерной поверхности, была величиной с два этажа обычного дома. Первоначально сопротивление было слабое, наступавшие к тому же внесли немало сметения в ряды оборонявшихся, призывая их сложить оружие на их собственном языке, без посредства переводчика-транслятора. Порой, когда не было массудов, «возрожденные» использовали технику внушения. Результаты были неплохие, хотя успех и не был стопроцентным.

Углубляясь все дальше в скалу, они наткнулись на гигантский ангар, где в три шеренги стояли готовые к запуску «летуны» в полном вооружении, только незаправленные и без экипажей. Часть группы занялась их уничтожением, а основное ядро, во главе с Раньи, продолжало поиски пути к центру. Короткие, но интенсивные контратаки время от времени останавливали их продвижение. Раньи успешно применил тактику охвата и окружения очагов сопротивления. Группа сильно растянулась по фронту.

Внезапно перед Раньи выросла фигура Веенна. Он тяжело дышал, на лице была тревога.

— Там, на фланге, у нас неприятности.

— Что такое? — отрывисто бросил Раньи, огибая, пригнувшись, большой конической формы грузовой контейнер сегунов.

По лицу унтер-офицера пробежали судороги.

— Да, с массудами неладное. Один хотел застрелить своего командира, другой — сам застрелиться. Мы их едва успели остановить. Попытались выяснить, в чем дело, а они оба хлопнулись в обморок.

Коссинза, прикрывавшая их сзади, приблизилась, не спуская глаз с определителя целей у себя на ружье. Тоненькая, мускулистая, быстрая, как тень.

— О чем это он?

— Это не помешательство. Один случай еще можно было допустить, но два подряд... Ими управляют.

Битва достигла апогея; грохот взрывов, шипение ружейных выстрелов — умноженное эхом, слилось в сплошную какофонию. Раньи выпрямился и тревожно огляделся, инстинктивно прикрывая собой девушку.

— Там амплитуры.

Веенн мрачно кивнул.

— Массуды уже догадались.

— Скажи нашим, чтобы они внимательно следили за ними — и за гивистамами-техниками. Может быть, придется отвести их во второй эшелон; лучше уж нам здесь одним остаться.

— Понятно, — сказал Веенн, — но дело в том, что они хотят остаться. Уж очень им хочется свести с ними счеты. Ведь никто никогда из них не видел живого амплитура в натуре. Думают попробовать: а вдруг удастся прикончить хотя бы одного — причем, чтобы свои мозги наизнанку не вывернулись.

Раньи нервно покусал губы.

— Можно, конечно, приказать, но не вижу большого смысла. Наверное, мы их здорово прижали, если учит... амплитуры решили рискнуть самим появиться на поле боя. На такое они идут только, если другого выхода нет. Выходит, отступать им некуда. Они... они здесь в ловушке. Значит, так: ты с Турмастом, как самые опытные, держитесь поближе к массудам; если заметите, что им делают «предложения», делайте свои — не бойтесь ошибки. Пусть у них потом головы поболят, это неприятно, но не смертельно. А иначе все погибнут.

Веенн был все еще в нерешительности.

— А если заподозрят, что мы...

— Не думаю. В бою есть о чем подумать, кроме как разбираться в собственном мозгу. Если задумаются потом, то скорее всего решат, что это очередные козни амплитуров. Во всяком случае, выбора у нас нет. Что же нам: спокойно смотреть, как они манипулируют нашими союзниками?

Унтер-офицер кивнул и бросился к своему взводу.

Раньи на секунду задумался. Вот и вроде полностью изменился, все узнал и прочувствовал, а годы обучения у амплитуров все-таки сказываются. Почтение, трепет, которые он и его друзья испытывали перед Учителями, не ушли полностью, это осталось, если не в мозгу, то в эмоциях. Ведь сов-

сем недавно он стоял вместе с родственниками и родителями там, в большом зале Киззмаата, и принимал свой аттестат с отличием из рук Учителей — гордый, счастливый... Знать теперь, что амплитур где-то рядом, было неприятно. Мурашки шли по коже. И Коссинза чувствовала то же самое.

Бой теперь развернулся на всей площади ангара; он распался на отдельные схватки, порой рукопашные; зачастую трудно было отличить своего от противника — несмотря на все хитрые приборы новейшей технологии. Впрочем для ближнего боя они не годились. Массуды, показывая чудеса храбрости, рвались вперед. Эффективность «предложений» амплитура стала вроде поменьше по сравнению с теми первыми двумя случаями. Это еще больше воодушевило гивистамов, и это воодушевление передавалось землянам.

Собственно, шли сразу два боя: один — за выход к центру управления, а другой — за мозги массудов. Небольшая группа «возрожденных» держала под контролем оба поля битвы. А вот амплитуры, подумалось Раньи, должно быть, в полном смятении.

* * *

Это, во всяком случае, было безусловно верно в отношении одного из них, которого звали Быстрый-как-Вздох. Своей, состоявшей из ашреганов охране он, правда, казался воплощением холодного спокойствия, но внутренне их вождь был полон смертельного ужаса; то, что он ощущал, было абсолютно непонятно, немыслимо...

Казалось, отдельные массуды воспринимают его «предложения», пока он на них воздействует; но когда он переходил на другой объект, а потом возвращался к предыдущему — просто для проверки, то к своему крайнему удивлению, обнаруживал, что к тому за это время вернулся прежний боевой дух. Отсюда напрашивается только один вывод: кто-то или что-то воздействует на них наперекор ему.

Своим уникальным интеллектом он проанализировал поток ментальной энергии, которая наполняла замкнутое пространство ангара куда более плотно, чем звуки этого примитивного оружия. Амплитур, перешедший на сторону врага? Ну это все равно, что подумать об изменении закона энтропии. Это попросту невозможно.

Новая технология Узора? Они уже сотни лет изучают мир амплитуров. Неужели они совершили этот научный подвиг; сумели произвести у себя способность амплитуров проникать в чужой мозг — только каким-то материальным способом? Если это так, то значит, контрразведка действует хуже некуда, поскольку никаких даже намеков на такие успехи ученых Узора не поступало в распоряжение бдительных служителей Назначения.

Какие же еще возможны объяснения?

Цепочка криголитов и ашреганов образовала живой щит вокруг одинокого амплитура. Он решился появиться здесь, потому что только на этом участке нападавшим удалось более или менее глубоко вклиниться в оборону командного комплекса. Если их удастся здесь отбросить, это скорее всего будет означать провал всей операции Узора. Именно поэтому Учитель решился подвергнуть опасности свою августейшую особу. Кроме того, именно в рукопашной схватке, когда противник рядом, мозговая индукция была особенно эффективна — она стоила многих ружейных залпов.

Быстрый-как-Вздох безуспешно старался выявить источник враждебного влияния. В принципе, не хватало еще, по меньшей мере, двух амплитуров, чтобы точно вычислить его местоположение, но коллеги были заняты общей организацией и координацией обороны в центре управления. Потому Быстрый-как-Вздох мог надеяться только на себя.

Охранники не хотели идти дальше, но Учитель неумолимо гнал их вперед, надеясь на то, что, может быть, какая-то случайность приведет его к разгадке тайны. Криголиты и ашреганы, даром, что отличались друг от друга и по внешности, и по менталитету, действовали как одно единое целое, повинуясь воле своего руководителя; в результате они сумели буквально продавить массу сражавшихся и оказались в самом центре боя, обеспечив амплитуру оптимальную позицию для того, чтобы проанализировать биополе, созданное нервными импульсами бойцов.

Шок, который испытал Быстрый-как-Вздох, когда он, наконец, нащупал источник, подавлявший его импульс воздействия, был еще больше, чем когда он впервые обнаружил само существование такого источника. Контримпульсы испускались не какими-то хитрыми приборами, придуманными

учеными Узора; они исходили от нескольких солдат-землян! Более ужасный факт трудно было себе представить.

Стремясь во что бы то ни стало понять, в чем тут дело, амплитур — это головоногое на четырех ножках — решился на отчаянный шаг; он приказал своей охране отойти назад и оставить его одного — чтобы они ненароком не спугнули эту когорту, и не помешали ему собрать необходимую информацию. Из всех источников враждебного влияния, которые засек амплитур, один был самый мощный и концентрированный, и именно на нем Быстрый-как-Вздох решил сфокусировать свою силу внушения.

Между тем атака, встретив решительное сопротивление, распалась на ряд изолированных попыток отдельных маленьких групп продвинуться или закрепиться — в зависимости от обстоятельств. Вероятность наткнуться на такую группу была невелика, зато нельзя было исключать, что противник отрежет ему пути отхода. В общем, ситуация была непредсказуемой — такой амплитуры всегда старались избегать. Но в данном случае слишком многое стояло на карте. Раскрыть эту тайну было даже важнее, чем сохранить контроль над Улалуаблом. Кроме того, если он не доставит доказательств, что феномен существует, ему просто никто не поверит. Быстрый-как-Вздох и сам уже сомневался: не чудится ли это ему все?

Да, этот чуждый мозг эффективно — правда грубовато — действует на мышление массудов, а как насчет ашреганов или криголитов. Подвержены ли они влиянию? Нет, ставка слишком велика. По крайней мере, один экземпляр, владеющий такой способностью должен быть доставлен жрецам Назначения.

Ну вот, это существо где-то совсем рядом. Пора начинать тест — вступить в прямой контакт с его мозгом. Быстрый-как-Вздох заколебался. Он знал, что если объект — настоящий, доподлинный землянин, то нервный защитный механизм этого двуногого механизма, в котором они еще не разобрались, нанесет страшный, парализующий удар по нарушителю неприкосновенности его внутреннего «я». Но ничего другого не придумаешь. Придется пойти на риск. Без контакта не получишь информации. Наставник осторожно прикоснулся к чужому, незнакомому интеллекту.

Ничего страшного не произошло. Никакого бешеного вы-

броса нервной энергии. Быстрый-как-Вздох успокоился и воспрял духом. Выходит, этот землянин и, наверное, другие такие же, как он, столь же неврологически беззащитны, как тщательно биогенетически обработанные люди-ашреганы.

Неожиданная догадка пронзила его. Пока только догадка, но над ней стоит поразмыслить. В рубрике потерь за период битвы на Улалуабле числилось удручающе большое количество этих спецсолдат с Коссуута. Вполне вероятно, что не все они погибли... Так-как... Выводы напрашивались весьма неприятные. Нужен экземпляр, и такой, чтобы ответить на все вопросы. Значит, живой.

Итак: ясно, что эти новые земляне имунны к его внушению и столь же ясно, что они не способны нанести ответный удар при непосредственном контакте, на что способен каждый нормальный землянин. Противоречие... Противоречие, чреватое страшной угрозой и невероятными возможностями. Воодушевленный этими мыслями, амплитур решил продолжать свой тест, двинулся дальше в глубь мозга испытуемого. Что-то ждет его там?

* * *

Раньи как-то весь подобрался и почувствовал, как зачем-то положил свой карабин наземь. Рядом с ним Коссинза сделала то же самое. Затем оба выпрямились и сделали несколько шагов назад.

— Раньи? — заикаясь, произнесла она. — Ты тоже чувствуешь это, да?

— Амплитур! — пробормотал он без тени сомнения. — Пытается войти внутрь.

Он зажмурился с такой силой, что слезы потекли из уголков глаз. Когда он открыл их снова, оказалось, что он в силах подойти обратно и снова взять оружие в руки. С его помощью и девушка сделала то же.

— Это как когда борешься с головной болью. — Ее лицо исказилось. — Ой, больно, Раньи. Я не могу избавиться от этого.

— Сосредоточься на чем-нибудь постороннем, — властно сказал он ей. — На чем угодно. Попытайся повлиять на себя так же, как будто ты делаешь «предложение» массуду или гивистаму. Так нужно. Из-за этой их биоэнергии мы не спо-

собны шарахнуть сейчас по нему безусловным рефлексом. Нужно сопротивляться мозгом, интеллектом, мыслью.

Его лицо исказила судорога: особенно сильный импульс амплитура едва не заставил его сунуть карабин дулом себе в рот. Черт подери, сердито подумал он, если он может обороняться своим мозгом, почему бы не нанести амплитуру ответный удар?

* * *

Амплитур покачнулся, чуть не потеряв равновесие, все его четыре ножки бессильно задрожали — импульс, пришедший из чужого мозга, нарушил упорядоченный поток энергии в его собственном. Два охранника-криголита с испугом глядели на полупарализованного наставника. Однако Быстрый-как-Вздох поспешил послать им сигнал, что все в порядке. Запрограммированные на поиск и преследование противника, они двинулись дальше. Амплитур остался один среди разбитых «летунов» и контейнеров с боеприпасами и запчастями. Одиночество его не беспокоило; он не нуждался в обществе и привык быть один.

Наставник был в шоке — и не только физическом. Итак, этот экземпляр нанес ответный удар. Не слепой, стихийный, рефлекторный, как это свойственно землянам, а, пожалуй, типа того, как это сделал бы другой амплитур. Это уж вообще нечто уникальное и беспрецедентное; все существо амплитура наполнилось каким-то сладким ощущением необычности. Никаких опробованных приемов или пути решения задачи не было. Приходилось каждый следующий шаг продумывать самому.

С помощью щупалец, росших по обе стороны его пасти, он выпрямился. Теперь его интеллект полностью мобилизован, и потому подействовать на него извне будет не так-то легко. Кстати, удар-то был рассеянным, точно направить его мутант не сумел. Силу-то показал, а вот умения — нет. Способный, но неопытный.

Заинтригованный до беспечности, Быстрый-как-Вздох, не обращая никакого внимание на опасности, подстерегавшие любого на поле боя, рванулся вперед. Он кругами ходил вокруг найденной им парочки, продолжая свои тесты; наконец, он убедился в истинности, что уже заподозрил ранее: эти земля-

не, во всяком случае, эти двое — участники проекта «Коссуут», перешедшие на сторону врага. Сомнений больше быть не может.

Но как такое могло случиться? Что их так изменило, что в них так необычайно переменилось? Их ашреганская ориентация и их желания служить делу Назначения были явно разрушены и заменены восстановленной Человечностью — и чем-то еще?.. Да, чем-то еще. Но чем? Это надо было выяснить во что бы то ни стало.

Если бы над такими одаренными индивидуумами можно было установить хоть какой-то контроль — какие тогда открылись бы возможности! Направляемый и управляемый соответствующим образом, такой землянин, умеющий сам делать «предложения», способный внушать свои мысли другим, представлял бы собой куда большую ценность, чем тот, кого просто обучили считать себя ашреганом. Перебросить его обратно, к своим — и он сможет так повлиять на них, что это продвинет дело Назначения на сотни лет вперед.

Он догадывался об этом с момента первого контакта. Теперь догадка перешла в осознанное знание, и это наполнило его неуклюжее, нелепое тельце ощущением некой благости. Его решимость довести дело до конца окрепла.

В этот момент мозг амплитура зафиксировал третий источник мозговых импульсов; это был массуд, а импульсы вызывали бешеное чувство ксенофобии. Поразительно — амплитур даже решил остановиться и поразмыслить — враждебные эмоции из лагеря противника были направлены не на кого-либо из лагеря противника, а на землян, и особенно — на тех двоих, с которыми Быстрый-как-Вздох был в контакте.

Да уж, нарочно не придумаешь: за этой парочкой охотился и враг и союзник. Почему? Здесь уж и догадки не помогут. Пока амплитур находил не ответы, а только новые вопросы.

Ну, этого бояться нечего. Быстрый-как-Вздох без колебаний проник в мозг массуда, добавил еще огонька в его нервные синусы. Тот на минуту замешкался, потом еще быстрее рванулся к этим двоим. Амплитур был доволен; конечно, он мог бы действовать и один, но почему не использовать подвернувшееся кстати орудие?

* * *

Гунеквоз притаился за башнеобразным керамическим цилиндром цвета испорченного зуба. Слегка высунувшись вправо — его более чем шестифутовая фигура изогнулась дугой, — он заметил двух человек, которые тоже укрылись за каким-то контейнером. Вокруг кипела битва, неся с собой смерть и разрушение. Несколько других массудов появились и исчезли снова. На какое-то время перед ним оставались только эти двое. Они его не замечали. На лице его дико задергались бакенбарды, появился какой-то волчий оскал. Вот теперь самое время покончить с этой угрозой цивилизации, защитить свой народ! Вскинув ружье, он прицелился в женщину, приняв самый центр ее затылка за яблочко воображаемой мишени.

Вдруг он заколебался. Что-то здесь не так. Земляне явно испытывали какое-то беспокойство, но причиной его явно было не приближение противника. Они держали оружие в руках как-то небрежно, почти индифферентно. И это при том, что позы у них были какие-то очень напряженные. Это было крайне неестественно, не по-военному — и не по-человечески. Гунеквоз давно наблюдал приматов и знал, как они себя ведут в самых разных ситуациях. Сейчас это было нечто ни на что не похожее.

Но это было еще не все. Женщина зашаталась, схватилась обеими руками за голову. Ее спутник бросил свое ружье. Гунеквоз глазам своим не мог поверить — подошел к ней, обнял за плечи! Палец на спусковом крючке дрогнул, он отключил автоматический прицел. Что же там происходит?

Вдруг ему пришла в голову мысль: а может быть, лучше ранить их? Так, чтобы они ощутили свою беспомощность перед ним! Да, да, именно! Их здесь трое, их никто не видит, он им устроит быстренький, жесткий допрос. Он знает психологию этих землян, это поможет.

Он вторично поднял ружье. И опять — непрошенная мысль: он что, с ума сошел? Эту угрозу цивилизации надо уничтожить, чего ее изучать? Он на поле боя, а не в лаборатории. Странно, чего это он замешкался, откуда эта нерешительность?

А может, они опять на него влияют? Да нет, они его не заметили и сейчас не видят. Отчего же все это? Мысли накладывались на мысли, в башке черте что творится...

Он вышел из-за своего укрытия и медленно стал приближаться к этим двоим. Почему это его всего так трясет? Ствол ружья описывает какие-то выкрутасы, так он еще и сам в себя попадет...

Краем глаза Раньи увидел приближающегося массуда. Он обернулся и оцепенел от неожиданности: шатающийся, как пьяный, солдат целился в них!

Гунеквоз нажал на спусковой крючок; от выстрела как будто сдетонировало что-то у него в мозгу: мысли разлетелись как осколки. Мимо...

Раньи бросился на землю между штабелями каких-то труб. Коссинза вскрикнула — второй выстрел поразил ее в ногу; легкое экранирующее покрытие брони лишь частично отразило пучок энергии из дула карабина Гунеквоза. Она не упала, а как-то тяжело осела вниз.

Гунеквоз понял, что только ранил ее. «Отлично», — говорила одна часть его мозга. «Плохо», — настаивала другая. Потерев рукой лоб, — как будто таким образом надеялся избавиться от раздиравшего его мучительного раздвоения мыслей — он выстрелил еще раз, в сторону мужчины. Промазал, но чуть-чуть...

Раньи рывком схватил висевший на поясе транслятор:

— Ты что, свихнулся? Забыл, кто я такой? Я — офицер особого штаба Раньи-аар, временно прикомандированный к 84-й боевой группе!

— Я знаю, кто-ты, — проревел транслятор массуда. Сила звука почти оглушала, но еще сильнее была боль в голове. Гунеквоз покачнулся, но не упал. — Я все о вас знаю!

Раньи был не очень знаком с манерами массудов, но тут было ясно, что этот тип просто не в себе. Сейчас единственное, что можно попытаться сделать, — это отвлечь его внимание и увести подальше от раненой Коссинзы.

— Мы — земляне, ваши друзья, союзники!

Массуд снова оскалил зубы, пытаясь справиться с каким-то гулом в голове.

— Только не ты, Раньи-аар! Не ты и не твои друзья-мутанты! Вы все должны умереть, все до единого! Вы слишком опасны! Всех надули, но со мной это не прошло. Я, Гунеквоз, знаю, кто вы. Вы — марионетки амплитуров! Я вам не позволю играть моими мозгами! Мне наплевать на вас!

Коссинза, стиснув голову руками, вжалась в пол. Массуд бесцельно поливал пучком лучей из своего карабина штабеля контейнеров и прочего оборудования.

Ты сошел с ума! — Раньи прокричал это уже из другого места. Гунеквоз повернулся — и там, где секунду назад был землянин, возникло большое дымящееся пятно. Массуд дико захохотал.

— Ну уж нет! Я знаю, на что вы способны — сам испытал на себе! Вода! Помнишь стакан воды?

Он вновь нажал на спусковой крючок, уничтожив на этот раз шеренгу бочек со смазочным маслом. В воздухе распространился едкий запах гари.

— Пусть даже ты прав, что с того? Мы же ваши союзники! — крикнул Раньи из-за укрытия.

Гунеквоз повернулся в направлении голоса, разыскивая цель.

— Союзники!? Неизвестно. Я только знаю, на что вы способны, и этого достаточно! Вы должны умереть, все, все...

Внезапно Раньи все понял.

— Слушай меня, Гунеквоз-массуд! Это не твои мысли. Я знаю — это амплитур, он тут, рядом. Это он желает нам смерти. Вот почему ты так себя ведешь!

Гунеквоз беспомощно заморгал. Землянин хочет его надуть. Он сам насчет них все понял, причем тут амплитуры? А что если один из них здесь? Неважно... Конечно, он порадуется, что один противник убивает другого... но ведь он уже решил, что эти земляне-мутанты — вовсе ему не союзники, а значит, не противники амплитура, их надо убить... Выходит, он сейчас на стороне врага... да нет, это просто совпадение, только на какое-то время... Он вновь схватился за голову, сжал ее. Убить, нет, только ранить, нет, быть вместе с ними.. Все это вертелось каруселью у него в мозгу, он не мог различить, что истина, что ложь...

Что с ним происходит? Какие мысли его, какие — от этих мутантов, какие — от амплитура? Эти чужаки влезли к нему в мозг, превратили его в поле битвы, а сам он уже ничего не может... Когда эта битва окончится чьей-то победой, что останется от самого Гунеквоза, от его «я»?

Что-то среднее между боевым кличем и рыданием сорва-

лось с его уст. Дрожали уже не только щеки, но даже и нос, на губах выступила пена.

Раньи решил рискнуть: он медленно поднялся из-за запасного шасси, за которым прятался.

— Посмотри на меня, Гунеквоз! Я — землянин, человек. Я твой друг! Это амплитур внушает тебе злые мысли...

— Нет! — ствол ружья массуда выписывал какие-то странные пируэты. — Нет, я все решил еще раньше. Я сам, своим умом до всего дошел. Клянусь, клянусь...

— Нас же совсем мало, — Раньи был наготове нырнуть обратно за корпус шасси, если ствол поднимется выше. — Верно, не буду отрицать, мы умеем делать... некоторые вещи. Но из-за этого мы не перестали быть вашими союзниками. Почему ты думаешь, что мы для вас опасны? Ты в этом убежден? Подумай, Гунеквоз! Мы же нужны вам для того, чтобы покончить с амплитурами. Спасти вас от Назначения. А ты хочешь уничтожить этот единственных шанс. Кто ты такой, что берешь на себя такую ответственность?

— Кто я? — Гунеквоз снова беспомощно заморгал, пытаясь сосредоточиться на этом болезненном, запутанном вопросе.

— Я... Я...

Ведь верно: он лишь простой солдат. Не с'ван не турлог. Ничем не выдающийся вояка.

Что там движется сзади? Он обернулся, ожидая увидеть эти огромные глаза на тонких ножках, медузообразное тело с мелкими щупальцами и не менее липкими мыслями. Нет он один; одинок, так одинок со своими лихорадочными импульсами в мозгу, не в силах решиться на что-либо...

Он увидел женщину — она лежала, полупарализованная выстрелом из его ружья. Пошатнувшись, он сделал неверный шаг в ее сторону.

— Я... я... прости! Я не понимаю, я не...

В ее взгляде, обращенном к нему, слились страх и сочувствие.

— Я понимаю. Ты сам не знал, что делаешь. Ничего, ничего. — Она резко повернулась влево. — Это амплитур...

Вдруг ему стало как-то очень спокойно. Теперь он знал, что ему делать. Он поднял ствол ружья. Раньи выхватил свой пистолет и прицелился в него.

Коссинза вскрикнула, — а примерный солдат Гунеквоз су-

нул орудие дулом себе в рот и, радуясь близкому избавлению, нажал на спуск...

Она еще не могла оторвать взгляд от дымящегося трупа, когда Раньи, подбежал к ней, упал на колени.

— Я не хотела этого. Входя в контакт с ним, я просто хотела его утешить, чтобы ему не было так больно...

Он помог ей сесть.

— А я требовал от него, чтобы он отошел, а амплитур, наверно, чтобы он стрелял, а тут еще ты со своим сочувствием и пониманием — чего он совсем не ожидал и не знал, как на это реагировать. Все эти импульсы так жутко столкнулись в его мозгу, что он уже не мог этого вынести.

Он тоже посмотрел на безжизненное тело.

— Наверное, он устал спорить с самим собой, решать, какие мысли его, а какие пришли со стороны. Это и стало для него самым легким выходом. Черт! Я этого тоже никак не хотел. — Он поднялся и осмотрелся.

— Тебе нужен врач. Здесь я не могу использовать коммуникатор. Могут перехватить и выйдут на нас. — Он поглядел на нее, соображая. — Я понесу тебя на руках.

Она отрицательно покачала головой.

— Наши уже продвинулись вперед. Дай мне карабин на всякий случай.

Она положила оружие рядом с собой.

— Ты без меня скорее найдешь санитаров. Со мной ничего не случится.

— Точно?

Она выдавила слабую улыбку:

— Только если захочешь остановиться и перекусить, то потерпи, ладно?

Он ободряюще улыбнулся и бросился туда, где, как он предполагал, были свои.

Глава 24

Десятка два метров, несколько мыслей, пронесшихся в голове, — он свернул за угол и ... вот — оно... Большое, с жирно-

посверкивающей поверхностью, что-то вроде большой рукоятки коробки скоростей с янтарным покрытием.

Один глаз и одно из четырехпалых щупалец лениво повернулись в его сторону. Роговидные части, заменявшие губы, ритмически постукивали друг о друга; под тонким эпидермисом переливались пятна разных цветов — хроматический индикатор эмоционального состояния этого существа.

Когда-то это был объект уважения, нет, поклонения. Учитель. Наставник. Теперь он нечто совершенно чужое, далекое. И вдруг он почувствовал, что ненависть к нему — это всего лишь тонкий слой на поверхности его «я», а из-под него всплывают старые воспоминания, старые идеи, старые эмоции — в том числе и преклонение, да-да — преклонение.

Он заморгал, улыбнулся про себя. Холодный импульс интеллектуального усилия пробился сквозь наркотизирующие пузырьки ностальгии.

«Ты — проворный, — подумал он, но на меня это не подействует. Сейчас уже не подействует. Больше не подействует. Я готов. Я всю жизнь к этому готовился».

Амплитур продолжал обрабатывать этого столь обеспокоившего его землянина и коссуута, применяя теперь более тонкую технику «предложений». Он бомбардировал его хитроумными вопросами: почему Раньи так старается отрицать свое происхождение? Зачем ему все эти мучения? Иди за мной, вернись... Оставь эти глупости и все будет хорошо. Вернись в мирную атмосферу Назначения. Гармония, спокойствие, уверенность — все это ожидает тебя.

Раньи почувствовал, что голова его как будто наполняется какой-то ватой, которая не только изолировала его от внешнего мира, но и притупляла мысли, чувства. Он слегка пошатнулся, но удержался на ногах, не в силах ни двигаться дальше, ни вернуться.

«Коссинзе нужна медицинская помощь». Секунду назад эта мысль владела всем его существом. Теперь к ней примешивались какие-то мыслишки-пузырьки, неясные, приятные, парализующие. Теперь любое простое движение давалось ему со страшным трудом, требовало мобилизации всей нервной энергии. Так он долго не выдержит.

«Как это могло случиться?» — все еще продолжал размышлять Быстрый-как-Вздох. На чем сломался великий экс-

перимент, откуда эта непонятная и совершенно неожиданная биологическая мутация? Одно ясно: этот индивид должен быть сохранен для дальнейшего изучения и доставлен в Центр целым и невредимым. По сравнению с этим захват Улалуабла потерял свое значение.

Землянин, кажется, хочет убежать. Амплитур решил добавить к бессловесному внушению звуковое — обычное человеческое слово, через ретранслятор, который был у него подвешен пониже «губ». Надо сделать все, чтобы удержать этого двуногого.

— Стой! Я знаю, кто ты, землянин. Ты должен идти со мной.

Раньи нерешительно покачал головой. Амплитур с досадой отметил, что это жест сугубо человеческий, земной, не жест ашрегана.

«Моя подруга ранена, ей нужна помощь».

— Идем со мной, — мягко произнес амплитур. — Помощь будет оказана, благость обеспечена.

«А... та самая благость, из-за которой ты лишил меня родителей? Нет уж, спасибо».

Теперь он мог даже улыбнуться. Теперь, когда он знал, что амплитур хочет от него, он мог сопротивляться, бороться, отбросить все, что ему навязывают.

— Ты мне больше ничего не сможешь сделать. Ни мне, ни моим друзьям. Твой эксперимент провалился. Мы вас побьем, учти. Может быть, не сейчас, может быть, это сделают наши дети, но конец неизбежен.

— Неизбежен только триумф Назначения, — почти устало прозвучала реплика амплитура. — Неужели ты не понимаешь, что как только твои союзники узнают об этих ваших способностях, они первые вас уничтожат? Как этот массуд — он же этого хотел...

— Это все потому, что мы потеряли бдительность. Отсюда и его подозрения. Такого больше не будет. Мы будем очень осторожны.

— Как бы вы не были осторожны: эту вашу власть над людьми не скроешь. Заклинаю тебя: раздели этот бесценный и случайный дар с теми, кто способен оценить его значение. Мы обучим вас, покажем, как его использовать. Вы будете важнейшим элементом нашего движения.

— Нет, благодарю покорно. Не хочу я больше быть элементом. Я хочу быть частью человечества, хочу иметь семью. Держись своего проклятого Назначения, а я предпочитаю независимость. Я предпочитаю человечество. Я предпочитаю быть самим собой.

— Жаль, жаль. Ты и твои друзья опасны. Мы вас должны изучить, понаблюдать за тобой, но если это невозможно, мы вас... э, нейтрализуем.

— Черта с два! Мы — по крайней мере, некоторые — вырвались из клетки, которую вы нам построили, обратно вы нас не заманите. Ты ничего со мной не можешь поделать. Если бы было по-другому, я бы сейчас уже плелся за тобой.

— Ты ошибаешься.

Амплитур сунул щупальце в мешок, который висел чуть пониже головы и вытащил какой-то небольшой прямоугольный предмет. Раньи не мог сдержать изумления.

— Как, амплитур, символ высшей цивилизации, и хватается за примитивный пистолет?

— Мне самому это не очень понятно. Аномалия, да? Но пистолет — это реальность. Я его ощущаю. И если я буду вынужден его использовать, результаты для тебя тоже будут вполне реальные. Так что, видишь. Ты все-таки мой пленник.

— Ты не можешь использовать это против меня, — твердо заявил Раньи. — Ты на это не способен.

Амплитур направил пистолет в сторону небольших продолговатых ящиков и выстрелил. Они взорвались.

— Видишь, глазомер у меня в порядке. И решительности хватает. Ты пойдешь со мной добровольно или я перебью тебе ноги и потащу тебя со мной.

— Не очень похоже на поведение Учителя, — отозвался Раньи, пытаясь угадать, какой будет его следующий шаг.

— Обстоятельства чрезвычайные. Моя внутренняя дисциплина и специальная подготовка позволяют мне временно подавлять естественные эмоции отвращения к грубому насилию. Если бы гивистамы или т'ретури оказались в подобной ситуации, у них случился бы нервный припадок. У меня — нет. Я понимаю, что мои действия граничат с ненормальностью, но Назначение дает мне силы это игнорировать. Я действую в условиях самонаведенного психоза. Впрочем, тебе-то

зачем все это знать? Подумай лучше: вот пистолет, это опасность для твоей жизни, значит, надо подчиниться.

Глядя на пистолет, Раньи лихорадочно размышлял. «Я никуда не пойду без Коссинзы».

— Клянусь благостью, ты можешь принести ее. Я рассчитал: физических сил для этого у тебя хватит, тут недалеко. Обещаю: она получит немедленную квалифицированную медицинскую помощь.

Смогут ли они скрыться от него? Блефует он или нет? Судя по всему, этот маленький пистолетик действительно может оторвать ему обе ноги. Конечно, они потом устроят так, что конечности приживутся снова, но это как-то не утешало.

«У любой цивилизованной личности мысль должна предшествовать действию». Сейчас, пожалуй, лучше продемонстрировать покорность. Раньи поднял руки.

— Ладно. Я пойду с тобой. Все, что угодно, лишь бы помочь Коссинзе.

— Вот это разумно, — амплитур одобрительно взмахнул щупальцем, в котором был зажат пистолет.

Раньи подошел к Учителю поближе.

— Интересно, а кто-нибудь из наших заметил, что все ваши аргументы идут по кругу? Назначение — это все, значит все позволено, чтобы доказать верность и правоту Назначения.

— Вы, земляне, молодая раса, а потому склонны к упрощениям. Но я верю в вас. Поучитесь и дозреете.

— Поучитесь? Это вы так называете? Своей извращенной логикой вы так же насилуете семантику, как и независимую мысль.

— Ни с места, вы оба!

В четыре глаза — два на ножках, и два в глазницах — они оглянулись. Там, у зарядной платформы стоял солдат-землянин, дуло его ружья глядело прямо на них. Это был молодой парень, напуганно-смущенный, неважная комбинация, мельком подумал Раньи, замерев как вкопанный.

Парень широко раскрытыми глазами рассматривал амплитура.

— Слышал я про таких. Видел в учебниках, но клянусь Геей, никогда не думал, что увижу в натуре.

Мысли у солдата обычно просты, но четки. Он быстро все

понял: кто друг, кто враг; щупальца или руки — этой разницы было вполне достаточно. Не спуская глаз с амплитура, он осведомился у Раньи:

— Вы в порядке, сэр?

Раньи медленно повернулся к нему:

— Нет проблем.

— Эй ты там, это... как тебя? Существо! Ты мой пленник. Бросай оружие!

Его палец на спусковом крючке напрягся, дуло было направлено амплитуру прямо между глаз.

Быстрый-как-Вздох заколебался, пытаясь как-то распределить свое внимание между зрелым и юным землянином. Двумя пальцами он прикоснулся к спусковому крючку своего пистолета.

Раньи видел все это. Амплитур слишком далеко — а тут только одним прыжком можно что-то сделать. Он весь напрягся, как струна.

— Вовремя ты, Турмаст, — быстро произнес он — он все знает про нас.

Фокус мыслей амплитура мгновенно переместился на новопришельца. Ага, еще один из этих, «возрожденных», сейчас мы его усмирим, пусть тоже бросит свой карабин. Потом он, если нужно, вернется к первому. В худшем случае, если солдат захочет выстрелить, Быстрый-как-Вздох, все равно его опередит. Он послал мощный импульс в мозг солдата.

Последовал страшной силы выброс грубой нервной энергии юноши — ужасающая смесь эмоций страха, отвращения и примитивной человеческой ненависти обрушилась на амплитура, неосторожно вступившего в контакт с обыкновенным, не подвергавшимся никаким генетическим манипуляциям землянином. Сильнейшая судорога потрясла его. Все четыре ноги одновременно подогнулись, и амплитур рухнул вниз, успев сделать только один выстрел до того, как сознание покинуло его. Разрывная пуля пробила высокий свод ангара.

Солдат, тоже явно в шоке, в свою очередь нажал на спусковой крючок и, конечно, промахнулся. Ружье выпало у него из рук, он бессильно прислонился к заправочной цистерне сегунского образца, одной рукой поднял бронированное забрало, другой — вытер пот со лба.

Раньи при звуке первого выстрела рухнул плашмя на пол

ангара. Убедившись, что сам он цел и невредим, он поднялся и подошел к обмякшему телу Учителя. Резинообразные присоски щупалец выпустили пистолет, он валялся рядом. Подойдя к цистерне, Раньи ободряюще похлопал солдата по плечу.

— Вот дерьмо, — солдат прислонил ружье к цистерне и сел, уронив голову на руки.

— Плохо? — сочувственно спросил Раньи.

— Проходит, — парень сделал несколько размеренных глубоких вдохов-выдохов. — Я слышал об этом, — он кивнул в сторону амплитура. — Как думаешь, оно не скоро оправится, а?

— Пока нет.

— Хорошо, — парень вздрогнул, вспомнив, как все это было. Жуткое ощущение проходило — как грязная пена. — До чего же противно, когда оно пытается влезть внутрь твоего мозга. Это так... грязно. Как будто самая большая неприятность в твоей жизни, только увеличенная в тысячу раз. Оно что же, не знало, что такая вещь с ним может случиться? Зачем полезло-то?

Раньи окинул взглядом рыхлое, все еще находившееся без сознания тело.

— Оно приняло тебя за другого.

Солдат прищурился.

— За кого-другого? Кстати, а кто этот Турмаст?

— Другой. А почему бы тебе не заняться своим пленным?

— Моим?

— Конечно. Мало кому посчастливилось захватить живого амплитура. Тебе дадут медаль, может, даже сержанта получишь. — Раньи поглядел в сторону. — А где твое отделение? У меня тут раненый поблизости. Я бы не хотел пользоваться коммуникатором — противник может засечь нас.

— Скорее всего, вон там, сэр, — солдат поправил коммуникатор, вмонтированный в его забрало. — Вообще-то, их уже далеко отогнали. Думаю, вполне безопасно вызвать санитаров через эту штуку.

Раньи подумал, потом кивнул.

— Тебе лучше знать. Пойду скажу ей, что помощь близка. Мы сейчас вернемся.

Амплитур, бессильно завалившийся набок, вовсе не выглядел каким-то уж особенно страшным, — подумал солдат. Ка-

кой-то весь мягкий и медлительный. Один его глаз, весь налитый чем-то золотистого цвета, незряче уставился на него. Может быть, попротивнее других существ, с которыми ему пришлось встречаться с того времени, как он вступил в корпус землян, откомандированный для помощи Узору, но, вообще-то, эти ашреганы и криголиты, акариане и молитары, массуды и гивистамы, вейсы, лепары — все они один страшнее другого. И противники и союзники. Да и мозги у его приятелей-собутыльников не лучше.

Он взял карабин поудобнее. Хорошо, что он пошел добровольцем. Да о чем лучшем может желать мужчина, как не о возможности участвовать в очистке Вселенной от этой гадости?

Амплитур медленно приходил в себя; скоро он совсем оправится, но пока придется некоторое время потерпеть враждебное внимание этого двуногого и некоторый физический дискомфорт. Пока от только проводил взглядом уходившего «возрожденного». Помощи ждать неоткуда. Братья где-то далеко. Как быстро все меняется: только что он взял землянина в плен, а вот сейчас он сам пленный.

Его обманули, и довольно ловко. «Возрожденный» воспользовался тем, что он незнаком с боевой обстановкой. Но землянин слишком заспешил к своей подруге и забыл одну вещь. Он может раскрыть его тайну, посеять сомнения и вражду в их лагере.

— Слушай меня, — голос в ретрансляторе прозвучал вкрадчиво-обещающе. — Этот человек — не совсем землянин. Его изменили. Он теперь больше похож на меня.

— Да уж я вижу, — иронически бросил солдат.

— Правда! Его изменили. Сперва это сделали мы, потом кто-то другой. Он теперь способен действовать вам на мозги — как я. Он опасен.

— Рассказывай! Мы, люди, все для вас опасные. Ты уже это понял? Знаешь, я много учил про вас, но мне никогда не говорили, — что вы — такие веселые ребята.

— Ты должен мне верить! — Ох, ну до чего эти двуногие тупые! — Если ты изучал нас, тогда должен знать, что мы никогда не обманываем.

— А может, это тоже обман? Наши специалисты не очень-то доверяют тому, что эти типы из Узора нам рассказывают.

Вот насчет тебя, например, мы многого еще не знаем. Так что, подождем, посмотрим, поизучаем. А если ты хочешь меня восстановить против наших ребят, то придумай что-нибудь поумнее.

В бессильной ярости Быстрый-как-Вздох понял, что как тут ни старайся, тайну «возрожденных» выдать ему так и не удастся.

* * *

Штурмовой отряд Узора захватил командный комплекс целиком, уничтожив или взяв в плен почти всех его защитников. Врачи — сперва земляне, а потом гивистамы — быстро и эффективно исцелили рану Коссинзы. С помощью имплантированного нервно-мускульного стимулятора она уже через несколько дней могла ходить.

С ней было все иначе, чем с другими. Он мог быть откровенным с Сагио, но такая интимность могла быть только с женщиной. Коссинза не только слушала. Она понимала и сопереживала. Нейда Трондхейм была ему симпатична — но не более того. То, что было между ним и Коссинзой, — намного глубже. С ней он нашел самого себя.

Теперь, когда война ушла на задний план, «возрожденные» могли отдохнуть, подумать о себе; они лучше узнавали друг друга, возникали связи, создавались пары. У них было много общего, и они естественно тянулись друг к другу.

Их тайна осталась нераскрытой. Тот амплитур, который узнал ее, пытался совершить побег, когда его вели к транспортеру, и какой-то импульсивный землянин застрелил его до того, как присланный офицер успел вмешаться. Умирая, он молол какую-то чепуху — на языке слов и мыслей — что-то насчет угрозы стабильности цивилизации, о которой они не подозревают... Истинное содержание его предсмертной просьбы, вероятно, могло бы быть расшифровано, но никто не удосужился его записать на пленку — под рукой не оказалось магнитофона.

Раньи знал: куда бы судьба не забросила «возрожденных», они должны будут поддерживать контакт друг с другом. Для того, чтобы сообщить о каких-либо изменениях в их «таланте» — так они стали называть свое качество, отличавшее их

от прочих землян; чтобы обеспечить взаимопомощь и взаимное понимание; чтобы выручить остальных обманутых и изувеченных сограждан с Коссуута из их интеллектуального рабства. Ради всего этого они должны действовать сообща.

Как это было хорошо, быть людьми, иметь друзей — землян. Только бы остаться землянами, не превратиться в кого-то другого. Но только время вынесет здесь окончательный приговор. Наверняка им еще многое предстоит узнать.

Например, не начнут ли снова расти перерезанные нервные окончания между капсулой, имплантированной амплитурами, и остальным мозгом? Не срастутся ли они снова — и что тогда будет? Это — только одна крохотная частица того, за чем надо наблюдать, следить...

«Я сам — мой собственный эксперимент, — думал он. — И вести его надо со всей тщательностью».

* * *

Когда планы и цели амплитуров были раскрыты, они отказались от продолжения проекта «Коссуут».

Жертвы их биоинженерии оказались ненадежными бойцами — особенно теперь, когда любой противник знал и мог поведать им правду об их происхождении. Многие из этих искалеченных существ умерли собственной смертью, будучи до конца уверенными, что они — ашреганы. Другие погибли в боях. Больше всех повезло тем, кто попал в плен. Их после соответствующей хирургической обработки посылали в группы перевоспитания, которыми руководили «возрожденные», для последующей репарации.

Раньи и Коссинза успели принять участие во многих сражениях, после чего ушли на покой, завоевав многочисленные награды, благодарности Узора и несколько меланхолическое признание их заслуг и сочувствие со стороны своих. Название их разоренной планеты стало еще одним боевым символом, за которые сражались и мстили бойцы Узора.

В свое время у тех, кто пережил манипуляции амплитуров, стали рождаться дети. На вид они были волне нормальными и

здоровыми. Но их родители с озабоченностью и некоторой тревогой следили за тем, как они росли и развивались.

Военные трофеи

10 Зак. 74

Посвящается Джону Содербергу —
скульптору —
Собрату, из эфира ваяющему,
Собрату-исследователю.

Глава 1

— Не бралась бы ты за это. Ты же знаешь, это не только мое мнение.

Они расположились на приподнятой платформе выступа ресторана. С этой высоты им было видно большую часть города, который урбанистически-экстравагантно покрывал собой немалую площадь. Не так уж и переселен был Махмахар, но поскольку законом не дозволялась застройка выше четырехэтажной, разросся он преимущественно вширь. К тому же обычаи и эстетика предполагали большое количество садов и парков, что приводило к появлению значительных ровных площадей.

Но город отнюдь не походил на урбанистического спрута. Наоборот, он и на город-то похож не был, по крайней мере, не в той степени, как пускающие метастазы метрополисы, какие можно обнаружить на Гивистаме или О'о'йане. В архитектуре упор был сделан на гармоничность, что только подчеркивали многочисленные сады и парки. В таком соседстве неуместными выглядели как раз крупные сооружения.

Население Туратрейи было чуть больше двух миллионов — одно из самых больших на Махмахаре — и все обитатели города этим гордились. Вейсы по возможности старались ограничить народонаселение своих городов в рамках от одного до пяти миллионов жителей. В градостроительстве — как и во всем прочем — они стремились прежде всего к красоте и определенности.

Иногда это угрожало недовольством и завистью со стороны других членов Узора, которые начинали презирать Вейс за манерность и формализм, тайно завидуя при этом их способности создавать и отыскивать красоту во всем. Даже среди недоброжелателей никто не посмел бы отрицать, что общество и культура Вейса являли собой вершину среди цивилизаций Узора, которой другие особи могут только восхищаться и завидовать, даже если действия Вейса (или отсутствие оных) оказывались полностью лишенными смысла. И ответственность за это Вейс принимал на себя со всей серьезностью.

Как и все другие расы — члены Узора, Вейс с самого начала участвовал в войне против Амплитура — уже больше тысячи

лет. И в стремлении поддерживать своих материально, но всячески избегать открытой схватки, они ничем не отличались от большинства своих союзников.

Мать юной Лалелеланг поигрывала тремя традиционными бокалами. Один для аперитива, один для главного блюда и один — для принятого правилами омовения рта между глотками. Как и все прочее, обед в вейсском обществе был превращен в изящное искусство, хотя и говорились за столом не самые приятные речи.

Мать была вынуждена говорить подобные вещи, поскольку была старейшей из здравствующих в семье по женской линии; таково было ее место. Бабушка противилась бы ей куда настойчивей, но эта почтенная жизнедательница уже два года как почила, была разделана, забальзамирована и помещена в фамильный мавзолей. Так что неприятная задача оказалась возложенной на ее мать. Отцу же все будет доложено только тогда, когда женщины сочтут это нужным.

— Ты ведь могла бы стать кем угодно, — говорила ей мать. — В твоей возрастной группе обучения у тебя был чуть ли не самый высокий потенциальный градиент, что в традициях нашей семьи. Ты проявила проблески гениальности в повествовательном стихосложении, а также в промышленном дизайне. Перед тобой открыты просторы инженерии, как, впрочем, и органической архитектуры. — Золотистые на кончиках ресницы хлопали, огромные сине-зеленые глаза смотрели пристально. — Да ведь ты могла бы стать даже, язык не поворачивается, пейзажистом!

— Я сделала свой выбор. Должные инстанции уведомлены. — Голос Лалелеланг был почтителен, но тверд.

Мать склонилась к ней, изящно и скромно потягивая клювом аперитив из бокала с золотыми насечками.

— Я все-таки по прежнему не понимаю, почему ты решила выбрать себе такое опасное и неопределенное занятие.

— Но, мама, ведь кто-то должен этим заниматься. — Чувствительными, непокрытыми перьями кончиками левого крыла Лалелеланг нервно ощупывала четыре тарелочки с пищей, стандартным для дневной трапезы образом расставленные на столе. — Ведь история — ценная и уважаемая профессия.

Всем своим замысловатым телом выражая родительскую заботу, старшая нахохлилась и застыла на стуле. Жест ее ско-

рее выдавал огорчение, чем злость. За легким наклоном головы читалось неодобрение, за вскинутым гребешком на голове — недовольство. А у отца-то, представила себе Лалелеланг, сейчас бы уже вовсю пунцовым поблескивал. За неимением таких цветов женщинам приходилось довольствоваться скромным языком жестов.

Смысл она, однако, уловила. Мать весь обед старалась донести его, то так, то этак.

— Ты выбрала занятие историей — по какой такой причудливой игре природы, я и догадываться не могу. — Длинные ресницы колыхались в воздухе. — Это весьма эклектично, хотя само по себе и не предосудительно. Твое неравнодушие к теме войны — вот что беспокоит и угнетает меня. Это совершенно не вейсское увлечение.

— Нам может это нравиться или не нравиться, но она остается единственным значительным компонентом всей нашей современной истории, как, впрочем, и повседневной жизни. — Лалелеланг взяла гроздочку идеальных, крошечных ярко-зеленых ягод и, в точности как полагается, стала самым кончиком клюва по одной склевывать их с черной веточки. Закончив с одной гроздочкой, следовало положить стебелек на тарелку строго параллельно предыдущему и только после этого приниматься за следующую гроздь, причем надлежало следить, чтобы ни одна веточка не указывала концом на нее или на мать. Профессию она, может быть, выбрала и непривычную, но о манерах помнила, включая даже те тонкости, о которых часто и не подозревали представители других видов, пусть даже много лет проработавшие бок о бок с вейсами. Тем сначала приходилось туго, а потом они махнули на все рукой — и напряжение между ними и хозяевами сразу же шло на убыль.

В самые тяжелые минуты некоторых — с Массуда, например — поражала такая трата времени и энергии, не говоря о том, что им это казалось просто глупо, но для вейсов манеры были плотью и кровью осмысленного существования. Именно они были основной причиной, по которой они так долго и так много вкладывали в победу над врагом: будучи насажденным, Назначение Амплитура разрушило бы, обратило в хаос традиционный этикет, без которого, были убеждены на Вейсе, не может быть истинной цивилизации. Другие виды не

столько возражали против собственно этого постулата, сколько против той главной роли, которая отводилась ему Вейсом.

— Даже согласившись с правильностью твоего тезиса, дочь, я все равно не вижу причины, почему бы этим не мог заняться кто-нибудь другой. — Глаза матери встревоженно шарили по соседнему саду, где ковром стелились шестилепестковые желтые и оранжевые нарструнии, только-только расцветшие буйным цветом. По бокам они были окаймлены маленькими фиолетовыми юнгулиу, эту деталь пожилая женщина не вполне одобряла. Черно-белые весши придали бы пейзажу больший контраст, тем более, что сейчас для них самый сезон.

«Любим мы все покритиковать, — подумала она, — вот и потомство наше — тоже хороший объект для критики». Это была главная причина, по которой Вейс вызывал в Узоре всеобщее восхищение, но мало где пользовался популярностью.

Пустой пакет, оскверняющий цветочное совершенство садовой аллеи, сразу же приковал ее взгляд. Несомненно, его кинул залетный инопланетянин, потому что, она знала, ни один вейс не допустил бы такого небрежения визуальной эстетикой. Это, должно быть, какой-нибудь бородач со С'вана, хотя в этом отношении они ничуть ни хуже всех остальных рас Узора. Вот только по отсутствию трепетного уважения к жизни они чуть ли не хуже всех. Она с трудом подавила в себе инстинктивное желание прыгнуть через резные перила, спланировать и подхватить мусор, пока он не успел оскорбить глаз другого случайного прохожего, но заставила себя сосредоточиться на разговоре с терпеливо ждущей продолжения дочерью.

— Потому что я полагаю, что лучше других приспособлена к этой задаче, мать. — Лалелеланг вежливо искала на остальных тарелках блюдо, которое допустимо было бы употребить вслед за зелеными ягодами. — Тот же широкий подход, благодаря которому я преуспела бы как инженер или специалист по ландшафтам, сослужит мне прекрасную службу и на выбранном мною поле деятельности.

— Распущенное поведение, — прошептала мать самым безобидным елейным тоном.

— Нет. Просто талант ... и призвание.

— Вот ведь скажет. Значит, распущенные наклонности. — Она отпила из сосуда с родниковой водой и принялась за еду, настолько расстроенная, что пренебрегла протоколом и стала

клевать сразу же с четвертой тарелки. Ее тревога за дочь пересиливала всякий голод и была понятна, но было бы непростительно заказать пищу и не поесть.

Она склонилась над столом, изящно вытянув продолговатую голову на полуметровой шее.

— Ты на голову превосходишь всех в своей возрастной группе. Ты уже свободно владеешь четырнадцатью языками Узора, в то время как норма для твоего образовательного выводка — пять, а для взрослых с высшим образованием — десять. Я уважаю твою свободу выбора. Я уважаю твою целеустремленность. — Голова ее снова отдалилась, и мать уставилась вдаль. — Но область специализации, на которой ты остановилась, будто камень в темных глубинах: Этого я ни как не могу одобрить. — Гребень совершенно распластался по ее затылку и шее при этих словах. — Ну почему из всех доступных предметов ты выбрала именно этот?

— Потому что никто больше не захотел, — ответила дочь.

— И правильно сделали. — Она легко переключила манеру речи — с патетики на выражение глубокой озабоченности. — Само твое здоровье и будущее под угрозой. Даже мужская половина семьи встревожена не на шутку.

— Все совершенно зря беспокоятся. — Ответ Лалелеланг был тверд, но взглядом она с матерью старалась не встречаться. Она сосредоточенно рассматривала других обедающих, тщательно избегая подолгу задерживаться взглядом на какой-либо группе или ком-то конкретно.

Мать втянула шею.

— Я тебя не понимаю. Я не понимаю, как ты справишься. — Она потянулась к одной из полдюжины поджаренных личинок хапули на второй тарелке, подумала и опустила крыло. От огорчения у нее пропал аппетит.

— Я тренировалась, — объяснила Лалелеланг. — В экстремальных ситуациях я пользуюсь специальным препаратом, разработанным именно для этой цели.

Мать свистнула с легким отвращением.

— Нет, вы слышали о таком роде деятельности, который требовал бы периодического употребления медицинских препаратов для того лишь, чтобы поддержать нормальное равновесие в организме? Какой здравый вейс добровольно согласиться подвергать себя такому?

— Были один или двое, — возразила Лалелеланг. Не здесь

на Махмахаре, конечно, а в иных мирах. Ради успеха на дипломатической службе.

— У них не было выбора. А у тебя есть. Но даже и они не связались с такой своеобразной ... специализацией ... которая так извращенно притягивает тебя. — Она приняла многозначительную позу. — Я вынуждена отдать должное твоему характеру, но ты, видимо, успела заметить, с каким неприятным чувством я это делаю.

— Но кто-то ведь должен делать неприятную работу, — возразила Лалелеланг.

Мать с сожалением щелкнула клювом.

— Да, но почему ты? Почему самая яркая из моего выводка?

— Потому что я лучше всех приспособлена, и к тому же у меня такие наклонности.

— Итак, ты продолжаешь настаивать. — Мать выпрямилась и приняла формальную позу. — Мне совершенно ясно, что ты на этом помешалась и намерена добиться своего, невзирая ни на какие опасности.

Я не помешалась. Я просто сделала свой выбор. Или, как говорят некоторые поэты, занятие само меня выбрало по причинам неисчислимым. И я уже общепризнано в тройке лучших в этой области.

— Нетрудно превзойти всех в том, чего все избегают. — За этим наблюдением последовала неприятная пауза, которую ни мать, ни дочь не знали, как прервать. Лалелеланг почувствовала, что как младшая обязана первой нарушить тишину.

— Так значит, завтра ты не придешь на презентацию?

— Ты и в самом деле думаешь, что для меня это будет посильно?

— Не знаю, но мне хотелось бы, чтобы ты увидела кое-что из моей работы, а не осуждала ее заочно на основе информации, полученной из вторых и третьих рук.

Нервы старшей ланг дрогнули.

— Извини. Сама мысль об этом все во мне переворачивает. Мне достаточно тяжело даже просто сидеть здесь и обсуждать с тобой этот вопрос. А уж воочию увидеть твою работу ... нет, не могу. И, конечно уж, отец тем более не придет.

— Поскольку ты его не пустишь?

— Не говори дурно об отце. Для самца — он выдающаяся личность. Да и по твоим генам это видно. Просто-напросто он

с таким же трудом переваривает твой выбор рода деятельности, как и я. И то же самое касается и твоих братьев и сестер.

Лалелеланг посмотрела на остатки трапезы, которая прошла отнюдь не в благодушии.

— Ничего другого я и не ожидала. Мне очень жаль, что тебя не будет. Материал просто очаровательный, если взглянуть своими глазами ...

— Пожалуйста, дочь. — Оба крыла поднялись под углом, точно выражающим беспокойство. — Я уже и так наслушалась. И помни, что как хорошая родительница я терплю твое пристрастие, но это не означает, что я должна его разделять. И меня поражает, что на твоем отделении кто-то на это способен. Скажи мне: на каких презентациях тоже предварительно принимают лекарства?

— Я уверена, что некоторые принимают хотя бы в качестве меры предосторожности. Ты можешь не поверить, но есть и другие, кроме меня, кто способен воспринимать все без предварительной обработки препаратом. Это, как работа с токсинами, — чем дольше подвергаешься их воздействию, тем больший к ним вырабатывается иммунитет. Хотя всегда случаются неожиданности.

— И такую жизнь ты себе избрала. — Мать еле себя сдерживала. — Одно дело увлекаться войной в школе. Но нацелится на исследования Человечества? — Ресницы выразительно вспорхнули. — Если бы ты настолько замечательно не прошла все стандартные тесты, я бы обязательно рекомендовала для тебя усиленную подростковую терапию.

Поднявшись из-за стола, они проделали обязательный ритуал прощания, уместный при расставании матери и второй дочери.

— Я знаю, мать, что ты меня любишь. — Кончики крыльев, перья, клювы, ресницы — все подрагивало и покачивалось при этих словах в красноречивом и сложном ритме.

— Истинно так, несмотря на отталкивающее занятие, которое ты для себя избрала. — Кончики крыльев описали красивую дугу и слегка приласкали дочь.

* * *

На следующий день Лалелеланг старательно гнала из памяти слова матери и ее озабоченность, приготовляя в крошечной аудитории необходимое оборудование. Поскольку

большого стечения народа не предвиделось, большего и не требовалось. Кроме того, эта аудитория была рядом с ее кабинетом и относительно изолирована от основного корпуса университета. Так что никто не будет в обиде.

Вход был разрешен только тем, кому позволяло членство в их отделении либо двойная рекомендация старших ученых.

Более всего это было нацелено на защиту неосторожных студентов, чем на что бы то ни было еще. Ведь если бы неподготовленному студенту довелось по ошибке забрести на одну из презентаций Лалелеланг, приняв ее за обычную лекцию, эмоциональный и умственный ущерб для него мог бы оказаться весьма серьезным.

Ей об этом тревожиться не приходилось. Безопасностью заведовали другие, а она целиком посвятила себя подготовке предстоящего показа.

Аудитория являла собой дюжину застывших в ожидании наблюдателей, каждый из которых расположился на отдельной подушке для отдыха. Как абсолютно все на Махмахаре — и на любом другом мире Вейса, презентационная была оборудована так, что предусмотрено было все, как в плане функциональном, так и в эстетическом. Каждая подушка была снабжена собственным освещением и воспроизводящим экраном, а также дистанционными терминалами для записи и наблюдения.

Голографический проектор незаметно стоял в сторонке, а вместо него на дальней стене был повешен обыкновенный плоский экран. Лалелеланг еще в самом начале своих исследований Человечества поняла, что привычная трехмерная проекция, в точности воспроизводящая жизнь, в данном случае оказывается чересчур шокирующей даже для хорошо подготовленных, опытных наблюдателей. И наоборот, если людей показывать на плоскости, в откровенно искусственной, двумерной проекции, особенно если речь идет о битве, новичкам гораздо проще будет выдержать, потому что в таком виде это зрелище сможет пережить практически любой житель Вейса.

Она зажгла чуть вогнутый плоский экран, проверила проектор, приладила к низу клюва речевой усилитель. Большинство пришедших было Лалелеланг знакомо, но сердце ее забилось чуть чаще, когда она заприметила среди них Фазасисинга. С ним были и остальные два самца из их неразлучной троицы, вероятно, для моральной поддержки.

Все трое работали в отделении социостории, хотя изучением человечества интересовался один Фазасисинг. По большей части они предпочитали специализироваться на легкой теме Золотого Периода довоенной истории самой планеты Вейсесилл. Отдача от этого была скромная, а уж ничего смелого в таком роде занятий не было и подавно. Фазасисинг посещал ее лекции факультативно. Он был красивой и очень цветистой особью с пышным оперением и кричащей манерой одеваться. Несколько раз они уже обменивались более чем любезностями, доходя то пятой стадии словесно-физического взаимодействия. Но, как она ни пыталась, на дальнейшие шаги подвигнуть его не могла. Тем не менее интереса он не утратил.

Ей пришлось сосредоточиться на презентации, хотя это и не означало, что она не сможет изредка кинуть ему взгляд. Она показала, что видит его, полуформально качнув крылом, и вся троица откликнулась синхронно, приняв на свой счет приветствие, предназначавшееся одному. Она восхитилась его походке, можно сказать, поступи, когда он вместе с товарищами прошел к трем соседним подушкам.

Выждав приличествующую паузу, чтобы успели войти опоздавшие, если такие найдутся, она приступила к словесному обзору своих последних исследований, зачитала последний отчет и, наконец, притушила свет и запустила визуальный ряд. Сзади тут же затрепетали, забеспокоились. Она не обращала на это внимания. Сюжет ее презентации был четко изложен во всеуниверситетской программе, и до сведения каждого из присутствующих было доведено, чего им следует ожидать.

Хотя образы на экране представали в натуральную величину и были очень четкими, они были откровенно плоскими, и это придавало им гораздо менее устрашающий облик, чем если бы проекция была трехмерной. Но даже и так, с последнего ряда, недалеко от входного отверстия раздалось несколько приглушенных возгласов потрясения. Это было нормально. Лалелеланг не обращала внимания и продолжала свое эрудированное объяснение.

— Как я уже говорила, сегодня мы рассмотрим социальное взаимодействие между ведущими войну силами Человечества и некоторыми невоюющими представителями Узора. В частности, сегодняшнее исследование будет касаться Гивистама.

Лалелеланг подбирала сюжеты и черпала информацию из

многочисленных источников, выбирая интересующие ее сведения как из военных, так и из гражданских источников. Учитывая то время, которое человечество провело в союзниках, в плане источников было из чего выбирать. Не то, что несколько столетий тому назад, когда контакт с тогдашними земными союзниками Узора был строго ограничен в целях безопасности.

Но все равно, очень непросто было раздобыть подходящие записи, иллюстрирующие социальное взаимодействие земных солдат с представителями других рас Узора, поскольку последние старательно избегали первых даже в небоевых условиях. А если подобные контакты и происходили, то носили чисто случайный характер. Лалелеланг потратила уйму времени, просматривая бесполезные во всех отношениях сводки, выискивая в них крупицы информации.

Иногда представители бригад тыловой поддержки — будь то представители Гивистама, С'вана или О'о'йана — оказывались внезапно в гуще сражения. Иногда попадался гражданский или военный журналист. Вот из такой экзотической комбинации и родился ее немногочисленный материал.

Она начала с подновленных диаграмм, давая озабоченным последний шанс принять лекарство. Что касается ее, то с большинством препаратов она уже два года как покончила; отстраненность ученого и опыт сделали ее невосприимчивой даже к самым страшным сценам. Углубляясь в обзор, она перешла к военным кадрам, и массуды, и земляне, и другие начали появляться на экране в неестественной близости друг к другу и к месту реальной схватки. В аудитории произошел всплеск невольных чириканий и посвистов. Персональные записывающие устройства фиксировали все, что она показывала, все, что говорила.

Когда пошел метраж подробной военной хроники, клекот в заднем ряду усилился и стал более отчетлив. Даже некоторые из ее постоянных студентов забеспокоились. Но никто не ушел.

Она поясняла, а проектор высветил особенно четкую последовательность кадров, показывающих, как земляне раздирают на куски несколько превосходящие их по числу силы криголитов. Последовавший у кого-то из слушателей приступ рвоты не остановил потока слов и образов. Вежливо это или нет, но времени на неподготовленных у нее не было.

Совершенно нормальным не ее презентациях было, если несколько посетителей проблевывались, поэтому, когда это произошло, она нисколько не была удивлена.

Когда она остановила видеоряд и вернулась к чисто словесному рассказу, в зале раздался привычный свист облегчения. Она знала, что жесты ее не столь отточены, как у более опытных лекторов, и движения не столь отшлифованы ветрами академических диспутов. В ее презентациях информация главенствовала над искусством ее по́дачи. Это, несомненно, замедлит ее профессиональное продвижение, но ни в коей мере не скажется на воздействии представляемого ей материала, и этим она была довольна.

Выключив оборудование и спрятав в наплечный карман шарик с записью, она какой-то момент рассматривала расходящихся зрителей. Их осталось меньше, чем в начале, — несколько посетителей ушли (или убежали, если угодно). Это тоже был не первый случай. Она бы улыбнулась, если бы это позволил ее негибкий клюв. Вейсы были лишены мимики, и взамен располагали невероятным богатством жестов, движений глаз, голосовых интонаций. Так что без мимики они не страдали.

Пресекши аудиторию, она перехватила Фиса и его спутников. Он, похоже, вполне неплохо перенес показ, поскольку на лице его было выражение лишь легкой брезгливости. Товарищи его выглядели похуже, однако все равно ритуально вклинились между приближающейся зрелой самкой и объектом ее устремления. Каждый из них с удовольствием бы сам спарился с ней в компенсацию за менее предприимчивого члена их триумвирата.

И хотя все молодые самцы были в полном порядке, именно Фис привлекал ее. Как обычно, он не откликнулся на ее элегантно завуалированное предложение о частной встрече — свидании, по-человечески выражаясь, хотя на Вейсе социальная подоплека подобного рода мероприятий была куда более тонкой — и в результате оставшаяся часть четырехсторонней беседы прошла весьма формально, если не сказать натянуто.

Однако едва они ушли, как один из приятелей вернулся и сообщил, что Фис рад будет встретиться через две недели, с тем хотя бы, чтобы вознаградить ее настойчивость. Она, естественно, вполне профессионально разыграла безразличие, принимая к сведению его согласие. Коллеги тревожились и да-

же немного осуждали ее за отсутствие нормальной общественной жизни. Быть может, факт этого ритуально выдержанного свидания на некоторое время смягчит их. Политика в области общения была кровью культуры Вейса, но жертвовать драгоценным временем исследований в угоду хотя бы минимуму требующихся от нее социальных обязанностей было для нее весьма болезненно.

На Вейсе такое замечание показалось бы весьма неотесанным, но нельзя же проводить месяцы за изучением Человечества и не попасть под влияние — пусть легкое — предмета исследований. Она знала, что в университетском руководстве ее необычайная прямолинейность не всегда одобряется.

Итак, через две недели. Если им удастся довершить случайную встречу, это немало поспособствует утихомириванию критиков. К тому же она отнюдь не против такой связи. Фис вполне зрелый самец, и приятели у него респектабельные. И у него такие переливчатые перышки цвета лаванды на груди...

Она в последний раз проверила оборудование аудитории. Иногда так трудно быть самкой, подумалось ей. Вечно от тебя ждут первого шага. Повелось это с тех незапамятных времен, когда мужская физиология управлялась гормонами, которые вырабатывались всего несколько раз в году. Наука уже давно гомогенизировала этот процесс, но социальные условности оказалось гораздо сложнее изменить.

Интересно, а каково быть человеком, подумала она? Ведь у них, обыкновенно, от самца ожидают агрессивности. Или массудом, у которых биологические и социальные различия столь ничтожны, что позволяют протекать половой жизни в атмосфере удивительного спокойствия? С академической точки зрения и то, и другое было легко представимо, но никак не с личной.

К этому моменту в аудитории остались только она и последний посетитель. Она моргнула, выражая удивление, чего же хочет от нее Кисукачен. Она до этого и не заметила присутствия старшего сотрудника ее отделения, а посему решила, что он появился в процессе презентации.

И хотя это было не очень похоже на него — заходить на плановые лекции, — но прецеденты были. Она подметила, что, несмотря на некоторое потускнение гребня и перьев, он по-прежнему весьма недурен собой. Не совсем в духе Лалелеланг, но очень видный мужчина. И это комплимент для самца

его лет. Вслух она, конечно, ничего этого не сказала. Учитывая разницу их положения в ученом мире, это было бы серьезным нарушением академического этикета.

Ничего плохого, однако, не было в том, что она заговорила первой.

— Вам понравилось, Старший?

— Полагаю, что да. — Ответ его прозвучал твердо, несмотря на неприкрытые обертона дискомфорта. — Давненько мне не доводилось присутствовать на ваших печально знаменитых лекциях по изучению Человечества, и подзабыл я их наглядность. — Он невольно покосился в сторону погасшего теперь экрана, будто нечто чужое и летальное по-прежнему могло таиться за ним, и только поджидало появления очередного невинного прохожего, чтобы разорвать его в клочья.

— Вы определенно не стараетесь приукрасить предмет своих исследований.

— Я изучаю военные действия Человечестве и то, как они соотносятся с культурой остальных цивилизаций Узора, в частности, с нашей собственной. — Она демонстративно поправила проектор. — Действия землян трудно приукрасить. И это не тот предмет, который можно изучать косвенно, в отрыве от фактов.

Видя, что грубость ее ответа повергла старшего в шок, она поспешила смягчить его подобающими послежестами. Попытка вышла неуклюжая, и справилась она с ней плохо, но он виду не подал, что обижен.

— Вы очень непривычная личность, Лалелеланг. Бесконечное удивление у многих в руководстве вызывает то, что личность с вашими данными и способностями остановилась на такой плачевной специализации.

Она предпочла не реагировать. Особой причины на это не потребовалось, поскольку подобное она слышала уже не первый год.

— А могу я полюбопытствовать, находите ли вы в своем загруженном исследованиями графике время, чтобы условиться о спаривании?

Вот ведь какое приятное совпадение. Она расслабилась.

— Есть один, я им весьма интересуюсь, но это сложно. Работа отнимает так много времени.

— Да, о вашей преданности делу немало говорилось. —

Старший попытался, но не совсем успешно, скрыть свое нетерпение. — Могу я проводить вас до кабинета?

— Буду очень рада вашему обществу, — сказала она, зная, что положение ее едва ли дает право на отказ. Гребешок у нее должным образом выправился.

Пока они шли, вокруг них роились ученые и студенты, яркая хроматическая толпа — свистящая, многоголосая, чирикающая, приседающая и подпрыгивающая — чудесно отражающая социальное взаимодействие большого количества вейсов на стадном уровне, которое постороннему показалось бы тщательно и изысканно поставленным танцем. И среди взмахов крыльев и прекрасной поступи, изгибов оперенных гребней и переливающихся самцов, блеска одежды и украшений то здесь, то там попадался студент, прилетевший по обмену, то заезжий ученый, и казались они подобными бревнам, плавающим по поверхности зеркальной озерной глади.

Вот ярко-зеленый житель Гивистама, чешуйчатый и блестящий. А вот в прилизанном потоке парочка О'о'йанов, шушукающаяся между собой.

— Вы же не хотите сказать, что администрация снова недовольна?

— Нет. — Веки старшего едва дрогнули. — Они признают значимость вашей работы и то, что кто-то должен ей заниматься. И поскольку назначить они никого не осмеливаются, то испытывают в ваш адрес молчаливую благодарность за ваш энтузиазм. В конечном итоге им от этого скорее облегчение, чем расстройство.

— Я рада, — она практически не скрывала сарказма. — Дух мой только поднимается от мысли, что благодаря моим усилиям руководители могут спать спокойно по ночам.

— Не вижу никаких причин для подобного тона. У вас есть необходимая поддержка со стороны руководства.

— Имеется, но вынужденная, будто я занимаюсь исследованием какой-нибудь ужасной болезни. — Когда старший не стал оспаривать данной аналогии, она продолжила. — И я уверена, что если вдруг весь мой фронт работ внезапно испарится, то все будут только рады назначить меня на исследование чего-нибудь менее неприглядного.

Они спускались по пандусу, застекленному тонированым стеклом и обсаженному розовыми финушиями.

— Несомненно, в вашем наблюдении содержится доля

истины, — признал он. — И, однако, они сознают, что усилиям вашим найдется применение, пока война не кончится.

— И после окончания войны — тоже найдется, хотя они этого и не видят.

Он искоса посмотрел на нее.

— Что вы хотите этим сказать?

— Окончание войны не повлечет за собой исчезновения Человечества. С одобрения Узора они освоили и заселили много миров, с тем, чтобы у союза было достаточно воинов. И завершение войны не заставит их покинуть обжитые планеты. Мы по-прежнему будем вынуждены вступать с ними в социальные взаимодействия. Именно поэтому мои исследования имеют такое значение.

Старший помолчал некоторое время.

— Я не вполне уверен, что в этом будет необходимость, — сказал он, наконец. — Многие полагают, что с небольшой нашей помощью Человечество будет только радо возобновить свою первоначальную изоляцию.

— Это бессмыслица, — ответила она, — либо желаемое выдается за действительное. Нельзя согнать потомство с насиженного гнезда. Невозможно вымести их, как навоз. И как бы сообщество Узора к этому не стремилось, они не уйдут. А поэтому, чтобы уживаться с ними, нам надо постараться их понять, а чтобы понять необходимо их изучить. — Глаза ее сверкнули. — При любых условиях.

— В мой адрес можете не распаляться, потому что я на вашей стороне, — сказал руководитель отделения. — Если бы это было не так, я не финансировал бы ваши исследования так долго. Я просто говорю, что есть другие — менее дальновидные, менее... терпимые.

— Но я ведь не одна занимаюсь этим вопросом.

— Я знаю. Есть еще Вуненнмил в университете Сиета и Давививн на Куусуниу.

— Я хорошо их знаю по их работам. Так же, как и они меня. Мы — маленькая, спаянная группа; своего рода тройка, только объединенная не сексуальными, а научными интересами.

Они свернули под водопад и направились по дорожке, ведущей к обиталищам.

— Нежелание изучать бьющееся в схватке Человечество —

общее для всех наших союзников, — заметил Старший. — Оно не ограничивается Вейсом. То же самое мы имеем везде — от С'вана до Чиринальдо. Массуд мог бы их запомнить, но они слишком заняты битвой, на С'ване все слишком самонадеянны, Лепар, само собой, отпадает. Гивистам, О'о'йян и Сспари слишком заняты материально-техническим обеспечением войны. — Из клюва его донесся мягкий свист. — Мне иногда кажется, что серьезным изучением заинтересован только Вейс.

— Человечество заявляет, что и они тоже.

Старший посмотрел на нее в изумлении.

— Что вы имеете в виду?

— У них есть свои высшие учебные заведения, где они на самом деле, хотите верьте — хотите нет, занимаются не только оттачиванием военного мастерства.

— Да, я слышал подобные рассказы. — Перья на шее у него поежились, но гребень не поднялся. — Человеческий университет — тут уже в самом этом понятии заложено противоречие. Ужасное, должно быть, местечко.

— Не знаю. Но когда-нибудь надеюсь испытать на себе.

— Да, вы настоящий ученый, если преданы своему делу до такой степени.

— Не больше, чем любой из моих достопочтенных коллег, — непредвзято заверила она его.

— Вероятно, но ведь ими движет уважение и любовь к предмету исследования. А у вас это определенно не так.

— Это правда, к Человечеству у меня не больше любви, чем у любого здравомыслящего вейса. Я не хочу, не могу этого отрицать. Я, скорее, привязалась к этому огромному пробелу в столь важной отрасли знания, который должен быть заполнен. И я рада, что несмотря на личные чувства, члены руководства способны это понять.

— Будьте уверены, они понимают.

— Так, может быть, они поймут, как насущно будет выполнить заявку, которую я собираюсь представить им завтра?

— Заявку? — Веки его полуприкрылись. — На что? На дополнительные носители информации? На какие-нибудь редкие исследовательские материалы? Может быть, на отлет за пределы мира, чтобы лично побывать на Куусуниу и познакомиться с коллегами? У нас в настоящее время с финансами проблем нет.

— Боюсь, что не так все прозаично. Это касается одной проблемы, которая уже продолжительное время меня беспокоит.

Он резко остановился.

— Вы не больны, случайно? — Обеспокоенность его была искренней. Она уже давно заприметила, что интерес к ней со стороны головы отделения выходил за рамки профессионального. И не то чтобы ей претило такое внимание — просто он совершенно не волновал ее как потенциальный партнер для спаривания. Отсутствие у нее интереса заставляло его оказывать знаки внимания издали, но надежды он все-таки до конца не терял. Она знала, что это все чисто мужская штучка, которой он даже в его преклонном возрасте полностью не управлял.

— Я очень сильно ощущаю, что с имеющимися у меня в распоряжении материалами я продвинулась настолько, насколько это представлялось возможным, и, следовательно, должна в дальнейшем предпринять шаги, связанные с расширением моих исследовательских работ.

— Конечно же. Несомненно. Я лично поговорю, чтобы вам...

— Нет, вы не поняли. Я исчерпала все возможности литературы, начиная от первого контакта Человечества с Узором. Мои собственные изыскания уже продвинулись гораздо дальше, чем что бы то ни было написанное и сделанное. Мне нужно... — Она замялась, пытаясь облечь свои слова в самую убедительную формулировку. — Мне нужно провести полевые изыскания.

Старший не сразу среагировал. Он неопределенно чирикнул:

— Полевые изыскания.

— Да. Я чувствую, что не смогу продвинуться дальше без изучения напрямую. Я сделала все, что могла. Вы же видели мои отчеты.

— О да. Блестяще. В высшей степени оригинальные труды. Можно сказать, заслуживающие самой высокой благодарности, несмотря на столь неблагодарный объект исследования. Вы снискали высочайшее уважение нашему отделению и всему университету.

— И намереваюсь снискать еще большее, продолжив исследования на месте. Мне нужно, чтобы была удовлетворена за-

явка на средства, необходимые, чтобы я лично могла посетить места боев. Поле битвы. Изучив последние сведения в средствах массовой информации, я остановила свой выбор для начала на Тиофе.

— Но ведь Тиофа — спорный мир, на котором идет самый настоящий бой. — Истинный смысл ее просьбы все еще не доходил до него.

— Верно. А где еще я смогу наблюдать людей во взаимодействии с другими расами в условиях боя?

Забыв о вежливости, он разинул клюв и уставился на нее; огни как раз входили в спиральный сад Гучерия.

— Но ведь это несерьезно. Вы — с Вейса. И мне нет дела до того, насколько, по вашему мнению, вы приучили себя к подобным ужасам. Близость ученого к предмету исследования — не то же самое, что реальная близость к нему.

— Именно поэтому я и должна туда отправиться, — заключила она.

— Но вы же по собственной работе знаете, что мы эмоционально и умственно неспособны приспособиться к таким условиям.

— За годы работы я изобрела для себя ряд упражнений, которые, как мне кажется, дадут мне возможность справиться с этим. Кроме того, у меня есть также последние версии стандартных препаратов. — Шея ее резко выгнулась, образуя текучий знак вопроса. — Я д о л ж н а. Иначе мои исследования зайдут в тупик.

— Но вы же сравнительно молоды. — В голосе начальника послышалось сожаление.

— Это не остановит моего интеллектуального роста, как, впрочем, и физического. Полевые изыскания — следующий шаг в моем развитии.

— Я не знаю... Администрация может счесть себя ответственной, если с вами что-то случиться в ходе исследований, которые она профинансировала.

— Я уже приготовила все необходимые расписки. Так что, в смысле законности, я с таким же успехом могу спокойно умереть прямо здесь, как и на поле битвы. — Для слова «битва» ей пришлось использовать примерный фонетический эквивалент, поскольку ни в одном из наречий Вейса такого слова не было.

— А вы хорошенько представляете себе, что в ходе этой

работы можете остаться единственной представительницей иной расы среди людей?

Невольная легкая дрожь пробежала по ее ногам, но столь мимолетная, что Глава отделения, она была уверена, ничего не заметил.

— По-моему, я обдумала все, хотя, естественно, никогда нельзя сказать твердо, как отреагируешь на ту или иную непредвиденную ситуацию, пока на самом деле с ней не столкнешься. Я бы не предлагала этого проекта, если бы не чувствовала, что выживу. Это ведь не просто предмет академического интереса, — добавила она многозначительно. — Я частично сформулировала гипотезу, которая меня больше всего и тревожит. Я убеждена, что предлагаемые мною полевые исследования позволят мне со временем сковать мои рефлексы, а хорошо бы и избавиться от них.

— Если это вас так тревожит, то, может быть, лучший выход принять таблетку? — пробормотал Глава отделения.

Она тут же остановилась и требовательно спросила его.

— Так вы порекомендуете, чтобы средства были выделены?

Он замялся, пытаясь скрыть свою личную заинтересованность в ней.

— Вы взваливаете на меня тяжкое бремя.

— Если со мной что-нибудь случится, ответственность будет лежать на мне, а не на ком-то еще. Это просто вопрос исследовательской дотошности. О вине тут и речи быть не может.

— Если бы вам удалось выжить и вернуться хоть с толикой оригинальных материалов, это был бы триумф университета. Как личность я сильно сомневаюсь в состоянии вашего рассудка. Но как профессионал я могу только выразить вам мое крайнее восхищение. — Несколько маленьких перышек на гребне поднялись подобающим образом. — Я проведу ваш запрос и порекомендую, чтобы он был должным образом профинансирован. И, надеюсь, не к величайшему для меня сожалению, сделаю я это не анонимно. — Он плавно перешел на гораздо более личное наречие. — И я определенно буду с нежностью вспоминать о вас, пока вы будете заняты в этом экстраординарном предприятии.

— Вы не будете разочарованы, как и весь университет. — От его одобрения ее пронизывало крайнее возбуждение. — Я принесу такую честь университету, что...

— Да, да, — сказал он, перебивая, когда резные мореные двери разошлись и впустили их внутрь следующего университетского корпуса с постоянно поддерживаемым температурным режимом. — Если выживете.

Глава 2

За пределами своего мира ей бывать не доводилось. Вейскому историку не было никакой нужды отрываться от шариков с информацией и считывающих устройств. За исключением тех, кто посвятил себя дипломатической службе, вейсы предпочитали держаться поближе к дому и поддерживать военные действия любыми способами, кроме своего присутствия. Это являлось следствием в равной мере склада характера вейсов и результатов практики. Они неизменно находили все иные миры — как бы ни были предположительно мудры и развиты их обитатели — совершенно отсталыми в культурном и большинстве других аспектов, по сравнению с Вейсом. Кроме того, ученым не имело никакого смысла совершать путешествия между мирами, поскольку гораздо проще, удобнее, дешевле и быстрее было запросить необходимую информацию через подпространство.

Когда челнок доставил ее на орбиту для пересадки на подпространственный транспорт, она впервые увидела извне родную планету, и зрелище это ее взбудоражило. Это путешествие обещало ей не только научные, но и личные открытия.

Ведь другие обитаемые миры, должно быть, являют собой не менее величественное зрелище, подумалось ей. Огромные яркие шары, окруженные сияющими нимбами атмосферы, раскрашенной плывущими облаками, с единственным величественным материком, гордо плывущим в ослепительной голубизне всеохватывающего океана.

Все, кроме Земли. Эта планета сильно отличалась от остальных обитаемых миров.

Родина Человечества и противоестественной геологической активности. Источник омерзительного и уникально регрессивного, но в высшей степени пригодившегося стереотипа поведения разумных существ, не говоря уже о ее карьере.

Какое это, должно быть, чудесное и пугающее место, раз-

мышляла она. Кто знает, вдруг однажды и ей доведется там побывать.

Она почувствовала, что ее охватывает дрожь, и тут же приступила к одному из своих разработанных ею умственных и дыхательных упражнений. Дрожь прошла. Мало кто из вейсов осмелился бы даже помыслить о добровольной высадке на Землю, которой по традиции пугали непослушных детей. Как она ни старалась, ей не удалось найти сведений о том, чтобы кто-нибудь из Вейса лично побывал на этом далеком шаре, таинственном и ужасном, как, впрочем, и на других мирах, заселенных людьми. Такие контракты сочли за лучшее оставить на долю более устойчивых психически представителей Массуда, и даже С'вана. В окрестностях Ж'коуфы ей пришлось пересесть на маленькое, гораздо менее комфортабельное судно, оснащенное минимумом удобств. На борту оставалась лишь крошечная горстка вейсов, и всю дорогу они жались друг к другу. Страшась непонимания, а то и бойкота с их стороны, она при общении с ними не упоминала истинной цели своего полета.

После остановок еще у двух миров ей снова пришлось сделать пересадку — на этот раз у Четвертой планеты Воура, — она оказалась на корабле, целиком заполненным жителями С'вана и Гивистама. Также на борту был отряд бойцов с Массуда. Тогда она впервые увидела оружие — обычное табельное стрелковое — на боку у них. Но людей не было. До тех пор пока она не оказалась на борту военного челнока, камнем падающего к поверхности фронтовой планеты Тиофа.

Как и большинство пограничных миров Назначения, Тиофа была беспорядочно усеяна сельхозугодиями, а защищали планету, принадлежащую миру Т'реутори в данный момент в основном бойцы Мазвека. Силы Узора традиционно сначала захватывали плацдарм, а затем оттесняли защитников внутрь укрепленных крепостей, откуда постепенно выживали их осадой.

Но на Тиофе сопротивление было необычайно ожесточенным. Удар Узора не только был встречен, но и местами враг перешел в контрнаступление. Командование Узора стояло перед серьезной угрозой задуматься о том, чтобы вовсе оставить всякие попытки и вывести войска.

Ввиду этого было решено послать в эту мясорубку необычайно крупный контингент людей. Получив такое подкреп-

ление, силы Узора стали постепенно переламывать ход сражения, но окончательная судьба Тиофы была еще далеко не решена. Переменчивость положения очень явственно обозначилась перед Лалелеланг.

Челнок при посадке атакован не был, поскольку враг основные усилия сконцентрировал на поддержке сухопутных войск, предпочитая не тратить ресурсы на трудную и опасную задачу перехвата кораблей Узора, выныривающих из подпространства. Силы Узора прикрыли их на подлете, за что Лалелеланг была им крайне благодарна. Когда корабли противоборствующих сторон выныривали — чаще всего в силу совпадения — неподалеку друг от друга, кончалось тем, что один из двух кораблей тут же исчезал в ослепительной вспышке распадающихся атомов. Поскольку невероятной мощи оружие, управляемое электроникой, автоматически срабатывало прежде, чем кто-либо успевал хоть что-то понять. Нечастые такие столкновения заканчивались каждый раз прежде, чем стороны успевали сообразить, кто победил, а кто погиб.

На поверхности же, где происходило большинство боев, шансов остаться в живых, по крайней мере, у тех, кто непосредственного участия в схватках не принимал, было гораздо больше.

Военные советники, недовольные ее путешествием к месту боев, предупредили ее, с какого рода техникой ей может довестись столкнуться. Она от них отмахнулась, полагая, что и так ко всему готова. Кроме того, вейсу, оказавшись за пределами любого из миров Вейса, так и так приходилось туго. Кроме того, в такую даль она отправилась отнюдь не ради удобств и комфорта.

Она была готова к тому, что за все время своего пребывания не встретит больше ни единого вейса. Длительная изоляция от общества беспокоила ее не настолько, как было бы, окажись в такой ситуации рядовой гражданин. Серьезные исследования в любом случае требовали уединения, а уж историки тем и отличались, что были не в ладах с действительностью, постоянно уплывая разумом в другие миры и времена.

Едва челнок приземлился, как его тут же закатили в мощно укрепленное и закамуфлированное укрытие, расположенное в долине, среди солидных, с округлыми вершинами гор. Припарковали его среди целого ряда аналогичных судов. Не-

которые находились в процессе обслуживания, а из самого большого выгружали что-то большое и зловещее на вид.

Незнакомыми были только декорации. Все остальное она узнавала по памяти, благодаря тщательному предварительному изучению предмета. Исследования сослужили ей добрую службу.

Высокий, угловатый, смертоносно вооруженный массуд направил и ее, и еще нескольких гражданских пассажиров в комнату ожидания, где имелись примитивные, но достаточные мультивидовые удобства. Она элегантно сложила крылья на подобающем случаю стуле и приготовилась ждать. Наплечный карман оттягивали по-прежнему нетронутые медикаменты.

Место ее выгодно отличалось тем, что оттуда удобно было наблюдать чарующую и постоянно меняющуюся картину прибытия все новых пассажиров. Свирепого вида массуд целенаправленно входил и выходил, возвышаясь над всеми остальными. Волосатые коротышки со С'вана натыкались друг на друга, обменивались раскатистыми репликами, смехом и двигались дальше. Рептилии с Гивистама — с кожей, окрашенной в самые разнообразные оттенки зеленого — торопливо сновали туда-сюда, изредка останавливались и, пытаясь вступить в разговор со своими далекими, более высокоразвитыми и менее болтливыми, сородичами с О'о'йана. Она даже заприметила бесформенного, тяжелого представителя Чиринальдо, который выглядел непривычно задумчивым, хотя, быть может, все дело было в гелиоксовой маске, прикрывающей лицо.

И ни единого вейса. Никого с Бир'римора, Сспари и прочих союзных Вейсу миров Узора. И совершенно очевидно, что чем ближе к линии огня, тем представительство будет сужаться.

И тут она увидела первого человека, даже не одного.

После стольких лет пристального изучения их внешний вид, манера двигаться, повороты голов и глаз, конечностей и тел были ей столь знакомы, будто она состояла с ними в родстве. Трое из них двигались по центральному проходу в ее сторону. Двое самцов и самка, которую несложно было опознать по характерно выступающим молочным железам. Как обычно, мужчины были чуть выше и мускулистей, хотя в рамках каждого из полов у этой расы встречались значительные отклонения.

Они оживленно беседовали, разговор их то и дело преры-

вался раскатами грубого и крайне недисциплинированного человеческого смеха. Этот необычный звук, подобный которому в Узоре можно было обнаружить разве что у с'ванов, заставил всех повернуть головы в сторону троицы и вокруг них тут же образовалась пустота.

У Лалелеланг, будто по мановению крыла, волшебным образом материализовалось записывающее устройство, и она стала заносить в него свои наблюдения даже прежде, чем успела это осознать. Дрожь возбуждения пробежала по ее телу. Вот перед ней во плоти представители расы, изучению которой она посвятила свою жизнь. Обычные на вид представители, но...

Нет, напомнила она себе. Какие бы они не были нецивилизованные, нельзя думать о них подобным образом, пусть они даже всего лишь временные члены Узора. Это ведь зависело скорее от их собственного выбора, чем от других рассоюзников. И ей следует быть внимательной, чтобы ее записи этому соответствовали.

Один из самцов был сравнительно высок ростом, но никто из троицы не был особенно массивен. Все они были крупнее вейсов, гивистамов или с'ванов, но представители Массуда были в целом выше, а Чиринальдо — толще. Их быстрая походка была знакома ей по многолетнему изучению. Примитивное строение мышц приводило к тому, что одежда на них выпирала в самых неожиданных местах, и ей казалось, будто она слышит, как скрипят их тяжелые плотные кости. Разумные убийцы-охотники. У нее началась легкая дрожь, которую она тут же уняла, припомнив разработанные ею мнемонические упражнения. Нервозность сменилась ожиданием, и она нацелилась на запись. Вся ее карьера была лишь подготовкой к этому моменту. Если бы коллеги ее сейчас увидели, они содрогнулись бы от страха.

Один из людей заметил ее и остановился, указывая в ее сторону. Они быстро переговорили между собой. После этого пара самцов отошла в боковой проход, а единственная самка направилась к ней.

С научной точки зрения она предпочла бы кого-то из самцов и поэтому была слегка разочарована. С другой же стороны, самка была немногим выше нее и, следовательно, не столь устрашающа. Интересно, подумала она, это совпадение или их дипломатическая предусмотрительность?

Женщина остановилась на порядочном расстоянии и обратилась через транслятор.

— Вы — историк Лалелеланг. Я буду поддерживать с вами связь, пока вы находитесь на Тиофе. Мое имя — лейтенант Умеки.

Непокрытая, гладкая рука с пятью пальцами протянулась к Лалелеланг. Зная, что эта рука способна прошибить насквозь ее грудную клетку, она инстинктивно отпрянула, напрочь забыв заранее приготовленное приветствие. Женщина тут же осознала ошибку и убрала руку.

— Извините! Я забыла, что вейсы гораздо менее... прямолинейны. — И она изобразила со своей стороны великолепный образчик широкой, дикой человеческой улыбки. Без сомнения, она призвана была ободрить.

Лалелеланг пыталась побороть себя и не обращать внимания на невыносимо бескультурное, хамское обнажение крупных белых резцов. Она протянула чуткие кончики правого крыла.

— Ничего, — сказала она на идеальном человеческом языке. — Я сама виновата.

Пальцы коснулись ее хватательных перышков. Голая кожа оказалась теплой и обманчиво мягкой. В этот раз решительная Лалелеланг даже и не вздрогнула почти. Внезапно она очень обрадовалась, что к ней подошла самка, а не кто-то из самцов.

Она расправила перья и подняла под подобающим случаю углом те из них, что растут на голове и на шее. Это был наработанный автоматический ответ на приветствие, совершенно бесполезный при общении с человеком.

— Не хотите ли пройти со мной? — Офицер повернулась и пошла обратно по главному проходу. Лалелеланг последовала за ней и обратила внимание на необычайную легкость и плавность походки, которая никак не вязалась с грубым внутренним строением опорно-двигательного аппарата людей. Вскоре челночный ангар — последняя хрупкая связь с цивилизацией — остался далеко позади.

— Я очень ждала встречи с вами. — В речи Умеки напрочь отсутствовали цивилизованные обертона и интонации, которые так украшали даже самые грубые из диалектов Вейса. — Я очень много занималась осуществлением контактов, но это все было с гивистамами да со с'ванами. С Вейса у нас тут никого еще не было. — Она в дружелюбной, подбадривающей ма-

нере взглянула на Лалелеланг, блаженно не сознавая, как горит ее взгляд. Это была одна из характерных наследственных черт людей, над которыми они были не властны.

— Я так понимаю, вы нас изучаете?

— Довольно давно, — объяснила Лалелеланг. — Это моя специальность.

Умеки засмеялась.

— Я кое-что знаю об обществе Вейса. Ваши друзья, должно быть, считают вас немного чокнутой.

— Немного — не то слово. А ваша непопулярность среди нас вас не тревожит?

— Не-а. Мы к этому вполне привыкли. Нас это по большей части веселит.

— Насколько я составила себе представление о вашем виде, — сказала Лалелеланг, — у нас с вами трудностей возникнуть не должно.

Она уже успела выдать заготовленные формальные приветствия и перешла теперь к разговорной человеческой речи, в которой более всего ценится непосредственная прямолинейность и грубая фамильярность. Но даже при таком неотесанном взаимодействии друг с другом, у людей оставались драгоценные пробелы в общении, куда можно было ввернуть небольшие обороты, выражающие признательность, и другие вежливости.

Видимо, поэтому человек теперь стремилась расслабить ее и придать ей уверенности. Лалелеланг вежливо слушала, поддерживала пустой разговор, но при этом пыталась отделить от плевел зерна информации, которая позже может оказаться полезной.

— А ваш человеческий лучше моего, — попыталась отвесить неуклюжий комплимент Умеки. — Хотя, конечно, ведь ваш народ специализируется на лингвистике. Очень мило, что нам не придется пользоваться транслятором. Прошлый раз я сопровождала одного с Гивистама, так ему требовалось две минуты, чтобы понять, и пять, чтобы ответить.

— Мне тоже не нравится, когда двоим приходится общаться через посредничество искусственного прибора, — вежливо ответила Лалелеланг. Человеческая самка старалась идти помедленнее, чтобы самка с Вейса за ней поспевала. Но ведь, напомнила себе Лалелеланг, эта женщина — опытный гид. А

среднестатистический человек, бесспорно, не был бы столь обходителен.

Она выключила запись. Умеки — явно неподходящий объект для пристального изучения.

Кроме того, я знакома по большей части с современными оборотами устной речи человеческого языка.

— Да что вы говорите? — Умеки свернула за угол. — Это тоже важно для вашей работы?

— Все может случиться. Я ведь социоисторик. И изучаю Человечество не только во взаимодействии с представителями других миров, но и их контакты между собой.

— В точности тем же занимаются и наши собственные социологи. Все хотят побольше узнать друг о друге, не так ли?

Окончательно освоившись с человеческой разговорной речью, Лалелеланг уловила теперь в тоне женщины легкую, невольную обиду.

— Грубо говоря, да.

— Мы позаботимся о вашем багаже. Насколько я понимаю, на Вейсе принято путешествовать с уймой багажа.

— Со мной вам будет трудно. Я приготовилась, как следует, не только к работе, но и предстоящим мне условиям.

— Тем лучше. — Она восторженно смотрела на Лалелеланг, пока не поняла, что та уже начала смущенно переминаться с ноги на ногу. — Знаете ли, ваш народ — такие маленькие прелести. Ваши украшения, естественные расцветки... Так и хочется поставить вас на солнышко и просто любоваться.

Сознавая, что фраза эта была задумана как комплимент, а не как непростительное нарушение этикета, Лалелеланг заставила себя принять ее как таковую. Чем дольше она проводила в обществе человека, тем спокойнее себя чувствовала. Годы напряженного изучения предмета давали себя знать. Сочетание небрежных оскорблений, физической и словесной прямолинейности, угрожающих жестов и неотесанной повадки — не говоря уже о тошнотворном запахе тела — к этому моменту давно превратили бы любого неподготовленного вейса в трепещущее от страха и омерзения жалкое зрелище.

Вероятно, ее визит может оказаться и не такой уж удручающей затеей. Она почувствовала прилив социально приемлемого аналога гордости.

Они притягивали к себе множество взглядов по мере того,

как все дальше углублялись в комплекс. Других вейсов она не видела, да и не ожидала увидеть. Внимание не нее обращали в основном представители — все более многочисленные — Человечества, а также Массуда, Гивистама и даже тусклого вида жители Лепара, и все диву давались присутствию хрупкого представителя Вейса в такой компании.

«Вот ведь, наверное, думают, зачем я здесь, — и понять не могут», — радостно подумала Лалелеланг. В этом отношении их реакция ничем не отличалась от реакции ее друзей у себя дома.

— Я покажу вам комплекс, только сначала нужно вас устроить, — говорила Умеки. — Времени это много не отнимет. Тут все рядом. Устроитесь, отдохнете, а потом мне дано указание показать вам все, что вы ни попросите. Здесь очень большие хранилища, и цеха по усовершенствованию и ремонту военной техники вас также, бесспорно, заинтересуют. Там работает много представителей О'о'йяна и Гивистама. Есть также и научно-исследовательское оборудование.

— Я хочу посетить линию фронта.

Женщина остановилась так резко, что Лалелеланг едва не споткнулась об ее ноги. И хотя она была близко знакома с такими грубыми жестами людей по своим исследованиям, но испытать это на себе все равно многого стоило.

— Ч е г о это вы хотите? — тупо уставилась на нее Умеки.

Внезапная перемена тона, ошеломляющий налет обвинительности, намек на возможное нападение, явственно ощущаемый как в тембре голоса, так и в движениях, окончательно поверг Лалелеланг в крупную дрожь. К ее чести, Умеки тут же осознала свою ошибку и поспешила ее исправить.

— Извините, не волнуйтесь. Я не хотела вас так пугать. Я же знаю, как вы легко ранимы.

Упражнения оказали волшебное воздействие.

— Да. Это определенно... имеет место, — ответила Лалелеланг.

— Просто ваш запрос лично м е н я поразил. Не могу же я взять вас на передовую.

Лалелеланг собралась с силами.

— Но вы только что заявили, что вам дан приказ показывать мне все, что я ни попрошу.

— Это правда, точно. Но вейс в боевой обстановке... Вы не шутите?

— Совершенно. Именно в этом суть моих исследований. — Она сама поразилась, что говорит с человеком с позиции силы. Неподготовленный вейс рта не был бы способен раскрыть. — Это именно то, зачем я здесь, именно этого я хочу.

В голосе человека снова послышались обвиняющие нотки.

— Мне это не нравится. Я несу личную ответственность за вас в течение всего вашего здесь пребывания. И если с вами что-то случится...

— У меня нет таких намерений. Я здесь только для того, чтобы провести наблюдения, сделать записи. Можете не волноваться, я не схвачу оружие и не брошусь с ним на врага. — Такое замечание, а тем более мрачный юмор, в нем заключенный, невозможно было бы сформулировать ни на одном диалекте Вейса, даже самом варварском.

Умеки внимательно посмотрела на неожиданно упершуюся птицу.

— А вы, черт возьми, и в самом деле подготовились, что надо. Не удивительно, что вашу просьбу о полете сюда удовлетворили. Мне придется еще раз переговорить с вышестоящими, но если вы именно за этим сюда прилетели, и если вы согласны написать соответствующие расписки, я полагаю, мне придется взять вас на фронт.

— Мне кажется, все необходимые расписки уже подколоты к делу. Я прилетела не для того, чтобы тратить время на бюрократию.

— О, я думаю, времени у вас будет предостаточно. — Лейтенант, похоже, над чем-то задумалась. — На плато Кии идут непрекращающиеся бои. Там у нас второстепенный театр военных действий. Мы их там потихоньку тесним, но дела идут медленно. Это вам будет в самый раз. — Она умолкла, будто ожидая возражения. Когда такового не последовало, она добавила:

— Если, конечно, вы уверены, что вам этого хочется.

— Абсолютно уверена.

Умеки смерила ее взглядом — еще одно нарушение приличий в длинном ряду. Но к этому моменту историк уже поднаторела в игнорировании.

— Вот ведь чертовская работа будет — подобрать для вас полевую форму.

— Зря беспокоитесь. Для вейсов военной формы вообще не делают. А даже если вы и подберете подходящую

функционирующую экипировку, я все равно ей пользоваться не сумею. Так что это будет пустая трата.

— Это верно. — Это замечание, по крайней мере, можно было воспринять, как констатацию факта, а не как оскорбление. — Но все равно, в плане одежды надо что-то придумать. Не должно быть ничего, сковывающего движения. У вас перья, так что утеплять вас не надо. Вот только драгоценности снимите для начала. — Она махнула рукой вдаль. — Там комфорта не предвидится.

— А я и не жду. Если бы мне нужен был «комфорт», я бы на эту планету не прилетела и с вами бы сейчас не разговаривала.

Умеки легонько кивнула сама себе.

— Да, язык вы знаете. Вы так говорите, будто музыка играет.

Лалелеланг приняла грубый комплимент, зная, что на всех мирах Вейса едва ли бы набралось хотя бы с дюжину тех, кто согласился бы не то, что поменяться с ней местами, а просто хотя бы подумать над этим.

— К тому же, вы, похоже, знаете, чего хотите. — Лейтенант решила было понимающе похлопать Лалелеланг по хрупкому плечу, но вовремя одумалась — и правильно сделала. — Обещаю вам, что вы это получите.

Глава 3

Ее укутали в свободную, ниспадающую накидку из самой мягкой защитной ткани, какая нашлась, и усадили в тяжелую бронированную машину на воздушной подушке, направляющуюся на север. Ей досталось плохо приспособленное, неудобное сиденье впереди, рядом с водителем, а сзади кучно разместились люди-военные.

Вид их — в полной боевой экипировке, увешанных оружием и потенциальными средствами разрушения — обычному вейсу не привиделся бы и в самом страшном кошмаре. Лалелеланг же не только была знакома с их обликом; подготовка позволяла ей узнавать на вид название и предназначение многих смертоносных приборов, которые были у них. Но даже при этом, непосредственное знакомство с ними повергало в ужас.

Тут ей, как всегда, помогли упражнения.

Все солдаты были крупнее лейтенанта Умеки, а некоторые — так просто огромные. Она держалась от них подальше, а они не обращали внимания на пернатую чужеземку, затесавшуюся в их ряды.

Странно было видеть сравнительно миниатюрную самку Умеки, одетую в такую же форму, правда, менее утяжеленную броней для свободы движения, но с двумя полностью исправными поясными пистолетами и связкой взрывающихся дротиков. Лалелеланг записала все это для потомков и своих грядущих исследований.

Перед тем как покинуть базу, она приняла комбинацию из двух стабилизирующих лекарств, зная, что одними упражнениями не удастся сохранить равновесие, случись ей оказаться в настоящих боевых условиях.

Кто знает, вполне вероятно, что она — первый представитель своего вида, который п р е д н а м е р е н н о помещает себя в такую враждебную обстановку.

С социальной точки зрения информация, которую она надеялась получить, став участником эксперимента, а не просто наблюдателем, должна оказаться бесценной. Она уже и так зафиксировала столько данных, что долгое и трудное путешествие сюда с Махмахара с лихвой окупалось. Мысленным взором она уже видела реакцию своих коллег.

И очень надеялась, что ей удастся увидеть достаточно, чтобы опровергнуть неприятные теории, служившие основным препятствием для отправки ее сюда и — на самом деле — препятствующие ее карьере.

Поверхность планеты, видимая сквозь бронированное переднее окно войсковой машины, сначала представляла собой травянистую равнину, а потом сменилась холмистым участком, поросшим кустарником. Иногда ей было видно, как их обгоняют другие машины, а некоторые со свистом проносились навстречу. Некоторые были заметно больше транспорта, на котором ехали они, и ощетинивались какой-то разрушительной техникой. Одна машина дала очередь по какой-то цели, находившейся за пределами ее видимости, а потом нечто неизведанное и смертельно опасное разорвалось недалеко от них, подняв в воздух фонтаны земли и гравия.

От глубинной дрожи встали дыбом перья. Так вот она, война, подумала Лалелеланг. Вот оно, наглядное воплощение то-

го, как одни разумные существа пытаются уничтожить других. Вот до чего докатился в конце концов Амплитур в своем стремлении включить членов Узора во всеобъемлющее Назначение. Вот он, противоестественный акт, на который вынуждены были пойти представители рас Узора, дабы защитить свою независимость.

Хвала всем Вознесенным духам, что существует Массуд, один из соучредителей Узора, на кого до недавнего времени было возложено бремя в одиночку сражаться с врагом. Хвала легендарному массудскому исследователю Кальдаку, экспедиция которого первой вступила в контакт с неприятными, но бесценными людьми, которые, в конце концов, повернули маховик войны в сторону победы над врагом.

Единственный неточный вражеский удар потряс ее гораздо меньше, чем она могла себе представить. Его очень просто было поставить в один ряд с ударом молнии или падением метеорита. Задуматься страшно, но абстрагироваться легко.

Транспорт сбавил ход и въехал в высокий лес. Растительность не походила на махмахарскую. Деревья были высокие, с прямыми стволами, а на ветвях вместо листьев были длинные острые колючки; на удивление редкие кустики ютились под укрытием огромных, отполированных ледниками валунов.

Рядом с ней возникла Умеки, опуская на лицо забрало медного цвета.

— Приготовьтесь.

Встревоженно, но возбужденно, Лалелеланг встала с места, неуклюже поправляя свое собственное специально модифицированное забрало. Умеки помогла ей как следует прикрыть лицо, проворчав:

— Вы не полностью защищены. но все же это лучше, чем ничего. Постарайтесь пониже пригибать голову.

— Я немного знакома с правилами благодаря своим исследованиям. Я буду осторожна. — Лалелеланг проверила записывающее устройство, его питание, гораздо более озабоченная его состоянием, нежели такими далекими от ее устремлений предметами, как средства личной защиты.

Умеки отступила на шаг.

— Что-то, по-моему, вам неуютно в этом облачении.

— Да, но я справлюсь. — Она подумала, не повысить ли уровень содержания медикаментов в крови, но решила, что не

стоит. Высокие концентрации могли привести к возникновению отупляющих побочных эффектов, которые отрицательно сказались бы на ее работе. Кроме того, предстоящее вызывало в ней не только страх, но и предвкушение чего-то возбуждающего.

— Я бы сказала, что для вейса — вы держитесь просто молодцом. — В полной легкой боевой экипировке Умеки выглядела устрашающе. — Хотя не могу сказать, что мне есть с чем сравнивать.

— Я просто делаю все необходимое в интересах моего дела.

Умеки кивнула — типичный для людей резкий и немудреный жест.

— Там вы много чего прибретете. — Она сняла с пояса оружие — компактный, но очень зловещий на вид механизм из пластика и армированного стекла. — Как только отделение займет предписанную позицию, мы проследуем за ними. Это стандартная разведка боем на уничтожение в пределах частично контролируемой нами территории. Серьезных неприятностей не предвидится.

Она кивнула в сторону пилота-массуда.

— Ему нельзя здесь слишком долго торчать. Транспорт слишком крупная мишень. А над плато полным-полно автоматических разведчиков.

— Понимаю. — Это означало, что она застрянет здесь на все время вылазки, и вокруг будут одни массуды и люди, пока по тактическим соображениям командование не решит, что группировку пора выводить.

Она проверила, хорошо ли работает записывающее оборудование, фиксирующее, как стремительно и эффективно рассредоточиваются солдаты, занимая позиции за деревьями и валунами. В резонаторе шлема звучала мешанина переговоров, ведущихся на соседних частотах. Бойцы обменивались профессиональными, рублеными фразами, и она без труда расшифровала смысл их зачастую перемежаемых жаргоном реплик, неважно, произносились ли они на гортанном человеческом или более изощренном интонационно массудском.

Ведь язык — это просто череда звуков, а звуков — конечное число. Перевод — не более чем вопрос их классификации. По причинам вейсам непонятным, другие народы находили это занятие весьма трудным. И как всем представителям своего вида, ей было жалко тех, кто в общении вынужден был

полагаться на допотопные трансляторы, — то есть на всех, кроме вейсов.

— Пора.

Умеки вывела ее наружу и провела вниз по защищенному трапу. Когда они оказались на поверхности, она защищающим жестом прикрыла ладонью основание длинной шеи Лалелеланг. После короткой перебежки они залегли рядом, заняв позицию за массивным, обкатанным обломком гранита.

Там же находились еще два человека. Один переговаривался по встроенной связи, а другой отдавал распоряжения. За исключением бегло брошенного взгляда, они не обратили на двух самок ни малейшего внимания, что позволяло Лалелеланг наблюдать за ними в свое удовольствие.

Уровень их активности — как вербальной, так и физической — просто потрясал. Ей это было неприятно, но все равно впечатляло при живом присутствии куда больше, чем в голографической передаче, насколько бы точна ни была последняя. Скорость и мощь их движений, их скоординированность, несмотря на тяжелую броню, не уступали по стилю самым модным танцорам Вейса, хотя и несли в себе чуждую человеческую эстетику.

Она надиктовывала свои замечания сплошным потоком, прерываясь только, чтобы сделать глоток из специальной трубки, вмонтированной в ее импровизированный шлем. Каждая минута, каждая секунда кипела новыми бесценными открытиями. Информация, полученная за одну только эту экскурсию, даст пищу для годичных исследований. Она была невероятно благодарна за эту уникальную возможность и гордилась своей силой духа, которая позволила ей этой возможностью воспользоваться.

Она была так увлечена наблюдениями, что почти не обратила внимания на густое гудение моторов транспорта, оторвавшегося от лесной поляны и зависшего в воздухе, прежде чем отправиться в обратный путь между деревьев.

— Здесь я достаточно посмотрела, — обратилась она к своему гиду через голосовую мембрану забрала. — Мы можем двинуться дальше?

Лицо Умеки было также скрыто забралом, но изумление легко читалось в ее голосе.

— А вы и впрямь что надо, знаете ли. — Она указала рукой. — Давайте попробуем вон ту ложбинку.

Идя вслед за женщиной, согнувшись в три погибели, Лалелеланг спустилась в высохший овражек, поросший наиболее впечатляющими образцами местной флоры. Она обвела объективом сверху донизу массивное кряжистое дерево с грубой корой, поражаясь его статности. «Какое бы из него вышло центральное украшение для формального сада Вейса», — подумала она. Огромные изогнутые корни змеями врастали в каменистую почву, поддерживая и питая лесного исполина.

Подобные фантазии помогали ей успокоиться. Она даже не задрожала, когда обернувшись, увидела, что Умеки что-то опасливо высматривает, чуть высунув голову над кромкой оврага. Лалелеланг нацелила записывающее устройство и крупным планом засняла с близкого расстояния расположение всех членов человеческого тела.

— А дальше что?

— Подождем. Отряд двинулся вперед, там, по слухам, бункер мазвеков. Если обнаружат, попробуют очистить. В любом случае мы останемся здесь, пока нам не сообщат, что дальнейшее продвижение безопасно.

— Но я прибыла наблюдать за боем, увидеть людей в схватке.

Умеки посмотрела на нее сверху.

— Не все сразу. А то будет слишком много впечатлений.

Под составными доспехами перья Лалелеланг взъерошились.

— Я сделала изучение подобных проблем делом моей жизни. И уверяю вас, что немногое из того, с чем я могу столкнуться, может меня удивить.

— Вы так считаете? Видела я таких же вот бесстрашных. С Гивистама нескольких и одного со С'вана. Ничего им не помогло. Тут дело в количестве.

Будто для придания дополнительной убедительности ее словам, что-то прошелестело прямо у них над головами, тихо, будто морская птица скользнула. В то же мгновение Лалелеланг почувствовала, как ее припечатывает к земле — это Умеки накрыла ее своим телом. Невероятная плотность и тяжесть человеческого тела ошеломили ученую даму так, как не способны были сделать годы исследований. Она почувствовала себя листиком, придавленным свалившимся камнем.

И это при том, что основной удар пришелся на руки Умеки. Секундой позже земля вздыбилась, и спокойное жужжание

сменилось оглушающим взрывом. Комья вывороченной почвы и обугленной древесины взметнулись к небу, а затем блевотиной обсыпали их с ног до головы.

Сжимая в руке пистолет, женщина сползла с нее. Ошеломленная Лалелеланг завозилась с аппаратурой. Вторичные взрывы потрясали ее мозг. К счастью, они раздавались все дальше.

— ULLILIЖ... как там дальше? — пробормотала она, поспешно пытаясь перевести.

— Это такая новая хитрая игрушечка, разработанная Мазвеком. А на звук — будто жук пролетел, правда?

Лалелеланг кивнула, использовав упрощенный человеческий жест вместо подобающего случаю усложненного вейского. Тот все равно был неисполним в защитном костюме, кроме того, он ничего бы не сказал Умеки.

— Он просто подплывает — ненавязчиво, если вам угодно, — и возникает очень сильное искушение не обращать на него внимания. — Глаза Умеки были не менее активны, чем губы. — И как только он учует определенное число предметов, на которые запрограммирован, — нас, например, он сворачивает и норовит приземлиться прямо на голову.

— Но... мы ведь в порядке. — Лалелеланг по-прежнему боялась выпрямить поджатые под себя ноги.

— У отряда есть отвлекающие мишени. Он сработал на одну из них. Хотя, конечно, близковато... — Умеки вызвали по рации, и она откликнулась в шлемофон. — Да, черт возьми!

Лалелеланг уже в третий раз убавила громкость в наушниках и стала с отсутствующим видом слушать разговор. Он был переполнен военным жаргоном, которого она понять не могла.

— Черт, — выругалась Умеки, закончив связь и скатываясь обратно на дно овражка. Пропустив руку под левое крыло Лалелеланг, она подняла ее, буквально рывком поставив на ноги.

— Что такое, что случилось? — Лалелеланг непонимающе озиралась по сторонам. Неподалеку по-прежнему раскатывались взрывы.

— Мазвеки перешли в контратаку. То ли они дожидались, пока транспорт разгрузится, то ли они приготовились к нашей атаке гораздо лучше, чем мы думали. Они идут сюда, и их

горазда больше, чем мы предполагали. Должно быть, в бункере были защищенные отсеки, не распознанные нашими детекторами. — Она пустилась вверх по оврагу той же дорогой, которой они прибыли. — Пойдемте. Нам надо убираться отсюда и присоединяться к остальным. — Рука ее протянулась назад и сомкнулась на крыле Лалелеланг, потянув ее за собой.

— Я не понимаю. — Выбравшись из оврага, она увидела другие вооруженные фигуры — людей и массудов — бегущих назад сквозь лес. Самые дальние иногда останавливались и начинали отстреливаться, потом снова пускались бежать. Небольшие взрывы вспахивали землю неподалеку от того места, где они стояли. Что-то невидимое рассекло ствол дерева на высоте человеческого роста. Дерево величественно завалилось, подмяв под себя с дюжину себе подобных, но поменьше. Разноцветные энергетические лучи, мощные разрушительные вспышки, отсеченные ветви и расколотые валуны... Запах паленой растительности достиг ее носа сквозь избирательную мембрану забрала.

— Хотела увидеть бой?! — прокричала Умеки, волоча ее за собой так, что ноги пернатой практически не касались земли.

— Я все это... не так... представляла, — почти задыхаясь, пробормотала Лалелеланг.

— Не ты одна...

Они перебирались через лощины и переплетения корней, поваленные деревья и обломки камней, которые, казалось, хотели вцепиться в них. Один раз они с плеском пробежали через какой-то ручей, широкий, но мелкий и совершенно черный от танина. Если бы не мертвая хватка, которой женщина держала Лалелеланг за крыло, та безнадежно отстала бы всего за несколько секунд, и она это знала. Но сопровождающая не бросит ее на произвол судьбы и надвигающихся по полю боя мазвеков.

Пытаясь поспевать, как может, Лалелеланг вдруг ощутила жгучую боль, пронзившую правую ногу, — широкой, но хрупкой лапой она ударилась об острый каменный выступ. Тонкая лодыжка подвернулась, и она мешком свалилась на землю.

— Черт! — Умеки скользнула за толстое поваленное бревно, поросшее каким-то сине-зеленым подобием мха, и подтянула к себе Лалелеланг. Массивное переплетение

вывороченных корней мертвого дерева давало какое-никакое укрытие сверху.

Лицо, укрытое забралом, надвинулось на нее.

— Лежи здесь! — прошипела женщина.

— Оставаться здесь? — Лалелеланг неудобно лежала на животе, правая лодыжка ныла от боли. Гибкая шея позволила ей приподнять голову, чтобы получить хоть какое-то представление, где она находится, но дым от тлеющей листвы и непрекращающихся разрывов сводил видимость почти к нулю по всем направлениям. — А куда же вы?

Умеки уже стояла на ногах и проверяла оружие.

— Приказ. Организуем контратаку. Я тоже. Вы здесь будете в порядке. — С этими словами ее провожатая пустилась вокруг корней лесного гиганта.

Лалелеланг удалось, несмотря на боль, сесть. Ее так трясло, что прошло несколько секунд, прежде чем ей удалось сфокусироваться на показаниях записывающего устройства. Оно по-прежнему работало. Голос Умеки эхом пульсировал у нее в ушах.

— Командование части знает обстановку. Они посылают нам в поддержку тяжелое вооружение, но прибудет оно лишь через какое-то время.

— Я пойду с вами. — Опершись на кончики крыльев, ей удалось встать на ноги.

— Вам... оставаться... здесь!

Лалелеланг так и застыла. Это был тот особый, ни на что не похожий тон, который люди использовали только в бою: отрывистый и конфронтационный, всесторонне заряженный первобытными гормонами. Она близко знала эту речь по своим исследованиям.

Но ни одна из записей, которые она столь бесстрастно изучала, не содержала приказа, обращенного именно к н е й.

Она была парализована сочетанием безапелляционного тона и отношения, буквально пригвождающего к месту. Если бы Умеки приказала ей зарыться головой в грязь, она, несомненно, подчинилась бы. Дрожь еще усилилась.

Кончик крыла ее неуверенно трепетал, она никак не могла попасть им на нужную кнопку у себя на поясе, пока, наконец, ей это не удалось, и запущенный этой кнопкой инъектор причинил ей легкую, такую теплую колющую боль в левом боку. Препарат подействовал, и ей стало легче. Неконт-

ролируемая дрожь сменилась легким ознобом, который уже не лишал способности соображать. Она снова села и смотрела, как ее гид скрывается за корнями вывороченного дерева.

Время проходило бесцельно. Когда болезненная опухоль на ноге окончательно спала, она встала и приблизилась к массивному стволу. Из-за него ей было видно, как медленно удаляются фигурки массудов и людей.

Зажав записывающее устройство в клюве, который можно было поднять выше, чем чувствительные кончики крыльев, она до упора вытянула шею и уставилась за мшистый барьер, делая плавную панораму слева направо. Ее подталкивало острое возбуждение. Именно ради этого она сюда и прилетела, именно это она и мечтала увидеть и запечатлеть.

Любой другой с Вейса давно бы уже упал без чувств. Подготовленная к происходящему лучше, чем кто бы то ни было из ее соплеменников до или после нее, она была исполнена решимости ни мгновения не потратить впустую.

Со всяким психологическим уроном можно будет разобраться позже. А пока она держится — спасибо масштабной подготовке и изучению.

«И не все так ужасно, — подумала она. — Другие из моего рода при должной подготовке тоже смогли бы.»

Она ощутила какое-то движение у основания корней поваленного дерева и тут же вобрала голову в плечи. Женщина Умеки испытала бы облегчение и, вероятно, удивление, увидь она, как правильно ведет себя в ее отсутствие ее подопечная.

Но из-за основания дерева появилась отнюдь не Умеки.

Пышный оранжевый мех, обрамляющий короткую шею, был тщательно выкрашен в зеленые защитные тона. Шея же росла из трубчатого, похожего на бак торса — обрубленного, некрасивого, немногим по размеру превосходящему ее, — который был забран в гибкий, землистого оттенка коричневый панцирь. Сверху росли конечности с двумя суставами. На каждой было по четыре пальца, и все они были заняты манипуляциями с длинным, узкоствольным оружием незнакомого происхождения и неизвестных возможностей.

Мазвек приближался на широких, растопыренных лапах, каждый палец которых был отдельно обут и защищен. Обнаженный череп его был маленький и круглый. Клоки травленой шерсти полосами сбегали с его макушки в направлении более густого покрова на вороте. Из-за узкой вытянутой морды, пол-

ной сокрушительных зубов, глядели яркие зеленые глаза, нацеленные на нее.

Пасть в нижней части морды отворилась, раздался скрипучий рык, и чужак нацелил на нее свое оружие. Выглядело оно не очень внушительно: скопление каких-то металлических трубочек, понатыканных на пластмассовом шаре. Один из пальцев чужака потянулся к тому, что было, очевидно, спусковым механизмом.

Плохо соотнося это с происходящим, она вдруг поняла, что события выходят за рамки научных дискуссий, и онемела.

Она подумала обо всех докладах, которые ей не суждено будет написать, о чудесных лекциях, прочитать которые ей уже не доведется. Остается надеяться, что записи ее сохранятся и вдохновят других, менее безрассудных ученых, которые снискают себе славу диссертациями, написанными на добытом ею материале.

«Вот сейчас я умру жестокой и противоестественной смертью от рук другого разумного существа, и единственное, о чем я способна думать, — это мое дело, — поймала она себя на мысли. — Ученый он и при смерти — ученый.»

Ее всю заколотило.

Будто гора обрушилась сзади на мазвека в тот самый момент, когда оружие нападавшего издало несоразмерно тихое «хлоп!».

Что-то сверхзвуковое прожужжало у нее над ухом и раскрошило край камня, о который она опиралась. Последовала небольшая пауза, а за ней серия в полдюжины разрывчиков, рвавших в клочья крепкий гранит, когда заряд распался на отдельные поражающие осколки. Взрывной волной ее бросило на колени.

Она подняла голову, страшась того, что может увидеть, и все же не в силах противиться этому желанию. Инстинктивно зажатый в клюве рекордер продолжал монотонно гудеть.

Человек навалился на ее обидчика сзади как раз в тот момент, когда последний собрался покончить с ее неудавшейся жизнью. Человек этот был гораздо крупнее, несопоставимо крупнее Умеки. Это был огромный самец — его могучие мускулы зримо проступали сквозь доспехи. Она была рада, что не видит его лица, потому что благодаря обширному изучению знала, какие гримасы его, судя по всему, искажают.

Мазвек издал отчаянный скрип, пытаясь повернуть оружие

на человека. Но прежде чем дуло длинного ружья успело совершить хотя бы пол-оборота, раздался характерный отчетливый хруст. Человек разомкнул свои толстые пальцы, и враг рухнул на землю, не будучи более мыслящим и дышащим существом. Одно простое, молниеносное, немыслимо первобытное движение превратило его в груду мяса со сломанной шеей.

Для верности человек поднял мазвека за обмякшие ноги и с размаху размозжил ему голову о замшелое бревно. Лалелеланг заморгала. Потом выплюнула рекордер и добавила к нему содержимое своего желудка.

Тяжело, но ровно дыша, всасывая и выталкивая воздух несоразмерно огромными легкими, массивный человек стоял над трупом ее потенциального убийцы. Потом распрямился и обернулся к ней, нависнув, как башня. Самец был по меньшей мере в четыре раза ее тяжелей, он целиком был затянут в легкую, меняющую цвет защитную форму-хамелеон, голова его была прикрыта шлемом с забралом более сложной конструкции, чем тот, который был на Умеки. На спине его висело ружье размером с небольшую полевую артиллерийскую установку, а на широкой груди висела куча непонятных ей приспособлений. На каждом бедре торчало по кобуре с пистолетом.

Рука в краге поднялась и сдвинула забрало; впервые она увидела неприкрытое лицо самца человека. По нему сбегали струйки пота, и одна — крови. Ни мех, ни перья не прикрывали голую кожу, ни разноцветной чешуйки, отразившей бы рассеянный лесной свет. Все еще сражаясь с рвотными позывами, она нащупала рекордер.

А самец дружелюбно прорычал:

— Черт меня возьми... вот так канарейка!

Глава 4

Не имея, очевидно, ни малейшего представления о тонкостях дипломатии, он шагнул в ее сторону.

— Да какого черта ты тут забыла, а?

Вся сотрясаясь, она попыталась попятиться. Ноги подломились, и она рухнула, превратившись в дрожащую кучку, глаза смотрели в никуда, ноги судорожно сучили по земле.

Человек замер.

— Эй, да спокойно ты! Я же не думал... — Молниеносным движением он сорвал с плеча ружье, распластался на земле и прицелился в еще одну движущуюся фигуру, возникшую в поле зрения. Пролежав с секунду, он снова расслабился и встал.

Умеки, оценив состояние своей подопечной, вскинула забрало и гневно взглянула на куда более крупного самца.

— Эй, ты, черт! Что здесь такое? Ты что сделал?

— Спас жизнь этой пташке, лейтенант, — проворчал солдат и отступил в сторону, чтобы Умеки стало видно мертвого мазвека.

— Будем надеяться, что у нее нет серьезной эмоциональной травмы. — Она озабоченно склонилась над распростертой птицей, приподняла кустарное забрало. — Знаешь, как эти вейсы чувствительны?

— Кто, я? — Солдат вытянул шею, чтобы получше рассмотреть распластанную по земле чужую форму жизни. — Да я ж пехота, лейтенант. Я этих канареек в жизни не видел... живьем. А что в них такого, а? «Одни перья да развлечения» — это я в справочнике читал. Но все равно, союзник есть союзник.

— Твою форму, скорее всего, изготовили на одной из их планет, — раздался голос Умеки. — Вот вшивота-то. Думала, благодарность объявят. Ведь не хотела браться. Вейса — и на передовую! Так и знала, что какая-нибудь дрянь случится. — Она нежно приподняла на ладони обмякшую, невидящую голову птицы. — А говорила, что подготовлена, что справится.

Отдаленный взрыв заставил рядового поднять голову и обернуться. Он нервно затеребил курок.

— Да ладно, хоть жива осталась. Если б не я — точно хлопнули бы.

— Знаю. — Умеки рылась в аптечке. — Если кто теперь благодарность и заработает, так это ты, солдатик. — Она приладила граненую ручку к небольшому стержню и приложила к плечу Лалелеланг. Судороги стали слабее. — Ты своим видом напугал ее больше любого мазвека.

— Пусть уж лучше от испуга покорчится, чем убили бы. Мне к своим пора.

— Валяй, — рассеянно сказала Умеки, не сводя глаз со своего пациента. Обмениваться подробностями не было нужды.

Их рекордеры, встроенные в униформы, уже обменялись всей необходимой информацией.

Она аккуратно убрала стержень обратно в аптечку и стала раскачиваться на пятках. Судороги немного унялись, но широко раскрытые глаза самки с Вейса по-прежнему ни на что не реагировали.

— Ох, и чертовски же мне из-за тебя влетит, знаешь ли, — ворчала она на растянувшееся тело. — Знала ведь, что стрясется что-нибудь с тобой. Конечно, ты ни в чем не виновата. Просто ты такая, вот и все. — Она обратилась взором в сторону леса, где, все отдаляясь, разносились звуки боя. — Хотя не ты же виновата, что мазвеки как раз к твоему посещению задумали контрудар. Тоже верно.

Она присела, облокотившись на поваленный ствол, и вызвала эвакуатор. Если только противник не пустил в ход тяжелое вооружение, медэвак должен прибыть и убыть почти сразу, если он где-то рядом. Не то чтобы они там на борту знакомы с физиологией вейсов, но компьютер-то у них бесспорно есть, а он все знает.

Связавшись с медиками и сообщив свои координаты, она отключила связь и снова обратилась к подопечной, находящейся в кататонии.

— Хотела увидеть бой? И чего тебе дома не сиделось? Гуляла бы по садикам, кантаты слушала. Так нет ведь! Суешь свой клюв, куда не надо, куда он культурно и исторически не предназначен. Вот в следующий раз ты уж прислушайся к Природе. Не создана ты для такого. — Дальнобойный снаряд противника перерубил пополам дерево у них над головой. Умеки рассеянно посмотрела на дымящийся срез.

— Вот и я тут трачу на тебя время, ты хоть понимаешь?! Нянчусь тут с чужими учеными, а могла бы делать что-то нужное и полезное!.. Могла бы мазвеков убивать.

* * *

Очнулась она под бледно-зеленым сводом, среди стен, усаженных голографическими цветочками. Кто-то соорудил традиционное густо устеленное подушками гнездо прямо посреди большой койки, приспособленной для создания удобства совсем другому типу тела. Стопки простыней были подложены со всех сторон, чтобы поддерживать ее ослабленные члены в подобающем, выпрямленном состоянии; ноги были аккуратно

убраны под брюшину. Она расправила шею, подняла голову со спины, где она была упокоена в густом оперении между крыльями, и осмотрелась. Ради ее удобства явно потрудились.

— Рада, что вы проснулись. — Рядом с кроватью стояла Умеки. — Мне сказали, что вы начали проявлять признаки возвращения к жизни.

Воспоминания потоком нахлынули на Лалелеланг, и вместе с ними вернулась дрожь. Но в комнате было тихо, вид слегка покачивающихся цветов успокаивал. Она вспомнила о своих упражнениях и привела себя в норму. Брови ее изысканно изогнулись.

— Теперь я все вспомнила. Все. Боюсь, что вместилище моей вины переполнено и мне не удастся соизмерить с этим мои извинения, — продолжила она изысканной, отработанной трелью — своего рода журчащим свистом с тремя явственно различимыми дыхательными паузами. Традиции требовали этого, хотя Лалелеланг и понимала, что стоящая рядом с ней женщина мало чего в этом уразумеет.

— Да за что тут извиняться? — ответила Умеки с поверхностной прямотой. — Атаку на нас вроде как не вы организовали.

Лалелеланг рассматривала своего гида. Трансформацию та претерпела значительную, будто отсутствие тяжелой военной формы сразу наложило отпечаток на ее поведение. Она больше не казалась опасной и несущей смерть, как на поле боя. Теперь это была просто самка приматов, с плоским лицом, скованно ожидающая возобновления разговора.

«Что за вид такой», — подумала Лалелеланг.

— Вам очень повезло, что вы выжили, — без необходимости выдала гид.

— Знаю. — Во всем теле ощущалась усталость. — А сколько я была без сознания?

— Пару дней. Вы меня там до смерти напугали. Вместе с вами пришел бы конец моей карьере.

Какое примитивное, первобытное невежливое словоизлияние, размышляла Лалелеланг. А ведь, без сомнения, другому представителю рода человеческого оно показалось бы разумным, а то и остроумным. Естественно, она всего этого не высказала.

— Но с вами все в порядке, так что обошлось без последствий. — Умеки улыбнулась, обнажив острые клыки и рез-

цы. Хорошо еще, что продолжалось это недолго. — Вы ведь, надеюсь, не намерены выбраться еще разок?

— Мне кажется, на какое-то время мне хватит информации из первых рук.

Женщина явно расслабилась и мягко засмеялась.

— Вы же с Вейса. Вы все поняли.

— А что с моим рекордером? — внезапно спросила она.

— Лучше, чем с вами. — Умеки показала на шкаф. — Он там, вместе со всей вашей экипировкой. Будет вам о чем вспомнить, когда посмотрите. Вы ведь домой отправитесь, я правильно полагаю? — Голос ее так и сочился ожиданием.

— Полагаю, да. Я надеюсь, мой скорый отъезд не очень вас огорчит?

— Вы ведь не хотите, чтобы я вам солгала? Да и какой смысл, вы все равно нас видите насквозь. Ваш народ слишком хорошо владеет языками. — Она повернулась к двери. — Тут кое-кто хотел бы попрощаться. У него мало времени... хотя не думаю, что у вас с ним найдется тема для долгого разговора.

Она открыла дверь и обратилась к кому-то за пределами поля зрения Лалелеланг. Через мгновение дверь распахнулась, и появился солдат, спасший ей жизнь. В повседневной униформе он выглядел не менее массивно, чем в защитном боекомплекте.

Быстро и беззвучно повторяя заученное, она поборола дрожь.

Теперь, когда обстоятельства были иными, она смогла рассмотреть его в свете своих долгих штудий. Роста и веса он был чуть выше среднего (для самца человека). Он подошел к койке и навис над ней. На этот раз она даже не поморщилась.

Голос у него был робкий и неуверенный.

— Мне сказали, что вам очень плохо стало от моего вида. Я же это не нарочно.

— Вы спасли мне жизнь, — быстро перебила его Лалелеланг, стараясь предупредить его дальнейшие неловкие фразы. У большинства людей для межличностных связей были только их неадекватные слова. Удивительно еще, как при таких условиях они еще ухитряются спариваться и продолжать род.

Она заставила себя протянуть кончик правого крыла. Самец удивился и протянул руку, намереваясь схватить ее мощными пальцами. Она вся напряглась, но он был осторожен и не сделал ей больно.

Рука вернулась на место.

— Я просто пришел сказать, что очень рад, что вам уже лучше. — В пальцах другой руки солдат сжимал форменную кепку. Она смотрела, а он взял кепку уже обеими руками и стал неловко мять ее, будто не знал, что делать со своими конечностями. Такого рода непреднамеренная моторика часто встречалась у представителей Человечества. — Лейтенант сказала мне, что вы, вроде, профессор, и нас изучаете. — Он улыбнулся почти робко. — Мне не хотелось бы, чтобы вы составили обо мне какое-то там неправильное впечатление.

— На самом деле, я историк. И впечатление о вас у меня сложилось... в точности такое, какого я и ожидала.

Он явно почувствовал облегчение.

— Очень рад слышать. Эй, а что же, значит, я это... в какой-нибудь там учебник по истории попаду, или еще чего?

— Может, и еще чего, — непроизвольно пробормотала она.

— Моя фамилия — Кузька, — шепнул он, будто расставаясь с чем-то драгоценным и потаенным. — Кэ, у... Впрочем, вы же из вейсов, у вас проблем с правописанием не будет.

— Не должно быть.

— Михаил Кузька. Я живу на Четвертой планете Токугавы.

— Запомню. У меня отличная память на имена.

— Да уж лучше наверняка, чем у меня. Я — что, я — пехота. — Лалелеланг узнала старинное земное слово, которым солдаты-мужчины любили называть себя. Истинное его значение трудно было угадать под наслоениями психологического подтекста, образовавшегося за тысячелетия непрекращающихся войн.

— Вы только поспокойнее теперь. Ведь вы, кана... вы, вейсы, не так скоро выздоравливаете.

— Да, — пролепетала она. — У нас не такая мощная восстановительная система. Но ведь ни у кого из разумных существ ее нет.

Он ушел, махнув на прощание гигантской ладонью, — примитивный, но все же впечатляющий жест... по-своему, погрубому.

— Он очень не хотел, чтобы вы улетели с неверным о нем впечатлением, — сказала Умеки, подойдя к койке с гнездом. — Благодаря необычности обстоятельств, ему удалось получить достаточно длительное увольнение и дождаться вас.

— Я тронута. А теперь он куда отправится?

— Вернется в часть. Будет дальше воевать.

— Конечно, — пробормотала Лалелеланг. — Там ему будет хорошо.

Умеки с интересом рассмотрела самодельное гнездо посреди койки.

— А вы своего рода исключение, раз вам удалось пережить все, что с вами случилось. Любой другой вейс на вашем месте так и не вышел бы из кататонии. Вероятно, уже никогда.

Лалелеланг приняла позу поудобнее.

— За многие годы я сделалась знатоком в этой области. И я разработала собственный комплекс упражнений — как физических, так и умственных, — позволяющий мне справляться с экстремальными ситуациями.

— И все-таки, — Умеки ненадолго умолкла. — Может, мне еще удастся с вами поговорить до отлета вашего челнока, а может, и нет. Я просто хотела бы сказать, что очень надеюсь, что вы получили здесь то, зачем приехали.

— Даже больше, чем я смела мечтать.

— Это точно. — Умеки мягко усмехнулась сама себе и отошла от кровати. На полдороге к двери она остановилась и с полупоклоном указала на нее.

— Я не поняла, что означает ваш жест в контексте нашего разговора.

— Этот жест характерен для нашего племени, а не для всего вида, — объяснила Умеки. — Жест уважения к моим предкам. Из них многие были бойцами и поняли бы.

— Все ваши предки были бойцами, — отозвалась Лалелеланг. — Именно это и характеризует ваш вид.

— Ну, значит, я хотела сказать, что многие из них были профессиональными воинами, солдатами.

Лалелеланг жестом показала, что поняла разницу. Она еще очень о многом могла бы поговорить, многое обсудить с этой в высшей мере полезной женщиной, но она очень устала, мозг и тело были истощены.

Она готова была улететь, да. Готова вернуться в мир и благодать знакомой обстановки утонченного Махмахара. Но при всем этом, какая-то извращенная, иррациональная часть ее существа готова была снова и снова пережить все это.

«Разница между преданностью и фанатизмом, — на-

помнила она себе, — измеряется диаметром зрачков.» Она не стала просить зеркало.

Она прикинулась спящей, но один глаз держала чуть-чуть приоткрытым, пока женщина-офицер не удалилась. Может быть, Умеки и ее гид, ее спасительница, но все равно, она прежде всего человек, и Лалелеланг не могла расслабиться, пока не осталась в комнате одна. Предосторожность эта не привела к угрызениям совести. Ведь нельзя доверять человеку, даже если кажется, что на него можно положиться.

Как можно доверять им, когда на протяжении всей своей записанной истории они сами себе не доверяли?

* * *

По возвращении домой ее не встречали ни фанфарами, ни праздничным салютом. Да и не отнеслась бы она благосклонно к таким откровенно безыскусным проявлениям. Но и остракизму ее как будто не подвергли. Просто у нее, как у единственного представителя расы, побывавшего в настоящем бою, возник уникальный статус. А это значит, что для нее потребовалось создать особую социальную под-нишу, в результате чего общения с ней одновременно искали и избегали.

Ее это не беспокоило. Она всегда была своего рода одиночкой, даже среди полагающейся сестринской триады, в которую входила. Подруги по триаде же одновременно огорчались, что она так мало участвует в общественной жизни, и радовались ее свершениям. Лалелеланг хотелось надеяться, что одно другое уравновешивает.

Самым непосредственным результатом ее экспедиции явилось то, что посещение ее презентаций утроилось — конечно, количественно, а не в плане энтузиазма. По мере же потускнения новизны впечатлений от ее путешествия, пропорционально упала и посещаемость. Она считала это неизбежным и только глубоко задумывалась над подоплекой того факта, что большинством новичков, приходивших на ее лекции, двигало извращенное любопытство, а вовсе не тяга к знаниям. Но даже и дилетанты волей-неволей из ее рассказов что-то должны были почерпнуть

Это ее мало волновало, потому что основной упор она делала не на просвещение, а на научные исследования и

публикации. Тем более, что прерогатива такая полностью совпадала с целями администрации. Преподавать может кто угодно, а вот переживания, о которых она одна могла распространяться, — единственны в своем роде и заслуживают гораздо большей аудитории.

Милостью одного-единственного путешествия, она стала ведущим экспертом в своей области.

Существовала горстка избранных специалистов, с которыми она регулярно обменивалась информацией, — несколько гивистамов и о'о'йанов, один юланец, да еще один собрат-вейс. Многие разделяли ее интересы, но ни одному не хватало ни откровенности, ни преданности делу, чтобы поддержать самые радикальные из ее гипотез. Лалелеланг знала, что временами ступает на опасную теоретическую почву, — туда, куда даже самые яркие и смелые ученые боятся заглянуть. Например, ее доклад на тему «Необоримая жажда крови, как основа традиционных развлечений» был не просто не принят, а откровенно не понят подавляющим большинством ученых. Они пытались разобраться с подобными предположениями абстрактно, что соответственно полностью низводило эффективность ее формулировок.

Лалелеланг старалась выработать исторический подход к сравнительному анализу человеческого поведения, но большинство ее коллег и корреспондентов не проявляли к этому направлению никакого интереса. И исправить это было нельзя. Как преданный сторонник эмпирического метода, она была безнадежно приговорена и дальше следовать по этому опасному пути.

Чем глубже она погружалась, чем пристальнее изучала, тем больше убеждалась, что находится на грани чего-то жизненно важного не только для нее, не только для своего народа, но и для всех народов Узора. Это было нечто настолько очевидное и, в то же время, настолько ускользающее, что весь Узор предпочитал этого не замечать, дабы не пришлось копнуть глубже.

Еще одно боевое испытание могло все окончательно кристаллизировать, но к этому она готова не была. Воспоминания о ее предыдущем знакомстве с полями сражений были настолько свежи в памяти, настолько легко представали перед внутренним взором... Она подумывала некоторое время, не посетить ли ей Землю — колыбель Человечества, — но

решила, что и для нее — со всеми ее специальными упражнениями и богатым опытом — есть предел разумного. Сама мысль о том, что она окажется в полном одиночестве на планете, целиком населенной людьми, каждый из которых психически неуравновешен, и, следовательно, она окажется объектом их всеобщего внимания и любопытства, была настолько пугающа, что даже как абстракция убивала эту идею в зародыше. Стоило ей подумать об этом, как ее начинало трясти и ей приходилось заниматься мнемоническими упражнениями, чтобы вернуть себе спокойствие.

Она была убеждена, что ей нужно продолжить наблюдения за людьми-воинами, желательно, как можно более близкие, но не была готова еще раз пережить страдания, выпавшие на ее долю на Тиофе. К этому времени научная репутация у нее сложилась такая, что выделенными средствами она имела право распоряжаться сама, не обращаясь к руководству.

Так какова альтернатива?

В идеале ей следовало бы как можно ближе проследить за специально выбранным приматом, получить о нем исчерпывающие сведения, которые, и она это чувствовала, требовались для продолжения исследований. Самая большая трудность будет заключаться в том, чтобы отыскать солдата, который согласился бы терпеть вейса под ногами целыми днями. Ее короткое общение с самкой по имени Умеки дало ей представление о том, насколько тяжело установить с человеком подобные взаимоотношения.

Но она чувствовала, что придется на это пойти, потому что не могла до конца познать и понять вид, не пожив с одним из них, не разделив его каждодневный опыт, не пронаблюдав его во взаимодействии не только с представителями других видов, но и со своими сородичами. А это означало, что ей придется не только выходить с этим предложением на свою администрацию, но и непосредственно обратиться к человеческим властям. С последними ей очень кстати придется опыт, пережитый на Тиофе.

Они же будут прежде всего обеспокоены, как бы она не понизила боеготовность того, к кому будет прикреплена. Она сомневалась, что тут есть причина для беспокойства. Среди всех разумных существ только человек способен был мирно обсуждать балет, кулинарию, люминесцентную скульптуру — и в следующее же мгновение быть готовым идти в бой и

на смерть согласно приказу. Присутствие единственного представителя Вейса в такой компании едва ли сильно повредит.

А если ей повезет, то, может быть, ей удастся вступить в контакт с солдатом, интересующимся Вейсом и культурой Узора. Это гораздо упростило бы ее работу, не говоря уже о том, что гораздо удобнее она бы себя чувствовала в присутствии человека, знакомого с культурой Вейса и не глядящего на нее сверху вниз. Но, если необходимо, она была готова даже и на такое.

Предложение свое она оформила очень тщательно. Ведь был немалый шанс, что все приготовления уйдут впустую и из затеи ничего не получится. В конце концов, какой солдат захочет, чтобы при нем был вейс, традиционно готовый впасть в непредсказуемую кому или забиться в судорогах при первом же осложнении ситуации, в то время как воину необходимо выполнять предписанные военные задачи?

После того как она подала заявку, Лалелеланг места себе не находила от возбуждения и напряженного ожидания. По многим статьям это куда более выходило за рамки, чем ее запрос на посещение поля сражений. Ведь теперь она просила не просто о наблюдении, но о продолжительном по срокам совместном обитании — и не с кем-то, а с солдатом-человеком.

Она знала, что попытаться стоит. Как ради доказательства своих спорных теорий, так и ради личных чувств, которые становились все глубже, затрагивали уже саму суть того, во что она верила, — попытаться стоило. И подавая заявку, она надеялась на открытие, но сама стремилась просто к пониманию ради собственного спокойствия.

Среди вейсов мало было таких, кто настолько мощно был бы движим своими идеями.

Но больше всего ей, конечно же, хотелось на личном опыте исследователя убедиться в своей неправоте. Потому что, если ее предположения верны, то основным занятием всех грядущих поколений историков будет простое составление аннотаций и примечаний к страшным катастрофам, которые никто кроме нее не способен был предвидеть. Если, конечно, не победит Амплитур со своим Назначением — в этом случае вся дальнейшая история станет — под чутким руководством этой единственной расы — просто еще одной из хитрых выдумок.

Но более всего ее ужасало то, что чем крепче она убеждалась в правомерности основных положений своей собственной

теории, тем меньше у нее оставалось уверенности, что победа Амплитура была бы худшим из двух зол.

Глава 5

Страат-иен со своей возлюбленной плыли в синей дымке, мягко освещенной звездами, как блестки, рассыпанными по черному вельвету неба. Вокруг них плавали белые кучевые облака — будто вата. Вдалеке лежали горные хребты, расцвеченные зеленым и коричневым, с белоснежными шапками вершин, слепящих отсутствием цвета.

Более близкие детали можно было рассмотреть. Странные деревья и лианы оплетали землю, сковывали ее вибрирующей цепью взаимосвязанной жизни. Безвредные огромные насекомые проплывали среди лиан, и переливчатые крылья их казались россыпью мыльных пузырей. Они разлетались с ленивым гудением, как только почти обнаженная пара стала спускаться на них сверху.

Именно в нужный момент мужчина и женщина плавно коснулись рубинового песка, образовавшегося в результате миллионов лет, что волны бирюзового моря точили корундовый шлейф, широкий пляж. Прозрачная вода ласково пела в прибрежных рифах, приветствуя радостных путешественников.

Потом они легли на спину, женщина не выпускала из руки запястье мужчины. Наоми скосила взгляд в сторону своего спутника. На лбу у нее выступили маленькие капельки пота, светлые волосы ее золотыми жилками прорезали темно-красный песок. Она улыбнулась.

— В этом Гивистаму не откажешь. Для расы с таким чертовски прозаичным отношением к занятию любовью они на самом деле знают, как создать головокружительную экообстановку для нас, не рептилий.

Неван Страат-иен не видел причин не согласиться. Лежа на спине, он рассматривал искусственное небо. Небо было идеальным, совершенно не загрязненным, и облаков на нем было ровно столько, сколько хотелось бы. Сколько было заказано. Скорость их воображаемого спуска на пляж контролировалась в зависимости от степени их взаимного возбуждения, все управлялось и проецировалось дистанционно при помощи изощренной гивистамской электроники и подобрано было так,

чтобы пышного песка они коснулись в самое нужное мгновение.

Жаловаться не приходилось.

Другие имитации позволяли им скатиться по обледеневшему горному склону или побывать в морских глубинах в окружении танцующих подводных обитателей. Погружения в экообстановки служили для отвлечения сознания участников от находящейся в самом разгаре битвы за Чемадию, куда им вскоре предстояло вернуться.

База Атилла была самой удаленной из трех укрепленных бастионов, которые удалось создать экспедиционным силам Узора на спорной планете Чемадии. Волей случая, база располагалась на западном побережье, которое было куда более блеклым и менее вдохновляющим, чем то, которое воссоздала гивистамская сенсорика. Песок на пляже позади военного комплекса был грязно-белого цвета и весь изгажен гниющими морскими водорослями, а температура окружающей среды бывала какой-угодно, но только не тропической.

Как только тонкий металлический обруч на его голове зафиксировал соответствующие гормональные изменения, небо над ними потускнело, песок под ними поблек. Они лежали на функциональной платформе под четырехметровым куполом молочного цвета. Отовсюду лился мерцающий рассеянный свет. Он заморгал и сел, обняв руками колени. Сеанс сенсорики был окончен.

— Какой стыд, что, изобретя такую красотищу, эти гиви не могут как следует насладиться ей сами, — высказалась она.

— Они от этого тоже что-то испытывают, — ответил он. — Просто у них гормональная система не такая активная. — Воспоминания о разноцветных насекомых и рубиновых песках уже начинали тускнеть.

В Наоми, тем не менее, не было ничего искусственного. Она лежала рядом с ним обнаженная и не смущалась. Длинные волосы моментально выдавали, что в боях она участия не принимает. Она проходила службу в войсках снабжения и резерва, и это подразделение служило им объектом многочисленных забав.

Они не торопились из-под купола, потому что на следующий день кончалась его увольнительная. И впервые со времени знакомства у них было больше, чем два дня подряд,

которые они могли провести вместе вдвоем. Так хотелось взять от них все, что можно, и им это удавалось.

Он знал, что в штабе его не хватает. Чемадия была одним из пограничных миров, на котором Амплитур и его союзники успели за последнее время накопить в самом деле большие силы. В таком месте нечего было рассчитывать на скорую и решительную победу. Враг глубоко окопался и по настоящее время признаков ослабления не подавал.

Что только придаст дополнительную убедительность триумфу, когда отборные войска Назначения будут, наконец, вышвырнуты с планеты, мечтал он. А после этого, после взятия Чемадии, будет новый мир, новый бой. Таковы военные правила. Может быть, Узор попытается взять еще одну укрепленную планету со смешанным населением — или даже расположенную неподалеку важную сельскохозяйственную систему Джво, заселенную в основном сегунианами. Он слышал разговоры. А к слухам у офицеров иммунитета не больше, чем у солдат.

Впрочем, какая разница? Он отправился туда, куда его пошлют, и будет жить от битвы к битве, от планеты к планете. Именно так и идет война уже много веков.

Он почувствовал у себя на пояснице ласковое прикосновение женских пальцев. Его отношения с Наоми вышли уже за грань развлечения. Он этого не планировал, но такие вещи редко случаются в плановом порядке. Гораздо проще разрабатывать стратегические планы в отношении врага.

Она была умна и привлекательна, внимательна и глубокомысленна. По ширине охвата разум ее уступал его, но зато не давал осечек. Кое в чем она проявляла даже лучшую восприимчивость. К примеру, она лучше него ладила с людьми. Она прижалась к нему, и он почувствовал тепло ее тела.

— Опять планируешь... У нас осталось так немного времени. Неужели ты не можешь просто расслабиться?

— Извини. Ничего не могу с собой поделать.

— Так уж и не можешь, — усмехнулась она. — А по-моему, непосредственно перед этим ты вовсе ничего не планировал. Ты импровизировал, как ненормальный.

Он улыбнулся мальчишеской, даже хулиганской улыбкой, которая, похоже, так мила была женщинам. Это была его, пожалуй, единственная невинная штучка.

Ростом он был невысок, даже чуть ниже Наоми, но проблем это у него не вызывало. В сочетании с гладким, без труда депилируемым лицом, это создавало впечатление, что он лет на десять моложе своих приблизительно сорока. У него было тело гимнаста — стройное и гибкое, но излишне накачанное. Это было результатом игры генов и тяжелой работы. Темно-русые волосы были стрижены коротким ежиком, и над ушами было пробрито по узкой полоске с каждой стороны. Такую прическу он находил удобной и исчерпывающей.

Внешний вид и габариты иногда доставляли ему немало хлопот, поскольку он был похож скорее на адъютанта, чем на полковника. Не раз и не два приходилось ему предъявлять как людям, так и инопланетянам доказательства, что он действительно состоит в таком чине. В молодости он терпеть не мог, что ему дают меньше лет, чем на самом деле, зато теперь он в полной мере оценил все преимущества этого и больше не поносил последними словами свою наследственность.

И хотя ему, как и всякому человеку, не хватало остроты ощущений настоящей схватки, он посвятил себя штабному планированию. У него, похоже, был талант к обнаружению слабых мест противника, и это позволило ему быстро продвинуться по службе, если уж не самореализоваться. Очень скоро он понял, что штаб — идеальное место, откуда можно наилучшим образом применить и другой свой талант, о котором никто из сослуживцев даже и не подозревал. Эта позиция позволяла ему навязывать неожиданные изменения в тактике даже самым опытным офицерам Массуда.

Свои гены Неван унаследовал от родителей-коссуутов. Он был одним из Ядра.

Как и любой нормальный человек, Наоми ничего не подозревала. Его способности никоим образом не оказывали влияния на людей, и она ни разу не видела его в деле. Для нее он был просто Нев, ее милый и любимый.

Теперь же ему приходилось считаться с вероятностью того, что их отношения пойдут еще дальше. И этого он одновременно хотел и страшился. Брак за пределами Ядра был допустим, но в высшей степени труден. Держать великую тайну в секрете от друзей и знакомых было сравнительно легко. Сокрыть же ее навек от глаз жены, спутника жизни — совсем другое дело.

Они друг другу искренне нравились. Она хорошо умела

рассказывать, а он любил слушать. Ее энтузиазм прекрасно компенсировал его природную замкнутость. Они друг другу подходили.

Он никогда не был женат, и почти уже смирился с тем, что так и останется холостяком, хотя Ядро всячески поощряло браки между своими. Но не внешние. Поддержание генофонда Ядра было превыше даже любви.

Муж Наоми погиб на войне. Детей у них не было, и некому было поддержать ее, в случае...

Он оборвал себя, удивляясь, как далеко уже зашел по трудному пути.

— Ты выглядишь счастливым. — Она села рядом с ним.

— Так и есть. Просто меня ждет работа.

Она вздохнула.

— Вечно эта работа.. Иногда меня так и тянет накачать тебя, но я не уверена, что от этого что-нибудь изменится.

Он слез с платформы и стал одеваться.

— Буду давать о себе знать. Вернусь, как только удастся отпроситься с боевого дежурства. Может, через пару недель. — Он стал натягивать спортивный костюм.

Она снова откинулась на постели и стала рассматривать его, любуясь игрой четко очерченных мускулов его спины и ног.

— У тебя гипертрофированное чувство ответственности. Вот бы удалить его хирургическим путем.

— Следующие два месяца — критические. — Он повернулся лицом к лежанке и провел пальцем вверх по костюму, запечатывая его. — Попробую устроить личную линию связи, тогда поболтаем.

Она соблазнительно потянулась.

— Со мной связь всегда доступна.

— Прекрати, а то я никогда отсюда не выберусь. А если я опоздаю, меня разжалуют.

— Сомневаюсь. Тебе же цены нет. И не только среди этих тупиц в штабе. Да, а как там, кстати, у нас делишки? А то все читают отчеты, ничего понять не могут.

— Амплитуры сражаются за этот мир, как черти. С обеих сторон столько транспортов прибывает, что из подпространства на орбиту не высунешься. — Он оглядел себя, потом женщину, с которой у него какая-никакая любовь.

— Мне пора, Наоми.

— Знаю. — Она тяжело вздохнула. — Опять этот твой клуб.

— Мы просто обмениваемся главным, прежде чем снова приступить к делу.

— Бросил бы ты это. Нам с тобой больше времени бы оставалось.

— Да это же у нас просто относительно нерегулярные сборища. Друзья-приятели с родины. Разве ты не ходишь иногда на вечеринки своих с Барнарда?

Она покачала головой.

— Я их даже и не знаю по большей части. Это у коссуутов такая тяга друг к другу, сдается мне.

— Имеет место. Тут дело в нашем прошлом.

— Я знаю историю вашего Возрождения. Очень печальный случай, откуда ни взгляни. Но теперь-то это все в прошлом. Потомки возрожденных — нормальные люди. Вот ты, скажем.

Он выдавил из себя улыбку.

— А я-то думал, что ты меня считаешь исключительным. Ничего особенного там не будет, Наоми. Так, поздороваюсь с друзьями, повспоминаем о прошлом. Нас немного осталось. Это не то, как если собираются вместе выходцы с Земли или Терпения, когда можно с сотнями знакомых переговорить. — Было еще множество отличий, о которых он знал, но объяснить их Наоми не имел права. Он очень о многом не мог поведать ей.

Более всего члены Ядра страшились разоблачения — и более всего ценили между собой скрытность: даже от своих любимых, страдающих нормальностью.

И тем не менее ему мечталось о постоянных отношениях с Наоми. В фантазиях своих он представлял, что она будет рядом с ним до конца его дней... По крайней мере, ограничений на этот счет не существовало.

— Вперед, полковник. — Огорчение ее было неподдельно, но умышленно подчеркнуто. — Катись на свою чертову встречу. Я-то знаю теперь, что для тебя важнее всего! — Тут она смягчилась. — Хотя бы сегодняшний вечер был наш.

Может быть, подумал он, тут все зависит от того, где проводить временные границы... и от множества других вещей, над которыми ни он, ни она не властны. Он склонился над лежанкой и поцеловал ее на прощание. Выглядело это неуклюже, но ни он, ни она не возражали.

Когда он, наконец, сумел оторваться от ее губ, она неожиданно сказала:

— Может быть, и мне когда-нибудь удастся побывать на одной из ваших встреч?

Он слегка напрягся, надеясь, что она этого не замечает.

— Тебе там будет чертовски скучно.

— Ну не знаю. По крайней мере, мне удастся познакомиться с твоими земляками.

— Это обычные люди, как ты сама говорила, коссууты ничем не лучше других. По крайней мере, с тех пор, как гивистамы и о'о'йаны исправили анатомию наших предков и устранили нарушения, привнесенные в нее амплитурами. — Он насильственно попытался сменить тему. — Или тебя что-то во мне коробит?

— Ничуть, — засмеялась она. — Ты вообще оказался куда выше среднего.

Мы все такие, подумал он, только ни тебе, никому другому знать об этом не положено.

Нельзя ему на ней жениться. Слишком уж она восприимчивая. Не получится держать от нее в тайне секреты Ядра — по крайней мере, навсегда. А если она вдруг что-то выведает, хлопот не оберешься. Не будет у него никакой возможности, никакой защиты для нее, чтобы уберечь от неизбежных последствий. Лучше уж не позволять ей заходить настолько далеко и прекратить все теперь, пока опасность еще не слишком велика.

Но не так-то просто это сделать.

Вот она сидит по другую сторону постели, натягивает блузку и шепчет: «Какие вы, коссууты, смешные...»

Что можно прочесть за таким наглым заявлением? Или она уже что-то заподозрила? Он взмолился, чтобы это было не так.

Не дай бог, массуды или другие союзники по Узору заподозрят, что некоторые представители Человечества могут воздействовать на их мыслительный процесс аналогично тому, как это делают амплитуры, — альянс может моментально распасться. Это великая тайна, сохранить ее требуется любой ценой. И если Наоми, либо кто еще, прознает что-нибудь, то действовать с таким человеком придется по обстоятельствам. И Неван знал, что если до такого дойдет, то по обстоятельствам придется действовать и ему самому.

Параноидальные фантазии, пробормотал он себе под нос.

Ничего ей не известно, и уж он-то проследит, чтобы так оно все и оставалось.

Полуодетая она обогнула постель и подошла к нему, чтобы обнять его на прощание.

— Ох, полковник, как мне не хочется отпускать тебя. Неужели ты не видишь?

— Есть и другие дела, — игриво отозвался он, снова целуя ее.

— И далеко ли от меня тебя ушлют на этот раз?

— В дельту Циркассы.

— Черт. И никаких отлучек на ночь?

— Боюсь, нет.

— Но ты ведь не поленишься связаться со мной, как только битва кончится?

— А когда она кончится? На Чемадии ни в чем нельзя быть уверенным.

— У меня складывается впечатление, что этот мир значит для них очень много.

Он отстранился.

— Теперь наступили такие дни, что для них все стало значить очень много. Хотя, по-моему, это неплохой признак и расстраиваться не стоит.

Она села у изножия кровати и стала неуверенно теребить трусики.

— Так что, войне конца не видно?

— Конца войны? — Он поймал себя на том, что более выводящего из себя предположения ему обмозговывать не доводилось. — Узор добился немалых успехов с тех пор, как на его стороне выступило Человечество, но я не вижу ни малейших признаков того, чтобы Амплитур со своими союзниками начал разваливаться.

— По-моему, тоже нет. — Она пожала плечами. — Но как приятно было бы думать...

Подобно большинству людей, он был обучен ремеслу войны с того самого возраста, как стал способен нажимать на курок. Ему никогда не приходилось задумываться над вопросом об окончании войны, и, насколько ему было известно, над этим не задумывался никто из его друзей. Но Наоми была не такая. Именно за это он любил ее.

Позже, вдавленный ускорением в кресло скоростного, тряского скиммера, мчащего его вдоль берега от базы Атилла к

месту расположения боевых формирований, он поймал себя на том, что, невзирая на всю отягченность обстоятельств и необходимость сделать это, он на самом деле мог бы убить ее. Раньи-аар сделал бы это, но он был первым — легендарный персонаж истории Коссуута. Неван знал, что до Раньи-аара ему далеко. Он, Неван Страат-иен — простой воин с талантами к стратегии, но и он бы на это пошел.

Эх, если бы мы были способны внушать что-либо другим людям, как мы делаем это в отношении массудов, с'ванов и гивистамов, думал он, глядя в окно на серое, чужое море. Как проста была бы тогда личная жизнь.

Глава 6

Региональный командный модуль на 80 процентов был погружен в воды темного моря на выходе из дельты. Как только скиммер притормозил на подходе к нему, наводящаяся по очертанию объекта боеголовка криголитов изменила курс и пошла на перехват. Видеопроекторы на борту скиммера тут же активизировались и принялись сбивать с толку приближающуюся угрозу, воздействуя на ее датчики. Для вражеской электроники скиммер предстал теперь в образе парящей морской птицы, типичной для здешних мест. Из недр биоданных спроецировалась вполне достоверная информация. Система распознавания образов вражеского снаряда вынуждена была задуматься, не расходует ли она себя понапрасну на безобидного представителя местной фауны.

Обман был распознан достаточно скоро, но промедление это позволило скиммеру задействовать собственное вооружение. В направлении нападающего было выпущено облако дозвуковых зарядов. Ракета предприняла со своей стороны уклоняющийся маневр, но небольшой заряд разорвался-таки в непосредственной близости от двигательной установки, и нападающий боезаряд вынужден был убраться, виляя хвостом, в направлении дельты.

Больше нападений не последовало, и скиммер спокойно причалил к одному из подводных доков модуля без помех. Прибывшее судно встретили несколько человек в дыхательных приспособлениях, одна из женщин оторвалась от работы

и приветливо помахала прибывшим рукой. Пилот скиммера радостно улыбнулся.

В процессе разгрузки скиммера Неван подумал, что команда с Лепара лучше бы справилась с задачей, но, подобно большинству союзников по Узору, лепары не способны были эффективно работать вблизи от места реальных боев. Среди всех членов Узора только люди и тугодумы-амфибии способны были эффективно работать под водой.

Неван был одним из самых уважаемых тактиков на Чемадии. У него всегда получалось придумать такие средства взятия неприятельских позиций, что риск и возможность жертв сводились к минимуму. В боевых частях знали о его репутации и всегда чувствовали себя спокойнее, если он участвовал в разработке плана операции.

Штаб стратегического планирования располагался в тесной комнате посреди плавучего мобильного командного пункта. Специальные стабилизаторы поддерживали его в одном и том же положении, а сам модуль мог перемещаться по бухте в зависимости от изменяющейся обстановки. Летать, подобно самолету или скиммеру, он не мог; не мог он и полностью погружаться под воду. Но к месту командный пункт привязан не был, а следовательно, не был столь лакомой и уязвимой целью для вражеского нападения.

Свежая пресная вода из дельты реки перемешивалась с соленой массой океана, что создавало идеальную среду обитания для разнообразной и богатой чемадийской фауны. Это был бы рай для ксенологов, если бы прибрежные воды и воздух не ощеривались хищными и жадными орудиями уничтожения, высматривающими мишени, по которым в любой момент готовы были разрядиться. Дельта вот уже несколько месяцев была ареной пусть не таких частых, но очень интенсивных боев, и ни одной стороне не удалось к настоящему моменту завладеть стратегическим преимуществом.

Неван знал, что здешние войска в большей, чем обычно, пропорции состоят из людей. Причиной этого была водобоязнь массудов. В дельте заметно не хватало устойчивой, твердой почвы под ногами, за которую можно посражаться, поэтому реальный бой приходилось вести людям.

Это также давало им преимущество над в равной степени боящимися воды криголитами, которые старались компенсировать этот недостаток численным превосходством и

постоянным воздушным патрулированием. Вот если бы еще и лепары могли участвовать, размышлял Неван... Но это была нелепая мысль. У лепаров мозгов не хватит пользоваться сложным оружием, да и склонности у них не те.

Так что приходилось людям в одиночку сражаться за контроль над жизненно важной дельтой.

Для личного состава на водянистой равнине было множество укрытий. Полно деревьев и кустов. Но любой крупный объект — типа плавучей батареи — моментально будет засечен и уничтожен. Командирование Узора стояло перед задачей: как прикрыть наступление огнем одних лишь легких средств. Противоречие по-прежнему оставалось неразрешимым.

Хотя направленные в этот регион массуды и отказывались принимать непосредственное участие в боях, проходивших на размокшей равнине дельты, ими укомплектовали личный состав плавучего модуля, высвободив, таким образом, для боевых задач дополнительный контингент людей. Неван обсуждал с еще одним офицером из людей и четырьмя массудами стратегию предстоящего боя, как вдруг палуба под ними пошатнулась от первых взрывов.

Один из массудов характерно повел усами и сопроводил наблюдение фразой, переведенной транслятором:

— Дальнобойные сенсорные детонаторы. Узнал по вибрации. Защиту пробить не должны.

Как бы в подтверждение, вскоре за первым взрывом синхронно включились разнообразные сигналы тревоги. Тревожно замигали лампочки. В каюту ворвался младший офицер.

— Мы под обстрелом! — завопил он на звонком массудском.

— Контролируйте себя! — Полевой полковник, командующий модуля, был пожилой, умудренный жизнью массуд, переживший смену нескольких театров военных действий. Он пристально посмотрел на систему экранов на левой стене.

— Не вижу никаких признаков вражеских транспортеров или плавсредств в нашей окрестности. — Модуль снова сотрясся. — Доложите ваши соображения.

Младший офицер не замедлил подчиниться.

— Я знаю, что это может показаться невероятным, ваша

честь, но, полковник, криголиты атакуют без использования воздушного транспорта... из-под воды.

— Невероятно! — объявил другой массуд. И в этот момент погас свет.

Экраны и флюоресцентные стены перешли на автономное питание, и помещение снова осветилось. Быстрая проверка остальной части модуля подтвердила неприятный доклад. Криголит и в самом деле предпринял беспрецедентный удар из-под воды, что и объяснило, каким образом их силы могли незамеченными приблизиться к модулю на такое небольшое расстояние. Защитные системы модуля были рассчитаны отлавливать приближающуюся технику и самодвижущиеся заряды, а не отдельных солдат, тихо подкрадывающихся под водой. Выбегая из командного пункта, Неван ловил себя на мысли об отчаянности предпринятой атаки. Ведь у криголитов есть тот же самый здоровый страх перед погружением под воду, как и у всех разумных существ по обе стороны. И каким-то образом им удалось убедить целую группу спуститься под воду, преодолев страх. Сенсоры воспроизводили видеоряд, на котором четко было видно, как солдаты-криголиты перемещаются, используя автономные дыхательные устройства, пристегнутые у них на груди и за спиной. К лицам были прилажены маски, позволяющие видеть под водой. Поскольку само понятие плавания — не говоря уже о технике — было им совершенно чуждо, как, в равной степени, и гивистамам с массудами, каждый нападавший был снабжен водометным двигателем, прилаженным к нижним конечностям. В руках у них было оружие, а вторая пара ног оставалась свободной.

Амплитуру, размышлял Неван, явно пришлось немало потрудиться именно с этой группой боевиков, чтобы они оказались способны на такой неестественный способ нападения. Несомненно, потребовались неоднократные сеансы внушения, чтобы преодолеть глубоко укоренившийся в криголитах страх. И каков бы ни был окончательный исход битвы, такое радикальное насилие над природными инстинктами неизбежно выльется в тяжелые психологические травмы для оставшихся в живых. А какое до этого дело Амплитуру, мрачно подумал Неван. Разве не поставлено все на службу Назначению? А раз что-то делается ради Него, то это само себя оправдывает.

Прокравшись по одиночке, а не массированно, криголиты

обманули-таки системы обнаружения модуля и нанесли удар. Теперь растерянные защитники торопливо пытались организовать оборону против нападения такого рода, о котором им до этого и мысли в голову не приходило.

Тем временем, одни криголиты занялись стабилизаторами и силовой установкой, а другие ударили из-под воды по внешним системам вооружения. Какая-то часть их ворвалась через входные и грузовые люки на борт. Они заполняли коридоры модуля, избавляясь на ходу от дыхательных устройств.

Неван оказался вынужден отступать, отстреливаясь и уходя от огня. Криголиты прекрасно были знакомы с гивистамской инженерией и сосредоточили свои усилия на захвате аппаратных связи и наведения. Это оставляло Невану и горстке других пространство для маневра, но лишь на время. Как только враги завладеют связью и обезвредят защитные системы модуля, так тут же перейдут к методичному прочесыванию всех помещений в поисках укрывшегося противника.

Обороняющиеся массуды и люди сражались остервенело, но им некуда было отступать, не было в узком коридоре и пространства для маневра. Криголиты захватили внутренние коммуникации, и у обороняющихся не было даже возможности воспользоваться двумя катерами на воздушной подушке, находящимися в служебных доках модуля. Кроме того, головная группа воинского контингента модуля ушла далеко вверх по дельте, пытаясь оттеснить криголитов в глубь материка. И враг не только был близок к захвату плавбазы, но, случись такое, подразделения, сражающиеся выше по реке, оказались бы отрезанными.

Экипаж модуля был серьезно застигнут врасплох, поскольку предполагал, что если прежде подводных нападений не предпринималось, то такой возможностью можно спокойно пренебречь. Они оказались в дураках, да еще и не готовы к бою. Вероятно, Амплитур позаимствовал эту идею у Человечества, которое неоднократно атаковало их собственные установки, используя подобный подход.

Взрывы и перебои в освещении происходили все чаще по мере дальнейшего наступления криголитов в глубь модуля. Раздробленные группки людей и массудов занимали оборону в наспех сооруженных укрытиях. Интерьер модуля не был приспособлен для ведения боя, и один за другим защитники погибали или попадали в плен.

Среди штатных операторов модуля был еще один член Ядра. Сержант Коннер выбежал из-за угла коридора, вздымая брызги соленой воды, проникавшей сквозь пролом в корпусе, и встал рядом с Неваном. Из пореза на лбу струилась кровь, заставляя его часто моргать. Он тяжело дышал.

— Рад, что нашел вас, сэр! — Хотя все члены Ядра были друг с другом на ты, очень важно было сохранять конспирацию на случай, если кто-то подслушивает или подглядывает. И по такому случаю, в условиях боя ни к чему было бы представителю рядового состава излишне фамильярно обращаться к старшему офицеру.

— Бьют наших.

Неван осторожно выглянул за угол и тут же убрал голову. Коридор по-прежнему был чист.

— Что можно сказать насчет подкрепления?

— Все самое непечатное, сэр. Маловероятно. Эти жуки быстро добрались до связи. Несколько наших успели передать донесения по полевой связи, но шансов, что у них хватило мощности добить до наших вверх по реке, мало. А даже если и хватило, они сюда не успеют вернуться. — Сержант сделал паузу, хрипло дыша. — Ваши предложения, сэр.

Неван задумался.

— Если они захватили коммуникации, то следующим делом они займутся техническим обеспечением. Давай двигать в обратную сторону.

Один раз они нарвались на пару криголитов, семенящих по коридору. Молочного цвета глаза уставились в их собственные, последовали изумленные крики и взаимный огонь. Неван очутился на полу и покатился, уворачиваясь от нейролучей, ищущих его позвоночник. Один почти попал — и правая нога онемела.

Его оружие было менее изощренным. Едва лишь из пистолета Невана вырвалась вспышка, как голова криголита разлетелась на куски от разрывной пули. У другого насекомообразного была винтовка, выстрелом из которой у сержанта вырвало кусочек мяса из плеча. Ответным огнем Коннер расколол обидчика надвое.

Не обращая внимание на покалывание в бедре, Неван встал на ноги и осмотрел рану товарища. Она выглядела страшно, но была неглубока. И они возобновили свою безнадежную одиссею.

Было ясно, что криголиты полностью владеют ситуацией и выкурить их шансов не представляется. Их беспрецедентная атака привела к успеху. Без подкрепления или передышки, а они явно не предвиделись, об организации контратаки не могло быть и речи.

— Сюда, сэр. — Коннер вел его к причалу спасательных шлюпок. Коридор, ведущий туда, был подозрительно пустынен.

Шлюпки предназначались на случай эвакуации при сильном шторме, если таковой вдруг случится в районе дельты. Они не были оснащены ни защитной броней, ни вооружением, но и Страат-иену, и Коннеру было на это наплевать. В данный момент шлюпки олицетворяли собой единственный выход.

К несчастью, то же самое смекнули и криголиты.

С полдюжины их собрались у выхода к причалу. Похоже было, что они только что прибыли. Часть из них еще только снимали громоздкие дыхательные приспособления. А другие прилаживали за самодельной баррикадой из мебели и оборудования большое, отвратительное на вид подобие пулемета.

Кто бы ни разрабатывал план этого нападения, сработал он грамотно, с горечью подумал Неван.

Они спрятались за ближайшим к выходу поворотом коридора.

— По-моему, они нас не заметили, — шепнул полковник. — Они слишком заняты оборудованием позиции. Мне показалось, их там пятеро.

— Шестеро. — Кровотечение из плеча продолжалось, но рана на лбу Коннера обнадеживающе подзатянулась. — Может быть, и больше, но, по-моему, шестеро. — Ему лет двадцать пять, подумал Неван, а он уже опытный боец, страх только придает ему силы. — Если мы будем медлить, они успеют завести эту пушку в автоматическом режиме, и тогда мы в жизни не прорвемся.

— Суетиться нельзя, их слишком много. — Неван задумался, разглядывая своего молодого товарища. — Ты же знаешь, как внушать. — Это было утверждение.

Коннер неуверенно взглянул на Невана.

— Я всего-то пару раз пробовал, сэр. И каждый раз имел дело с представителем союзников, причем с одним. А тут враг, и не один.

— Самое время попробовать. — Неван ослабил хватку на рукояти пистолета. — Я хочу, чтобы ты притворился офицером Криголита. Командиром взвода. Представь, что ты их командир. Надо приказать им обследовать соседний коридор. Причем подадим мы это распоряжение так, чтобы у них и сомнений не возникало в его логичности.

Коннер выглядел неуверенно. Но молодому сержанту придется поучаствовать. Неван знал, что один он никак не сможет успешно воздействовать внушением на полдюжины криголитов. Если же они хотя бы просто запутаются, а не поверят моментально, то немедленно откроют огонь чисто из-за наработок. И это будет конец.

У них есть одна-единственная попытка, и она должна быть успешной.

— Транслятором не пользуйся. Даже рта не открывай. Просто проводи внушение. Ты командир взвода криголитов, отдающий приказ подчиненным на поле боя. Они обязаны подчиниться.

Они встали. Как только Коннер кивнул, Страат-иен вышел из-за угла и уверенно направился по коридору. Они лишь раз как следует взглянули на вражеских солдат; этого было достаточно, чтобы рассмотреть их.

Двое криголитов сразу же подняли взгляд. Неван смотрел им прямо в глаза, чувствуя, как пот катится по ребрам. Он раз за разом мысленно повторял приказ, напрягая все силы. Коннер шагал рядом, глядя прямо перед собой.

Остальные четверо насекомообразных оторвались от внушительной пушки и встали бок о бок с собратьями. Промелькнуло мгновение — тяжелейшее. Потом все шестеро синхронно схватились за пистолеты. Неван услышал, как сержант втянул в себя воздух, но он не мог тратить энергию на его одергивание. Собственный его пистолет бесполезно болтался на поясе.

К счастью, криголитов никак нельзя было отнести к гигантам мышления в стане врагов. Они традиционно мыслили и действовали стадно. Если один подчинялся, у остальных тут же возникала тенденция сделать то же самое. Размахивая оружием, криголиты пустились мимо них по коридору. Один из них прошел вплотную с Неваном, едва не задев его, замялся, маленькие черные зрачки его забегали, но он тут же припустил вслед за товарищами. Он явно почуял неладное,

но, действуя согласно приказу вышестоящего, не имел времени на раздумья.

Скоро оно появится, знал Неван, как только иссякнет сила мощного мысленного внушения, примененного к ним Неваном и Коннером. Тогда шестерка остановится, заморгает, посмотрит друг на друга в поисках объяснения. Они все вспомнят и кинутся обратно на свою позицию. К этому моменту людям необходимо исчезнуть.

Криголиты ворвались в соседний коридор. Им было приказано отразить вероятную контратаку. Нетрудно было заметить, что ничего подобного там не происходило и даже не намечалось, но тем не менее они стали прочесывать соседние ходы. Постепенно пыл их остыл. Приказ есть приказ, но никто из них не мог точно вспомнить, кто именно из командования его отдал, где и как они его получили.

Двое из них накинулись друг на друга. Массовые психозы в бою случаются. Так был приказ или нет? Пришло время задать друг другу вопросы.

Обогнув зловеще пульсирующую, но не наведенную пушку, Коннер прыгнул через самодельное укрепление на причал спасательных шлюпок. Страат-иен последовал за ним. Оба они на ходу с тоской посмотрели на практически готовое к стрельбе орудие — на длинный ствол и прилаженный уже магазин с разрывными бронебойными патронами. Если подзадержаться — у них неплохой шанс уложить не один десяток врагов... до того, как их убьют.

Коннер запустил механизм ближайшего шлюза. Водонепроницаемая дверь отворилась, и за ней оказалось судно гораздо больших размеров, чем было необходимо. Оно выдержало бы до сорока неванов и коннеров.

Неван глянул вдоль коридора — там лишь дым и разруха. Если кто и выжил, и не попал в плен, все равно им придется самим пробиваться к причалу. А сейчас самое главное было, чтобы хоть кто-то ускользнул, дабы командование Базы могло получить достоверную информацию из первых рук.

Они погрузились в компактно построенное плавсредство. Коннер сел на место пилота и включил силовую установку. Как только водонепроницаемая дверь за ними затворилась, сдвинулась в сторону внешняя дверь шлюза. Через лобовой иллюминатор перед ними предстало зрелище нескольких криголитов, изумленно застывших при виде них. В громоздких

дыхательных устройствах и с подвешенными водометными двигателями они выглядели неуклюже и явно не страдали избытком гидродинамических характеристик.

Однако планов криголитов это не нарушило, напомнил себе Неван.

Один из плывущих врагов неуклюже попытался убраться с их дороги. Два его сотоварища оказались менее расторопны, и Коннер, врубив моторы на полную катушку, врезался в них. Обернувшись, Неван успел заметить, как эти двое судорожно хватаются за порушенные дыхательные приборы. Вскоре судороги прекратились.

Коннер включил тумблер, который должен был на автопилоте доставить их на базу Атилла. Шлюпка всплыла на поверхность и взяла курс на юг. Экран заднего обзора показал объятый дымом, а кое-где и пламенем корпус модуля, подобно острову возвышающийся над водой. При выведенной из строя системе защиты к командному модулю уже причалил катер криголитов, и с него высаживались свежие силы врага, не обремененные тяжелыми дыхательными аппаратами. Сражение было, можно сказать, окончено.

К трагедии привела не самоуверенность, а небрежность, горестно размышлял Неван. Фатальная небрежность. Поскольку противник ни разу до этого не предпринимал ничего подобного, было разгильдяйски не предусмотрено, что такое может вообще случиться. Придется теперь пересмотреть кое-что в долговременной стратегической доктрине.

Криголиты-амфибии! Что еще новенькое способен теперь преподнести Амплитур?

Шаг назад, два шага вперед. Только так и выигрывается война, размышлял он. Это — определенный шаг назад. Он сидел, до боли в суставах вцепившись в спинку сиденья и перед мысленным взором его представали десятки погибших и гибнущих людей и массудов, оставшихся там, в ловушке модуля, превратившегося в одночасье в огромный сферический плавучий гроб. И он ничего не может с этим поделать, ничем не может им помочь.

Он отвернулся от экрана. Коннер отвлек его внимание.

— Засек перемещения на берегу, сэр. В радиусе ста метров. — Отступающая шлюпка искала защиты у берега, вплотную прижимаясь к нему. — На криголитов не похоже, но сказать трудно. Датчики на борту не предназначены для ве-

дения боя и имеют очень низкое разрешение. Очень примитивные.

— Похоже на опознавательные знаки Ашрегана. — Неван сел рядом с сержантом и тоже принялся расшифровывать поступающие данные.

— Возможно. — Коннер оторвался от приборной панели. — А может, и кто-то из наших. Один из отрядов, до которых дошел наш призыв о помощи.

Неван знал, что его долг, как одного из старших офицеров, сохранить себя для дальнейших сражений, не говоря уже о том, что он обязан лично доложить, что произошло здесь, в устье реки. Он быстро все взвесил. Шлюпка пуста. На карту поставлены только две жизни — одна из них его.

— Надо скоренько глянуть. Сделай все быстро, как только можешь, пойди на резкое, неожиданное сближение. Так, чтобы можно было разобрать, кто это. Не ближе, и тут же — поворот на сто восемьдесят градусов. Используй мультичастотный полевой сканер.

Последнего не потребовалось. Все стало ясно прежде даже, чем в переговорном устройстве раздался ответ и Коннер нажал на кнопку, останавливая катер у берега с тремя рядами заграждений.

— Сообщите вашу принадлежность, — обратился он к стоящему на берегу пикапу.

— Да вы-то кто? Сами, к чертям собачьим, сообщите! Что за чертовщина в бухте творится?

Неван слегка улыбнулся, склонившись к экрану.

— Полковник Неван Страат-иен, из штаба стратегического планирования. Командный модуль в дельте захвачен противником ударом из-под воды. Насколько мне известно, кроме меня и сержанта Коннера, никто не выбрался.

— Криголиты-подводники? Да это вы кому рассказываете?

— Не знаю. Доложите.

Последовала пауза, после которой голос ответил чуть менее раздраженно:

— Я лейтенант Моген, второй корпус биодивизии Альфа. Мы крепко врезали жукам выше по течению, сэр, и как раз возвращались за боеприпасами, когда услышали весь этот фейерверк. Я посоветовался с личным составом и на свой страх и риск решил, что стоит, пожалуй, на обратном пути сделать крюк и посмотреть.

— Еще как стоит, лейтенант. Я ведь не шучу насчет подводной атаки криголитов. Какие уж тут шутки. Эти каракатицы, похоже, в последнее время занялись помимо техники обработкой сознания.

Коннер подогнал спасательную шлюпку поближе к скоплению встревоженных, озабоченных солдат, осторожно проведя ее между плавающими бревнами и болотистым берегом. Неван разглядывал бойцов через передний иллюминатор. От шестидесяти до семидесяти тяжеловооруженных мужчин и женщин, все в грязи в дополнение к стандартному камуфляжу. С ними еще примерно пятьдесят массудов. Несколько раненных. Слайдеры под нависающей растительностью стоят на холостом ходу, готовые в любой момент сорваться с места.

Лейтенант был крупный, видный мужчина с темной кожей и черными прямыми волосами. На поврежденном правом глазу у него был надет окуляр, позволяющий ему различать предметы и освещение, пока заживает поврежденный орган зрения. Позади него, полуотвлекшись, стояла младший офицер — массуд. Далекий взрыв снова приковал всеобщее внимание к бухте.

— Никак не поверю, — пробормотала младший офицер.

— Мы тоже все не верили. Но это реальность, как ни крути.

— И что нам теперь делать? — Лейтенант указал на свое потрепанное войско и на двойной ряд двухместных слайдеров, стоящих полукругом под деревьями на самом высоком пятачке болота. По обе стороны рамы боевых машин было прилажено по сиденью для бойца.

— Мы несколько дней вели бой. Из всей этой кучи ни у одного слайдера не хватит горючего, чтобы добраться до Атиллы, даже если садиться на них по одному.

Коннер терпеливо стоял рядом с Неваном.

— Мы, вероятно, могли бы разместить большую часть у себя в шлюпке, сэр. Так мы, по меньшей мере, могли бы эвакуировать раненных и еще многих.

Неван знал, что именно так им и следует поступить. Это единственно разумный образ действий. Но диаметрально противоположный тому, что он чувствовал. Судя по выражению лица лейтенанта, тот чувствовал то же самое, что и подтвердили его слова.

— У большинства из нас там остались друзья, товарищи. Мы бы могли попытаться им помочь.

— Атака была проведена большими силами, — проинформировал его Неван. — Криголиты продолжают наращивать там свою боевую мощь. — Он видел, что ближайшая группа солдат внимательно смотрит в его сторону и напряженно прислушивается.

— Что-нибудь еще... сэр? — холодно-корректно спросил лейтенант.

Неван кивнул с отсутствующим видом.

— Я просто подумал, что если у кого-то есть желание, то мы могли бы незаметно проскользнуть к главному протоку русла, используя джунгли в качестве прикрытия. И там на мелководье попробовать ударить по их подкреплениям, спускающимся по реке.

— Прошу прощения, уважаемый полковник, — обратилась младший офицер из Массуда, стоявшая позади лейтенанта, — но наше подразделение не экипировано аппаратами для дыхания под водой.

Лейтенант посмотрел на нее.

— Мы люди, Шолдид. Нам можно и без них.

— Я об этом осведомлена, но если я правильно поняла слова полковника, то у криголитов все равно будет заметное преимущество. У них будет возможность полноценного дыхания под водой на весь период схватки. Я знаю, что у разных людей разная способность задерживать дыхание, но, если я не ошибаюсь, не дольше минуты-другой.

— Жуки действуют в непривычной для себя боевой обстановке, — указал Неван. — Я подозреваю, что функционируют они только благодаря мощной накачке со стороны Амплитура. Сомневаюсь я, что они натренированы и готовы к каким бы то ни было подводным боям. Я видел их двигательные системы. Они сделаны грубо и наспех, что совсем не характерно для высочайшего уровня инженерии, с которым мы привыкли сталкиваться у мазвеков или коратов в подобных ситуациях. У меня такое чувство, что все, чем они сегодня пользуются, было собрано только для сегодняшней акции, чтобы посмотреть — выйдет или нет. И вооружение у них для подводных боев не приспособлено.

— Как и у нас. — На лице офицера-массуда застыло мрачное выражение.

— Правильно. — Лейтенант оскалился, от этого массуды дернулись резче, чем обычно, под воздействием необоримого

инстинкта. — Но есть множество способов прикончить врага под водой. — Он указал на свое собранное, нетерпеливое войско и снова обратился к Страат-иену.

— Как вы и полагали, сэр, у нас есть желание.

Неван задумался. Если криголиты встретят их жестко, на базу Атилла ему будет лучше не возвращаться. С другой стороны, если удастся застать их врасплох, особенно сейчас, когда они, бесспорно, не сомневаются в своей окончательной победе...

Он резко и однозначно кивнул офицеру.

— Давайте-ка вдарим, лейтенант.

— Вынуждена предостеречь, — Массуд чувствовала себя более чем неспокойно. — Сопряженный с этим риск и опасность...

— Мы и не собираемся подвергать им ваших людей. Им не придется иметь дела с водой, — успокоил ее Неван. — Кто-то должен заняться шлюпкой. Вы также можете залечь в засаде на берегу и отстреливать всякую нечеловеческую голову, показавшуюся на поверхности.

Массуд неуверенно повела ушами, длинная нижняя губа оттопырилась. Конечно, этот человек старше ее по званию, но межрасовый протокол позволяет ей, в принципе, спорить и дальше. Одна беда, никаких возражений на ум не приходит. Да и не совсем она уверена, что ей хочется спорить. Ведь там, в бухте, гибнут друзья...

— За это спасибо, — проворчала она.

— В таком случае, решено.

Неван сделал поворот кругом и направился обратно к шлюпке.

Глава 7

Было очень тесно, высокие, нервные массуды были плотно зажаты среди коренастых, более мускулистых людей, хотя большинство последних и направилось в сторону реки на своих потрепанных слайдерах. Прижимаясь к густой прибрежной растительности, спасательная шлюпка продвигалась к реке гораздо медленнее. На ней не было брони, и она мало чем могла защитить их, если бы враг обнаружил их и ударил из тяжелого оружия.

Но этого не произошло. Торопливо организованная контратака обрушилась на криголитов на всем протяжении дельты, совершенно их обескуражив. Держа оружие наготове, массуды удивленно смотрели, как их соратники-люди срывают с себя знакомые боевые доспехи и ныряют со шлюпки и слайдеров, чтобы схватиться с врагом в глубинах прозрачной, незагрязненной реки.

Криголиты оказались захвачены врасплох и не могли оказать сопротивления проворным, умеющим задерживать дыхание людям. Их наспех сделанные двигатели рассчитаны были лишь на то, чтобы доставить их от места отправки к месту назначения. О маневренности их создатели и думать не думали.

Без помощи же механизмов криголиты плавать не умели. А лишившись неуклюжих дыхательных приспособлений, они погибали под водой за несколько секунд. Они тонули один за другим, беспомощно перебирая тонкими, бесполезными руками и ногами. Поскольку их дыхательная система не обладала необходимым для поддержания на плаву объемом, они просто шли ко дну.

— На нас что-то крупное надвигается, сэр, — обратился Коннер, находящийся рядом с более опытным пилотом-массудом, который принял на себя управление лодкой.

Страат-иен только что вернулся после очередной серии погружений. Весь мокрый, он склонился над плечом сержанта. По соседству массуд смотрел на него зачарованно исподтишка, поражаясь, как стекает вода с гладкой кожи, похожей скорее на кожу примитивных лепаров, чем на его собственную.

Он внимательно изучил экран обзора. Пара крупных катеров быстро двигалась вниз по реке. Они установят тяжелое вооружение. Битва за командный модуль подходила к концу.

— Всем немедленно вернуться на борт, — зло прорычал он. — Мы не выстоим против полевых установок. Мы сделали здесь все, что могли.

Коннер понимающе кивнул.

Одного за другим ныряльщиков информировали об ухудшении боевой обстановки, и они оставались в шлюпке. Несмотря даже и на это, всем очень не хотелось отступать с поля боя. Включая массудов, которые очень хорошо устроились в компактном суденышке и занимались тем, что поголовно

уничтожали тех из криголитов, кому удавалось-таки выбраться на поверхность при помощи двигательной установки.

Как только последний боец оказался на борту, пилот-массуд тут же запустил двигатель и направил шлюпку обратно, в сторону открытого моря. Их действия, конечно же, не воспрепятствовали победе Амплитура, но быстрая и неожиданная — с позволения сказать — контратака определенно омрачила Амплитуру радость триумфа.

Теперь же, когда все было кончено, офицер массудов поражалась своему легкому согласию с тактикой человеческого полковника. По природе своей осторожная, она никак не могла понять, почему не сумела настоять на том, чтобы удержаться от выходки. Правда, озадаченность ее вскоре уступила место радости от хорошо проделанной работы. Отвоевать модуль возможности у них не было никакой, так, по крайней мере, они заставили врага заплатить за победу дорогой ценой.

Из остальных патрулей сил Человечества и Массуда, работавших в верховьях дельты в момент беспрецедентной подводной атаки Криголита, некоторым удалось благополучно выбраться через окрестные топи, где их подобрали специальные сверхскоростные спасательно-разведывательные машины, высланные для этой цели с базы Атилла. Другим повезло меньше. Потери были тяжелые. Болезненность поражения трудно было недооценивать.

Страат-иен же не только избежал всякой ответственности, но и был представлен к благодарности за быстроту мышления, проявленную при организации молниеносной, хотя и не слишком адекватной по масштабам контратаки. Поскольку к моменту вражеского нападения он только-только прибыл на командный модуль, едва ли на него можно было взвалить долю вины за его захват.

Слухов ходило много, но до обвинений на базе дело не дошло. Никто не представлял, что подводная атака со стороны криголитов возможна; следовательно, и никаких защитных мер против нее не имелось. Разработчики тут же занялись вопросом, как не допустить возможности повторения подобного в будущем, где бы то ни было. Узор не зря гордился, что подобные потрясения допускает лишь единожды, а фантазия у Амплитура явно иссякала. Со временем они вовсе не способны будут чем-либо удивить союзников.

Однако ни знание этого, ни благодарность не улучшали на-

строение Страат-иену, ожидавшему нового назначения. Впервые в своей карьере он столкнулся с подобной волокитой, и это давило на него все больше и больше по мере того, как неделя проходила за неделей. Даже Наоми рядом не было, чтобы утешить его, поскольку ее перевели в какой-то другой район Чемадии. Немного помогала психотерапия. Она способна была скрасить время, но не память.

Он очень обрадовался, когда, наконец, пришел вызов.

Присутствие в кабинете командующего самки с Вейса не сильно его удивило. Несмотря на всю утонченность представительницы пернатых, он едва удостоил ее взглядом. Было редкостью, чтобы кто-то с Вейса приземлился на фронтовой планете, но все же случаи бывали. Несомненно, эту прислали по каким-нибудь вопросам переводов или этикета. Его все это не касается.

Кренский сидел, откинувшись в кресле, и дал знать, что заметил прибывшего Страат-иена, небрежным взмахом настоящей руки. Другая рука его представляла из себя целиком протез телесного цвета — чудо гивистамской мысли и о'о'йанской промышленности. Когда кто-то лишался слишком большого куска тела, чтобы можно было применить регенерацию, лучшим выходом оказывался гивский заменитель. В них не было никакой неполноценности. По многим статьям искусственные органы даже превосходили естественные.

В кабинете не было ни стола, ни окна; только сиденья и скамейки, приспособленные для различных видов разумных существ, волнообразная голографическая картина на дальней стене, а посередине комнаты — большая ваза из металлического стекла изысканных форм, которая служила вместилищем и обрамлением пучку бледно-розовых и голубых цветочков клевера. Это был настоящий клевер, с Земли. Он понял это по запаху. Несоразмерность цветов и вазы сопоставима была разве что с затратами на устройство такого украшения.

Командующий базы себе такой роскоши позволить не мог.

На поверхности клевер, может быть, и выжил бы: Чемадия отличалась благодатным климатом. Но кабинет был расположен под пятидесятиметровым слоем базальта и двумя закачанными под давлением слоями защиты. При таких условиях свежая темная зелень клевера служила свидетельством высочайшего искусства, проявленного преданным делу — пусть и не на месте — садоводом. Несомненно, представительница

вейсов, известных любителей цветов, должна была гораздо лучше человека оценить это.

— Добрый день, полковник Неван. — Для человека с такой крутой репутацией голос у Кренского был обезоруживающе мягким. — У меня для вас особое поручение. — Как и всякий опытный солдат, услышав такое, Страат-иен немедленно напрягся.

Тут дело не в конкретике. Главное, будет чем заняться. Будет, чем отвлечься от катастрофы, невольным, хотя и не последним участником которой ему довелось стать.

— Самое время, сэр. А то я слегка очумел от безделья.

— Судя по всему, психоаналитики придерживаются иного мнения, иначе бы они не представили вас командованию. У вас нет права на нетерпение. Никто из выживших в дельте не допускается к возвращению к службе, пока всех не перепроверят десять раз. Вы же знаете.

— Знаю, сэр, но мне это не нравится, и это мое право.

Кренский одобрительно хмыкнул.

— Все говорят буквально то же самое. Ладно, расслабьтесь. Вас допустили. Что касается сегодняшнего. Я бы все равно дал вам отдохнуть еще несколько деньков, если бы вы не потребовались мне для спецзадания.

— Я готов ко всему, сэр. — Страат-иен замер в ожидании.

— Точно? Не знаю. — Взгляд Кренского переключился на молчавшую до той поры чужеземку.

— Здравствуйте, — сказала она. Несколько секунд ушло у Невана, чтобы понять, что приветствие обращено к нему.

Самка-вейс говорила сладким, певучим голосом. Слова, казалось, струились из волшебной свирели. Мало того, что они отменные лингвисты, вейсы, оказывается, обладали прекрасным талантом к мимикрии. В темноте практически невозможно было бы отличить их голос от человеческого. Или гивистамского, лепарского, — вообще любого, каким вейсом вздумалось бы заговорить.

Эта же, по крайней мере, не была настолько перенасыщена одеждой, как большинство ее соплеменников. А то, что это самка, Неван сразу же догадался по менее яркой естественной окраске оперения, по не такому пышному плюмажу.

Кренский познакомил их.

— Это Лалелеланг с Махмахара. Она историк. Или что-то вроде того.

Из слышимого шелестения идеально сочетающихся перьев и наряда выпростались чуткие кончики крыла.

— Рада познакомиться с вами, полковник Страат-иен.

Он осторожно подержался за протянутое крыло, ощутив упругость кожи под оперением, и размышляя, зачем она здесь. И одновременно ему пришло в голову, что никогда раньше ему не доводилось сталкиваться с тем, чтобы вейс сам пошел на такой контакт. Как и представители прочих рас Узора, они предпочитали избегать физических соприкосновений с лицами, если к этому не принуждали их крайние обстоятельства. Очевидно, эта Лалелеланг — исключение, редкий образец своего вида, чувствующий себя уверенно — а то и вовсе уютно, — среди крупных, тяжелых приматов. Возможно, такое поведение — следствие ее работы.

Он снова повернулся к Кренскому.

— А насчет задания, сэр?

Командующий кивнул в сторону самки Вейса.

— Наша изысканная гостья и есть ваше задание, полковник.

Неван моргнул.

— Не понимаю.

— Учтите ее профессию. — Кренский сложил пальцы и жестким взглядом рассматривал Страат-иена.

Неван снова моргнул.

— Вы уже об этом упоминали... сэр. А ко мне это какое имеет отношение?

— Область конкретных интересов нашей гостьи связана с изучением того, как представители различных видов строят взаимоотношения в боевых условиях. Очевидно, что ей необходим гид.

Страат-иен снова напрягся. Он поймал себя на том, что злобно смотрит на терпеливо ждущую вейсскую самку. Она вздрогнула от его взгляда, но гораздо меньше, чем он ожидал.

И тут его поразила выводящая из равновесия мысль. А не знает ли она чего-то, не подозревает ли о существовании Ядра? Он заставил себя расслабиться. Она просто историк, очевидно, успевшая поработать среди людей, а это вовсе не значит, что она должна что-то знать о тайнах генетически видоизмененных потомков людей с Коссуута.

В самых определенных выражениях он сказал Кренскому,

что и слышать не хочет о таком задании. Кренский ответил ему не менее прямо.

— Извините, полковник, но все предрешено на региональном уровне. Им нужен человек в солидном звании, знакомый также и с боевыми условиями. Нравится вам это или не нравится, но вы подходите; вы в настоящее время никуда не приписаны и свободны — вот вас и выбрали.

— Но это же безумие. Это что же, какая-то... — тут он едва не вставил пару слов, о которых потом пришлось бы раскаиваться, — с Вейса будет ходить у меня по пятам на поле боя? У меня там дел незаконченных по горло. Я надеялся, что меня пошлют обратно в дельту.

— Мотив мести, — неожиданно вставила вейс. Он резко обернулся.

— Это вы о чем?

— Меня всегда умиляло, какие логические хитросплетения подводите вы под свои поступки с целью их оправдания, зная наперед всю их нелогичность. Такие усложненные умственно-эмоционально-физические взаимосвязи характерны исключительно для Человечества, — и это один из ключевых стимулов, побудивших меня к исследованиям.

Такого ответа он не ожидал. Делать обобщения касательно чужих рас — дело нехитрое, но он был немало заинтригован той, что стояла сейчас перед ним, смотрела на него чистыми голубыми глазами и нисколько не боялась встретиться с разгневанным человеческим взглядом. Он попытался наглядно представить себе, как она идет рядом с ним, крадучись, по топкому полю боя и одновременно следит, чтобы в порядке было ее совершенное оперение.

Картинка выходила нелепая, о чем он и сообщил Кренскому. Командующий терпеливо выслушал его, улыбаясь и не давая послабления.

— А что будет с ней, если я приму ее под свою ответственность, — спросил, наконец, Неван, — и окажусь в условиях реального боя?

— Обо мне можете не волноваться, полковник Страат-иен. Я в бою уже была.

— Что-что? — В голосе Невана появилось любопытство. — Вейсы в бой не идут. Гивистамы со с'ванами — и те редко, а лепары, о'о'йаны — никогда. И вейсы тоже.

— Я исключение. Насколько мне не изменяет память —

единственное. Я была в бою на Тиофе. В компании с людьми и массудами.

Кренский кивнул в подтверждение.

— Она говорит правду, Неван. Я видел ее досье. Ее там чуть не убили. Мазвеки.

Неван заколебался, взгляд его прищурился. Он теперь оказался на совершенно незнакомой территории.

— Но вы ведь... вы оружие не держали?

— Нет. — При упоминании об оружии она даже не вздрогнула и очень горда была своей уравновешенностью. — Конечно же, нет. То есть, держать его я как раз бы и смогла, — добавила она неожиданно нахально, — только по природе своей не смогла бы им воспользоваться.

— Хорошо. — Неван почувствовал себя немного уверенней. По крайней мере, Вселенная пока что не перевернулась. — Значит, вы пережили настоящий бой?

— Именно так.

Он задумался.

— Но это ведь еще ничего не значит. Война — это не яд. При повторном с ней столкновении не срабатывает иммунитет.

— Я прекрасно знакома с психологическими категориями, полковник Страат-иен. Мне придется поддерживать себя в форме, чтобы получить то, что меня интересует. Я посвятила свою жизнь изучению того, как люди взаимодействуют с другими видами в военных условиях. Нисколько не отрицая опасностей, которым я подвергаю себя, будучи помещенной в такие условия, могу однозначно заявить: я подготовлена к подобной ситуации гораздо лучше, чем кто бы то ни было из моих соплеменников. Я в течение многих лет разрабатывала и усовершенствовала комплекс серьезных фармакологических и психологических мер для профилактики опасных воздействий.

— Но от боя нет профилактики, — заспорил Неван. — Если в вас стреляют, необходимо отстреливаться.

От возникшей от этих слов картинки ее немного затрясло. Она надеялась, что они не смогут правильно истолковать легкое поднятие перьев у нее на шее и на спине. Едва ли им это удастся. Ведь эти двое самцов перед ней — всего лишь человеческие солдаты, хотя и высокого ранга. Такие типы едва ли осведомлены в тонкостях мимики других видов.

— Что касается стрельбы, то в этом я полагаюсь на вас, полковник Страат-иен.

Неван невольно улыбнулся. Хотя ситуация для него приятнее не стала, он вынужден был восхититься чужеземкой.

— В хватке вам не откажешь, это точно.

— «Хватка»... — Человеческий она знала превосходно, но разговорные выражения людей не подчинялись порой никаким правилам и были столь же беспорядочны и непредсказуемы, как и существа, которые выступали их носителями. Поэтому она замялась, прежде чем ответить. — Пожалуй, сообразуясь с вашим образом мыслей, вы правы. Может быть, вам интересно будет узнать, что коллеги считают, что я на грани иррациональности. Что до меня, то, поскольку это не является необходимым условием для моей работы, я, естественно, с ними не согласна.

Речь ее звучит подобно музыке, подумал Неван, хотя, бесспорно, эффект теряется, поскольку человеческий — не ее родной язык. Голос же поистине обольстительный. Он невольно убеждает.

Ему помогло, что у него не было выбора.

Заговорил он медленно, значительно.

— Если я соглашусь на это, то, когда мы будем на месте, вы будете делать все в точности, как я скажу. Мне насрать, сколько у вас дипломов, степеней и знаков научных отличий на вашей родине. Если я скажу прыгать — вы прыгаете. Если сказано молчать — молчите. Если скажу свернуться в клубок и спрятаться в шкаф — так и делаете. Моментально и без вопросов.

— Только летать не заставляйте, — сухо ответила вейс. — Как вам, должно быть, известно, эту способность мы утратили миллионы лет назад, хотя планировать на небольшое расстояние пока способны. Мы расплатились способностью летать за разум. Тем не менее, если вы прикажете мне лететь, я сделаю для этого все, что от меня зависит. Хочу вас, однако, предупредить, что спортом я никогда не увлекалась. — Хотя у вейсов не было всегда готового выплеснуться остроумия с'ванов или шумной веселости людей, само понятие чувства юмора было им отнюдь не чуждо. Просто их тонкая ирония и намеки обычно не находили у других видов отклика.

Погрузившись в изучение Человечества, Лалелеланг поневоле вынуждена была исследовать чувство юмора у людей, и

таким образом ей удалось видоизменить свое собственное настолько, чтобы быть понятой мужчинами, стоящими перед ней.

— Да, вы, несомненно, самый необыкновенный представитель своего вида, из тех кого мне доводилось встречать, — сказал ей Неван.

По его позе и выражению лица она могла сказать, что он принял ее. Человеческая атрибутика в этой области была настолько откровенна и незамысловата, что даже подрастающий вейс спокойно мог бы научиться в ней разбираться.

— Я просто как следует подготовилась для выполнения своей работы, — объяснила она. — Я не могу рассчитывать на благожелательность, но обещаю, со своей стороны, что не буду сковывать свободы ваших движений и вмешиваться каким бы то ни было образом в ваши повседневные дела, в чем бы они ни заключались. Можете считать меня, если будет угодно, ходячим самописцем.

Он узнал за этим самоуничижением то, что за ним и на самом деле таилось: желание втереться к нему в доверие. Хотя разницы не было никакой.

— Хорошо. Тем более, что выбора у меня нет.

— Отлично, полковник. — Кренский выглядел довольным — трудная задача была выполнена. — Надеюсь, вы поладите. Все, что приводит к улучшению межвидовых отношений, идет на пользу военным делам.

«Так, значит, — пробормотал себе под нос Неван. — Ходячий самописец». А почему бы и нет? Мысли его переключились на дела, которые заключались в том, чтобы получить новое назначение в боевую часть. Желательно, в ударную группировку, которую формировали для того, чтобы снова овладеть дельтой.

* * *

Он вынужден был признать, что в процессе подготовки ей очень хорошо удавалось держаться в тени.

Вскоре после трагедии решено было, что отбивать командный модуль не имеет смысла. В планы входило ударить по врагу быстро и крепко, прежде чем тот успеет как следует окопаться. Именно ради этого артиллерия и самонаводящиеся ракеты обрушивались на этот район с самого момента его за-

хвата врагом, осложняя тому попытки установить постоянно действующее оборудование в дельте.

Общее командование ударной группировкой было поручено генералу. Люди и массуды на быстроходных слайдерах пойдут в обход захваченного командного модуля, минуя внешнюю часть дельты, и нагло нанесут удар по главному вражескому бастиону, где сосредоточены основные силы, который располагался выше по течению реки. Если им удастся захватить его, то криголиты, рассредоточенные по всей дельте, вынуждены будут полагаться только на помощь с воздуха и им нелегко будет отбиться от атакующих сил Узора. Кроме огневой поддержки, успешный первый удар лишит их и возможности получить подкрепление личным составом.

Конечно же, ударная сила и сама может оказаться отрезанной в тылу врага, и это оставит за криголитами контроль над дельтой и даже укрепит их позиции. Наглость всегда влечет за собой определенный риск.

Лалелеланг внимательно наблюдала за всем ходом подготовки. Люди общались с военными реквизитами с такой силой и точностью, которых порой весьма недоставало им в общении между собой. Нетрудно было заключить, что они всю жизнь провели, переходя от одной схватки до другой.

По-настоящему расслабиться они могли только в обществе массудов, своих товарищей по оружию. Те, казалось бы, отвечали взаимностью, но не-человеку со стороны было виднее, что это лишь маска. Массуды по темпераменту ближе были к вейсам, с'ванам и другим представителям Узора, чем они когда-либо смогут приблизиться к Человечеству. Даже среди этих высоких бойцов сохранялась тайная неприязнь к людям, которые способны были находить в войне радость, а не относиться к ней, как положено: как к неизбежному злу, идущему вразрез со всеми правилами цивилизованного общества.

Все это очаровывало Лалелеланг. Заполняя записями шарик за шариком, она чувствовала, что накапливает материалов столько, сколько другой не скопил бы за всю свою жизнь. Придется ее лучшим ученикам потрудиться под ее присмотром. Ее очень тревожило, что материалов собрано уже столько, что одна она не сможет их детально обработать ни при каких условиях. В экспедиционной работе мало чести, и лавры неизбежно достанутся другим, тем, кому удастся сопо-

ставить, истолковать, опубликовать исследования ее данных. Такие мысли беспокоили ее довольно редко.

Она, в конце концов, не за славой сюда отправилась.

Глава 8

Войска Узора ударили по дельте перед рассветом. Утро было туманное, видимость на реке и в ее притоках — практически нулевая. Подразделение Страат-иена продвигалось по избранному руслу на поблескивающих, закамуфлированных слайдерах и единственном тяжелом командном катере, двигающемся на низких, гудящих оборотах, которые трудно было распознать вражеским аудиоразведывательным системам. Сонная живность едва успевала проснуться, чтобы убраться с их пути.

В их группе люди и массуды были представлены в равной пропорции. Замечая беспокойство последних, связанное с затяжным пребыванием в непосредственной близости от воды, Лалелеланг едва ли успевала нервничать сама.

Слайдеры миновали длинный, низкий остров — один из десятков, разделяющих реку на множество протоков, составляющих дельту. Всех поразили грандиозные установки, которые монтировали на нем криголиты.

Лалелеланг слышала, но радовалась, что не видит, как где-то поодаль происходят реальные схватки. Командный пункт, за который отвечал Страат-иен, располагался на большом катере на воздушной подушке и отвечал за управление огнем и направление ударов, но не за непосредственное оттеснение линии вражеского фронта. Ей уже довелось встретить раненых — как людей, так и массудов, но упражнения и лекарства помогали ее эндокринной системе поддерживать психику в уравновешенном состоянии, и это позволяло ей продолжать работу.

Как и было приказано, она держалась поближе к Страат-иену. Она чувствовала, что за дни, предшествующие атаке, она успела неплохо его узнать. Поразил он ее прежде всего тем, что мало чем выделялся среди прочих: просто один из компетентных человеческих офицеров, с высокой энергичностью и эффективностью разрабатывающий полевую стратегию в соответствии с возможностями человеческих и массудских

нижних чинов. И хотя у нее не было возможности понаблюдать за ним в настоящем бою, она не сомневалась, что с оружием он управляется не хуже своих до зубов вооруженных собратьев.

Он был ниже ростом и мускулистей остальных. Но все равно, он намного возвышался над ее относительно миниатюрным телом, хотя ей и было проще общаться с ним, чем со среднестатистическим человеком, который был еще выше. Даже в бою, в момент неуверенности и напряжения, он неизменно оставался вежлив в ее адрес, давно забыв о смущении, вызванном тем, что рядом с ним, едва он проснется, суетится под ногами вейсская самка. Ей показалось даже, что она усматривает некое его восхищение тем, как она держит себя в условиях, при которых любой другой вейс давно бы обратился в сжавшийся, дрожащий комочек перьев, укрывшийся в ближайшем углу.

Несмотря на это, были мгновения, когда он относился к ней с необычайной подозрительностью, настороженностью, не поддающейся разумному объяснению. Она пыталась, но никак не могла понять, откуда берутся эти неожиданные, непредсказуемые изменения в его отношении к ней. Казалось, будто он пытается скрыть от нее нечто совершенно личное. Может быть, какие-то тайные грехи? Но ее мало волновало, как все это на нем сказывается. Ее интерес был чисто профессиональный.

Заинтригованная, она попробовала задавать как бы случайные вопросы, стоило ей заметить, что он становится откровенно подозрительным. От этого он только сильнее настораживался, что порой даже ставило под угрозу прекрасные деловые отношения, устоявшиеся между ними, благодаря ее совершенному знанию человеческой психологии. Она тут же шла на попятный, решая, что лучше дождаться откровенности, чем насильно ее добиваться. Тем более, что и помимо этого ей было чего записывать, было что изучать и чем заняться.

Наблюдать, как Страат-иен направляет сражение, как он претворяет в жизнь стратегические замыслы, доставляло ей немалое удовольствие. Уже не в первый раз доводилось ей видеть Страат-иена, как, впрочем, и других людей, в высшей степени озабоченными, хорошо ли сработают их изощренные планы, направленные исключительно на уничтожение боль-

шого количества других разумных существ. Вот он, ужасающий дар Человечества, — именно он выделяет их из ряда всех остальных разумных рас. И с каждым днем все больше устрашающих и омерзительных перспектив раскрывалось перед ней.

Иногда люди проявляли нетерпение в адрес своих более умеренных коллег с Массуда. Высокие, узкоглазые воины мирились с этими вдохновенными нападками с достаточным тактом, но лишь благодаря тому, и она это знала, что в вопросах ведения боя люди, как правило, принимали верные решения.

Как только наступление началось, Неван почти забыл о прикомандированной к нему представительнице Вейса. Внезапно он оказался слишком занят, чтобы думать о ней, и ей не оставалось ничего другого, кроме как помнить о своем обещании и не соваться ему под ноги.

Где-то посередине битвы криголиты предприняли контратаку большими силами и наводнили дельту катерами и прочими плавсредствами. Вспышки пламени и разрушительные полосы когерентного излучения прорезали болотные заросли и вскипятили воду вдоль линии псевдоатакующих солдат. Самонаводящиеся ракеты — с намерениями самыми злобными — затаились под самой водой и под деревьями, нацеленные на всякий невольно забредший в их поле зрения подходящий объект. Скорость продвижения наступающих моментально замедлилась, и обе стороны замерли в ожидании поддержки с воздуха.

Одно- и двухместные слайдеры и лодки рассыпались по лесу и по узким проливчикам и рукавам в поисках противника. Катера же и слайдеры покрупнее воспользовались видеопроекционными системами, чтобы прибиться поближе к берегу и затаиться среди топей.

В надежно закамуфлированном и бронированном командном судне Лалелеланг была несколько отрезана от настоящего боя, хотя вокруг и было много суеты и криков, если и не крови. Туда-сюда бегали солдаты, люди, как всегда, меняли окраску кожи лица, а массуды более остервенело, чем обычно, подергивались и почесывались.

Командный пункт располагался на самом крупном судне из используемых в наступлении. Любая более громоздкая машина была бы легкой мишенью для дальнобойной враже-

ской артиллерии. Вмещал он командную электронику, необходимый экипаж и некоторое количество собственных тяжелых вооружений. Такие суда были нервными центрами любых наступательных группировок. Лалелеланг оно казалось тесным и неудобным, но эффективность у командного пункта была потрясающая.

По крайней мере, такое впечатление создавалось до того момента, как неопознанный защитными системами заряд, подкравшийся, вероятнее всего, под водой, взорвал гладь реки прямо у них под бортом.

Автоматические датчики тут же приняли на себя управление судном и попытались увести его в сторону. Разработанное на Корате и изготовленное на Акарии оружие тут же уловило ускользающий маневр избранной цели и включило направленную наводку. Результатом этого явился мощный направленный взрыв справа по борту накренившегося судна. Осколки стекла и металла, ошметки мяса полетели во все стороны.

Будто разбуженные взрывом, со всех сторон налетели десятки криголитов на индивидуальных плавсредствах. Они облепили судно, стремясь, скорее, завладеть им, чем уничтожить выживших после взрыва.

Все, не занятые непосредственно управлением судна, схватились за оружие, чтобы отразить нападение. В их число попали ставшие неожиданно излишними командиры, типа Невана, который тут же выхватил пистолет и присоединился к группе массудов, устремившихся к месту нападения. Никем не замечаемая и полностью игнорируемая Лалелеланг последовала за ними, включив рекордер на запись.

Никогда еще не доводилось ей видеть криголитов, обрушивающихся с потолка, куда они пробирались, пользуясь присосками на своих шести лапах, используя таким образом поверхности, недоступные даже людям. Именно таким образом один из них, перевернувшись на полдороге, появился неожиданно слева от нее, встал на четыре лапы и нацелил на нее свое оружие... но внезапно замялся. Он смутился ее внешним видом, не подходящим ни для союзника, ни для противника. Ведь она не напоминала собой массуда или человека.

Этого хватило, чтобы могучая рука схватила криголита сзади за покрытый забралом череп и резко дернула его вверх.

Тонкая, хрупкая шея издала щелкающий звук и пустила фонтанчик зеленоватой медь-содержащей крови из обезглавленного тела. Кровь криголита попала на Лалелеланг и запачкала ей перья и одежду, липко и влажно потекла по шее и по клюву. Она поняла, что сильно дрожит, и попыталась успокоить себя, сосредоточившись на необходимой и неотложной задаче — очистить линзы рекордера.

Обезглавленное тело перед ней еще некоторое время сотрясалось на четырех опорных конечностях, а потом осело, как сломанная детская игрушка. Из-за трупа выступил Неван, о котором за последние дни она привыкла думать, как об относительно искушенном и прогрессивном представителе рода человеческого. Глаза его блуждали, дыхание было учащенным, поскольку высокоэффективная дыхательная система его работала не пределе, снабжая кислородом перенапряженные мышцы.

С пяти его необыкновенно сильных пальцев свисала голова криголита. Неван с силой отшвырнул ее, и та несколько раз подпрыгнула, стукаясь о палубу. И хотя бой вокруг продолжал кипеть вовсю, она думала только об одном — как бы сделать так, чтобы ее защитник отвел ее в какое-нибудь укрытие, где она могла бы принять еще немного успокоительного. Хотя и боялась, что в таком случае может пропустить что-нибудь значительное.

Ее колотило, но, несмотря на это и к своему полному изумлению, она не впала в состояние кататонии. Годы тренировки и подготовки не пропали даром. Страат-иен по-прежнему смотрел на нее. Его поза и выражение лица говорили об одобрении, восхищении... и о чем-то еще, о том, чему она не могла никак найти определения...

А потом он исчез, снова захваченный водоворотом сражения.

Массудам приходилось нелегко. Они не только оказались втянутыми в бой за сохранение командного пункта, направляющего действия сил Узора в битве за дельту, но и вынуждены были вступить в рукопашную схватку непосредственно на борту.

Лалелеланг пришло в голову, что если вдруг защитникам судна не удастся его отстоять, то не будет иметь особого значения — победит она свой страх или нет. Сомнений нет —

Амплитур будет очень рад захватить ее. Пленных вейсов у них еще, судя по всему, не было.

С какой эффективностью люди отражали атаки криголитов, не поддавалось описанию. Ей немало пришлось поприменять свои упражнения по отстранению себя от происходящего. Она беспрестанно проверяла функционирование рекордера, убеждая себя, что все это происходит не на самом деле, просто она смотрит видеозапись. И смерть, пожинающая плоды направо и налево, — всего лишь абстракция. Такое самоотстранение позволяло ей хоть как-то поддерживать эмоциональное равновесие в этом аду.

Примерно в самый разгар боя за командный пункт последовал небывалый инцидент.

Целый взвод массудов — некоторые хромая, некоторые еще как-то раненные — отступали по коридору, в котором она каким-то образом очутилась. И тут они вдруг наткнулись на одного-единственного, нижнего эвена, офицера из людей — хрупкого на вид, темноволосого, — который резко обратился к ним через переводящее устройство. Массудским Лалелеланг владела почти так же свободно, как человеческим, поэтому в равной степени понимала как его реплики, так и шипящие ответы и комментарии на них.

Аргументы человека не показались ей достаточно убедительными в свете откровенно тяжелых ранений некоторых из массудского подразделения. Они остановились перед человеком, тупо глядя перед собой. А потом — один за другим — вяло повернули обратно. Сжимая в руке пистолет, младший офицер последовал за ними, но тут неожиданно заметил Лалелеланг, глядящую на него. Среди всеобщего хаоса и смятения боя их глаза на мгновение встретились — ее голубые и широко распахнутые и его — темные и прищуренные. Ей бы и хотелось отвести взгляд, но она не могла...

А потом он ушел по коридору вслед за подгоняемыми массудами.

Пытаясь отрешиться от оглушающих воплей и отзвуков взрывов, она пыталась проанализировать только что происшедшее. Диалог, свидетельницей которого она стала, не содержал в себе каких бы то ни было романтических откровений. Он был прямолинеен, прост и короток, а по знанию языков она не уступала ни одной из принимавших участие в разговоре сторон.

И тем не менее шесть массудов, находящихся в состоянии панического отступления, оказались убеждены доводами одного-единственного — отнюдь не внушительного — человека. Они забыли обо всех своих страхах и ранениях и вернулись на поле боя. Весь их вид показывал, какой паникой они охвачены, но все же несколько слов, произнесенных офицером из числа людей, каким-то образом помогли им отбросить все это в сторону.

Тут что-то с визгом пронеслось рядом с ее головой. О происшедшем придется задуматься позже, в обстановке, более потворствующей аналитическим раздумьям. Рекордер так и так все записывает. Вот она, задача на текущий момент — записывать, а не размышлять.

Ведомые Неваном, капитаном судна, офицерами-массудами и младшими офицерами из людей, защитники командного пункта выбили криголитов с борта, и те, сгруппировавшись на своих катерах, принялись вновь обстреливать судно как таковое. И в этот критический момент, когда враг уже решил, что захват пленных не стоит дальнейших жертв, подоспели свежие силы — дюжина слайдеров с массудами, откликнувшимися на непрекращающиеся сигналы о помощи с борта флагмана, — и это воспрепятствовало его уничтожению.

Криголиты неожиданно были вынуждены полностью переключиться на отражение нападения с тыла. Разбитый, дымящийся, но все еще на плаву командный пункт сумел ускользнуть под прикрытие худосочной, но такой желанной рощи в прибрежных болотах.

Несмотря на приказ не отлучаться от него ни на шаг в условиях боя, Лалелеланг оказалась отделена от Невана. Она не сразу нашла его. Он оказался в полуразрушенном, но по-прежнему функционирующем центральном командном отсеке.

Увидев ее, он улыбнулся, стараясь не обнажать при этом зубов, дабы не обидеть ее. Коротко дав понять, что узнал ее, он тут же вернулся к своим делам. Все это она фиксировала по-прежнему включенным рекордером. Хотя у нее и были с собой запасные, она очень радовалась, что именно этот не сломался. Материал, на нем зафиксированный, был неоценим.

Когда он, наконец, оторвался от пультов, передоверив ко-

мандование товарищам, она уже успела набраться смелости, чтобы гордо подойти и спросить: «Ну, как наши делишки?»

Измученный Неван ответил так же, как если бы на ее месте был человек, настолько прост был ее вопрос.

— Мы из них говно-то повышибем, поплывут по реке их хитиновые жопы. Просто мы оказались в самой середке, вот и потрепали нас маленько. — Он покосился на пульт. — Атака на их главную базу подзадержалась, но сейчас идет полным ходом. Она еще и закончиться не успеет, как мы их всех отсюда выжмем.

— Обратим прошлое поражение в победу? — недипломатично высказалась она.

Он не обиделся.

— Клянусь вашим хохолком! Глядите сюда. — Он указал на верхний из четырех экранов на пульте.

На его овале отображались визуальные данные, получаемые с летающего источника, зависшего над интересующей точкой. Они смотрели — и видели, как огромный огненный всполох поднимается откуда-то с земли, а потом — чистое небо — это летающий зонд уклонился от местоположения, чтобы не быть пораженным взрывом. На остальных экранах видны были стрелки, указывающие направление наступающих по всему фронту слайдеров и катеров, вовлеченных в наземную схватку.

А ведь там, знала она, десятки, сотни предположительно цивилизованных людей находились в процессе взаимоуничтожения, взаиморасчленения, взаимоубийства. И дрожь членов с новой силой охватила ее, несмотря на самую изощренную умственную гимнастику. Все происходит так быстро. А тут еще и медикаменты перестают действовать...

— Вы как? — Взгляд и голос Невана вдруг насторожился.

— Со мной все нормально. Я же говорила, что обо мне можно не беспокоиться.

— Говорили. Только, по-моему, несколько минут передышки вам не повредят. Почему бы вам не передохнуть немного в лазарете? Вы этого заслужили. Массуды, и те уже наполовину там.

Она постаралась, чтобы дрожь не проявилась в ее ответе.

— Спасибо вам за заботу, только я предпочла бы, если вы не против, остаться здесь. А если я вдруг полностью выклю-

чусь, то не сочтите за труд положить меня где-нибудь в уголке, чтобы об меня в пылу боя никто не споткнулся.

Он одобрительно кивнул.

— Знаете ли, для вейса вы вполне ничего.

— Не так давно мне об этом уже говорил один солдат из людей. Я же просто делаю свое дело. Это моя жизнь. Вы — дело моей жизни. Или, точнее, подобные вам.

Рядом с Неваном присел массуд из технического состава, требуя к себе внимания. Когда через несколько секунд он освободился, то заявил своей подопечной следующее:

— Другие исследователи Узора уже пытались сделать карьеру на изучении нас, только вот — насколько доступно моему ограниченному уму — никому еще не удавалось проделать такое в боевых условиях. После нескольких поверхностных попыток все они отказывались от подобных намерений.

— Подразумеваю, что среди них не было историков.

— А что вам дает, профессия историка, в отличие от них? Широту восприятия?

— Примерно к этому я стремлюсь, — подтвердила она. Такого рода разговор успокаивающе действовал на нервы, когда он не кричал. Не на нее, а на своих коллег. Повышенный, резкий человеческий голос по-прежнему воздействовал отрицательно на ее сверхчувствительное восприятие.

Битва продолжалась, и Неван снова забыл о ней. Только потом он обнаружил ее исчезновение. Может быть, она послушалась его совета и решила отдохнуть. Несмотря на всю свою усталость, он все-таки сильно беспокоился, что вейс, с присущей их расе низкой нейрофизической сопротивляемостью, могла впасть в состояние коллапса.

К ночи криголиты со своими союзниками отступали по всему театру военных действий, прихватывая с собой, что могли, из техники, оказывая ожесточенное сопротивление, но все же отступали. Всю ночь продолжалась методичная чистка вверх по течению — с захватом в плен и уничтожением несдавшихся — все в соответствии со сложившимися военными традициями. За все это время она попалась ему лишь однажды — спешащая по поперечному коридору с по-прежнему включенным рекордером.

Коннер наехал на него на следующий день.

Они стояли на очень грязной поверхности вражеского лодочного ангара на южной оконечности захваченной базы

противника. Под ними загоняли в наспех сооруженный карцер пленных криголитов, а также немногочисленных мазвеков и акариев. Те сопротивления не оказывали. Потерпев поражение, вражеские военнопленные становились — по природе своей — пассивными, в точности так же, как и представители Узора, плененные противником. Одни лишь люди, будучи захваченными в плен, регулярно поднимали бунты. И это было еще одной загадкой для Амплитура.

Самих амплитуров среди пленных не было. Вообще, не ясно было, есть ли они на Чемадии, а если таковые и были, то они традиционно держались подальше от поля боя. Захватить в плен настоящего амплитура было голубой мечтой всякого солдата Узора. То, что факты такого рода практически не имели места за всю историю войны, нисколько не остужало честолюбивых мечтаний рядовых бойцов.

Операции по очистке территории еще не окончились, и то и дело то здесь, то там вспыхивали огненные факелы на месте уничтоженных подземных складов и бункеров противника. База Криголита была обширной, сильно укрепленной и надежно защищенной. Потеря ее срывала планы врага далеко за пределами дельты. Это более чем воздавало ему по заслугам, в ответ на захват командного модуля.

— Чем могу быть вам полезен, сержант? — Несмотря на то, что они были совершенно одни, он очень тщательно придерживался уставных отношений офицера с рядовым составом. — Как дела у вашего отделения?

— Один раненный, сэр. Тут ведь основной удар приняли массуды. У многих из них на командном модуле были друзья, родственники. Не мне вам об этом говорить.

Неван пнул ногой обуглившийся, искореженный осколок керамической брони.

— А в чем дело?

— Да в канарейке, которую вы пасете. — У рядовых из людей был свой жаргон, которым они обозначали все чужеземные расы — неважно союзные или вражеские. И хотя вейсы гораздо больше напоминали страусов эму, чем маленьких желтых птичек, все они были «канарейками», — равно как массуды «крысами», амплитуры «спрутами» и так далее, на что хватало человеческой фантазии. Кличками этими редко пользовались в присутствии означенных ими существ, хотя

все они и знали прекрасно, как их окрестили приматы. Большинство не обижалось.

В конце-то концов, у каждого вида была собственная, неповторимая кличка для людей.

— А что с ней такое? — В настоящее время историк-вейс была на флагмане и занималась тем, что просматривала записи и проверяла свое оборудование.

— Она меня засекла.

Неван тут же прервал осмотр захваченной базы.

— Что вы имеете в виду под словом «засекла»?

— Во время боя за флагман я нарвался на группу отступающих массудов. Насколько я помню, их там было пятеро или шестеро. Они, конечно, были здорово побиты, но не настолько, чтобы нельзя было ими заткнуть дыру в обороне. У них просто случился коллективный мандраж, и они побежали куда-нибудь отсидеться. Но, насколько вам известно, сэр, именно в этот момент все висело на волоске — и каждая рука была на счету.

— То есть вы говорите, что они трусливо бежали? — Неван смотрел, как стоящий на полувосстановленной приемной платформе головной катер загружается припасами и пополнением.

— Нет, сэр, так далеко бы я не зашел. Они, скорее, в беспорядке отступали. Они все были рядовыми, даже прапорщика среди них не было. И я четко видел, что боевого духа в них еще предостаточно. Им просто не хватало четкого указания, что делать.

Неван медленно кивнул.

— И вы решили это дело восполнить.

— Я сделал им внушение. Сначала всем скопом, что было весьма трудно, а потом, когда это привлекло их внимание, каждому по отдельности. Это уже было проще. И прошло гладко. — Он огляделся по сторонам, изображая полнейшее безразличие. Вокруг по-прежнему никого не было.

— Хорошо. И они все успешно послушались? — Ветер переменился, и оба мужчины отвернулись. Едкий дым попал Невану в глаза.

Коннер кивнул.

— Обстановка мало способствовала тому, чтобы сосредоточиться, но, мне кажется, у меня неплохо получилось. После того как первые двое отправились на место, остальные после-

довали за ними сами. Тут проблем не возникло. Беда в том, — добавил он чуть слышно, — что она все это видела, Я знаю, что видела, потому что, когда я с ними закончил и собирался возвращаться на собственную позицию, она смотрела прямо на меня.

— Ну, и что она видела? — Неван был невозмутим. — Один человек — сержант — говорит с кучкой рядовых массудов. Вы же говорили, что среди них не было никого даже из младшего командного состава. Так что вы приказывали им согласно вашему званию. Что может быть более естественного, чем когда старший по рангу отдает приказы младшим, тем более в условиях боя?

— Вы не поняли, сэр. — Коннер облизал губы. — У нее все это время был включен этот ее чертов рекордер.

Тут уже Неван вздрогнул.

— Так она записала, как вы внушаете массудам?

Сержант кивнул.

— Не то чтобы в записи может проявиться нечто определенное. Но я просто знаю, я чувствую, что она что-то поняла, что-то заподозрила, уловила. Может, я и параноик, но когда у нее будет время в тиши и спокойствии разобраться с этим кусочком информации детально, рассмотреть как следует видеоряд, расслушать аудио, — вот тут-то, сэр, ее и стукнет, что есть во всем этом что-то выходящее за рамки обыденного. Я это унюхал. Она же не поняла, почему массуды вернулись в бой, почему они так меня послушались.

— Уж не хотите ли вы сказать, что сумели прочитать ее мысли?

— Вы же знаете, сэр, мы этого не умеем. — Коннер смотрел вдаль. — Как я уже говорил, это, скорее, из области моих мыслей. Но вы ведь знаете, как нас с детства учат, с тех самых пор, как мы начинаем сознавать свой дар, что лучше уж перестраховаться и ошибиться, проявив излишнюю бдительность, чем поставить под угрозу интересы Ядра. И уж в этом-то вы меня не осудите. — Он пожал плечами. — Хотя, может, вы и правы. Я бы гораздо лучше понял, что к чему, если бы у меня был хоть какой-то опыт интерпретации жестов и повадок вейсов.

— Ну, этим мало кто может похвастаться. Немногие специалисты. У вейсов все очень тонко и неявно.

— Я, может быть, и не сказал бы ничего. Просто момент

тогда был исключительно тяжелый — и я, ну, что ли, был крайне чувствителен ко всему происходящему вокруг. В бою ведь становишься дерганым.

— Не надо валить на себя, сержант. Вы совершенно правильно сделали, что доложили мне.

— Я просто подумал, сэр, что, раз вы за нее отвечаете, то, может быть, имело бы смысл ее ненароком повыспросить. Что-то сказать — посмотреть на реакцию. Попытаться выяснить, не заподозрила ли она чего в результате столкновения со мной. У вас, я уверен, это гораздо лучше выйдет.

— И не рассчитывайте. Как, собственно, можно задавать ненароком вопросы о чем-то, что и выплыть бы не могло, если бы не стало предметом предварительного обсуждения? Задавать вопросы — даже самые туманные — куда опаснее, чем просто делать вид, что ничего и не произошло.

— Именно так, сэр. — Коннер снова обратил взгляд на старшего по званию. — А мы имеем право делать вид, что ничего не произошло?

Неван некоторое время помолчал.

— Возвращайтесь к исполнению своих обязанностей, сержант Коннер. Это дело предоставьте мне. Я им займусь.

— Как скажете, сэр. — Сержант проявил полную готовность. — И если примете решение, которое потребует моего деятельного участия, я всегда буду рад помочь. — Тут пояснений не требовалось.

Двое разошлись — Неван направился к командному катеру, а сержант потрусил в сторону вооруженной группы, прочесывающей развалины в поисках остатков неприятельских формирований.

Глава 9

Неван в течение нескольких дней оставался на захваченных позициях криголитов, а потом получил вызов обратно на базу Атилла, вкупе с кучей благодарностей за проявленное стратегическое глубокомыслие.

На обратном пути он оказался вместе с Лалелеланг в кабине экипажа. Она записывала рекордером действия пилота и его помощников — сплошь массудов и одинокого гивистама. Сквозь иллюминаторы, забранные тяжелым, пуленепробива-

емым буллерином, виднелись болотистые острова и открытые просторы тропического океана, проносящиеся за бортом залатанного в полевых условиях командного катера.

Сидела она, поджав ноги, как обычно сидят отдыхающие вейсы, прислонившись к стене, незаметно и стараясь не мешать. Он решил было сесть рядом с ней, но передумал и устроился на полу напротив. Вошел лейтенант из людей, поговорил с кем-то из массудов из команды и хотел было уходить, но тут увидел полковника, сидящего на полу. Младший офицер открыл уже рот, потом передумал и молча вышел.

— Ну как, получили то, за чем прибыли?

Большой череп, украшенный клювом повернулся к нему, чужие голубые глаза внимательно посмотрели в его. Каждый неестественно большой глаз был обрамлен завитками переливающихся золотом и пурпуром ресниц. Вейсы никогда не забывали о своей внешности, даже при неестественных для них условиях.

Ресницы дрогнули.

— Даже больше того, полковник Страат-иен. Даже больше, чем смела надеяться.

— Давайте забудем строевые обращения. Зовите меня просто Неван.

— Очень хорошо. А вы можете обращаться ко мне, употребляя фамильярное фонетическое стяжение моего имени.

— Попробую запомнить, как это делается. Ну как, готовы к следующей битве?

— Я должна решить. — Она склонила голову над миниатюрным рекордером, который Невану еще не доводилось видеть выпущенным из хватательных органов на кончиках ее крыльев. Ей проще было склонить к нему голову, чем поднять крылья к глазам.

— Я за последние дни собрала столько материала, что подумываю, не вернуться ли мне домой, чтобы получше разобраться со всем мной накопленным.

Неотвязная забота, которую заронил в его разум сержант Коннер, которая и так не давала покоя, вспыхнула с новой силой. Конечно же, это невозможно. Ни коим образом не могла она докопаться до истины, просто рассматривая, как Коннер обошелся с массудами. Даже при внимательном рассмотрении, самое большее — этот инцидент мог бы поразить ее своей необычайностью, только и всего. Но чтобы

ей удалось совершить в результате этого невероятный умственный перескок и заподозрить за человеческим существом необычные ментальные способности? Невероятно. Во всем этом происшествии не было никаких явных улик, ничего, что могло спровоцировать догадку.

Коннер, однако, настаивал, что она что-то учуяла. Она посмотрела на него. Значит ли это что-либо, кроме того, что сержант сверхпредусмотрителен? Неван не настолько унаследовал паранойю, как большинство членов Ядра.

Скажем так: в гораздо меньшей степени.

Так заподозрила она или нет? И если да, то, учитывая всю меру скрытности вейсов, удастся ли ему хоть что-то выведать у нее, сколь бы изощренными и продуманными не были формулировки его вопросов?

— Так вас интересует, как именно мы взаимодействуем с другими представителями Узора. В частности, с массудами.

— А с кем еще? Кроме массудов, ни один вид разумных существ не поборол настолько свою цивилизованную природу, чтобы взяться за оружие.

— И к каким же вы приходите выводам? — Он ободряюще улыбнулся. — Выдвинули уже какие-нибудь гипотезы?

Она ответила не сразу. Или голос его выдал? Он напомнил себе, что она — знаток человеческого языка и жестов. Ему со своими вопросами надо подбираться так, будто он идет по яичной скорлупе...

— Я даже еще не приступила к сопоставлению данных, не говоря уже о постулировании умозаключений.

Он никак не желал на этом отступиться.

— Но ведь вы, определенно, нашли некоторые вещи более интересными, чем остальные? Наверняка сделали какие-то наблюдения, наиболее вас заинтриговавшие?

— Так всегда бывает. — Он весь напрягся, надеясь, что этого не заметно. — Вот вы, скажем, уселись рядом со мной на полу.

Он сумел расслабиться.

— И что?

— Это демонстрирует такую степень вежливости и обходительности, которая обычно не присуща вашему виду. Прекрасно зная, как ваш высокий рост подавляет всех, кроме представителей Массуда и Чиринальдо, вы добровольно пошли на то, чтобы уменьшить свое наследственное физическое пре-

восходство надо мной, усевшись на пол. Или вы думали, что я этого не заметила?

— Да я об этом как-то и не задумывался. Просто я за вас отвечаю, и это мой долг — чтобы вы чувствовали себя со мной как можно уютнее.

— В самом деле? Какой стыд. Я бы предпочла приписать ваше поведение неким более возвышенным мотивам. Теперь я вынуждена буду соответственным образом переиначить свои комментарии к записи.

Он почувствовал себя так, будто ему только что предложили хорошую возможность удвоить свой капитал, а он вместо этого проиграл его в рулетку.

— А еще что-нибудь? — потребовал он, с уже гораздо меньшим интересом. — Что вам удалось заметить насчет того, как мы общаемся с массудами?

— В ваших с ними отношениях гораздо меньше трений, чем я предполагала.

Ему показалось, что она как бы оправдывается, но с вейсами ничего нельзя сказать наверняка.

— И все? — Где-то неподалеку раздался взрыв заряда мазвекского образца, и катер тут же тряхнуло. Удар произведен был с какой-то очень отдаленной вражеской позиции — в расчете, скорее, на удачу.

— Один факт невозможно отрицать: массуды бьются с гораздо большей решимостью в присутствии людей.

— Ну, в этом-то как раз нет ничего нового. А почему так происходит, вы не задумывались?

— Хотя явление это очень интенсивно изучалось, до сих пор никому еще не удавалось выдать полностью удовлетворительного объяснения этого феномена, включая, кстати, и самих массудов. Тут играет роль нечто, связанное со способностью человека целиком отключиться от цивилизованности и вернуться в состояние зверя, первобытного хищника. — В ее голосе не было и намека на осуждение или неодобрение, заметил он. Подход у нее был строго академический. Она просто излагала холодные факты.

Без малейшего принуждения она добавила:

— Среди прочих инцидентов, произошедших в ходе недавнего конфликта, мне более всего врезался в память один.

Он похолодел, когда она в деталях описала столкновение между Коннером и отступающим подразделением массудов.

— К тому моменту массудские солдаты, казалось, были полны решимости выйти из боя. Но всего лишь несколькими словами один из ваших бойцов убедил их вернуться на поле сражения.

— А вы, конечно же, этот случай записали?

— Естественно. — Ресницы изогнулись, длинная шея выразительно качнулась. — Если я чего хочу, я обязательно записываю. Не буду излишне хвастаться, но дело свое я знаю хорошо.

Страат-иен изобразил безразличие.

— Такое то и дело происходит. Массудам часто не хватает небольшой психологической встряски, чтобы преодолеть свою естественную, «цивилизованную» уступчивость. И эту услугу мы, люди, оказываем им в числе прочего.

— В этом я не сомневаюсь. Тут дело просто в том, что подобного мне ранее наблюдать не доводилось. Я ведь просто упомянула этот эпизод в ряду прочих, запавших мне в память. Мне грустно стало от того, что я столь многого еще не знаю. — Она моргнула. — А вы так подробно об этом заговорили. Вы нашли во всем этом что-то необычное?

— Нет, — сказал он — и, вероятно, чересчур поспешно. — Просто мне довелось побеседовать с представителями младшего командного состава, о котором идет речь, с сержантом Коннером, и среди прочего он рассказал мне и об этом случае. И не из-за самой сути произошедшего, поскольку это вещь весьма обыденная, а поскольку он заприметил, как вы стоите в сторонке и все записываете.

— Я надеюсь, мое присутствие никоим образом не компрометирует его и не оскорбляет его чувств?

— Вовсе нет. Но вы ведь знаете, что ваше присутствие в подобной ситуации было беспрецедентным. Так что ничего удивительного нет в том, что оно не прошло незамеченным.

Она явно почувствовала облегчение.

— Понимаю. Как исследователь я, естественно, всегда бываю озабочена тем, чтобы мое присутствие никак не отражалось, — и тем самым никак не влияло на ситуацию, которую я наблюдаю.

— Если дерево рухнет в лесу и никто не услышит... — пробормотал он.

— Простите?

— Ничего. Это я так, про себя. Так что, работа двигается?

— Лучше, чем я сама. Моим неразлучным спутником стало переутомление.

— Но по вашему виду этого не скажешь.

— Льстить вы умеете. Вот уж в чем вы, люди, как на ладони — даже друг перед другом. Но все равно, спасибо за заботу. — Она испустила длинную, свистящую трель, заканчивающуюся нисходящей кодой. — Когда вернусь домой, первым делом запрошу несколько месяцев отдыха, прежде чем приступить к горе материалов, которые я здесь накопила. Просто проследить, чтобы все это было должным образом заархивировано, — и то уже огромная работа.

— Да, — отсутствующе промямлил Неван, — ужас будет, если что-то потеряется. — Опираясь о стену, он поднялся и навис над ней. Несмотря на все свои установки, она вздрогнула от его массивности и близости. Это была инстинктивная реакция, которой она так и не могла управлять. А ведь Страат-иен — один из самых мелких среди людей.

— Так что, дел у вас будет полно, когда мы вернемся на главную базу?

— Это верно. Я записывала и наблюдала. Теперь пора систематизировать. Кроме того, если возможно, мне хотелось бы почерпнуть хоть какие-нибудь материалы, касающиеся взаимодействия людей с другими видами, помимо массудов.

Он склонил голову.

— Если что-то потребуется — не стесняйтесь, попросите.

— Мне кажется, вы уже успели убедиться, что во всем, что касается моих профессиональных обязанностей, я отнюдь не стеснительна. — Ресницы снова захлопали.

— Вы были весьма настойчивы, — признал он.

— Знаю. И среди своих это вызвало бы жесткую критику.

Видя, что она из-за него нервничает, он сделал пару шагов назад.

— Вы чертовски уникальны, Лалелеланг.

— А откуда вы знаете? — Голос ее прозвучал почти заигрывающе. — Вы что, много самок с Вейса повстречали на своем веку, полковник Неван Страат-иен?

— Ну, двух. — Он засмеялся — и тут же пресек эту реакцию, заметив, как отпрянула она при виде его обнаженных зубов.

— В таком случае, я надеюсь, что ваше мнение о нашем виде не пострадало в результате нашего с вами общения.

— Взаимно.

— Могу вам конфиденциально сообщить, что на данный момент вы — скорее правило, чем исключение из него. Вы подаете надежды на цивилизованное поведение. И не ваша это вина, что нюансы подобающего поведения ускользают от представителей вашего вида.

И хотя он знал, что в ее реплике нет злого умысла, он немного взъерепенился.

— У нас есть дела поважней. Нюансы боевых действий, например.

— Торопливое выдвижение идеалов — следствие неуверенности, — ответила она, и прозвучало это гораздо более загадочно, чем ему хотелось бы.

* * *

Неделей позже, уже на базе Атилла, он вдруг обнаружил, что рядом с ним по главному коридору следует Мэй Пок Коннер. Помимо других людей и массудов, служебный проход был заполнен гивистамами и о'о'йанами, с'ванами и лепарами, занятыми на Чемадии важными задачами материально-технического обеспечения. Вкрапленные в стены пузыри из прозрачного буллеринового бронестекла пропускали солнечный свет, дающий жизнь местным растениям, в изобилии растущим в разнообразных по форме садках, расставленных по полу и вдоль стены.

Двое мужчин обсуждали проблему одного массудского капитана, который подметил, сколь часто его собственные подчиненные ослушиваются его приказов в пользу тех, что отдают офицеры-люди, которые младше его по званию. Один из солдат, связанных с Ядром, доложила Коннеру, что офицер этот завел специальное досье, куда заносит все подобные инциденты. Очень этим настороженная, она сочла за лучшее тихо доложить об этом Коннеру.

Случай не был единичным. Члены Ядра вынуждены были считаться с возможностью проявления к себе такого угрожающего внимания по всему Узору, и случалось подобное чаще, чем им хотелось бы.

И если со временем означенный офицер сподобится обработать свои данные на аналитическом компьютере и задать тому правильные, однозначные вопросы, то машина вполне

может проинформировать его, что неизменное присутствие при таких ситуациях граждан, происхождение которых можно проследить до первого поколения восстановленных коссуутов, нельзя отнести, как случайное совпадение, что может повлечь за собой дальнейшее расследование.

В настоящий момент Коннер информировал Страат-иена, что достойнейший офицер Массуда, о котором идет речь, трагически погиб в битве за важный стратегический полуостров, известный как Джек П. Смерть эта не была единичной. В этом бою сложили головы и другие люди и массуды. При таких обстоятельствах гибель на одного массуда больше пройдет незамеченной и не вызовет расследований.

Будет сообщено, что капитан пал смертью храбрых во славу своего клана. Это был первый случай, когда Неван оказался вовлечен — пусть косвенно — в физическое устранение представителя союзников ради сохранения тайны Ядра. Укладывалось у него в голове это плохо. И от того, что лично он в этом участия не принимал, укладывалось это не лучше, хотя он и знал, что такие прискорбные меры иногда оказываются необходимыми. Чтобы и дальше выживать самим и дать выжить своим супругам и потомству, необходимо было сохранять за собой эту своеобразную возможность — не засвечиваться.

Нужда в подобной социальной хирургии возникала редко. И то, что подобную превентивную меру вскоре может понадобиться применить опять, было очень тревожно. И то, что кандидатом на возможное устранение была представительница одной из самых безобидных рас Узора, делало принятие решения еще более затруднительным.

— И сколь многое, по-вашему, она успела заподозрить? — спросил его сержант.

— Пока ничего. И может вообще не заподозрить. Черт возьми, Коннер, ведь вы сами меня на это толкнули.

Коннер покачал головой.

— Я ее не звал. Я ее не просил там оказываться, когда я проводил внушение этим массудам. И рекордер ее не просил включать. И вы не меньше меня обеспокоены, иначе не завели бы сейчас со мной этот разговор.

Страат-иен остановился и стал смотреть через перила из труб на уровень, расположенный под главным проходом.

— И все-таки, я полагаю, она ни о чем не догадывается. Но просто на тот случай, если я вдруг заблуждаюсь и со мной

что-то произойдет, необходимо, чтобы сородичи знали. Только поэтому и разговор. Вы же знаете Закон.

Коннер кивнул.

— Я понимаю так, что вас беспокоит, что может взбрести ей в голову уже после того, как она вернется домой и примется расшифровывать добытые материалы.

— Не совсем. Я просто хочу, чтобы кто-то знал.

— Ну, и выдержка же у вас, сэр. — Коннер разговаривал теперь с Неваном не как младший по званию, а как дальний родственник. Конечно же, они все родственники. Все члены Ядра. У них общие предки. У них одна и та же привнесенная Амплитуром модификация генов. У них общая нужда.

— Вейсы настойчивы. У них мозги варят не хуже, чем у других, в том числе и у этой. Она, совершенно определенно, сможет правильно истолковать эпизод. Конечно, он погребен в море всевозможной другой информации. Но, сэр... Неван, мы не можем рисковать! Если она дойдет до чего-то, то нам очень трудно будет все исправить, когда она уже будет дома, на своей планете. Гораздо проще сейчас.

Страат-иен рассматривал дерево, растущее на нижнем уровне и ветвями достающее до главного. У него было несколько переплетенных между собой стволов и длинные бледно-желтые листья.

— Так к чему вы клоните, Коннер? Чтобы при первой же возможности я «внушил» ей, что этого случая не было вовсе?

Коннер не замедлил.

— Мы оба знаем, что в данном случае это не сработает, сэр. Если бы она просто была свидетельницей — это одно. Но она сделала запись. Как только она ее просмотрит еще раз, так тут же пропадет эффект самого сильного внушения, на которое я или вы способны. И это будет еще хуже, чем вовсе ничего не предпринимать, потому что тогда она первым делом задумается, а с какой, собственно, стати она обо всем этом напрочь забыла. Также не поможет и попытка сделать ей внушение, а запись выкрасть и уничтожить. Она могла ее уже десять раз скопировать и сохранить где угодно.

— Хорошо. И что вы мне пытаетесь «внушить»?

Сержант ответил, не колеблясь:

— Взять ее на еще одну боевую операцию, сэр. Судя по вашим рассказам, она просто от радости запрыгает, если такую возможность ей представить. — Молодой и более высокий

мужчина изобразил двумя кулаками скручивающее движение. — А вейсы, как известно, народ хрупкий.

— Тут не так все просто. — Столь наглядно изображенная товарищем картинка явно пришлась не по душе Невану. — Она же не боевая единица, а очень ценный представитель своего мира, и я несу за нее личную ответственность. И если она здесь погибнет — при любых обстоятельствах, — на мне это скажется крайне пагубно.

— Да уж лучше вам будет на время впасть в немилость, чем если ей удастся что-нибудь пронюхать. Вы же сами знаете.

Внизу промаршировало отделение массудов. Неван знал, какова была бы их реакция, случись им узнать, что некоторые избранные люди могут манипулировать их сознанием не хуже амплитуров.

Он поднял взгляд. За буллериновым иллюминатором видна была глубоководная бухта, в которой сооружена была база, а дальше возвышались громоздящиеся уступы скал, образующие на фоне неба отчетливые кремовые пятна. На большей своей протяженности скалы были практически отвесны, и взобраться на них могли разве что альпинисты со специальным снаряжением. Волны Восточного океана Чемадии вечно разбивались о гранитные выступы, выбрасывая на высоту до пятидесяти метров фонтаны брызг, даже в спокойную погоду. Глубоко в недрах базы он был надежно заизолирован от их грохота.

Вид представал отменный, столь же изысканно дикий, как и везде, куда заносило его в странствиях.

— Естественно, это должно выглядеть случайностью, — продолжал настаивать Коннер, и в голосе его отчетливо слышалась кровожадность. — По моим представлениям, проще всего было бы заманить ее еще разок на боевую операцию. Но если вдруг ей это уже надоело, то есть и другие способы. Если же вы боитесь быть в это вовлеченным, то я и один могу обо всем позаботиться.

— Не могу я так просто самоустраниться. — Страат-иен рассеянно перевел взгляд с пейзажа обратно на снующих туда-сюда по проходу союзников. Коротко взвыла сирена тревоги, многие из пешеходов печально посмотрели наверх, но электронный сигнал не повторился. Ложная тревога, подумал он, или ошибка при испытании.

— Не вижу причин, по которым вы так беспокоитесь, да

их и не существует, Неван. Какова бы ни была реакция — мы с ней справимся. Несчастные случаи — не редкость. Особенно в бою. А она не боец, и никакой специальной подготовки не прошла. Если она вдруг испарится в процессе визита сюда, у нее на Вейсе удивятся этому куда меньше, чем где бы то ни было еще. Они просто понимающе покачают головами — или что там у них принято в подобных случаях.

— Все это я знаю. — Ответ Страат-иена был наполнен раздражением. — Единственное, в чем я не уверен, в том, что это действительно необходимо. Если она видела, как вы внушили кучке массудов, это еще не значит, что она дойдет до чего-либо более глубокого. Не забывайте, она же просто затоплена информацией.

— Это сегодня, — возразил сержант. — А кто знает, что она рассмотрит через год или через пять, когда у нее появится время, чтобы пораскинуть мозгами?

— Она может мимо этого проскочить. Счесть за один из незначительных примеров взаимоотношений между людьми и другими видами.

Коннер ненадолго задумался, перед тем как ответить.

— Это уже не дань профессионального уважения, не так ли? Вам на самом деле нравится эта канарейка.

— Ей нельзя не восхищаться. Помести среднестатистического вейса в те ситуации, которые она пережила, и он за минуту впал бы в каталепсию.

— Да, черт возьми, я ей тоже восхищаюсь. Вся дрянь в том, что стоит обернуться, а на тебя уже нацелен этот ее проклятый рекордер.

— Это ее работа, — напомнил товарищу Неван.

— Ее хватка — вот что опасно. Смотри, брат-коссуут. Ты старше меня по званию — как в армии, так и в Ядре. Тебе и решать.

— Мне нужно убедиться, что она представляет из себя реальную угрозу, прежде чем мы сможем расшвыриваться такими умами — пусть даже и не человеческими. Дайте мне еще несколько дней.

Коннер пожал плечами.

— Не вижу большой проблемы. Какая разница — одним историком-вейсом больше, одним меньше?

Страат-иен застыл.

— Очевидно, я чувствую в данную ситуацию совсем по-

иному. Если ваше заявление, сержант, совершенно искренне, то мы и в самом деле ничуть не лучше, чем думают о нас гивистамы, с'ваны и прочие.

— Я просто рассказал вам, что я чувствую, сэр. Что же касается мнения о нас Узора, то лично мне кажется, что несколько поздно теперь пытаться их коллективно переубедить и представать перед ними в образе пасторальных добродушных овечек. — Он сделал шаг назад.

Страат-иен поспешил заверить его.

— Если я приду к выводу, что никаким другим путем проблему решить невозможно, то обещаю вам, что сам обо всем позабочусь.

— А как насчет вашей обеспокоенности, что вы за нее отвечаете?

— Позабочусь и об этом. Я смогу действовать незаметно. У меня есть то преимущество, что она меня ни в чем не способна заподозрить, а когда все будет кончено, то и никто другой не заподозрит.

Коннер замялся.

— Вам виднее, Неван. Но если вдруг вы передумаете и решите, что вам нужна моя помощь...

— Я всегда смогу вызвать вас через систему. Буду держать связь.

— Для меня этого вполне достаточно. — Коннер браво отдал честь, улыбнулся и удалился по коридору, оставив Страат-иена наедине с мыслями.

* * *

Этой ночью Наоми сочла странным столь частое упоминание с его стороны о Лалелеланг.

— А почему, собственно, так заинтересовала тебя эта чужачка? В первое время, когда она только появилась, ты, кроме жалоб на то, как она мешает выполнению твоих повседневных обязанностей, ничего о ней и не говорил. Только о том, что она путается под ногами и отравляет жизнь. И еще, что она подвергает опасности и себя и окружающих.

— Отношения меняются. — Страат-иен отвалился от нее и лег на спину, положил руки под голову и уставился в потолок. — Для вейса, она проявила просто выдающуюся смелость.

— Это все хорошо. Но ведь не из-за этого у тебя о ней навязчивые мысли?

Подавляя в себе беспокойство, он слегка повернул голову.

— А кто говорит о навязчивых мыслях? — Он что, собирается и для своей милой подруги устроить на Чемадии маленький несчастный случай? Стоит только ступить на путь устранения трудностей — и скоро уже ничто не покажется затруднительным.

Он улыбнулся и повернулся к ней лицом, левой рукой обняв за талию.

— Тут дело, скорее, в озабоченности, чем в навязчивых мыслях. Поскольку она добровольно подвергла себя такому, меня заинтриговали ее мотивы.

— Она же историк. — Наоми придвинулась поплотнее. — Она просто делает свое дело. Чего тут такого необычного?

— Есть кое-что. Ты просто плохо знаешь вейсов. — Раздумья, как половчее пресечь ее нездоровое любопытство, привели к неожиданному озарению. — А хочешь с ней познакомиться?

Наоми, похоже, задумалась. Постепенно на лице ее проступила безразличная улыбка.

— Не-а. Доводилось мне видеть этих вейсов. Они зазнайки, выскочки и не-желаю-вас-знать снобы с задранным клювом. И какая бы она не была башковитая, я-то знаю, что в душе она ничуть не лучше. Может быть, она и кажется более дружелюбной, но это просто часть ее работы, могу поспорить. Не может же она шляться тут и обижать при этом людей, которых хочет изучать. Она просто профессиональный дипломат. И очень хорошо владеет всеми своими выразительными средствами, а в глубине души буквально смеется над нами, вонючками. И она-то тебя очаровала!

— Я же сказал, что меня очень поразила ее преданность делу. Я не сказал, что она меня очаровала.

Наоми теперь была очень довольна собой.

— А она, наверное, рассказывает о тебе у тебя за спиной, отпускает всякие замечания о людях в целом, когда связывается с другими вейсами. Они же такие, ты знаешь. Любят посплетничать. Не то, чтобы другие из Узора чем-то отличались — все они не лучше, начиная с массудов и кончая лепарами.

— Ну, лепары-то слишком тупы, чтобы насмехаться, — возразил он.

— Ты знаешь, что я хотела сказать. Они все молча смотрят на нас сверху вниз. Да и ладно, главное, они нас уважают. Но вейсы при этом еще и так высокомерны, что так и хочется схватить такого за клюв и держать, пока он не посинеет.

— Вейсы на всех смотрят свысока, а не только на Человечество. — Неван высвободил руку для плавного жеста . — У них такая культура — форма превыше содержания.

Нижняя губа ее приоткрылась, глаза сощурились.

— Насчет формы и содержания, полковник... — Она прижала его к себе, и на какое-то время он с радостью забыл о проблемах, связанных с не в меру настырным историком.

Глава 10

— Зачем вы меня сюда привели? — Лалелеланг со своим как всегда включенным рекордером исправно фиксировала обстановку.

Они стояли над обрывом на самой северной оконечности мыса, ограничивающего глубоко уходящую в сушу бухту, в которой была построена укрепленная база Узора. Единственное судно на воздушной подушке причаливало к посадочной платформе. Оно прижималось к скалам в поисках укрытия. В семидесяти метрах внизу зеленые волны чемадийского моря разбивались о гладкое лицо скалы из блеклого гранита. С гребней яростных валов срывались брызги, пробивающиеся через край, и мочили ее перья. Она знала, что ее спутника это, судя по всему, не волнует. Люди способны переносить весьма значительные перепады погоды.

Двухместный слайдер был припаркован у них за спиной, готовый в любой момент доставить их обратно на базу. Полковник Неван Страат-иен придвинулся так близко, что она ощущала массивность его туши. От такой близости ей стало неспокойно, но она сдержала стон.

— Я подумал, что вам может оказаться полезно посмотреть на базу в целом. Как бы обрамить этим всю полученную вами информацию. Кроме того, здесь, наверху, очень красиво.

— Я согласна, но мои интересы лежат в сфере межличностных взаимоотношений. — Она махнула намокшим кры-

лом. — Пейзаж — как в учебнике. Что же касается его эстетики, то я способна лишь абстрактно восхищаться той беспорядочной грубостью, которую вы, люди, похоже, находите столь привлекательной. Будучи представителем Вейса, я предпочитаю ландшафты, которые со вкусом приведены в порядок в соответствии с нормами цивилизации.

Они были совершенно одни. База работала далеко не первый день, и панорама с этой точки уже не таила в себе новизны. У горизонта, ему показалось, можно было различить несколько гигантских головоногих, которых в это время года можно было регулярно наблюдать в процессе сезонной миграции на юг. Они передвигались толчками, втягивая и выбрасывая тяжелые расщепленные хвосты, а короткие щупальца были опущены, как выдвижные кили старинных судов.

Прибой гремел, разбиваясь внизу о скалу.

Несмотря на то, что привели его в это место вполне прозаические причины, она подумала, что нынешнее его местоположение несет нездоровое сходство со сценами из старинных мелодраматических сказочек, на которых разгорелись драмы любви и мести. Он поймал себя на том, что пристально разглядывает вейса со спины: длинные, едва скрыты одеждой ноги, заканчивающиеся обутыми в сандалии трехпалыми лапами; все обвешанное украшениями, оперенное тело; длинную гибкую шею. Она тоже наблюдала за миграцией чудовищ, компактный рекордер был зажат в гибких кончиках правого крыла. Он не удивился бы, если бы выяснилось, что весит она меньше тридцати килограммов.

Вейсы разучились лётать миллионы лет тому назад. И если ее столкнуть с обрыва, то атавистические перья, конечно, способны замедлить скорость падения до той степени, чтобы она не разбилась насмерть о скалистые выступы внизу. Она ведь полушутя рассказывала о некоторых способностях планировать. Но в шок она непременно впадет. И — подобно большинству представителей Узора — вейсы не умеют плавать. Первая же большая волна, ударившаяся о гранит, покончит со всем. Никому и в голову не придет, что она может выжить. Тело разнесет на куски и раскидает по морю.

А на краю обрыва нет никаких предохранительных заграждений, никакой предупреждающей разметки. Скользкий уступ, резкий порыв ветра могут легко вмешаться в судьбу такого хрупкого существа. Само собой разумеется, он будет

пытаться спасти ее, но у него ничего не выйдет. Недовольство последует, но расследование — никогда.

А если она будет сопротивляться, что даже и представить трудно, одно неуловимое движение руками — и шея ее сломается, как пластмассовая соломинка. А всепоглощающий океан уничтожит следы истинной причины смерти.

Он оглянулся назад. Они по-прежнему были совершенно одни, как и в момент прибытия. Пальцы его напряглись. Несмотря на его физическую близость, она не отодвигалась от него. В конце концов, она ему полностью доверяет. А почему бы нет? Какая может быть разумная причина, по которой офицер людей захотел бы причинить вред историку вейсов?

Причина таится у него в мозгу; практически, составляет его неотъемлемую часть. И даже заподозрить об этой его составной части ей нельзя позволить.

Он знал, что сестры по триумвирату будут горевать о ней. Но она сама ему говорила, что не спаривалась и потомства у нее нет. — Она — изгой общества Вейса. И известие о ее кончине вызовет больше профессиональных, чем личных соболезнований.

Он подошел к ней еще на шаг. Далеко внизу бились о голые скалы неугомонные волны. Не было никакой нужды приближаться тайком, и когда голова ее на длинной шее повернулась в его сторону, он этого ожидал. Большие голубые глаза начали расширяться, перья задрожали — жест, наверняка сказавший бы очень о многом другим вейсам.

Руки он по-прежнему крепко прижимал к бокам. Ему нужно знать наверняка.

— Вы мне очень много рассказывали о своей работе. — Он почувствовал, как она нервничает, и стал давить еще сильнее, пользуясь той частью своего разума, тайну существования которой стремился одновременно сохранить. — Но у меня такое чувство, что нечто из вами открытого или заподозренного вызывает у вас особый интерес. Что-то, о чем вы не чувствовали возможным мне рассказать, несмотря на все наши совместные разговоры и проведенное вдвоем время.

Она слегка пошатнулась, не способная и далее сопротивляться мысленному проникновению — в точности, как любой массуд или с'ван.

— Нет, я... — Она заморгала, будто начала действовать

инъекция какого-то мощного препарата. — Да, вы правы, полковник Неван. Есть такое.

Вот оно, подумал он напряженно. Будет совсем не сложно свернуть эту тонкую шею, подхватить легкое тело и швырнуть с обрыва. Быстро мелькнут переливчатые перья, блестящие бусы — и все будет кончено. Всего мгновение — и все его тревоги и сомнения рассеются, исчезнут вместе с ее телом в кипящем море. Тогда и он, и Коннер вздохнут, наконец, спокойно.

Но сначала он хотел услышать это от нее.

— Ну, — продолжал он неослабевающий напор, — и что это? — Он навис над ней.

Ей теперь было страшно, но она, почему-то, даже шевельнуться не могла. Казалось, будто ноги вросли в камень, приковали ее к месту. Она едва сознавала, что отвечает на его вопрос. Это было самое необычное, потому что она не собиралась никому рассказывать о своих подозрениях. Они были настолько опасны, настолько зловещи, что даже своим она не стала бы о них говорить. И она прекрасно понимала, какие могут быть последствия, если о них узнают люди.

И не важно, что выкладывает она все это полковнику Невану. Несмотря на искреннюю заботу, которую он проявлял о ее благе, что-то в его глазах, в его поступи выдавало его истинную суть. И происхождение его невозможно было отрицать.

— Мои исследования, — слышала она чей-то голос, понимая одновременно, что это говорит она сама, — привели меня к самым неутешительным выводам. — На этом она попробовала поставить точку.

Но он этого не позволил.

— Продолжайте.

Она смутно понимала, почему не может его ослушаться. Как вода, прорвавшаяся сквозь разрушенную плотину, хлынули из нее слова.

— Я пришла к осознанию этого только после многократных просмотров накопленных мною исследований...

— После того как вы стали свидетельницей эпизода, произошедшего во время битвы за дельту между сержантом Коннером и отступающими массудами, — подсказал он с холодной услужливостью.

— И это тоже, бесспорно, составная часть.

— Вероятно, все это каким-то образом увязывается с тем, что вы почерпнули, наблюдая за мной? — обреченно спросил он.

— Естественно. — Она поняла, что он стоит настолько близко, что заслоняет собой солнце. И ведь для человека он даже и не особенно крупный. Сильные, гибкие, убийственные пальцы, которыми оканчиваются руки, напряженно скрючены. — А так же со всем, что я узнала, наблюдая действия людей в бою — как здесь, так и на Тиофе.

В его голосе появилась неуверенность. Для вейса это было очевидно, как смена цветов.

— Со всем?

— А с чем же еще?

Он сделал шаг назад, явно смущенный. Каковы бы не были его побуждения, она испытала благодарность за его частичное отступление.

— Я чего-то не понимаю. Вы хотите сказать, что не нашли ничего исключительного или особенного во встрече сержанта Коннера с массудами или в наблюдениях за мной?

— Все это только подтвердило то, что я и так знала по наблюдениям за другими людьми. А что тут не так? — Ее собственное смущение тоже усилилось.

— Нет, нет. Все так, — согласился он весьма поспешно. — Забудьте. Это не важно. Совсем не важно. Не больше и не меньше, чем все ваши остальные наблюдения.

Она поддалась внушению. Естественно.

— Тогда сообщите мне о ваших выводах, — потребовал он у нее очень необычным голосом. — Расскажите, к каким заключениям вы пришли, изучив нас?

Она поймала себя на том, что говорит с откровенностью, которой сама от себя не ожидала.

— Все, что я видела, все, свидетельницей чего я стала, только подтверждает гипотезу, выдвинутую мной еще до начала полевых исследований. — Соленый ветер взъерошил ее перья. На скалистом утесе становилось холодно. — Используя в качестве трамплина мои личные наблюдения за взаимоотношениями людей с представителями других рас, я разработала компьютерную программу, которая позволила бы сделать некоторые экстраполяции опытных данных, куда я помимо своих включила и работы других ученых — как современников, так и предшественников.

Впечатление было такое, будто она ведет семинар, на котором присутствует один-единственный студент. Она знала, что непозволительно откровенничает, как сама, так и в плане информации, но ничего не могла с этим поделать. Что-то вынуждало ее выкладывать все.

— Выезд на место я затеяла отнюдь не с целью подтвердить свои заключения, а, наоборот, опровергнуть.

— Вы хотите сказать, что здесь на Чемадии и раньше на Тиофе стремились обесценить дело вашей жизни?

— Именно так. — Она обнаружила, что двигаться все-таки может. К месту она была прикована не физически, а мысленно. — Я стала задумываться, что случится, если Амплитур, в конце концов, будет побежден.

— Не если, а когда. — Страат-иен заговорил, как хороший солдат.

— Не важно, — нетерпеливо сказала она. — Несомненно, это произойдет. Течение войны полностью переменилось двести лет назад. До того они всегда способны были разработать новые вооружения, придумать какую-то новую стратегию для контратаки. И таким образом снова потеснить Узор. Двести лет назад у Узора появился новый союзник — Человечество. В этом все и дело.

— Мы сделали, что могли. — Совершенно к этому моменту заинтригованный Страат-иен пытался понять, к чему она ведет.

— Что случится, когда Амплитур будет побежден окончательно? Что случится, когда они более не в состоянии будут вести эту войну Назначения ни против нас, ни против других разумных существ? Когда все подчиненные им расы будут освобождены от внутренних генетических и ментальных вмешательств Амплитура?

— Не хочу говорить банальностей, — осторожно ответил Страат-иен, — но, по-моему, это будет означать, что война закончится и будет мир.

— Если я не ошибаюсь, то эти два слова и так антонимы, — загадочно высказалась она.

— А почему, собственно, не быть миру, если война закончится? Все перестанут драться и отправятся по домам.

— Все? — Она смотрела прямо на него. На какое-то мгновение ему показалось, будто это он подвергается умственному параличу.

— Если вы говорите о нашем виде, то мы вернемся к мирным задачам, как и все остальные. Может быть, попросим постоянного членства в Узоре. Мы вернемся к тому, чем занимались на Земле, когда Узор нас обнаружил и втянул в эту войну.

— Вы подтверждаете мои худшие страхи.

— Да в чем же дело! — спорил он. — Я изучал нашу собственную историю. На Земле и серьезных войн-то не было, когда прилетел первый корабль Узора.

— По чьим меркам? На Земле никогда не было мира, вы только играли в «миротворческие усилия». Прежде чем вы стали воевать против Амплитура и его союзников, вы без конца соперничали между собой — единственные из всех «разумных» существ. Это же было искажение законов естества, вызванное уникальностью вашей планеты и вашего собственного эволюционного развития.

— Но мы это переросли, — не соглашался Страат-иен. Мы овладели своей древней историей. Вы говорите о раннем Человечестве, совершавшим ошибки развития. Наше длительное сотрудничество с цивилизациями Узора навеки изменило наше общество.

— Да, но достаточно ли изменило? Дайте мне возможность высказать тезис. Когда Амплитур капитулирует, с кем вы будете биться?

— Ни с кем. Не с кем будет.

— А я не уверена. Я думаю, что сначала будет недолгий мир, в качестве выдоха, а потом вам придется искать, с кем вступить в конфронтацию. И тут дело не в вашем обществе; дело в ваших ДНК. Вам слишком нравится конфликтовать. Ведь даже пословица есть: «Один человек — цивилизация, двое — армия, трое — война».

К этому моменту Неван практически забыл, зачем они оказались на скалах. Он понял, что она вообще ни черта не подозревает ни о Коннере, ни о нем, ни о Ядре, ни об особом таланте, которым недальновидные амплитуры наградили потомков насильственно подвергнутых генетическим искажениям жителей Коссуута. Вместо этого она упорно защищает невероятную теорию, которую сформулировала еще задолго до появления на Чемадии.

С другой стороны, он постепенно начинал понимать, что, будучи подтверждены, и эти ее догадки могут привести к пот-

рясающему урону, только по совсем другим направлениям, чем те, которыми он был озабочен.

— Вы переключитесь на нас, на Узор. — Это она заявила с полной убежденностью. — Именно это и показали мои экстраполяции. Поскольку у вас теперь есть возможность грызться с другими существами, а не между собой, вы кончите тем, что затеете конфликт с Вейсом или С'ваном — или даже с Массудом.

— Да с чего бы нам этого захотелось? — Он искренне ничего не понимал. — С какой стати мы захотим вступить в войну с теми, кто сотни лет был нашим союзником?

— Потому что вы ничего с собой не сможете поделать. Конфликты всегда составляли смысл и двигатель вашей цивилизации. Все ваши крупнейшие скачки в области технологии приходились на период войн. Все это — ваша история. — Многого не потребуется, — продолжала она. — Какое-нибудь подозрение, воображаемая угроза. Я предсказываю, что первым делом вы вступите в войну с Массудом. Это гораздо больше вас потешит, чем, скажем, развязывание конфликта с Гивистамом.

— Мне кажется, что ваши выводы не корректны, — твердо сказал он. — Не забывайте: вы все это выводите с позиции Вейса, а ваш вид отличается гипертрофированной чувствительностью и мнительностью.

— У компьютерной модели, которую я разработала, не может быть мнительности — гипертрофированной или еще какой-то.

— Но ведь ваше оборудование разработано технологами Вейса или Гивистама.

— Как просто вы себя выдаете, — укоризненно сказала она. Сознание ее по-прежнему было окутано мглой. — Поверьте же, я и сама с превеликой радостью восприняла бы полное опровержение моей теории. К несчастью, на настоящий момент факты все более укладываются в противоположное гнездо.

Он задумчиво посмотрел на нее.

— Я понимаю, почему вы никому не хотели говорить.

«А я не понимаю, почему я вам теперь об этом говорю, — удивлялась какая-то часть ее существа. — Почему я должна вам верить? Ведь вы даже не ученый».

— А что думают об этой теории ваши коллеги? — спросил он.

— Мне еще только предстоит поделиться моими сведениями с другими. И я по-прежнему не отказываюсь от мысли опровергнуть сконструированную мной модель. Но надежды все меньше.

А не собирался ли он причинить ей какого-нибудь вреда? — возникла у нее внезапная мысль. Или даже убить ее? Не за этим ли он привел ее в это заброшенное место? Она вся задрожала. Она так тщательно утаивала свои наблюдения. Невозможно было и представить, чтобы он заподозрил. Она никому ничего не рассказывала — даже подругам по триаде. Но ему и подозревать ничего не пришлось — она сама только что все ему выложила. Почему? Что на нее нашло? Что сделало невозможным сопротивление этой череде его вопросов?

Если бы теории ее стали достоянием гласности и были бы со временем подтверждены из независимых источников, это могло бы серьезно нарушить отношения между Человечеством и Узором. Радость от этого была бы только для Амплитура, который тут же кинулся бы промышлять раздуванием межрасовых противоречий, которые всегда угрожали целостности Узора.

Та же самая мысль независимо от нее пришла в голову и Страат-иену.

— А не может быть так, что эта мысль заложена в вас Амплитуром, чтобы посеять в Узоре семена раздоров? Вы же знаете их способность к «внушению», которая не распространяется только на Человечество.

— Я и близко к Амплитуру не была — ни сном, ни духом. — Ответ ее прозвучал жестко и убедительно. — И, определенно, никто из них не бывал на моей родной планете.

— Если побывал, то он «внушил» бы вам, что этого не было, стер бы это из вашей памяти, — возразил он.

— А тогда с чего бы я стала вам сейчас все это рассказывать?

На этот вопрос он не мог, понятно, ответить. И предпочел сменить тему дознания.

— Давайте по одной теории за раз. Предположим, что ваша работа не вдохновлена Амплитуром. Вы всего лишь историк. Один. Почему никому другому не пришла в голову столь же радикальная идея?

— А с чего вы взяли, что я одна? — вызывающе спросила она.

Это его осадило.

— А вы знаете других, пришедших к подобному же заключению?

— Я этого не говорила. Я просто предположила, что другие, работающие, может быть, в других отраслях знания, могли прийти к тому же итогу, подходя к вопросу с другой стороны, а молчание сохранять по причинам, сходным с моими.

Он поднял камень, поиграл им и, наконец, кинул с обрыва вниз. Камень бесследно исчез в кипящей под ними пене и брызгах.

— Знаете, — сказал он мягко, — с самого начала, с первого контакта Узор подталкивал нас к тому, чтобы мы становились все более хорошими воинами — гораздо лучше, чем когда мы были изолированы на своей планете.

Она моргнула и покачнулась, но удержала равновесие.

— У меня вдруг закружилась голова.

— Это пройдет, — небрежно уверил он ее. — Вы просто не привыкли к сочетанию морского воздуха и ветра.

— Да. — Туман, который густо клубился у нее в голове и путал мысли, внезапно рассеялся. — У вас есть пословица, грубая, как все человеческое, но тем не менее хорошо описывающая все — что «тигра надо ловить за хвост».

Он повернулся к ней лицом, руки его были засунуты в разрезные карманы тонкой куртки.

— Правильно. И Узор поискал и нашел себе тигренка — и принялся насильно скармливать ему стероиды, чтобы натравить его на Амплитур.

— Именно. И скоро у нас кончится мясо, которым этого тигра кормят. И я глубоко убеждена, что все проявляют крайнюю наивность, считая, что удастся так просто перевести его на овощную диету.

— Кого угодно можно переучить, — пробормотал Страатиен.

Она сделала крылом отработанный вейсами жест отрицания.

— Теоретически. Но согласится ли он добровольно на атрофию клыков и когтей? Захочет ли?

Ответа у него не было.

— Величайшей радостью в моей жизни было бы, если бы я сумела опровергнуть эту теорию, — сказала она ему.

Он кивнул. И просто чтобы окончательно удостовериться в своем решении, сказал прямо:

— У тех же из нас, кто происходит с Коссуута, есть даже еще больше причин желать применения своего боевого искусства, чем у остальных людей. — Он стал внимательно за ней наблюдать.

Насколько он мог судить, в ее ответе не было ни тени заминки или искусственности.

— Я понимаю. Как историк, специализирующийся на делах Человечества, я знакома с действиями Амплитура на этой несчастной планете, хотя за сотню лет, я думаю, ползучая озлобленность могла бы немного и поизгладиться.

— У нас долгая память, — ответил он ей. Теперь он окончательно убедился. Она ничего не знала и ничего не подозревала ни о существовании Ядра, ни об особых талантах его отдельных членов.

Он был на грани убийства — и не кого-то, а союзника, и, если уж на то пошло, своего друга. Ни за что.

Разве что теперь ее так же просто было убить для подавления разработанной ей теории, которая ставила под угрозу не просто его самого и его сородичей, но и отношения Человечества с Узором в целом.

— Вы намерены огласить свою теорию?

— Пока нет. Я полностью осведомлена об опасностях, которые это за собой повлечет, и, как я уже говорила, я по-прежнему желала бы убедиться в ее несоответствии действительности. Хотя я столько лет посвятила ее построению, что непросто будет ее порушить.

Тут на него будто безумие нашло.

— Может быть, я вам помогу?

— А с чего вам мне помогать? Вы, скорее... скорее, могли бы желать мне воспрепятствовать. — Она покачала головой. — Я вообще не знаю, почему я вам рассказала все это, после того как столько лет держала все в тайне, — даже от своих коллег.

— Все тайное становится явным рано или поздно, — сказал он ей. — Если не вы — так кто-нибудь другой со временем выдвинул бы эту теорию. Лучше уж сейчас ее опровергнуть. А что касается того, что вы мне рассказали все это, то я

удивлен, как вы раньше этого не сделали. Может быть, проще открыться представителю другого вида. — Рассуждение было явно не утонченное, подумал он, но на данном этапе сойдет.

— Я не хочу вас обидеть, Неван, но я уж скорее бы с коллегами поделилась, чем с чужим.

— Я не обижаюсь. Я полагаю, какой-то внутренний голос подсказал вам, что нельзя больше это держать в себе, а я оказался достаточно надежным слушателем. Может быть, это от одиночества. — Он указал рукой на широкую панораму моря и скал. — В любом случае, вам нечего беспокоиться, что я побегу с этим к ближайшему журналисту. Я вижу потенциальную возможность опровержения и сохраню вашу тайну.

— Как я могу быть в этом уверена?

— Даю вам слово офицера. Вы утверждаете, что ваши данные говорят о неизбежности конфликта Человечества с Узором. Я заявляю обратное и сделаю все, чтобы доказать вам свою правоту.

Она сделала крылом незнакомый ему жест.

— Я принимаю ваше предложение. Может быть, наложение человеческой точки зрения поможет обнаружить ошибки в моей работе, которые я иначе не способна была заметить. — Она повернулась и направилась к поджидающему слайдеру. Он пошел рядом, замедлив шаг, чтобы она могла за ним поспевать.

— Но как вы сможете помогать мне? — Она подождала, пока сиденье слайдера приспособится к форме ее тела. — Ведь вы боевой офицер, приписанный к активному театру военных действий.

— Мне набежало много неиспользованных отпусков, затребовать которые у меня никак руки не доходили. После того как мы отвоевали дельту и установили контроль над рекой, командование, я думаю, обойдется какое-то время и без меня.

— А вы по этой войне скучать не будете? У меня сложилось такое впечатление, что если человека лишить на какое-то время возможности участвовать в конфликте, у него очень скоро начинают проявляться эффекты потери психологической ориентации.

— Естественно, с этим наблюдением я также не согласен. Война — это просто то, чему мы обучены. — Он включил двигатель слайдера. Под ногами у них раздалось низкое гудение.

— Но вы к этому генетически предрасположены. Был один человек, историческая личность, который, насколько я поняла, изучая вашу историю, вовсе не стремился к той славе, которую получил; он был непосредственным участником первых встреч Узора с вашим видом.

— Точно. — Слайдер оторвался от земли, поднимая шум и пыль, и Страат-иен вынужден был говорить через переговорное устройство. — Музыкант-контактер Уильям Дьюлак. У нас о нем еще в общеобразовательной программе проходят, так же, как о Кальдаке и Яруселке и всех остальных. Эти имена никогда не забудешь.

— А известно вам, что в течение долгих лет после контакта Уилл Дьюлак пытался доказать, что люди вовсе не обладают естественной склонностью к убийству?

— Кажется, читал что-то об этом давно. Дьюлак был очень ярким человеком во многих отношениях, но на этом он, похоже, совсем сдвинулся. Нам теперь виднее. — Он хмыкнул. — А чего еще ждать от музыканта? Но то, что нам нравится драться и мы это хорошо умеем, отнюдь еще не означает, что мы должны драться все время. Война кончится — и это тоже пройдет. — Устремляя слайдер вниз по склону в направлении базы, он прибавил скорость. — Мы разумные, цивилизованные существа, Лалелеланг, даже если и не полностью соответствуем в этом плане стандартам Вейса. Мы не какая-нибудь сорвавшаяся с цепи машина, которую все должны бояться.

— Вы опасны именно потому, что разумны.

— Однако сейчас это сослужит нам с вами добрую службу. У меня есть доступ к военным файлам и оборудованию, которого нет у вас, и мы сможем через подпространство выходить на библиотеки где угодно. У вас есть доступ к вейсским и, вероятно, еще каким-то источникам. Давайте сопоставим те и другие данные и прогоним их через ваши аналитические программы — тогда и посмотрим, что получится.

— Это именно то, что я давно уже хотела сделать, но никак не могла получить на это соответствующего разрешения. — Она кивнула, в точности изобразив человеческий жест.

Будущее вызывало в нем энтузиазм. Сначала он обнаружил, что она и духом не догадывается о существовании Ядра, а теперь, привнеся дополнительную информацию, которая раньше была ей недоступна, они опровергнут эту ее не-

лепую и скандальную теорию. Да и убийства ему не пришлось совершить.

— У вас есть доступ ко всему? — спросила она.

— Не ко всему на свете, конечно. Я не подхожу под вселенский допуск. Но материалы, которые вам смотреть не дозволялось, я раздобыть, бесспорно, могу. Именно этого и не хватало вашим исследованиям — человеческого вклада. Вы были вынуждены строить всю свою работу исключительно на собственных наблюдениях и наблюдениях других чужаков. Мы это можем изменить. — Он отжал руль — и компактный, прекрасно сконструированный экипаж на воздушной подушке покатился по непроходимому иначе склону. — Если вы, конечно, находите, что сможете со мной работать.

— На Тиофе я постоянно работала с одной вашей женщиной. Я посвятила свою жизнь изучению вашего вида. Так почему меня должно смущать ваше присутствие?

— Я ничуть не пытался умалить ваши заслуги. Просто трудно свыкнуться с мыслью, что вейс не боится человека. Ваши обычно бегут, едва нас завидев. Или, по крайней мере, отходят подальше с дороги. Впрочем, ведь вы — не среднестатистический вейс.

— Мне все так говорят.

Страат-иена грела мысль об открывающихся перспективах. Он уже планировал набеги на различные библиотеки.

— Мы эту вашу аналитическую программу задушим фактами — тогда она запоет по-другому. Мы ей загоним человеческую реальность по самый процессор.

— Послушайте себя. Вы к исследованию подходите так же, как к налету на позицию Криголита. Вот он, человеческий подход. У вас даже самые неподходящие аналогии — военные.

— Да это же просто манера речи, — оборонялся он. — Нельзя же из этого выводить, что таковы наши возвышенные общественные ценности.

Они скатились со склона горы и заскользили к базе в паре метров над волнами, направляющимися в узкое горло бухты. Большая хищная рыбина хотела цапнуть слайдер, но сильно промахнулась.

— А что, если мы все это проделаем, и новая информация только подтвердит, а не опровергнет мои исследования?

— Не думаю, что так произойдет. — Он постарался придать голосу убедительность. — Ваши исследования были

изначально предвзятыми из-за односторонности материала. А тут требуется противовес — и я вам его предоставлю.

А если нет, подумал он, то я всегда смогу вас заставить обо всем забыть.

Вышестоящие не были удивлены его просьбой об отпуске. Потеря командного модуля в дельте и последовавшая тяжелая акция по возвращению дельты измотали бы любого участника, не говоря уж об офицере, обремененном ответственностью за полевое командование. Просьба была удовлетворена без лишних слов.

Один лишь Коннер удивился, но высказать сержант ничего не мог. Несмотря на дальнее родство, Страат-иен по-прежнему оставался полковником, а Коннер — всего лишь сержантом. Он принял объяснение Страат-иена, что вейс и не подозревает о существовании Ядра, поскольку причин не доверять полковнику у него не было, и на время каждый из них пошел своей дорогой.

Страат-иен попросил разрешения провести свой отпуск на базе Тамерлан — и получил его. Эта база была самым первым укреплением Узора на Чемадии — и теперь находилась далеко от арены настоящих боев и представляла собой относительно безопасное место. Они с Лалелеланг могли заняться там своими делами со сравнительным комфортом. Кроме того, на базе Тамерлан обслуживающего и технического персонала было куда больше, чем на базе Аттила. И историку-вейсу приятно было изредка увидеть и пообщаться с гивистамом, с'ваном или о'о'йаном.

В соответствии с ее запросами и под ее руководством он запросил материалы по самым разнообразным каналам связи, а также через подпространство вступил в контакт с рядом исследовательских источников на других планетах. Его высокий допуск позволял выходить на такие возможности, в которых было бы отказано человеку, стоящему ниже него в табеле о рангах. Коннер, например, ничего бы не добился по большинству вопросов.

Деятельность их сосредоточена была в основном в библиотеке базы — солидной и малолюдной пристройке к главному командному корпусу. По мере того как в совместными усилиями открытых ими файлах стал накапливаться весьма весомый материал, стекающийся отовсюду в ответ на запросы, Лалелеланг забыла обо всех своих прежних коле-

баниях и отдалась радостному препарированию поступающих документов. И настолько она со своим напарником-человеком были этим поглощены, что совершенно перестали замечать взгляды и комментарии тех, кто не мог удержаться и — часто прямо в их присутствии — высказывался по поводу столь в высшей степени странного сработавшегося тандема.

Но ничто из потока новых материалов, добываемых Страат-иеном, не способно было доказать слабость теории Лалелеланг. Каждый факт, каждое сообщение, которые они загружали в ее аналитическую программу, казалось, только еще больше укрепляли позиции выдвинутых ею предположений. Неван начал уже беспокоиться... и размышлять над альтернативными решениями.

Шла вторая неделя после того, как они начали обрабатывать накапливающуюся информацию, когда Страат-иен вдруг обнаружил нечто, что его заинтриговало. По крайней мере, позволяло отвлечься. Чувствительная к человеческим эмоциям и реакциям Лалелеланг быстро уловила, что он чем-то занят. Она не стала выспрашивать. Это было бы в высшей степени невежливо, а то и откровенно по-человечески. Если он намерен был с ней поделиться, то и сам рано или поздно рассказал бы. Она же, тем временем, занялась своими делами, которых было навалом.

Прошла еще неделя, и он решил поведать ей все. Поскольку ее человеческий язык был не хуже, чем его, и гораздо лучше, чем у большинства других людей, он посадил ее за управляемое голосом оконечное устройство, за которым все это время работал сам.

— Видите вот здесь? — Он привлек ее внимание к порции материала, высвеченного в тот момент на экране.

Шея ее склонилась.

— Это результат прогонки одной из моих программ, но что-то я не узнаю корреляций.

— Смотрите внимательнее. Я этого не сфабриковал, чтобы сбить вас с толку. Перепроверьте, если хотите. Это реальность.

Она эффективно управлялась с устройством, воспользовавшись для повторной обработки его данных своей основной программой. У нее это гораздо лучше получалось, чего, собственно, и следовало ожидать.

Когда она закончила, все выстроилось в точности так же,

как раньше у него. Ее тонкокостный череп повернулся в его сторону.

— Это, определенно, интересно. Вероятно, даже революционно. Но я отказываюсь видеть, как это связано с нашей текущей задачей.

— Попробуйте еще раз. Вам не кажется, что все это достаточно провокационно, чтобы продолжить?

— Я сказала, что сказала. Но это тупик. Дальше этого не проследишь. По крайней мере, нам это не удастся.

Он выглядел мрачно удовлетворенным.

— Совсем наоборот. Представитель спроецированного здесь отклонения есть прямо здесь, на Чемадии.

Она уставилась на него.

— Я не знала.

— А откуда вам знать? Да и мне откуда, раз уж на то пошло? Я не вхож во внутренние дела центрального командования.

— Я полагаю, — тихо сказала она, — что его здесь присутствие нацелено на проверку и поддержку разработки стратегии людьми и массудами?

— Да. По крайней мере, этого от них ждут. И это то, чем, предположительно, они и занимались все это время. — Он указал на экран. — Просто до сих пор никому в голову не приходило, что они могут затевать что-то еще. Никому. Как можно было об этом догадаться или даже просто представить себе такое — пока не поставишь вопрос правильно и ответ одним махом не высветится на экране. Вот оно — золотое зерно, зарытое в вашей программе. В поисках ответа на один аномальный вопрос, мы внезапно натолкнулись на другой. И, может быть, не менее значимый.

— Вы об этом серьезно говорите, правда?

Он резко указал в сторону экрана.

— Посмотрите на данные. Это ведь вы настаивали с самого начала, что если материалы, которыми пичкают вашу программу, правильные, то она не соврет.

— Это так. Но результаты всегда можно неверно истолковать.

— Согласен. Ну, и как вы истолкуете вот эти?

Она еще раз считала информацию с экрана и почувствовала себя неуютно.

— Я говорила вам: я не могу. Это же бессмыслица какая-то.

— Это потому, что вы мыслите, как представитель цивилизации Узора. А если взглянуть на это с точки зрения человека, то сразу бросаются в глаза несоответствия и неувязки. — Он приказал устройству погаснуть — и то послушно подчинилось.

— Я собираюсь договориться о встрече с вышеозначенной личностью. Не обязательно идти с ним на конфликт, потому что на данный момент мы располагаем только абстрактными данными. Но это слишком важно, чтобы это проигнорировать, даже если это и будет в ущерб остальной нашей работе. Вам же, конечно, нет ни смысла, ни причин, идти со мной.

— Нонсенс. — Она взъерошила перья. — Конечно же, я должна пойти с вами, как бы разрушительно ни отразилось это на моих собственных исследованиях.

— Но, если я прав и результаты корректны, то это связано с определенным риском.

Она издала свистящую трель, которая у вейсов означала смех.

— Это абсурд.

— Конечно. Такой же абсурд, как все результаты вашей программы.

— Ваша интерпретация этих результатов, — парировала она.

— О! — восторженно ответил он, — а ведь тон-то у вас почти враждебный. Совсем по-человечески.

— И не умоляйте — не обижусь.

— И шутки с'ванские. Может быть, Узор гораздо более интегрирован, чем думают его участники.

— Я отправлюсь с вами, — сказала она, сознавая, что проявила пусть минутное, но все равно непростительное нарушение правил хорошего тона, — но при условии, что вы пообещаете не пускаться на необоснованные обвинения. То, что мы здесь видим, есть не более чем ваша личная интерпретация некоторых в высшей степени сомнительных заключений.

— Знаю. И, возможно, я заблуждаюсь. Это слишком выходит из ряда вон. Но за этим необходимо проследить, чтобы знать наверняка. Потому что это слишком многое затрагивает. — Видя, что любые дальнейшие попытки отговорить только возбудят в ней дополнительный интерес и даже сделают ее подозрительной, он с сожалением вынужден был уступить ее

требованию. — Мы уйму времени провели, пытаясь опровергнуть одну теорию, — заключил он. — Будем надеяться, что для опровержение вновь возникшей нам хватит и нескольких минут.

Глава 11

Лалелеланг чувствовала себя гораздо неуютнее, чем Страат-иен, в лифте, опускающемся на нижний подземный уровень обитаемой части базы Тамерлан. Вероятно, из-за того, что происходили они от птиц, вейсы гораздо спокойнее чувствовали себя на верхних этажах и плохо переносили подземелья. Тем не менее она ничего не сказала, пока лифт не остановился и единственная дверь не отъехала вверх, освобождая проход.

Она держалась поближе к нему, удивляясь только его безразличию к вызывающей клаустрофобию, тускло освещенной обстановке.

— Вот ведь вы люди какие, — тихо сказала она. — Можете бегать и прыгать, временно погружаться под воду, лазить по пещерам, вот только не летаете. Вы до смешного легко адаптируетесь.

— Приходится, — отозвался Страат-иен, продолжая сверяться со схемой, которую держал в руке. — Как специалист по Человечеству, вы должны быть знакомы с геологическими и метеорологическими причудами нашей эксцентричной планеты. Она не настолько приятна во всех отношениях, как другие миры, давшие жизнь цивилизациям. Ваша планета, например, просто райский сад по сравнению с Землей.

— Я знаю. Много континентов, много морей. Тектоническая активность. Полный абсурд. Этим и объясняется своеобразие вашей эволюции.

— Нашим предкам пришлось научиться заполнять самые разнообразные экологические ниши. — Он ненадолго замолчал, сверяясь со схемой, и свернул по ответвлению направо. — Согласно указанному, здесь внизу большая часть помещений занята под хранилища — для самых хрупких и самых ненужных вещей.

Трудно было представить, чтобы кто-то добровольно захотел расквартироваться в таком мрачном, тусклом месте.

Обстановка напомнила Страат-иену изображение древних земных катакомб. Только одни существа, представители единственной расы Узора, способны были считать такую обстановку приятной.

— Уйму времени убил, чтобы договориться об этой встрече, — проворчал он. — Звание помогло. Времени нам отведено немного. Да и в любом случае, долго разговаривать не придется.

Она припомнила его предостережение, что встреча может представлять опасность, и поняла, что дрожит. Ее спутник на это внимания не обратил. Хрупкая самка вейсов дрожала большую часть времени — по причинам, о которых другие и не догадывались. Короткие перышки, образующие гребешок на ее шее, вздымались и опадали.

Они остановились у маловпечатляющей двери. Неван назвал себя в расположенное при входе переговорное устройство, зная наперед, что нужды в этом нет никакой. Визуальный датчик, расположенный как раз над дверным проемом, уже передал всю информацию внутрь. Прошло недолгое время, и дверная коробка осветилась бледно-фиолетовым светом. Где-то внутри замок щелкнул в мягком электрическом приветствии. Заграждение отодвинулось.

— Разрешите, я буду говорить, — шепнул он своей спутнице.

— Я, собственно, и не возражаю.

Они оказались в куполообразном помещении. Стены плавно перетекали в потолок. Полное отсутствие углов и геометрических линий придавало комнате мягкий, тягучий вид, будто они находились в брюхе какого-то древнего, вымершего моллюска. Мебель — если это можно было так назвать — была массивная и низкая.

Дальняя сторона представляла из себя сплошное окно — не из буллерина, поскольку здесь не было нужды в защитных свойствах, — а из какого-то прозрачного материала, достаточно прочного, чтобы выдержать солидное давление морской воды, которая плескалась снаружи. Они были глубоко под поверхностью чемадийского моря и соприкасались с его красотами.

Рыбины с излишне вытянутыми плавниками лениво проплывали стайками туда-сюда, а пара длинных, похожих на угрей существ гонялась друг за другом, периодически зарываясь

в ил. Маленькие мягкотелые носились среди бледно-зеленых и желтых водорослей, оставляя за собой пузырящиеся следы.

Жилище дорого обошлось, но единственный его обитатель выдвигал очень специфические требования. Однако его причуды были сочтены уместными, поскольку присутствие его считалось крайне важным.

И посетителям не было оказано ни малейшего снисхождения. И человек и вейс вынуждены были прищуриваться, чтобы хоть что-то разглядеть в этом мраке. По сравнению с температурным режимом наверху, здесь — на относительной глубине — было холодно и сыро.

Неван проверил правильность настройки транслятора, прежде чем обратиться в темные глубины.

— Полковник Неван Страат-иен и известный ученый-историк Лалелеланг прибыли согласно договоренности.

— Я знаю, кто вы такие, иначе я бы вас не впустил. — Несмотря на героические усилия другого, невидимого транслятора, слова выходили скомканные и неразборчивые.

Большой контур, который Неван по ошибке принял за часть обстановки, отделился от пола и проследовал к окну, где с терпеливой неуклюжестью развернулся и предстал перед ними. Воздух со свистом вырвался из груди Лалелеланг.

Она впервые видела живого турлога, хотя и знакома была с их грузными, медлительными телами весьма близко, благодаря голографическим изображениям и записям. Он устроился на своих многочисленных полусогнутых ногах и уставился на пришедших глазами на толстых стеблях.

То ли рука, то ли нога протянулась к неясному нагромождению, которое, как выяснилось, состояло из нескольких видеоэкранов. Страат-иен знал, что только посредством их тактик с Турлога сообщает свои мысли и советы командованию Узора. Турлоги не очень-то любили личное общение и обмен идеями. Фактически же, они вовсе избегали любого общества, включая общество друг друга, что, собственно, и служило причиной, по которой численность всеми уважаемого, древнего вида была постоянно угрожающе низкой.

— Я не знаю, по какой причине вы так сильно желали встретиться со мной. — Стебли глаз изогнулись, а озадаченный транслятор шипел и чавкал. — Поскольку такое общение неприятно для вас, как, в равной степени, и для меня, я попрошу, чтобы вы как можно короче изложили свое дело, чтобы

нам с ним побыстрее покончить. Знайте, что время, которое мы тратим на разговор, отнимается от времени, которое я мог бы потратить на раздумья. Необходимо разрабатывать и обновлять стратегическую доктрину, а я здесь один.

— Я это понимаю, — ответил Неван, — и мы приносим свои извинения.

Турлог нисколько не противоречил общепринятому мнению о неразговорчивости своей расы.

— Не расходуйте больше времени на попытки возместить мою занятость тщетностью расхожих выражений. Изложите ваше дело.

— Вы должны быть информированы, что моя спутница — историк с именем. Вас ознакомили с областью ее исследований?

— Говорилось что-то о предпринимающихся попытках дать письменный анализ взаимодействия Человечества с другими видами.

— Совершенно верно. — Пока Неван говорил, очарованная Лалелеланг рассматривала замечательное существо. Оно не было похоже ни на что, виденное ей прежде, вейса ли, чужака ли; оно было более чуждо по форме, по развитию, чем даже дышащие гелием чиринальдо.

— Я помогал ей в исследованиях, — говорил Страатиен. — Она выдвинула интересные гипотезы. — Ошеломленная, Лалелеланг положила кончик крыла ему на лоб. Никто из ее коллег не отважился бы на такое, но ей уже было все равно. Он отстранил крыло. — Она полагает, что после того, как Амплитур и их союзники будут побеждены, мы, Человечество, пойдем войной на наших бывших союзников, поскольку у нас будет отчаянная необходимость продолжать битву — не важно с кем.

— Полковник Неван!

Он подбадривающе улыбнулся.

— Все в порядке, Лалелеланг. Это же просто теория. Ведь приходится же иногда идти на провокацию с целью добиться ответа. — Он внимательно посмотрел на турлога. — Что вы об этом думаете?

— Интересную мысль вы изложили. Я не думаю, что она многое имеет под собой. Конечно же, я не был ознакомлен с данными, лежащими в основе этой теории. И если цель вашего посещения связана с тем, чтобы узнать мое мнение на этот

счет, вы уйдете отсюда, не узнав его. Я не имею склонности к анализу без фактов.

— Вы хотите сказать, что ни малейшим образом не заинтересовались гипотезой такой значимости, что, подтвердись она, и это окажет немаловажное влияние на будущее и вашей цивилизации?

— А с какой стати? — Подошвы существа издали скрежетание об пол. — Мы с вашим нецивилизованным видом вступили в самый поверхностный контакт.

— Нецивилизованным, но полезным, — ответил Страат-иен.

— Да вы себя не выделяйте. В силу своей замкнутости мы стараемся как можно меньше контактировать с кем бы то ни было. Мы считаем это, вашими словами, неизбежным злом. Мы и жизнь-то считаем неизбежным злом.

Страат-иен кивал.

— Но, тем не менее, с самого начала войны Турлог был в нее втянут и занимался планированием многих из классических сражений против Амплитура задолго даже до того, как Земля была втянута в бойню.

— А вы и сами истории поднабрались. Это не имеет отношения к делу и не стоит траты времени. Если нечего больше сказать, уходите.

Страат-иен склонился вперед.

— Я вас недостаточно заинтриговал? Попробуем другое. Недавно мне стало известно, что в битве за планету Хусилат принимали участие трое с Турлога.

Ответ последовал не сразу. Прозрачная внешняя стена была абсолютно звуконепроницаемой, и единственным звуком в помещении был шум трех совершенно по-разному устроенных организмов, занятых усвоением кислорода.

— Ну, и что из этого? — заявил, наконец, шестиног.

— Похоже, что они пережили налет и даже ухитрились избежать резни, которую криголиты учинили в разгромленной колонии.

— То же самое можно сказать о многих людях, гивистамах и массудах.

— У вас, турлогов, широкие интересы, как вы сами любите выражаться, и нечасто можно застать хотя бы двух из вас в одно и то же время в одном и том же месте.

Транслятор пыхтел и грелся.

— Итак, вам кажется необыкновенным, что сразу три представителя моего вида оказались на той несчастной планете. Да, раньше никто такого наблюдения не совершал.

— Не так давно мне довелось провести весьма любопытный сравнительный анализ и выявить кое-какие совпадения. Личная же мотивация для меня также весьма немаловажна, в отличие от среднестатистических ваших историков. Дело в том, что я — четвертое поколение возрожденных коссуутов.

Стебли глаз поднялись и снова опустились. Негибкое лицо, скрытое под панцирем, ничего не выражало, во вздутых глазах также ничего не читалось.

— Это проясняет природу вашего интереса к Хусилату. Если намерения, приведшие вас сюда, сводились к стремлению почерпнуть новую информацию, основанную на присутствии трех моих сородичей во время бойни, устроенной криголитами, то боюсь, что мне нечего будет добавить к этому печальному историческому факту, помимо того, что и так можно узнать из обычных источников.

— Подождите. Я только начал. Кроме того, турлоги присутствовали на Кобане, Эйрросаде и других мирах Узора, где мои генетически видоизмененные предки были впервые вынуждены сражаться против Узора на стороне своих амплитурских хозяев.

— Я не понимаю, к чему ведут ваши выпады. Турлоги присутствовали на большинстве оспариваемых планет, помогая Узору в разработке стратегии и тактики. Команды людей на этих мирах выигрывали от этого наравне с другими.

— Я этого не отрицаю. Так же, как невозможно отрицать, что турлоги редко попадали на спорных планетах в плен, как правило, благодаря тому, что предпочитали отсиживаться в безопасных местах, вроде этого. И случалось это всего несколько раз. И одним из подобных разов был Хусилат. А так же Кобан. И Эйрросад. И в каждом случае пленных турлогов позже выменивали на криголитов, мазвеков и других вражеских военнопленных.

— Мы очень благодарны, что нас так ценят и уважают, — медленно ответил турлог.

— Ну, конечно, конечно, а как же. — Теперь Лалелеланг не только на турлога, но и на своего спутника смотрела с нескрываемым удивлением. Что стоит за этим сарказмом — желание посмотреть на ответную реакцию? Или он задумал

что-то более существенное? Бесспорно, турлог думает о том же самом.

— Я не сомневаюсь, что именно благодаря проявленной ими высочайшей полезности Узор был так озабочен репатриацией плененных на Хусилате, Эйрросаде и Кобане ваших соплеменников. И еще на паре спорных миров. Еще меня поражает, что — подобно амплитурам — турлоги бисексуалы.

Ноги зашаркали.

— Для какой цели вы теперь погружаетесь в рассмотрение вопросов различных способов репродукции?

— Я точно не уверен. Я просто пытаюсь провести некоторые трудные, неприятные параллели, а это не просто. Также меня поражает, что все ваши сородичи были захвачены на планетах, где сражались мои предки, пока их не избавили от генетических махинаций, проделанных спрутами, — и всех их впоследствии репатриировали.

— Мы успели получить свою долю страданий в плену на мирах, даже не известных вашим предкам, задолго до того, как первые люди появились на Коссууте, Хусилате — и вообще в Узоре. Мы принимаем возможность пленения, как и все, кто активно вовлечен в поединок за обладание спорным миром.

— Очень достойно с вашей стороны. Только давайте заглянем в прошлое. Три турлога присутствуют на Хусилате, когда Криголит наносит удар. Три турлога попадают в плен, но все выживают и оказываются репатриированы, в то время как тысячи людей и массудов там зверски истреблены. Два турлога захвачены на Кобане — и со временем возвращены; то же самое — позже на Эйрросаде.

— Вы повторяетесь. Заканчивайте и убирайтесь. Я лишаюсь времени на размышление.

— А поразмыслите-ка вот над чем: похоже, что с тех самых пор, как начался процесс восстановления людей, которых Амплитур модифицировал в некое подобие ашреганов, некоторые турлоги были весьма и весьма заинтересованы, чтобы такие возрожденные были реинтегрированы в нормальное человеческое общество.

— Такие наблюдения относительны на фоне общей картины войны.

Страат-иен медленно покачал головой. Причина этого была совершенно не ясна.

— Все это прошло бы совершенно незамеченным, если бы я не был ознакомлен с исследованиями Лалелеланг. Без помощи ее программ корреляция между деятельностью коссутов и турлогов осталась бы не обнаруженной. Я бы даже не знал, какого рода вопросы задавать. Но самое забавное, что работали мы совершенно над другим. И то, что я натолкнулся на эти безотносительные совпадения, чистая случайность. У нас это называется методом тыка.

— Вы что-то не договариваете, — простонал транслятор.

— Единственное, чего я так и не понимаю, — сказал Страат-иен, — это чего надеялись получить турлоги, оркеструя стратегию Узора — и одновременно помогая Амплитуру в опытах над пленными людьми. Сдается мне, что кое-кто из ваших работал сразу на две цели.

Лалелеланг в шоке посмотрела на него. Непосредственной реакции со стороны турлога не последовало.

— Очень своеобразное наблюдение, — сказал, наконец, тот. — Но в одном отношении вы правы. Что мы могли получить от такого противоречия? Зачем кому-то поддерживать обе конфликтующие стороны?

— Так вот, я вынужден признать, что других таких видов я не знаю. Я подозреваю, что тут имеет место что-то связанное с тем фактом, что турлоги — единственные известные разумные существа, которые способны думать одновременно над двумя совершенно различными предметами. На такое даже амплитуры не способны.

— Ни один турлог на стороне Амплитура не сражается. Вы знаете, как нам омерзительно их великое Назначение — в той же степени, как и остальным членам Узора. Ваше крайне примитивное исследование должно было вам недвусмысленно это показать. — В словах турлога не слышалось злости или огорчения. С самого начала разговора тон его ни малейшим образом не изменился.

— А мои исследования показали мне, — продолжал Неван, — что из всех рас Узора наиболее вероятно, именно Турлог имеет свою собственную программу действий. И я надеялся, что в свете обнаруженного мной вы могли бы мне ее разъяснить. Чего на самом деле добиваются турлоги в результате Великой Войны? Ну же! Докажите мне абсурдность моих предположений. Покажите мне, где не верна моя статистика. Убедите меня, что мое заявление несостоятельно.

— Очень много вопросов. — Неясный силуэт турлога пошевелился. — Вам никогда не удалось бы ни в чем убедить высшее командование Узора.

— Вероятно, нет. Но, я думаю, что высшее командование Человечества более восприимчиво. Не забывайте: мы грубы и нецивилизованны. Гораздо более подозрительны и недоверчивы, чем были бы на нашем месте с'ваны или гивистамы.

Турлог устроился на чем-то, похожем на большую деревянную колоду, прикрепленную к полу, — но на самом деле это была гораздо более сложная конструкция.

— Вы совершенно правы, когда говорите, что никто не воспримет такие нападки всерьез, кроме вашего параноидального вида. Да и в роду человеческом немного бы нашлось таких, кто заподозрил бы такие жалкие взаимосвязи или хотя бы имел на это причины, кроме вас, непредсказуемых отпрысков возрожденных коссуутов. — Существо издало непереводимый звук — глубинное, всхлипывающее бульканье. — У вас всегда был потенциал мутить воду.

— О чем он говорит? — Лалелеланг резко обернулась к спутнику. — Что здесь происходит, полковник Неван?

— Да так, нашла коса на камень. Не беспокойтесь.

— Я удовлетворю ваше проклятое человеческое любопытство, — сказал Турлог, — после чего необходимо будет, как вы, я уверен, сами прекрасно сознаете, убить вас.

Лалелеланг была настолько поражена, что даже не задрожала.

— Вы не сможете этого сделать. Турлоги — цивилизованные существа. Среди Узора только люди и массуды способны убивать.

— Вы и понятия не имеете, на что эти «крабы» способны. — Страат-иен весь замер. — Хорошо известно, что наши друзья-турлоги — не самые дружелюбные существа, типа с'ванов или о'о'йанов. Или я не прав? — Он уставился на большой, плоский силуэт.

— Вы прекрасно знаете, что мы не любим даже общества друг друга. Если бы не нужда время от времени обмениваться информацией, мы все с удовольствием бы существовали в состоянии полного отшельничества. — Стебли глаз склонились в сторону Лалелеланг. — Вы совершенно правы в вашем предположении, что я не способен убивать на манер таких маньяков, как люди. Я не могу заставить себя воспользоваться

ружьем, или заостренной палкой, или тупым тяжелым предметом.

Лалелеланг ответила на высокочастотном, но вполне разборчивом турлогском.

— Я по-прежнему не понимаю, что здесь происходит. Если вы уверены, что никто не поверит тезису моего друга, то почему тогда эти разговоры об убийстве?

— Мера предосторожности. Мы народ предусмотрительный, хотя проявляется это не настолько, как нам хотелось бы полагать. — Один глаз он перевел на Невана. — Очень трудно скрывать все. Каждый факт, каждый статистический элемент. Историческое совпадение сложно скрыть. Я сожалею, что ваши выводы исчезнут вместе с вами.

Лалелеланг медленно перемещалась, пока тяжелая, мускулистая фигура ее спутника-человека не оказалась между ней и турлогом.

— Вы сказали, что удовлетворите любопытство моего спутника. Я по-прежнему не вижу никаких признаков этого.

Она еще тянет время, подумал Неван. Как пикантно.

— Сказать, как говорит человек, что мы недружелюбны, — значит самым печальным образом недооценить нашу психологию. — Турлог пристально посмотрел на Страат-иена. — Ваше откровение было случайным.

— Многие великие открытия делаются случайно, — ответил Неван.

— А еще большее их число никогда не делается. И лучше бы вам было в этот раз проглядеть. Неужели вы на самом деле думаете, что можно спуститься сюда, напасть на меня с этим, а потом спокойно уйти и рассказать другим?

— Мне нужно было подтверждение. Засветиться со всем, что я уже знаю, было лучшим способом выманить вас из норы.

— А теперь вы полагаетесь на свое человеческое военное искусство, чтобы вырваться. — Тяжелый жест клешней. — Вы, люди, лучшие воины во Вселенной, известные Узору, но вы не боги. Вы не всемогущи. Мы оба знаем, что живым вы из этой комнаты не выйдете.

— А что, если я сообщу вам, что целый взвод людей стоит в полной боевой готовности уровнем выше, и, если я не свяжусь с ними к определенному времени, они будут штурмовать эту комнату?

— И что они сделают? Убьют меня? Я прожил несколько

сотен ваших лет и не испытываю страха перед смертью. Мы рассматриваем жизнь, как тяжкое бремя, опыт, который нужно вытерпеть, а не смаковать. Вероятно, причина этого в том, что мы осуждены слишком страдать от жизни, будучи заключены в физическое облачение, плохо приспособленное для наслаждения ей. В любом случае, ваша игра тщетна. У меня есть средства, позволяющие фиксировать все, что происходит в помещениях, непосредственно прилегающих к моим покоям. Под вашим командованием нет никакого скопления озверевших людей, ждущих вашего сигнала, чтобы растерзать меня.

Страат-иен пожал плечами.

— Согласен: это блеф. Но я бы не пришел сюда, если бы не был уверен, что смогу уйти.

— Блеф на блефе, — проворчал турлог. — Ключ на ключе. Странная вещь — ключи. Когда они теряются, всегда потом оказывается, что были они где-то рядом. — Глазной стебель поискал притаившуюся Лалелеланг.

— Все это совсем не сложно, историк. Одна из немногих вещей, которую турлоги любят и охраняют, — уединение.

— Но никто, если этого можно избежать, не посещает добровольно ваш мир, — ответила она, — и сами вы никогда не проявляли интереса к освоению иных планет. Контакты между турлогами и другими расами и так сведены к минимуму.

— Нет, вы не поняли. Это ваш высокий спутник смог разгадать это. Мы любим уединение. Как нас ни мало, но наша родная планета кажется нам слишком перенаселенной. И Галактика слишком перенаселена... и слишком негостеприимна, слишком шумна. Блеск, какофония, суета — вот суть того места, где мы вынуждены делить с другими наше обиталище. Лишь в невообразимо далеких просторах пустоты и тишины находим мы искомое личное одиночество. Самым большим нашим сожалением во все времена было то, что мы не способны выжить в вакууме, поскольку, если бы мы могли, то неизбежно бежали бы в великую пустоту между галактиками.

Наша же, — продолжал турлог, — просто роится другими разумными существами. Постоянно размножаясь, они расползаются повсюду, заполняют первозданные незаселенные миры, лишая радости одиночества единственных, кто мог бы ее воистину оценить, загрязняя чистый эфир своими подпространственными переговорами и судами. Триллионы и триллионы их — дышащих, кормящихся, плодящихся. — Го-

лос турлога становился все более расплывчатым. — Одна беспредельная, громоздящаяся чудовищность мыслящей плоти.

Такого излияния Страат-иен не ожидал.

— Но вы же не хотите сказать, что Турлог имеет отношение к развязыванию Великой Войны?

— Нет. Это был бы нецивилизованный жест. Мы поддерживаем войну, потому что, как и все мыслящие существа, не имеем желания быть водворены в это метафизическое Назначение Амплитура. Условно, мы не были разочарованы их появлением.

— Это кощунственно. — Негодование пересилило в Лалелеланг страх.

— У нас, как совершенно справедливо подметил ваш спутник, совершенно различное видение. Учтите, что из всех разумных существ только турлоги могут одновременно размышлять над двумя вещами. Война показалась нам очень полезным способом замедления, а может быть, и сокращения неконтролируемой экспансии назойливых жизненных форм. Обширные межвидовые конфликты снижают прирост населения и оттягивают ресурсы от освоения блаженно пустых миров. А это, вкратце, способствует уединению. Так оно и случилось, чем мы весьма удовлетворены. Мы приветствуем многотысячные потери с обеих сторон. Было бы гораздо приятнее, если бы были задействованы средства массового уничтожения, и мы, по мере возможности, пытались подвести к их использованию, но Амплитур хочет преобразовать жизнь, а Узор — сохранить цивилизованный мир. И это достойно сожаления. Лишь в одном случае удалось нам заставить атакующих преодолеть нежелание, вызванное предубеждением против уничтожения в удовлетворительных масштабах.

— Хусилат! — воскликнул Страат-иен. — Вы ответственны за случившееся на Хусилате.

— Нет. Помутившиеся криголиты несут ответственность за Хусилат. Наши рекомендации дальше не пошли. В конце концов, те, кто превысил свои командные полномочия, были привлечены к ответу Амплитуром. Как жаль, что они такие цивилизованные.

Неван изучающе глядел на турлога.

— Итак, вы советуете Узору по вопросам стратегии и тактики, а потом передаете информацию Амплитуру, чтобы те смогли принять должные контрмеры? Исследования

привели меня к тому, что именно так обстояло дело на Хусилате, но у меня не было доступа к достаточной статистике, чтобы понять, насколько это была широко распространенная практика.

— Именно так мы поступаем при первой возможности. И достойно прискорбия, что мы не можем участвовать в каждом бою, в каждой рекогносцировке. И действовать мы также вынуждены ненавязчиво, чтобы не было замечено, что мы играем на обе стороны в ущерб каждой из них. Мы и предположить не могли, что первым, кто это подметит, будет человек. Какой прилив восторга мы испытали, когда ваш вид был втянут в войну! Первоначально ведь нам приходилось дополнительно страховаться, чтобы Амплитур и в самом деле не выиграл войну. Впоследствии же вы очень помогли очистить этот переизбыток от множества роящихся существ.

Теперь же, — продолжал турлог, — проблема заключается в том, что ваш собственный вид излишне преумножается, и уже над Узором нависла опасность стать победителем. У нас трудности с вашим обузданием, но мы что-нибудь придумаем. Война, по мере того как она тянется, ослабляет обе противоборствующие стороны. Ваши перенаселенные так называемые цивилизации споткнутся и упадут. И мы с гордостью предвкушаем вашу полную взаимную аннигиляцию. Нам не нужно владычество — нам нужно отсутствие тех, кто владычествует. Лишь тогда Турлог вновь познает истинное уединение. Только тогда мы снова заживем мирно и одиноко.

— По-моему, вы и сейчас совершенно один, — сказал ему Страат-иен. — Вы здесь изолированы сильнее, чем вам кажется.

— Я чувствую в ваших словах сарказм вместо сопереживания. — Турлог слегка двинул свою тушу. — Время разговора подошло к концу.

Неван напряг пальцы.

— Вы грузны и неповоротливы. У меня нет оружия, но я и так разорву вас на части.

— У меня под панцирем внизу кнопка, которую я могу нажать, чуть просев. Хочу заострить ваше внимание на том, что в настоящее время мы находимся в герметично запечатанном помещении. А также, вам, может быть, известен тот факт, что благодаря очень замедленному метаболизму, турлоги выживают, пусть и не очень длительное время, при понижен-

ном атмосферном давлении, которое губительно для всех прочих форм живых существ, дышащих кислородом. Я вовсе не подразумеваю под упоминанием об этих обстоятельствах ничего, что можно было бы рассматривать в том же свете, как, скажем, извлечение предмета, разработанного специально для уничтожения других живых существ, будь то нож или ружье. Я просто довожу до вашего сведения, что если вы сделаете движение в мою сторону, я расслаблюсь. Кнопка, о которой я вам поведал, окажется нажатой, что приведет к одновременному запечатыванию входной двери, через которую вы сюда проникли, и откачиванию воздуха в той степени, которая будет неприятна для меня, но смертельна для вас.

— Но вы ведь этого не сделаете. — Страат-иен смотрел в выпученные окуляры.

— Не сделаю? — Тело в тяжелом панцире немного осело, Лалелеланг резко глотнула воздух. — Почему не сделаю?

Глаза Невана не моргали, голос был ровный и холодный.

— Потому что я вам говорю, что вы не можете.

Турлог чуть заметно задрожал. Транслятор заскрежетал:

— Я... собираюсь...

— Не собираетесь. — Неван сделал шаг вперед, Лалелеланг метнула на него безумный взгляд. — Вы сделаете следующее: подниметесь очень осторожно с предмета, на котором сидите верхом, и отойдете влево, так, чтобы оказаться рядом с иллюминатором. После этого вы будете стоять там, пока я не скажу вам делать другое.

— Я... не... — Глазные стебли бегали в явном возбуждении. Турлог поднялся и тяжело просеменил к окну до потолка, так же неохотно, как борец сумо, покидающий татами по решению рефери. На пластинах панциря заиграли блики рассеянного солнечного света.

Хохолок Лалелеланг был полностью поднят, переливающиеся перья светились в нездоровом свете.

— Он сделал в точности, что вы приказали, Неван. Почему?

— Не сейчас, — рассеянно ответил он и направился к турлогу. Тот ждал его у окна, не в силах сойти с места.

— Вся команда турлогов занята двойной игрой? Отвечать!

Клокочущий ответ раздался не сразу. Турлог говорил помимо своей воли.

— Нет. Те, кто выбран в этом участвовать, стараются дей-

ствовать согласованно. Другие же тяготеют к традиционной изоляции и предпочитают не иметь контактов ни с одной из сторон.

Страат-иен издал удовлетворенное рычание.

— Значит, не весь вид повинен целиком. И то уже что-то. — Он удвоил концентрацию.

— Прекратите... это, — промямлил турлог.

— Вынужден. — Неван не отрываясь смотрел сосредоточившись на хозяина.

— Вы... как амплитур.

— Заткнуться! — После того как все его подозрения и страхи подтвердились, Невану было не до нежностей. Он знал, что Лалелеланг пялится на него, открыв клюв от удивления, но не мог даже на секунду перевести на нее взгляд. То, что он делал, требовало полного внимания.

Сфокусировать усилия помогали память и знание. Хусилат, его прадеды, погибшие родственники, которых он не знал, о которых уже не узнает. И большая часть этой муки — по вине двуличных турлогов. Но не случись Хусилата, не было бы и Возрожденных, не было бы бесценного Раньи-аара, не было бы пробуждения дремлющего в Человеке таланта, равного амплитурскому. Вероятно, так оно было бы и лучше. Откуда ему знать? И никто не узнает. Дар раскрылся, стал реальностью, передавался из поколения в поколение, и тем, кто обладал этим даром, приходилось им пользоваться. Хорош он или плох, но ни его, не возможностей им открываемых, игнорировать нельзя.

Он решил начать с глазных стеблей и добраться до жизненно важных органов. Вопросы, конечно, возникнут. Много вопросов. Турлоги высоко уважаемы. Но он найдет выход, изобретет удовлетворительные предлоги.

Гибкое крыло схватило его, встряхнув его разум, если не руку.

— Вы не можете. Это турлог, цивилизованное существо.

— Предатель. Он предал вас, меня, весь Узор. Не лучше криголита или мазвека, — жестко ответил он. Она увидела убийственный блеск в его глазах и отпрянула. — Он должен умереть.

— Будут вопросы.

— Я разберусь с ними, где бы они ни подняли голову. С такими нужно разбираться. Другого пути нет.

Он склонился вперед. Парализованный турлог дрожал, но убежать не пытался. Не мог. Импульс, вложенный Страат-иеном в его сознание был непреодолим. «Хотя...»

Он ведь может избавить ее от сцены насилия, осознал он. Он выпрямился и обратился к беспомощному противнику властным тоном.

— Встреча прошла очень интересно. Мы высоко ценим высказанные вами мнения, а вы, несомненно, оцените наши. Вы согласны?

Турлог ответил без промедления.

— Да... Очень... интересно.

— Иногда бывает полезно, чтобы представители различных видов обменивались мнениями, хотя бы и по самым незначительным поводам. Не так ли?

— По незначительным поводам. — Турлога пошатывало. — Это очевидно.

— А теперь нам пора. — Страат-иен повернулся и направился к выходу. Пришибленная, но все воспринимающая Лалелеланг засеменила рядом. — После того, как мы уйдем, вы обнаружите, что дальнейшее существование не имеет для вас никакого смысла, и примете должные меры к исправлению этого положения. Спасибо за то, что уделили нам время.

— Заходите еще.

* * *

Турлог двинулся обратно к возвышению на полу. Лалелеланг напряглась, когда он протянул тяжелую конечность к невидимым кнопкам, но он просто открыл дверь.

Дверь закрылась за ними тут же. Они снова были в подземном коридоре.

Она дождалась, когда покажется лифт.

— А как ты можешь быть так уверен?

— Уверен в чем? — Он шел рядом с ней, глядя прямо перед собой, выражение на лице мрачное, мысли неизвестно где. Необходимо будет оповестить Ядро о предательском двурушничестве определенных турлогов. Этих конкретных антисоциальных чужеземцев нужно обработать, как он только что обработал их представителя на Чемадии. Надо будет послать или перевести на соответствующие позиции людей. Операция будет нешуточная и займет много времени, но все же

менее рискованная, чем пытаться устранить изменников всем скопом. Физическое насилие такого масштаба неизбежно привлечет к Ядру слишком много грубого внимания.

Кроме того, в этом нет необходимости. Те турлоги, что орудуют в составе сил Узора, доступны для индивидуального подхода и дознания. А потом, если необходимо, можно с ними и разобраться. Простое изменение посредством ментального внушения системы взглядов выявленных двурушников будет более чем неадекватным решением: оно не исключает опасности того, что Амплитур снова вступит в контакт с бывшим союзником, обработанным таким образом. Весь этот древний заговор должен быть устранен без следа, так, чтобы Узор и не догадался о его существовании.

А для этого необходимо, чтобы несколько членов Ядра провели правильное внушение.

Лалелеланг оглядывалась вдоль прохода.

— Как вы можете быть уверены, что теперь, после того, как мы ушли, он не вернется к прежним мыслям и не будет действовать, как прежде?

— Потому что знаю это из моего предшествующего опыта. Он подчинится моим указаниям.

— А он не вспомнит, что вы с ним проделали и не примет контрмеры?

Он коротко покачал головой, зная, что этот жест ей знаком и она его поймет.

— Если он попробует припомнить наше посещение, то его посетят смутные и расплывчатые воспоминания ни о чем особенном. Со временем он перестанет пытаться вспомнить. — Тон его был зловещим. — И тогда он исполнит мое последнее предписание.

Двери лифта раздвинулись, они вошли.

— Вы совершили насилие над его сознанием.

Он нажал кнопку того уровня, на который им было нужно. Двери закрылись, и кабина двинулась вверх.

— Нет. Я просто ему это внушил, а он воспринял.

Она очень остро ощущала, что в кабине они совершенно одни. И, однако, он не двинулся на нее.

— В точности так же, как вы «внушили» ему убраться от кнопки для снижения давления и застыть без движения у окна? Это гораздо больше, чем простое внушение. Он не мог сопротивляться вам. Он был беспомощен.

— Я могу говорить очень убедительно, — сказал он ей, понимая, что никакими словами не сотрет в ней того, что она видела собственными глазами.

— Тут дело было не только в искусных словах. У турлога еще хватило здравого смысла, чтобы распознать это. Он успел сказать, что вы воздействуете на его сознание, как амплитур. Вы обработали его так же действенно, как если бы на вашем месте был амплитур. — Учитывая положение, в котором они находятся, она очень хорошо владела собой. Он не мог этим не восхищаться. — Полковник Неван, кто вы?

Он вздохнул.

— Это дар, которым обладают очень немногие из нас. И все — потомки возрожденных коссуутов. Вы помните суть амплитурского эксперимента — они видоизменили захваченных в плен человеческих детей, заставив путем генетического вмешательства в мозг и тело поверить, что они представители Ашрегана, и драться на своей стороне. Когда же великий Раньи-аар, первый ашреган-человек, захваченный Узором, добился хирургического восстановления своего человеческого Я, произошла перемена, которую не предвидели ни восстановленные, ни хирурги-гивистамы, проводившие операции. Амплитуры вставил в мозг каждого человеческого ребенка с задницей ашрегана по специально разработанному нервному центру. Этот нервный центр был специально рассчитан на то, чтобы блокировать способность человеческой психики сопротивляться проникновению в нее амплитуров. Гивистамские же хирурги искусственно отсекли этот придаток от остальных участков мозга. Они думали, что этого хватит раз и навсегда, но недооценили заложенную в амплитурской органической инженерии сопротивляемость.

Без ведома хирургов и кого бы то ни было, нервные связи спонтанно регенерировались. Но вместо того чтобы прирасти нервными окончаниями опять туда же, куда это предусмотрели амплитуры, этот искусственный нервный центр проник и прирос к другому, ранее не задействованному участку головного мозга человека. И тем самым был активизирован такой человеческий талант, о котором ранее и не подозревали. Оказалась задействованной своего рода способность «внушать» другим разумным существам, подобная той, которая всегда была у амплитуров. В случае с нами их хитроумная генетическая манипуляция ударила по ним самим.

Так же, как и амплитуры, мы не в состоянии «внушать» представителям собственного вида. И — в отличие от них — мы не можем связываться друг с другом телепатически. Зато, насколько мы понимаем, полностью восстановилась наша способность не поддаваться их вмешательству. И в этом смысле мы более совершенны и, следовательно, более опасны, чем они. Но только для них и их союзников.

Мы очень разборчиво подходим к тому, когда и где можно применить нашу способность. Очень разборчиво. Вы видели пример тому во время битвы за возвращение дельты, когда сержант Коннер убедил отделение массудов вернуться на поле боя.

— А, так вот почему вы неоднократно меня об этом расспрашивали.

Страат-иен кивнул.

— Я сказал ему, что вы ничего не подозреваете, и это была правда. В то время. — Он оценивающе посмотрел на нее. — Я не ожидал, что турлог сможет угрожать нам обоим в той степени, чтобы я не мог справиться с ним физически. Но когда такое произошло, у меня не оставалось другого выхода — только внушение. Ни на что другое просто не было времени.

Совершенно спокойный, он нажал кнопку «стоп». Лифт замер между уровнями. Она смотрела, как он поворачивается к ней лицом.

— К сожалению, вы увидели сегодня более чем достаточно, чтобы понять, что происходит, даже если бы турлог и не подсказал вам ключ к истине. И теперь, когда вы заставили меня все объяснить и сами все поняли, что, по-вашему, мне надлежит сделать с вами? — Кулаки его сжались, мускулы напряглись в ожидании. Что она теперь могла сделать?

Она молчала, но мозг ее бешено работал. Ответ ее был для него полной неожиданностью. Но ведь, так долго проведя в ее обществе, столько пронаблюдав за ней, он мог бы и предположить, что скажет она что-то из ряда вон выходящее.

Она не стала умолять сохранить ей жизнь, не стала пытаться изложить свою точку зрения. Она и не попыталась с ним спорить. Она просто сказала:

— Разрешите мне изучать вас!

— Простите?

— Изучать вас. Ваш народ, видоизмененных людей. Ведь им необходим историк. Тот, кто сможет неявно наблюдать за

ними, фиксировать их деятельность, и это не может быть другой человек, который обязательно по нелепости засветит их перед остальным Узором, не говоря уже об остальной, неусовершенствованной части Человечества. Посторонний, со специальной подготовкой, способный пронаблюдать, проанализировать, внушить что-нибудь полезное... отнюдь не насильственно.

— Сами себя изучим, — проворчал он.

— Но не так, как сможет не-человек. Я могу предоставить взгляд со стороны на ваше состояние и развитие, которого вы иначе не получите. И кроме того, могу поспорить, что среди вас нет ни единого ученого-социоисторика.

— Я ни об одном не знаю, — взорвался он, — но это же не значит...

— Конечно, значит, — быстро перебила она. — Вы все обучены военному ремеслу, ведению боя. Этому всех людей обучают испокон веков. Так и должно быть. И у вас нет ни времени, ни навыков, чтобы должным образом рассмотреть себя. Понимаете? Очень многое можно познать.

— И, я полагаю, именно вы этим и займетесь?

— А кто лучше меня к этому подготовлен? Кто среди представителей других рас больше времени потратил на ваше изучение? — Внезапно он понял, что ее возбуждение вызвано желанием, а не страхом. — Я вижу это, просто как продолжение той работы, которую я уже и так веду. Очень интересное продолжение.

— Смертельное продолжение.

— Задумайтесь, какую неоценимую роль может это сыграть для вашего народа, — горячо спорила она. — Я могу быть рядом: наблюдать, записывать, анализировать. Это даст вам качественно отличную картину вашего развития.

Он прислонился к стене кабины.

— А когда вы решите, что фактов накопилось достаточно, то в один прекрасный день исчезнете и откроете все ваши изыскания Узору, и они устроят нам погром.

— Нет! — Ярость в ее голосе поразила его. Поразила она и ее, но она не извинилась и не отступила. Вот один из тех моментов, подумалось ей, когда полезно бывает перенять некоторые из человеческих качеств, изученных ею. — Я этим буду заниматься не только ради вас, но и ради себя. И я абсолютно все, записи и прочее, буду отдавать под ваш непосред-

ственный контроль. Кроме того, — стойко заявила она, — до тех пор, пока я работаю в сопровождении вас, убить вы меня в любой момент успеете. Мне кажется, что я, в данном случае, рискую гораздо больше вас.

Довольно долго он не мог вымолвить ни слова и только смотрел на нее в немом восторге.

— Записи легко скопировать, — вымолвил он, наконец.

— Я буду все оригиналы тут же отдавать вам на хранение, как только они будут сделаны.

— Вы торгуетесь ради спасения собственной жизни.

— Я спорю ради предоставившейся уникальной научной возможности, — возразила она. Как он ни пытался, но не мог убедить себя в том, что она хоть в чем-то лжет. — Если бы не так, разве бы я предложила находиться все время в непосредственной близости от вас? — Гребешок ее, наконец, расслабился. — Это было бы величайшим достижением моей профессиональной карьеры. Наконец-то после меня осталось бы что-то действительно полезное. У вас на сохранении, конечно.

— Я не очень...

Видя его колебания, она отважилась на последний свой аргумент.

— Не забывайте, что в любой момент вы можете внушить мне, чтобы я все забыла о сегодняшнем. Вы даже можете внушить, чтобы я забыла вообще все, что знаю. Вы можете внушить, чтобы я убила себя, как сделали это с турлогом. — Ее певучий, дрожащий голос смягчился. — Насколько я разобралась, вы вполне могли уже внушить мне это, заронить в сознание. Но я все равно стою здесь и предлагаю вам помощь и доверие.

Она ухитрилась предвидеть все — от возможных возражений до зримых альтернатив. Ему тяжело было поспевать за ходом ее мысли. Впервые он осознал, какой воистину небывалый разум скрывается за этими бледно-голубыми глазами, птичьей головой, откровенно декоративными перьями.

— Но вы могли бы убить меня, — пробормотал он, — и улизнуть с полученными знаниями.

Она издала свистящий смех.

— Я же вейс. — Неужели вы искренне способны представить меня, несмотря даже на все, что я пережила, замышляющей и претворяющей в жизнь план убийства человека? И

даже если бы я настолько рехнулась, чтобы попытаться, неужели вы думаете, что не смогли бы остановить меня?

— Извините. Ставки слишком велики, и я вынужден рассматривать всякую возможность.

— Я знаю. — Она откровенно ему сочувствовала, и от этого было только тяжелее. — Позвольте мне сказать вам, что вы в настоящее время испытываете. Вы чувствуете себя в изоляции — как от нормальных людей, так и от вашего особого вида. Вы уникальны. Как, в своем роде, и я. Мы оба в изоляции, полковник Неван. Вы — по генетическому предопределению, я — по выбору профессии. И если каждый окажется в состоянии понять ситуацию другого, то это позволит нам работать вместе ко взаимной выгоде.

— Вы сумасшедшая, вы знаете? — пробормотал он.

— Нет. Я просто из тех, кто полностью посвятил себя своему призванию. И я вижу уникальную возможность записать и изучить одно из интереснейших явлений в развитии межрасовых отношений за последние тысячелетия. Я не думаю, что это повод рядить меня в тогу сумасшедшего. Может случиться даже так, что подобные вам и представляют из себя тот самый необнаруженный фактор, который позволит отмести мою пессимистическую гипотезу.

Он моргнул.

— А как это возможно? Я же говорил вам, что на других людей мы воздействовать не можем.

— А кто вправе говорить, что вы можете, а что — нет? Каким образом ваш народ может или не может влиять на пути развития Галактики? В настоящее время ваше присутствие на общественной сцене Узора хрупко и запретно. Но кто может сказать, как и когда это может измениться? Вы представляете из себя совершенно новую составляющую социальной эволюции. Никто не может сказать, в каком направлении может в будущем сказаться ваше влияние, а тем более, когда кончится война.

В каждом новом поколении ваш талант может усиливаться или ослабевать. Невозможно предсказать. Можно только записывать и изучать, анализировать, с тем, чтобы вы как можно лучше были подготовлены к тому, что может произойти. Так позвольте мне, которая способна предложить кое-что из того, что не могут сделать ваши сородичи, поуча-

ствовать в этом. Я нужна вам, полковник Неван. Вам и вашему народу понадобится мой взгляд.

Хрупкая, оперенная, пышно украшенная фигурка выжидательно смотрела на него. Он знал, что одной рукой может свернуть тонкокостную, гибкую шею, так же, как мог внушить ей, что, выйдя на поверхность, следует первым делом утопиться в море или прыгнуть с крыши самого высокого здания. Она беспомощна перед ним — физически и ментально.

Вот только... слова ее не лишены смысла.

К тому же он в любой момент может убить ее и потом, придумав более тонкий подход.

— А вы не боитесь оставаться рядом со мной, зная, что я в любое время могу от вас избавиться или внушить, чтобы вы сделали это сами?

— Конечно, боюсь. Я одержимая, но не тупая. Но вся моя жизнь состояла из риска в интересах дела. И едва ли я изменилась. — Страат-иен подумал, что так, обычно, говорят люди.

— Я буду следить за вами ежеминутно. И если мне покажется, что вы затеяли побег или решили хоть словом проболтаться о том, что узнали...

Голова ее качнулась, она оборвала его.

— Я знаю. По-иному было бы глупостью с вашей стороны.

Он протянул руку — и она инстинктивно сжалась.

— Уважаемый ученый-историк Лалелеланг с Махмахара, добро пожаловать в Ядро.

Негибкий клюв не позволял ей улыбнуться, да она и не собиралась. Крылья и тело, шея и глаза, перья и ресницы — все закрутилось в самых отточенных жестах, выражающих восторг.

Большинство из них, конечно же, прошли впустую для невосприимчивого представителя Человечества.

Глава 12

Все на базе были огорчены и шокированы, когда обнаружилось, что проживающий там турлог умышленно проломил перегородку, отделяющую его покои от подводной части бухты, и в одиночестве утопился в хлынувшей внутрь морской воде. Все не преминули вспомнить, что турлоги —

существа неимоверно меланхоличные, широко известные своим разочарованием в жизни, как таковой. Хотя самоубийства среди них случались не часто, прецеденты были. Командование Узора по долгу службы было опечалено потерей стратегического советника.

Амплитур, со своей стороны, тоже погоревал об утрате одного из самых ценных двойных агентов в военной структуре Узора — погоревал и забыл. Такие потери хотя и были достойны сожаления, но в целом оказывали незначительное влияние на ход великого противостояния.

Страат-иену приходилось все время убеждать себя, что он принял верное решение. Благодаря всему, что они пережили вместе с Лалелеланг, он доверял ей, насколько член Ядра вообще может доверять постороннему. В каком-то смысле с ней было даже проще, чем если бы на ее месте был человек не из Ядра. Но он постоянно следил за ней и в результате своего выбора никогда не мог почувствовать себя до конца спокойно.

Однако же, как она и указывала, он в любой момент может исправить ситуацию, было бы желание.

Она очень заботилась о том, чтобы не вызывать у него ни малейших подозрений, и работала постоянно в непосредственной близости к нему. А также аккуратно записывала для него все свои нечастые разговоры по подпространственной связи, а он тайком прогонял их через большую систему дешифрующих программ. Каждый раз все оказывалось чисто. Она не делала попыток послать на родную планету тайных зашифрованных посланий. Большая часть того, что она передавала, состояла из общих фраз и традиционных приветствий сестрам по триаде.

Вдобавок ко всему, ему в конце концов пришлось иметь дело не только со своими, но и с чужими подозрениями.

Было неизбежно, что рано или поздно ее придется представить другим членам Ядра на Чемадии. Всего таковых имелось четверо: сам Неван; младший капрал Мак-Коннел; штабс-капитан Инес и недоверчивый сержант Коннер, который в настоящее время принимал участие в боях и присутствовать не мог. Все они и составляли представительство Ядра на Чемадии.

Сидя на узкой полоске пляжа у единственного мелководного участка бухты, они разглядывали своего короткого, мускулистого коллегу почти с такой же подозрительностью, как

и миниатюрную, тощую вейсскую самку, сидящую сбоку и поигрывающую своими замысловатыми украшениями.

— Никак не могу поверить, что ты ей все рассказал. — Хотя капитан Магдалина Мария Инес была едва ли крупнее Лалелеланг, она могла бы стереть ее в порошок, даже не вспотев. Произнося это, капитан без малейшего уважения взирала на историка. Лалелеланг отработала прием, позволяющий ей полуприкрывать глаза и делать вид, что она с полным вниманием воспринимает то, что говорят люди. Это позволяло ей лучше переносить хамские, нервирующие, убийственные людские взгляды.

— Она там была, — объяснил он. — Она задавала вопросы. Рано или поздно она сама догадалась бы об остальном. И, как я уже объяснял, у меня были причины посвятить ее в остальное. Я считаю ее аргументы вескими. Она может быть нам полезна.

— Мог бы попытаться скрыть. Сказал бы ей что-нибудь еще, объяснил чем-то другим. Сказал бы, что у тебя одного такой дар. — Мак-Коннелл был самым молодым из трех, но мнение его было не менее значимым, чем мнения остальных.

— Нет, — покачал головой Страат-иен, — рано или поздно она сама бы выяснила. У нее слишком хорошо получается прослеживать взаимосвязи. Я же говорил: Коннер боялся, что со временем она выведет что-нибудь из его столкновения с массудами. Лучше уж так.

— Особенно, если убить ее, — спокойно добавила Инес.

Лалелеланг сохраняла спокойствие. Страат-иен ее к этому готовил, и она никак и ни на кого не могла тут повлиять.

Он привлек внимание товарищей.

— Я считаю подобное расточительством. Я уже упоминал о ее тезисе, с которым не согласен.

— Нет, только представьте, чтобы мы напали на массудов или на гиви! — Мак-Коннелл издал недоверчивое фыркание.

— Она делает доброе дело. Именно это я и называл необходимостью взглянуть на себя со стороны. Ядру это принесет немало пользы. Уверяю вас, что она в этом заинтересована чисто профессионально. — Он глянул на Лалелеланг. — Взгляните на нее. Вы думаете, она тут сидит и думает, проголосуем мы за ее казнь или против? — Мак-Коннелл и Инес невольно повернули головы в сторону безобидного вейса. — Нет. Она сидит и горюет из-за того, что я запретил ей при-

нести на наше собрание аппаратуру для записи. И если мы проголосуем за то, чтобы убить ее, она будет жалеть лишь о том, что и этого не сможет записать. В ней нет ничего, кроме независимого духа исследования, упрятанного под ворох перьев.

— Я не знаю... — Инес осталась при своем мнении.

— Она даже полагает, что наше существование может оказаться сдерживающим фактором в предвидимых ею агрессивных устремлениях Человечества в послевоенный период.

Инес заморгала, глядя на полковника.

— Если, конечно, сначала согласиться с достоверностью ее безумной теории, то все равно, как мы, интересно, могли бы это сделать? Ты ведь ей, должно быть, объяснил, что на других людей мы влияния не имеем.

— Она настаивает, что мы не можем сами знать все до конца о себе и своих способностях. И с этим не поспоришь. Восстановление произошло всего несколько поколений назад. Кто может сказать, что разовьется или не разовьется со временем? Мы ведь и сейчас не прекращаем учиться. Мне на ум приходит множество соображений, по которым безопаснее и полезнее получить точку зрения не-человека на дело Ядра, чем, скажем, человека не из возрожденных.

Мак-Коннелл кивал.

— Мой опыт, конечно, меньше вашего, сэр, но я вижу смысл в вашем предложении. Если только она не врет и если ей можно полностью доверять.

— Я уже объяснил, какие принял меры предосторожности, — ответил Страат-иен. — Она знает, что я могу убить ее в любой момент, когда мне заблагорассудится, или заставлю покончить с собой. Она знает, что любой из вас может убить ее или внушить ей то же самое, независимо от того, хочу я этого или нет.

— Что правда, то правда, — отчетливо прошептала Инес.

Лалелеланг расслышала и распознала скрытую угрозу, но квалифицировала ее как абстрактные научные данные. Если удается свести все аспекты нецивилизованной деятельности людей просто к научным фактам, то можно слегка отстраниться эмоционально от их маниакального поведения. Это было частью разработанного ею по необходимости искусства выживания.

— И тем не менее, вот она сидит, тихая и сосредоточенная,

а трое людей дебатируют — прикончить ее или нет. Она разве о чем-нибудь к нам взывает? Или пытается убежать? Нет. И знаете почему? — Страат-иен улыбнулся. — Потому что она хочет только одного — помочь нам, а также потому что, хотя мы и настояли, чтобы она не брала с собой аппаратуру, она все равно сидит и работает, все равно наблюдает. Она не заинтересована в том, чтобы нас выдать. Потому что, если она так поступит, она лишится возможности нас изучать.

Инес и Мак-Коннелл обменялись взглядами. Капитан обратилась к старшему.

— Ты старше нас, полковник, и по званию и по опыту. Что скрывать, не очень-то мне приятно такое развитие, но в твоих доводах смысл имеется. И если ты поручаешься за ее благие намерения, если ты уверен в этой чужачке, тогда я уступаю твоему мнению.

— Я тоже, — с готовностью добавил Мак-Коннелл.

Лалелеланг ничего не сказала, ничем не выдала себя, но внутри почувствовала облегчение. На этом мирном, холодном пляже, в окружении безоружных, беседующих людей она была ближе к смерти, чем во время обоих посещений поля битвы, предпринятых ей за свою жизнь.

Страат-иен также позволил себе расслабиться.

— Я рад, что вы согласились. Не думаю, что об этом решении придется пожалеть когда-нибудь нам или нашим сородичам.

— А турлоги-то! — сказала Инес со смешанным выражением злости и недоверия. — Подумать только! Играли на две руки — разрабатывали тактические планы для нас и тут же сообщали их врагу — с тем только, чтобы добиться общего снижения численности разумных существ и создать себе условия для «уединения». Такого вероломства и от Амплитура не дождешься!

— Они ничего не могли с собой поделать, — объяснил Страат-иен. — Такая уж у них природа. К счастью, число участников, похоже, невелико. Я уже успел провести кое-какую последующую проверку, и тут спасибо Лалелеланг за помощь. — Мак-Коннелл и Инес с одобрением посмотрели на вейса. — По причине этой своей нездоровой любви к изоляции, лишь очень небольшая часть вида принимает активное участие в планировании стратегии Узора, и далеко не все из

них ведут двойную игру. Не забывайте: они любят действовать независимо друг от друга.

— Согласно тому, что ты сказал, все равно их вовлечено достаточное число, чтобы понаделать нам неприятностей, — заметила Инес.

Мак-Коннелл согласно кивал.

— И что мы будем с этим делать?

Страат-иен правой рукой разгребал мелкую гальку, пропуская отполированные морем камешки между пальцами. В основном попадались жадеит и яшма, были также и кусочки агата и лунного камня. Не пляж, а россыпь полудрагоценных камней.

— Передадим пару слов членам Ядра на те миры, где есть активно участвующие в военных делах турлоги. Они смогут договориться о личной встрече с каждым из этих деятелей. И с теми из них, кто окажется связан с Амплитуром, разберемся персонально. Кое-какая координация, конечно, потребуется — нельзя же, чтобы десяток турлогов трагически гибли почти одновременно.

— Тогда, сэр, ты разработай общий план, а я займусь его распространением, — заявила Инес.

— Слушаюсь. Только держи меня в курсе, капитан.

Лалелеланг слушала, и, несмотря на богатый опыт, у нее кружилась голова. Люди обсуждали план убийства такого числа разумных существ с хладнокровием того рода, будто собирались выкуривать мошкару из комнаты. Ни заминки в речи, ни сожаления в жесте. Ни разу не обмолвились они о возможных альтернативных решениях, несомненно, уже мысленно избавившись от тягостных оков цивилизованного поведения.

Продолжая обсуждать план, они совершенно не обращали на нее внимания, и за это она была им благодарна. Несмотря на свои лекарства и упражнения, участия в обсуждении она бы принять, вероятно, не смогла. Само по себе присутствие здесь и смысл говоряцегося приводили ее в ужас.

Инес встала.

— Но знаешь, Неван, мы не можем держать втайне такое развитие событий. — Она смерила взглядом тихую, молчаливую чужачку. — Необходимо будет поставить в известность высшие органы Ядра.

— Я сам намерен этим заняться. Я убежден, что они со

мной также согласятся. — Он указал на Лалелеланг. — Она знает, что наше собрание не останется тайной, да она этого и не хочет. Чем больше членов Ядра будут знать о ней, тем больше у нее будет доступа к исследованиям.

— Очень смело или очень глупо, — проворчала Инес.

— Не то и не другое. — Теперь, когда ее судьба — по крайней мере, на ближайшее будущее — была решена, Лалелеланг была не прочь поговорить. — Я просто предана своему делу. И так было всегда.

— Восхитительно, — заявила Инес. — Восхитительная дурость.

— Пожалуйста, если хотите меня каким-либо образом унизить, то сначала подумайте, а потом уже говорите.

Вейс, подумала капитан. Даже если их жизнь на карте — все равно выпендриваются.

— Я рада, Неван, что ты ей так крепко доверяешь, — шепнула Инес, когда уже позже они вместе с Мак-Коннеллом двигались в направлении подпространственной связи, — но будь я на твоем месте, я все равно не спускала бы с нее глаз ни на минуту. Не важно, сколько она настаивает на том, что хочет нас изучать, хочет нам помогать. Все равно — она не человек. Она — вейс.

— И да и нет. Она уже переросла видовую принадлежность. Она чистый ученый.

— Надеюсь, ты прав, — размышляла Инес, когда они сворачивали за угол. — Я молю Бога, чтобы ты был прав. Поскольку чертовски вероятно, что ты просто попался на наживку, закинутую этой пустозвонной, разукрашенной чужеродной фифочкой.

Если не учитывать бремя, которое она взвалила на себя, подумал он молча.

Душевная смута отражалась на его лице, как порывы сильного, жаркого ветра на вечно меняющемся узоре песчаных дюн. Лалелеланг поражалась богатству выражений, на которые было способно пластичное человеческое лицо. Жесткий клюв вейсов исключал мимику, но народ, к которому принадлежала Лалелеланг, с лихвой компенсировал это захватывающим дух многообразием жестов, несопоставимых по глубине и непостижимых в деталях для большинства других разумных существ.

— Вы по-прежнему в них не уверены, да? Или во мне?

Они шли на утренний брифинг. Он резко взглянул на нее.

— Что вы имеете в виду?

— Я слышала все, что вы говорили двум своим друзьям, но внутренне вы сами еще не убеждены. Вы не уверены — то ли попробовать помочь мне в моей работе, попробовать извлечь из этого пользу, то ли убить меня. Мысли эти вертятся у вас в голове, и, как бы вы ни старались, вы не можете избавиться от них. А в результате — смятение духа.

— Сразу видно, что вы долгое время изучали людей. — Он был слегка поражен ее прозорливостью.

Делая крылом задумчивый жест, она уже понимала, что смысл этого жеста до него не дойдет.

— Как я уже неоднократно заявляла, это моя работа. Ни одно другое разумное существо не страдает от такой внутренней пытки, как раздумья о смысле бытия и прочее. Неуправляемая душевная мука присуща вашей расе вследствие разбалансированности эндокринной системы.

— Мы поняли это уже давно, — сказал он.

— Но вы еще не поняли, как с этим справляться. Не мудрено, что вы так агрессивны. Не мудрено, что вы бросаетесь в бой с таким отчаянным восторгом. Вы страдаете от очень коварных гормонов.

Он чувствовал в ее голосе жалость и сочувствие.

— Не надо их так ругать. Если бы мы были «нормальными», мы бы и половины пользы Узору не принесли.

— Это так, и именно эта область изучения особенно интересна для меня. Но это не спасает ни меня, ни других от жалости к вам. Как жаль, что вы, возрожденные, со своим даром не можете внушать другим людям.

— Согласен. Но почему?

— Вы бы могли провести достаточно глубокую терапию, чтобы по-настоящему поправить положение.

Они свернули в узкий коридор.

— Счастливые люди не станут помогать в победе над Амплитуром.

— Печально, но факт.

* * *

Процесс искоренения двуличных турлогов шел эффективно и ненавязчиво. Члены Ядра передавали информацию родичам

на других планетах, обычно посредством закодированных подпространствограмм, реже лично. Время от времени какой-нибудь турлог становился жертвой несчастного случая. Кончина не вызывала особого интереса у его собратьев, которым так же безразличны были личные дела друг друга, как и дела представителей других народов.

Все это слегка ослабило потенциал Узора в разработке и претворении в жизнь новых сложных стратегических замыслов. Но это ни в какое сравнение не шло с интеллектуальными потерями, которые понес Амплитур. Как ни трудились настойчивые и терпеливые неприятели, не удалось им отыскать причин такого кровопускания.

Повторный захват Узором дельты, а следом и ряда баз и укреплений выше по реке, переломил хребет вражеского сопротивления на Чемадии. С этого момента действия противника сводились лишь к упорным оборонительным боям и медленному отступлению под натиском сил Узора, наступающего и уничтожающего неприятеля по всей планете. Какие бы подкрепления не бросал на Чемадию Амплитур, все они оказывались несостоятельными перед лицом мощного наступления, развернутого Узором и возглавляемого человеческими силами.

Когда, наконец, нападению подвергся их собственный всепланетный штаб, амплитуры организовали привычную судорожную контратаку без всякой надежды на успех — с единственной целью — дать высшему командному составу время ускользнуть на орбиту, к поджидающему там подпространственному транспортному кораблю. Суда сновали из подпространства и обратно, и Узору, как обычно, не удалось перехватить беглецов.

Эта неудача была скрашена официальным захватом последнего очага сопротивления на Чемадии. Еще один мир освобожден из-под власти Амплитура, избавлен от насильственного подчинения чуждому и негибкому Назначению.

Лалелеланг накопила такие запасы информации, что целые области, знала она, не удастся ей даже затронуть, поскольку жизни на это не хватит, даже если ознакомиться с ними самым беглым образом. Те вейсы, что придут после нее и захотят извлечь из всего этого пользу, найдут для себя интересных материалов на десятилетия работы.

И тем не менее останавливаться она не желала. Такой воз-

можности может никогда больше не подвернуться — ни ей, ни другим вейсам. Поэтому она продолжала следовать за Страат-иеном даже на самые скучные собрания, наблюдая, записывая и комментируя даже самую обыденную человеческую деятельность.

Он не обращал на нее внимания, настолько привыкнув к тому, что она в буквальном смысле слова вертится под ногами, что ежедневная рутина казалась бы ему не полной, если бы в ней отсутствовало ее внимательное участие. То же самое можно было бы сказать и о тех, с кем он работал. Первая волна ехидных шуточек и язвительных замечаний схлынула. Никто больше не удивлялся ее присутствию на заседаниях или вопросам, которые она с жадностью задавала солдатам в комнатах отдыха и в коридорах.

Несмотря на бегство вражеского штаба, продолжались бои по очистке планеты от остатков сопротивляющихся криголитов, равно как и работы по установке постоянных защитных систем наземного базирования. Последнее было необходимо, чтобы предупредить любые вражеские попытки вновь высадиться на Чемадии. В первые столетия войны Узор несколько раз был пойман на самоуспокоенности, когда, решив уже, что окончательно установил контроль над спорной планетой, подвергался со стороны Амплитура контрудару крупными силами и нес тяжелые потери в живой силе и технике.

Но это было еще задолго до того, как в конфликт вступило Человечество.

Будучи высокоцивилизованными существами, амплитуры не были умственно приспособлены для разработки военной стратегии. Подобно массудам, ашреганам, гивистамам и прочим цивилизованным существам, им приходилось учиться этому путем мучительных проб и ошибок. У людей с этим процессом вопросов не возникало. В бою они чувствовали себя естественно и действовали без заминок. И хотя эта их способность делала людей этаким пугалом для остальных членов Узора, те прекрасно сознавали, какое из этого можно извлечь преимущество, и случая этим воспользоваться не упускали. Амплитур и братья их меньшие не успевали реагировать на действия людей.

И не было ничего удивительного, что течение войны пошло совершенно в ином русле.

* * *

Лалелеланг сидела, поджав ноги, на пороге своей комнаты, которая выходила на несколько бронированных туннелей, соединяющих различные корпуса базы. На голом, истертом пластике сиделось ничуть не хуже, чем на чем-либо еще, потому что вся мебель базы изготовлена была без учета особенностей вейсов. Присутствие вейсов не требовалось и не предусматривалось, а посему на спорные миры не поставлялось никакого оборудования, призванного обеспечить им жизненные удобства. Ей приходилось довольствоваться комнатой, оборудованной на случай неожиданного визита с'ванского советника. С'ваны же были низкими и плотными, в то время как вейсы — стройными и хрупкими, за исключением средней части туловища. Поэтому апартаменты были для нее крайне неудобными. И даже хуже — они даже не были украшены. У Вейса и С'вана совершенно различные жизненные ценности.

Она обходилась. Все лучше, чем спать за пределами комплекса, под открытым небом. И со с'ванскими удобствами было легче обращаться, чем с их уродливыми человеческими эквивалентами. По крайней мере, самые жизненно важные компоненты были ей доступны.

Она скользнула взглядом по прозрачной кровле крытого прохода. Теперь, когда Чемадия освобождена, бронированный щит постоянно убран и открыт доступ для теплых солнечных лучей прибрежного солнышка. Несколько местных растений, которые она была вынуждена приютить, чтобы хоть как-то придать мрачному обиталищу вейский дух и цвет, тянулись вверх.

Дверь поцокала — любимый дверной сигнал с'ванов, — и она встала, чтобы поприветствовать посетителя. Увидев Страат-иена, она была слегка удивлена. Непривычно было, что он ее ищет.

Она пропустила его, слегка отступив в сторону, и он с трудом протиснулся, пригибая голову, под низкий свод с'ванского жилища. Не обращая внимания на неудобную мелкую мебель, он устроился, как мог, на мягком полу.

— Хотите подкрепиться? — отважилась она. — Выпить или закусить?

— Нет, спасибо. — Он быстро глянул на открытую дверь.

— Не то чтобы вы меня избегали, — продолжила она, — но это так не похоже на вас — разыскивать меня. Мне очень приятно составить вам компанию.

— Можете не тратить на меня вашу обычную вейскую вежливость, — ответил он. — Мы достаточно давно работаем вместе, чтобы была нужда притворяться. Я прекрасно знаю, что, как все вейсы, вы находите мое присутствие физически неприятным, особенно в небольшом замкнутом пространстве. Вы просто лучше это переносите.

В его коротком ответе содержалось больше нарушений этикета, чем иной вейс совершает за год. Она это знала и не стала обращать внимания, как не обращала внимания на все подобные проявления человеческой неотесанности. С ними иначе было не сработаться.

— Есть кое-что, о чем, я считаю, вам следовало бы знать. — До нее дошло, что он находится в состоянии мучительной внутренней борьбы. — Я решил довериться вам, Лалелеланг. Нет, именно по-настоящему довериться.

Она полуприкрыла глаза, защищаясь от его пронзительного, неосознанного звериного взгляда.

— Я это знаю. Будь это не так, я определенно бы некоторое время назад стала бы жертвой какого-нибудь досадного происшествия.

— Правильно. — Он не делал ни малейшей попытки скрыть этот факт, дипломатически или еще как. — Я верю вам, потому что убежден, что вы полностью поглощены своей работой. Изучением нас для доказательства или опровержения той вашей давно вынашиваемой гипотезы о том, как поведут себя представители моего вида после окончания войны. — Он снова кинул взгляд на порог. — Я и сам очень много времени провел, размышляя об этом. Мы так часто это обсуждали, что я не мог над этим не задумываться.

— Я это знаю. — Похоже, ему нужна была поддержка.

— Лалелеланг. Среди моих внушающих сородичей — ближних и дальних — у меня чуть ли не самое высокое звание среди военных. И добился я этого высокого ранга за сравнительно короткое время. Во всем Ядре всего трое выше меня рангом. Один из них — генерал Кувье, который в настоящее время находится на Асцее.

— Никогда о нем не слышала.

— И не могли, — проговорил он. — Он не вращается в ака-

демических кругах. Я только что получил от него личное сообщение. Так же, как и другие высокопоставленные члены Ядра. Есть обычная субординация — и есть субординация в Ядре.

Она показала, что понимает:

— Вторая используется, когда речь идет о таких делах, как случайно откинувший лапки турлог.

Он кивнул.

— За долгие годы мы разработали наш собственный семейный код и другие скрытые методы обмена информацией. Нам пришлось сделать это. Вы же знаете, что с нами будет, если наш дар станет достоянием гласности.

— Но вы ведь отыскали меня в этой тесной комнате не для того, чтобы еще раз объяснить то, что я и без того прекрасно знаю?

— Нет, конечно. — Он заколебался, явно пытаясь собраться с мыслями. — Похоже, что шанс сделать окончательные выводы о состоятельности труда вашей жизни может представиться отнюдь не в столь отдаленном будущем, как вы думали. И, если уж на то пошло, как все думали.

Она сползла с неудобного, кривого с'ванского сиденья.

— Вы что хотите сказать, полковник Неван?

— Кувье проинформировал меня, что Чемадия, похоже, последний шаг в долговременных стратегических планах, последнее звено в подготовительной цепи, которую командование Узора стремилось выковать в течение столетий. Но не в этом суть. Самый сногсшибательный секрет касается того, что было известно последние полвека, но только теперь было открыто военным ранга Кувье. Это уже о многом говорит. — Он оглянулся. — Чего-нибудь я бы выпил, но у вас тут ничего не найдется достаточно крепкого для меня.

— Уж извините.

— Кувье уведомляет членов Ядра, следующих за ним по рангу. Мы должны сообщить нижестоящим. Но я решил также и вас проинформировать, поскольку это сказывается на вашей работе. Сильно. — Он доверительно склонился к ней. — Мы теперь знаем месторасположение миров Амплитура.

Как только она переварила услышанное, гребень ее выпрямился.

— Неужели это правда? Пленные мазвеки и кораты и

прочие всегда утверждали, что родина Амплитура невероятно далеко, что она недосягаема.

— Далеко — может быть. Недосягаема — нет. Это две планеты одной системы. Обе весьма традиционные — кислородно-азотная атмосфера, обычная сила тяжести. Третья и пятая планеты от их солнца. Практически не вызывает сомнений, что это родные их планеты, а не ранние колонии. Ведь вам известно, что Амплитур активной колонизацией не занимался. Вместо того чтобы планеты осваивать, они занимались чем угодно другим.

— Впечатляюще.

— И это только ленточка от сюрприза. Задумайтесь вот над чем: за последнее десятилетие очень много войск, кораблей, техники, материалов было отведено в резерв. Тихо и спокойно, чтобы не возникало лишних вопросов ни у врага, ни у населения Узора. Я уверен, что вы этого не замечали и об этом не задумывались. Так же, как и я, и все остальные. Только самая верхушка командования знала, к чему все это.

Была произведена большая аккумуляция сил в секторе, спокойном во всех отношениях. В разных кругах смутно поговаривали, что идет приготовление к крупному нападению на Чи'Хи — родную систему Криголита. Так вот, приготовления к нападению идут, все правильно, но когда оно произойдет, то удар-то будет нацелен совсем в другом направлении — через гораздо больший кусок подпространства. Намечено атаковать пятую планету — Зил, а затем без промедления напасть и на Аил, прежде, чем Амплитур успеет перегруппироваться и создать значительную оборону обоих миров. Если это удастся, вы знаете, что это будет означать.

Лалелеланг окинула мысленным взором долгие столетия, прошедшие с той поры, когда впервые Массуд отправился на помощь расе под названием Сспари. Тысячелетнее сопротивление всепоглощающему Назначению Амплитура, десять веков войны и смерти.

И вот — тайные миры Амплитура обнаружены, и если удастся на них напасть и захватить, это будет означать Конец Войны.

Как можно даже подумать о такой перспективе? Поколение за поколением жили и умирали, не позволяя себе даже мимолетной мысли о таком, считая это невозможным. А теперь человек-убийца сидит, скрючившись, в ее комнате и говорит ей

в своей невыносимо грубой, прямолинейной манере, что подобное достижимо.

— Родные планеты Амплитура, — невольно зашептала она. — Это же будет конец войны, ведь так?

— Тысяча с лишним лет войны окончатся, все, — вслух мечтал Страат-иен. — Генетически и умственно изуродованные подчиненные расы будут освобождены от владычества Амплитура. Произойдет великий пересмотр союзов и соглашений. Возможно, образуется истинная Галактическая цивилизация — не такая, вынужденная к союзу обстоятельствами и опасностью, как Узор. Одним словом, мир. Если и не спокойствие.

Странно, подумалось ей, слышать, как человек рассуждает о состоянии, ему неведомом.

— А также это будет означать, что ваши теории пройдут испытание практикой, — продолжил он, — и, вполне возможно, еще при вашей жизни. Если удастся застать врага врасплох, то моему виду не придется больше сражаться ни с Мазвеком, ни с Криголитом, ни с Ашреганом, ни с Амплитуром. Мы с массудами разоружимся под благодарности признательного нам Узора. И от моего народа будут ждать возвращения на Землю и возврата к довоенным делам. — Он сменил позу, сидя на полу. — Вот только не можем мы все вернуться на Землю. Нас теперь слишком много, мы в огромном количестве рассеяны по множеству миров, помимо тех, которые начали уже осваивать. Преумножение Человечества всячески поощрялось и поддерживалось Узором. Нас призывали плодить столько солдат, сколько необходимо, чтобы помочь Массуду схватке с подчиненными Амплитуру расами. И все эти мужчины и женщины будут искать, чем бы теперь заняться, а работу всем можно будет подыскать только в деловом партнерстве с Узором. Нас придется, наконец, принять в него, поскольку остаться за пределами Узора — безрадостная перспектива.

«А разве не так?» — подумала она.

— Но вы не думаете, что так произойдет. Ваша гипотеза утверждает, что мы не способны к мирной жизни, что мы затеем войну со С'ваном или еще кем-нибудь.

— Как и все это время, я надеюсь, что окажусь не права, — успокаивающим тоном сказала она. — Новая война — между Человечеством и Узором никому не принесет выгоды.

— Мы бы выиграли такую войну, и вы это знаете, — тихо сказал он.

— Если бы на стороне Узора сражался Массуд, и со всей подразумевающейся материально-технической поддержкой? Я отнюдь не уверена. Уверена я только в неоправданном уроне, который последует. В такой конфронтации будет один победитель — опустошение. — Она уставилась на него голубыми глазами. — Просто восхитительно, с вашей стороны, что вы мне это поведали.

Он встал, слегка пригибаясь, чтобы не удариться о потолок.

— Я сделал это не импульсивно и не потому, что я такой хороший. Мне пришлось долго и трудно над этим размышлять. Но по опыту я знаю, как хорошо вы умеете хранить тайны. Ваша работа стала неотъемлемой частью моей жизни. И я подумал, что пришла пора дать вам что-нибудь взамен.

Она изобразила замысловатый сидячий танец признательности, который восхитил Страат-иена, хотя он ничего и не понял.

— Тем не менее, может быть, со всем этим придется разбираться нашим потомкам. Нападение может не удаться, или сражение затянется на долгие годы.

Он кивнул.

— Вы правы. Но даже, если и так, открытие сократит войну. Амплитур бросит все силы на защиту своей родины, а это значит, что им придется оголить остальные театры военных действий. И падение Мазвека и других союзных рас ускорится.

Она проводила его до двери.

— Но тогда это может занять еще сотни лет.

В коридоре он склонился к ней.

— Были времена, когда такое могло быть правдой. Но прошли. Не забывайте: теперь МЫ участвуем в игре.

Она закрыла за ним дверь, зная, что он сказал правду, и так не желая этого. Его открытие о предстоящих военных намерениях Узора проливали совершенно новый свет на ее работу. Неспокойно было от того, что все это пока гипотеза, — не подтвержденная и не опровергнутая.

* * *

— А я-то думала, что между нами что-то особенное, Неван.

Он продолжал собираться, чувствуя спиной ее взгляд.

— Ты ведь могла запросить, чтобы меня послали с тобой, — упорно настаивала она, — в качестве помощника или... не знаю. Ты умный, тебе и придумывать. У тебя достаточно высокое звание, чтобы это как-то протащить.

Он закрыл и запер чемодан.

— Бесполезно, Наоми. Твой рейтинг не позволяет тебе. Все было бы шито белыми нитками. Кто-нибудь заметил бы — и начались бы неприятности. Такие, что никаким рангом не прикроешь. — Он приложил палец к замку, настраивая его на специфические биотоки своего тела, и перешел к другому такому же чемодану.

Он мысленно улыбнулся, вспомнив о Лал. Она сочла бы его багаж неуместно практичным. Ее аналог был изыскан по форме и отделке, отражая традиции вейсского дизайна.

Наоми не отставала. Может быть, у нее и есть такое право, вяло подумал он, но ничем тут не поможешь.

— Ты что, так вот и собираешься уйти из моей жизни, делая вид, что между нами больше нет ничего? Я-то лучше знаю, Неван. Ты можешь обманывать меня, но себя ты не обманешь. — Голос у нее стал трескучий, как на поцарапанной пластинке.

Он упаковался. Внезапно оказалось, что нет смысла и дальше возиться с чемоданами. Пришлось обернуться.

— На Чемадии было очень одиноко и опасно. У меня была своя нужда, у тебя — своя. По-моему, мы неплохо друг другу подходили. Я очень не хотел бы терять с тобой связь, Наоми. Правда. — Он протянул руку и погладил ее по щеке. — Но просить, чтобы я нарушил порядки и правила ради того, чтобы ты могла отправиться со мной, этого я не могу. Наши с тобой обязанности не пересекаются, даже не смыкаются. И я не буду рисковать карьерой ради тебя, даже ради нас. Черт возьми, я и твоей карьерой рисковать не собираюсь. Если бы нас одновременно перевели на Землю или какую-нибудь другую удобную службу, это было бы другое дело. Но так не случилось. К несчастью, такова Служба. Поверь, мне это тоже очень нелегко. Это просто факт, с которым мы оба вынуждены будем смириться. И ты, и я.

С мокрыми от слез глазами она отстранилась от его руки.

— Куда тебя посылают?

— Я не могу сказать. Ты же знаешь.

Она кивнула, потом резко глянула на него, так что он даже заморгал.

— Могу спорить, что уж о н а-то точно отправится с тобой.

— Отправится? Кто? — От ее напора он опешил.

— Канарейка, с которой ты везде шляешься. Вейс проклятая.

Какое-то время он никак не мог поверить в достоверность происходящего. Когда ему это, наконец, удалось, он только рот открыл от изумления, уставившись на нее.

— Наоми, ты что, ревнуешь к чужачке? Ты не хочешь ли сказать, что историк Лал, вейс с Махмахара, и я поддерживаем какие-либо иные отношения, кроме профессиональных? — Он изумленно покачал головой. — Да какие еще отношения м о г у т быть между нами?

Наоми не хуже его понимала, насколько безумно все это. Но это ее не остановило.

— Ты видишься с ней ежедневно. Вы с ней работаете, уединившись. Стоит ей потребовать — и ты рядом, только она тебе понадобится — и она тут как тут. Ты ей полностью доверяешь, ты мне сам рассказывал. — Она непокорно сложила руки на груди. — Я бы назвала это отношениями. Понимай, как знаешь.

— Я вовсе не д о в е р я ю с ь ей.

— Нет? У вас общие тайны. Я это знаю, потому что, когда я спросила о вполне определенных вещах, о которых вы шептались, ты отказался мне о них рассказывать.

— Это часть моей работы. Дело — и только дело. — Она начала его раздражать.

— Ой ли? Ходят всякие байки и сплетни. Я всегда считала все это пустыми шуточками, но, пробыв на войне достаточно долго, можно всякого насмотреться и призадуматься.

— Наоми, — жестко сказал он, — ты слишком многое позволяешь своей фантазии от огорчения.

— Да? Хотелось бы в это верить. Только почему ты тогда убегаешь?

Он глубоко вздохнул.

— Никуда я не убегаю. Ты прекрасно знаешь, что меня переводят. Это все просто твоя дурацкая...

— Что? — перебила она. — Романтичность? Может быть. Разве тебе твоя вейс не говорила, что мы понятия не имеем об истинной романтике? о настоящей красоте? Что наша кон-

цепция романтики — всего лишь жалкая производная нашей противоречивой природы? Может быть, они и правы. — Она слабо пожала плечами. — Мне бы, конечно, хотелось их опровергнуть — прямо здесь и сейчас. Только, я полагаю, у меня не получится, так ведь?

— Историк Лал и я, мы уважаем друг друга за возможности, которые можем предоставить друг другу в профессиональном отношении.

— Ну конечно же. — Интерес ее увял. Голос потух. — Я лишь к тому, что эта пернатая видит в десять раз больше, чем я. И, насколько я знаю...

Теперь уже он зло оборвал ее.

— Ничего ты не знаешь!

— Да. Наверное, ничего. — Глядя прямо перед собой, выпрямив спину, она напряженно проследовала мимо него прямо к двери, которая при ее приближении автоматически распахнулась, и, не оглядываясь, вышла. Дверь закрылась.

Он молча стоял у изножия кровати, зная, что пойти за ней значило бы совсем все испортить. Если бы она была из Ядра, то... но если бы она была из Ядра, то никакой стычки бы не произошло, в ней не было бы необходимости.

Мучительный конец взлелеянных отношений, по необходимости жестокий. Он устало вздохнул. После освобождения Чемадии Наоми и сама вскоре получит новое назначение. И если генерал прав, а сомневаться в достоверности его информации не приходится, то очень скоро все вооруженные силы Узора окажутся настолько заняты, что едва ли останется время размышлять о личных отношениях. Но, во-первых, он, конечно же, не мог всего этого объяснить Наоми. А во-вторых, он каким-то чутьем понимал, что для нее это было бы малоутешительно.

Он знал, что они сроднились. Фронтовые связи были не редкостью, даже необходимостью, ибо поддерживали душевное здоровье участников боев. Понятно, что Наоми стремилась к большему. Но он был столь занят и поглощен своими делами, что не удивительно, что знаков этого не заметил.

Естественно, они с Лал стали хорошими друзьями; даже близкими. И произошло это по причинам, которые он никому не мог перечислить, не говоря уже о разговорчивой Наоми. Они с вейс уважали знания и опыт друг друга. Если это назвать «отношениями», то пусть будет так. Но заходить на-

столько далеко, чтобы заподозрить недолженствующие вещи, свойственные разве что самым скандальным фантастическим произведениям, — это уже результат нездоровой психики.

Поведывая микрофону самые важные свои ощущения от исхода этой встречи, он пытался быть снисходительным. Наоми явно расстроена, может быть, даже в отчаянии. И это плохо. Он был убежден, что ничего не делал, чтобы возбудить в ней ожидания чего бы то ни было, кроме взаимного удобства и удовольствия. Ничего, переживет, как и он. Неужели она думает, что он не испытывает боли утраты?

Он заставил себя отбросить личные заботы. Миры Амплитура обнаружены. Каково должно быть сейчас членам Узора, которые тысячу лет жили под грузом войны и внезапно увидели забрезживший ее конец? Это достижение Человечество способно оценить только сравнительно. А массудам и с'ванам, одними из первых вступившими в войну против Амплитура, которые, конечно, были проинформированы, показалось, должно быть, что Вселенная перевернулась.

Он в последний раз осмотрел компактную, удобную комнату, которая была его домом на Чемадии. Хотя это не вполне точно, напомнил он себе. У солдата нет дома — только боевой пост. Еще одна планета возвращена Узору, еще один мир освобожден от удушающей хватки Назначения. Годы упорства и жертв окупились. Теперь же, как и всегда, пора двигаться дальше.

Только на этот раз, в отличие от всех предыдущих, следующий мир может оказаться последним.

Глава 13

Подавленность и отчаяние окутывали Совет ядовитым туманом, отравляя мысли и портя атмосферу. Это не вполне было метафорой, поскольку члены Совета не могли проецировать своих мыслей.

Совет не был постоянно действующим органом. Туда входили и выбывали согласно назначениям и прихотям, из стремления внести свой вклад или по необходимости убыть. И старые участники, и только появившиеся — все пользовались уважением и почетом за свое мастерство, знания и опыт.

Все это и многое другое требовалось теперь от них, чтобы избежать светопреставления.

Заседали они в мелководном, парящем бассейне, заполненном сернистой, соленой водой, и обманчивая неформальность обстановки мало соответствовала серьезности обсуждаемого. Трудолюбивая поросль темно-зеленого и ржаво-коричневого цвета пробивалась сквозь окружающую мглу из амфитеатра на воздух.

Вода помогала поддерживать мягкотелые формы участников.

Щупальца тянулись от тел к пультам, и угловатые рты потягивали воду или всасывали воздух. Информация, предоставляемая аппаратурой, была очень объемистой, но мало обнадеживающей. Зеленовато-желтый свет струился из-под матового, полупрозрачного купола наверху, откуда также свешивались всевозможные дополнительные приспособления, реагирующие на голос или особые жесты участников.

Члены Совета не смотрели друг на друга, потому что нужды в этом не было. Они были рассыпаны в беспорядке, как первобытное стадо; их текучие, склизкие тела поблескивали серебристо-оранжевым и рыже-золотистым в неясном, приглушенном свете; кряжистые лапы были подобраны под себя. Глаза-плошки блуждали по ухоженной растительности, зловонной воде, распластавшимся соседям. Каждый из них занимал кажущееся ему наиболее удобным положение.

Множество аппаратуры предназначалось исключительно для внешней связи и получения информации, поскольку все присутствующие гораздо надежнее были связаны между собой выдающейся способностью их мозга проецировать мысли. В результате атмосфера в Совете была столь же густо, как влагой, насыщена всеобволакивающим разочарованием.

В соответствии с древними незыблемыми догматами Назначения, не было ни Верховного Вождя, ни Великого Властителя. Все присутствующие были более или менее равны, хотя личные свершения и способности каждого ценились по заслугам. Тот, кто высказывался в данный момент, он и руководил. Когда же он заканчивал, управление переходило к следующему скорбящему собрату. О такой системе младшие расы, лишь смутно разбирающиеся в глубинах Назначения, могли лишь мечтать.

Среди собравшихся не было ни одного представителя этих

пылких рас — ни мазвека, ни ашрегана, ни криголита, ни кората или акария. Это был Большой Совет Амплитура. Его выводы будут внушены — не более того — этим достойнейшим союзным жизненным формам. Внушенные же решения неизменно претворяются ими в жизнь.

Несмотря на тяжкие усилия части собравшихся, а также их советников, существовал серьезный недостаток предложений и внушительных идей на предмет того, как быть дальше. Даже само Назначение, веками вдохновлявшее Амплитур на великие дела, не давало нынче былого заряда энтузиазма. И это сильно мучило членов Совета, которые знали, что именно на них возложено решение того, когда, как и что делать дальше.

— Мы должны посмотреть реальности в глаза. — Эту мысль сформулировал Близ-Холодно-Поющий. — Мы проигрываем. — То, что не последовало протестующих мыслей, только показывало, в каком скорбном настроении находились собравшиеся в зале. — И проигрываем уже больше сотни лет, теряя территорию.

— С тех самых пор, — добавил Объемлющий-Телом-Дерево, — как человеческая раса присоединилась к союзникам по Узору.

— Как жаль, — печально заметил Зеленый-На-Песке, — что нам не удалось раньше вступить с ними в контакт и, ко всеобщей радости, внушить им идеи Назначения.

— Я давно уже изучаю все, что нам известно о них и об их эволюции. — Среди присутствующих Долго-Не-Думающий был одним из самых образованных. — Между ними существует поверье, будто их невозможно включить в Назначение. Прискорбно, но нам так и не представилось случая внушить им ошибочность такого самообмана.

Долго-Не-Думающий должен был скоро разродиться. Набухшая у него на спине почка уже созрела до состояния миниатюрного его подобия и была почти на грани отпадения. Его присутствие на заседании Совета диктовалось только крайней деликатностью и неопределенностью вопросов, которые необходимо было решить с целью выхода из чрезвычайной ситуации.

— Мы не можем изменить историю. — Неуловимо-Далекий был самым старшим в собрании. Морщинистая оранжевая кожа его выцвела до цвета глубокой ржавчины, а

проницательные глаза были уже не столь яркими. Но под рыхлой массой дряблой плоти таился ум все столь же острый.

— Те, кто вместе с нами служит Назначению, — Мазвек и Криголит, Ашреган и Сегуния, да и все остальные — делают все, что в их силах. — Теплая вода забулькала, когда Высокого-Бега-Ищущий пошевелил низом тела. — Но человеческо-массудские силы теснят нас при поддержке техники Узора по всем направлениям. Нам удалось добиться отдельных успехов, имитируя тактику врага, но подражатель никогда не победит творца. Я боюсь, что мы придем к моменту, когда сможем только оттягивать неизбежное.

— Но ведь можем мы что-то предпринять. Обязательно должно такое найтись. — Зеленый-На-Песке чертил щупальцами в воздухе задумчивые узоры.

— Что мы можем, если Человек продолжает побеждать во всех ключевых битвах? — сказал Объемлющий-Телом-Дерево. — С тех пор как они присоединились к Узору, враг теснит нас, захватывает мир за миром — и порой безнаказанно. Мы наносим им урон, иногда отвоевываем потерянное, но эти твари настолько плодовиты, что это не идет в сравнение даже с массудами. И поразительно, чем больше потери, тем с большим остервенением они воюют.

— Они уникальны, и участия их невозможно было предсказать. — Близ-Холодно-Поющий качнул влажный воздух обеими щупальцами. — Поражения укрепляют их решимость, потери усиливают натиск. Это какой-то инфернальный парадокс. Да, парадокс. Естественно, Узор старательно не предпринимает ничего, что могло бы нарушить такой стереотип их поведения, например, не стремится их цивилизовать.

— Но они ведь — подобно нам — просто мыслящая органика, — вставил обычно замкнутый Красное-Небо-Мыслящий. — Должен же быть способ их одолеть.

— Мы испытывали одну новую стратегию за другой. — Объемлющий-Телом-Дерево ударил щупальцем по воде. — Ничто надолго не помогает. Этот вид очень легко приспосабливается. И — в отличие от нас и наших союзников — они воинственны от природы.

— Должен быть способ, — настаивал Зеленый-На-Песке. — Новое оружие разрабатывается, новые корабли конструируются. — Его серые глаза обвели остальных. — Предлагалось ведь даже использовать орбитальное оружие

массового уничтожения. — Ото всех последовали шокированные мысленные возгласы, и Зеленый-На-Песке поспешил уточнить. — Я же сразу сказал, что это лишь предлагалось. Естественно, это не было одобрено.

Неуловимо-Далекий неуютно пошевелился.

— Миллионы убитых — это миллионы потерянных для Назначения. Кроме того, Узор и, уж наверняка, Земля ответят подобным же образом. Результатом явится — опустошение многих миров, уничтожение их населения — а это огромный тормоз в победном марше Назначения.

— И тем не менее, — продолжил Зеленый-На-Песке, — если Узор придет к окончательной победе, это будет означать полное исчезновение Назначения с лица Вселенной. А к чему тогда цивилизованное поведение?

— Наращивание масштабов взаимоуничтожения увеличит число погибших, но не поможет их победить, — высказал короткую, ясную, хлесткую мысль Долго-Не-Думающий. — Как уже указывал Неуловимо-Далекий, Узор сопоставим или превосходит нас по всем видам вооружений. Нам же потребуется нам новый подход, а возможно — и новый образ мышления. Со временем все окостеневает. Необходимо еще раз пересмотреть древние догматы и традиционные подходы. — Зеркальные глаза на толстых коротких стеблях моргнули. — Пришло время рассмотреть антитезы.

Крупицы-Говорящий был одним из самых молодых в Совете. Он одно время в нем уже участвовал, потом вышел, взялся за другие задачи, и только недавно вновь был в него допущен. Он отличался определенной изломанностью мышления, и его вклад особенно ценился среди тех, кто считал эклектизм достоинством. Не склонный к глубокому анализу, Крупицы-Говорящий славен был тем, что часто выдавал новые идеи, которые потом доводились до ума теми, у кого опыта побольше. Он мог выдвинуть дюжины совершенно тупых идей, а потом вдруг одну блестящую.

Поэтому, когда этот достойнейший запустил в омут всеобщих раздумий свои мысли, все моментально обратили на них внимание. Чтобы там Крупицы-Говорящий не выдвинул, пусть это будет даже и бесполезно — но, по крайней мере, не скучно.

— Я согласен с Долго-не-Думающим. Мы должны совершить нечто радикальное и бесперецендентое. Я также сог-

ласен с Близ-Холодно-Поющим: мы проигрывали, проигрываем и будем проигрывать, потому что мы не можем победить Человека. Для победы нам необходимо сменить направление удара.

Остальной Совет слушал терпеливо, почти с надеждой.

— Давайте посмотрим, что нам известно. Человечество — единственный полуразумный, от природы воинственный вид когда-либо открытых существ. Их определяет агрессивность, настроенность на войну и приспособляемость их ума и тела к боевым действиям. — Крупицы-Говорящий многозначительно приумолк. — Фактически, не будет глупостью предположить, что единственными существами, которые способны нанести окончательное поражение людям, являются сами люди.

— Все это нам известно, — нетерпеливо сказал Неуловимо-Далекий. — Наши прародители пытались претворить эту гипотезу в жизнь, модифицировав пленных людей, чтобы те выглядели и думали, как ашреганы.

— Проект Хусилат-Коссуут. — Воспоминание Красное-Небо-Мыслящего было подернуто печалью. — Какие надежды вызывала заложенная в нем концепция — и как дорого стоила нам неудача, которой он обернулся!

— У нас есть молитары — союзная раса, представители которой физически крепче людей, но менее подвижны, менее умны — или, назовем это так, коварны. Продолжается работа по их изменению, но генетическая структура — материал гораздо менее податливый, чем неправильные мысли. Продвижение медленное. — Неуловимо-Далекий увидел, что собрание движется в никуда, и озабоченно попытался вернуть его в более деловое русло. Крупицы-Говорящему было вызывающе обращено:

— Ну так, в чем суть?

Тот, к кому так обратились, неподвижно завис в бассейне.

— Все мы прекрасно знаем об упорных слухах, что Узор обнаружил месторасположение святая святых — Аила и Зила, и что они готовятся, несмотря на всевозможные отвлекающие маневры, массированно атаковать нас. И похоже, что даже здесь, на священных мирах-близнецах мы не можем чувствовать себя больше в полной безопасности. Если же в таких данных содержится хоть доля правды, то это значит, что нам не только не следует предпринять что-то совершенно новое и эф-

фективное, но и то, что сделать это мы должны незамедлительно.

С таким заявлением никто спорить не стал. Волна паники, вызванная последними донесениями разведки, не до конца еще улеглась среди членов Совета. То, что родные их миры могут скоро подвергнуться нападению Узора, — да этого представить было невозможно! Амплитур настолько был сосредоточен на распространении Назначения, что о самозащите они почти не думали.

— Если эта информация подтвердится, — сказал Зеленый-На-Песке, — то нам следует приготовиться к отражению нападения всеми имеющимися в нашем распоряжении силами.

— Если мы не привлечем сюда достаточные для этого силы, возразил Долго-Не-Думающий, — мы рискуем ослабить союз, вплоть до полного его падения. Одна раса за другой будет переходить под контроль Узора и будут утеряны для нас навсегда. Какой смысл спасать себя — и жертвовать Назначением?

— Представьте-ка зримо, — неуютно поежился Объемлющий-Телом-Дерево. — Люди — здесь. Мутят живородную воду Эила. — Он содрогнулся и эндотелические хромофоры пустили серебрящуюся круговую рябь по всей поверхности его студенистого тела.

Неуловимо-Далекий смотрел, не мигая, в направлении выхода из бассейна, в то время как внимание его было обращено на Крупицы-Говорящего.

— Если никто больше не имеет ничего высказать, то у меня есть крайне ответственные дела, к которым мне хотелось бы вернуться.

Таким образом поторопленный, Крупицы-Говорящий продолжил свою мысль.

— Как сказал Зеленый-На-Песке, мы должны защитить родные планеты. Я согласен с тем, что следует стянуть значительные оборонительные силы и существенно усилить фортификацию двух наших миров. В то же время, все в целом согласились, что мы не можем вечно противостоять человеческому нападению. Так что в таком случае надлежит предпринять? Исходя из того, что мы имеем, какие действия с нашей стороны должны последовать? У меня есть некие наметки на этот счет.

Итак, представьте себе: силы Узора транспортируются из

подпространства и приготовятся к высадке. И вот когда битва должна будет вот-вот начаться, когда первые транспорты, ломящиеся от массы тяжеловооруженных людей и массудов вот-вот должны будут спуститься и ударить по нам, когда все вражеские силы будут уже в предбоевой лихорадке, — вот тут-то мы и пустим в ход нашу последнюю, нашу крайнюю стратегическую заготовку для победы над врагом. Тут-то мы и покажем им фокус.

— Что еще за фокус? — скептически настроенный Неуловимо-Далекий тяжеловесно двинулся к выходу. — Не существует никаких волшебных или мистических способов решить сугубо реальную проблему. Если мы стянем домой силы, достаточные для защиты родины, мы пожертвуем союзом. А если не сделаем этого, то сами пропадем.

— Я совершенно согласен со всем, что вы только что изложили, — заявил Крупицы-Говорящий.

— Ваши намерения туманны. — Долго-Не-Думающий мысленно присоединился к Неуловимо-Далекому.

— Я вовсе к этому не стремился. — Глазные стебли Крупицы-Говорящего вытянулись. — Каким-то образом нам следует сохранить как родину колыбель Назначения. А в дальнейшем мы сможем не только отвоевать то, что уступили Узору, но и полностью разгромить его, остановив Человечество. Я посвятил много времени тягостным раздумиям над сложившейся ситуацией — и могу назвать лишь один выход из нее, позволяющий осуществить названное.

Он сделал паузу.

— Как только враг соберется атаковать, мы объявим о том, что сдаемся.

Даже Неуловимо-Далекий остановился.

Все члены Совета почувствовали себя неуютно. Поскольку шутки среди амплитуров распространены не были, все решили, что Крупицы-Говорящий просто нахамил. Искренность сказанного в задаче сомнению не подвергалась, поскольку амплитуры никогда не лгали.

За разъяснениями вынужден был обратиться Долго-Не-Думающий.

— Хотя это и не свойственно настоящему этапу нашего развития, но юмор, как понятие, мы признаем. Настроение сегодня у всех было мрачное. Следует ли понимать, что вы-

сказанное вами предположение было нацелено на поднятие расположения нашего духа?

— Не в том смысле, как вы это полагаете. Я безо всяких оговорок утверждаю, что нам следует сдаться перед неизбежным последним нападением. Сложить оружие, капитулировать, подчиниться. Объявить, что мы отказываемся от проповеди Назначения, освобождаем народы, присоединившиеся к нам в качестве союзников, от их обязательств, передаем большую часть наших вооружений и подпространственных средств под общий контроль Узора и возвращаемся к образу жизни, ограниченному нацеленностью на социальное развитие и созерцание, который был нам свойственен до той поры, как нас впервые озарил великий свет Назначения.

Неуловимо-Далекий ответил за всех.

— Интересный подход к победе. Я, например, не вижу, каким образом ваши предложения помогут выполнить задачи, вами же старательно перечисленные. Лично я не вполне готов к отказу от Назначения, равно как и к капитуляции перед врагом, тем более, без боя за родные мне планеты-близнецы.

— А я ничего говорил об отказе от Назначения, — ответил Крупицы-Говорящий. — Я сказал только, что следует заявить об этом вследствие сдачи. Что касается отдачи врагу наших родных миров, то я уверен, что они не пожелают тратить время и силы на управление тем, что больше не представляет для них реальной угрозы. Я убежден, что местное управление останется за нами, чего совершенно определенно не последует за сокрушительным военным поражением.

— Узор распространит лжеучения и вредную пропаганду среди наших союзников. Все, кого удалось нам вовлечь в Назначение, будут для нас потеряны, — высказал свое мнение Зеленый-На-Песке.

— Не думаю, что все, — Крупицы-Говорящий мысленно обозрел коллег. — Не так уж плохо мы с ними поработали, правда? Многие останутся преданны, благодаря свободе выбора, по доброй воле. А других мы всегда сможем переубедить. В любой момент можно восстановить, что было порушено.

— Тем временем, нас оставят в покое, — продолжил он свою мысль. — За разговорами, за попытками внушения — за всем этим Узор, конечно же, будет следить, дабы мы не не внушали лишнего слишком уступчивым и восприимчивым. Они будут жаловаться, мы — разводить щупальцами, что,

мол, ничего не знаем; а тем временем, мы будем спокойно себе продвигаться в самом важном направлении. Б е з использования той части сознания, которая такую хорошую службу сослужила нам в прошлых делах.

Человечество — вот ключ ко всему. Ведь люди — не только самые эффективные солдаты Узора, они — единственная раса, способная сопротивляться самому прочувствованному внушению. Они ворвались на поле боя из каких-то недосягаемых далей и сразу оказались на стороне Узора, так что у нас не было времени диагностировать, как с ними обращаться. Если нам удастся получить это время, то, я уверен, найдется средство повлиять и на них и на опасность, которую они с собой несут.

— И вы предлагаете получить это время, сдавшись им!? — Костяные пластинки во рту Близ-Холодно-Поющего заскрежетали, перетирая стебель ухваченного им в рот растения. — Или вы думаете, что мир ослабит победителя? Он сохранит свою мощь, а мы вынуждены будем разоружаться. Или, вероятно, вы считаете, что нам удастся с ними обстоятельно побеседовать и уговорить их признать свои ошибки?

— Никаких долгих бесед, что вы! — Крупицы-Говорящий вовсе не хотел загадывать загадок. — Просто я изучил все, что нам известно о Человечестве. Они целиком и полностью посвятили себя войне, оставив свои попытки на поприще искусства, градостроительства — словом, всего, целиком и полностью превратив себя в солдат Узора. Все свои усилия они направили на победу над нами, на подготовку себя к великой, последней, самой главной битве, по окончании которой они смогут, наконец, отпраздновать свой триумф. — Амплитур такое отношение мог понять лишь абстрактно. Для них любая победа оборачивалась также и поражением, поскольку означала гибель множества живых существ, которые иначе могли бы быть вовлечены в Назначение.

— Капитулировав же, мы лишим их этого триумфа. И вместо восторженной радости их будет ожидать горькое разочарование.

— Но они же выиграют войну, — сказал Красное-Небо-Мыслящий. — Это что им, не триумф?

— Но ведь они ее не в ы и г р а ю т. Просто она неожиданно окончится. Чтобы понять разницу, необходимо сначала понять, как функционирует эта практически непроницаемая

штуковина — человеческое сознание. Не они побьют нас — а мы сами сдадимся. Тут для людей колоссальная разница. Очень болезненное различие, сами увидите. Они очень недолго будут испытывать к нам благодарность за капитуляцию.

— Но если у них в крови такое разочарование, которое вы подметили, — поинтересовался Зеленый-На-Песке, — то не получится ли, что они первым делом выместят его на нас, все равно напав на наши планеты?

— Небольшой риск такого поворота имеется, — признал Крупицы-Говорящий, — но я не думаю. Рамки, в которых они дееспособны, заметно очерчены с помощью союзников по Узору; которые, по традиции, отвечают за материальное обеспечение. Без действенной поддержки со стороны других видов они едва ли смогут что бы то ни было предпринять. Если Узор примет нашу капитуляцию, все участники боев должны отойти в свои миры. Люди могут начать протестовать, но транспортом-то они не управляют. По крайней мере, он у них не в тех количествах, чтобы нанести нам серьезный урон. А их собственное командование настолько прочно переплетено с массудским и прочими, что действовать в одиночку им крайне опасно.

— Это ваше неприглядное предложение может сохранить нам родину, — согласился Красное-Небо-Мыслящий, — но я отказываюсь понять, каким образом это поможет нам возродить Назначение.

— Люди отреагируют в точности так же, как и представители любых видов, размножающихся половым путем, когда сталкиваются с невозможностью осуществить предвкушаемое единение, за исключением того, что возникающая у людей неудовлетворенность, фрустрация выплескивается в виде невероятной, высочайшей агрессивности. Те, кто с детства готовился к битвам, очень скоро примутся искать новые выходы переполняющим их эмоциям.

— Но, когда война кончится, выходов не останется, — сказал Красное-Небо-Мыслящий. — Вы сами признали, что остальной Узор за этим проследит.

— Но есть исключение, за которым Узор не сможет и не захочет следить. У Человечества остается первоначальный выход для накопленной фрустрации и агрессии.

— Не хотите ли вы сказать, что они станут искать, с кем можно повоевать помимо нас и наших союзников? — вступил

в обмен мнениями Объемлющий-Телом-Дерево. — Что они нападут, скажем, на Гивистам или даже на Массуд?

— Нет. Боюсь, что, хотя формального членства в Узоре Человечеству предложено так и не было, но оно настолько долго было частью сообщества Узора, что это маловероятно. Когда я заявляю, что люди, скорее всего, вернутся к первоначальному выходу для скопившейся агрессии, я имею в виду абсолютное значение этой формулировки. Не имея для ведения войны иных противников, они поднимут оружие друг на друга.

Зал заседаний заполнился возбужденными мыслями.

— Совершенно определенно, долгое сотрудничество с цивилизованными расами Узора дорастило их до уровня, когда это исключено, — заявил Долго-Не-Думающий.

— Не думаю. Первым людям, с которыми Узор вступил в контакт, такое бы и в голову не пришло. Вспомните мой первый постулат: Человека может победить только Человек. Устранив себя в качестве угрозы для них, мы заставим тем самым перефокусироваться их гормоны. Я глубоко убежден, что за столь короткий исторический срок, который прошел с начала их участия в войне, они далеко не полностью успели цивилизоваться. И когда им не с кем станет сражаться, они снова примутся сами за себя. Их история показывает, что когда какой-либо группировке людей перестает угрожать внешний враг, тут же начинается внутренняя борьба за власть.

— А разве, предвидя такое, другие члены Узора не будут стремиться этому помешать? — поинтересовался Неуловимо-Далекий.

— Вмешаться в схватку между людьми? Сомневаюсь. Из всех них только Массуд имеет какое-то влияние на людей, но я не думаю, чтобы Массуд пошел на такое по своей воле. Они вернутся на свои планеты и возобновят мирный образ жизни. Не забывайте: люди воюют ради удовольствия; массуды же — по необходимости. Узор прикрыл бы такой конфликт только в том случае, если бы он вдруг затронул один из его миров. А так, люди со временем ослабят себя настолько, что не будут представлять больше реальной опасности нашим целям и планам. Это может занять немало времени, но мы всегда отличались терпением. Мы ждали тысячелетия. Назначение не исчезнет, оно просто отдохнет.

— Капитулируем же мы честно, — продолжил он. — Мы

откажемся от вооружений. Мы удалимся на священные миры-близнецы. И будем тут выжидать, когда пробьет наш час. Мы не будем навязывать Назначение Мазвеку, Копави, Корату или Вандиру, как мы делали в прошлом. Но это не значит, что мы не сможем бывать среди них, поддерживать традиционную дружбу. Всегда можно будет воспользоваться предлогом, что мы боимся Человечества. Члены Узора поймут нас.

Мы просто признаем свое поражение в этой войне. Что касается будущих войн, то про них нас никто ничего говорить не заставляет.

В палате Совета установилась задумчивая тишина. Предложение было более чем радикальным, не говоря уже о том, что вело к огромному риску. Самое простое: а что, если Крупицы-Говорящий не прав? Что, если, несмотря на запрет Узора, разъяренные, обманутые люди захватят достаточное количество судов и нанесут мощный удар? Даже в небольшом количестве они могут нанести серьезный урон планетам-близнецам.

Но, однако же, если предположения, высказанные Крупицы-Говорящим окажутся верны, и люди возобновят войны между собой, то в этом случае будущее, сколь бы оно не оказалось отдаленным, давало надежду на просветление. Члены Совета знали, что если представится возможность сразиться с Узором, на стороне которого уже не будет людей, то Назначение не сможет не победить.

Опасно, конечно, — думали они. Опасно в высшей степени. Однако и возможные в данном случае альтернативы мало чего обещают.

— При таком течении событий мы могли бы в дальнейшем рассчитывать на что угодно. — Крупицы-Говорящий сканировал коллег. — Условно говоря, потомки наших потомков вполне могут завоевать Галактику. В противном случае, мы можем лишь попытаться сокрушить силы, которые собирается направить сюда Узор. Среди присутствующих есть хоть один, кто реально считает такое возможным?

В последующей тишине крутились лишь ленивые обрывки мыслей. Кто-то похрупывал листиком.

— Так и думал, что нет, — заключил Крупицы-Говорящий. — Поверьте, если бы хоть кто-то предложил что-то более достойное, я сам с радостью бы на это подписался. Что до меня, мне ничего больше в голову не приходит.

Если должным образом к этому подойти, то в перспективе Человечество окажется не могильщиком Назначения, но его спасителем.

Неуловимо-Далекий тихо предположил:

— А что, если люди не примутся сражаться между собой, а тихо и мирно сложат оружие и начнут придерживаться цивилизованного образа жизни?

— Такой риск есть. Но в таком случае все будут настолько умиротворены, что едва ли станут возражать, если мы вдруг захотим с ними немного пообщаться — подкинуть мыслишку в одном месте, о чем-нибудь намекнуть в другом. А история их показывает, что разрушать и убивать они принимаются по малейшему поводу, по самому пустячному предлогу. Было время, когда они собственную планету едва не уничтожили оружием массового поражения.

Зал наполнился удивленными и недоверчивыми мыслями тех членов Совета, которые были слабо осведомлены в вопросах истории Человечества.

— Это истинная правда, — еще раз подтвердил Крупицы-Говорящий.

— И, наконец, я прошу вас заметить, что мой план ни в чем не является отходом от постулатов Назначения. Капитулировав, мы сохраним тысячи жизней, а также жизней их потомков, которые в будущем можно будет присоединить к Назначению.

Словесного голосования не потребовалось. Согласие было всеобщим и молчаливым. Крупицы-Говорящий испытывал глубокое внутреннее удовлетворение.

Когда все кончилось, размышления потекли в обычном свободном русле.

— А сколько именно времени, с вашей точки зрения, может потребоваться , чтобы внутривидовой конфликт в достаточной мере ослабил человечество?

— Не знаю. Их история не дает однозначных точек отсчета для измерения и оценки. Но как смиренные представители сдавшегося вида мы, естественно, сделаем все возможное, чтобы посеять среди них семена взаимного недоверия, которые со временем дадут пышные всходы конфликтов.

— А вы не думаете, что они могут заподозрить нас в подобной деятельности?

— Вполне вероятно. Действовать нам придется крайне

осторожно. Но многое говорит в нашу пользу. Люди одновременно доверчивы и чванливы — это потенциально самоубийственное для них сочетание, которое мы проэксплуатируем самым полным образом. Вполне может оказаться, что несколькими продуманными и вовремя произнесенными фразами мы причиним им больший урон, чем за все время войны смогли причинить энергетическими лучами и взрывчаткой.

— Это хорошо. — Долго-Не-Думающий был окончательно убежден. — Ведь это будет означать конец боям, конец потерям наших драгоценных братьев. Мир восторжествует внутри Назначения. Дальше мы будем сражаться без оружия. А мы тем временем будем накапливать знания — и одновременно искоренять Человечество. Мы будем учиться и помнить. И, может быть, со временем кто-то из амплитуров откроет химический или неврологический способ обезвредить их окончательно.

— Я проинформирую военных. — Неуловимо-Далекий был печален, как и подобает моменту. — Мы приготовимся к объявлению капитуляции.

—Пока рано, — мягко напомнил коллегам Крупицы-Говорящий. — Чтобы добиться максимального эффекта, мы должны дождаться последнего момента. Пусть соберут силы, пусть примчатся сюда через подпространство, соблюдая мнимую секретность. И только когда они и в самом деле окажутся в непосредственной близости от наших миров-близнецов, вот тогда мы и капитулируем.

В конце заседания большинство членов Совета размышляло в основном о том, почему им не пришла в голову такая простая и выигрышная мысль. Откровенная ее гениальность заставила каждого из них испытать новый прилив преданности ясному, на все дающему ответ Назначению.

Глава 14

На всех мирах Узора закончились приготовления — приготовления, которые заняли, конечно, некоторое время. Широкая сеть войск и вооружений, кораблей и обеспечения была стянута в плотное кольцо. И вот настал момент, о котором немногие избранные, знавшие об истинных причинах этих

приготовлений, не могли и мечтать, настолько нереальной казалась сама возможность его наступления еще при их жизни.

И хотя конечная цель была известна лишь горстке в самых верхах военного командования, даже самому низкому по рангу лепару было ясно, что готовится нечто грандиозное. Уж слишком много кораблей, слишком много припасов посылалось на одни и те же немногочисленные сборные пункты: малоизвестные, едва населенные миры, расположенные вдали от боевых действий. Проделывался невероятный объем работ по тыловому обеспечению.

Будучи собраны, тысячи солдат в ожидании гадали между собой, зачем такие тучи кораблей и горы оборудования плавают у них над головой на орбите, и дожидались распределения по подпространственным транспортам. Прибывали массуды, техническая поддержка из гивистамов и о'о'йанов, были и с'ваны, что вызывало волну явного недовольства.

И конечно же, люди. Самые отборные части, в которых было множество ветеранов самых различных успешных кампаний последних лет. Но даже их офицеры не в состоянии были ответить ничего на бесконечные вопросы любопытствующих воинов, кроме того, что им пообещали, что в ближайшее время все будет доведено до сведения всех — от рядовых до высших чинов.

Передвижения вооруженных сил в таких объемах утаить, конечно, было невозможно, но сколько сил и средств ни тратили любопытные репортеры, раздобыть никакой информации им не удавалось. Единственное, чего невозможно было скрыть, так это факта, что возбуждение и напряжение задействованных людей достигло воистину взрывоопасного уровня.

Это был уникальный феномен, свойственный лишь приматам. Для массудов и прочих подобные приготовления поводом для радостного возбуждения не служили. Они, в отличие от людей, не жаждали схватки. Они собрались и тихо ждали, только диву даваясь, сколько энергии тратят их собратья по оружию — люди — на радостное предвкушение.

Пара или тройка заметили отсутствие хотя бы единственного турлога в разношерстной боевой массе. Этот явный пробел вызвал любопытство, но не более.

Все время, пока шло наращивание военной мощи, полковник Страат-иен поддерживал связь с другими членами Ядра, записывая ход развития и делясь с ними информацией,

пока и его тоже не назначили на корабль, находящийся на орбите периферийной планеты, полного названия которой он даже не запомнил. Вместе с ним, наблюдая и анализируя, отправлялась в путь историк Лалелеланг, прихватив с собой объемистый архив записей и заметок. Когда было время, они обсуждали ее теории и, что теперь было не редкостью, интересы совершенно личные.

Когда имя текущей цели огромной группировки стало официально известно на уровне Страат-иена, что было неизбежно, они все равно с превеликим трудом смогли в это поверить, в точности так же, как и все остальные, кто все это время жил, даже и не подозревая, что такая возможность существует.

— Родные планеты Амплитура. — Лалелеланг изящно клюнула головой для усиления своей мысли. — От вас я узнала, что они обнаружены, но у меня и мысли не возникало, что война продвинулась уже так далеко.

— Ни у кого не возникало.

Страат-иен с одобрением посмотрел на нее. Насколько он мог сказать, она умеела держать слово. Ничто из того, что она узнала от него о нем самом и о его сородичах, не было сообщено куда бы то ни было, даже в виде запечатанного архива.

А что же теперь с ее теориями? — поймал он себя на мысли. Предположения, которые оба они видели не иначе, как на полке среди томов научных исследований, вот-вот могли подвергнуться реальной проверке. Или он забегает вперед? — подумал он. Ведь то, что нападение на родину амплитуров запланировано, еще вовсе не означает, что оно будет успешным, не означает, что окончание Великой Войны неизбежно. Значит это, собственно, лишь одно, что много солдат с обеих сторон канут в Лету.

— Когда же? — услышал он ее вопрос.

— Это мне еще не сказали. Вам не доводилось стоять ночью на верхней наблюдательной платформе и смотреть в небо? Вокруг этой планеты — кольцо. Может показаться, что оно тут было всегда, но оно новое и искусственное. Это сплошь транспорты — загруженные и готовые к отправке в подпространство. И все новые прибывают и прибывают. Я много за свою жизнь перевидал ударных группировок — но подобной не доводилось. Там сотни кораблей, и на других планетах

собираются такие же флотилии. Это крупнейшая тыловая подготовка, которую когда-либо предпринимал Узор.

— В подпространстве места полно, но как материализовать все это в одной и той же точке при выходе из него? — продолжал он размышлять. — Тут было проведено какое-то беспрецедентное предварительное планирование. Как я рад, что я просто солдат.

— Для кого угодно, кроме человека, Неван, в этой фразе было бы заложено внутреннее противоречие.

После этого оба умолкли, размышляя над возможными перспективами, которые так неожиданно приблизились на многие сотни лет.

Неустанная подготовка продолжалась, как, впрочем, и бои во всех горячих точках. Несмотря на тщательность, с которой скрывалось место назначения собираемой армады, теми, кто привык над такими вещами задумываться, подвергалось сомнению, что Амплитур удастся застать врасплох. Они всегда вели очень эффективную разведку внутри Узора, а подготовка атаки такого масштаба не могла ускользнуть от внимания их оперативников.

Благодаря отвлечению такого количества военной мощи с места боев Амплитуру удалось одержать несколько незначительных побед на местах, но, как бы там ни было, от этого они просто станут еще решительней и воинственней настроены. И все-таки высшее командование Узора рассчитывало достичь хотя бы некоторой неожиданности при нападении. Враг, по крайней мере, не должен знать, на который из двух его миров нападение последует первым, и оборону ему придется поделить, соответственно, поровну между ними.

По самой крайности, если Амплитуру удастся отразить нападение, стянув для этого отовсюду необходимые силы, то Узору удастся одержать крупные победы на оголенных мирах. Стратеги Узора были уверены в своих планах, даже не имея возможности предсказать, в каком из направлений последует успех. Но победа будет отражена — просто никто не может знать наверняка, где она произойдет.

Как и сотни других офицеров, Неван регулярно получал официальные приказы. Лалелеланг, единственная вейс среди солдат-людей, с энтузиазмом продолжала работать, записывая, анализируя создание и отправление войсковых соединений. Она стала настолько привычным зрелищем, что в

армейской круговерти никто уже не отпускал замечаний по поводу ее присутствия, и у нее появилась возможность ходить среди солдат с небывалой прежде свободой и спокойствием.

С Весилиана, с Третьей планеты Нойонга, с Олебебунды, Дидона и десятка других незначительных планет уже отбыли огромные флотилии. Приготовления продолжались в подпространстве и будут продолжаться там до самого момента выныривания. О строении поверхности планет Амплитура мало чего было известно, но никто не сомневался, что они будут подходить под общие мерки для населенных, цивилизованных планет: единый, обширный материк, омываемый со всех сторон океанами, вокруг которого раскиданы по шельфу немногочисленные острова. От всеобщей схемы отклонялась только Земля. От Аила и Эила таких сюрпризов не ждали.

В зависимости от степени неожиданности, которой удастся достичь Узору, реакция Амплитура представлялась различной. Но несмотря на тщательнейшие проработки, никто ни на одном из кораблей ударной группы не был готов к тому, что встретит их сразу же после выхода из подпространства.

А встреча была организована в форме сообщений по открытой связи, которое повторялось непрерывно на дюжине основных языков Узора. Исходило оно с обоих миров Амплитура и эффективнейшим образом расстроило любые варианты тщательно разработанного плана нападения.

Естественно, первым делом это было принято за уловку, отчаянный отвлекающий маневр, который дал бы защитникам время мобилизовать и сконцентрировать оборонительные рубежи. Несколько командиров боевых кораблей были вовсе за то, чтобы не обращать внимания на это сообщение, переданное по всем частотам, и продолжать операцию согласно разработанному плану. Но настойчивость вещания, отсутствие отпора со стороны орбитальных защитных систем и соответствующие сообщения от Мазвека, Криголита и других соседей по альянсу, только усилили веру в то, что это не обман.

И все равно, высшему командованию трудно было поверить своим ушам. Специалисты-дешифровщики и другие сотрудники разведслужб принялись за работу, исследуя глубины сообщения, равно как и перемещения на поверхности Эила, на орбите которого вынырнула великая армада. Укрепления на поверхности, определенно, имелись, но задействованы не

были. И — сколь бы невероятным не показалось это сначала — специалисты на борту стали сходиться на мысли, что назойливо повторяющееся сообщение вполне может соответствовать действительности. Амплитурологи указали, что помимо прочего это подтверждается в значительной степени социокультурными прецедентами.

Амплитур не врал.

* * *

Озадаченная Лалелеланг разыскивала на центральном плацу Страат-иена. Повсюду вокруг группы людей что-то кричали и выли, бешено подпрыгивали, радостно набрасывались друг на друга.

Как и все в их обществе, даже радость была окрашена у людей в агрессивные тона. Она держалась в сторонке, жалась к стенам, дабы не быть затоптанной в потоке безраздельного ликования.

Она мало внимания обращала на происходящее, поскольку неоднократно наблюдала и записывала подобное, — она была свидетельницей стандартной сцены стадного триумфа приматов.

Она нашла его сидящим сбоку у иллюминатора и созерцающим проносящиеся внизу панорамы родины амплитуров.

— Что такое? Что вы хотите сказать? — Рекордер у нее был включен. Как всегда, гримасы на лице давали восхитительную картину человеческого мыслительного процесса. Однако нынешнее его выражение она затруднялась перевести. Он выглядел одновременно смутившимся и задумчивым.

— Это все из-за проклятого Амплитура. Они сдались.

— Сдались? Но почему? Они что, потерпели где-то еще крупное поражение?

— Никто не знает. Никто, похоже, толком ничего не понимает. У всех по-прежнему полно вопросов. Амплитур же тем временем позволяет кораблям беспрепятственно приземляться, а их орбитальные вооружения никак не реагируют на наше присутствие. Ходит гипотеза — но это только гипотеза — что едва они увидели, какими силами мы на них нападаем, тут же решили избежать напрасных потерь, прежде чем они произойдут. Да, Лалелеланг, Великая Война окончена.

Не будучи способной самостоятельно взобраться на скамей-

ку, сконструированную под человека, она поджала ноги и уселась рядом с ним на полу.

Вся их жизнь целиком очерчивалась войной, если и не сводилась к ней. Поколение за поколением не знали ничего, кроме войны. Они воспитывались под ее давящим присутствием, довлеющим над сознанием. Причина конфликта лежала в глубокой древности, он брал начало тысячу с лишним лет назад, когда произошел первый контакт между Узором и Сспари. Так могло ли такое присутствие просто исчезнуть?

— Все кончено, — сказал полковник Страат-иен. — Но сколько времени пройдет, прежде чем уляжется истинное значение этих слов? И что будет теперь?

— Это едва ли кажется возможным, — пропела она за неимением ничего более продуманного.

Человек пожал плечами.

— Возможно это или невозможно, но так случилось. Согласно тем немногим сводкам, что мне довелось просмотреть, прямо сейчас, когда мы здесь сидим, враг сдает оружие, транспорт, средства связи — все. Нет больше войны. Не с кем больше драться.

— Вейсы никогда ни с кем не дрались, — напомнила она.

— Вы знаете, что я имею в виду, — нетерпеливо ответил он. — Узор. Он, вероятно, просто распадется за ненадобностью, как только Амплитур будет полностью разоружен. Он и возник-то специально с целью противостояния им. А как только их победили и заизолируют, Вейс и Гивистам, О'о'йан и С'ван — и все остальные тоже несомненно захотят снова пойти своим независимым путем.

— Я не уверена, что согласна с вами. Узор на протяжении уже стольких веков представляет из себя действующую организацию, что вполне может просуществовать еще очень долго — даже после того, как исчезнет первоначальная причина, побудившая к его основанию. — Поведайте мне свои мысли, полковник Неван. Это настоящая капитуляция или очередная хитрая задумка вечно непроницаемых амплитуров?

— Я думаю, что это какой-то трюк, но командование укомплектовано личностями куда более чувствительными, чем я. И даже если Амплитур пытается нас обмануть, с'ваны не дадут себя одурачить. — Он кивнул в сторону жестикулирующих, галдящих военных. — Именно поэтому я считаю празднование преждевременным. Никому еще не дали команды

«отбой». Но невозможно заставить людей не реагировать на новости. — Он пожал плечами. — Не знаю уж, что может сделать Амплитур без кораблей и вооружений, при том, что силы Узора расположатся на его планетах.

— Давайте предположим, что это реальность и что все это на самом деле означает конец войны. Что, по-вашему, теперь произойдет?

— С чем?

— С вами, с вашими товарищами-людьми.

— Что? А, вы про ваши теории. — Он доверительно улыбнулся. — Я полагаю, часть из нас останется здесь, помогать разоружению врага и участвовать в демонтаже их орбитальных комплексов. Разумное число будет постоянно находиться на двух планетах Амплитура, чтобы не спускать глаз с их дальнейшей деятельности. То же самое может иметь место на ключевых мирах Криголита, Мазвека, Ашрегана и прочих воевавших союзников Амплитура. Те же войска, которые не потребуются для исполнения подобных обязанностей, будут по возможности скорее отпущены по домам. На Землю, на Асмарию, на Барнард и так далее.

— А потом?

— Я знаю, о чем вы думаете, Лалелеланг, но я по-прежнему считаю, что вы не правы. Они вернутся к мирным делам. К производству, искусству, образованию, сельскому хозяйству — просто к жизни.

— Но есть другие виды, которые все это умеют делать лучше, чем Человечество. И если вы отважитесь утвердиться в этих отраслях за пределами планет, где в настоящее время проживаете, то неизбежно столкнетесь с конкуренцией Гивистама и О'о'йана в промышленности, Вейса — в искусствах и даже Лепара — в неквалифицированном труде.

— Я думаю, вы будете удивлены, как хорошо мы умеем переориентировать свою энергию, Лалелеланг.

— Как я уже неоднократно заявляла, ничто так не порадовало бы меня, как это. — Безобидные огромные голубые глаза сверлили его. — Вот вы, например. Вы хоть раз задумывались, каким родом деятельности могли бы заняться вне армии?

Он моргнул.

— Не то чтобы... Ведь я не мог предвидеть, что война кончится уже сегодня.

— И я уверена, что то же самое ответит мне любой человек. Интересно было бы пронаблюдать их реакцию на мой вопрос.

— Вы никогда не отдыхаете, Лалелеланг?

— Я посвятила себя работе. С чего бы мне отдыхать?

Он понимающе улыбнулся, но в глубине души не проходил тревожный шепот, настойчиво спрашивающий: а не оставит ли его эта уверенность?

* * *

Как только радостная весть долетела через подпространство до планет Узора, как только начал доходить до всех ее смысл, повсеместно повторился миллионы раз взрыв эмоций, подобный тому, что произошел на корабле. На планетах, населенных не людьми, выразился он менее буйно, но с равным энтузиазмом.

Как только родина Амплитура и других союзников были обезврежены, армия Узора пошла на научно обоснованное, но неуклонное сокращение боевой силы. Целые соединения попрежнему требовались не только для присмотра за бывшим врагом, но и для наблюдения за уничтожением огромных арсеналов вооружений. Целая отрасль промышленности выросла из простой необходимости присмотреть за правильным повторным использованием необъятных ресурсов, предназначенных изначально для нужд войны и разрушения.

* * *

На мирах Человечества возвращающиеся войска встречали отработанными парадами и массовыми излияниями облегчения и признательности. Отставные военные массуды расползлись по Массудаю и другим своим поселениям, где их куда менее помпезно встречали их семьи и кланы. Технический персонал — гивистамы и с'ваны спокойно перешли к нормальной, цивилизованной жизни. Заторможенные лепары тихо вернулись на немногочисленные свои миры, будто ничего значительного и не произошло, в то время как у вейсов окончание Великой Войны нашло отражение в лавине произведений искусства — лаконичных и сдержанных.

На мирах, населенных союзниками Амплитура — криголитами, ашреганами, сегунианами, копави, т'ретури, — возвращающиеся домой солдаты с тревогой и надеждой ста-

рались поскорее затеряться среди прочего населения. Были зафиксированы первые, пока еще отдельные случаи индивидуального отказа от догматов Назначения, хотя в целом продолжали цепляться за него, поскольку в течение многих столетий лишь Назначение было главной движущей силой их обществ.

У Лалелеланг не было ни времени, ни желания праздновать. К тому же возбужденное выплескивание эмоций не принято было в обществе Вейса. Она вернулась под слегка настороженные дифирамбы своих коллег, которые одновременно были восхищены и встревожены ее работой.

Мало того, что она была небывалого объема, от самого по себе предмета дух захватывало его беспрецедентностью. Что бы ни думали сами по себе другие вейсы, каким омерзительным ни считали бы предмет ее исследований, но игнорировать его было невозможно. Она совершила все, ради чего пускалась в экспедицию, и отразилось это в скромных, но значимых почестях, которых она была удостоена сразу по возвращении. Ее положение в научном мире никогда уже не сможет быть подвергнуто сомнениям.

Она возобновила проведение семинаров, одновременно пытаясь выявить первостепенное в собранных ей обширных архивах. Без самых современных методов каталогизации невозможно было бы даже просто усвоить названия разделов, не говоря уже о том, чтобы составить многие тысячи тематических перекрестных ссылок. Единственное, что ей помогало, так это то, что толпы ученых отнюдь не выстраивались в очередь, чтобы заглянуть в ее открытия. Избранная ей отрасль знаний по-прежнему оставалась для вейсов мало привлекательной. При личном же общении как коллеги, так и студенты, относились к ней, как к заслуженному художнику, написавшему отмеченную призами, но никому не понятную картину.

Проявляя крайнюю степень разборчивости в словах и построении фраз, друзья и знакомые, все как один, намекали ей, что прожитое явно не украсило ее внешности. Ничего оскорбительного за их словами не таилось. Ничего другого и ждать было нельзя, учитывая, через что она прошла. Мало кто способен был даже абстрактно обсуждать боевые действия, не говоря уже о том, чтобы наглядно представить себе, каково поучаствовать в них в компании остервеневших людей, и не почувствовать приступа тошноты. Теперь, когда война позади,

ее работу можно взаправду отнести к области исторических исследований.

Она понимающе терпела аффектацию тех, с кем ей доводилось общаться, терпеливо снося даже тех, чье брезгливое присутствие на ее семинарах объяснялось исключительно желанием примазаться к чужой академической славе. Во всем же остальном она ничуть не изменилась в результате пережитого ей опыта, и даже все также продолжала пренебрегать исполнением своих светских функций в обществе сестер по триаде. Слишком много дел, объясняла она. До своего путешествия было слишком много дел по его планированию, а теперь — организационных. Ее семья и сестры отчаялись хоть как-то повлиять на ее угнетающую общественную пассивность.

И чем дольше она работала, чем больше посвящала себя исследовательским построениям, тем меньше видела перед собой возможности опровержения первоначальной гипотезы.

Непосредственно после победы над Амплитуром последовал период общественного умиротворения. Но оно уже начинало распадаться. Признаки опасности накапливались далеко не на одной из планет Человечества. И никто другой не распознает их истинного смысла, только историк Лалелеланг безошибочно видит их значение.

Бунт в Кендай-Сити на Эдо. Война вооруженных банд на Колумбии. Конфликт на Барнарде. И все более разрастающиеся враждебные настроения, особенно на Земле, в большинстве своем связанные с солдатами, вернувшимися с войны и испытывающими трудности в приспособлении к цивилизованному, мирному обществу, которые она и предвидела.

Для Лалелеланг все это представлялось неизбежным. А чего еще можно было ожидать от вида, который все последние века вдохновлялся Узором на то, чтобы отдать всю свою энергию на создание самых эффективных в Галактике вооруженных сил? Чего хотели С'ван и Гивистам? Они воспользовались услугами откровенно нецивилизованных существ. А теперь хотят, чтобы они отреагировали на изменение обстановки самым что ни на есть цивилизованным образом.

Воевавшие вместе мужчины и женщины имели тенденцию держаться вместе посредством общественных клубов или традиционных армейских формирований. Только там чувствовали они зачастую возможность найти единственный выход

для выплескивания своих смятенных чувств и внезапно ограниченной в проявлении агрессивности. Выискивая и интерпретируя все эти знаки, она видела, что послевоенный взрыв, которого она боялась, уже накапливается. И если ее теория верна, то для всех цивилизованных обществ Узора, включая ее собственное, очень скоро вопрос будет стоять не в том, удастся ли этот взрыв предотвратить, а в том, удастся ли его выдержать.

Тот факт, что для других видов не существовало более объективных сдерживающих причин, мешающих им открыто высказывать свою неприязнь к людям — вонючим, грубым, нецивилизованным, — только усугублял проблему.

Механизм был запущен.

Глава 15

Когда ей доложили о посетителе, она сидела в своем кабинете, глядя поочередно на один из двух экранов и не обращая внимания на яркое солнышко, золотом покрывающее садовое оформление за окном. Уединившись за своим оборудованием, она пыталась привести в порядок мысли, но обнаружила, что сделать это куда сложнее, чем составить формальные каталоги систематизированной информации. Кроме того, она потеряла практику. Чужие слова и фразы доходили до нее медленно, со ржавым от долгого неиспользования скрипом.

Она проверила, хорошо ли запечатана дверь в офис, и пошла по коридору в направлении официального приемного центра. Это было лучшее место для встречи. Ее посетителю коридор будет слишком узок, а потолки слишком низки.

Кроме того, она не позавидовала бы всякому вейсу, случайно встретившемуся на его пути, тем более в такой стесненной обстановке.

В приемной он ждал один, скрестив вытянутые вперед ноги и откинувшись на вращающемся кресле. Позади него кружились в торжественной процессии жидкие шарики, поддерживаемые и направляемые силовыми магнитными линиями, запрограммированными художником; переливающаяся жидкость обходила стороной побеги цветущего кандра и выбрасывалась вверх грациозными изгибами из расположенного в середине плантера.

Она обратила внимание на притягиваемые им взгляды прохожих, старавшихся украдкой взглянуть на него. Ничего удивительного в этом не было. Махмахар был в свое время очень далеко от фронта, насколько можно говорить о фронте при межзвездном конфликте. Никаких военных заказов на нем размещено не было. Даже в столице трудно было встретить человека. А здесь, в академическом городке, их так и вовсе не знали. Поэтому все и стремились тайком поглядеть, что же это за небывалый гость. Но держались на расстоянии.

Некоторым не удавалось сдержать себя — и они разглядывали его беззастенчиво. Все ахнули, когда она бесстрашно направилась прямо к пришельцу и, протянув кончик крыла, пожала ему ладонь. Тут же осознав за собой полную потерю такта, все они устремились прочь, пытаясь прикрыть лицо взъерошенными перьями крыльев. Не всем это удалось.

— Очень рада снова видеть вас, полковник Неван Страат-иен.

Понимая, что может испугать других, он старательно не улыбался — даже ей.

— Для вас я по-прежнему просто Неван, уважаемый историк. — Он указал на обстановку. — Что, много шума из-за меня?

— Университету позволено принимать одного гостя-человека в год, — объяснила она, — и то с высочайшего дозволения администрации. Ваше здесь присутствие сравнимо с прогулкой земного недрессированного льва или тигра по детскому саду. Проявите снисхождение к моим коллегам. Любопытство на какой-то момент пересилило их природную вежливость, не говоря уж об инстинктивном страхе.

— Я, признаюсь, ожидал, что обитатели учреждения высочайшей культуры окажутся более разборчивы.

— Высшее образование еще не подразумевает высокого ума. Они проявляют в ваш адрес ровно такое понимание, какого, с их точки зрения, вы заслуживаете. Давайте пройдем в мой кабинет. Только берегите голову — потолки у нас низкие.

Вызвав легкую панику среди нескольких затаившихся наблюдателей, она продела кончик крыла в кольцо, образованное его левой рукой; для выполнения этого маневра ей пришлось слегка вытянуться. Хорошо еще, что Страат-иен был ниже среднего человеческого роста, иначе бы у нее ничего не вышло. Он все равно башней высился над всеми, кто был в

приемном зале. Более всего зевак поразило даже не то, что она легко выдерживает физический контакт с ним, а то, что она сама на него пошла.

Он раздвинул цветы и прочие безделушки, украшавшие подоконник ее кабинета, выходившего на окрестный пейзаж, и устроился на нем. Выбор был между подоконником и полом, поскольку никакая мебель его не выдержала бы.

— А я остался на службе.

— Я заметила, — тихо сказала она.

— И никак не могу забыть вашу теорию. Даже если бы захотел, никак бы не смог от нее отделаться. С самого момента капитуляции Амплитура я стал очень много внимания уделять всеобщим новостям, а также проводить кое-какие собственные изыскания и проверки. И мне не очень нравится, что за всем этим кроется. — Он заколебался. — Боюсь, что вы можете оказаться правы.

Легким взмахом крыла она указала на один из экранов, на котором ничего не было.

— Я также не нашла ничего, чем можно было бы меня опровергнуть. Но есть еще надежда. Индекс взрывоопасности, который я разработала, уже около двух месяцев находится на стабильном уровне. Есть вероятность, что выше он и не поднимется.

— Вы в это верите?

Она мелодично вздохнула, тяжелые ресницы, наконец, поднялись, и мягкий взгляд уставился на него.

— Нет.

— И я тоже. Не могу, поскольку прекрасно знаком с вашими трудами. — Встав, он достал из кармана небольшой прибор и, обходя кабинет по кругу, внимательно считывал его показания. Удовлетворившись, он занял свое место на подоконнике.

— Я регулярно связываюсь с членами моей большой семьи. — В пояснениях нужды не было. — Они все осведомлены о вашей теории, но они разделились относительно ее достоверности. В любом случае, они мало чем могут помочь. Как вам известно, мы не можем воздействовать на свой вид, равно как и действовать открыто. Нам удалось предотвратить несколько потенциально неприятных ситуаций, сделав соответствующее внушение их участникам не из людей. В обоих случаях в деле были замешаны массуды. И это плохой преце-

дент. Некоторые из тех, с кем мне удалось обменяться мнениями на этот счет, полагают, что несколько столетий контакта с Узором вывели бы из нас склонность к внешним проявлениям агрессивности, но помешала эта война.

— Я склоняюсь к тому же, — согласилась она. — Как можно требовать от народа, чтобы он сначала производил одних военных, а потом вдруг переключился на инженеров и агрономов? Это слишком суровое требование даже для цивилизованной расы, не говоря уже о Человечестве. — Она немного помолчала. — А какие новости с Амплитура? Они на самом деле сложили оружие?

— Оружие-то сложили, это верно. Но по-моему, не сдались.

— Я думала, что в совершенстве знаю ваш язык. На первый взгляд, это одно и то же. Будьте добры пояснить, Неван.

— Мое положение дает мне доступ к очень большому объему информации. Война окончилась, это налицо. Амплитуры и их союзники продолжают передавать нам свое оружие для демонтажа. Заводы, которые это оружие веками производили, быстро конверсируются под выпуск мирной продукции. Ученые Гивистама начали работу над техническим осуществлением избавления рас, подобных мазвекам, от генетических манипуляций, которыми они за века были подвергнуты со стороны Амплитура. Инспекционные бригады Узора даже были допущены с этой целью на их миры.

— А что с их великим и могучим Назначением?

— Они продолжают его пропагандировать, но только словесно. Они говорят, что заклялись использовать свою выдающуюся мысленную способность для насильственной манипуляции другими.

— Это неважно, — промурлыкала она. — Такие вещи можно проверить, и Амплитур об этом знает. Кроме того, они никогда не лгут. — Она посмотрела в прозрачное голубое небо за окнами здания.

— У моего вида есть старинное высказывание, что называется, в корень, которое сводится к тому, что в любом деле главное — начать. А если не говорить иносказательно, то у нас им многие не верят.

— Но люди никому не верят, — напомнила она ему, — включая друг друга. Принимая во внимание вашу извращенную историю, по-другому и быть не может. Именно поэтому

я и озабочена была все время делами вашего народа. Задачу отслеживания махинаций Амплитура я оставлю другим. Человечество — вот что меня тревожит. А теперь, когда война закончилась, тем более. Тут весь вопрос в том, смогут ли ваши люди преодолеть столетия поощрения со стороны Узора и тысячелетия вашей собственной неуравновешенной исторической эволюции — и построить-таки цивилизованное общество?

— А то вдруг еще не подтвердится ваша теория, — пробормотал себе под нос полковник.

— И ведь подумать только! Первый из вступивших в контакт, Уильям Дьюлак, был убежден, что мы не достаточно воинственны, чтобы помочь вам в войне! — сказал он вслух.

— Со временем, однако, он и сам отправился воевать, — напомнила она ему.

— Вроде того. Узор-то проследил, чтобы большинство подобных Уиллу Дьюлаку исчезли из человеческого генофонда. А теперь нам всем — и людям, и не-людям — приходится иметь дело с последствиями.

Он встал и зашагал по комнате — вид занятия, от бесцельности и энергичности которого любой вейс, кроме Лалелеланг, пришел бы в ужас. Но на историка это мало действовало. Она подобное неоднократно наблюдала.

Он остановился и прислонился к ее настенному украшению.

— Мы с друзьями кое-что обсудили — и сформулировали собственную теорию. Более всего Амплитур славится своим долготерпением. Они мыслят в масштабах столетий, а не годов. А что, если они независимо от вас пришли к тому же выводу, что и вы?

— Что вы хотите сказать?

— Предположим, они увидели, что Узор им не одолеть. Они должны были прекрасно сознавать, как плохи их дела еще задолго до нападения на их собственные миры. Что, если капитуляцию они задумали, как последнюю стратегическую уловку?

— В таком случае я бы сказала, что они преуспели.

— Может быть, за этим скрывается гораздо большее. Скажем, они решили, что не могут победить нас, имеется в виду вооруженные силы Узора во главе с людьми. Тогда они решили сохранить свои планеты, уберечь свой источник власти и себя

самих. Отдохнуть, запастись своим знаменитым терпением и ждать. В надежде, что со временем мы выполним за них эту неблагодарную задачу.

— Вы? — Она надолго умолкла, полуприкрыв глаза и крайне невежливо раскрыв клюв. — Понимаю. Вы думаете, что они решили ничего не предпринимать, рассчитывая, что со временем вы уничтожите Узор вместо них?

— Это было бы слишком просто и очевидно. А то, что просто и очевидно мне и моим друзьям, настолько же очевидно и гивистаму, скажем. Я думаю, что С'ван способен предпринять шаги, необходимые для того, чтобы конфликт Человека с Узором не вышел за опасные рамки.

— Нет. Мне кажется, что Амплитур рассчитывает несколько на другое. Они надеются, что Узор будет все больше отгораживаться от Человечества социально, стараясь по возможности замкнуть его в себе и вывести из основного русла галактической цивилизации. Если такое произойдет, мой вид опять вынужденно окажется обращенным исключительно внутрь себя. А результатом явится то, что народы Узора почувствуют себя в безопасности, а мы, люди, вернемся к войнам между собой, к чему мы и тяготели до того, как Узор вступил с нами в контакт. В результате в Узоре на века, а может быть, и на тысячелетия воцарится мир. Но со временем мы ослабим себя до того, что не будем больше являться играющим хоть какую-то роль в любом межзвездном конфликте фактором. И вот тогда терпеливый Амплитур дождется своего часа — и возобновит поход за владычество через Назначение.

Она задумалась.

— А значит что-нибудь тот факт, что способность Амплитура вести войну будет устранена.

— Практически нет. Если человечество уничтожит само себя, то, если со временем конфликт между Узором и Амплитуром возобновится, начнется он на равной основе. Потому что теперь, когда война кончилась, народы Узора стремятся вернуться целиком к «цивилизованному» образу жизни и поведения. Даже ваш народ не захочет больше ничего вкладывать в поддержание боеготовности вооруженных сил, поскольку зримой угрозы существовать не будет. Массудай вот уже как рьяно разоружается.

И все начнется сначала. Когда наш с вами прах давно уже истлеет, начнется новая великая война, только в тот раз уже

не найдется целой планеты прирожденных воинов, только и ждущих, чтобы Узор призвал их на помощь. К тому же, за исключением моих сородичей, Амплитур — самый лучший во Вселенной агитатор, куда лучше, чем с'ваны с гивистамами или даже массуды.

Она сделала согласный жест.

— В таком случае есть только одно решение: Человечество должно быть вовлечено в основное русло развития Узора. Вашу агрессию надо направить по другим каналам. Оставаясь верными самим себе, вы должны будете хоть как-то цивилизоваться. — Она красноречиво двинула шеей вперед-назад. — Большинство моих коллег едва ли сочтут такое возможным.

— Я уверен, что они ошибутся, — горестно признал Страат-иен. — Ведь для этого потребуется не только преодоление настроя, создаваемого на протяжении последних столетий, но и нескольких тысячелетий до того, в течение которых Земля представляла из себя сточную канаву. Мы говорим о необходимости психологической перестройки невероятных масштабов.

— Не больше и не меньше, как о расовой терапии, — согласилась Лалелеланг.

— Я знаю только одно. Без посторонней помощи нам не обойтись. Без помощи Вейса, С'вана и прочих. Если из неприязни и страха вы оттолкнете и отгородитесь от нас, многое будет за то, что мы сами себя уничтожим. И когда это произойдет и вам снова придется иметь дело с Амплитуром, то нас — ущербных, тупых, маниакальных людей — под рукой не окажется и выручить вас будет некому. Вот на это, я думаю, и рассчитывают спруты. Именно это, с моей точки зрения, стоит за их неожиданной капитуляцией.

Она не стала ничего приукрашивать.

— Вейсов, к примеру, практически невозможно будет убедить вмешаться в человеческие дела. Едва ли найдутся несколько, кто на это согласится, — я уж не говорю об умственной и эмоциональной способностях.

— И то неплохо, — ободряюще сказал Страат-иен.

— Можно попробовать начать со скромной сети, организованной по академическим каналам. — Идея потихоньку начинала разгораться в ней. — Посвященной углублению взаимопонимания Человека с Узором. Это как возмож-

ность. — Она смерила его взглядом. — Сопротивление будет. Вероятно, не только пассивное.

— Вот здесь-то Ядро и в состоянии будет помочь. — Он перестал шагать туда-сюда. — Мне говорили, что Амплитур очень любит игры. Так вот, из всех партий, которые они когда-либо затевали, они пустились в самую, вероятно, затяжную и с дальним прицелом. Соответственно, и ставки никогда не были еще так высоки. Но у нас есть одно огромное преимущество. Я не думаю, что они ждали, что кому-то удастся угадать самые первые их ходы, а тем более предвосхитить их. Но у нас есть кого благодарить за это — вас и ваши преждевременные труды.

— Но если мы подхватим игру, то ведь мы даже и ее исхода не узнаем, — напомнила она ему. — Выражаясь вашими же словами, обратимся к тому времени в пыль.

Он энергично закивал, весь наэлектризованный. Это было одновременно и чудесно, и страшно представить.

— Я знаю. Но если мы выиграем, то это значит, что наши далекие-далекие потомки смогут смотреть в такие — ах! — непроницаемые глаза амплитуров — и понимающе посмеиваться.

Картинка ей представилась в высшей мере безвкусная.

— Говорите только от имени своих потомков, Неван Страат-иен.

Глава 16

Худой жилистый человек был генералом: высокий и долговязый, как огородное пугало, жесткий, как закаленная сталь. Со своего немалого роста человеческого существа он снисходительно смотрел на неловкое медлительное создание, оказавшееся перед ним. Оно могло двигаться на своих четырех коротеньких ножках, но очень медленно. Напоминавшие канат щупальца, расходившиеся в стороны от его странного четырехугольного рта, были такими слабыми, что не могли бы приподнять переднюю часть туловища этого мягкотелого существа над полом — ни единого раза. Хотя он знал, что дела обстоят не так, невозможно было наблюдать за передвижением этого создания, не истолковав его мучительное приближение как униженную мольбу.

Генерал откусил от двойной шоколадной вафли, которую держал в руке, и пристально вгляделся в своего гостя.

— Извините, что я так вас разглядываю. Я еще никогда не видел амплитуров. Во плоти.

— Прямоидущий-Мудрый рад удовлетворить ваше любопытство. — Щупальце осторожно пошевелилось. — Мне поручено руководить демонтажем военной инфраструктуры этого мира. — Завороженный, он наблюдал, как человек ест.

— Благодаря вам криголиты кажутся столь же квалифицированными в поражении, сколь и в войне. Вы очень помогаете нам.

— Мы прорубаем наш мир. — Транслятор запорол первый перевод, и генералу пришлось дожидаться его второй попытки. Тем временем амплитур восхищался чистыми линиями военной формы двуногого, такими непреклонными под пышно-выразительным лицом. — Мы делаем все возможное, чтобы помочь.

— Я знаю. Я не мог бы пожелать лучшей помощи. — Генерал откинулся на спинку кресла. — Знаете, я так и не понял, почему вы вообще начали войну. Одно дело — стараться распространять учение, другое — вести из-за него бой.

— Я иногда и сам удивляюсь. Не забывайте, что все это началось много, много столетий назад. — Амплитур чувствовал себя настолько непринужденно, насколько это было возможно в присутствии человека. — Возможно, вы и сами задумывались, что может случиться, если весь разум удастся сконцентрировать на одном?

— Никогда такого не будет, — отрывисто заявил генерал. — Поэтому я никогда над этим и не задумывался. Разум слишком различен. С этой точки зрения почти что чудо, что Узору удалось не распасться настолько долго, чтобы победить вас. Но мне не нужно вам об этом рассказывать. Вы теперь знаете, что ошиблись в своих исходных положениях.

Щупальце затрепетало.

— Возможно, наша ошибка заключалась не в наших предположениях, а в нашей методологии.

— О? — генерал сощурил глаза. Благодаря своей манере говорить он иногда казался поверхностным, но ум у него был острый и любознательный. — Значит, вы не отказались окончательно от вашего «Назначения»?

— Когда мы сдались, мы обещали больше не воевать против

Узора и отказаться от насильственного убеждения других в наших идеях. Ничего не говорилось о том, чтобы отказаться от них нам самим или не давать информацию тем, кто добровольно ищет ее.

— Это интересно. — Человек скучающе уставился в потолок.

Амплитур рассматривал его огромными золотыми глазами.

— Вы кажетесь озабоченным.

Генерал опустил на него свой взгляд.

— Немного. Как и большинство моих друзей, я всю жизнь посвятил военной службе. Возможно, это мое последнее активное поручение. Я еще молод для официальной отставки и не знаю, что буду делать дальше. У вас такое тоже бывает?

— Редко. Обычно мы знаем, что будем делать дальше.

— Ну, вам повезло. Мой двоюродный брат владеет фабрикой по пошиву обуви. Он пригласил меня войти к нему в долю.

— Я слышал, что для человека выбор направления жизни может оказаться испытанием. У нас таких проблем нет. Я уверен, что вы будете удовлетворены своим выбором. К счастью, больше не будет необходимости в больших военных силах. Мир и спокойствие будут царствовать повсюду. Сражений больше не будет. Это хорошо.

— Да, хорошо, — отозвался генерал без всякого энтузиазма.

Амплитур почувствовал прилив надежды, которую, конечно же, постарался подавить. Беспокоиться особо не следовало, поскольку человек вряд ли мог правильно интерпретировать ярко-желтый румянец, выступивший кое-где на пухлом теле, но Прямоидущий-Мудрый был сторонником осторожности.

Теперь уже было ясно, что человек склонен продолжить разговор. Прямоидуший был не менее рад удовлетворить любопытство двуногого.

* * *

Комитет был вежлив. Будучи вейсами, они не могли вести себя иначе. Но они были более вежливы, чем обычно. Это было дурным признаком.

Сдерживая нетерпение, она следовала общепринятым процедурам и в конце концов получила аудиенцию. Благодаря ее высокому научному статусу, обращение Лалелеланг сочувст-

венно выслушали пять верховных ученых, но несмотря на все ее усилия, они отказались принять ее предложения.

— Даже если то, о чем вы говорите, правда, — заметила Великая Омеменат, — что мы можем предпринять? Во время Великой Войны вейсы были лишь косвенно втянуты в конфликт. В мирное время это должно быть так же.

Коллеги поддержали ее утвердительными трелями и свистками.

— Поистине верно. — Старший самец, сидевший рядом с ней, почистил свои перышки клювом. Хоть он и был пожилым, но еще не потерял способности к спариванию.

Лалелеланг встопорщила хохолок.

— Я говорю вам, что если мы не решим эту проблему сейчас, то нам придется заниматься этой проблемой, когда она распространится даже на нас.

— То, что вы предполагаете, не может распространиться на вейсов, — уверенно пропел Великий Превовалонг со своего места между двумя великолепно оправленными кистями свежих цветов. За спинами комитета элегантные спирали пурпурной, зеленой и золотой фрески Знаменитого Хотутидада текли нескончаемо приятными узорами.

— По крайней мере, нам следует сделать минимальные приготовления, — настаивала Лалелеланг.

— К чему? — Великая Омеменат расправила оба крыла и потянулась, сильно потряхивая перьями. — Мы не можем тревожить правительство на основании теории. У нас нет никаких доказательств. Только предположения.

— Доказательства может увидеть любой, кто не боится смотреть. — Она постаралась, чтобы ее ответ не звучал как обвинение, что было бы нелюбезно. — Обменные средства доступны каждому, кто обладает ресурсами доступа. Я это не выдумываю. Люди уже начинают бороться друг с другом. Сколько времени понадобится, чтобы это серьезно уменьшило их численность или распространилось на других членов Узора? Разве вы не видите? Амплитур надеется с помощью мира достичь того, что ему не удалось сделать с помощью войны.

— Амплитур, — объявил Великий Новенлиленг, — надеется достичь умиротворения. К этой похвальной цели он стремится с достойным восхищением и умеренным упорством. В течение того тысячелетия, когда мы воевали друг с другом, не было случая, чтобы они лгали. Какая разница, что люди

делают друг с другом? Если, как вы утверждаете, их споры будут распространяться и вовлекут в конфликт другие народы, Узор немедленно займется этим. А пока этого не произошло, людей лучше оставить в покое, как и обычно.

— Если амплитуры могут приспособиться к миру, то же самое могут сделать и люди, — добавил Великий Превовалонг.

— Амплитур цивилизован, — возразила она.

— Как всегда, ученый Лалелеланг, ваши теории интересны, но отнюдь не убедительны. — Великая Омеменат говорила ласково. — Вы — ценное достояние университета. Не позволяйте себе уклониться в иконоборчество и разрушить то, чего достигли. Сколько других экспертов в вашей области поддерживают ваши выводы?

Лалелеланг щелкнула клювом.

— Других экспертов в моей области нет. Не на том уровне, на котором я работаю в настоящее время.

— Именно это я и имела в виду. Вы — одинокий голос, голос, спарившийся с тревогой. Вернитесь к вашему исследованию, Высокий Ученый Лалелеланг, и не отравляйте себе жизнь тревогой за дальнейшее течение событий у людей. Победоносный Узор держит все под контролем.

— Люди под контролем. Странная идея, — пробормотала она, но себе под нос.

— Их смятение понятно. — Великий Новенлиленг говорил с тихим жаром существа, уверенного в том, что его квалификация не подлежит сомнению. — Всяких местных вспышек можно ожидать. Они будут яркими, но недолгими, и затухнут, как только человечество устроится в той зрелой цивилизации, которой доселе было лишено. Узор помог им стать великими воинами, а теперь мы поможем им оценить блага постоянного мира.

— Это будет нелегко, — согласилась Великая Омеменат, — но все убеждены, что это можно сделать.

— Это могло бы быть возможным тогда, когда только был установлен контакт, — возражала Лалелеланг, — но не теперь. Теперь уже нет. Мы слишком долго поощряли их природные наклонности.

— Они найдут свое место в широком круге цивилизации Узора, как и другие существа.

— Если Узор сохранится. Он был создан для конкретной цели — бороться с Амплитуром. Теперь, когда для этого уже

нет оснований, сохраним ли мы тесный контакт с Массудаем? Будут ли массуды, которые втайне презирают с'ванов, продолжать с ними переговоры?

— Узор удержит хотя бы инерция, — сказала Великая Партусесет. — Тысячелетние связи разорвать нелегко.

Смеменат демонстративно взглянула на свой официальный хронометр.

— Мы предоставили вам больше времени, нежели было запланировано. Мы выслушали ваши тревоги, ваши наблюдения и теории. Приходится сожалеть, но на наше время претендуют и другие.

Это было официальным прощанием.

— Если мы не начнем сейчас же заниматься этой проблемой, то скорее, чем вы думаете, времени на это вовсе не останется!

При этом необычайном нарушении приличий несколько верховных ученых пораженные уставились на нее. Великий Новенлиленг был, казалось, совершенно ошеломлен.

Смеменат не потеряла спокойствия. Отвечать предстояло ей, и она сделал это насколько возможно хладнокровнее.

— Некоторым может показаться, что вы слишком много времени провели в полевых условиях, Высокий Ученый Лалелеланг, и помимо своей воли приобрели некоторые аспекты, некоторые оттенки культуры, которая уступает вейсам. Такие прецеденты в прошлом имели место. Известно, сколько вам пришлось перенести. Я предлагаю, и смею позволить себе предложить это и от лица моих коллег, — остальные ответили ей мягким посвистыванием, выражающим полное согласие, — чтобы вы подумали над тем, не следует ли вам некоторое время потратить на то, чтобы вновь войти в общество, с которым вы были так долго разлучены.

Пораженная серьезностью своего проступка, Лалелеланг поспешила принести сложное извинение из слов и жестов. Казалось, оно смягчило Комитет, который оказался таким же понимающим, как и близоруким.

В результате она ушла с заседания недовольная и разочарованная. Она надеялась — хотя особенно и не рассчитывала — на что-то большее. Повредив таким образом своему положению в академических кругах и ничего не добившись взамен, она искала утешения в своей тройне.

Сестрам удалось немного поддержать ее, но успокоить ее

они не могли. Они разделяли ее невероятную гипотезу не больше, чем комитет. Лучше бы ей, советовали они, прислушаться к мудрым советам старших и посвятить себя систематизации того огромного объема сведений, которые она собрала во время своих отважных путешествий.

Она поблагодарила их, но заявила, к их ужасу, что по-прежнему придерживается своих взглядов.

Часть проблемы заключалась в том, она была уверена, что любой нормальный вейс найдет весь этот предмет отвратительным. Она не могла винить за это свой народ. И трудно было бы предполагать, что ее теории получат более радостную встречу у с'ванов и гивистамов.

Приближающаяся катастрофа неизбежна. Ошибки не было. Ее теории это предсказывали. По крайней мере, бессильно негодовала она, она уже это не увидит.

Она была у себя в кабинете, когда доложили, что к ней пришли. Код доклада говорил, что это не студент и не ученый собрат. Несколько секунд она была полна возбуждения, вспомнив похожее посещение, которое состоялось сравнительно недавно.

Когда ее посетитель, наконец, появился и был впущен, она была столь же изумлена, сколь и разочарована.

Самка-с'вана понапрасну искала место, где бы ей присесть. Короткая и широкая, она не могла втиснуться на простое незанятое сиденье, рассчитанное на гораздо более узкий таз вейсов, не могла она надеяться и на то, чтобы устроиться на подоконнике, который когда-то занимал гораздо более крупный посетитель.

В одном углу стоял большой горшок с растением, чей стройный разветвленный ствол доходил до потолка и оттуда раскидывал аркой свои овальные листья. Она ненадежно устроилась на краешке горшка, поглаживая короткую аккуратно подстриженную бородку, которая служила опознавательным знаком всех с'ванов женского пола. Густые черные завитки спереди и сзади были сильно напомажены каким-то веществом, которое заставляло их сверкать всеми цветами радуги под светом ламп. Ее одежда была традиционно пестрой, лишенной тонких нюансов, характерных для одеяний вейсов.

— Что вы от меня хотите? — сванский язык Лалелеланг звучал гладко и без акцента. Разочарование не подавило пол-

ностью ее любопытства. — Вы представляете научное учреждение?

— Можно и так сказать. — С'ванка была как всегда прямолинейна. — Мое присутствие здесь полуофициально, хотя в том, что касается всех вне этого кабинета, встреча наша носит неформальный характер. Организация, которую я представляю, давно интересуется вашей работой. Особенно заинтересовали всех ваши недавние публикации, в которых вы что есть мочи вещаете о своей любимой теории. — Посетительница поерзала на краешке горшка. — Похоже, вам не очень то удается добиться, чтобы кто-нибудь обратил на нее внимание.

— До этого момента, похоже.

С'ванка щелкнула зубами.

— Для вейса вы необычайно прямы. Я отношу это за счет того долгого времени, которое вы провели с людьми. Кстати, меня зовут Ч'вис.

— Не приходится сомневаться, что на мне несколько отразились мои исследования, — ответила Лалелеланг. — Если бы вы предпочли иметь дело с традиционной любезностью вейсов, я могу представить вас нескольким коллегам, которые знакомы с моими исследованиями.

— Нет-нет. Я думаю, лучше мне поговорить с вами. — Она почесала шею там, где густые черные завитки исчезали под воротником тренировочного костюма. Лалелеланг чуть заметно содрогнулась. Одним из различий гуманоидных с'ванов и гомо сапиенс было то, что тогда как те последние просто не знали правил приличия, с'ванам они были известны, но они считали возможным часто их игнорировать. Кроме того, с' ваны были одной из немногих разумных рас, на которую вейсы в буквальном смысле могли смотреть сверху вниз, хотя невысокие волосатые двуногие имели гораздо более тяжелое тело.

— Что в моей работе заинтересовало вас настолько, что заставило посетить меня лично? — осведомилась она.

— Другие изучали ее глубже, чем я, но основной смысл, похоже, заключается в вашем утверждении, что теперь, когда война закончилась, несфокусированные люди начнут крушить все подряд: остальной Узор, друг друга или и то, и другое вместе. Вы предсказываете возникновение неуправляемого конфликта, который повредит всей цивилизации.

Шея Лалелеланг чуть вытянулась вперед, и она моргнула одним глазом в особо утвердительном жесте.

— Ненаучное, но не ошибочное обобщение.

— На организацию, которую я представляю, произвели большое впечатление те данные, которые вы собрали в подтверждение ваших теорий.

— Вот как? — ее ресницы затрепетали. — И что же это за организация?

— Не имеет значения. — Ч'вис откинулась назад на разветвленный ствол домашнего растения. Он опасно прогнулся, и она поспешно выпрямилась. — Хорошее место для работы. Приятный вид из окна, тихо.

— Вы предлагаете мне поддержку? — спросила Лалелеланг.

— Скажем, на взаимной основе. Видите ли, члены группы, с которой я работаю, довольно внимательно наблюдали за Человечеством с момента его присоединения к войне против Амплитура. Некоторые наши направления шли параллельно вашей работе. Или вы считали, что ваше исследование уникально?

Лалелеланг смущенно шевельнулась в своем рабочем гнезде.

— Я знаю, что это не так. У меня было много контактов с учеными других миров, не-вейсами, чьи интересы были сходными, но такая переписка не может быть совершенно убедительной.

С'ванка в ответ дважды щелкнула передними резцами.

— Неудивительно, что вы о нас не знаете. Мы не ищем известности.

— Если вы согласны с моими выводами, тогда вы должны понимать, что совершенно необходимо решительное вмешательство.

Ч'вис разглядывала свои пальцы.

— Необязательно. Многие из нас полагают, что до тех пор, пока разрушающая энергия человечества направлена вовнутрь, она не представляет опасности для Узора.

— Это нецивилизованный подход.

С'ванка кинула на нее проницательный взгляд.

— Самосохранение важнее цивилизованного поведения. Мы согласны с вашим анализом природы человека. Они всегда воевали и всегда будут воевать. Контакт с Узором не изменил

их, и не изменит в будущем. Пока их конфликт не перекидывается на не-человеческие миры, мы считаем, что им можно позволить без помех предаваться своим традиционным формам «отдыха».

— В то же время, мы не игнорируем их полностью, поскольку, как вы справедливо указали, они могут нам понадобиться в отдаленном, непредсказуемом будущем, чтобы отразить какую-то немыслимую угрозу. Поэтому мы пытаемся управлять ими. Сохраним их агрессивность, но ограничим разрушения. Пусть они убивают друг друга, но нельзя позволить, чтобы они ослабли непоправимо.

— Управлять людьми? Какая причудливая идея.

— Способы есть, — настаивала с'ванка. — Мы считаем, что этого можно достичь, — успешно и при этом незаметно. С тех пор, как с ними впервые был установлен контакт, мы узнали о них очень много. Они более податливы, чем вы могли бы думать. Конечно, вы, вейсы, хоть вашей вины в этом нет, не могли бы управлять таким предприятием. Однако мы, с'ваны, немного более умны.

— Вы хотите сказать, хитры и лживы.

Ч'вис запрятала короткий палец глубоко в ухо.

— Вы удивительно хорошо владеете моим языком, но не безупречно. Я, видимо, неправильно расслышала пару слов.

Лалелеланг недоверчиво разглядывала с'ванку.

— Так вы могли бы им помочь, но не станете. Вы позволите им воевать друг с другом в границах, которые вы им продиктуете, не думая о их благополучии.

— Без нашего вмешательства они в конце концов вообще себя уничтожат, — возразила с'ванка. — Мы, бесспорно, принимаем этот вывод ваших исследований. Они были на грани этого, когда Узор впервые вступил с ними в контакт. Вспомните то, что вы знаете об истории людей. Они зашли настолько далеко, что применили ядерное оружие друг против друга.

— Единственный случай, который не повторялся.

Ч'вис фыркнула.

— К счастью, но нельзя считать, что это свидетельствует о полном изменении поведения. Если бы Узор не привлек их, они, скорее всего, стерли бы себя с лица земли к этому моменту. — Тут посетительница повеселела. — Кроме того, что тут за беда? Им НРАВИТСЯ воевать. Мы их ограничим, но запре-

щать не будем. Человечество не цивилизованно по-настоящему. Это — ресурс, которым надо распоряжаться. Помогите им преодолеть их агрессивные наклонности — и вы уничтожите этот ресурс.

Она соскользнула со своего сиденья и расправила складки костюма.

— Зачем было прилетать так далеко, чтобы сказать мне об этом? — поинтересовалась Лалелеланг.

— Ваша репутация не ограничивается Махмахаром, и вы поднимаете сильный шум. В то же время ваша работа по взаимодействию людей — нелюдей в боевых условиях является первооткрывающей. Мы считаем, что она заслуживает того, чтобы вы посвятили ей все свое внимание. Вам действительно следует сосредоточиться на ней, вместо того, чтобы во всеуслышание распространять свои взгляды на то, что уже контролируется.

Она постаралась подавить инстинктивную дрожь.

— Ч'вис, вы мне угрожаете?

— Бог мой, нет! — С'ванка вскинула обе руки в шутливом ужасе. — Как вы могли заподозрить что-то настолько нецивилизованное? Мы просто, как собратья-ученые, предлагаем вам сузить область ваших усилий и сосредоточиться на том вопросе, где вы не имеете равных.

Она заковыляла к двери.

— В вашем распоряжении великолепные средства моделирования. Мы прочертили многочисленные возможные пути развития человечества и достаточно уверены в том, что выбрали наилучший не только для Узора, но и для них самих.

— И вы ожидаете, что я буду стоять в стороне и бездействовать?

— Мы ничего от вас не ждем, Высокий Ученый Лалелеланг. Мне не было поручено чего-то от вас ожидать. Я сегодня здесь не выдвигала требований, не ставила ультиматумов. В знак уважения, с которым мы относимся к вам и вашим независимым достижениям, мне было приказано сегодня явиться сюда и сообщить вам данную информацию.

— Вы хотите сказать, заставить меня спрятаться за завесой молчания.

— Очень нелегко передать горечь на моем языке, но вам это прекрасно удалось, — с восхищением сказала Ч'вис. — Это вам не к лицу, и совершенно не нужно. Я надеюсь когда-

нибудь показать вам наши модели. Тогда вы поймете, что наши труды — к лучшему. Для всех.

— С'ванов никогда не отличал альтруизм.

— И вейсов тоже. У нас есть собственные интересы. Поверьте мне, в данном случае они совпадают. Вы — ученый, ученый выдающийся. Ученые, как всем известно, существа совершенно лишенные прагматизма.

Она потянулась к дверному активатору.

— Постойте! Существуют ли другие организации, подобные вашей? Может, у гивистамов или о'о'йанов?

Ч'вис задумалась.

— Интересная мысль. Насколько мы знаем, нет. Как вам известно, подробное изучение человечества — не слишком популярная тема. — Она ткнула большим пальцем в управление двери, и преграда отодвинулась. — Нам бы хотелось делиться с вами информацией, историк. Мы могли бы быть полезны друг другу.

— Но не Человечеству, — парировала Лалелеланг.

— Ваше отношение изменится. Так оно и должно быть, раз вы все равно ничего не сможете сделать. Нас поддерживают такие силы, что вы были бы изумлены.

С этим Ч'вис и ушла. Без долгого и пышного прощания, как это сделал бы вейс, а просто щелкнув яркими квадратными зубами и отпустив прощальную шуточку.

Лалелеланг уставилась на дверной проем. Если с'ваны не хуже ее осознают проблему, но не собираются пытаться ее разрешить, то на что ей надеяться? Более того, если НЕ ХОТЯТ, чтобы проблема была решена. Они только хотят ее контролировать. Это не только несправедливо по отношению к человечеству, но и опасно. Да она и не разделяет их оптимизма по поводу того, что возможно управлять агрессивностью людей. Это — нечто, нуждающееся в окончательном изменении, а не в управлении. Тогда люди смогли бы когда-нибудь стать полноправными членами Узора и занять свое по праву принадлежащее им место в главном течении галактической цивилизации. Только тогда будет уверенность в том, что они больше не представляют опасности для самих себя или других рас.

Но если Узор останется равнодушен к предоставлению им членства, а против нее выступит сильное объединение с'ванов, как она может надеяться, что чего-то достигнет?

Ей самой придется искать помощи у организации, причем достаточно сильной и проницательной, чтобы суметь каким-то образом нарушить планы хитроумных с'ванов. Все придется делать так, чтобы не заставить насторожиться Ч'вис и ее коллег. Лалелеланг знала только одну такую группу, у которой могли бы найтись необходимые ресурсы и решимость.

Они, конечно, сильны. Что же касается их проницательности, то она пока еще под вопросом.

Глава 17

— Что это? — Пайла перевернулась и попыталась заглянуть в коммуникатор, на который смотрел Страат-иен, сидевший на краю постели. Маленький экран у него в руках имел размер всего восемь квадратных сантиметров, но мог создавать псевдо-голографическое изображение.

Она прислонилась к нему, обхватив руками его грудь, и положила подбородок на его левое плечо.

— Вайс! Как интересно. Я вижу, она без транслятора.

Он кивнул. Они продолжали слушать, пока передача не кончилась.

Страат-иен положил коммуникатор на прикроватный столик и снова лег. Его подруга прижалась к нему потеснее, лежа на правом боку и положив левую руку ему на грудь. Некоторое время они молчали, раздумывая над смыслом сообщения чужеземки.

— Как ты думаешь, она права насчет нас? — спросила наконец Пайла.

— Не знаю, — Страат-иен уставился в потолок. — Иногда мне кажется, что она знает о нас больше, чем мы сами.

— Так мы обречены на то, чтобы вечно воевать? Эти с'ваны не дадут нам уничтожить себя, но и только? Никакой помощи в том, чтобы изменить прежние взгляды, никакого содействия в построении мирной цивилизации. — Она нахмурилась. — Я больше не хочу воевать.

— И я тоже, — пробормотал Страат-иен. — Но нам с тобой помогают знания Ядра. Мы — меньшинство, притом не слишком влиятельное. Большая часть человечества по-прежнему смотрит на вещи иначе.

— Похоже, эта вайс ожидает, что ты что-то сможешь сделать.

Он пожал плечами и лягнул простыню, обмотавшуюся вокруг ног.

— Она знает меня лучше, чем любого другого человека. Она знает о Ядре и о том, что мы пытаемся найти пути изменения взглядов людей. Это будет достаточно нелегко и при отсутствии активной оппозиции. Притом ни с чьей-нибудь стороны, а от с'ванов. Они опасно хитры.

— По-твоему, ей не угрожает опасность?

— Пока она неплохо справлялась. — Он задумался. — Когда Ядро решало ее судьбу, я говорил, что если мы оставим ее в покое, она когда-нибудь будет нам полезна. Вот и доказательство. — Он постучал по рекордеру. — Если бы не она, мы бы не узнали об этой организации с'ванов.

— Совершенно верно. — Пайла была зрелой и знающей женщиной. — Теперь мы можем предпринять шаги, чтобы справиться с этим. Несколько предложений на нужном уровне, и мы нейтрализуем их влияние без излишнего шума.

Страат-иен вздохнул.

— Хорошо бы наш народ так же легко поддавался убеждениям. Уже в нескольких колониях вспыхивали бои. Совет Ядра ожидает, что они вот-вот распространятся на Землю. Почему Люди не видят бесплодности такого регрессивного поведения, мне не понять.

Она похлопала его по груди.

— Как ты только что напомнил, нам помогает зрение Ядра. Большая часть человечества этого лишена... пока.

— Если мы не будем осторожны, то оно навсегда останется лишенным этого. Я знаю, что ген нейтральной связи, введенный в нас амплитурами, доминантен, но пройдет немало столетий, прежде чем он настолько широко распространится в генофонде, что даст заметные результаты.

— Пока этого не произойдет, мы должны делать все, что в наших силах, Неван. На нас лежит большая ответственность.

Пальцы ее запутались в волосах на его груди.

— Хотел бы я точно знать, верны ли прогнозы Лалелеланг.

— Нам придется считать, что верны. Обратное означало бы оставить нашу судьбу в руках С'вана, Гивистама и всех остальных.

— С'ваны... — пробормотал он. — Я бы скорее заподозрил гиви, или даже массудов. Но не с'ванов.

— Они шутят и дурачатся, чтобы скрыть свой ум, — напомнила она. — Они всегда это делали. — Она помолчала минуту, поглаживая его. — Неван, — серьезно спросила она, — по-твоему, у нас есть шанс войти в общество Узора и добиться мирного будущего с сотрудничеством? Или твоя вайс права, и мы навечно будем обречены воевать и убивать?

— Лалелеланг — закоренелая пессимистка, но она надеется, что мы сможем измениться. Она считает, что благодаря нашим уникальным позициям, Ядро сможет стать средством этих изменений, что мы сможем стать обновляющей аномалией, которую не учитывает ее статистика.

Пайла приподнялась повыше и пристально на него посмотрела.

— Я не спрашивала, что думает она. Я спросила, что думаешь ты.

Он помолчал. Потом, повернувшись, обхватил ее руками и притянул к себе.

— Сейчас я, по-моему, устал думать.

* * *

Составление каталога того моря фактов, которые она собрала, проведение семинаров и разработка учебных пособий почти не оставляли Лалелеланг времени заниматься своим теориями и даже вообще бывать в обществе. Внешне сестры поддерживали ее усилия, но про себя они отчаивались. Их блестящая, привлекательная, знаменитая сестра тратила себя впустую, посвящая всю свою жизнь научной работе. Они неоднократно говорили ей, что она неразумно распределяет свое время, но ничего не могли с этим поделать. Лалелеланг благодарила их за то, что они для нее делают, и не обращала на них внимания, так же, как и на тех самцов, которые отваживались к ней приблизиться.

Они не могли знать, что она была озабочена гораздо более важными предметами, чем собственное выживание.

Используя широчайшие возможности университета, она исследовала межмировые средства информации, с мрачной убежденностью выискивая такую информацию, которая никогда не предлагалась широкой публике. Один мир или даже часть одного континента давали достаточно новостей, чтобы не искать большего. Кроме того, теперь, когда война

окончилась, кому было дело до того, что люди — как, впрочем, и гивистамы или массуды — делают в своем собственном мире? Теперь, когда эта древняя межзвездная опасность была уничтожена, частота межрасовых контактов стала снижаться.

Ее папки с материалами росли, а вместе с ними росла и тревога.

На обжитом людьми Даккаре началась продолжительная война обитателей восточного и северного районов суши. Хотя конфликт был не настолько серьезен и взрывоопасен, как те, которыми была отмечена история Старой Земли, тем не менее он внушал озабоченность.

Три с'вана-собеседника, которые случайно оказались на Маккее, работая над другим проектом, энергично предложили свои услуги посредников для улаживания спора, распалившего этот колонизированный людьми мир. Их предложение было принято, но результат был не слишком заметен.

На Мауке IV недовольство приняло форму бунта группы жителей прибрежных островов, которые, жалуясь на пренебрежительное к ним отношение, захотели отделиться от центральной планетной администрации, расположенной на континенте. Поскольку среди жителей островов оказалось немало только что вышедших в отставку военных, их сопротивление во многом превосходило размеры конфликта. Тут не оказалось с'вана, который сгладил бы либо пыл островитян, либо реакционное возмущение жителей континента.

Самые серьезные события развернулись на Барнарде — первом мире, колонизованном людьми с Земли, который быстро стал не менее урбанизованным. Там проживало также немногочисленное население массудов, которые изо всех сил старались не вмешиваться в нецивилизованное и быстро деградирующее поведение своих двуногих братьев. Существование значительного класса людей, которых обогатила деятельность, связанная с войной, только обострило растущую напряженность, которая угрожала втянуть в себя и массудов — вопреки их желанию.

Ситуация складывалась настолько неприятная, что это должно было бы вызвать тихое ликование на Амплитуре, но сколько источников она ни просматривала, Лалелеланг не смогла найти указаний даже на косвенное участие Амплитура в растущей разноголосице ненормального поведения людей.

Не было и никаких признаков регресса или беспокойства среди их бывших союзников, таких, как Ашреган и Криголит. Все они благодушно разоружались и громко приветствовали новый мир.

Лалелеланг была уверена, что Амплитуры знают, что происходит на мирах людей, но этому у нее было не больше доказательств, что и для других ее теорий. Спрутообразные продолжали смиренно уничтожать свою гигантскую военную машину, делая робкие шаги к неограниченной межзвездной торговле и связи. Если за их деятельностью и таились какие-то скрытые замыслы, то Амплитуры их очень хорошо прятали.

Потом, к концу четвертого года после первой вспышки конфликтов и вопреки ее мрачным предсказаниям, войны сгладились. Они не прекратились полностью. Некоторые межчеловеческие конфликты продолжались, появлялись новые, но некоторые и затухали. Не каждая угрожающая конфронтация перерастала в войну, не каждый спор приводил к насилию. Несколько серьезных торговых споров были улажены путем переговоров.

Наученные неприятным уроком Барнарда, массуды держались в стороне от таких стычек. Активная роль с'ванов — если она и существовала — оставалась невидимой. Нет нужды говорить, что остальные члены Узора игнорировали человеческую поглощенность насилием, постольку поскольку это им удавалось.

Может быть, она недооценила роль с'ванов? Если это так, то она в этом не первая. Может быть, им ДЕЙСТВИТЕЛЬНО удастся держать человеческую болезнь под контролем, не вылечивая ее окончательно. Или, может быть, новые вспышки конфликтов удается погасить благодаря усилиям таинственного Ядра полковника Невана Страат-иена. Или, возможно, ОНИ влияют на с'ванов. Но какова бы ни была причина, результаты внушали надежду.

Существует ли для кого-либо, даже для эксцентричных созданий вроде гомо сапиенс, такая вещь, как приемлемый уровень общественного насилия? Она размышляла над теоретическими возможностями этого.

Хотя остальной Узор и тревожили эти волнения, они были более чем готовы игнорировать все конфликты, пока те не распространялись на их собственные миры. В отличие от с'ванов, остальное население Узора мало волновало, не истребит ли

человечество само себя. По правде говоря, нашлось бы немало таких, кто счел бы подобный поворот событий благом.

Длившийся несколько столетий контакт с Узором принес некоторые незаметные изменения обществу людей. Имелись определенные свидетельства того, что, возможно, первый человек, с которым был установлен контакт, Уильям Дьюлак, был, по крайней мере, отчасти прав в своей оценке собратьев. Теперь, когда война окончилась, начали расширяться связи между некоторыми людьми и их коллегами с других миров.

Если бы только с'ванов удалось убедить изменить свое мнение относительно сохранения воинских способностей людей, такое продвижение к по-настоящему интегрированному обществу можно было бы ускорить. Если же нет, то она знала, что человечество может однажды вернуться к такой ничем не сдерживаемой самоубийственной войне, которая была прежде свойственна этому народу. Лалелеланг проверяла и перепроверяла свою работу. Приземистые полосатые гуманоиды играли в очень опасную игру в невообразимо крупном масштабе.

Как бы то ни было, единственное, что ей оставалось, — это наблюдать и следить. Происшедшее несколько лет назад посещение с'ванки оставалось ясным и свежим в ее памяти, как и то, что за ним стояло.

Изредка она думала о том, как ее старый друг полковник справляется с мирной жизнью и не вовлечен ли он в военные конфликты, которые вспыхивают среди его народа. Между ними уже несколько лет не было контактов. Связь с личностями, проживающими на других мирах, — дело трудное, не говоря уже о том, что дорогостоящее. Как и большинство людей, он, несомненно, отчаянно занят. Своей собственно карьерой — возможно, новой — или семьей. Он никогда в ее присутствии не обсуждал с ней проблем спаривания, но, с другой стороны, почему он должен был это делать? Его ритуалы и танцы ей чужды.

Необычная дружба, возникшая между ними, была результатом необходимости и отчаяния. Оба эти компонента теперь отсутствовали. Время от времени она находила минутку мысленно пожелать ему всех благ, где бы он ни находился, и льстила себе мыслью, что он думает над ее теориями, потом решила, что нет. В конце концов, цивилизации Узора ведь не угрожают человеческие орды.

Она была очень рада, что время доказало ее неправоту. Пока.

Глава 18

Лейтенант Туан Аль-Хайким, так же, как и его собратья-офицеры, не знал причин сегодняшнего совещания. Насколько ему было известно, оно не должно было иметь отношения к последним неурядицам в юго-восточных провинциях. Они были улажены уже несколько недель тому назад, и во всех доступных средствах информации ничего не говорилось о каких-либо новых вспышках. По крайней мере, о таких, о которых нельзя было бы умолчать.

Возможно, генерал хочет похвалить их за то, как они вели себя в этой ситуации. Или, может быть, возникло что-то новое. Аль-Хайким надеялся, что нет. Ему не нравилось стрелять в себе подобных. Конечно, эти чертовы юго-восточники считают себя выше всех остальных только потому, что их предки первыми обосновались на планете, но это не дает им права...

Он резко оборвал себя. Он мыслит, как какой-то горожанин, а не человек, чьи предки страдали на Коссууте в щупальцах Амплитура. Такие мысли не подобают члену Ядра.

Он вгляделся в собратьев-офицеров. Они стояли, сидели, или развалились в креслах удобной комнаты, болтая и перебрасываясь шутками. Некторые из них в следующем месяце ожидали демобилизации. Даже сейчас, через столько лет после окончания Великой Войны, вооруженные силы продолжали неуклонно сокращаться. Аль-Хайким прилагал немало усилий, чтобы остаться в армии, так же, как он приложил немало усилий, чтобы получить недавнее повышение. Было важно, чтобы Ядро составляло хорошее представительство в остающихся вооруженных силах, хотя бы для того, чтобы противодействовать непрекращающемуся вмешательству с'ванов в дела людей.

Он улыбнулся про себя. Пока с'ваны мешали человечеству, Ядро незаметно мешало с'ванам. До последнего времени они делали это с равным успехом.

Хотя все присутствующие, за исключением двоих, были выше его по званию, он был лично знаком с большинством из них. Они составляли значительную часть командного состава

на Даккаре. Во время войны они были разбросаны по огромной дуге пространства. Когда на Даккаре начались неприятности, их доставили сюда. Колония была особенно неспокойным местом, ульем нововведений, а также социологическим лидером для других человеческих миров. Это было удачным местом для поиска политических течений, как дурных, так и благоприятных.

В своем качестве специалиста-связиста он видел генерала Левона дважды, и то очень мимолетно. На основании таких кратковременных встреч невозможно составить себе мнение о человеке, а генералы не имеют привычки откровенничать со своими лейтенантами или просить у них совета. Он знал о своем сравнительно молодом командире только то, что его послужной список внушителен. Левон славился тем, что он настоящий вояка и несгибаемый боец. Ходили слухи, что он помог уладить несколько особенно острых юго-восточных споров благодаря личному участию в процессе переговоров.

Все эти размышления были забыты, как только вошедший Левон приветственно махнул рукой. Те из старших специалистов, кто лучше знал его, ответно помахали. Поскольку никто из присутствующих не был в военной форме, не было необходимости придерживаться строгостей военного этикета.

Один из полковников встал и что-то проделал на настенном пульте управления. Аль-Хайким наблюдал, как на окна и единственную дверь набежали защитные экраны. Пара офицеров среагировала на такие подготовительные меры предосторожности негромким бормотанием, но никто не осмелился задать вопрос. Несомненно, все будет объяснено, включая и необходимость в таких мерах безопасности. На взгляд Аль-Хайкима, они напоминали о военном положении. Он бы еще больше удивился, если бы мог увидеть, как вооруженная охрана с мрачными лицами занимает позиции вокруг комнаты для совещаний.

Левон остановился напротив книжной полки, которая, как это ни странно, была заставлена книгами. Настоящими книгами, изготовленными из картона, клея и бумаги. Уроженец Даккара, генерал происходил из богатой семьи. Это сильно помогало ему в отношениях со строптивыми юго-восточниками.

Теперь он стоял, молча рассматривая свою тщательно отоб-

ранную аудиторию. Это был человек невысокий, хотя и более плотного сложения, чем Аль-Хайким и многие другие. Его волосы были коротко острижены и приглажены, как и положено военным, а знак его военного звания был выбрит по обеим сторонам головы. Глаза его были большими, черными и проницательными. Между ними сидел сломанный в нескольких боях нос. Ниже примостился мягкий, округлый подбородок и женоподобный рот. Уши были большими и прижимались к голове, словно пытаясь скрыться в волосах.

Продвижение Левона по службе было просто стремительным. Человек, командовавший когда-то половиной сил вторжения на планету, теперь вынужден был присматривать за демобилизацией на своей родной планете, пытаясь одновременно справляться с цепью небольших, но кровавых мятежей. Они были ограничены по своим масштабам, но упорны. Со времени окончания войны горожане Даккара прославились тем, что использовали старомодное насилие для решения любых местных конфликтов.

— Леди и джентльмены, пожалуйста, садитесь, — Левон улыбнулся им, обнажив восстановленные зубы.

Когда они прислушались, он продолжил:

— Прежде чем мы займемся текущим делом, я хочу поблагодарить вас всех за усилия в последние несколько месяцев. Юго-восток почти примирен, чего там не было уже достаточно долго. Мне докладывают, что работники образования прилагают максимум усилий, чтобы ситуация снова не вышла из-под контроля. Может быть, мы не добились тех же результатов, что наши люди на некоторых других мирах, но, в конце концов, это Даккар.

Эти мудрые слова были встречены глубокомысленными ухмылками и взрывами хохота.

— Иногда мне кажется, что мир вести труднее, чем войну.

Опять раздался смех, к которому примешалось несколько негромких ругательств. Аль-Хайким автоматически обратил на них внимание для дальнейшего использования.

— Может быть, некоторые из вас заметили, что демобилизация не всегда идет гладко. Нелегко, когда твои родители и деды посвятили свою жизнь войне за великое дело, а потом это дело внезапно исчезает. Перестроиться нелегко. — Он сочувствующе улыбнулся. — Мне и самому приходится трудно.

— Тяжело стоять перед соединениями, которые покрыли себя славой в бою, и говорить, что завтра им придется учиться быть статистиками, или крестьянами, или работниками технологических линий. Не знаю, как вы, а я не могу не испытывать при этом чувства потери. Но надо признать: если б не появление время от времени конфликтов, проблема стояла бы еще острее.

Послышалось достаточно громкое, но отнюдь не всеобщее, одобрительное бормотание.

— Находящимся здесь повезло. Мы по-прежнему вместе, делаем то, чему были обучены. Выполняем то, что у нас получается лучше всего. — В голосе его зазвучало сожаление. — Жаль, что так будет не всегда. В конце концов, теперь у нас мир.

Он зашагал вдоль полки, и движения его были такими же размеренными и четкими, как и его речь.

— И вот о чем я всегда думал, солдаты, а что дает нам этот мир. Что мы, как сражающиеся люди, от него получаем?

— Отсутствие смерти, сэр, — осмелился заметить какой-то проницательный майор из дальнего конца комнаты.

Левон кивнул.

— С этим не поспоришь. Что еще?

Других комментариев не последовало.

— Как насчет дружбы с Узором? Если не считать того, что нас так и не пригласили вступить в эту царственную организацию благородных не-вояк. Коммерческую выгоду? К дьяволу, гивистамы и о'о'йаны лучшие техники, чем мы, вейсы — лучшие художники, с'ваны — более хитрые изобретатели, мотары и сспари более умелые фермеры. И где же мы теперь? И что же происходит, когда наши прежние враги переходят на мирные рельсы? Никто не умеет строить так качественно, как эти чертовы пучеглазые криголиты. Похоже, что бы мы ни попытались делать, кто-то другой умеет это делать лучше нас. Конечно, мы по-прежнему остаемся лучшими воинами Галактики, ее самыми стойкими бойцами. Даже наши прежние противники это признают. И позвольте, почтенные леди и джентльмены, задать вам один вопрос: а на хера нам теперь это?

Собравшиеся офицеры беспокойно зашевелились. Аль-Хайким сделал вид, что участвует во всеобщем движении, но его внимание было направлено на то, чтобы отметить, как

реагируют его коллеги. Теперь уже было очевидно, что собрание — нечто большее, чем неформальная встреча.

Левон предоставил им время поругаться, поспорить и, наконец, остыть, а потом поднял обе руки, призывая к тишине. Теперь все слушали его с полным вниманием. Никто не смеялся.

— Я знаком с некоторыми из вас с первых дней вашей службы, начиная с бригадира Хайема, — он указал на подремывающего пожилого человека, сидящего в огромном туго набитом кресле, — до некоторых из вас, младших офицеров. — Аль-Хайким был рад, что Левон не посмотрел в его сторону. — И вы, в свою очередь, меня знаете. Я не дипломат и совершенно не способен к долгосрочному планированию. Бей прямо, не отклоняйся! — таков был мой девиз, еще когда я был мелкой рыбешкой. Он мне неплохо послужил. Я все еще здесь, все еще в оригинальном издании. — Он широко открыл рот. — Если не считать этих керамических жевалок.

Некоторые из присутствующих невольно рассмеялись.

Левон понизил голос:

— Производства О'о'йана.

Смех смолк.

— Война закончилась. Этого МЫ добились. Мы, люди. О, конечно, мы получили немалую материальную помощь от Узора, и массуды тоже повоевали, но это МЫ повернули ход событий. Ни одной расе не отнять у нас этого. — Но дело в том, что никто из них не хочет ничего нам дать взамен. Какое место займем мы теперь, когда работа, которую мы выполняем лучше всего, больше не нужна?

Кто-то из комнаты произнес:

— Я слышал, что Мазвек уже подал заявление о вступлении в Узор.

Послышался всеобщий ропот изумления.

Левон глубокомысленно кивнул.

— Наши прежние противники. Мы им перья пощипали на Летанте-II и Коршууке. А теперь их приглашают вступить, а мы все еще стоим в сторонке с глупым видом, как уродина, которая ждет приглашения на танец.

Он упер руки в бока и пристально обвел всех взглядом.

— Это если считать, что спустя полстолетия еще останется Узор, который пригласит кого-то на что-то. Без Назначения, против которого все они объединялись, вся система может рас-

сыпаться. Она уже сейчас начинает трещать. Знаете, что это означает? Без надежных, традиционных межзвездных связей, вроде тех, что существуют между гивисами и о'оми, например, все обжитые людьми миры мгновенно превратятся в галактические задворки. У нас нет ничего, что было бы нужно кому-то еще, и они не будут обязаны иметь с нами дело. Ничего себе благодарность за несколько столетий крови и жертв! О, анархии не будет! Для этого они слишком цивилизованны. Просто, если принять во внимание расстояния между звездами, все станет намного свободнее. И мы будем без помех плавать где-то с краю. Никакой галактической империи для человечества, как считали некоторые писатели в давние дни. Какая, к черту, империя! У нас даже и второстепенной роли не будет. Нас просто снова будут игнорировать.

— Может, существует доля и похуже, но я в этом не слишком уверен. О, человечество, конечно, выживет. У нас будет своя маленькая ассоциация миров с центром на старушке-Земле. Если, конечно, нам удастся не погубить самих себя. Неспокойствие — первое на это указание. Психосоциальные призраки нашего замкнутого одномирного прошлого. Тем временем остальная часть Галактики будет снова отталкивать нас — этого им всегда хотелось.

Теперь он уже убеждающе жестикулировал. Аль-Хайким впервые обратил внимание, как обезображены и испещрены шрамами его руки, многократно восстанавливавшиеся при помощи регенеративной гивистамской хирургии.

— Как вы, наверное, уже догадались, я немало размышлял над послевоенным будущим человечества. По правде говоря, я думал об этом с самой Великой капитуляции в Аиле и Эиле, наблюдая и записывая, и могу сказать вам, что мне не нравится то, что я вижу. Я могу также сказать вам, что лично я, после того, как помог победить Амплитур и его союзников, не готов пассивно принять это будущее.

Гневно сжав зубы, он потряс кулаком.

— Это МЫ положили конец Назначению! МЫ добились победы! А теперь от нас ждут, чтобы мы кротко вручили ее другим и без протеста отковыляли в забвение!

Поднялся задумчивый подполковник Стумбо. Он был знаком с Левоном дольше всех, дольше даже, чем Хайем.

— Я так понимаю, что ты что-то задумал, Николас. Военную диктатуру?

Его нахальный вопрос был встречен несколькими нервными смешками. Левон снова заулыбался.

— У тебя всегда был вкус к мелодраме, Рашиди. Даже в бою. — Подполковник невесело улыбнулся. — Нет, у меня нет подобных планов. Несмотря на мой небольшой рост, я не мечу в Наполеоны или Мак-Артуры. — Теперь уже смех звучал решительнее. — У меня нет желания править империей — военной или какой-то иной. Я только хочу добиться, чтобы после всего, что мы сделали для народов Узора, человечество получило бы достойную награду.

Аль-Хайким увидел, что теперь они все поддерживали генерала. По крайней мере, большинство. Конечно, женщин и мужчин, которые сидели здесь сейчас, с самого начала тщательно отобрали, надо полагать потому, что Левон или кто-то другой решил, что они готовы принять его слова. Интересно, что сделал он, Аль-Хайким, чтобы попасть сюда. Сначала объяснение, потом атака, потом отрицание. Очень эффективный метод, который Левон убедительно применял.

— Больше тысячи лет Узор был эффективной организацией, — говорил тем временем Левон. — Лично я не люблю хаоса. Я считаю, что Узор надо сохранить. Если будет необходимо, то вопреки его собственному желанию. Это не несбыточное желание. Я считаю, что это можно сделать, и, по-моему, мы можем помочь это сделать. Я также считаю, что мы должны получить справедливое место в той структуре, которая в результате возникнет. Не только мы, но и Мазвек, и Третури, и все остальные, которые были союзниками Амплитура. Черт возьми, если несчастные полудурки-лепары заслуживают полного членства, почему не мы?

На этот раз одобрительный хор нельзя было назвать сдержанным. Левон удовлетворенно кивнул.

— Как все это будет осуществлено, генерал? — спросил кто-то.

Левон посмотрел на спрашивавшую:

— Я всего лишь простой солдат. Я начал с работы над полевыми укреплениями и боезапасом и продвинулся по званиям, но не по утонченности. Я, к дьяволу, не философ. Я могу отдавать приказания, но на нововведения не способен.

— Есть под рукой подходящий с'ван? — пошутил кто-то. Раздались редкие смешки.

— Нет. Не думаю, чтобы с'ваны с одобрением отнеслись к

каким-либо попыткам сохранить Узор нашими методами. Но здесь присутствует некто, мой гость, представляющий школу мысли, которая не уступает с'ванам в том, что касается осуществления прогнозов. Несмотря на вашу первоначальную реакцию и ваши личные мысли, я был бы благодарен, если бы вы выслушали его с полным вниманием. — Тут он пожал плечами. — Потом каждый может сам решать, что думает по этому поводу.

Он повернулся направо. Люди с любопытством подались вперед, глядя, как открывается дверь в следующий зал. Хотя Аль-Хайким не сразу увидел входящего, до него явственно донеслись изумленные восклицания тех, кто видел. Потом, когда гость Левона попал в его поле зрения, он увидел и сам. Гость прошел в глубь комнаты.

Вернее, проковылял вразвалочку.

Существо повернулось лицом к ним и остановилось, официально подвернув щупальца к сторонам лица, а его узкие золотые глаза свободно поворачивались в разные стороны на концах коротких стебельков, рассматривая аудиторию, полную былых врагов. Серебряные пятна расцветали и сжимались на оранжевой коже: хромофоры реагировали на сменяющиеся эмоции. Сумки-контейнеры были подвешены прямо за глазными стеблями, куда легко могли дотянуться гибкие щупальца. Необычной конструкции транслятор висел под глубоко утопленным ртом. На амплитуре не было ничего, что можно было бы определить как одежду.

Поскольку здесь не было ничего подходящего, чтобы он мог сесть или облокотиться, он остался стоять. При виде этого существа трудно было понять, как четыре коротенькие ножки выдерживают его большое рыхлое тело. Те, кто кое-что знал о старом неприятеле, понимали, что он чувствовал бы себя лучше в мелком бассейне с морской водой.

Когда существо заговорило, воспитанные целой жизнью привычки заставили многих из присутствующих насторожиться, несмотря на то, что они знали: оно не может воздействовать на их разум так, как на другие расы Узора. Однако факты не могли уничтожить старинных страхов.

Роговые пластинки рта издали скрежещущие, чавкающие звуки, которые транслятор попытался перевести на более или менее понятную гуму.

— Высказываю всем приветствия и пожелания здоровья.

Я — Творящий-Ищущий, который благодарен за возможность быть сегодня в вашем обществе. Вы извините меня, если мне придется неожиданно уйти. Я нахожу здешнюю атмосферу слишком сухой и холодной. Это я временно стерплю ради радости общения.

— Мы могли бы усилить отопление, — предложил кто-то. — И попробовать раздобыть лейку.

Те, кто сидел рядом с говорившим, рассмеялись.

— Человеческий юмор, — без всяких эмоций заметил амплитур. — Черта, которую мы до конца не понимаем. Иногда нам кажется, что нам чего-то недостает.

Аль-Хайким потер усы — привычка при волнении. Это был, по сути, их старинный враг, и он обращался к ним так непринужденно, как комик к ребятишкам. Как Левон ни пытался их успокоить, Аль-Хайким поймал себя на том, что обдумывает методы побега и нападения. Он постарался заставить себя расслабиться, твердо сказав себе, что угрозы здесь нет. Но только часть его существа смогла с этим согласиться.

Какого черта это существо оказалось на Даккаре, да еще в качестве гостя самого генерала Левона?

Постепенно опасения сменились любопытством. Это было неизбежно. Большинство из присутствующих впервые оказались лицом к лицу с амплитуром. Желание слушать и узнавать оказалось непреодолимым. Аль-Хайкиму оно было свойственно не меньше, чем остальным здесь сидящим.

Он сказал себе, что амплитур не сможет испоганить его, Аль-Хайкима, мозги, потому что он — человек. Существо не вооружено, оно скрежещет дружелюбные слова, и Левон, несомненно, тщательно его проверил, прежде чем пустить к себе в дом — и вообще на Даккар. В отсутствие криголита или мазвека, или еще какого-нибудь вооруженного сопровождающего, которым можно было бы манипулировать, оно практически беспомощно.

Несмотря на это и на то, что война закончилась уже много лет назад, не все из присутствующих готовы были отнестись к происходящему с таким же пониманием. Нескрываемый гнев заставил подняться одного из офицеров.

— Что это создание здесь делает, генерал? Если мне захочется увидеть биологические курьезы, я схожу в зоопарк. Какое оно имеет отношение к нам?

Левон не возмутился тоном говорящего.

— Может, и никакого. Единственное, что вам сейчас следует знать, это что Творящий-Ищущий — мой гость. Мы общались, обменивались идеями и мыслями довольно долгое время. — Чуть прищурив глаза, он обвел взглядом присутствующих. — До сегодняшнего дня наши отношения были абсолютно частными. Я бы хотел попросить, чтобы сведения об этой встрече не вышли за пределы этой комнаты.

Левон говорил вежливо, но настойчиво.

— Сравнительно недавно я достиг такого момента, когда почувствовал, что наш диалог заслуживает более широкой аудитории. Интересно будет посмотреть, согласитесь ли вы со мной. Кое-что вы от меня уже слышали.

Еще один подполковник нерешительно проговорил:

— Генерал, мы говорим здесь о какого-то рода союзе между нами и Амплитуром?

— Ну, и как, по вашему, отнесутся к этому известию? — сказал Левон. — Другие члены Узора этого не потерпят... Не то чтобы они могли что-нибудь поделать, — угрожающе прибавил он. — Творящий-Ищущий и его братья просто ищут точки соприкосновения с прежними противниками, чтобы мы могли лучше понимать друг друга и мирно сосуществовать. В этом нет ничего неестественного.

Развернув щупальца и жестикулируя ими, амплитур снова обратился к ним:

— Долгое время ваш народ и мой были врагами. Вызывающий сожаление факт, объясняющийся, как мы теперь твердо уверены, невежеством обеих сторон. Как вам известно, мы, амплитуры, ненавидим насилие, потому что оно устраняет хорошие умы из участия в Назначении.

— Похоже, вы его не ненавидели, когда атаковали Землю, — обвиняюще выпалил кто-то. Остальные присутствующие одобрительно загудели.

Это обвинение не смутило чужака.

— Это случилось очень давно. В тот момент мы полагали, что необходимо это сделать. Нас привели в панику первые успешные действия солдат-людей, которых завербовал Узор. Как показало дальнейшее развитие событий, для нашей паники были все основания.

Неожиданно для самих присутствующих, многие из них при этих словах многозначительно улыбнулись.

— Мы отреагировали согласно директивам, сформулиро-

ванным нашими лучшими мыслителями, функционировавшими в соответствии с принципами Назначения. В конце концов, что такое Назначение? — Кто-то застонал. — Я уверен, что вы знаете.

— Ага, мы знаем, — сказал какой-то лейтенант. — Мы просто с ним не согласны, вот и все.

— Я не хотел вас провоцировать. В конце концов, это старый спор, который мы, очевидно, не можем выиграть. Мы прорубаем Назначение, вы — нет. Так тому и быть. Пожалуйста, поверьте моим словам: хотя мы и воевали друг с другом, Амплитур никогда не испытывал по отношению к вам ничего, кроме глубочайшего уважения. Ваша редкостная целенаправленность нам ближе, чем все другие встреченные нами расы.

Пара присутствующих начала было возражать, но амплитур поспешно продолжил:

— Вы — единственная раса, на которую мы не можем мысленно влиять, не можем убеждать внушаемыми предложениями. Вы обладаете уникальной неврологической защитой, о которой мы совершенно не подозревали, пока не встретились с вами. О чем это говорит нам? Что мы — две единственные расы, чей ум работает в другой, более высокой плоскости, хотя и по-разному. Вам нельзя подсказать, а мы можем только подсказывать.

Аль-Хайким напрягся помимо воли, но амплитур не обратил на него особого внимания. Как бы это существо отреагировало, узнай оно о Ядре и амплитуроподобных способностях его членов, подумал он.

— Какую мудрость могут внимательные аналитики извлечь из этого факта? — Немедленного ответа не последовало, и амплитур не дал молчанию затянуться. Помахав высоко поднятым щупальцем, четыре подвижных окончания которого напоминали взлетевших червяков, существо продолжило: — Разве это не подсказывает, что вопреки столь различной истории эволюции, мы в главном имеем больше общего, чем другие разумные существа?

Среди собравшихся раздались возгласы несогласия и возмущения.

— Как можно так говорить! — задохнулся кто-то.

— К настоящему моменту вы достаточно долго подвергались галактическому разнообразию, чтобы понять, что в том, что касается совместимости различных рас, простое

внешнее сходство ничего не значит. Нравится вам это или нет, но это древнее положение Назначения.

— Если даже наши умы похожи, — сказал пожилой бригадир Хайем, — а, не будучи биологом, я не готов это признать, наши цели и идеалы все же совершенно противоречат друг другу.

— Так ли это на самом деле? — Амплитур устремил на него оба глаза. — Очень долгое время мы тоже так думали. Когда мы сначала пригласили вас присоединиться к нам, вы отказались, как и ряд других рас. Но это — разногласие с долгой историей, и нам его здесь не разрешить. Главное то, что вы нас победили. Мы признаем это, а, как вы знаете, мы никогда не лжем. Я нахожусь здесь только как проситель, моля, а не требуя, вашего внимания.

— Так вы не предлагаете какого-то союза?

— Нет. Между победителем и побежденным не может быть союза, потому что они по определению не равны. Я нахожусь здесь, представляя свой народ, чтобы попросить вас как людей принять от нас мантию руководства.

Левон шагнул вперед, чтобы справиться с замешательством и недоумением — первыми результатами неожиданного заявления амплитура.

— Леди и джентльмены, мы с вами стоим на перекрестке истории. Примем ли мы неподобающее положение, которое втихую навязывает нам Узор, или шагнем вперед и захватим для себя положение лидера, которое по праву заслужили? — Глаза его вспыхнули. — Новая эра зовет человечество. Почему бы ей не начаться здесь?

Циничный лейтенант, который говорил раньше, не колебался:

— Генерал, вы говорите о лидерстве. Лидерстве в чем: в Узоре... или Назначении?

— Вы не понимаете. — Амплитур переплел щупальца. — Позвольте мне объяснить. Когда вы были еще бутонами, вас научили ненавидеть Назначение. Что же такое, во-вашему, Назначение? Да всего лишь эвфемистическое обозначение сотрудничества разумов!

— Сотрудничество, в котором доминируете вы! — парировал младший офицер.

— Мы не доминировали — мы вели. Кто-то должен вести. Кто-то должен давать направление. Очень долгое время это

делал Амплитур. Теперь очевидно, что так больше продолжаться не может. Это нас не огорчает. Только врожденные дураки отказываются подчиниться реальности, а мы не дураки. Лидерство — это тяжелая ноша. Она может утомить сильного индивидуума, может утомить и целую расу. Мы стары и устали. Мысль о том, чтобы передать ответственность более молодому, полному жизни народу, нас не огорчает.

— Вы хотите, чтобы МЫ приняли НАЗНАЧЕНИЕ? После того, как воевали, чтобы его уничтожить? — спросил какой-то майор.

— Называйте это, как хотите. Галактической цивилизацией, Узором, Империей, если это вам нравится. Кто-то должен принять на себя лидерство. Игнорируйте Назначение до поры до времени, если вас это устроит. С течением времени вы обнаружите, что Назначение вас не игнорирует. Возьмите, к примеру, Узор. Пока они не получили в лице Амплитура общего врага, против которого надо было объединиться, они были в лучшем случае неустойчивой ассоциацией взаимно недоверчивых рас с непонятными целями и неясным будущим. Они бесконечно лаялись и ссорились друг с другом. Это не цивилизация. Оставшись без лидерства, как в прошлом, они снова скатятся к взаимным обвинениям и войнам, когда каждая раса пойдет своим путем.

— Это — ваше мнение, — сказал неугомонный лейтенант. — Мы называем это независимостью.

— Да, ваша хваленая независимость. — Амплитур качнул телом. — Есть тонкое различие, мой юный противник, между независимостью и анархией. Свяжите мыслящие существа в реальный союз, и вы сохраните цивилизацию. А что, если вы когда-нибудь встретите еще одну новую расу: с нашими целями, но вашими регрессивными характеристиками поведения? Не лучше ли будет сражаться с ними с помощью великого и мощного Узора, а не того, который раздирают и ослабляют традиционные внутренние распри? Вселенная — громадное, опасное место, где слишком сильная «независимость» может в один прекрасный день оказаться роковой. Прислушайтесь к вашему собственному генералу! Кому как не вам взять на себя роль лидера? Не скрытным гивистам, несмотря на их умение организовывать. Не с'ванам, несмотря на их гибкий разум. Не массудам — воинам, как и вы. Кому же, как не человечеству?

— Нам лидерство не нужно, — искренне отозвался майор. — Какую бы базу вы не подводили, мы не будем воевать с нашими прежними союзниками.

— Кто говорил о насилии? Не я. Амплитур всегда выступал за мир. Неужели вы думаете, что они будут сопротивляться вам так же, как сопротивлялись нам, если станет известно, что две наши расы совместно трудятся ради общего благоденствия? Возможно, только массуды, но им долго не продержаться. Они могут не принимать идеи. О'о'йан, Лепар и все остальные? Но они не смогут противостоять реальности. Какие разумные расы попытаются вести войну против людей, которым помогают амплитуры? Боев не будет. Все можно будет устроить мирным путем, и ко всеобщему благоденствию.

— О'кей. И что с этого будете иметь вы? — резко спросил лейтенант.

— Мы? — Творящий-Ищущий печально уставился на говорящего древними глазами, в глубины которых невозможно было проникнуть. — Мы увидим, что между разумами сохранится кооперация. Мы увидим, что она расширяется и совершенствуется. Не называйте это Назначением. Называйте это здравым смыслом. В этом достаточно удовлетворения. Не забывайте, что я не могу лгать и не могу влиять на ваши мысли. Мы не будем искать доминирования или лидерства. Мы всегда будем рядом с помощью и советами, как те, кого называли визирями или министрами, которые когда-то давали советы отдельным личностям-правителям вашего старого мира. Полезная роль для состарившегося, мудрого народа, вроде нас. Или, если вы предпочтете, мы ничего не будем делать. Мы удалимся на наши родные планеты и предоставим вам действовать, как вы сочтете нужным.

— Но если вы избираете нашу помощь, мы сможем начать с того, что гарантируем вам помощь всех тех, кто был нашими союзниками: Мазвека и Ашрегана, Криголита и Т'ретури, Акарии и Сегуни, а также и Карата, и всех остальных. Могу обещать вам вот что: истинная трудность вашей задачи станет ясной только ПОСЛЕ того, как ваше верховенство перестанет оспариваться. Сейчас вы воюете и спорите друг с другом. Это происходит из-за того, что у вас нет альтернативного приложения вашей энергии. Лидерство в новом Узоре это изменит. Теперешний Узор только содействует вашим внутренним неурядицам.

— Узор не имеет к этому никакого отношения, — заспорил майор.

— Вот именно. Они не имеют к этому ровным счетом никакого отношения. Они не делают попыток вмешаться, чтобы помочь, потому что их устраивает, чтобы вы ослабили себя. Таким образом они могут держать вас под контролем. Они вас боятся. Не забывайте, что мы — не боимся. В том, что касается дружбы, уважение желательнее, чем страх. Разве вы не видите? Лидерство — это то, к чему шла вся ваша эволюция. Вы подходите для этой задачи. Теперь, когда мы потерпели поражение, вы — единственный народ, который может скрепить галактический союз настолько прочно, чтобы он был надежным, блюдя сотрудничество среди множества спорящих различий.

Никто из присутствующих не подозревал, что им придется решать вопросы чрезвычайной важности, когда они получили приглашение собраться в доме генерала Левона. Теперь они получили необъятный материал для размышлений.

— Я не привык издавать звуки, — сообщил слушателям амплитур. — Это утомительно, а я сказал уже достаточно. Но я попытаюсь ответить на все вопросы, которые у вас, возможно, еще остались. Задавая их, не забывайте, что я не в состоянии лгать.

— У вас действительно нет иных намерений, как только быть нашими советчиками? — осведомился один из подполковников.

— Больше никаких. Мы прежде всего стремимся к стабильности.

— Но ведь это не ваше Назначение — слияние разумов, о котором вы всегда твердили и за которое воевали, — донесся чей-то голос.

— Верно. Возможно, вы знаете, что мы славимся терпением. В отсутствии реальных альтернатив мы откажемся от активной агитации за Назначение, потому что мы твердо верим, что через тысячу лет, или две, или еще позднее, все расы придут к нашей точке зрения, увидят Вселенную так, как ее видим мы. Дополнительное ожидание вызывает сожаление, но, раз мы не сумели воевать, мы должны научиться ждать.

— Как мы можем вам доверять? Мы по-прежнему очень мало о вас знаем, — напомнил майор.

Творящий-Ищущий широко развел щупальца.

— Мы разоружены. Приезжайте и изучайте нас. Наши биологи готовы сотрудничать с вашими. Узнавайте все, что хотите. Ничего не будет скрыто, ничего не будет замолчено. Мы можем поучиться друг у друга. Поглубже узнайте наш ум, как мы попытались узнать ваш.

Это оказалось опасной оговоркой. Неспокойный ропот пронесся среди собравшихся, которые знали о случаях, имевших место во время войны, когда амплитуры препарировали захваченных в плен людей или пытались ими манипулировать. Пробудились неприятные воспоминания. Но Творящий-Ищущий говорил так открыто, что начальное волнение скоро улеглось. За исключением Аль-Хайкима, предки которого были подвергнуты именно таким экспериментам амплитуров. Однако на его лице совершенно не отразились обуревавшие его чувства. Как члену Ядра ему приходилось учиться сдерживать эмоции с самого раннего детства.

Левон обвел взглядом гостей.

— Чем мы рискуем? Если Творящий-Ищущий говорит правду, и его народ не хочет ничего, кроме того, чтобы мы заняли принадлежащее нам по праву место в ходе вещей, то что тут дурного? Мы, по крайней мере, сможем многому у них научиться. Лично я считаю, что в этом наша судьба. Это уж лучше, чем воевать и убивать друг друга.

— Я сейчас не прошу, чтобы вы безоговорочно меня поддержали. Я знаю, что здесь богатая почва для размышлений. Так что возвращайтесь к своим обязанностям, расходитесь по домам и подумайте над тем, что вы сегодня здесь видели и слышали. Единственное, о чем я прошу — не обсуждать этот вопрос с теми, кому нельзя доверять. На Даккаре и в других местах есть реакционные силы, которые не поймут того, что сегодня здесь происходило, и примут меры, чтобы помешать подобному в дальнейшем. Здесь решается наше будущее, леди и джентльмены. Не только наше с вами лично, но и всего нашего рода-племени. Я считаю, что наше общее предложение, — и он показал в сторону молчащего амплитура, — является хорошей моделью будущего развития человечества.

Он покровительственно улыбнулся.

— Я уверен, что каждый из вас будет осторожен и мудр. Иначе вас бы сегодня здесь не оказалось.

Творящий-Ищущий махнул щупальцем, призывая ко вниманию.

— Я на некоторое время останусь гостем генерала Левона. Если вам захочется еще поговорить со мной, я буду ждать таких встреч. Пожалуйста, воспользуйтесь моим присутствием. Я не голограмма, не внушение. Я считаю, что понимаю вас, вашу культуру и ваши потребности не хуже, чем любой из моих собратьев.

— Ксенопсихологи Узора изучали нас много десятилетий, и они нас не понимают, — сказал майор.

— Я сказал, что понимаю вас не хуже, чем любой из моих собратьев. — Творящий-Ищущий обратил в сторону говорящего оба глаза. В замкнутом пространстве комнаты эти выпученные органы зрения казались открытыми и неопасными. — Совершенно верно то, что никто полностью вас не понимает. Я буду благодарен, если вы будете продолжать мое образование.

Явно утомленный необходимостью говорить вслух и находиться в климатических условиях, далеко выходящих за пределы комфортности, амплитур повернулся к своему другучеловеку и пробормотал что-то на своем языке за пределами чувствительности транслятора. Аль-Хайким с интересом отметил, что генерал, похоже, его понимал. Было очевидно, что на данное предприятие генерал решился не поспешно всего несколько недель или месяцев тому назад.

— Я тоже буду готов ответить на вопросы, — сообщил им Левон. — Не смущайтесь, спрашивайте. Обсудите этот вопрос между собой.

Запечатанная дверь в конце комнаты открылась, позволив собравшимся разойтись.

По двое-трое офицеры поднялись и, оживленно переговариваясь, начали выходить. Левон наблюдал, как они расходятся, очень довольный собой. Он чувствовал, что все прошло хорошо, и Творящий-Ищущий это подтвердил.

Кто из них присоединится к нему? У скольких есть видение? Он тщательно отбирал их, и ему нужна была их поддержка. Он знал, что человек может вести к славному будущему, но он не может в одиночку проложить туда дорогу.

Энергично игнорируя наказы Левона, Аль-Хайким осторожно, но умело поспешил распространить отчет о встрече среди остальных членов скромного представительства Ядра на

Даккаре. Оттуда эти сведения как лично, так и путем субпространственной связи, были переданы членам на других мирах.

Реакция тех, чьих предков оперировали амплитуры, была, как и следовало ожидать, возмущенной, тем более, когда они узнали, что, по мнению Аль-Хайкима, сообщение Левона было хорошо принято слушателями. Начались яростные споры о том, как лучше изгнать заразу прежде, чем она распространится. И не то чтобы это было чем-то новым. Симптомы были хорошо известны по племенной истории человечества. Только обстоятельства изменились.

Очень опасно изменились. Ни один из будущих деспотов человечества не обладал услугами амплитуров в качестве советников.

Ссылаясь на неопытность, Аль-Хайким запросил помощь. Он был более чем готов помочь осуществить любой план действий, какой старейшие Ядра сочтут разумным, но чувствовал, что неспособен сам его создать.

Глава 19

Она знала, что он такое, прежде, чем узнала, кто он. Это было очевидно по тому, как ученые и студенты начали ретироваться, по возможности сохраняя достоинство, из района упругого анодированного фонтана.

Она отдыхала на одной из платформ, которые изящно выдавались в центральный бассейн. Ее необутые ступни и ноги свешивались в чуть подгазированную воду, и она наслаждалась прохладным туманом, падавшим на ее лицо и перья от струй фонтана. День выдался жаркий. Трехкрылые плиганы расселись на изогнутых полосках металла всех цветов радуги и тихо перебулькивались друг с другом, пристально вглядываясь в воду в поисках утонувших или плавающих жуков. Неспешно вращающиеся элементы фонтана ничуть не нарушали их равновесия.

В затонах бассейна пышно цвели гидронакалеты, и их зеленые листья в форме звезд покрывали большую часть водной поверхности. Пузырелицие мокеры со сверкающими глазами прятались среди них, соревнуясь с плиганами в ловле хитинового обеда. Естественно, размножаться позволялось только

тем, чей цвет кожи подходил к окаймлявшему бассейн бордюру.

В эту спокойную сценку ворвался некто, чье появление так обеспокоило всех, кроме одной эксцентричной ученой.

Странно было видеть его в штатском. Она знала, что это еще не говорит о том, что он вышел из армии. Многие полагали, что человек вообще никогда не может полностью выйти из армии.

Пока он приближался, она вглядывалась в его лицо. Хотя его сравнительно простой язык был доступен многим, среди вейсов не нашлось бы, наверное, и дюжины, кто мог бы сразу же и правильно истолковать выражение человеческого лица, не прибегая к специальным справочникам.

Взъерошившись как в прямом, так и в переносном смысле, те, кто отдыхал в обществе фонтана, продолжали отступать, стараясь держаться как можно дальше от приближающегося человека. Те, кто знали о Лалелеланг, бросали взгляды в ее сторону и шептали что-то своим спутникам, когда думали, что она на них не смотрит.

Поскольку она физически была неспособна улыбаться лицом, она улыбнулась про себя. Несомненно, человек прокладывал себе дорогу по территории университета так же легко, как древние корабли разрезали когда-то волны моря Понемемем.

Теперь он стоял уже совсем рядом, глядя на нее сквозь самозатемняющиеся очки, которые люди используют для того, чтобы уменьшить блеск солнца Махмахара. Их глаза были зорче, чем у вейсов, и соответственно более чувствительны. Ее лучшие друзья боязливо отпрянули бы от такого соседства. Она же просто приветственно приподняла кончик крыла.

— Давненько не виделись, Лалелеланг.

— Много лет. Полна ли ваша жизнь открытых небес, полковник Страат-иен?

Он передвинул мускулы лица, выражая привязанность. Как всегда, зрелище это ее заворожило.

— Тебе все еще трудно называть меня Неван.

— Я уже среди цивилизованного поведения вейсов. Я могу называть тебя, как тебе будет угодно, Неван, на стольких языках, сколько ты сможешь назвать.

— И несколько раз так и делала, как я помню.

Отодвинувшись к краю платформы, она прочертила кры-

лом направленную вниз дугу. Она не знала, вспомнит ли он этот жест, но он все же уселся рядом с ней. Его массивность больше не тревожила ее, но она вызывала удивленные замечания тех, кто не сбежал вообще от фонтана.

— Что-то действительно важное должно было привести тебя во второй раз так далеко, в мой родной мир.

Он обвел взглядом прилизанные лужайки, безупречно оформленные холмы и странные деревья и кустарники. Когда его взгляд случайно перехватывал направленные на него взгляды любопытствующих вейсов, те смущенно отводили глаза.

— То, что мне надо было сказать, нельзя было доверить даже защищенным подпространственным каналам связи. Возможно, мне понадобится твоя помощь.

Она заметно напряглась.

— Я оказала помощь непосредственно перед окончанием войны. Сейчас я в тишине и спокойствии занимаюсь моими исследованиями, как и положено в моем возрасте.

— А как насчет твоей великой гипотезы?

— Она тревожит меня меньше, чем когда-то.

Он кивнул.

— Некоторые считают, что, хотя война формально закончилась, дух ее не исчез.

Она поразмыслила над этим, потом вытащила ноги из бассейна.

— Давай пройдемся. Я слишком долго сидела на солнце.

Хохолок на ее голове кончался ниже середины его груди. Она провела его к желто-зеленому лугу, затененному широколиственными деревьями. Ярко раскрашенные маленькие орниторпы носились и плясали в воздухе над лугом, их полет ограничивало мягкое мерцание защитного поля. Небольшая группа студентов наблюдала за сидевшими в клетке арбореалами. Заметив вновь пришедших, они поспешно удалились.

Война давно закончилась. Ее жизнь шла спокойным, лишенным неожиданностей порядком. Но вот появился этот образ из трудного прошлого, этот человек, пробивший себе дорогу в ее реальность требованиями, масштаб которых она с трудом могла себе представить. Несомненно, он не осознает и наполовину своей бесцеремонности, но, в конце концов, чего можно ожидать от волосатого примата?

Складывая под собой ноги, она села под ближайшим деревом, спустив ступни в бассейн, представлявший собой миниатюрную копию того, который остался позади. Он устроился на причудливо уложенном стволе сломанного дерева.

— Я готова, — вздохнула она покорно. — Рассказывай.

Он объяснил все подробно, с негромким возбуждением.

Когда он замолчал, она молча смотрела на живую изгородь, вставшую фиолетово-зеленой стеной на дальнем конце луга. Она была усыпана поспевающими черными ягодами. Лалелеланг почувствовала, что не успеет собрать ни одной. Камушки у нее в желудке застучали.

В кустах поблизости вышедший на охоту паучник выплюнул малюсенький шарик клейкой слюны на пасущегося медоеда. Большой жук, запутавшийся и задавленный резинистой каплей понесся к земле, тщетно пытаясь освободить свои крылья. Успешно распорядившийся смесью сжатого воздуха и слизи, которая хранилась в специальной полости, паучник бросился на жертву, задавив ее своим полосатым обтекаемым телом.

Это ей что-то напомнило.

— Это наверняка должно быть частью официального завета Амплитура, — объяснял тем временем Страат-иен. — Этот Творящий-Ищущий не может действовать самостоятельно или от лица какой-то небольшой группы изменников. Эти существа лишены личной инициативы. — Лицо ее друга исказилось. — Это идет вразрез с Назначением. Амплитуры все делают по договоренности.

— Если твоя информация верна в частностях, — заявила она размеренно, — тогда мы стоим перед лицом ни чего иного, как совершенно новой и ранее не замеченной политики Амплитура. Истина достаточно рельефна. Они хотят помочь человечеству взять на себя управление Узором, а потом попытаются сами управлять человечеством. Они используют ваш народ, чтобы добиться того, чего сами не смогли.

— Они утверждают, что хотят только давать советы, — ответил он.

Она резко махнула крылом:

— Так же, как они советовали Криголиту, Мазвеку и другим прежним своим союзникам. — Голос ее зазвучал тише. — Надо отдать им должное. Это более тонко. Гораздо

более тонко. Очевидно, что они потратили немало усилий на то, чтобы узнать вас. Они намерены взывать не только к вашему послевоенному недовольству, но и к расовому тщеславию. — Глаза ее медленно расширились, когда она связала его присутствие со своей оценкой ситуации. — Но ты же не думаешь, что это может случиться?

Страат-иен вгляделся вдаль, лениво пытаясь опознать что-то свесившееся с тонкой ветки.

— Среди людей образованных — нет. Но что до широких масс людей, то, откровенно говоря, я не знаю. Мой народ всегда соблазняли мечты об абсолютной власти. Эта проблема возникала с самого зарождения нашей цивилизации. Рвущиеся к неограниченной власти люди, вроде генерала Левона, обычно приводят к ее обострению.

Под яркими полосками металлизированной ткани перья на ее груди вздымались в такт дыханию.

— Ты понимаешь, что если человечество прибегнет к насилию в попытке исправить несправедливость — реальную или вымышленную — Узор вынужден будет ответить тем же.

— Это не будет иметь значения. — Он не смотрел на нее. — У вас не будет никаких шансов на победу.

— Массуд вступит в войну, и с точки зрения тыловой и штабной работы вы будете в несравнимо худшем положении.

— Может быть, — признал он. — Но имея за собой помощь Амплитура и содействие многих из его прежних союзников... Не знаю. В лучшем случае, шансы будут примерно равны.

— И каков бы ни был исход, Амплитур укрепится, — горько сказала она.

— Они не могут управлять нами.

Она отрывисто щелкнула клювом.

— Они не хотят управлять вами. Они хотят организовать вас. Вы — прекрасные бойцы, но вы лишены утонченности в этих вопросах. Амплитур древен и мудр. Если возникнет необходимость, по-моему, они пойдут на то, чтобы физически пожертвовать несколькими из своих, чтобы вас убедить. Они сделают все, что необходимо, чтобы завоевать ваше доверие. Потом, через сто лет, или через тысячу, или еще позже окажется, что ваша раса следует их указаниям, сама не замечая того, что происходит. Потому что, если вы дадите им время, их инженеры-неврологи найдут способ нейтрализовать или обойти или еще как-то бороться с вашей странной умственной

защитой. Когда это произойдет, вы обнаружите, что они подсказывают вам, как подсказывали вейсам или массудам. Вы станете их янычарами, и независимость Разума во всей Галактике превратится всего лишь в воспоминание. И, что хуже всего, вы будете считать, что по-прежнему всем управляете.

— Так это рассматривает большинство из нас в Ядре, но не все. Пока. В такие моменты бывает полезно получить вклад не-людей.

— Поэтому ты явился ко мне.

Она наблюдала за темной тенью, грациозно движущейся в бассейне у ее ног, не думающей ни о чем, кроме пищи и размножения. В этот момент она почувствовала тяжелый груз целой жизни трудной работы и позавидовала пловцу и его удушающе простой жизни. Она не может быть так удачлива из-за проклятого дара разума.

— Я устала, Неван. Хотя будущее тревожит меня не меньше, я уже не так убеждена, что мне следует ради него утруждать себя. В моем неучастии оно не привлекает и не отталкивает меня. То, что меня окружает, доставляет мне удовольствие, а иногда мне даже попадается студент, который кажется по-настоящему заинтересованным моей социально неприемлемой областью исследований. Перспектива не-вейсовской деятельности меня угнетает.

— Почему ты решила, что я собираюсь попросить тебя о чем-то, кроме совета?

Она посмотрела на него в упор своими большими, круглыми синими глазами.

— А ты не собирался?

На этот раз глаза отвел человек.

— Ты должна нам помочь справиться с этой угрозой. Твое положение уникально, Лалелеланг. Ты знаешь о нас больше, чем любой другой из ныне живущих не-людей. Это делает твою точку зрения бесценной.

Она не ответила. Вместо этого она поискала глазами темного пловца в бассейне. Он исчез, спрятался где-то под гидронакалетами, куда она, несмотря на растущее беспокойство, не могла за ним последовать. Она издала долгую неумолчную трель. Небрежному слушателю-человеку она могла бы показаться прекрасной. Страат-иен знал, что она означает.

— Сколько важных или влиятельных людей уже совратил Амплитур?

Страат-иен не стал тратить время на благодарность.

— Насколько мы знаем — а, надо признаться, знания наши ограничены — этот Левон и несколько младших офицеров, которых ему удалось убедить, пока единственные.

— По крайней мере, это внушает надежду.

— Какой бы план мы в конце концов ни приняли, нам придется действовать крайне осторожно. Как ты знаешь, Лалелеланг, нам надо хранить нашу собственную тайну.

Она вспомнила простой жест людей и подтверждающе кивнула.

— Я знаю, что вы не можете убеждать других людей, — задумчиво проговорила она, — но не могли бы вы, в данном случае вполне подобающе, подсказать что-либо амплитуру, связанному с этим?

— Мы рассматриваем такой образ действий, но с ним связаны дополнительные опасности. Ум амплитуров похож на наш, но не идентичен. В отличие от нас, у них нет врожденной неврологической защиты от подсказывания. Но они чувствительны к вмешательству. Если мы попытаемся подсказать этому, чтобы он перестал заниматься тем, что он делает, и вернулся в свой мир, и попытка наша провалится, они узнают о существовании Ядра. Они смогут натравить на нас своих союзников вроде Левона.

— Я согласна с тем, что вы должны проявлять осторожность в действиях, но я имела в виду нечто другое, нежели попытку заставить их отказаться от своей цели совратить ваших людей.

Страат-иен был сбит с толку.

— Разве мы не этого хотим добиться?

— В конечном итоге — да. Но почему бы сначала ими не воспользоваться?

— Я не понял твоей идеи.

На мгновение он усомнился было, что Лалелеланг полностью владеет языком.

Она затрепетала ресницами.

— Вместо того чтобы просто заставить их прекратить свои попытки, почему бы не подсказать им, чтобы они объяснили настоящие мотивы, которые кроются за их неожиданным предложением помощи?

— Это может оказаться трудным, если они действительно, со своей точки зрения, говорят правду. Кроме того, мне сообщили, что среди поддерживающих их людей значительное

количество по-прежнему с подозрением относятся к реальным побуждениям Амплитура. Они подозревают, но им просто наплевать.

Лалелеланг не смогла скрыть потрясения.

— Я изучала многих из вашего рода, но мне по-прежнему трудно поверить, что среди них найдутся такие, кто так отчаянно жаждет властвовать над окружающими.

— Поверь мне, Лалелеланг, найдутся. Мне не доставляет удовольствия такое признание, но именно с этим мы здесь и сталкиваемся.

— Такие личности должны быть немедленно остановлены.

— Мы согласны. По-моему, твое предложение заставить амплитура признаться — очень разумно. Это не может повредить и, может быть, в достаточной мере встревожит двурушников из окружения Левона.

— Как ты предполагаешь действовать? — спросила она.

— К счастью, у нас с самого начала оказался человек внутри. Он считает, что сможет ввести туда оперативщика. Меня.

— Они не заподозрят?

Страат-иен пожал плечами.

— Я — старший офицер с богатым опытом боевых действий и не имеющий связей с разведкой. Как раз таких Левон стремится вербовать. На мой взгляд, это может быть осуществлено. Оказавшись там, я найду возможность подобраться к амплитуру. Когда я решу, что момент подходящий, я вдарю по нему такой убедительной подсказкой, какие только бывают. Что до твоего предложения, то оно удачное. Я познакомлю с ним Совет Ядра. Если они его одобрят, то тебе известно, какой подход мы попытаемся применить. — Он тепло улыбнулся. — Если я потом с тобой свяжусь, ты будешь знать, что все прошло удачно. Если же нет... — Он снова пожал плечами. — Всего не предугадаешь.

— Я хочу там находиться.

Он моргнул, повернувшись от ухоженного леса к изящной хрупкой фигурке, сидящей на краю бассейна.

— Что ты хочешь сказать — «там находиться»? Левон на Даккаре. Это мир, заселенный людьми. Более неприятный для вейса, чем поле битвы с разными расами.

— Зная мою опытность в этих вопросах, ты все еще позволяешь себе диктовать мне ограничения? Упражнения и

медитации, которые я когда-то разработала, чтобы справиться с пребыванием в сфере военных действий, значительно усовершенствованы. Я буду рассматривать такую поездку просто как дополнение к моему исследованию.

— Каждый раз, когда я с тобой встречаюсь, мне кажется, что я тебя знаю, и каждый раз тебе удается меня удивить.—Он поднялся на ноги, возвышаясь над нею, и ей пришлось подавить естественное желание отодвинуться от этой подавляющей, угрожающей махины. — Если бы ты была человеком...

— Пожалуйста, давний друг, мои внутренности и так не на месте от той перспективы, которая меня ожидает. Не усугубляй возмущения. — Она поднялась, встав рядом с ним, отвергнув предложенную руку. Бирюзовые глаза смотрели на него из-под ресниц, которые сегодня переливались зелеными красками. — Если мы ради развлечения будем размышлять над тем, что было бы, гораздо лучше вообразить тебя вейсом.

— Нет, спасибо. — Он безрезультатно попытался подавить улыбку. — От перьев мне хочется чихать. Почему, по-твоему, я все время морщу нос в твоем присутствии?

Она мягко щелкнула клювом.

— Все эти годы я об этом думала, и мне не пришло в голову спросить. Опираясь на мои знания выражений лица человека, я полагала, что так отражается твое отвращение к моему роду, которое я вежливо игнорировала.

— Нет, — пробормотал он. — Не отвращение. Может, при нашей первой встрече. Но с тех пор я не испытывал по отношению к тебе других чувств, кроме восхищения, достопочтенный ученый Лалелеланг.

— Это добро слышать, как ни запоздали эти слова. Пожалуйста, направляйся к зданию. Когда я нахожусь одновременно рядом с водой и человеком, мне не по себе.

Он поспешно пропустил ее, безоговорочно ей поверив. Он не знал, что это всего лишь предлог, чтобы избежать других мыслей, других эмоций.

Глава 20

Прошло полгода, прежде чем она получила известие, заставившее ее сесть на корабль.

Вечно спорящее правительство Даккара возглавляла не

одна личность, а две — президент и премьер. Такая двойная система пронизывала всю структуру администрации Даккара. Хотя это помогало предотвращать злоупотребления, эта система, к несчастью, имела тенденцию порождать постоянное несогласие и законотворческий застой.

В течение девяти лет президент — жесткая, но пользующаяся популярностью женщина по имени Хачида — доминировала над главой исполнительной власти Даккара. И семь из этих девяти лет премьер, Даниэль Косгрейв, пытался завоевать превосходство и терпел поражение. Ему все время недоставало нескольких голосов, чтобы отменить изданные ею законы, он все время на несколько шагов отставал от ее указов. Поначалу это его только злило. Потом наболело. Все это было очень характерно для даккарской политики.

Левон и его тайные намерения характерными не были.

Сначала начались звонки с предложением поддержать. Потом последовали предложения о предоставлении кредита, потом несколько «случайных» встреч, которые не привлекли особого внимания средств массовой информации. У Хачиды и многих других ведущих политических деятелей были свои собственные личные советники. Считалось, что Косгрейв тоже их имеет.

Эти встречи проводились частным порядком, и только два человека знали, что на них обсуждалось. Два человека и некто, кто человеком не был.

Будучи первоначально рекомендован лейтенантом и затем войдя в круг близких соратников Левона, Страат-иен без шума информировал старших представителей Ядра о том, что происходит. События не предвещали ничего хорошего. С помощью генерала Левона и «неизвестных» вторых лиц, похоже, Косгрейв готовился взять власть в администрации Даккара. Если ему удадутся его маневры, он, естественно, будет в глубоком долгу у своих самых сильных сторонников. Что еще хуже, похоже было, что он совершенно подпал под влияние Левона. Но это было опасным не само по себе, а в связи с «советами» личных «советников» Левона.

Неспокойный Даккар был особенно чувствителен к реакционным взглядам. Будучи миром влиятельным, он в прошлом регулярно делал попытки распространить влияние за свои пределы. Если Косгрейв захватит власть, то вполне вероятно, что он, как и его речистые и неустойчивые предшест-

венники, попытается распространить свои взгляды где-то еще. Члены Ядра испытывали все более глубокую озабоченность тем, какое направление принимают события.

По предложению Страат-иена Левон согласился, чтобы Лалелеланг присутствовала на одном из закрытых политических собраний в качестве наблюдателя. Доводом полковника было то, что ее присутствие повредить не может, а, возможно, послужит хорошей рекламой движению. Ее репутация крупнейшего исследователя поведения человека произвела на генерала должное впечатление, а в течение предыдущих месяцев он научился ценить советы полковника Са. Кроме того, Страат-иен уверил своего начальника, что позаботится о том, чтобы посетительница не увидела ничего, что ей не следует видеть.

Согласившись на это предложение, Левон моментально выбросил его из головы, которая вскоре наполнилась гораздо более важными вещами.

Собрание должно было состояться в личном уединенном владении Косгрейва — комплексе одно- и двухэтажных зданий, расположенных на лесистом горном склоне большого северного горного массива. Страат-иен нашел местность привлекательной и бодрящей, но Лалелеланг она угнетала. Несмотря на свое птичье прошлое, вейсы не любили высоту и крутизну.

Быстротекущая река многоголосо стекала в тесное ущелье, расположенное сразу за лужайками, красиво разбросанными среди даккарских вечнозеленых деревьев. Вдали вздымались большие вершины. Апартаменты располагались в паре длинных узких зданий, немного отстоящих от главного комплекса. Несколько комнат были отведены Лалелеланг. После недавней перестройки они стали гибкими, рассчитанными на удобства не-людей.

Поздоровавшись с только что приехавшей Лалелеланг, Страат-иен невесело заметил, что среди присутствующих гражданских лиц не меньше, чем военных. Это было дурным знаком, указывавшим на то, что Косгрейв и Левон становятся все более влиятельными в высших кругах Даккара.

— Левон умеет убеждать, — говорил Страат-иен, пока они шли по извивающейся среди скал тропинке. Далеко внизу река бежала своим пенным жалующимся путем к далекому

морю. — А Косгрейв тщеславен и честолюбив. Опасное сочетание.

— Значит, началось. — Лалелеланг завернулась в тонкие, но теплые многослойные одежды. Страат-иен находил альпийский климат приятно освежающим, но для Лалелеланг он был на грани стужи. — Я надеялась, что обстоятельства опровергнут мои теории.

— Может быть, это еще так и будет. — Выражение его лица оставалось печальным и непроницаемым.

Она остановилась, держась подальше от тонкого пластмассового ограждения. В начале ущелья громыхал водопад.

— Помнишь, как мы в прошлый раз стояли на краю пропасти?

Вид у него был удивленный. Потом он вдруг вспомнил и отвернулся, скользнув взглядом через каньон.

— Это было другое время. Я не был уверен в тебе. Я не был уверен очень во многом. — Он мгновение помолчал, потом снова взглянул на нее. — Ты это помнишь?

— Вполне естественно не забывать минуты, когда кто-то, кого считаешь другом, решает мучительный вопрос, убить тебя или нет. Я счастлива, что ты сделал такой выбор.

Ощущая, что чего-то не понял, он почувствовал сожаление, что так плохо знает сложный язык жестов и движений, которым пользуются вейсы.

— Ты относишься к этому предубежденно.

— Как сказал бы в этой ситуации гивистам, истинно. — Она снова стала серьезной. — Насколько опасен этот Косгрейв?

— Сам по себе — ничуть. Нам по-прежнему надо опасаться только Левона. Ему нужна более надежная политическая база, прежде чем он сможет предпринять открытые военные шаги. Если Косгрейву удастся вырвать законотворчество планетного правительства у президента, он ее получит. Даккар станет стартовой базой для вдохновленного Амплитуром совращения всех миров, населенных людьми.

Она еще дальше отступила от ограждения.

— Они, конечно, здесь.

— Да. По крайней мере, один из них. Говорят, что только что прибыл. Я его еще не видел, но, кажется, это тот самый, которого Левон представил в первый раз своим сторонникам: Творящий-Ищущий.

— Этого и следовало ожидать. Амплитуры тоже понимают, что значит специализация. — Ее голос превратился в задумчивое бормотание: — Амплитурский специалист по поведению человека. Интересно было бы обменяться мнениями с моим управляющим умами коллегой. Наши положения будут сходными, но не наши цели.

— Как ты держишься в окружении стольких людей? — заботливо спросил он.

— Не так уж страшно. Тут дополнительно присутствуют несколько гивистамов из технического персонала этого большого комплекса строений. Мы разговаривали. Есть здесь и несколько лепаров. Мы, конечно, не разговариваем, но, тем не менее, приятно бывает увидеть еще одно не-человеческое лицо. Кажется, я даже заметила единственного бир'римора. Так что я не чувствую себя в полной изоляции.

Страат-иен кивнул:

— Даккар — довольно космополитичный мир. Здесь свободно общаются расы Узора, несмотря на то, что население преимущественно люди.

— Вы так обильно размножаетесь. — Ее замечание не было окрашено осуждением. — Ты знаешь, где живет амплитур?

— Догадываюсь. Премьер Косгрейв явно счел необходимым предусмотреть условия, необходимые для других рас.

— Знаю. Мои комнаты очень удобны.

Он обвел вокруг рукой.

— Ты, наверное, находишь все это хаотичным по сравнению с домом. Вейсы предпочитают организовывать природу.

— Мы не организуем, — настаивала она. — Наша эстетика требует, чтобы мы помогали природе следовать наиболее податливыми путями.

— Не это ли Назначение Амплитура хочет сделать со всем разумом?

— Это — вопрос точки зрения. Несомненно, человек Левон имеет в виду жесткую организованность, а не гибкое направление.

Он казался озабоченным.

— А теперь мне предстоит попытаться «организовать» одного амплитура.

Они молчаливо шли по дорожке, и тут кто-то залаял высоко на дереве. К их ногам упал семенник. Он был размером с кулак, сужался до остренького кончика и напоминал Страат-

иену коричневую брюкву. Он не стал пытаться рассмотреть местного зверька, устроившего это падение.

— Когда ты собираешься попытаться? — спросила она наконец.

— Я еще не уверен. Если я попытаюсь это сделать будучи в группе людей, у меня будет какое-то прикрытие. Возможно, амплитуру не так легко будет выделить меня в толпе. С другой стороны, если я устрою конфронтацию с глазу на глаз и мероприятие провалится, и меня обнаружат, я все же смогу сохранить тайну моего таланта и существования Ядра, убив это создание.

От неожиданности она задрожала, представив себе то, о чем он говорил. И рассердилась на себя за такую реакцию: ведь она была свидетельницей стольких боев!

— Ты можешь и сам в свою очередь быть убитым, а Амплитур просто пришлет другого представителя на место первого. Твоя гибель лишит твоих коллег твоей ценной позиции в лагере противника и информации, которую она дает. Обнаружив таким образом одного изменника своему делу, Левон станет втрое осторожнее по отношению к новичкам.

— Тогда мне лучше позаботиться, чтобы меня не обнаружили.

Они свернули на боковую тропинку, ведущую прочь от каньона, обратно к тому, что здесь должно было считаться цивилизацией.

* * *

Утро казалось слишком хорошим для такого мероприятия. Ничего не говоря, Лалелеланг была полна молчаливой решимости помочь Страат-иену выпутаться, если его попытка провалится. Как она это устроит после того, как поднимется тревога, она не имела представления. Ей, заслуженному ученому-вейсу, были совершенно чужды интриги. Но именно по этой причине она могла быть уверена, что ее никогда не заподозрят в том, что она имеет отношение к происходящему.

Зная, что он будет пылко против, она не стала ничего говорить Страат-иену о своих намерениях. Вместо этого она энергично принялась составлять планы без его ведома. Направленный на секретность разум — единственное ее средство, поскольку, несмотря на весь свой жизненный опыт, она

по-прежнему, как и самый нежно лелеемый вейс, была совершенно неспособна применить орудие разрушения даже для самозащиты, не говоря уже о том, чтобы защитить кого-то еще. Несмотря на то, что думают о ней некоторые ее коллеги и студенты, она не совсем еще сумасшедшая. Только чуть-чуть.

Страат-иен велел ей дожидаться в своих комнатах в жилом помещении, модифицированном для приема гостей — не-людей. Комнаты, отведенные амплитуру, располагались в дальнем конце того же здания. Как только все будет позади, уверил он ее, он вернется и расскажет ей обо всем. Если после определенного промежутка времени он не придет, она вправе делать собственные выводы.

Ожидая, она изо всех сил старалась не сосредотачиваться на хронометре, принявшись за классифицирование неизбежных наблюдений, которые делала со времени приезда на Даккар. Запутанный антропологический вопрос смог поглотить ее внимание почти на час.

После этого она попробовала заняться своими переносными забавами, потом попыталась пробиться в библиотеку комплекса. Она перепробовала все, не считая того, чтобы уйти из помещения и прижаться слуховым отверстием к двери жилья амплитура.

Время еле ползло, пока шум в холле не освободил ее от наложенного на себя обета затворничества. Выйдя за дверь, она встретила одинокого, обеспокоенного самца-гивистама. У него было чуть парализованное выражение лица и знаки отличия инженера-энергетика. Хотя она обратилась к нему с успокаивающими интонациями на его родном языке, он не сразу отреагировал.

— Что случилось есть? Что за проблемы суть? — настаивала она. Она знала, что в этой ситуации человек схватил бы инженера и попытался бы вытрясти его из оцепенения. Для цивилизованного вейса такое поведение было немыслимым. Если бы человек это сделал, то только углубил бы паралич блестящечешуего гивистама.

Наконец двойные веки по очереди моргнули, и темные глаза-щелочки повернулись в ее сторону.

— Несчастный случай место имел, — сказал он, первоначально обдумав свое положение и слова, которые произнесет. Он перевел взгляд в дальний конец коридора. В то же время

Лалелеланг услышала отдаленный несмолкаемый вой. Это мог быть какой-то человеческий сигнал тревоги.

Переход был теперь пуст, но она была уверена, что только что слышала звук шагов многих людей, прошедших мимо ее двери — не узнать такой звук она не могла.

— Что за несчастный случай?

Не зная, стоять ему или бежать, гивистам решил ответить на вопрос.

— Важный гость там поселен был.

— Амплитур? — Ее собеседник издал характерный щелчок зубами, в котором она узнала простой знак подтверждения. — И что же с амплитуром?

Гивистам тщательно выговорил недоумевающий ответ:

— Он мертв есть. Убийством или боем.

— Детали. — Она шагнула с встала перед ним, так что он не мог бы уйти, не оттолкнув ее. Невейсовская смелость ее поступка удивила ее и совершенно поразила ее невольного информанта. — Детали сообщите мне!

То ли из-за ее поступка, то ли в результате растущего сознания насилия, заключавшегося в происшедшем, паралич гивистама стал усиливаться. Видел ли он на самом деле это предполагаемое насилие, или просто о нем слышал, не имело эмоциональной устойчивости. У него закоротило его способность функционировать.

Оставив инженера, начавшего чуть раскачиваться на плоских, обутых в сандалии ногах, она поспешно пошла по коридору. Перья ее трепетали от быстрых движений. Она знала, где располагалось помещение амплитура — Страат-иен показал ей. Но она не могла подобраться к двери: ей преградила дорогу толпа суетящихся людей. У некоторых было оружие. Все выглядели настороженными и взволнованными. Один на мгновение остановил на ней взгляд, но сразу же перевел глаза куда-то дальше. Он высматривал источник возможной угрозы — а даже дюжина ей подобных никакой угрозы не представляла бы.

Подойдя настолько близко, насколько могла решиться, она постаралась заглянуть за мятущуюся массу двуногих. Другие невооруженные люди толпились в распахнутых дверях. Откуда клубами вырывался влажный зловонный воздух.

Те, кто стоял в дверях, посторонились, пропуская пару людей с лицами, носившими озабоченное выражение. Их сопро-

вождал один гивистам — вернее, его увлекали за собой. Лалелеланг показалось, что на узкоглазом чешуекожем были знаки отличия мирового врача, но она не была уверена.

Она во второй раз удивила себя, подтолкнув ближайшего человека, чтобы привлечь его внимание.

— Что случилось? — спросила она на беглой безакцентной гуме, инстинктивно не отводя взгляда от включенного оружия двуного существа. — Что происходит?

Моложавая женщина ответила ей равнодушным взглядом.

— Не знаю. Драка какая-то или еще что. — Она бросила взгляд через плечо.

Лалелеланг настаивала:

— Вы должны знать хоть ЧТО-ТО.

Женщина-солдат, казалось, только теперь ее заметила.

— Вы очень здорово говорите на гуме. Даже для вейса.

— Это моя профессия. — Лалелеланг не спешила. — Я — ученый.

— А, угу. Тут я не вижу ничего, что могло бы заинтересовать ученого. У нас там несколько трупов. Знаете? Мертвые тела? Погибли насильственной смертью. От такого, если я не ошибаюсь, вейс шлепается в обморок. Лучше уходите и не мешайте нам этим заниматься.

Лалелеланг на обратила внимания на этот данный с добрыми намерениями, хотя и несколько свысока, ответ:

— Что за трупы?

Солдат заколебалась.

— Слушайте, я же не знаю, кто вы на самом деле. Это — ситуация режима безопасности. Я не знаю, что можно вам говорить.

— Я была здесь гостем последние дни. — Лалелеланг изо всех сил боролась с нетерпением. К счастью, женщина была абсолютно не в состоянии правильно истолковать чуть заметное трепетание ресниц и топорщащиеся нижние перышки. — Полагаю что комнаты, которые вы охраняете, были заняты неким амплитуром.

Женщина крепко держала свое оружие.

— Я ничего не могу на это сказать.

— Но отрицать это вы не будете? — Выражение лица солдата послужило достаточным подтверждением. — Как и то, что один из трупов — это амплитур?

Слабое подергивание мускулов лица показали, что Лалелеланг опять не ошиблась в своей догадке.

Она отступила на шаг, стараясь умерить дыхание. Стратегия доброго Невана провалилась. Какова бы ни была причина, но его попытка мысленной подсказки представителю Амплитура не удалась. Его, очевидно, разоблачили, способности его были обнаружены, и он был вынужден прибегнуть к насилию, чтобы защитить тайну таланта Ядра. Такое развитие событий было вполне правдоподобным. Действительно, Страат-иен более или менее точно описал его.

Чего она не могла понять, что женщина-охранник была более искушенной, чем казалось. Возможно, она поняла, что означает дрожь Лалелеланг. Как бы то ни было, она подманила к себе вейса, склонилась пониже и негромко сказала:

— Один из них — это точно тот осьминог. Другие — люди.

Лалелеланг чуть склонила голову к левому плечу, выражая удивление:

— Остальные?

— Старшие офицеры. Один из них — сам генерал Левон. Второй — какой-то полковник, я его не знаю.

Лалелеланг осталась на удивление спокойной. Вершина самоконтроля, подумала она. Или начало паралича.

— Вы уверены, что оба человека мертвы?

Женщина странно тряхнула головой. Ее коротко остриженные волосы были такими светлыми, что казались почти белыми.

— Так доложили. Прострелены насквозь. Похоже, все трое были вооружены.

Лалелеланг невольно опустила клюв.

— АМПЛИТУР был вооружен?

— Так говорится в предварительном заключении. — Брови воспной сошлись в напряженном мыслительном усилии. — Не знала, что они имеют при себе оружие. Я всегда слышала, что они ненавидят насилие. Конечно, мы еще очень мало знаем об этих осьминогах. Наверное, для каждого правила есть исключения.

— Нет ли каких-нибудь указаний на то, что вызвало эту трагедию?

— Насколько я слышала — нет. Кто-то, видно, крепко пролетел. — Она в смущении покачала головой. — Неприятная история. Очень неприятная. Я быстренько загля-

нула в комнату, прежде чем они ее запечатали. Ну и каша! Тела так искорежены, что невозможно сказать, кто стрелял первым или даже кто кого застрелил, не говоря уже о том, почему. Может, мы никогда и не узнаем.

— Хотя война окончилась уже много лет назад, серьезные разногласия между личностями — не такая уж редкость, — не очень уверенно проговорила Лалелеланг.

— А как же! Даккарцы любят решать вопросы по-старому. Я и сама участвовала в нескольких заварушках. Но ничего похожего на это.

— Вы говорите, все трое... сильно прострелены. Дал ли патолог предварительное заключение?

— Понятия не имею. Нет причин держать нас с ребятами в курсе таких вопросов. Но, поскольку я туда заглянула, я могу высказать свое мнение по одному вопросу.

— По какому?

Голос охранницы звучал холодно.

— Ни у одного из них нет ни шанса. Даже гививрач не сможет ничего сделать с этой кашей. Надо сначала иметь возможность разобрать, что у тебя за куски, и только потом пытаться их складывать обратно.

— Я уверена, что вы правы. — Лалелеланг настырно шагнула вперед. — Возможно, я смогу что-нибудь узнать, если меня туда впустят. Вы не возражаете, если я попытаюсь? В худшем случае те, кто командует, не разрешат мне войти.

Кости и мышцы, шевельнувшись, преградили ей дорогу.

— Извините... э-э... мадам, боюсь, что я не могу этого сделать. Я уверена, что вы — наш ученый гость и тому подобное, как вы говорите, но это не имеет значения. Мы получили приказ никого не пропускать внутрь. «Дипломатический инцидент», нарушение неприкосновенности жилища премьера... ну, вы понимаете.

Лалелеланг не стала пытаться настаивать дальше.

— Конечно. Можно мне, по крайней мере, стоять здесь и наблюдать?

Женщина пожала плечами.

— Не знаю, что вы увидите, но если вы никому не будете мешать, наверное, все о'кей. Нам было приказано никого не пропускать, а не очистить помещение.

— Ваша доброта делает вам честь, — пышно ответила Лалелеланг. Но ее собеседница не оценила тонкого выражения.

Она стояла, наблюдала и ждала. Через какое-то время на каталках вывезли два покрытых простынями тела. Их форма под окутывающими их покровами была по контуру более или менее человеческой. Безусловно, ни одно из них не принадлежало амплитуру.

Останки этого существа были вынесены позже, в виде многочисленных кусков. Из того немного, что смогла разглядеть Лалелеланг, она заключила, что услужливая охранница была в своей оценке еще слишком сдержанна.

Она оставалась там долго, очень сильно желая поговорить с врачом-гивистамом. Кроме того, она не испытывала желания идти куда-либо. Но гиви исчез вместе с останками амплитура и больше не вернулся, а охрана по-прежнему не разрешала ей пройти внутрь.

Потом она провела ужасный вечер в своих комнатах, остро ощущая свое одиночество в мире людей. Ее единственный друг совершенно невероятно пал жертвой фатальных последствий неудачного предприятия. Она почти ожидала, что вот-вот откроется ее собственная роль в случившемся, и рослые суроволицые люди-солдаты появятся и уведут ее для допроса, методы которого она изо всех сил старалась не представлять себе.

Но дверь ее оставалась молчаливой. Время шло, никто ее не тревожил, и она чувствовала себя увереннее. В конце концов, какую связь можно было бы обнаружить? Они со Страат-иеном проводили время вместе, но тщательно следили, чтобы это было не слишком заметно. В комплекс они приехали порознь. Не было причины кому-либо заподозрить о наличии незаметной связи между человеком и вейсом.

Однако она знала, что в конце концов ее допросят, хотя бы просто потому, что она с ним знакома.

Наступило следующее утро и прошло тихо. Атмосфера поместья оставалась опасно спокойной. Она вышла на прогулку только для того, чтобы ее видели, чтобы доказать, что она не таится и не прячется. До позднего вечера ее дверь была включена только однажды — но это был служащий-лепар, производящий обычную уборку. Он молча прибрал ее комнату и переменил материал гнездовья.

Новости о гибели генерала не появились в ежедневных средствах информации. Это было вполне понятно. Политику, вроде Косгрейва, ни к чему, чтобы стало известно, как нахо-

дящаяся у него в гостях важная персона погибла в перестрелке прямо в одной из его резиденций.

Никто не пришел разговаривать с ней. Насколько она понимала, она могла бы уехать в любое время. Именно это ей отчаянно хотелось сделать: броситься в ближайший космопорт и заказать проезд домой, а там снова углубиться в спокойствие жизни учебного заведения — и навсегда. Невероятно, необъяснимо, ее старый друг Страат-иен погиб. Посол Амплитура был мертв, и ненавидимого генерала Левона тоже не было в живых. Похоже было, что для нее навсегда останется тайной то, как они умерли. Ну что же. Она сделала, что могла. Пора было позаботиться о себе.

Смерть Страат-иена не была напрасной. Амплитуру придется заменить Творящего-Ищущего кем-то, кто не так хорошо разбирается в психологии людей. Будучи, как всегда, осторожными, они, возможно, отложат попытки сделать людей своими союзниками до того момента, когда сочтут, что лучше поняли, что именно на Даккаре пошло не так. Что же до смерти генерала Левона, то она должна серьезно помешать росту реакционных сил на Даккаре. Следует полагать, что Ядро воспользуется этим полным, хотя и омраченным, успехом.

Она поняла, что эта сверхсекретная организация, важным членом которой когда-то был Страат-иен, тоже в конце концов захочет ее допросить. Она вздохнула про себя. Как она ни будет пытаться отрешиться от того, что произошло, ей не уничтожить того, что, по мнению других, она может знать.

Внезапный ужас заставил встопорщиться ее спинные перья. А что если Амплитур тоже станет ее разыскивать? Простая подсказка одного из них — и она беспомощно расстанется со всеми своими тайнами.

Она заставила себя успокоиться. У них нет причины расспрашивать ее. Она — известный ученый — вейс. Да, она изучает поведение людей, но этим же занимается и ряд других не-людей. Да, она знала одного из двух погибших людей, но ведь ей знакомы и многие другие люди. Что касается амплитура, никто не связывает ее близко с происшествием прошлого вечера. Амплитуры, конечно, проницательны, но они не обладают даром предвидения.

* * *

И все-таки она постарается уклониться от встречи с ними. На Махмахаре это будет довольно просто.

Она сожалела о потере друга. На протяжении многих лет Страат-иен стал именно другом. Он не мог избежать своей Человечности. Она прощала это ему, когда он был жив, и не могла не сделать этого теперь, когда его не стало. Его смерть потрясла ее почти так же, хотя и не совсем, как если бы это была смерть такого же, как она, вейса.

Но раскаяние не помешало ей принять необходимые меры к тому, чтобы покинуть Даккар на другой день. Если кто-то из соратников Страат-иена захочет задать ей вопросы, им придется пойти тем же путем, каким в свое время пошел он, отправиться в ее родной мир. Там она сможет организовать встречу с ними достаточно скрытно и надежно.

Она смогла приготовить свое гнездо, не прислушиваясь стукнет ли дверь. Ее уверенность продолжала оправдываться. Никто не потревожил ее и не поинтересовался ее приготовлениями к отъезду. Она долго не ложилась спать, просматривая сообщения местных средств массовой информации и погрузившись затем в беспорядочные записи, которые сделала перед несчастьем.

Она совершенно расслабилась к тому времени, как потушила свет в квартире, и поэтому погрузилась сразу же в глубокий восстанавливающий силы сон. В середине ночи ее резко и неожиданно вырвал из этого сна настоятельный звук дверного звонка.

Глава 21

— Уходите прочь! — какая-то мысль слабо билась на периферии ее сознания. — Я сплю.

Слова, которые донеслись до нее через дверь, не были произнесены на земном языке, но она их все-таки поняла. Она не владела гортанным языком своего ночного гостя так же свободно, как языком воинственных двуногих или языком Гивистама, но все-таки, даже спросонок сумела разобраться.

— Я говорю «Уходите прочь!»

— Пожалуйста, — умолял голос. — Мне очень важно поговорить с вами.

Если учесть расовую принадлежность невидимого собе-

седника, эти его слова были совершенно бессмысленны. Озадаченная, и поскольку она уже почти совсем проснулась, она встала из ночного гнезда и подошла к двери. Встроенный сканер подтвердил, к какому виду принадлежит говорящий, но не рассеял ее недоумения.

Сканер показал ей взволнованного лепара, одетого в простую мешковатую форму, которую они носят на работе. Его хвост лежал неподвижно на полу вестибюля, влажно поблескивая в свете ночных ламп. На его перепончатой с толстыми пальцами руке болтался ящик с инструментами.

— Чего вы хотите?

— Вчера во время больших боев были повреждены некоторые устройства, контролирующие среду. Мониторы только начинают включаться. Если ремонт не будет произведен очень быстро, ни у кого в этом здании не будет возможности приспособить к своим вкусам тепло, холод или влажность. Это будет очень неудобно. Я знаю, время сейчас позднее, но если вы меня впустите, я смогу починить свободную линию в вашей комнате, которая позволит вам обеспечить себе комфортные условия, пока мы не заменим поврежденные элементы.

Она прислонилась к двери, неуверенная, стоит ли просыпаться окончательно или вернуться в гнездо.

— У меня здесь с условиями все в порядке. Идите и поработайте в чьей-нибудь еще комнате.

— Пожалуйста, — лицо лепара на сканере стало еще более печальным; плоское, с широким ртом, оно застыло в выражении плачевного идиотизма. — Мне приказано сделать обходные линии в каждой комнате. Если я этого не сделаю, то не могу уйти с работы. Я должен оставаться, пока меня каждый не впустит к себе, даже если придется ждать до рассвета. И в моем трудовом листке это будет отмечено, как некомплектность, а это означает, что мне не дадут спать и я буду...

— Достаточно! Не ной. Это не пристало разумному существу.

Она раздраженно распечатала вход и активировала внутреннее освещение комнаты.

Громоздкий самец-амфибия втащился внутрь, она позволила двери автоматически закрыться за ним. Молча он повернулся к скрытому пульту управления, расположенному на той же стене, что и дверь. Открыв свой ящик с инструмен-

тами, ее незваный гость начал осматривать его содержимое, как бы отыскивая какой-то определенный инструмент.

— Мне очень жаль, что я побеспокоил вас так поздно ночью, — пробухтел он.

— Неважно. Я уже проснулась.

Она была не одета и не накрашена, но при лепаре и не надо было быть другой, так как для него она выглядела просто толстой нелетающей птицей. Вид ее тела вызвал в нем те же чувства, что и содержание абстрактной скульптуры.

Ее посетитель настаивал, что долго не задержится, но, учитывая его первоначальную нерешительность и хорошо зная, как действуют лепары, она решила, что у нее будет много времени и она может с толком его использовать. Отойдя к экрану, поставленному почти у самого пола, она сложила под себя ноги и села перед ним. У нее хватало неразобранных записей и материалов, которые надо было привести в порядок.

Она совершенно забыла о лепаре, пока горловой голос не произнес у нее за спиной.

— Могу ли я попросить минуту вашего внимания?

— Что еще? — проворчала она, поворачиваясь от экрана.

И тут же она испытала самое большое потрясение в своей жизни. А это, учитывая все, что ей довелось испытать за последние годы, было оценкой высочайшего разряда.

Пистолет, который держал Лепар в своей темно-зеленой скользкой руке, был достаточно мал, чтобы казаться игрушечным, но, зная гораздо больше обычных вейсов о таких устройствах, она понимала всю его потенциальную опасность для жизни. Само присутствие его в руке не-массуда и не-землянина было поразительным. Увидеть, что его направлял на нее лепар, превосходило ее понимание.

Ошеломленная, она подняла глаза на его массивное лицо. Длинный беззубый рот был плотно сжат, широко расставленные черные глазки поблескивали в искусственном свете. Она была слишком потрясена, чтобы вымолвить хоть слово.

— Пожалуйста, не пугайтесь. — Тон его был вежливым и традиционно почтительным. Он жестикулировал пистолетом. — Я собираюсь воспользоваться им только в самых крайних обстоятельствах.

Если этим он хотел ее успокоить, то ему это не удалось.

— Ты — лепар. Твой народ был цивилизованным членом

Узора с самого его начала. Вы не считаетесь особенно хитрыми, но вы так же не склонны к насилию, как и мы. Я не понимаю этого, — кончиком крыла она указала на оружие. — Как можешь ты стоять здесь и угрожать мне этой штукой?

— Это сильное эмоциональное напряжение, но я справлюсь. Знайте, что если обстоятельства потребуют, я воспользуюсь им без колебаний.

Ее первоначальный страх медленно сменялся гневом. Это было просто возмутительно.

— Здесь и так пытаются разобраться с одним мертвым амплитуром и двумя мертвыми землянами. Не думаешь ли ты, что убийство еще и вейса объяснить будет довольно трудно?

— Да, наверное, трудно, — согласился лепар, — если я убью вас здесь и сейчас, вполне возможно, что меня обнаружат. И так как этого допустить нельзя, то, убив вас, мне придется убить себя. Этого будет достаточно, чтобы прекратить дальнейшие вопросы.

Она считала, что ее уже ничем не поразить, но она ошибалась.

— Так ты собираешься убить меня?

— Никто не хочет убивать вас, достопочтенная Ученая. Вы уникальная и ценная личность. Сведения, которые вы собрали и обобщили, о том, как взаимодействует Человечество с другими видами существ, входящих в Узор, оказались чрезвычайно полезны.

— Полезны? — повторила она. Ее ресницы дрогнули. — Но не вам же?

— Мы давно знакомимся с вашими архивными материалами, — на его загадочном лице, казалось, навсегда застыла идиотская ухмылка. Она напомнила себе, что это выражение лица было следствием строения костей черепа, а не результатом эмоций, — Лепары, работающие в вашем родном мире, всегда имеют к ним доступ.

Она не думала о наемных лепарах, которых часто видела выполнявшими длительные и главным образом грязные работы на территории университета. Тихие, вежливые, раболепные лепары. Как и большинство ее коллег, она никогда не обращала на них внимания. Умственно и эмоционально они подходили для таких занятий, а вейсы и другие разумные виды — нет. Лепары всегда охотно, даже рьяно, брались за такие работы, как будто понимая свою врожденную

ограниченность и получая тихое удовольствие от выполнения избранных занятий с полной отдачей.

Все это было как-то бессмысленно.

— Зачем, — ошеломленно поинтересовалась она, — зачем лепары знакомятся с моими материалами? Зачем лепарам вообще знакомиться с какими бы то ни было архивами? Моя работа сложна и не касается какого-то одного вида. У вас никто не сможет ее понять.

— Сможет. Конечно, с трудом. Но некоторые из нас обладают гораздо большей разумностью, чем принято считать. Им трудно, но они достаточно умны, чтобы разобраться в таких вещах.

— Это безумие какое-то, — пробормотала Лалелеланг вслух на своем шипящем языке. — Сумасшествие.

Транслятор, который он носил на своей почти несуществующей шее, уловил ее слова.

— А Вселенная вообще — сумасшедший дом. Мне говорили, что ее физические законы бессмысленны. Почему же те, что в ней живут, должны быть организованы более разумно?

Осознание происходящего приходило постепенно. Того, что в руке ее посетителя было абсолютно настоящее оружие, отсутствие других подозрительных заговорщиков и тот факт, что это существо, как бы это ни казалось невероятным, готово использовать это оружие против нее, подтверждало его слова.

Она сразу поняла, как умерли Амплитур и реакционный генерал Левон, но смерть ее друга — полковника Страат-иена до сих пор была совершенной тайной. Ни один амплитур не мог победить землянина в борьбе один на один, и никакой иной представитель любого вида. Даже чиринальдо или молитар. Но землян можно было иногда победить другими, не такими очевидными способами.

Например, полной внезапностью.

— Ты был там, — обвиняюще произнесла она.

Она поняла его простой недвусмысленный жест, понятный и под и над водой, которым он признал ее обвинение.

— Я был там.

Самым убедительным было то, что он не спросил: «где?»

— Как это случилось? Хоть это ты можешь мне рассказать?

Она не стала добавлять, что до нее постепенно дошло, что для нее, по-видимому, будущее ограничивается окончанием

этого разговора. Сопротивление было бесполезно. Вдобавок ко всему, она была совершенно ошеломлена нереальностью всей ситуации.

Ей пришло в голову, что, может быть, это какой-то отдельный случай, что стоящий перед ней лепар просто клинический психопат. Ведь неизбежным спутником разума была возможность его искажения. Сумасшествие встречалось во всех мирах Узора. Был ли именно этот лепар безумен? Она не знала. Занимаясь всем человечеством в целом, она ничем другим не интересовалась.

— Это было... неприятно, — невозмутимо объяснил лепар. — Во время конфронтации я находился на работе в квартире амплитура. Возможно, вам известно, что наши вкусы относительно условий жизни некоторым образом совпадают, так что мне было легко выполнять свою работу. А генералу-человеку было трудно. Во время разговора с амплитуром из его кожи сочилась вода с солью. Никто из них не обращал на меня внимания, и я на них не обращал до того момента, когда прибыл второй человек.

— Полковник Страат-Иен, — мягко прошептала она.

— Да. Я услышал, как он попросил разрешения войти. И поскольку он был связан с генералом Левоном, его впустили.

— Что произошло потом?

Лепар сумел показаться задумчивым.

— Это было необычно. Человек Страат-Иен сделал попытку умственно подавить амплитура. Хотя ни один из них не издал ни звука, было ясно, что они стремятся к какой-то цели. Напряжение было видно в их жестах и в выражении их лиц. Лицо человека претерпело целый ряд удивительных сокращений, в то время как амплитур яростно бил вокруг своими щупальцами. Еще меня изумила быстрая смена цвета их кожи.

Пока продолжалась эта молчаливая борьба, человек Левон становился все больше и больше встревоженным. Было очевидно, что он не понимает, что происходит, а ни один из ментальных борцов не стал тратить времени на то, чтобы ответить на его вопросы, хотя он дошел до крика.

— Минуточку, — Лалелеланг говорила очень осторожно. — Откуда ты узнал, что между ними идет ментальная или умственная борьба? Ты мог предположить, что пытается сделать амплитур, но, если только человек Страат-Иен не пытал-

ся воздействовать на тебя, ты никоим образом не мог узнать, что он активно вовлечен в противоборство с амплитуром.

— Вам полагается объяснение? Мы способны регистрировать такую активность.

— Да, да, знаю. Лелары так же поддаются внушению, как вейсы или гивистамы, или любые другие разумные виды за исключением человека. Но для этого амплитур должен внушать именно тебе. Ты сам по себе не можешь регистрировать проявлений этой их деятельности. А ты еще заявляешь, что человек пытался внушать что-то амплитуру, — она внимательно следила за своим захватчиком. — Это невозможно. Земляне могут только сопротивляться ментальному воздействию. Но они не могут, подобно амплитурам, внушать.

— Амплитуры не должны внушать нам. Хотя мы сами не обладаем талантом проецирования мысли, мы довольно легко замечаем, когда это делают другие, будь это амплитуры или представители той группы землян, которая называет себя Ядро.

— Ядро, — ее мысли путались. — Это еще что такое?

— Нам уже какое-то время известно о его существовании. Все вместе мы больше знаем о Человечестве, чем любой другой член Узора. Больше нас знают только некоторые специалисты, из которых вы являетесь одним из самых значительных.

Лепары были на корабли первого контакта. Лепары были среди первых, кто непосредственно говорил и общался с землянами, и мы до сих пор единственные, кто может эффективно взаимодействовать с ними под водой. Они интересовали нас с самого начала, как интересует нас все, что угрожает нашему спокойствию и нашей безопасности.

Какой-то гивистам первым столкнулся с одним из пленных землян, которых амплитуры пытались изменить таким образом, чтобы они выглядели и думали, как ашреганы, но боролись за дело Назначения со всей силой и сноровкой человека. Его спутником был лепар. Он сразу понял значение этой встречи и постарался устроить так, чтобы этого представителя привезли живым для дальнейшего изучения. Это и был тот лепар, который был готов прибегнуть к насилию, чтобы достичь своей цели.

А что касается Ядра, то оно было образовано потомками этих измененных Амплитуром детей, чьи уникальные способ-

ности, по-видимому, случайные и, по-видимому, наследуемые побочные последствия попыток гивистамов исправить хирургическим путем изменения, которые произвели генные инженеры Амплитура. Мы неотступно следили за деятельностью этих одаренных людей со времени встречи с человеком, называвшим себя Раньи-ааром.

Лалелеланг некоторое время молчала, тщательно обдумывая не только то, что рассказал лепар, но и то, о чем он не рассказал.

— Если вы без всяких помех делали это, значит, вы можете не только обнаруживать попытки внушения, но можете и, подобно людям, сопротивляться ему.

— Это так. Вашу проницательность не переоценили. Наша нервная система работает отлично от человеческой. У них активная защита, которая борется с попытками внушения или манипулирования. Наша — пассивна. Мы просто невнушаемы.

— Но ведь существует много документированных случаев, когда амплитуры манипулировали пленными лепарами.

— Эти пленные просто притворялись, что подчинились внушению врага. Это сделать нетрудно. Поскольку мы народ простой, нам и работу дают простую. Все знают, что угрозы мы не представляем. Признанное всеми невежество — на удивление эффективная защита. Иногда очень полезно, чтобы тебя считали идиотом. Ни один человек Ядра никогда не пытался воздействовать на нас. Не было причины. Мы не делаем почти ничего, связанного с ведением войны. По той же причине и Амплитур в основном не обращал на нас внимания. Если бы у нас был выбор, мы и дальше предпочли бы, чтобы нас игнорировали.

Ведь так глупо получилось. Все шло так хорошо. Война окончилась, наступил мир, и мой народ смог бы заняться собственным умственным развитием и всяким другим, не боясь разрушений и нарушений, которые приносит война. Мы знали о людях Ядра и приглядывали за ними, но они, казалось, были заняты только сохранением секрета своего существования, — он лениво жестикулировал рукой с пистолетом.

— Но не в первый раз мы недооценили хитроумие Амплитура. Кто бы мог подумать, что после своей капитуляции они постараются наладить контакты с реакционными землянами? Или что эти самые земляне, окажутся еще менее

цивилизованными, чем можно было предположить, и согласятся принять помощь и руководство Амплитура? Мы бы раньше отреагировали на эту угрозу, если бы не наша недостаточная сообразительность. Нам требуется много времени, чтобы ясно все себе представить. Например, ваши исследования. Они очень подробны и иногда в них трудно разобраться.

Смирившись с тем, что может произойти, Лалелеланг совершенно успокоилась.

— Если бы ко мне кто-нибудь пришел с подобными сетованиями, я бы сочла, что у него не все дома.

— Мы нечто большее, чем кажется, — сказал Лепар почти извиняющимся тоном. — Услужливы, почтительны и совершенно безобидны.

— Прости, но хотелось бы указать, что данный момент безобидным мне не кажется.

— Поверьте мне, когда я говорю, что искренне сожалею о том, как все это повернулось. Но обеспечить сохранность некоторых секретов необходимо.

— Что произошло... потом?

— Меня не заподозрят в их смерти. Как вы совершенно точно указали, никто даже и не подумает, будто лепар способен быть соучастником насилия. Мы будем продолжать следить за деятельностью Ядра, и, разумеется, этих реакционных землян и раболепных амплитуров. А если снова понадобится вмешаться, мы сделаем это по возможности незаметно и без применения силы.

— Вы, кажется, все продумали.

— У нас нет выбора, — признался лепар. — Мы недостаточно умны, чтобы противиться махинациям таких могучих видов, как люди или амплитуры. Так что нам надо действовать до того, как это начнут делать они.

— Раз вы мне все это рассказали, то ведь будет не страшно, если вы расскажете мне и о том, что произошло в жилище амплитура?

Лепар заколебался.

— Пожалуйста, — умоляла его Лалелеланг. — По меньшей мере, вы можете удовлетворить мое любопытство.

— Всегда истинный ученый. Ну, как хотите, — маленькие черные глазки стали даже косить от напряжения, так он старался все вспомнить. — Человек Страат-иен и амплитур мол-

ча боролись. Человек Левон понятия не имел о природе битвы, которая происходила у него на глазах. Я понимал, но изо всех сил делал вид, что не понимаю.

Ни человек Страат-иен, ни амплитур не могли добиться перевеса. Человек пробовал внушать, а амплитур — сопротивляться.

Не сумев добиться никакого отклика на свои обращения ни от человека, ни от амплитура, человек Левон испугался и собрался позвать на помощь. Увидев это, человек Страат-иен двинулся к нему, чтобы помешать этому. Последовала короткая схватка, в результате которой человек Страат-иен убил человека Левона.

Это мгновенное отвлечение внимания человека Страат-иена привело к тому, что амплитур попытался убежать. А так как он за это время узнал, что человек тоже способен внушать, было очевидно, что Страат-иен не может этого допустить. Ваш друг обратил оружие, которое только что использовал против своего соплеменника, против амплитура и несколько раз выстрелил. Оружие нанесло телу амплитура ужасающее ранение, изувечило его без всякой надежды на воскрешение.

Человек Страат-иен очень хитро вложил свое оружие в руку мертвого Человека, зажав его в пальцах покойника. Явно его намерением было сделать так, чтобы казалось, что генерал убил амплитура и затем убил себя. Чтобы это сработало, вашему другу необходимо было устранить одну последнюю неловкость.

Меня.

Я был свидетелем всего происходившего.

Лалелеланг в задумчивом молчании слушала мрачное повествование. Теперь она подняла глаза.

— Что же сделал человек Страат-иен?

— Он намеренно поместился между мной и дверью, объявив с искренним, по моему мнению, сожалением, что собирается меня убить. Он был очень удивлен, когда я достал из кармана своей куртки такое же оружие, как у него, и аккуратно выстрелил ему между глаз. Я не специалист по интерпретации выражения человеческих лиц, но уверен, что понял все правильно. Кроме того, в критический момент он проецировал свои мысли, и его недоумение четко в них отразилось. Так как он предусмотрительно вложил свое

оружие в руку генерала Левона, я вложил свое оружие в его руку.

На меня он произвел впечатление существа очень порядочного и неравнодушного для человека, так что я очень сожалел, что мне пришлось его убить.

Внутренние поверхности клюва Лалелеланг стали медленно тереться друг о друга.

— Я верю всему, что вы рассказали, за исключением того, что вы его убили. Ты, лепар, убил человека?

— Это было неизбежным. Было бы лучше оставить полковника Страат-иена в живых, и морально, и по другим причинам. Но есть и другие члены Ядра, моложе него, которые энергично будут стараться, чтобы их вид остался мирным и не поддался на хитрые посулы Амплитура.

Она, казалось, не слышала его последних слов.

— Ты хочешь, чтобы я действительно поверила, что ты застрелил человека? Великолепно тренированного солдата, каким был Неван Страат-иен?

— И раньше бывало, что это почти случалось, но до этого последнего случая не было необходимости доводить дело до конца.

— Лепары никогда не были бойцами.

— Это и сейчас так. Мы ненавидим насилие и плохо умеем его применять. Мы должны себя заставлять. Но когда достаточно напуганы, то можем сделать многое, ранее считавшееся невозможным, а так как мы все время чувствуем себя в опасности, мы легко пугаемся.

Она намеренно сделала жест в сторону крошечного пистолета.

— Ты направляешь его на меня, потому что я тебя пугаю?

— Да, — произнес лепар со зловещей убежденностью. — Знание, которым вы обладаете, ужасно меня пугает.

— Достаточно, чтобы убить меня? Совершить физическое насилие над другим разумным существом, которое не собирается причинять тебе никакого вреда?

Когда лепар не ответил на это, она попробовала подойти с другой стороны.

— Как ты объяснишь мою смерть от огнестрельного оружия? Не было ни боя, ни какого-то конфликта, я не человек, о котором могут подумать, что он предрасположен к ярости и безумию. Я просто мирный ученый.

Лепар поднял свое компактное оружие.

— Это не такое оружие, которым был убит полковник Страат-иен. Он не стреляет взрывчатыми или проникающими зарядами. Это инжектор сжатого газа, который не оставляет следов. Наркотик, который попадет вам в кровь, создаст впечатление, что ваше сердце отказало по естественным причинам. Хотя используемый яд легко расходится по всему организму и быстро распадается на неподдающиеся анализу компоненты, тщательный судебный анализ, осуществленный вскоре после смерти может, по всей вероятности, установить истинную ее причину. Поэтому я останусь здесь после того, как вы испустите дух, чтобы не допустить этого, чтобы ваше тело не потревожили до истечения заданного времени.

Известно, что у вейсов хрупкое здоровье. Ваша смерть не вызовет подозрений.

— А что произойдет потом? Умру я вместе с полковником Страат-иеном, генералом Левоном и представителем Амплитура. Что этим разрешится? Другие люди займут место Левона.

— Может быть, и нет. А если и так, то, возможно, не сразу. Человек Левон обладал необычным сочетанием энергии и уменья. Потерпев такое блистательное поражение с ним, Амплитур на какое-то время затихнет, анализируя его причины. Это даст время укрепиться миру и спокойствию.

Тем временем мы будем следить за политическими движениями среди реакционно настроенных людей и вести тихое наблюдение за деятельностью Ядра, а они будут продолжать присматривать за своими. Можно надеяться, что нам не скоро понадобится вмешиваться в дела других видов. Гивистам и О'о'йан Бир'римор и Массуд, Юла и С'ван и Человечество и все другие не будут знать о нас больше, чем знают сейчас или когда бы то ни было. Так лучше, потому что мы и сейчас, и всегда будем их всех бояться.

— Если вы действительно неуязвимы для ментального воздействия Амплитура, — сказала она, — вы могли бы стать великими бойцами за дело Узора. Вы могли драться бок о бок с массудами, пока мы не обнаружили людей.

— Я уже говорил вам, что мы не бойцы. Драки безумно пугают нас, как и все цивилизованные виды. Если мы не такие сообразительные, как другие, это не значит, что мы менее цивилизованны.

— Мне кажется, что вы не такие буйные, как пытаетесь прикинуться.

— Мы — тупые. Вне всякого сомнения. Но иногда некоторые из нас способны размышлять об этих материях. Кажется, что быть умным и быть сообразительным — разные вещи, и что быть очень умным — не такая уж хорошая вещь. Когда дело идет о том, чтобы выжить, инстинкт оказывается нужнее. Если вы тупой, это заставляет вас сосредотачиваться на том, что действительно важно, и жить в пределах своих возможностей.

Мы выполняем работы, которые другие виды презирают. В результате мы процветаем и размножаемся в структурных рамках Узора. В то время как другие виды ссорятся, и даже иногда воюют, на нас не обращают внимания. Между тем мы напряженно работаем, наблюдаем, прислушиваемся и стараемся стать немножко сообразительней. Когда вам дают самую черную работу, когда игнорируют вас, как будто вы вообще не существуете, у вас появляется великолепная возможность слушать и наблюдать. Мой народ давно понял, что очень трудно учиться, если все время не закрываешь рта.

Независимость лучше для развития. Так что Амплитуру нельзя позволить возродить Назначение. Мир — наилучшая структура для такого существования. Поэтому людям нельзя позволять возродить войну. Союз людей и Амплитура приведет к худшей возможной комбинации. А мы не настолько тупы, чтобы этого не видеть.

Лалелеланг почувствовала, что лепар начинает все больше нервничать и что у нее иссякли темы для разговора.

— А если, несмотря на все твои предосторожности, они найдут в моем теле смертельный яд, и тогда местные власти начнут искать убийцу?

Она использовала человеческий термин, так как ни в языке вейсов, ни лепаров эквивалентов этому не было.

— Это возможно. Никакое действие не гарантировано от риска. Однако и в таком маловероятном случае не думаю, что они заподозрят меня, низкого лепара, работника систем жизнеобеспечения. Даже если бы они сочли кого-либо из моего племени способным на такое действие, они не подумают, что у нас хватит на это смекалки.

Мне не хочется убивать вас, достопочтенная ученая Лалелеланг, так же, как мне не хотелось убивать человека Стра-

ат-иена. Но страх и неуверенность в безопасности — очень сильные побудительные причины для таких, как я. Они позволяют удивительно сконцентрировать даже ограниченные способности.

«Самое великое открытие писаной истории, — подумала она. — Более поразительное, чем существования Ядра среди генетически измененных людей, и оно должно умереть вместе с ней. И все из-за того, что ты всю себя посвятила исследованиям».

— Кроме того, мы можем помочь людям.

— Вы? — она была поражена. — Лепары?

— Человечеству известно, что изо всех разумных видов лепары для них наименее опасны. Они считают нас и умственно, и физически безобидными и ниже себя. Поэтому они прислушаются к нам, когда их природная подозрительность заставит их настороженно отнестись к таким мудрецам, как с'ваны. Это и есть секрет успешного общения с людьми. Бросьте им вызов, и они отнесутся к вам с подозрением, как и Гивистам, и Юла и все остальные. Признайте их главенство, и они станут навеки вашими защитниками и друзьями.

Вдобавок, мы единственные, кто может с ними плавать. В глубине души они помнят воду, из которой вышли на землю. Это особая тонкая связь, и она дает моему виду преимущество в общении с ними. Узор хочет, чтобы они продолжали воевать, но контролировать эту их способность. Мы хотим умерить ее для нашей собственной безопасности. Мы сможем это сделать.

— Тайно управляя ими...

— Предложив им ничем не грозящую дружбу. Теперь, когда опасность, которую представляла личность Левона, не существует, Ядро, наверное, сможет поступить соответственно с более мелкими людьми его взглядов. А нам останется иметь дело с немыми видами.

Она понимала, что ее время почти истекло.

— Не мне критиковать ваши методы или цели, но неужели действительно так необходимо убивать меня, чтобы их защитить? Измененные люди доверили мне тайну их Ядра. Неужели вы не можете так же довериться мне? Я могу быть полезна вам так же, как полезна им.

— Боюсь, что нет. Мы не настолько умны, как измененные люди. Вы можете обмануть нас так, что мы этого не поймем. Лучше не рисковать. Видите ли, достопочтенная ученая, вы

знаете правду о измененных людях, о намерениях Амплитура, о реакционных людях, а теперь и о нас. Вы аккумулировали в себе слишком много правд, и это сделало вас потенциально самой опасной личностью на свете.

Она моргнула длинными ресницами.

— За свою необычную жизнь меня называли по-всякому, но опасной — никогда.

— Вы себя глубоко недооцениваете. А мы нет.

— Я все-таки простой ученый, трудолюбивый искатель мудрости. И больше никем я быть не хочу. Просто знание, оно не может быть опасным само по себе.

Лепар задумчиво рассматривал ее.

— Может быть, вы тоже не очень сообразительная.

— Полагаю, что ты прав, иначе я не оказалась бы сейчас в таком положении. Я даже не сообразила спрятать мои записи в безопасном месте.

Она повернулась в сторону кубического сейфа рядом с гнездом. Он проследил за ее взглядом.

И в этот момент она ударила его рекордером.

Он был не слишком увесистым, но прочным. Крепко зажатый кончиком правого крыла и направленный с размаха, он был достаточно тяжел, чтобы удар оказался действенным. Собственно, само это движение было заимствовано из юпонистских танцев спаривания, но очень походило на человеческий прямой удар в боксе.

Когда удар коснулся лепара, она почувствовала резкую боль, которая отдалась во всем крыле и на мгновение парализовала его. Ошеломленному лепару пришлось хуже, удар разбил ему скулу и раздавил глаз. Он закачался на своих коротких ногах, толстый хвост рефлекторно напрягся, чтобы придать телу дополнительную устойчивость. Она увидела, как его пальцы судорожно сжались на инжекторе, и, услышав его мягкое «пых», закрыла глаза.

Но заряд пронесся с большой скоростью мимо ее груди и без вреда разбрызгался по стене за ней. В этот же момент она насела на лепара и ударом свалила его на пол. Это еще больше ошеломило его, и она смогла вырвать оружие из его ослабевших пальцев.

Хотя оно было предназначено для манипулирования костяными суставами, она сумела схватить это прочное устройство гибкими кончиками перьев левого крыла. Повторяя непрерыв-

но одну и ту же самую динамическую мантру контроля, она поднялась и встала, глядя вниз на своего нерадивого убийцу. Лепар, моргая, глядел на нее единственным здоровым глазом, его хвост судорожно подергивался из стороны в сторону.

— Как необычно. Если бы произошло не со мной, я бы не поверил, что такое возможно. Что вы будете делать теперь?

Она с удивлением поняла, что не знает. Все произошло так быстро, и теперь к ней рывком вернулась ясность мысли. Ее начало отчаянно трясти.

Заметив ее реакцию, лепар начал подниматься на ноги. Кровь залила левую сторону его лица, струйкой стекая на застывшую идиотски-печальную улыбку.

— Вы не можете убить меня. Вы ведь — вейс, а вейсы гордятся тем, что они самые цивилизованные из всех разумных видов, — перепончатая лапа потянулась к ней. — Отдайте оружие. Наркотик действует безболезненно. Давайте скорее покончим с этим ради нас обоих.

Она отшатнулась от него.

— Вы тоже считаетесь «цивилизованными».

— Да. Но мы слишком напуганы и простодушны, и можем это обойти. А вы, достигшие более высокого уровня цивилизации, — нет, — его рука по-прежнему была протянута к ней в ожидании, пальцы разжаты, черно-зеленая ладонь повернута вверх и открыта.

— Ты забыл одну вещь. Я провела годы, работая в теснейшем контакте с людьми. Мои друзья, моя семья, моя бригада и мои коллеги все время настаивали на том, что это оказало на меня необратимое вредное воздействие. Я всегда с ними спорила. Но теперь, боюсь, должна признать, что они были правы.

Лепар один раз моргнул оставшимся глазом, когда снова раздался выстрел маленького пистолета, как будто чихнуло в свой мех маленькое пушистое животное. Большой рот открылся еще шире, показав черную влажную глотку. Но никакого звука из нее не вылетело.

Он тяжело осел на пол.

— Меня правильно информировали. Боли нет, — она бесчувственно смотрела на него. — Какая жалость, что этот яд не избирателен для различных видов, — он медленно повалился на левый бок, — очень интересно.

Черный глаз неподвижно остановился на ней. Она хотела

отвернуться, убежать, но не могла. Как-то жутко зачарованная, она стояла, не в силах сдвинуться с места.

— Вы не должны были суметь это сделать, — она с трудом разбирала слабые клокочущие слова. — Это все осложнит, — голос упал до полной беззвучности.

После этого лепар больше ничего не сказал, и ни одна часть его тела не шевельнулась.

На трясущихся ногах она обошла вокруг тела, ни на секунду не сводя с него глаз, и села на край гнезда. На протяжении часа она смотрела на неподвижную фигуру на полу. Затем, чувствуя себя в достаточной безопасности, она положила обманчиво безобразное на вид оружие и прошла в гигиенический альков жилища. Наклонив лицо и шею над сливным устройством, она энергично опустошила в пастельный душистый приемник содержимое своего желудка.

Закончив, она умылась, как смогла, привела себя в порядок и начала упаковываться, не забыв захватить маленький смертельный пистолетик. Кто бы не нашел лепара, он решит, что тот умер от сердечной недостаточности. Обман, предназначенный скрыть истинную причину ее смерти, так же хорошо послужит ее несостоявшемуся убийце.

Лекарство, которое помогло ей длительное время работать в тесном контакте с людьми, позволило ей скрыть свою нервозность, когда она уезжала из поселения. Полностью поглощенные необъяснимыми смертями амплитура и двух высших офицеров, служащие не обратили никакого внимания на решение приезжего ученого-вейса отбыть на родину. Она сомневалась, что среди общей неразберихи кто-нибудь удосужится заметить смерть рабочего лепара, явно скончавшегося от естественных причин.

За исключением, пожалуй, другого испуганного простодушного лепара. Лепара, который наблюдает, прислушивается, мало говорит, но временами действует. Лепары, которые никогда сами по себе не овладели бы подпространством и которых другие, более технологически продвинувшиеся виды брали с собой с планеты на планету. Лепары таким путем сумели незаметно распространиться по всей длине и ширине Узора. Эти самые лепары.

«Как он там говорил? — задумалась она, находясь в безопасности своей каюты на борту подпространственного лайне-

ра, выходившего на орбиту, — что она, Лалелеланг, возможно самая опасная на свете личность?»

Лепар не сказал ни слова о предателе турлоге. Может ли быть, что амфибии не обнаружили это двурушничество? Может быть, действительно, только она одна знала все секреты?

Все, что она хотела, это чтобы ей предоставили возможность спокойно работать.

Когда корабль вошел в подпространство, она почувствовала горечь от воспоминаний о покойном Страат-иене, с которым делила трудности и вообще провела много времени вместе. Он был изумительным представителем своего вида. Теперь она навсегда лишилась возможности узнавать его уникальные мнения.

Неважно. Ее исследование обойдется без него.

Среди команды корабля было несколько лепаров. Она не спускала с них глаз, но ничто не указывало на то, что она привлекает на борту чье-нибудь необычное внимание.

Она сбежала с Даккара на хорошей скорости.

Будут ли они разыскивать ее теперь в ее родном мире? Лепары работали в главных городах, но к ним еще не привыкли. В настоящее время в университете никто из них не работал. На что они сейчас осмелятся? И насколько решительно? Может быть, они поищут союзников, чтобы убить ее? Может, какого-нибудь предателя массуда? Хотя человек — был бы более подходящим кандидатом. Разве не так они первоначально втянулись в войну? Как наемники? Это была бы ирония судьбы. Человек будет больше внедряться в ее окружение, чем устремленный убить лепар.

Она не была ни простушкой, ни беспомощной, а ее особый жизненный опыт многому ее научил. Были некоторые шаги, которые она могла бы предпринять для своей защиты.

Глава 22

Прошло много времени, но лепары ее не преследовали и не послали вместо себя какого-нибудь убийцу. Может быть, потому, что предпочитали действовать медленно, может быть, потому, что хотели быть абсолютно уверены в себе, прежде чем решатся на такой серьезный и потенциально неловкий шаг.

Конечно, они должны были удивиться и обеспокоиться обстоятельствами неожиданной смерти своего даккарского агента. Это указывало на опасный провал в их знаниях, который по их правилам им придется заполнить до начала действия.

Она готовилась, как могла.

Полгода прошло с ее бегства с Даккара до момента появления двух лепаров. Одетые, как специалисты по канализации, они пришли поработать в системах водоснабжения Университета и были великолепно к этому подготовлены. Хотя она прошла у них на виду, никто из них даже не посмотрел в ее сторону.

Хотя она не питала никаких иллюзий относительно их истинных намерений, она изменила свой обычный распорядок дня из-за невысказанной угрозы. Друзья отметили ее повышенную настороженность и напряженность. Она поблагодарила их за сочувствие, но отмахнулась без объяснений от их участия.

Пришедшие рабочие были очень осторожны. Только в конце сезона в дверь кабинета, где она однажды вечером заработалась допоздна, позвонили. Внешний вид экрана показал простодушное лицо одного из двух лепаров, его черные печальные глаза и обезоруживающе наивное выражение лица. В ответ на ее вопрос он объяснил, что работа привела их в этот конец здания, и для ее выполнения им надо на несколько минут получить доступ в ее кабинет.

«Что, — мудро решила она, — наверняка правда.»

— Мы не потревожим вас долго, — сказал он через дверное переговорное устройство. И это тоже наверняка было правдой.

Отказаться сотрудничать с ними привело бы только к неизбежной задержке и подтвердило бы то, что они и так подозревали. Она закончила общий каталог своих исследований, ее личная и профессиональная жизнь были приведены в порядок. В каком-то смысле она даже почувствовала облегчение. Она очень устала.

Кончиком крыла она нажала невидимую кнопку, и дверь, откатившись, впустила их.

Они были одеты в форму рабочих водяных служб. Длинные куртки, пояса с закрытыми карманами, раздувшимися от инструментов. Тот, который с ней разговаривал, молча прошел в раскачку мимо нее в,глубь кабинета, направляясь в

гигиенический отсек, расположенный в заднем алькове. Его спутник, войдя, остановился в небрежной позе около двери и с неподдельным интересом стал разглядывать глубинные образы, украшавшие стены.

— Мы ненадолго, — в его гортанном голосе не было ничего зловещего. — Нам надо проверить здесь давление и скорость потоков, прежде чем перейдем в следующий кабинет.

Лалелеланг не сдвинулась с верхушки рабочего гнезда за изящной скульптурной аркой своего рабочего места.

— Ничего подобного вы делать не собираетесь. Вы здесь, чтобы убить меня.

Плоское шишковатое лицо выглянуло из гигиенического алькова, цвета черного дерева глаза мерцали в искусственном свете. За ее единственным окном под восходящей луной проскользнул хищный глайдер Вастас, флюоресцентные бегущие огни ночного летуна блеснули в темноте изумрудным блеском. В кабинете была полная тишина, которую прервал лепар, стоявший в дверях.

— Какие странные вещи вы говорите, достопочтенная Ученая.

— Разве? Вы собираетесь убить меня, но сначала хотите убедиться. Насколько мне известно, лепары никогда ничего не делают, не убедившись вначале.

Очевидно, что вы хотите получить объяснение смерти вашего коллеги на Даккаре. Он пытался убить меня, а вместо этого сам оказался мертвым. В моей комнате. После чего я покинула Даккар довольно поспешно. Я знаю, что несмотря на ваше первоначальное недоверие, вы, в конце концов, остановитесь на мне как на причине этой смерти просто путем терпеливого расследования и исключения одной за другой всех иных возможностей. Меня только удивляет, что вы не прибыли сюда раньше.

Амфибия молча смотрела на нее. Первый лепар вышел из алькова с оружием в руке. Она отрешенно посмотрела на него. Сделанное полностью из неметаллических материалов, оно было больше того, каким ей не так давно угрожали на Даккаре. И форма его была не такой изящной. Его изготовители не делали никаких попыток скрыть его назначение. После того как вооруженный Лепар отошел в сторону, его спутник тоже достал из кармана куртки подобное устройство.

Какой метод они используют сейчас? Побольше яда, пули,

разрывные капсулы или еще что-то, чего она не может себе вообразить? Не то чтобы это имело значение.

— Ваш коллега хотел убить меня. Поэтому я убила его.

— Нам любопытно узнать, как вы это сделали? — второй лепар загородил запечатанную дверь своим телом. — Раньше считалось, что ни один вейс на это не способен.

— Я салютую вашему невежеству, — близость смерти вдохновила ее на похоронный юмор. — Возможно, я единственная в своем роде.

Держатель оружия испустил удовлетворенный горловой рык. Такой звук хорошо разносился и в воздухе, и под водой.

— Мы приветствуем ваше подтверждение. А теперь я вас убью, — дуло оружия поднялось.

— Вы не можете этого сделать.

— Неужели вы хотите закончить свою жизнь в спорах? — Но лепар у двери сделал знак и его спутник приостановился.

— Почему? — спросил он.

— Есть несколько причин. Неужели вы думаете, что я буду смирно ждать, ничего не предпринимая, пока ваши представители обнаружат меня в удобное для них время? Неужели вы думаете, что, защитив себя один раз, я не сделаю этого снова?

— С момента нашего прибытия на Махмахар мы много раз проверяли все здания и особенно эту комнату. Нет никаких доказательств присутствия в ней защитного механизма. Никаких сложных сигнальных устройств, никакого автоматического оружия, никаких включаемых голосом или движением передатчиков. Ничего. Кроме того, нас двое, и мы оба вооружены. То, что не сработало на Даккаре, здесь не повторится. Вы беззащитны.

— Нет, не беззащитна, — ее клюв щелкнул слегка и даже гребешок хохолка плоско лежал на затылке.

Двое ее незваных гостей обменялись взглядами.

— Вы утверждаете без доказательств, — заявил стоявший у двери.

— А вы слишком доверяетесь методичности и постепенности. С момента прибытия в мой мир вы следили за мной. Вы считаете, что я была неспособна следить за вами?

Она посмотрела направо. Дверь в заднем алькове-кладовке отворилась, и из нее вышел Человек-солдат.

Лепар, стоявший в дверях, медленно заморгал в несвойст-

венной их виду привычке, а его спутник невольно сделал шаг назад. Он осторожно опустил свое оружие. Это было разумно, потому что молодая женщина-землянка была полностью вооружена и могла выстрелить в любую секунду. Она возвышалась над ними.

— Ученая, что вы хотите, чтобы я сделала? — прорычала она на воинственном человеческом языке.

— Пока ничего, — Лалелеланг внимательно посмотрела на своих визитеров. — Это Пайла. Кроме того, что она полностью обученный боец, она еще член Ядра.

Человек Ядра Невен Страат-иен был много лет моим добрым и верным другом. Я очень мало знала о его семье и родных, но сочла, что должна, по меньшей мере, рассказать им обстоятельства его смерти. Кроме того, так как я узнала, что лепары могут сопротивляться их проверке, так же, как и проверке Амплитура, и что ваш народ знает о существовании Ядра и способности его членов к внушению, я сочла справедливым поделиться этой информацией с людьми Ядра, — она остановилась, чтобы они хорошенько осознали ее слова.

Когда она решила, что прошло достаточно времени, то стала продолжать дальше.

— Так что теперь вы знаете о них, они знают о вас, и все заинтересованные лица могут вести дела друг с другом на равных.

— Это безумие, — лепар у алькова пытался поделить свое внимание между сосредоточенной вейс и напряженно настороженной и очень внушительной женщиной. — Вы понимаете, что вы натворили. Эта одна убьет нас всех троих.

— Я говорила вам, что человек Страат-иен доверял мне. Добровольно сообщив все, что знала, его друзьям, я добилась их доверия тоже. Пайла доверяет мне. На вашем месте я не делала бы ничего, что бы ее взволновало. Она была очень близка со Страат-иеном.

Обратив внимание на то, что на шее Пайлы висел один из повсеместных трансляторов, лепар у двери переключил все свое внимание на нее.

— Разве ваш народ не видит опасности, которую представляет именно эта данная личность? Если мы уничтожим ее, то сохраним наши секреты между собой.

Землянка только улыбнулась. Оба лепара инстинктивно содрогнулись.

Лалелеланг постаралась успокоить их.

— Нет необходимости в нецивилизованных кровопролитиях. Ядро вам не доверяет, я знаю, что и вы уважаете, но не обязательно доверяете Ядру.

— Как можем мы им доверять? — вопросил страж у двери. — Они же люди.

— Именно так. Но они доверяют мне. Если вы окажете мне равное доверие, обе стороны получат нечто драгоценное: посредника.

— Вас? — Ее несостоявшийся убийца вытаращил глаза. — Вы же ученый, а не дипломат.

— Что такое дипломатия, как не жизненный опыт в сочетании со здравым смыслом? Я — вейс. У меня нет предпочтения ни к людям, ни к лепарам. Я лучше подготовлена к роли посредника, чем представитель любого из разумных видов. Не то чтобы мне этого хотелось. Я не хочу этого. Но мне это навязали, и я не вижу возможности отказаться. — Она перевела дыхание. — В жизни каждого бывают такие моменты, когда безумно хочется поступить нецивилизованно. Вот этому в людях я завидую, — и она издала грустный долгий свист.

Все, чего я хотела от жизни, это стать исследователем. Собирать знания и извлекать из них мудрость. Я не хочу играть роль дипломата, посредника или миротворца. Обстоятельства вынуждают меня заняться этим.

Лепар от двери обратился к Лалелеланг, настороженно поглядывая на солдата-землянку.

— Вы прикажете ей убить нас? — он не поднимал руки с оружием, понимая, что малейший намек на враждебный жест приведет к мгновенной смерти его и его товарища.

— Нет! — ярость ее ответа заставила вздрогнуть всех в комнате, включая ее защитницу. — У меня, именно у меня, уже есть на совести смерть одного разумного существа. И хотя я только защищала свою жизнь, но обнаружила, что это глубоко неприятное переживание, которое я никогда не забуду. Я не хочу пережить это еще раз. — Ее сильно накрашенные ресницы затрепетали.

Какие у вас цели? Вы хотите обеспечить свою безопасность и утаить свой секрет как от Узора, так и от прошлых противников. Вам не надо бояться Ядра людей, потому что вы можете устоять против их внушения. Если вы попытаетесь обнародовать их секрет, они обернутся против вас. Может

быть, вы сможете устоять против них умственно, но вам ведь все равно придется иметь дело с их другими, чисто человеческими способностями.

— Видите, — обратился первый лепар к Пайле, — она старается натравить нас друг на друга, чтобы сохранить себе жизнь.

— Мою жизнь? Мою жизнь? — мягко повторила она. — Ради сбора знаний я добровольно подвергала себя риску насильственной смерти в настоящим бою, чего не делал ни один лепар. Уже второй раз мне угрожает представитель вашего вида. Я на свою жизнь давно махнула рукой и не боюсь рисковать ею ради этого.

— Убей ее, — лепар у двери совершенно серьезно обратился к Пайле. — Она представляет собой лишнее осложнение. Мы сами друг с другом договоримся без опасного посредника. Пока она жива, она держит в своих руках угрозу разоблачения и нашего, и вашего видов.

Не сводя глаз с обоих амфибий, женщина снова повторила:

— Нет. Она полезна. Так считал полковник Страат-иен и мои начальники с этим согласны. Она вела себя с нами прямо и все четко организовала. — Пайла посмотрела на устраивающуюся на гнезде вейс одновременно с ужасом и восхищением. — Вы не все знаете. Она так все устроила, что теперь убить ее опаснее, чем оставить в живых.

— Я это делаю не из альтруизма, — холодно объяснила Лалелеланг. — Все проистекает из необходимости.

— Я этого не понимаю, — прошипел страж у двери. — Мы не так умны, и вы должны объяснить все медленно и подробно, чтобы мы все поняли.

Лалелеланг глубоко вздохнула.

— Не так уж это сложно. После того, как я... убила... вашего агента, я знала, что когда-нибудь вы захотите уничтожить меня, не по злобе, а в порядке предосторожности. Поэтому вслед за тем я позаботилась разместить некоторое количество высокоплотных бус-хранилищ, содержащих все известные мне сведения, все, что я узнала, в разных местах Узора. Названия этих миров останутся вам неизвестны.

Лепары слушали тихо, не говоря ни слова, не выказывая никаких чувств.

— Если я умру, то не пошлю в заданное время в эти Миры особые сообщения, и схемы, которые я заложила, будут

активированы. В результате бусины будут направлены ряду неподкупных организаций, известных независимым распространением информации. Секреты лепаров и Ядра станут известны всем.

Лепар у двери поинтересовался:

— А что будет, если вы умрете случайно? Если вас собьет вышедшая из-под контроля машина или вы скончаетесь от естественных причин?

— Рано или поздно я пошлю указание остановить этот процесс. Это, кстати, сотрет также память бус-хранилищ. У меня крепкое здоровье, — она посмотрела на лепара у двери самым не похожим на вейса манером, — и надеюсь, что таким оно и останется. А пока представителям и Ядра, и Лепара следует очень хорошо позаботиться, чтобы я не попала ни в какие непредвиденные несчастные случаи.

— Вы хотите, чтобы мы ничего не делали, совершенно никак не реагировали?

— У вас нет выбора.

— Нам это радости не доставляет, — прокомментировал происходящее второй лепар, — но должен выразить свое восхищение. Вы плюете на один из видов и часть второго.

— Я делаю это не потому, что так уж очарована жизнью, — ответила Лалелеланг. — Я прожила достаточно долго, чтобы получить отвращение к большей части того, что видела. Но сейчас дела обстоят лучше, чем когда я родилась. И если все поймут, что надо следить за действиями Амплитура, то как ни склонна природа людей к регрессу, они станут еще лучше. Еще раз повторяю, что мне все это не нравится. Я по натуре исследователь-одиночка, — она указала на женщину. — Народ Пайлы хочет того же, что и вы. Думаю, лепарам будет полезно иметь среди людей группу, которой они могли бы доверить. Думаю, что вы могли бы помочь друг другу, работать вместе. В любом случае теперь вам иначе нельзя.

Убийцы задумались. С известной долей храбрости (или глупости) лепар, стоявший у двери, произнес:

— Человеку доверять нельзя.

Ему ответила землянка-солдат:

— Вы можете доверять нам. Мы — другие. Мы не можем влезать в ваш мозг. Вы больше всех похожи на нас, даже больше, чем массуды.

Осторожно, рукой без оружия, первый лепар сделал жест в сторону Лалелеланг.

— Почему вы просто не внушите ей то, что надо? Прикажите ей открыть все подробности ее плана и местонахождение этих угрожающих нам бусин-хранилищ, чтобы мы могли их обезвредить.

Землянка ухмыльнулась.

— Полагаете, мы не подумали об этом сразу, когда она пришла к нам? Она заранее все так подготовила, что мы не могли и пальцем тронуть ее. Так же, как и вы сейчас. Внушение привело бы к тому, что включились бы специальные установленные ею охранительные системы. У нее сильная воля. Нет, вмешиваться в ее разум, играть с ним слишком рискованно. Кроме того, в том, что она предлагает, есть смысл. Мы действительно можем помочь друг другу. С моей точки зрения, как члена Ядра, очень трудно жить все время в изоляции, постоянно оглядываясь через плечо. Я это знаю, — она выразительно фыркнула. — Мы не покажем никому вашего, если вы им не покажете нашего.

— Кажется, я понимаю, что вы хотите сказать, во всяком случае, если не грамматику, то смысл, — ответил лепар. — Вы сохраните секрет нашей способности сопротивляться умственным воздействиям Ядра и Амплитура?

— Да. При условии, что вы сделаете то же самое относительно факта нашего существования. Вместе с вами мы могли бы управлять моим буйным народом и деятельностью Амплитура. У вас есть легкий доступ в разные места и к людям, в котором нам часто отказывают, и наоборот. Думаю, мы с вами окажемся хорошими друзьями и ценными союзниками, — она пожала плечами. — Все равно, это единственный возможный выход, который нам оставила канарейка.

Лепары переглянулись.

— У нас нет полномочий заключать такое соглашение.

— Я этого и не ждала. Передайте обо всем, что здесь произошло, своим начальникам. — Она кивнула в сторону внимательно слушающей Лалелеланг. — Вы знаете, как найти нас, а мы, безусловно, знаем, как найти вас.

— Теперь мы слагаем оружие. — Обе амфибии очень медленно вернули свои пистолеты в соответствующие карманы. Когда это было закончено, страж у двери неожиданно изоб-

разил нечто вроде странного короткого поклона в сторону Лалелеланг.

— Вы, Ученая, разработали великий план. Лично я никогда не ожидал такого от вейса, и особенно академика.

— Обобщения всегда опасны, — ответила она. — Я вам не всякий обычный вейс.

— По этому вопросу все присутствующие полностью с вами согласны, — горячо проговорил он.

— Мы, здесь присутствующие, отличаемся еще кое-чем, — продолжала она, — разве вы не заметили этого?

На этот раз не только лепары, но и Пайла вопросительно уставились на нее. — Мы, все четверо, женщины.

— Что из этого? — удивился второй лепар.

— Вдобавок к нашим профессиям у нас есть еще одна обязанность — продолжение рода. По крайней мере, у вас троих. Я слишком стара и иногда жалею об утраченных возможностях. Когда вы пойдете, каждая своим путем, я прошу вас подумать о будущем, которое вы готовите своим еще нерожденным потомкам. Сделайте все от вас зависящее, чтобы завещать им мирную и добрую цивилизацию разных народов.

— Кажется, у нас нет другого выхода, — сказала страж у двери.

— Это верно, — кивнула женщина-солдат. — Дело уже не в том, останется она жить или умрет. Она раздвинула рамки этой проблемы дальше. Она вывела себя за скобки.

— Понимаю вас, — лепар от двери посмотрела на женщину. — Скажите, это правда, что ваш вид никогда не знал счастья и удовлетворенности?

— Из нашей истории видно, что нет, — ответила Пайла. — Мы всегда умело и хорошо воевали, но никогда не могли толком управиться с миром. Может быть, вы нам что-нибудь подскажете. С учетом того, что нам еще надо приглядывать за этими спрутами.

Лепар поколебалась, потом шагнула вперед и протянула перепончатую слегка скользкую лапу.

— Хотя для нас это и не обязательно, но, по-моему, это принятый способ скреплять соглашение.

Улыбаясь, женщина-солдат сжала протянутые пальцы свободной рукой. В отличие от лепара, она свое оружие не отложила. Но этого и следовало ожидать от человека, так что лепары не обиделись.

Лалелеланг на мгновение крепко зажмурила глаза. Никто не умер, борьбы не произошло. Все прошло более или менее по плану.

— Так-то лучше. За всю жизнь изучения людей я узнала одно: мир — это не подарок. Он — скорее, здание, которое надо все время строить, и у этой стройки нет конца. А такое делать без помощи очень и очень трудно. Каждый из вас внесет свои различные таланты в процесс его созидания.

И лепары, и женщина, расставаясь, повернулись к ней.

— Что будет с вами? — спросила амфибия. — Вы будете помогать?

— В этом процессе нет. Я вам не нужна и мало что смогу сделать.

— Вы можете учить нас. Знанию людей. Вы знаете о них больше, чем другие не-люди.

Лалелеланг слегка загорелась.

— Может быть, может быть. Сейчас я очень устала. Посмотрим. А пока лепары всегда могут получить доступ к моим исследованиям. Ничего не скрою.

— Вы можете помочь нам понять их, — настаивала лепар. — Помните, что мы не очень сообразительны.

— Только если нет других предложений, — устало ответила Лалелеланг. — Только если у вас нет другого выбора.

— Понимаю. Мы постараемся не надоедать вам.

— Мы тоже, — сказала Пайла. Она снова повернулась к амфибии. — Я на Махмахаре не одна. Теперь, когда мы с вами установили сотрудничество, с вами хотели бы поговорить другие члены нашей организации.

Она вышла с лепарами вместе, активно пользуясь своими трансляторами.

Лалелеланг долго сидела на своем рабочем гнезде в стихшем кабинете, не двигаясь, мирно размышляя.

Спустя много времени она поднялась, выключила свет и вышла из здания, не смотря по сторонам и не особенно глядя под ноги. Если какому-то человеку или лепару придет в голову спрятаться в засаде с целью убить ее, что ж, она ничем не могла этому помешать.

Она прошла через мощеный широкий атриум, с его фонтанами и цветами, пустынный в этот час ночи, и вышла на сине-зеленое наружное покрытие. Цветущие ночью кремовые аларии наполняли воздух своим знойным ароматом. Случай-

ный студент или рабочий прошагал мимо в своих туманных развевающихся одеждах.

Через какое-то время она дошла до гребня круглого холла. Слева тщательно подрезанные кусты флоэля образовали низкую изгородь, цветущую и светящуюся. Крошечные сверкающие жучки, размером не больше солнечных пылинок, танцевали среди листвы.

Включив маленький плейер, который носила в боковом мешочке, она остановилась и, неподвижная, слушала музыку. Звук был включен тихо, только для себя. Этой музыке было несколько сотен лет и сочинил ее Человек. Особый Человек. Человек Первого контакта, Уильям Дьюлак.

Она вздымалась и опускалась, стремилась вперед и нерешительно медлила. «Очень похоже на само Человечество, — подумала она. — Все, что есть в этом виде раздражающего, изумляющего, восхищающего, ужасающего, замечательного, — все было в этой их музыке».

Постепенно первая какофония стала стихать и закончилось это произведение шепотом ветра в листве и приглушенным звуком струн. Завораживающие звуки. Может быть, настанет день и она поймет их до конца. Испустив легкую усталую трель, она изогнула шею назад с гибкостью, недоступной людям с их мощной мускулатурой и тяжелыми костями. Одинокая луна Махмахара уже села, и родные созвездия ее мира сверкали необыкновенно ярко.

Она не знала, что принесет будущее, но знала одно, она сделала все, что смогла. Люди Ядра и лепары будут сотрудничать, соблюдая и защищая взаимные интересы друг друга. И в свете этого достижения сохранение собственной жизни казалось несущественным побочным эффектом. В конце концов, одним вейсом больше, одним меньше...

Ее исследования надо было еще аннотировать, кодифицировать, сделать ссылки и разделы. Много еще надо было сделать.

«По крайней мере, все были вежливы друг с другом, — подумала она. — Даже человек. Хорошие манеры были безусловным вкладом вейсов в галактическую цивилизацию».

Она выпрямилась, потянулась, взъерошила и ослабила гребешок и шейные перья и затем спустилась с дальнего склона холма к линии внутреннего транспорта университета, которая

доставит ее домой. Она шла, уверенно сознавая, что помогла если не миру, то по, крайней мере, взаимопониманию.

В конце концов, именно для этого и нужны ученые.

СОДЕРЖАНИЕ

Фальшивое зеркало 3

Военные трофеи 289

Литературно-художественное издание

Фостер Алан Дин

МИРЫ ФОСТЕРА

Избранные произведения
В семи томах

Том 7

Редактор *Л. И. Моргун*
Ведущий переводчик *Г. И. Агафонов*
Корректор *Е. С. Пичугова*
Ответственный за выпуск *В. В. Тарасенко*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 22.03.94. Формат $84\times108^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 32,5. Уч.-изд. л. 33,1. Тираж 50 000 экз. Заказ 281.

Фирма «Ключ». Лицензия ЛР № 063119. 214016, Смоленск, ул. Победы, 20.

Издание выпущено при участии: производственно-коммерческого предприятия «Дилер». 220746, Минск, пр. Машерова, 23-415 и фирмы «Русич». 214016, Смоленск, ул. Соболева, 7.

Типография издательства «Белорусский Дом печати». 220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

FOSTER'S WORLDS